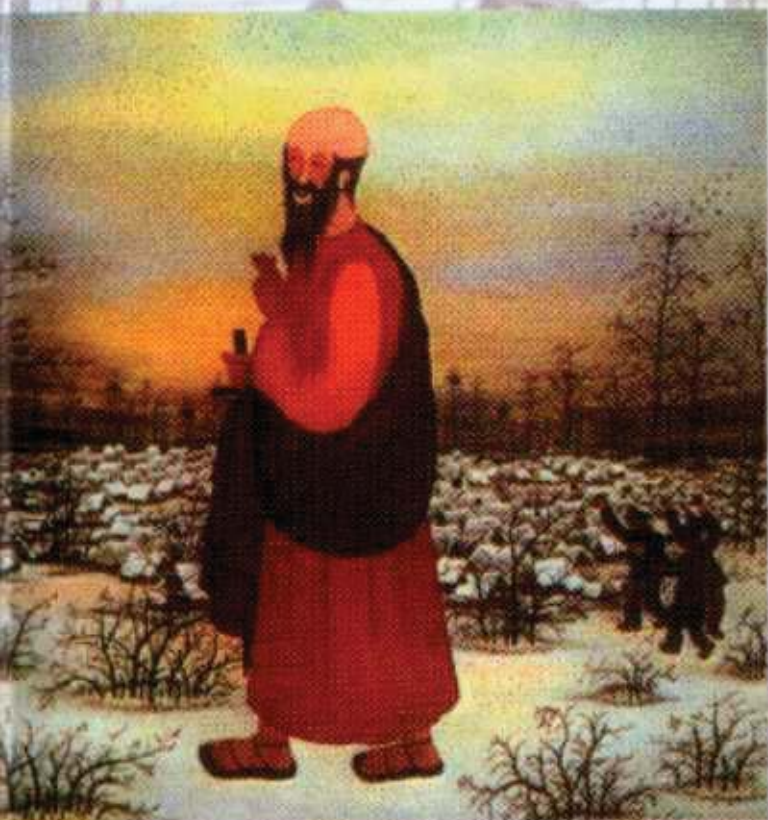

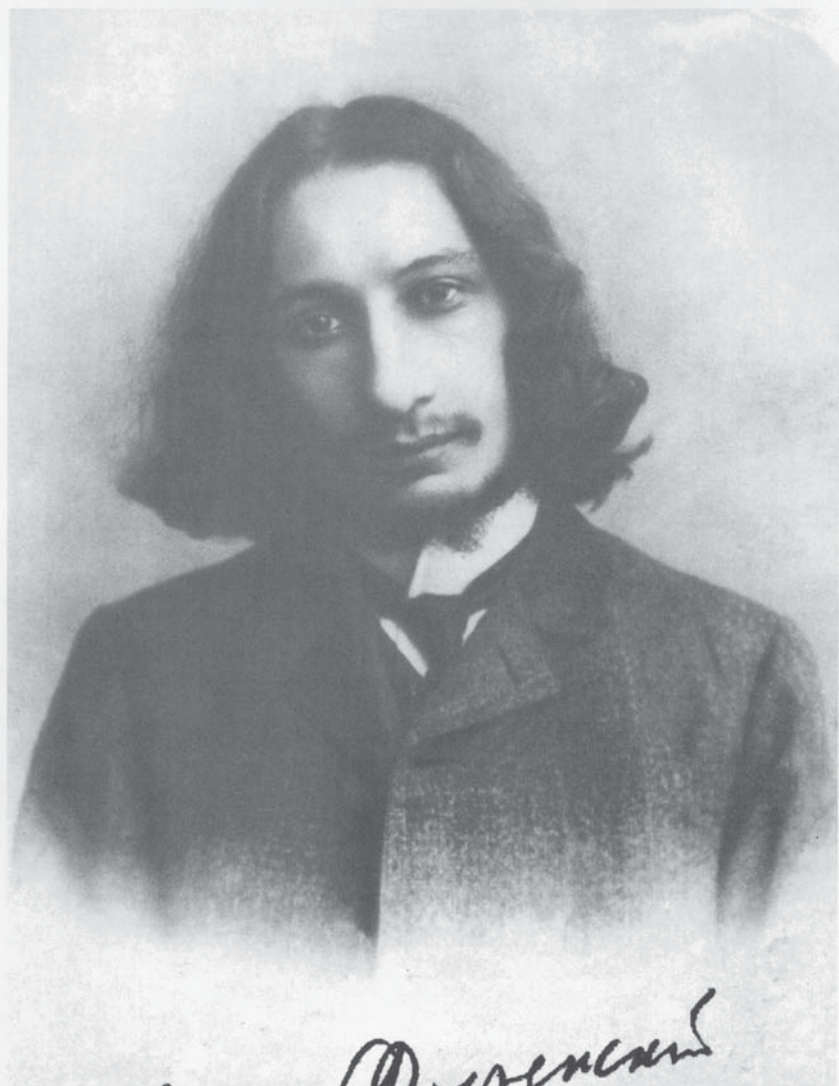

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Опыты литературные. Статьи. Переписка

STUDIA PHILOLOGICA

Robert Fitzgerald

S T U D I A P H I L O L O G I C A

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Опыты литературные.
Статьи. Переписка

*Составление,
подготовка текстов и комментариев
Е. В. Ивановой*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2Рус-3

Ф 73

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект 02-04-16065

Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект 96-04-06-089a

Ф 73 Павел Флоренский и символисты: Опыты литератур-
ные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент.
Е. В. Ивановой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. —
704 с., ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-185-3

Литературный дебют выдающегося русского мыслителя и богослова священника Павла Флоренского (1882—1937) состоялся на страницах символистских журналов «Новый путь» и «Весы». Короткий период сближения с кругом московских и петербургских символистов приходится на 1904—1905 годы, последний год учебы Флоренского на естественно-математическом отделении Московского университета и последовавшего затем поступления в Московскую Духовную Академию. В этот период он готовил к изданию сборник стихов «Ступени», объединяющий его ранние стихотворные опыты, а также работал над поэмой «Святой Владимир»; они впервые публикуются в настоящем томе, как и Записная тетрадь 1904—1905 годов, куда Флоренский заносил первые наброски оконченных и неоконченных статей. В разделе «Эпистолярная» собраны материалы его переписки с Андреем Белым, Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, Макс Волошиным, неотправленное письмо к Валерию Брюсову и теософке Е. Писаревой, а также письма к Флоренскому Сергея Соловьева и А. С. Петровского. Завершает том раздел «Dubia», где публикуется приписываемая Флоренскому статья «О Блоке» и ставится проблема ее атрибуции.

ББК 81.2Рус-3

Материалы из архива П. А. Флоренского предоставлены
Музеем священника Павла Флоренского
и его директором игуменом Андроником (Трубачевым).

Подбор иллюстраций М. А. Люкиной.

В оформлении переплета использована с любезного разрешения автора
картина хорватского художника Ивана Лацковича-Кроата
«Святой Павел».

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G+E+C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G+E+C GAD.

ISBN 5-94457-185-3

9 785944 571854 >

© Е. В. Иванова, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Научное издание

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Опыты литературные

Статьи

Переписка

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовлен В. Гусевым

Корректор А. Зарецкий, Л. Щеголева

Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Ю. Саевича

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 15.03.2004. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Georgia.
Усл. печ. л. 43. Заказ № 674.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. В. Иванова. Флоренский и символисты. Жизненные и творческие пересечения</i>	<i>7</i>
---	----------

Раздел I. Опыты литературные

О литературных опытах Флоренского (вступительная заметка).....	17
Ступени	24
В Вечной лазури	96
Стихотворения	125
Послания, шуточные стихи, незавершенное.....	161
Комментарии	179
Святой Владимир. Эсхатологическая мозаика. Поэма	213
Часть I. Иоанн Креститель	213
Часть II. Эсхатологическая мозаика	274
Комментарии	315
Записная тетрадь 1904—1905 гг.	323
Комментарии.....	414

Раздел II. Эпистолярия

Переписка с Андреем Белым.....	433
<i>Комментарии</i>	485
<i>В. А. Никитин, В. П. Купченко. К истории взаимоотношений</i> <i>отца Павла Флоренского и Максимилиана Волошина</i>	499
Переписка с Мережковскими.....	508
<i>Комментарии</i>	516
Неотправленное письмо Валерию Брюсову	518
<i>Комментарии</i>	533
Письма Сергея Соловьева	535
<i>Комментарии</i>	553
Приложение. «Скорпиак». Поэма.....	568
<i>Комментарии</i>	571
Письма А. С. Петровского	573
<i>Комментарии</i>	589

Раздел III. DUBIA

<i>Петроградский священник. О Блоке</i>	599
<i>Комментарии</i>	626
<i>Е. В. Иванова. Об атрибуции доклада «О Блоке»</i>	633
Указатель имен	662

Е. В. Иванова

ФЛОРЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Творческие и жизненные пересечения *

Отношения выдающегося русского мыслителя и ученого Павла Александровича Флоренского (1882—1937) и символистов составляют малоизученную область как его биографии, так и истории русского символизма, несмотря на ее очевидную важность. Между тем в 1925 году он признавался в воспоминаниях: «Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это вопрос — о символе. И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме *символа*»¹. Тема «Флоренский и теория символа» ждет своего изучения, она требует более полной публикации его обширного наследия. Настоящий том ставит своей задачей стать первым подступом к этой более широкой теме и пытается осветить самый ранний этап

* Составитель выражает благодарность игумену Андронику (Трубачеву) за всемерное содействие в подготовке тома, а также Л. И. Щеголевой за ценные замечания и уточнения к рукописи.

¹ *Флоренский Павел священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней.* М., 1992. С. 153.

формирования теории символа Флоренского, протекавший под знаком сближения с русским символизмом как литературным течением. Это сближение было недолгим, хронологически оно укладывается в рамки короткого периода конца 1903 — начала 1905 года, когда Флоренский печатался в символистских журналах, пытаясь обрести среди них союзников в мировоззренческих исканиях. Соприкосновение с символизмом сыграло исключительно важную роль в самоопределении Флоренского в период, когда созревало его решение поступить в Московскую духовную академию. При этом символизм не всегда выполнял роль духовного ориентира — в ряде случаев, напротив, как это будет видно из материалов тома, общение с некоторыми из символистов способствовало осознанию ложности избранных ими путей. Но и этот отрицательный опыт, вынесенный из общения с символистами, сослужил службу в период, когда Флоренский пытался найти жизненное призвание. Важно отметить в материалах настоящего тома и то, что за пределами этих хронологических рамок дружеские отношения между Флоренским и некоторыми из символистов продолжались. К сожалению, по соображениям объема, в том не вошла важная для настоящей темы переписка Флоренского и Вяч. Иванова², который среди символистов несомненно был наиболее близок Флоренскому как по кругу своих интересов, так и по творческому складу.

Первым символистом, с которым познакомился Флоренский в конце 1903 года, был Андрей Белый, творчество которого вызывало у него особый восторг. К этому времени русский символизм выдвинул на литературную арену два существенно отличавшихся по своим устремлениям поколения. Первое из них, так называемые «старшие символисты», или декаденты — Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Николай Минский, Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Валерий Брюсов, дебютировавшие в середине 1890-х годов, видели цель символизма в идейном обновлении литературы, в которой господствующее положение занимали шестидесятники, воспитанные на идеях революционных демократов. Старшие символисты в стихах и прозе проповедовали философские идеи Ницше и Шопенгауэра, пессимизм и индивидуализм. Особую позицию занимал Валерий Брюсов: на страницах издаваемого им в 1894—1995 годах альманаха «Русские

² Переписка Вяч. Иванова со священником Павлом Флоренским // Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 93—120.

символисты» он пропагандировал формальные достижения французских символистов, которым подражал и в собственных стихах.

К началу 1900-х годов период «бури и натиска» для этого поколения был позади, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский вступили в полосу так называемых религиозных исканий — они организовали в Петербурге Религиозно-философские собрания, где обсуждались идеи обновления исторической церкви. В ходе этих дискуссий, задуманных как собеседования представителей религиозно настроенной интеллигенции и духовенства, Мережковский и Гиппиус прикровенно пытались найти единомышленников в деле создания новой религии, религии Третьего завета.

Протоколы заседаний Религиозно-философских собраний, отдельные выступления, а также статьи, написанные по следам дискуссий, публиковались в созданном ими журнале «Новый путь» (1903—1904), на страницах которого появилась первая статья Флоренского. Валерий Брюсов в этот период, после кратковременного сотрудничества в журнале Мережковских «Новый путь», участвует в организации первого символистского издательства «Скорпион», начавшего издательскую деятельность в 1899 году, и при нем — символистского журнала «Весы» (1904—1909), главная задача которого заключалась в эстетической переориентации литературы, в проповеди новых эстетических и идейных веяний западноевропейской литературы и искусства. С обретением собственных журналов и издательства символизм занял прочную позицию в литературном процессе.

В начале 1900-х годов на литературную арену вышло второе поколение символистов, так называемые «младшие символисты» — Андрей Белый, Сергей Соловьев, Александр Блок, Вячеслав Иванов. Это поколение формировалось под влиянием идей и поэтического творчества философа Владимира Соловьева (1853—1900), отчего их называли еще «соловьевцами». Младшие символисты принесли в поэзию новые мистические настроения, ожидания близящегося преображения мира под влиянием Вечной Женственности, Софии Премудрости Божией, подлинным пророком которой был Владимир Соловьев («Знай же, Вечная Женственность ныне В теле нетленном на землю идет...»). Строки из стихотворения Владимира Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892):

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —

Только отблеск, только тени
От незримого очами...

стали для этого поколения своего рода манифестом, формулой тех ожиданий, которые они связывали с искусством. Поэзия превратилась для них в способ познания и постижения действительности: сквозь видимые покровы явлений она позволяла постичь их скрытую сущность, «незримую очами». От Владимира Соловьева пришла к этим поэтам вера в близящееся религиозное обновление мира, торжество в нем истины, добра и справедливости.

В эту среду и входит молодой Флоренский на последнем курсе естественно-математического отделения университета, среди символистов он пытается найти союзников в начатом им уже тогда «проложении путей к будущему цельному мировоззрению» (так позднее он определит собственную жизненную задачу в автореферате для биографического словаря³). Надо иметь в виду, что символисты делились еще на москвичей и петербуржцев, и Флоренский, живший в Москве, а позднее — в близлежащем Сергиевом Посаде, теснее соприкасался с московскими символистами — Андреем Белым, Сергеем Соловьевым, а позднее — с перебравшимся в Москву Вяч. Ивановым. Но все-таки география в этих контактах имела менее существенную роль, главное заключалось все-таки в родстве мировоззрений, восходящих к общему миру тех лет — Владимиру Соловьеву⁴.

Контакты со старшими символистами носили скорее организационный характер — Флоренский был связан с Мережковским и Гиппиус сотрудничеством в журнале «Новый путь» и с Брюсовым — сотрудничеством в журнале «Весы». По общей устремленности своих исканий Флоренский оказался ближе к поколению младших символистов, и с некоторыми из них — Андреем Белым, Сергеем Соловьевым, Вяч. Ивановым — завязавшиеся в начале 1900-х годов отношения продолжались и в последующие годы.

Тесное соприкосновение Флоренского с символизмом как литературным течением укладывается в узкие рамки 1903—1905 годов, когда им были созданы стихи, поэмы и некоторые статьи, ко-

³ Флоренский П. А. Собр. соч. Т. 1. С. 38.

⁴ Подробнее о влиянии идей Соловьева на Флоренского см.: Иванова Е. В. Владимир Соловьев в раннем творчестве Павла Флоренского // Соловьевский сборник: Материалы международной конференции «В. С. Соловьев и его философское наследие». 28—30 августа 2000. М., 2001. С. 114—119.

торые впервые в полном виде представлены в настоящем томе. Если исключить написанную в конце 20-х — начале 30-х годов поэму «Оро», Флоренский в дальнейшем не писал стихов, а написанные ранее считал случайными. Но поэтическое творчество начала 1900-х годов несомненно сыграло свою роль в поисках жанра для его главной дореволюционной книги «Столп и утверждение Истины» (1914). Напряженная патетика этой книги формировалась в ранних литературных опытах, и поэзия символистов, прежде всего — ранний сборник Андрея Белого «Золото в лазури», оказала на нее несомненное влияние. Сходную подготовительную роль играли и многие наброски для написанных и не-написанных статей в записных тетрадах, также создававшиеся в период общения с символистами, и использованные позднее в примечаниях к «Столпу». Около 1910 года близкий друг Флоренского Александр Ельчанинов записал: «Сегодня я перечитывал его письма 1903—1904 годов и поражаюсь, насколько он мало изменился в своих главных идеях. Кажется, он не отказался ни от чего, высказанного им тогда, а многие идеи, которые он сам, кажется, склонен считать за новые, были у него опять-таки семь лет назад»⁵. Это в равной степени может быть отнесено и к религиозным идеям и статьям Флоренского, и материалы впервые публикуемой в настоящем томе Записной тетради 1904—1905 годов дают необходимые иллюстрации к этой мысли Александра Ельчанинова: содержащиеся в ней наброски статей 1904—1905 годов показывают, что многие замыслы как завершенных, так и незавершенных работ этих лет формировались в тесном соприкосновении с идеями и темами символистов, не говоря о том, что многие из задуманных в эти годы статей первоначально предназначались для символистских журналов, — единственных, где идеи Флоренского могли встретить тогда сочувственный отклик.

Сближение Флоренского с символистами сыграло важную роль и в выборе дальнейшего жизненного поприща: как следует из публикуемых далее писем А. С. Петровского к Флоренскому и из его заметок в Записной тетради, благодаря Петровскому он впервые посетил Московскую духовную академию и принял решение поступать туда после окончания университета. Благодаря А. С. Петровскому и Андрею Белому, произошло знакомство с

⁵ Ельчанинов А. В. Записи // Вестник Российского Студенческого Христианского движения. 1984. № 4 (142). С. 76.

епископом Антонием (Флоренсовым), который стал на долгие годы духовным руководителем Флоренского.

Сближение с символистами, близкое соприкосновение с их внецерковными религиозными исканиями имело неожиданные последствия: оно помогло ему более решительно устремиться в сторону исторической церкви, где он окончательно нашел для себя «Столп и утверждение Истины», что окончательно проянилось уже в стенах Московской духовной академии. Среди символистов он не сумел обрести надежных союзников и в решении главной для него проблемы *символа*. Позднее в предисловии к неосуществленному словарю символов «*Symbolarium*» (1923) Флоренский достаточно скептически оценит их значение для создания теории символов, которая продолжала оставаться центральной для него самого: «...кроме заманчивых теорий и очень хороших литературных образов... символисты нам ничего не оставили»⁶. Однако ответственным этот вывод стал после длительного общения с символистами в лице наиболее ярких его представителей.

В статье «О типах возрастания» и в неоконченном ее продолжении «О возрастании типов» Флоренский выразил очень важную мысль о том, что становление каждой личности, «возрастание ее типа» есть глубоко индивидуальный процесс, являющийся исключительным свойством именно данной личности. История его контактов с символистами помогает понять, как, вращаясь в кругу тех же самых идей, Флоренский выходил на совершенно иную дорогу в соответствии с собственным «типом возрастания». Но это не мешает признавать, что в общении с символистами он многое почерпнул, получил иммунитет к некоторым распространенным среди символистов и среди религиозно настроенной интеллигенции заблуждениям. О значении этого опыта можно сказать словами философа Ивана Ильина: «Пушкин должен был быть и сыном своего века, и сыном своего поколения. Он должен был принять в себя все отрицательные черты, струи и тяготения своей эпохи, все опасности и соблазны русского интеллигентского мирозерцания — не для того, чтобы утвердить и оправдать их, а для того, чтобы одолеть их и показать русской интеллигенции, как их можно и должно побеждать»⁷.

⁶ Флоренский П. А. Собр. соч. Т. 2. М., 1996. С. 569.

⁷ Ильин И. А. Русские писатели, литература и искусство. Вашингтон, 1973. С. 20.

Важно отметить также, что и после того, как пути Флоренского и символистов разошлись, он продолжал высоко ценить их заслуги, о которых писал в июне 1935 года из заключения в Соловецком лагере своей дочери Ольге: «Значение их в истории было очень большое, гораздо большее, чем обычно думают, и притом троякое: в областях общественной, языковой и собственно поэтической. В общественной: символисты сбросили с пьедестала авторитеты, против которых никто не смел сказать слова, и те, кто пытался идти своим путем, делал это с извинениями, причем все-таки изгонялся из рядов захватившей общественное мнение интеллигенции. (...) В области языковой: (...) Символисты преувеличенным жестом указали на творческую стихию речи, на воссоздание слова в каждом единичном акте говорения, на законность словотворчества, поскольку оно формируется согласно общему стилю и природе данного языка. (...) Наконец, в области собственно поэтической символисты открыли русскому обществу поэзию как таковую»⁸.

Задачи, которые он ставил перед собственной духовной деятельностью, не укладывались в рамки литературных задач — они носили общемировоззренческий характер и затрагивали глобальные проблемы судеб культуры в XX веке. Но символизм так и остался единственным литературным течением, которое он ощущал родственным, и потому он сочувственно отзывался об общем направлении исканий его представителей. Вот почему так важно для нас восстановить правильную историко-литературную перспективу их отношений, что мы и пытались отразить в составе настоящего тома.

Открывают том литературные опыты Флоренского, большинство из которых создавалось либо готовилось к печати в период общения с символистами. Почти все из написанного в эти годы осталось неопубликованным. Прежде всего — сборник стихов «Ступени», затем — поэма «Святой Владимир», ряд набросков в Записной тетради; в определенном смысле перед нами — неизвестная ранее страница творческой деятельности Флоренского.

В разделе «Эпистолярная» собраны материалы переписки с символистами, в первую очередь — с Андреем Белым, Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, письмо к Валерию Брюсову, а также письма Сергея Соловьева и Алексея Сергеевича Петровского,

⁸ Цитируется по публикации П. В. Флоренского в сборнике: Контекст-91. М., 1991. С. 93—94.

которые могут служить комментариями и дополнениями к разделу «Опыты литературные», поскольку в переписке отражены многолетние и важные для обеих сторон личные контакты с символистами. Относящиеся к более позднему времени контакты с Максимилианом Волошиным содержат важный дополнительный штрих.

Перейдя из идейно-творческих контактов в разряд личных, отношения Флоренского с некоторыми из символистов сохраняли свое значение и в дальнейшем. Вместо соратников Флоренский нашел среди символистов некоторое число художников, знакомство с которыми поддерживалось с разной интенсивностью и в последующие годы.

Основная задача настоящего тома состоит в том, чтобы объединить все выявленные на сегодняшний день материалы по теме «Флоренский и символисты», и в рамках этого замысла важное значение имеет завершающий том раздел «Dubia», где впервые с полной сверкой цитат публикуется приписываемая Флоренскому статья «О Блоке», а также статьи Е. В. Ивановой «Об атрибуции доклада “О Блоке”», где высказываются соображения о ее авторстве. Именно уверенность в том, что концептуальная часть этой статьи принадлежит Флоренскому, позволило составителю рассматривать статью «О Блоке» как своеобразный постскрипtum к теме «Флоренский и символисты», а том в целом — как попытку осветить эту тему на основе неопубликованных материалов из архива Флоренского.

Все опубликованное в томе материалы предоставлены хранителем Архива священника П. А. Флоренского игуменом Андроником (Трубачевым). Подбор иллюстраций осуществлен сотрудницей музея священника П. А. Флоренского — М. А. Люксиной. Материалы подготовлены к печати, кроме особо оговоренных случаев, Е. В. Ивановой.

Условные сокращения, принятые в комментариях

Детям моим — *Священник Павел Флоренский*. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., Московский рабочий. 1992.

Собр. соч. <с указанием номера тома> — *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., Мысль. 1994; Т. 2. М., Мысль, 1996.

АФ (Архив Флоренского) — собрание материалов рукописного наследия Флоренского, хранящееся в Музее священника Павла Флоренского (Москва).

Раздел I

**ОПЫТЫ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ**

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ОПЫТАХ ФЛОРЕНСКОГО

(вступительная заметка)

Стихотворное наследие Флоренского неоднородно по своему составу: в нем есть проблески настоящей поэзии, но есть и просто рифмованные строки. Однако значение этих стихов определяется не их художественным достоинством, а той ролью, которую они сыграли в его творческом самоопределении. В 1921 году на единственном сборнике своих изданных стихов «В Вечной лазури» Флоренский сделал надпись: «Одно время, в дни своей юности, вместо дневника я писал стихи. Они всегда были стихами “на случай” и имели выразить мои личные переживания в связи с совершенно определенными событиями. Сами собою слагались в душе страницы стихотворного дневника, и я не хотел и не считал себя вправе исправлять их, делая из них нечто литературное. Поэтому прошу отнестись к этим немногим напечатанным, только для близких друзей, страничкам моего дневника именно как к страницам дневника, имеющим *только* автобиографическое, но отнюдь не поэтическое, значение, на каковое они не притязали и каковое по самой сути дела им чуждо»¹. Под тем же углом зрения

¹ Цитируется по авторской копии надписи под заглавием: «На книжке моих стихов “В Вечной лазури”, подаренной Елене Митрофановне Григоровой» с датой: 1921.VI. 8 Казанская, Москва – АФ.

предлагал Флоренский рассматривать свои опубликованные стихи еще в одной надписи на том же сборнике: «Константину Сергеевичу Родионову как своего рода дневник или исповедь»². Нечто подобное мы находим и в опубликованном посвящении С. С. Троицкому на сборнике «В Вечной лазури»: «С любовью посвящаю эти страницы дневника...». Таким образом, Флоренский рассматривал свои стихи как попытки образными средствами закрепить некоторые состояния души. Свой первый неопубликованный сборник Флоренский назвал «Ступени», и по замыслу автора он отражал его путь возрастания, путь навстречу Богу.

В воспоминаниях Флоренский писал об изначально мистических основах собственного мировосприятия: «Покровами вещества не скрывались в моем сознании, а раскрывались духовные сущности; а без этих покровов духовные сущности были бы незримы, не по слабости человеческого зрения, а потому, что там нечего зреть...»³. На протяжении всей жизни творческая деятельность была для него одним из средств познания духовной сущности явлений, и стихи не были исключением в этом ряду, преследуя те же самые задачи, о которых Флоренский писал: «...если говорить о первичной интуиции, то моею было и есть то таинственное *высвечивание* действительности иными мирами — просвечивание сквозь действительность иных миров, которое дается осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определено, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа, окончательного закрепления, окончательного “остановись, мгновение”. Оно бежит, ибо оно живет; оно питает ум и возбуждает его, но никогда не исчерпывается построениями ума. И я любил его именно как живое, мне любо было, когда оно играло под моим взором, и клокотала в сердце иступленная радость, когда удавалось как-то ухватить его, разоблачая облачением в новые символы...»⁴. Стихи также можно рассматривать как «облачение в новые символы» того, что он прозревал в окружающих явлениях, и потому их можно назвать изначально символическими, символическими до символизма по самому способу восприятия реальности.

Эти первоинтуиции Флоренского объясняют, почему именно в младших символистах, в раннем творчестве Андрея Белого он

² Надпись была уничтожена К. С. Родионовым в ожидании ареста, но саму книгу «В Вечной лазури», полученную в подарок от Флоренского, он хранил с обрезанным посвящением.

³ Флоренский П. А. Детям моим. С. 154.

⁴ Там же. С. 157—158.

нашел нечто сродное. К этому следует добавить увлечение идеями Владимира Соловьева. Как вспоминал Андрей Белый, в начале 1900-х годов под влиянием Соловьева он «жил чувством конца, а также ощущением благодати новой последней эпохи благовествующего христианства. Символ “Жены, облеченной в Солнце” стал для некоторых символом Благой вести о новой эре, соединением земли и неба <...> Философию Соловьева мы брали в аспекте его теургического лозунга:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет,
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод...»⁵

Это и стало той почвой, на которой происходило сближение с символистами. Под их влиянием оформлялись первоинтуиции Флоренского в этот ранний период; в творчестве символистов, и прежде всего — в симфониях и стихах Андрея Белого Флоренский нашел готовые формы, ориентируясь на которые формировался сборник «Ступени», создавались поэмы «Белый камень» и «Святой Владимир». В творческом отношении влияние символистов этим ограничивается.

Но отмечая некоторую вторичность литературных опытов Флоренского по отношению к символистам, следует подчеркнуть, что в отличие от произведений символистов, для автора они оставались способом познания и облечения в новые символы реальности. Флоренский никогда не хотел и не мог стать литератором, потому что цели его литературных опытов лежали за пределами искусства. В его литературных опытах напрочь отсутствовало то, что составляет сущность искусства как такового: вымысел и художественность; это была именно фиксация некоторых внутренних состояний, в этом смысле литературные опыты обнажают прежде всего основы его миросозерцания. В неосуществленном плане собственного собрания сочинений раздел, куда он собирался включить стихи, носил название «Опыты литературные», что несколько не принижает значение стихов, но точно передает творческие установки их автора.

Собственные стихотворные опыты Флоренский как минимум трижды готовил к изданию, и то, как в разные периоды жизни он

⁵ *Белый Андрей*. Воспоминания об Александре Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 11.

формировал разделы своего стихотворного дневника, представляет несомненный интерес, поскольку выявляет авторское представление о собственном духовном становлении, «типе возрастания», если пользоваться его собственным словом. Тема пути в творчестве Флоренского всегда осмысливается как процесс движения по вертикали, возрастания. Отчасти в этом сказывались его кавказские корни, путь для него — всегда восхождение, в котором «просвечивала» идея развития, послужившая основой композиции сборника «Ступени».

Вот почему нам представлялось важным при издании его стихов не только опубликовать сами эти стихи, но отразить менявшиеся авторские принципы их группировки, потому что они также отражали некоторые внутренние состояния автора в тот или иной период жизни. Поэтому два составленные Флоренским сборника — неопубликованный сборник «Ступени» и опубликованный «В Вечной лазури» — публикуются факсимильно. Первый из них — «Ступени» — был подготовлен летом 1905 года во время каникул, которые Флоренский проводил в Тифлисе.

Единственным изданным оказался сборник «В Вечной лазури», в названии которого опять присутствует вертикаль (кстати, это название перекликается с названием сборника Андрея Белого «Золото в лазури»). Однако этот сборник возник не совсем обычным образом. В 1907 году Флоренский отобрал некоторую часть своих стихов и опубликовал их в виде цикла в журнале «Христианин» (1907. Т. 2. № 4). Авторский выбор пал в основном на стихи, ранее включенные в сборнике «Ступени» в разделы «Апокалиптика» и «Православие», к которым были добавлены стихи, написанные уже после формирования «Ступеней» («Костромская сторона», «Эпитафия» и др.). При подготовке журнальной публикации были сформированы новые циклы — «Два завета» и «Звездная дружба», произведены изменения в заглавиях, отдельные стихотворения получили новые эпиграфы. За редкими исключениями были сняты датировки, присутствовавшие в сборнике «Ступени» (и почти на всех автографах стихов в АФ), что, впрочем, могло быть сделано по настоянию редакции. Таким образом, в процессе подготовки была проделана определенная работа над текстами.

При публикации в журнале одно стихотворение было выброшено цензором, о чем свидетельствует приписка Флоренского на сохранившемся корректурном листе, который воспроизведен в приложении к сборнику «В Вечной лазури»: «Это стихотворение

входило в цикл “Звездная дружба”, было уже набрано для печати, но затем цензор, протоиерей Беляев, ректор Вифанской дух(овной) семинарии нашел его “каким-то таинственным и непонятным” и на этом основании вычеркнул красным чернилом. Этот лист увековечен цензорской поправкой». Любопытно, что цензор при этом оставил без внимания эпиграф из Ницше перед другим стихотворением. Обратная сторона листа корректуры позволяет восстановить первоначальный план публикации: стихотворение «Корабли» должно было следовать после стихотворения «На мотив из Платона». Это была единственная авторская публикация стихов, если не считать публикации стихотворения «In pace» в киевской газете «Народ» (1906, 9 апр.).

Оттиски публикации в журнале «Христианин» Флоренский снабдил обложкой и дал заглавие «В Вечной лазури», придав оттискам вид сборника стихов. На обложке отпечатаны выходные данные: Сергиев Посад, 1907. В подзаголовке значится: «сборник стихов», однако на обороте титула помечено, что это оттиски из журнала «Христианин» за 1907 год, и помещено цензурное разрешение протоиерея А. Беляева от 3 января 1907 года.

В процессе трансформации оттиска в сборник Флоренский не считал нужным восстановить выброшенное цензором стихотворение, хотя оно было вполне «проходным». Вероятно, свою роль сыграло здесь то, что в этом случае пришлось бы получать новое цензурное разрешение и делать новый набор. В итоге единственный сборник стихов Флоренского возник не совсем традиционным образом, но в дальнейшем он дарил его некоторым своим почитателям именно как сборник, осмысляя его именно в этом качестве.

Рецензии на издание сборника «В Вечной лазури» неизвестны. Едва ли не единственный отзыв принадлежит В. А. Кожевникову, который писал о. Павлу 22 июля 1912 года: «Ну а сборник Ваших лирических стихотворений стал моим любимцем уже в такой мере, что по поводу него ни в какую “критику” пускаться не могу, хотя даже и такого избалованного похвалами друзей автора, как Вы, я не стал бы и здесь *только* хвалить. Мне дорога эта книжечка, дорог самый экземпляр этот по рукописным воспоминаниям и объяснениям текста, превращающим книжку в живую часть писавшего ее, в существенную часть его. Если бы так не-принужденно, по-дружески, — по-братски, разоблачались бы стремления и чувства души, душа перестала бы быть “потемками”, потому что тогда она была бы не “чужая”, а родная, своя! С

чисто художественной точки зрения, лучшее, конечно, “Песнь восхождения”. Это прямо — крупная, сильная вещь в талантливой притом форме, и ее одной достаточно, чтобы признать у Вас и поэтический дар. Не жалею о том, что должен приписать это “и”, ибо для меня мыслитель П. А. никак не менее дорог, ценен и нужен, чем художник П. А. А проще всего и лучше всего — не разлучать того, что Бог таинственно сочетал в человеке, как целостной личности, несмотря на кажущуюся несоединимость или трудно объединимость составных частей»⁶.

В АФ сохранился еще один недатированный план сборника. Даты создания включенных в него стихов позволяют лишь определить, что над его составлением Флоренский работал после 1909 года. Заглавие сборника неизвестно, сохранились лишь обложки с названиями разделов и перечнями стихотворений, которые предполагалось в них включить, но тексты стихов отсутствуют. Надписи на обложках позволяют план сборника представить в следующем виде:

1. *С поверхности*. «Разговор», «Послание 1-е к А. Е(льчанинову)», «Послание 2-ое к А. Е(льчанинову)», «Правда жизни», «Vanitas vanitatum», «Пучина бедствий», «Признание Канта в любви», «Стихотворение Надсона», «Εἰς ἑαυτόν» Анакреонта, «Εἰς τὸ δεῖν πίνειν» Анакреонта, «Мефистофелевское о символе», «Письмо Ельчанинову».

2. *Всюду символы*. «Обычная история», «Юноша и Архимед», стих. Якоби, «Сублиминальное сознание», «В лесу», «Что такое поэзия» А. де Мюссе, «Песня вольных каменщиков», «За чтением Шеллинга», «На смерть Вл. Соловьева», «Над рекою», «Надежда», «Вербная суббота».

3. *Без Бога*. «Из гимнов», «В поезде», «Вечером», «На мотив из Платона», «У дверей», «Отрывок», «Ночью», «Море», «Осенняя песнь», «Зачем?», «Χαρακτήρες», «Пародия», «Замкнутость», «Соната ор», «Дачные впечатления»⁷.

4. *Апокалиптическое*. «Всевидящее око», «На перепутье (В Белом Духане)», «Белый камень (поэма)», «Над Москвой-рекой», «Свиданье “там”», «На высотах».

5. *Покаянное*⁸. «Стоны без слез», «Раскаяние», «Былое», «Сонет».

⁶ Вопросы философии. 1991. № 6. С. 105.

⁷ Против заглавий двух последних стихов приписка: «уничтожено».

⁸ На титульном листе приписка: «вон!».

6. *Объективное*. «Рассказ хозяина», «Св. Станислав», «Начало сказки».

Это последний из известных планов сборника стихов, он остался нереализованным.

В сборник «Ступени» Флоренский включил поэму «Белый камень», которая навеяна темами его бесед с Андреем Белым и посвящена ему. Первая редакция была послана в письме к Белому (хранится в составе писем Флоренского в РО РГБ).

В разделе «Стихотворения» все известные на сегодняшний день стихи Флоренского публикуются в хронологической последовательности, именно так, как принято публиковать дневниковые записи.

Наконец, впервые в разделе творческого наследия публикуется поэма «Эсхатологическая мозаика». Вторая часть поэмы в свое время была опубликована нами в ежегоднике «Контекст». Здесь поэма впервые печатается полностью.

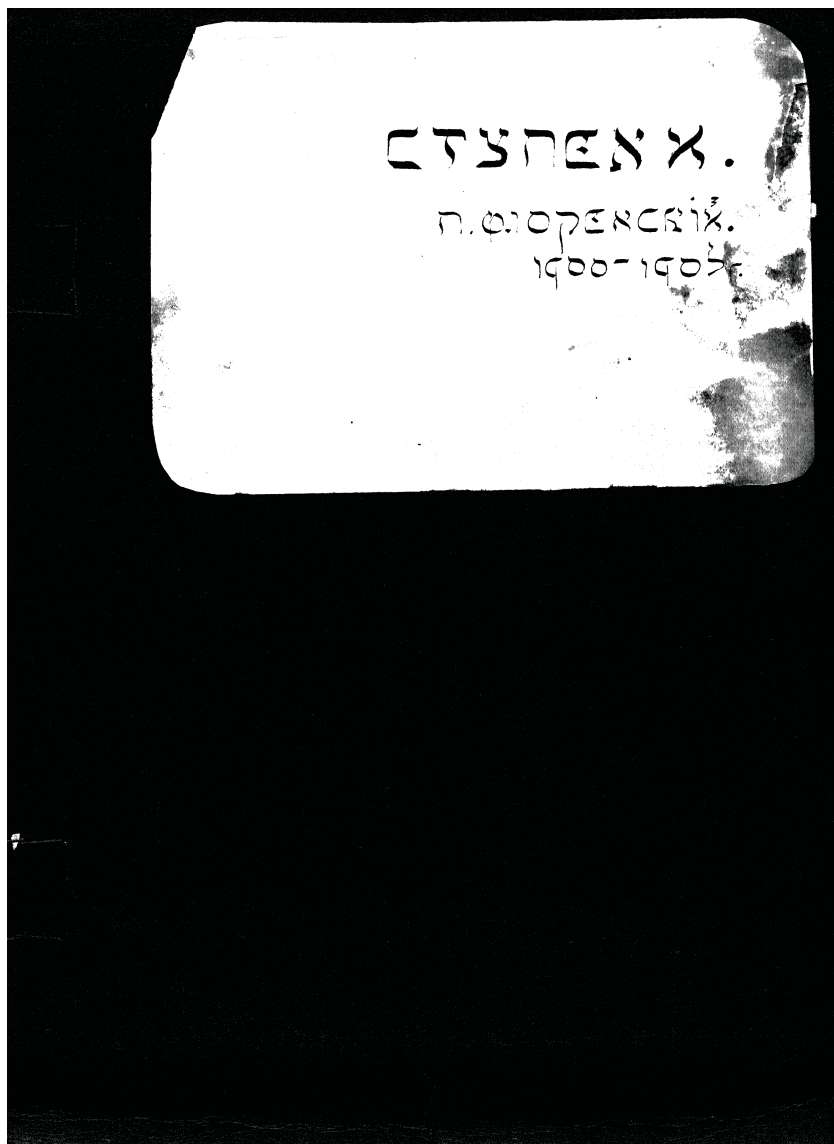
Раздел завершает публикация Записной тетради Флоренского, основное содержание которой составляют конспекты и наброски неоконченных работ. Это своего рода научный дневник, отражающий постепенно формирующиеся творческие устремления Флоренского. В письме к В. А. Кожевникову от 27 августа 1912 г. Флоренский так определил значение своего раннего творчества в последующем самоопределении: «Мои научные статьи, из коих большая часть не напечатана или даже слегка набросана, “тетради” мои и т. д.; обширная математическая работа и математические заметки — это все, как я мысленно называю всегда, — *τὰ καθαρτικά*⁹ — расчистка души моей от современности. “Поэма” написанная — завершение катартического периода»¹⁰.

Этот «катартический период» в творческом наследии Флоренского и отражает состав настоящего раздела.

⁹ «Очищающее» (*греч.*).

¹⁰ Вопросы философии. 1991. № 6. С. 108.

СТУПЕНИ

Анафематствуется Епископомъ
Сережа Трицкому.*

За брато моему, и братъ мой
мнѣ, паси въ криницѣхъ
П. Песней, гл. 5, ст. 5. **

**

* Анафематствуется (греч. — посвящается, приносится в дар) единственному другу Сереже Трицкому.

** Я брату моему и брат мой мне, пасущий в лилиях (Песнь Песней, 6.2).

Безъ Бога -

3

НА НЕОБХОДИМОСТЬ ПИТЬ.

| Переводъ съ греческаго, изъ Анакреона |.

Пьеть же темная земля.
 Рощи пьютъ ее, дѣсочки.
 Океанъ пьеть вѣтерочки,
 солнышко же пьеть моря.
 Мѣсяцъ солнце выпиваетъ.
 Что же мнѣ-то помѣшаетъ
 пить, коль хочется, друзья?

Коджоры, 10 іюля 1905 г.

КЪ САМОМУ СЕБѢ .
| Переводъ съ греческаго, изъ Анакреона |.

Сокровища Гига
меня не прельщаютъ.
Пусть власть и интрига
другихъ забавляютъ:

тиранновъ, по мнѣ, незавиденъ удѣлъ.

Я—масломъ душистымъ
браду умащаю,
цвѣткомъ розво-листнымъ
чело увѣнчаю.

Довольно съ меня и сегодняшнихъ дѣлъ.

Теперь ты спокоенъ, —
ну, пей, веселися;
судьбой будь доволенъ
и Вакху молися.

Смотри, не то болѣзнь придетъ,
придетъ—веселіе прерветъ.

5

ИЗЪ СКАЗОКИ .

Почему надъ бездной страшной
такъ безпечно мы летаемъ?
почему глаза закрывши
мы о ней позабываемъ?

Если гибель суждена намъ,
почему мы не боимся?
ожидаетъ насъ мракъ ночи,
такъ чего жъ мы веселимся?

НОЧЬЮ .

Пламя свѣчи колыбается.
Копоть на верхъ подымается.
Тѣнь на стѣнѣ пригибается.
Сердце стоитъ и сжимается.

Длинный языкъ вонъ качается.
Спрута рука извивается.
Гадкая слизь расплзается.
Глазъ мой устало смыкается.

Кто-то ко мнѣ подбирается.
Прямо надъ мной нагибается.
Духъ имъ сырой выдыхается..
Холодъ кругомъ растекается.

Тифлисъ, іюнь | 1902 г.

ї

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РАЗСКАЗА .

Надъ землею ярко звѣзды горятъ, —
очи неба сквозь вѣтви глядятъ.
Усмѣхаются грустно они —
вѣчно-чистые міра огни.

А внизу холодный вѣтеръ свиститъ,
и качаются стволы деревъ.
Вѣтка съ вѣтвью другой говорить,
и мнѣ чудится дальній напѣвъ.

И тѣснится толпой стволъ къ стволу.
Рукъ сто тянетъ своихъ Бриарей,
хочетъ силой исторгнуть хвалу...
Ужъ уйти бы отсюда скорѣй!

Вотъ я слышу; вдали, гдѣ-то тамъ
ропотъ, шопотъ бѣжитъ по верхамъ.

Онъ все ближе идетъ,
наверху все гудеть.
А лишь шелестъ затишья,
слышенъ сдавленный крикъ —
кто-то плачетъ во тьмѣ,
надрываетъ себя...

Тифлисъ, Муштаидъ. Рождество | 900 г.

Danse macabre.

На листьяхъ пропьяшетъ закатный багрянецъ
свой пламенно-огненный танецъ.

Тутъ мракъ погустѣетъ, и къ намъ, приближаясь,
сбѣгутся скелеты кривляясь;

со стукомъ и клаломъ прискачутъ изъ дали,
сжимая все ближе спирали.

И звукъ кастаньетъ вдругъ наполнить всю мѣстность,
и нечистъ оберется въ окрестность.

Вотъ золото листьевъ съ рубиномъ поплыли
по вихрю, а въ центрѣ—скелеты.

Отъ топота ногъ слоємъ поднятой пыли
ихъ желтны кости одѣты.

И вихрь, ускоряясь, изъ глазъ исчезаетъ,
столбомъ чернымъ пыль подымаетъ.

Рубиново-красныхъ повсюду лампадъ
вотъ гроздя на вѣтвяхъ висятъ.

Петровское, 23 апрѣля 1904 г.

9

МОРЕ.

Оно раскрывало гигантскую пасть,
топырило верхнюю губу
отвратительную, чернѣющую, гнилую,
съ желтымъ исподомъ, —
съ желтымъ.

Оно закрывало гнусный зѣвъ,
пришлепывая губу отъ угла пасти.
Оно ревѣло угрожающе,
и слышался хрустъ подъ зубами, —
хрустъ подъ зубами.

Оно наслаждалось богатымъ уловомъ,
шлепающая губа покрывалась сладострастной пѣной, —
пѣной и слюной сладострастія
на хрустящую добычу.....
добычу.

Мерзкая трясущаяся масса,
плоская, какъ клопъ, и холодная,
распластавшаяся, какъ медуза,
уходила хвостомъ
въ безконечность.

Мы молчали молчаніемъ страшнымъ
и приросли къ своему мы мѣсту,
и колоннами бѣлыми застыли.
Мы молчали и тупо застыли...
застыли.

Наши братья и сестры хрустѣли
въ пасти непреодолимаго чудовища.
Мы стояли и глаза не сводили,
потерявъ пониманье, въ чемъ дѣло...
въ чемъ дѣло?

Уже поздно и тщетно молиться.
Хрустятъ подъ зубами наши братья
и, одинъ за другимъ, исчезаютъ
въ темной бездонной пучинѣ, -
 бездонной.

И мы видимъ взоръ ихъ предсмертный.
Мы видимъ ихъ дорогія лица,
искаженные болью и отчаяніемъ.
И мы молча ожидаемъ своей участи...
 ожидаемъ.

Москва, конецъ ноября | 903 г., ночью.

11

ВЕЧЕРОМЪ.

..Печаль моя спокойна и
полна тобой, одной тобой...»

Пушкинъ.
[Набавило бѣлыя слезы, кривило, дрыгало тѣни въ.ф.]

Душа расширилась, тѣсняется
обрывки мыслей, какъ стада;
порывы духа вверхъ струятся
журчатъ, какъ горная вода.
Въ порывѣ тихомъ ожиданья,
Тебя я, ВСЕ, хочу объять
и тихимъ ароматъ рыданья
кругомъ себя лишь обонять.
Ликуетъ Логосъ; очертанья
Его въ душѣ своей понять
хочу, стремлюсь, но безымянныя
какъ блескъ дрожащій удержать?

Кругомъ все тихо, тихо, тихо,
но лампа гаснетъ и чадить.
Нѣтъ керосина въ ней. Проснитесь.....
но нѣтъ, все спать и спать.

И я одинъ, борясь со мракомъ,
изнемогаю въ этой тьмѣ.
Одинъ сижу я. Помогите....
Отвѣта нѣтъ, и все во снѣ.

И пламя гаснетъ, умирая
и лампа меркнетъ и чадить,
и силъ нѣтъ больше, больше силъ нѣтъ,
а все кругомъ, умерши, спать.

Послѣдній проблескъ ликования...
Едва-едва напрягъ глаза,
но нѣтъ, напрасны всѣ старанья:
и виснетъ мутная слеза.

Нѣтъ свѣта больше, силъ ужъ нѣту
мнѣ побѣдить, разсѣять тьму.
Прощай, работа дорогая,
съ слезами спать теперь иду.

19²⁰02 Москва.
31

ВЪ ПОЪЗДѢ.

Всегда одинъ, всегда сердитый,
открыть не сможешь сердца ты,
и только демонъ ядовитый
коробить черствыми черты.

Когда, когда... Неужто вѣчно
себя мнѣ суждено искать;
Чтобъ полюбить хоть скоротечно,
ужели вѣчно мнѣ шагать?

Должно, должно исчезнуть время,
пройти раздѣльности и тѣнь.
Должно исчезнуть смерти семя,
когда-нибудь наступить день.

Дорогою въ Тифлисъ, | 90 | г. 5мая.

13

*

*

*

Всю холодную ночь я одинъ пробродилъ.
Безконечной тоской сердце ныло.
И не могъ превозмочь, и съ тѣмнѣвшихъ перилъ
наклонился: внизу что-то плыло.

Но въ чернѣвшую воду вглядясь, помертвѣлъ.
Руки жалко тотчасъ охладѣли.
Увидалъ я: подъ сводомъ моста серебрѣлъ
ликъ твой милый изъ пѣнной кудели.

„То — морока, повѣрь!“ вдругъ себя закричалъ,
подаваясь безумной надеждѣ.
„Лишь открыть надо дверь, гдѣ всегда я стучалъ,
и обнимемся съ другомъ, какъ прежде.“

Но сквозь пѣну рѣки мнѣ пригрезился взглядъ,
взглядъ упрека чуть грустнаго полный.
„Братъ, домой не бѣги: не воротись назадъ.
„Унесли все, что было, ужъ волны.“

Тифлисъ, 17 іюля 1905 г.

147

ИЛАМИБИ.

15

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ ?

| Изъ Альфреда де Мюссе |

Былое вспоминать и думы закрѣпить,
на оси золотой недвижно нацѣпить
ихъ обликъ и тревожный и неслонный.

Продлить на вѣкъ мгновенія мечту,
любить и истину и красоту.
Искать межъ нихъ гармоніи согласной.

Внимать, какъ бьется въ сердцѣхъ геній.
Пѣть, плакать и смѣяться въ единеніи,
всегда безъ цѣли, наугадъ.

Улыбку, слово, взглядъ или воздыханье
возвестъ въ прекрасный перлъ созданья
и претворить слезу въ брилльянтъ, —

вотъ страстное желаніе поэта:
тутъ-все его добро, жизнь, слава свѣта.

Тифлисъ, 8 іюня 1900 г.

ЮНОША И АРХИМЕДЪ.
 |переводъ стихотворенія Якоби.|

Юноша, жаждущій знанья, пришелъ такъ просить
 Архимеда:
 „въ Божье искусство, мудрецъ, ты посвяти
 менѣ то,
 Мощныя что оказало услуги познанью свѣтили
 недоступныхъ
 и планету еще за Ураномъ нашло...
 -Божьимъ назвалъ ты искусство; то есть такъ, но
 также и было,
 прежде еще чѣмъ оно познало міръ,
 отвѣчалъ
 Юношѣ такъ Архимедъ, а затѣмъ продолжая
 сказалъ онъ:
 было оно таковымъ даже еще до того,
 Прежде, чѣмъ за Ураномъ оно розыскало планету
 и для вѣдѣнія звѣздъ пользу явило оно.
 То, что ты въ космосѣ видишь есть только
 Божественный отблескъ,
 а надъ Богами царить сущее вѣчно ЧИСЛО.

Москва, |902 г. |2 октября.

17

МБСНЯ ВОЛЫНЫХЪ КАМЕННИКОВЪ.

[ГЛАВЪ, КОМУ ОНЪ ДИШЕ НЕ ПРИБЛИЖАЕТСЯ]

Весь согласно дышетъ міръ,
тайну дивную тая.
Но не дѣлай свой кумирь
изъ земного бытія.

Глубже, пристальнѣй всмотрись
сквозь безжизненность коры,
но и тамъ ты не молись:
узришь воли ты дары.

Ниже, ниже взоръ бросай;
смыслъ всего ты постигай
смыслъ всего и образецъ,
ладъ которымъ внесъ Творецъ.

Сквозь идеи будто сонъ
падай взоромъ въ мглу Зонъ.
Ихъ прозрѣвши до конца,
свѣтоносной ризы край

вѣчно-сущаго Отца,
Бога-Господа Творца

во смиреніи лобызай
и съ восторгомъ созерцай.

Москва | 1902г. | 9 апрѣля.

НА ПЕРЕПУТЫ .

Мы стоимъ на перепуты
и дрожимъ отъ тьмы.
Въ полномъ трепетомъ предчувствьи
ждемъ разсвѣта мнѣ.

Всѣ мы, путники, томимся
и восхода Солнца ждемъ.
Тѣней мрачныхъ мы страшимся...
Блѣдно свѣтитъ небосклонъ.

Жизнь волнами всюду хлещетъ,
блескомъ золота горя.
Почему жъ такъ слабо блещетъ
Солнца вѣчнаго заря?

Бѣлый Духанъ, іюнь 1901 г.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ПЛАТОНА .

Душа себя найти желаетъ,
томится по себѣ самой;
тоскливо по себѣ вздыхаетъ
и плачетъ горькою слезой.

Дрожащій въ тусклыхъ очертаньяхъ
предъ ней витаетъ міръ идей,
и Эросъ, мощный чародѣй,
душой во снѣ или мечтаньяхъ
въ какой-то мигъ овладѣваетъ.
Душа томится и рыдаетъ.

И вотъ почудилось, что снова
душа-близнецъ ей найдена,
что путь въ тотъ міръ свершать готова
въ своемъ единствѣ не одна.

Но сонъ проходить, и тоскливо
она глядитъ кругомъ себя.
И шепчетъ жалко-сиротливо:
„найди меня, найди меня..“

Москва, 16 ноября 1901 г.

20

ЗА ЧТЕНІЕМЪ ШЕЛЛИНГА .

Все исполнено стремленьемъ
къ области идей.
Все сверкаетъ отраженьемъ
вѣчныхъ тѣхъ огней.

Всюду духъ животворящій
разума сокрытъ.
Гласъ его, намъ всѣмъ звенящій,
съ нами говоритъ.

Дорогою изъ Манглица, |90| г. , іюнь.

21

„ПОСВЯЩЕНИЕ " ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ

Ты священнымъ огнемъ меня разомъ увлекъ
пѣснопѣнья обрывки носились.
Хризолитовыхъ струй всюду видѣлся токъ,
золотистыя змѣйки искрились.

Жидкимъ золотомъ вдругъ засверкала океанъ—
огнистыхъ кружевомъ линій,
Потянулся столбомъ голубой фиміамъ
и въ зѣирь отвердѣлъ темно-синій....

Москва, апрѣль | 904 г.

ОТРЫВОКЪ

Покровъ давящихъ тучъ разорванъ,
чехоль съ лазури скучный сорванъ.
Какъ свитокъ въ трубку онъ скрутился
и въ морѣ свѣта растворился.

Побѣдной радостью сверкая,
лучей спустилась къ храму стая.
Весь вздрогнулъ храмъ отъ поцѣлуя
и ожилъ въ трепетѣ, ликуя.

Въ отвѣтъ киваль онъ головою
топазно-чайно-золотую.

Москва, Вербная Суббота 1904 г.

ВЪ ЛѢСУ .

Посмотри какъ тотъ вонъ лучъ,
вырываясь изъ-за тучъ,
камни съ лаской охватилъ
и сейчасъ ихъ оживилъ.

Тайный смыслъ—вездѣ, вокругъ;
онъ повсюду, милый другъ.
Все символъ, смыслъ все таить:
межъ собой все говорить.

Посмотри на пятна свѣта.
Вѣдь съ улыбкою привѣта
нѣжно-грустной и больной
шлеть намекъ они намъ свой.

Все гармонію скрываетъ,
всюду свѣтъ идей играетъ,—
и значенье естества—
лишь Шехина Божества.

Коджоры, 23 іюля |90| г.

НА СМЕРТЬ В. СОЛОВЬЕВА .

Ты къ свѣту Истины стремился,
его повсюду ты искалъ,
и съ пошлой жизнью не мирился,
и высшей Правды ты алкалъ.

Въ мерцавшемъ блескѣ Идеала,
въ законѣнности прямой
душа твоя всегда искала
стремленья къ Цѣли Мировой.

Замѣтивъ истины частицу
ее изъ лжи ты извлекалъ,
понять умѣя небылицу.
И все Христомъ ты претворялъ.

Москва, | 900 г.

25

СУБЛИМИНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Блѣднымъ облачкомъ скользить
днемъ луна надъ нами.
Чуть-чуть видна и парить, *Чуть приметна и парит*
между облаками.

Робко путь свой совершить
скромное свѣтило
и, смиренное, молчить
никому не мило.

Но лишь солнышко зайдетъ,
причась за холмами,
тихій свѣтъ оно намъ льетъ
мягкими лучами.

И сомнамбулой идетъ
по лѣсамъ и крышамъ,
но былинки не нагнетъ, *примет*
шагъ его не слышимъ.

Золотистый брызнулъ свѣтъ
солнца за холмами,
и смиренную на нѣтъ
мы низводимъ съ нами.

Блѣднымъ облачкомъ скользить
днемъ луна надъ нами.
Чуть-чуть видна и парить, *Чуть приметна и парит*
между облаками.*

Посв. Л.М.Лопатину.
Сурама, июль 1903 г.
и

*1) чуть приметна
**1) приметна
***1) чуть приметна.

РУЧЕЕКЪ.

На гранитъ
струей кристальной
льется токъ:
ручеекъ
струной хрустальной
зазвенить.

Въ тьмѣ бѣжить
ключъ ясно-чистый,
какъ и днемъ.
«Мы уснемъ
съ звездой лучистой», —
онъ журчитъ.

И скользить,
ластясь атласомъ
вдоль кремней.
У камней
сребристымъ гласомъ
вновь журчитъ.

Посв. Сережѣ.
Сергіевъ Посадъ, 14 января 1905 г.

Господи ми.

ДѢТСКАЯ ПѢСНЯ .

Шепчетъ море березъ
изумрудо-гривое,
сыплеть фонтаны слезъ
радостно-игривое...

Плачетъ роща и ждетъ сладости, —
ясно-взорая.
Дни придуть къ намъ легкой радости
очень скорые.

Прядями лучистыми ковыля
тянутся облачки
блоснѣжныя —

хороводами чистыми тихихъ ангеловъ
скользятъ въ лазури
безмятежныя.

Какъ кудри шелковистыя, мамой расчесанныя
вьются локонами
пренѣжныя.

Вы плывите, серебристыя лодки, въ бирюзовости.
Вы везите Папу,
прилежныя.

Сергіевъ Посадъ, январь | 1905 г.

СВИДАНІЕ ТАМЪ

А, старый товарищъ! Давно не видались,
давно ужъ съ тобой въ поединкѣ не дрались.

Ты помнишь ли наши взаимныя раны?
Садись, раздѣвайся, Вотъ чаю стаканы.

Чтѣ, тамъ, на дворѣ, видно, хуже и хуже?
Гляди, весь въ звѣздахъ ты. Согрѣйся со стужи.

Твоя борода индевѣетъ отъ снѣга.
Садись, тутъ охватить пріятная нѣга.

Вотъ жидкимъ топазомъ здѣсь ромъ золотится,
и огненнымъ глазомъ каминъ намъ искрится.

Заѣлками свищутъ нагайки злой вьюги,
но мы-у камина, мы-будто на югѣ.

А помнишь ли? розно мы шли по дорогѣ
и вызовомъ грозно трубили мы въ роги.

То осенью было. Листовъ багряница
носила по вѣтру, какъ поздняя птица.

Но вотъ наступили сырые туманы,
и мы наносили взаимныя раны.

Давай твой стаканъ мнѣ, — налью еще чаю.
А знаешь ли, другъ, по тебѣ я скучаю,

съ тѣхъ поръ какъ разстался на полѣ съ тобой
и снѣжно-пустынною брелъ пеленою...

.....

Вотъ злится-то въѣга. Чего она хочетъ?
Сама надъ собою вѣдь злюка хохочетъ.

Святая настанетъ: вотъ близко ужъ время.
Изъ гроба возстанетъ Женихъ и все бремя

намъ сдѣлаетъ легкимъ, и радостно вскорѣ
раскроются крылья въ лазурномъ просторѣ!

Святая Недѣля, 4 день. | 904 г.
Москва.

חבמח

[mumux]

триптихъ

[Триптихъ]

[. — Заходъ.

Ты лучисто трепещешь, — въ сіяньи дрожишь,
неопальной горя купиной;
и сверканья надъ хаосомъ темнымъ лучишь,
влажный свѣтъ выжимая волной.

Какъ фіалки средь нимба златого кудрей
твои милныя очи глядятъ: —
не отвести отъ бездоннаго взора очей,
не отвести мнѣ прикованный взглядъ.

Вѣднымъ рыцаремъ буду Тебѣ угождать,
Тебѣ буду служить я, Одной.
О, прекрасна Ты, Дѣва, Невѣста и Мать!
Ты —, какъ лилія въ чащѣ лѣсной.

За Тебя въ битву выйду, — жалѣть ли мнѣ рукъ.
Раса будетъ мнѣ вмѣсто брони,
вмѣсто шлема себѣ я надѣну клобукъ —
ужъ навѣрно отступитъ они.

Крѣпко крестъ ухвачу: онъ мнѣ будетъ, какъ мечъ,
имъ враговъ я твоихъ отражу.
А, какъ щитъ, я надѣну котомку межъ плечъ
и девизъ свой „Хохмѣ“ напишу.

Восковую съ собою возьму я свѣчу:
ей ожгу, кто не знаетъ идей.
И символовъ съ собою колчанъ захвачу,
напитаю ихъ силой Твоей...

Жизнь отнынѣ клянусь за Тебя положить.
Выйду въ поле сражаться, босой.
Неужели Царицѣ смогу измѣнить.
отступить я посмѣю ль съ сумой.

Ты, лучисто глядя, улыбаешься вновь
и, въ зарѣ розовѣя стоишь.
Отдаю, о Владычица, жизнь и любовь,
и на-вѣки ихъ, вѣрь, сохранишь.

Сергіевъ Посадъ, 17-18 октября 1904 г.

II. —Ночь.

Вотъ въ затворѣ я много ужъ лѣтъ—
на колѣнахъ, предъ чернымъ налосемъ.
И лампада цѣдитъ тусклый свѣтъ—
свѣтъ лиловый, съ мертвыми покоемъ.

Гробъ отверстѣй зияетъ въ углу;
рядомъ—черепъ лежитъ пожелтѣвшій.
Вѣтъ четки змѣей на полу:
уронилъ ихъ, безъ сна ослабѣвши.

Въ поясъ бороду я отостилъ;
въ пупъ уткнувшись сажу гезихастомъ.
Свѣтъ еаворскій мой умъ осѣнилъ,
и я сталъ ужъ совсѣмъ хилѣастомъ.

Но какая-то тайная боль
внутри ноетъ, —грызетъ безпрестанно...
А надъ рясой вертящая моля
въ углу кружить назойливо-странно.

Изможденный недѣльнымъ постомъ
чуть шуршу полу-стертыя строки.
Выжимаю изъ глазъ предъ крестомъ
слезъ свинцовыхъ и жгучихъ потоки.

И унынье съ тоскою растетъ.
Головой бьюсь, безумный, о стѣны..
„Ты ушла?!...“—„Не придетъ, не придетъ..
гость злорадно твердитъ мой безсмысленный.

Сергіевъ Посадъ, 16 октября 1904 г.

III. — Восходъ.

Холодномъ я восторга объять...
Въ легкой пляскѣ... Искрится аллея...
Снѣжныхъ кружевъ узоры висятъ
на деревьяхъ, восторженно рѣя.
Грудь прохладною спазмой дрожить,
и задержанный вскрикъ мой такъ долгогъ...
И фатою вѣнчальной лежить
и висить по вѣтвямъ бѣлый пологъ.
Закрывая глаза я лечу,
чистымъ холодомъ полого пьянный.
Вотъ опять я вернуться хочу,—
хочу дискъ видѣть солнечный рдяный.
Я не знаю,—во снѣдъ, на яву ль
всѣмъ нутромъ чую пляску лучей я;
и въ рукѣ моей жизненный руль—
поверну... вновь уйду отъ похмѣлья...
Пламена отъ огнистыхъ лучей
по сучкамъ побѣжали растений.
Вновь лечу межъ зеирныхъ зибей,
закрывая глаза въ упоеньи.
Вотъ взметаюсь я, крылья шумать.
Золотны ломаются спицы.
И упалъ внизъ изъ кружевъ нарядъ,
улетѣли огнистыя птицы.

Сергіевъ Посадъ, 30 октября 1904 г.

На высшемъ.

НА ВЫСОТАХЪ .

I.

Идемъ безъ дороги
выше и выше—
все тише.
Гнутся усталыя ноги.
Воздухъ все рѣже,
и пьянно качаясь
кружится мѣръ, накрываясь.

Скалы все тѣ же...
порывы
радости жуткой
напрасны.
Камень, срываясь, катится гулкой
въ обрывы.
Прекрасны
каменно-льדיстые
холодно-чистые
кряжи и скалы.
Грохочутъ порою каменье въ обвалы—
лавины.

Мы здѣсь одиноки,
а красныя сосны родня и ели-съ сѣдой
далеки, {бородой исполины—
и нѣту живого средь скалъ.

Зловѣще-пронзительно, рѣзко вдругъ хищникъ
Сине-туманная пропасть развернула зѣвъ. {пернатый внизу прокричалъ.
Фисташко-зеленыхъ
и сѣрыхъ, и желтыхъ
всюду покровъ
лишаевъ.

А въ черной лазури
окно въ Безконечность.

Безъ бури
 золота льется
 въ окошко
 колонна, —
 то Вѣчность-
 Мадонна
 намъ за окошкомъ
 смѣется.

Несутся порывы
 тумана —
 сѣдого,
 сырого
 обмана —
 и застать намъ Солнце.
 Какъ пыль на червонцѣ
 нависла завѣса.
 „Не вѣрьте,
 „не вѣрьте
 „обману:
 „то, знаю,
 „продѣлки нечистаго бѣса!
 „И видя не видѣте тумана!..
 зываю.

И лишь прокричалъ, какъ раскрылся туманъ,
 колышется въ безднѣ сѣдой Океанъ.

Грядой подымается выя.
 Бѣлѣя на солнцѣ играетъ
 и волны сырыя
 на Вѣчность хаосомъ вздымаютъ
 туманное Море,
 и, вѣтру внезапному вторя,
 сгибаясь хлещетъ
 и дымныя клочья бросаетъ,
 и мутностью плещетъ.

Стремимся
 мы выше, все выше.
 Ужъ тише.
 порывы тумана,
 и мы не боимся.

39

Вотъ рана

въ груди у Хаоса коварной
зіяетъ,
и онъ умираетъ,
копьемъ лучезарно-шафраннымъ
прозенный.
Ликую
и браннымъ
задоромъ тогда упоенный
надъ бездной
склонился,
забылся
и Хаосу дерзко кричу я.

Вотъ... вотъ какъ-то бокомъ,
къ скѣтѣ прижимаясь,
изъ пара
ползетъ къ ногамъ локопъ,
свиваясь отъ жара.
И, весь холодѣя,
взываю:
„все, — все обѣщаю!“
Но таетъ бѣлѣющій савана клопъ
у ногъ.

Т.
Пробрались.
Внизу, злобой полны,
молочныя волны,
какъ спины,
горбами вздымались.
Но стрѣлы
лучистыя
смѣло
надъ нами въ долины
помчались,

взрыхляя
туманы; волнистыя
ватныя хлопья
срываая.

И саванъ поплылъ лоскутами
куда-то,
куда-то
въ безвѣстность.
Обрывками полна предъ нами
окрестность.

И мутныхъ фигуръ вереницы
изъ дыма,
какъ птицы,
на югъ улетаютъ
и, ликъ херувима
порой принимая
и тая,
киваютъ.

Насъ ласково-лживоу манить
улыбкой,
чуть- зыбкой,
процессія духовъ туманныхъ:
колѣна склоняя
наверхъ руки тянеть,
молитвъ для обманныхъ
слогая...

Вотъ зеренъ жемчужныхъ,
попарно
прозенныхъ лучомъ золотистымъ,
на высяхъ янтарно-
воздушныхъ
монисты.

Идутъ, все идутъ.
О, сколько!
Пронесатся плавно—
по рѣкамъ воздушнымъ плывутъ.
Ужъ только
съ улыбкою жалко-позорной

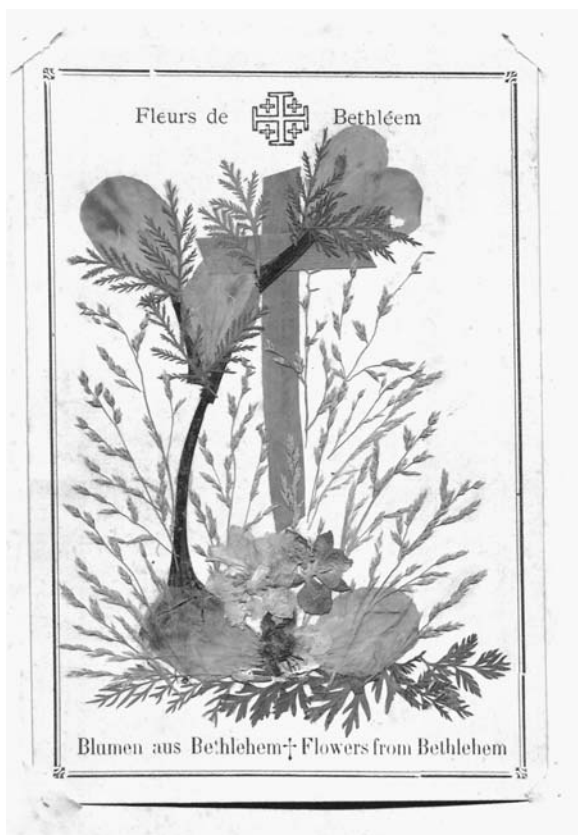
41

процально
киваютъ
и въ свѣтлости такъ...
Покорно
смираясь предъ Вѣчностью,
Ее отражаютъ—
сверкаютъ
Ея безконечностью...

Любви побѣдило
лучами
и брызнуло ярко
Свѣтило
надъ нами.,
и кровію жаркой
утесъ оросился,
смягчился.

Вотъ снята перчатка—
покровы,
и новый
намъ міръ выступаетъ.
Касатка
летаетъ.
И мирно-
сапфирно
синѣютъ
намъ дали.
Поля янтарѣютъ
азалій.....

Москва, 21 апрѣля 1904 г.

Белый камень.

[Песнь Воскресения]

Белый камень.

Песнь Воскресения.

БѢЛЫЙ КАМЕНЬ .

| Пѣснь восхожденія |.

„Побѣждающему дамъ вкушать
сокровенную манну и дамъ ему
камень бѣлый, на камнѣ же
написано имя новое, котораго
никто не знаетъ, кромѣ то-
го, кто получаетъ!“

Откр. II,

I.

Сномъ отуманенный, усталостью разбитый
снопомъ повалился я, какъ будто бы убитый.
Упалъ и расплылся я, хаосомъ полоненный
и въ бредѣ давящемъ, въ кольцо искривленный,
лежалъ на постели.

Стояли, носилися тяжелыя видѣнья;
на грудь навалилися могильныя каменья.
Жидкіе удары весь мозгъ потрясали.
Нечистые помыслы сердце наполняли,
мною владѣли.

Мохнатая чудовища на грудь насѣдали.
Слизкія гадины мерзко подползали.
Сѣрыя, безкровныя кругомъ летали мыши, —
скользящій полетъ ихъ надъ лицомъ все тише.
Крыломъ задѣвали.

Плоскія морды вихлялись-кривились,
Огнемъ изумрудовъ глаза ихъ искрились.
Руки гнилыя до ступней висѣли,
дрябло качались; какъ старня качели
поль цѣпляли.

45

II.

Чистые, нѣжные звуки проникли въ видѣнія.
Хаосъ они просвѣтили, прогнали томленія;
стрѣлками острыми-свѣтлыми въ Ночи скрестились,
Ночь пробудили и ровнымъ въ ней свѣтомъ разлились...

Тихія волны пламени мягко вздымались.
Матово-нѣжныя блескомъ жемчужнымъ онѣ распускались.
Таяли, снова вздымались и тканью атласной
только слегка колыхались своею фигурой неясной.

Ткань разрѣшали на тысячу зеренъ блестящихъ.
Свѣтомъ опаловъ свернали они настоящихъ.
Къ центрамъ свѣтъ собирался, рисуя спирали.
Тверди сводъ покрывался слоємъ синей эмали...

Тихіе звѣздные хоры; —плыли планеты,
чиннымъ путемъ выступая; блуждали кометы.
Дѣвственный жемчугъ-звѣзда застылъ на груди Ориона
Холодъ прошелъ и затихъ: донесся гимнъ небосклона

III.

Смотри! вонъ яркая звѣзда
скользитъ по грани небосвода:
она катится внизъ. Туда
придетъ когда-то вся природа.

Смотри! еще летать, скользять, —
последній вздохъ, прощальный взглядъ
на Мать бросаютъ, обрываясь,
златыми смоквами сбѣпаюсь.

Звѣзда катится за звѣздой:
безшумно ихъ сползаетъ рой.
Сапфирный меркнетъ небосводъ,
застывшихъ будто лоно водъ.

Еще одинъ послѣдній мигъ,
и явитъ мѣръ намъ новый ликъ, —
ликъ обновленный, просвѣтленный.

Конецъ ужъ близокъ, наступилъ.
Спаси, Градный, отъ вражбихъ силъ
и мѣръ яви преображенный!..

Подъ Солнца жгучаго лучомъ —
Его не видимъ мы, но ждемъ —
Потекъ, журча, небесъ кристалль
и ручейками внизъ сбѣжалъ.

Такъ точно зимнею порой
плаунъ и хвощъ въ окнѣ льдяной
на Солнце дерзко претендуетъ.
Но Солнце жарко поцѣлуетъ;

растопитъ ледъ, — лѣса сожжетъ;
и лучъ проглянетъ изъ-за тучъ;
и съ лаской Солнце обойметъ.

47

„Гряди жъ скорѣй къ намъ, Лучъ Отца.
„Въ глухомъ туманѣ насъ найди.
„Томимся, ждемъ, и нѣтъ конца.
„О, Солнце Вѣчное, взойди!“

Вдругъ съ громомъ грохота качнулся
небесный сводъ, и содрогнулся

въ отвѣтъ весь міръ. Тутъ я проснулся.

И вотъ, пока я просыпался,
звѣнья, стѣная сводъ распался.

IV.

Онъ стучить, Онъ стучить.
Я молчу
и Ему отворить
не хочу:

не готовъ, не могу,
недвижимъ
я согнулся въ дугу;
я—одинъ.

Хоть минуту иль двѣ
оттянуть,
вновь спуститься къ водѣ
зачерпнуть.

„Насъ и ждешь, и зовешь,
„Господинъ.
„Ине годъ намъ даешь
Ты одинъ.

„Я заснулъ безъ тебя,
„О, Женихъ,
„И уставъ, задремавъ
„нагрѣшихъ..”

Онъ стучить, Онъ стучить.
Я молчу
и Ему отворить
не хочу.

Развернулась вся быль
полотною;
и сѣра жизнь, какъ пыль,—
вся, во всемъ.

Но стоитъ Онъ, стучить
и теперь,
привлекаетъ, манить
черезъ дверь.

И пронзаетъ насквозь, и сдуваетъ налетъ
этотъ взглядъ.
И щеки отъ счастья пылаютъ сквозь ледъ,—
горятъ.

49

V.

Съ мольбой и мукою прощенья
съ постели всталъ я, полнъ рѣшенья,

и, двери настежь распахнувши,
паль ницъ, поднять не смѣя взора.
Холодный вѣтерокъ, пахнувшій
изъ тьмы пустого корридора,

влетѣлъ, какъ гость, и растворился.
Іоанна листъ зашевелился....

Недвижимъ къ полу я прильнулъ
въ слезахъ, опомниться не смѣя.
Я книгу Жизни разогнулъ,
читалъ тамъ приговоръ злодѣя.

.....
Нѣжнѣе, чѣмъ вѣтеръ весною, чѣмъ солнечный лучъ предъ закатомъ;
нѣжнѣй, чѣмъ въ потокахъ лучей дрожить пылиночка-атомъ;

нѣжнѣй ореола волосъ золотыхъ, пронизанныхъ солнцемъ осеннимъ;
нѣжнѣе, чѣмъ ландышей звонъ доносится часомъ вечернимъ;

нѣжнѣй материнской надежды, мечтаній, кѣмъ сынъ ея будетъ,
тихо меня обнимаетъ Онъ, кротко молчить и не судить.
.....

Іоанна листъ зашевелинулся,
и я—очнулся.

Открытая настежь дверь.
лежу у порога.
Бьется сердце. Теперь
не можетъ биться не много.

VI

„И дамъ таинственную манну
„Я побѣдившему вкушать.
„Я дамъ на свадьбѣ и незванну
„со Мною рядомъ возлежать.“

И протянулъ мнѣ камень бѣлый,
сіявшій, какъ на солнцѣ снѣгъ.
Скрестились кружевами стрѣлы,
и я поплылъ, какъ воды рѣкъ.

„Прочти, сказалъ Онъ, имя это.
„Се Духъ Святый его даетъ.“
И я прочелъ. Внутри вдругъ лѣто,
и голосъ Ангела поетъ.

Восторги жуткіе исчезли,
и радость легкая прошла.
Одежды ветхія внизъ слѣзли,
и сущность новая легла.

81

VII.

Новое имя—новая сущность
тайно горить и трепещеть.
А для другого—прежняя скучность:
имя другому не блещетъ.

Никто вѣдь имени вовсе не знаетъ,
кромѣ того, кто его получаетъ.

Сѣмя малое упало
въ мракъ могилы и пропало

въ этой темной колыбели.
Снѣгъ нападалъ. Но метели

вновь прошли. Ожили птицы.
Зимней сказки небылицы

провалились. Изъ купели,
полной талою водою,

листъ выходить чередю.
И едва лучи запѣли,

какъ его живая сила
Землю въ Тѣло превратила.

Въ нѣдрѣ скрытый алмазь
никому не сверкнетъ;
насквозь-видящій глазъ
его въ скалахъ найдетъ.

Бѣлый камень таитъ
полноту всѣхъ цвѣтовъ.
Какъ желѣзо магнитъ,
онъ манитъ насъ безъ словъ.

Москва, 1904 г.

У ОКНА .

[За окномъ—деревья, осыпанныя снѣгомъ]

— Гляди-тко, родимый, гляди -тко: въ цвѣту
за окнами вишни бѣлѣютъ,
и вѣтромъ весеннимъ—смотри!—на-лету
несетъ лепестки ихъ и вѣть!

— Ахъ, нѣтъ, ты ошиблась, —то вѣтеръ свиститъ
„метельный и мертвенно-бѣлый.“
„Прохожій замерзшій—вонъ видишь? —спѣшитъ
„и дышитъ на усъ индѣвѣлымъ!“

— Мой братъ, дорогой мой, —пахнуло теплою.
Послушай:... гудятъ колокольни.
Все въ сладкой истомѣ за этимъ стекломъ.
Пойдемъ же къ истомѣ безболыной!

— Тамъ нѣтъ лепестковъ: такъ куда жъ я пойду.
„по савану? въ снѣжныя хлопья?“
„Тамъ вѣтви стенаютъ въ холодномъ бреду,
и тянутся къ небу, какъ копыя.“

— Не саванъ. Нѣтъ, это—вѣнчальный уборъ.
Дрожитъ мое сердце: Онъ близко...
Спѣшитъ Онъ... Мелькаетъ сквозь сѣрый заборъ.
Вотъ снова мелькнулъ, —ты взглядишь-ка.

— „Я вижу нашъ скучный, гнилой частоколъ.“
„онъ въ дали беззвучной кривится.“
— Во дворъ входитъ!.. Вотъ ужъ во дворъ Онъ вошелъ.
Я чую шаги... Онъ стучится!....

Сергіевъ Посадъ, 6 ноября 1904 г.

Православіє.

54

ЭКСПРОМТЪ.

Предъ Тобой не поставлю свѣчи,
не возжгу я лампадъ.
Злато-тканной узорной парчи
не одѣну нарядъ.

Облеченный въ мерцающій ленъ,
самъ хочу пламенѣть.
И тобой, Свѣтъ и Пламя, зажженъ,
блѣднымъ воскомъ сгорѣть.

Сергіевъ Посадъ, 27 декабря 1905 г.

55

Молитва.

Богородица ясная,
не оставь, помоги.
Жизнь мается ненастная,
обступили враги.

Рознымъ облачкомъ, Нѣжная,
Ты въ лазури скользишь, —
жду въ тревогѣ мятежный я,
жду я мира. Дай тишь!

Маріамъ ясновзорая,
тихимъ окомъ взгляни.
Ты—Помощница скорая.
Засвѣти въ тьмѣ огни.

Вѣдь въ потьмахъ бѣгу тропкою
ядовитыхъ зарницъ.
И съ надеждою робкою
не поднять мнѣ рѣсницъ.

Волоса золоченные
обвиваютъ звѣзду:
черезъ слезы соленныя
вдаль смотрю я въ бреду.

Сергіевъ Посадъ, 11 февраля 1905 г.

Дѣти мои.

(Дѣти).

57

ДВѢ НОЧИ
[Диптихъ]

I. — ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

о ѿ грѣшнѣхъ твоихъ азѣ, то, еѣ ѡбнахѣ
пѣснѣхъ, пѣснѣхъ твоихъ пѣснѣхъ
каѣ ѡбнахѣ, краѣхъ ѡ пѣснѣхъ твоихъ
рѣхъ ѡбнахѣхъ твоихъ, пѣснѣхъ твоихъ
ноу еѣ дѣлѣхъ. Какѣ Мѣхѣхъ, 21-24

Вновь, предъ Тобой простираясь, ломаю я руки:
съ горькой полынью въ устахъ исповѣдую вновь отречение.
Вновь припадаю къ доскамъ, чтобъ опять удушить свои муки —
взлетовъ безкрылыхъ стремленье.

Господи, Господи! видишь Твоимъ быть хочу я.
Господи сладкій! я холодомъ горькимъ отчаянья вѣю...
Дождь застучалъ... Вѣтеръ рвется, листьями окошки бичуя.
Вновь я любить не умѣю...

О, Христе, посѣти же! Хочу вѣдь хотѣть, но безъ силы
тщетно я рвусь изъ себя... Лишь звенящей мѣдью стенаетъ
сердце пустое... Скрипятъ дерева... Авихрь, — налетаясь могила
стоны вѣтвей заглушаетъ.

Сергіевъ Посадъ, 8 октября 1904 г.

II. — ВЕСНА

" Απεκείνη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῷ,
 "Εάν τις ἀγαπᾷ με, τὸν λόγον μου τηρεῖσθαι,
 καὶ ὁ πατήρ μου ἀγαπήσει αὐτὸν, καὶ
 προσάυτου ἐλθούσης καὶ μου ἔν
 παρ' αὐτοῦ ποιήσεται." Κατὰ Ἰωάν.
 νη, 14₂₃.

Сладкой тоской изнывая, стою надъ рѣкой и не знаю,
 что, въ эту ночь оживаю, иль въ Вѣчную Жизнь умираю.

Странно внутри такъ звенить... Или храма то отзвукъ несется
 плавно-широкой волною, иль новая сила дается.

Сердце отъ радости плачетъ, — рыдаетъ, облившись слезами;
 прыгаютъ теплыя струи, вздымаясь бьются крылами.

Знаю одно, что люблю. Но любовью своей умиранный,
 выразить то не смогу, нѣту словъ выдать бредъ полусонный.

Вдаль свѣтляковъ золотистыхъ уходятъ дрожащія гряды.
 Плачутъ надъ черной водою и плачу свѣтлому рады.

Шумъ экипажей затихъ, смиряясь предъ грустнымъ мерцаньемъ.
 Полный порывомъ я жду, замираю предъ близкимъ свиданьемъ.

Съ моста надъ Москвой-рѣкой. Страстная Пятница

1904 г.

ПЕРЕДЪ ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕМЪ .
[Авраамъ Ицгаку]

О, дай мнѣ обвить твои узкія плечи,
въ глаза ясновзорные дай заглянуть—
о Жертвѣ грядущей, какъ жертвѣ предтечѣ,
съ покорствомъ безмолвнымъ вдохнуть.

Послушай, послушай, мой сынъ, мой желанный;
тебя я просилъ столько лѣтъ,
что слезы изсякли, отъ Господа данный,—
что слезъ на глазахъ моихъ нѣтъ.

Во снѣ и въ Завѣтѣ ты Божьемъ являлся,
Ицгакомъ съ небесъ нареченъ.
Ицгакъ.... Съ нѣжной грустью ты мнѣ улыбался,
какъ будто предвидя, на что обреченъ.

Вотъ съ вѣрной голубкою, съ милою Саррой
доплачу я долгій свой вѣкъ.
Тебя разлучилъ я, ахъ!, съ матерью старой,
съ груди ея смѣхъ я отсѣкъ.

Ты—тихий, ты—кроткій:—за вздохъ разставанья
меня не осудишь, Ицгакъ.
Ночами пустыни, въ тактъ мѣрныхъ качаній
верблюда, я ждалъ тебя—такъ,

какъ сына, какъ брата, какъ друга ждуть; вѣрно
тебя я не зная любилъ.
Сынъ милый, живи: не въ тебѣ ли безмѣрный
Ягве родъ родовъ посулилъ.

Съ той пѣры, среди тучной какъ Ура равнины
открылся Ягве Элогимъ,
я бросилъ свой домъ,—былъ я вѣренъ доннынъ
и думалъ, что Элемъ любимъ.

О, нѣтъ, не ропщу я, Предъ Богомъ смиряюсь:
не намъ вести, зрячихъ—слѣпымъ.
Онъ—святъ, Онъ—Господь, какъ сказалъ. Покрыюсь:
ведетъ пусть уставомъ своимъ....

Іюль 1905 г., Тифлисъ.

Ицгак — слѣх

ААРОНЪ МОИСЕЮ.

Ты говорилъ, —но мы не понимали
твоей мучительной тоски.
Ты намъ творилъ...Обѣихъ вдругъ скрижалей
швырнулъ куски.

И ясный ликъ, какъ солнце излучавшій
весной лучи,
потухъ въ тотъ мигъ, и вылилъ ты изъ чаши
намъ Божій гнѣвъ. Огнистые мечи

въ очахъ блестнули. Ярость обличенья
ты въ насъ швырнулъ безтрепетной рукой
и, самъ не свой, дрожа отъ вдохновенья,
ушелъ на кражъ, —высокій кражъ родной.

Посвящается Э.
Сергіевъ Посадъ, 29го апрѣля 1905 г.

61

Beethoveniana.

„Богъ, создавшій насъ безъ
насъ, спасти насъ безъ насъ
не можетъ.“
Бл. Августинъ.

Въ безднахъ темныхъ пространства затерянный крикъ:
„Нашъ Отецъ!.. О, Родной!..
„Мы — одни!..“

И растерянно-блѣдный глядитъ скорбный Ликъ.
Предъ всемірной стѣной
тѣ жъ огни.

Растянувшійся въ вѣки безотзвучный мигъ
вихри рвутъ съ сѣдиной.
Мчатся дни.

Многолѣтнею скорбью объятый, на зовъ
Онъ молчить.
И надъ сонмомъ пустынныхъ и мертвыхъ міровъ
Онъ беззвучныхъ и грустныхъ струй жемчуговъ
съ вѣчной скорбью точить..

Черезъ созвѣзды мигающихъ въ безднѣ міровъ
стонъ несется безъ словъ—
стонъ къ Родному: „Отецъ, ей гради!“

Съгоршимъ стономъ доносится голосъ Отцовъ:
„подожди!..
„О, мой сынъ. О, мой сынъ. Я тоскую и плачу давно.
„Тебя жду Я вѣка.
„Все по прежнему сына люблю Я равно.
„Пожалѣй же меня Старика.“

Сергіевъ Посадъ, декабрь 1904 г.

ИЗЪ ГИМНОВЪ .

Чашу прекрасную мѣра священнаго
мы раздробили въ куски.
Мѣро пролили мы, нѣтъ незабвеннаго,
имъ напоили пески.

Душа къ Тебѣ, мой Богъ, стремится,
какъ жаждетъ лань потока водъ;
и по Тебѣ мой духъ томится,
но забываетъ средь невзгодъ.

Чашу прекрасную мѣра священнаго
мы раздробили въ куски.
Все погубили мы,
мѣро пролили мы,
имъ напоили пески.

Москва, 7 октября 1901 г.

1ый хоръ.

Радуйся, Дѣва, Царица Небесная,
Богоневѣста, во вѣкъ неневѣстная!
Радуйся, стройная и безмятежная
Лилія снѣжная!

2ой хоръ.

Ты лишь одна, въ чистотѣ неизмѣнная,
жизни явила намъ Сѣмя нетлѣнное,
грѣхъ побѣдившее.
Съ Сыномъ прошла Ты креста всѣ страданія,
насъ искупившія,
имъ же числа нѣтъ и нѣту названія.

1ый хоръ.

„Радуйся, Зорька Свѣтила предвѣчнаго,
Роза пурпурная рай!
Дитятко, Дѣвъ навстрѣчу, безпечное
крикнуло, въ чревѣ играл.

2ой хоръ.

Съгорныхъ вершинъ дуновеньемъ живительнымъ
страсти жестокой смири тревоженіе —
страсти горѣніе.
Свѣжей прохладой овѣй очистительной.
Благопріятное
слово свое намъ скажи, Благодатная.

1ый хоръ.

Слово предвѣчное въ чревѣ носившая
и несказанное намъ рассказавшая,
радуйся, Кроткая, радугой ставшая,
Слово явившая.

65

2ая хоръ.

Хищница Смерть съ крыломъ чернымъ, когтистая
жертву за жертвой уносить безжалостно
неумолимая.

Ты лишь одна, Богородица чистая,
Духомъ любимая,
Смерть побѣдила рожденъемъ нетягостнымъ.

1ая хоръ.

О, помоги, Слово Божье Вмѣстившая,
муки надежды на землю Низведшая,
выходи сладкимъ рыданьямъ Нашедшая,
ихъ отворившая!

2ая хоръ.

Съ лязгомъ желѣзнымъ отъ крыльевъ стенающихъ
Хищница каркаетъ намъ среди радости
гостей зловѣщей, —

съ жертвой исчезнетъ въ провалахъ зияющихъ,
въ безднѣ чернѣющей.

Ты же , Лазурь, упокой Дѣву въ сладости.

1ая хоръ

Радуйся, Лань, Мариамъ умиренная,
съ тихой улыбкою долу склоненная
облачкомъ взметаннымъ съ неба лазурнаго
вѣчно безбурнаго.

2ая хоръ.

Дѣва Всевышняя, Мать Кротко-взорая
Въ жгучей пыли мы бредемъ утомленные
и опаленные.

1ая хоръ

Ты одна злобныхъ лучей отгоняешь рой,
Помощь намъ скорая.
Въ честный Ты свой омофоръ насъ укрой.

2ая хоръ.

Узники мы, заключенные въ тюрьмы.
Бьемся о стѣны, смертельно тоскуемъ мы,
стонемъ безсильные.

1ая хоръ.

Вырви тлетворные смерти посѣвы —
сѣвы могильные,
Сыне безгрѣшный единственный Дѣвы!

2ая хоръ.

Зноемъ и шумомъ томить жизнь безбожная,
правда съ неправдой кружатъ многосложныя
вихрями пыльными

1ая хоръ.

Тихая, Тихая, дай умирение.
Въ сердце обильными
струями влей благодать разумнѣя!

Оба хора.

Радуйся, радостью нашею ставшая,
кротко гордыни смирять не уставшая!

Радуйся, Дѣва, Царица Небесная,
Богоневѣста во вѣкъ неневѣстная.
Радуйся, радуйся, Богомъ Избранная,
Имъ осіянная!

п. ф.

Село Толпыгино, Масляница 1905 г.

Посвящается „похороненной“ 23 февраля 1905 г.
на деревенскомъ кладбищѣ.

СОДЕРЖАНІЕ .

БЕЗЪ БОГА.

На необходимость пить.....	3 стр.
Къ самому себѣ.....	4 "
Изъ сказки.....	5 "
Ночью.....	6 "
Отрывокъ изъ разсказа.....	7 "
Danse macabre	8 "
Море.....	9 "
Вечеромъ.....	11 "
Въ поѣздѣ.....	12 "
„Всю холодную ночь“.....	13 "

ИДЕАЛИЗМЪ.

Что такое поэзія.....	15 "
Юноша и Архимедъ.....	16 "
Пѣсня вольныхъ каменщиковъ.....	17 "
На перепутьи.....	18 "
На мотивъ изъ Платона.....	19 "
За чтеніемъ Шеллинга.....	20 "
Посвященіе.....	21 "
Отрывокъ.....	22 "
Въ лѣсу.....	23 "
На смерть В.Соловьева.....	24 "
Сублиминальное сознаніе.....	25 "
Ручеекъ.....	26 "

АПОКАЛИПТИКА....

Лѣтская пѣсня.....	28 "
Свиданье <u>тамъ</u>	29 "

ПѢСНѢ [Триптихъ].....	31 стр.
I.-Заходъ.....	32 "
II.-Ночь.....	34 "
III.-Восходъ.....	35 "
На высотахъ.....	37 "
Бѣлый Камень. [Пѣснь восхожденія].....	44 "
У окна.....	52 "

ПРАВОСЛАВІЕ.

Экспромтъ.....	54 "
Молитва.....	55 "
Двѣ ночи. [Диптихъ].....	56 "
I.-Поздняя осень.....	57 "
II.-Весна.....	58 "
Предъ жертвоприношеніемъ.....	59 "
Ааронъ Моисею.....	60 "
Geetkoventiana.....	61 "
Изъ гимновъ.....	62 "
In pace. [Акаѳистъ].....	63 "

Оглавленіе.....	67 "
-----------------	------

Законокъ этотъ собранъ
тисненъ и переплетенъ
22го июля, (въ день Маршъ Магдалина)
1905 года, въ Миланъ

— . —

В ВЕЧНОЙ ЛАЗУРИ

Павелъ Флоренскій.

ВЪ ВѢЧНОЙ ЛАЗУРИ

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1907.

Два завѣта.

(Диптихъ).

I.—Аврагамъ Ицгаку ¹⁾.

И престоѣ Авраама рѣкъ свою, взѣти
нѣжъ, заклѣти сына своего. Бытїѣ, ѳв, I.

О, дай мнѣ обвить твои узкія плечи,
въ глаза ясно-взорые дай заглянуть—
о Жертвѣ грядущей, какъ жертвѣ-предтечѣ,
съ покорствомъ безмолвнымъ вздохнуть.

Послушай, послушай, мой сынъ, мой желанный:
тебя я просилъ столько лѣтъ,
что слезы изсякли, отъ Господа данный,—
что слезъ на глазахъ моихъ нѣтъ.

Во снѣ и въ завѣтѣ ты Божьемъ являлся,
Ицгакомъ съ небесъ нареченъ.
Ицгакъ... Съ нѣжной грустью всегда улыбался,
какъ будто предвидя, на что обреченъ.

Вотъ съ вѣрной голубкою, съ милою Саррой
доплачу я долгій свой вѣкъ.
Тебя разлучилъ я,—ахъ!—съ матерью старой,
съ груди ея смѣхъ я отсѣкъ.

Ты—тихий, ты—кроткій:—за вздохъ разставанья
меня не осудишь, Ицгакъ.
Ночами пустыни, въ тактъ мѣрныхъ качаній
верблюда, я ждалъ тебя,—такъ,

какъ сына, какъ брата, какъ друга ждутъ; вѣрно
тебя, и не зная, любилъ.

¹⁾ Ицгакъ (эллинизированное — Исаакъ) по еврейски значить
Смѣхъ. Аврагамъ—Авраамъ.

— 4 —

Сынъ милый! живи! не въ тебѣ ли безмѣрный
Ягвѣ родъ родовъ посулилъ.

Съ той поры, средь тучной какъ Ура равнины
открылся Ягве Элогимъ,
я бросилъ свой домъ,—былъ я вѣренъ донинѣ
и думалъ, что Элемъ любимъ.

О нѣтъ, не ропшу я. Предъ Боимъ смиряюсь:
не намъ вести: зрячихъ—слѣпымъ.

Онъ—святъ, Онъ—Господь... Сынъ!.. Ему покоряюсь
вести пусть уставомъ своимъ.

II.—Beethoveniana.

Такъ бо возлюбилъ Бгъ міръ, такъ и
Снъ своего единороднаго дѣла есть.
Бже ѿ Іоанна, г, зі.

Въ безднахъ темныхъ пространства затерянный
крикъ:

„Нашъ Отецъ!.. О, Родной!..
„мы—одни!“...

И растерянно-блѣдный глядитъ скорбный Ликъ.
Предъ всемірной стѣной
тѣ жъ огни.

Растянувшійся въ вѣки безотзвучный мигъ
вихри рвутъ съ сѣдиной.

Многолѣтнею скорбью объятый, на зовъ
Онъ молчитъ.

И надъ сонмомъ пустынныхъ и мертвыхъ міровъ
Онъ беззвучныхъ и грустныхъ струй жемчуговъ
съ вѣчной скорбью точить.

Черезъ созвѣзды мигающихъ въ безднѣ міровъ
стонъ несется безъ словъ—
стонъ къ Родному: „Отецъ, ей гряди!“,

— 5 —

Съ горшимъ стономъ доносится голосъ Отцовъ:

„подожди!..

„О, мой сынъ. О, мой сынъ. Я тоскую и плачу
давно.

„Тебя жду Я вѣка.

„Все по прежнему сына люблю Я равно.

„Пожалѣй же Меня, Старика“.

Ааронъ Моисею.

И воздѣржавъ гнѣвомъ Моисѣй, по-
верже изъ рукъ своюю оубо скрижали,
и сокруши ѡ подъ горбю. Исходъ, ѡв, ѡ.

Ты говорилъ,—но мы не понимали

Твоей мучительной тоски.

Ты намъ творить... Вдругъ подъ горой скрижали
разбилъ въ куски.

И ясный ликъ, какъ солнце излучавшій
весной лучи,

потухъ въ тотъ мигъ, и вылилъ ты изъ чаши
намъ Божій гнѣвъ. Огненные мечи

въ очахъ блестнули. Ярость обличенья
ты въ насъ швырнулъ безтрепетной рукой
и, самъ не свой, дрожа отъ вдохновенья,
ушелъ на кряжъ,—высокій кряжъ родной.

Н а з о р е й.

Всѣ дни ѡбѣта згуби сѣхъ вѣдѣтъ Гдѣ.
Числа, ѡ, п. 6, 8

Предъ Тобой не поставлю свѣчи,
не возжгу я лампадъ.

Злато-тканной узорной парчи
не одѣну нарядъ.

Облеченный въ мерцающій лень
самъ хочу пламенѣть.

И Тобой, Свѣтъ и Пламя, зажженъ
блѣднымъ воскомъ сгорѣть.

Двѣ ночи.

I.— Поздняя осень. (У окна).

Ὁ δὲ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτοῖς Τό Εἰ
 δύνη πάντα θύρατά τοῦ πιστεύοντι· εὐθὺς
 κρᾶξας ὁ πατήρ τοῦ παιδίου ἔλεγεν Πισ-
 τεῖω· βοήθει μου τῇ ἀπιστίᾳ.
Κατὰ Μάρκον, 9²³⁻²⁴.

Вновь, предъ Тобой простираясь, ломаю я руки;
 съ горькой полынью въ устахъ исповѣдаю вновь
 отречение.

Вновь припадаю къ доскамъ, чтобъ опять удушить
 свои муки—
 взлетовъ безкрылыхъ стремленье.

Господи, Господи! видишь Твоймъ быть хочу я.
 Господи сладкій! я холодомъ горькимъ отчаянья
 вѣю...

Дождь застучалъ... Вѣтеръ рвется, листья окошки
 бичуя.

Вновь я любить не умѣю...

О, Христе, посѣти же! Хочу вѣдь хотѣть, но безъ
 силы
 тщетно я рвусь изъ себя... Лишь звенящею мѣдью
 стенаетъ

сердце пустое... Скрипятъ дерева... А вихрь,—на-
 летая—, съ могилы
 стоны вѣтвей заглушаетъ.

— 7 —

II. Весна. (Надъ Москвой-рѣкой).

*Ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῷ,
Εἰάν τις ἀγαπᾷ με, τὸν λόγον μου τη-
ρήσει, καὶ ὁ Πατήρ μου ἀγαπήσει αὐτόν,
καὶ πρὸς αὐτόν ἐλευσόμεθα, καὶ μονήν
παρ' αὐτοῦ ποιήσόμεθα.*

Κατὰ Ἰωάννην, 1423.

Сладкой тоской изнывая, стою надъ рѣкой и не
знаю,
что, въ эту ночь оживаю, иль въ Вѣчную Жизнь
умираю.

Странно внутри такъ звенить... Или храма тò от-
звукъ несется
плавно - широкой волною, иль новая сила дается?

Сердце отъ радости плачетъ,—рыдаетъ облившись
слезами;
прыгаютъ теплыя струи, вздымаяся бьются крылами.

Знаю одно, что люблю. Но, любовью своей уми-
ренный,
выразить тò не смогу, нѣту словъ выдать бредъ
полу-сонный.

Вдаль свѣтляковъ золотистыхъ уходятъ дрожащія
гряды.

Плачутъ надъ черной водою и плачу свѣтлому рады.

Шумъ экипажей затихъ, смираясь предъ грустнымъ
мерцаньемъ.

Полный порывомъ я жду, замираю предъ близкимъ
свиданьемъ.

Костромская сторона.

Дѣды отшедшіе!—дѣды священно-служители!
тѣсной толпой шегутятся боговъ вашихъ образы,
нитью серебрянно-звонкою тянете вглубь, къ тайно-
дѣйствіямъ.

Слышатся гимны священные. Клубами ладана
съ синими лентами тянется дымное кружево.
Отзвуки службы идутъ торжествующе-праздничной.
Въ шепотѣ листьевъ—бряцанья кандиль огне-пы-
шашихъ.

Свѣщникъ сіяетъ янтарныхъ свѣчей хороводами;
вѣтра дыханье пройдетъ,—и закапаютъ слезы во-
сковья,

волны доносятся духа медвянаго.

Вспомнить стараюсь я, дѣды, моленья печали и ра-
дости,
вспомнить хочу шелестъ свитковъ и рѣчи свя-
щенныхъ,
вспомнить напрасно влекусь я словъ бого-вѣщія,
временемъ стертыя.

Тщетно усилие, дѣды. Въ какія-то дали безбрежныя
тщетно, тоскуя, стремлюсь; ноетъ сердце тоской
безпредметною.

Тщетно вы мѣните въ рощи, въ дубравы дубовыя
Вѣтеръ напрасно колышетъ брадами зелеными, ста-
рыми.

Съ любовью посвящаю эти страницы дневника Сергію Троицкому—
Другу, съ которымъ мы пережили ихъ.

Звѣздная дружба.

[Сюита]

„Всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать“. Рим 123.

„Мы были друзьями и стали чужды другъ другу. И это хорошо, и мы не хотимъ другъ отъ друга скрывать и затемнять дѣло, какъ будто мы стыдимся этого нашего разрыва. Мы—два корабля, у которыхъ у каждаго—своя цѣль и своя дорога; конечно, мы можемъ встрѣтиться въ плаваніи и отпраздновать праздникъ другъ съ другомъ, какъ мы и дѣлали, и тогда молодымъ-корабли стояли такъ спокойно подъ однимъ солнцемъ и въ одной гавани, что могло казаться, что они уже у цѣли и что у нихъ была одна цѣль. Но потомъ всемогущая сила нашихъ задачъ снова разгоняла насъ въ разныя стороны, въ разныя моря и широты и, быть можетъ, мы никогда и не встрѣтимся, или встрѣтимся, но не узнаемъ другъ друга: различныя моря и разное солнце измѣнили насъ! Что мы должны были стать чужды другъ другу,—это законъ, который выше насъ: именно потому мы должны съ большимъ уваженіемъ относиться другъ къ другу! Именно потому мысль о нашей прежней дружбѣ будетъ священной для насъ! Есть, вѣроятно, громадная невидимая кривая линія—дорога звѣздъ, въ которой наши столь различныя дороги и цѣли могутъ считаться маленькими отступленіями—возвысимся до этой мысли! Но наша жизнь слишкомъ коротка и сила нашего зрѣнія слишкомъ незначительна, чтобы мы могли быть друзьями больше, чѣмъ въ смыслѣ вышеуказанной возвышенной возможности. — Итакъ, будемъ вѣрить въ нашу звѣздную дружбу, даже если мы должны будемъ стать земными врагами“.

Фр. Ницше, Веселая Наука, 279.

— 11 —

I.—На мотивъ изъ Платона.

Душа себя найти желаетъ.
Томится по себѣ самой.
Тоскливо по себѣ вздыхаетъ
и плачетъ въ горести нѣмой.

Дрожащій въ тусклыхъ очертаньяхъ
предъ ней витаетъ міръ идей,
и Эросъ,—мощный чародѣй—,
Душой во снѣ или въ мечтаньяхъ

въ какой-то мигъ овладѣваетъ.
Душа томится и рыдаетъ.

И вотъ, почудилось, что снова
Душа-близнецъ ей найдена.
Полетъ въ Эеиръ свершать готова
на бѣлыхъ крыльяхъ не одна.

Но сонъ проходить, и тоскливо
она взираетъ вкругъ, стена.
И шепчетъ страстно-сиротливо
„найди меня, найди меня“...

— 12 —

II.—У окна.

[За окномъ—деревья, осыпанные снѣгомъ].

— Гляди-тко, родимый. Гляди-тко: въ цвѣту
за окнами вишни бѣлѣютъ,
и вѣтромъ весеннимъ—смотри!—на-лету
несетъ лепестки ихъ и вѣть!

— „Ахъ, нѣтъ, ты ошиблась,—то вѣтеръ свистить
„метельный и мертвенно-бѣлый.
„Прохожій замерзшій—вонъ видишь?—спѣшить
„и дышетъ на усъ индевѣлый“.

— Мой Братъ! О, мой милый! пахнуло тепломъ.
Послушай: ...гудятъ колокольни.
Въ истомѣ все въ сладкой за этимъ стекломъ.
Пойдемъ же къ истомѣ безбольной!

— „Тамъ нѣтъ лепестковъ: такъ куда жъ я пойду.
„По савану? въ снѣжныя хлопья?
„Тамъ вѣтви стенаютъ въ холодномъ бреду
и тянутся къ небу, какъ копья“.

— Не саванъ! Нѣтъ, это—вѣнчальный уборъ.
Дрожить мое сердце: Онъ близко...
Спѣшитъ Онъ... мелькаетъ скрозь сѣрый заборъ.
Вонъ, снова мелькнулъ,—ты взглядишь-ка.

— „Я вижу нашъ скучный, гнилой частоколъ.
„Онъ въ дали беззвучной кривится“.
— Во дворъ входитъ!.. Вотъ, ужъ во дворъ Онъ
вошелъ.
Я чую шаги... Онъ стучится!..

— 13 —

III.—Два рыцаря.

Мы на время забудемъ проклятья.
Поцѣлуемъ другъ друга въ уста мы
и, обнявшись крѣпко, какъ братья,
сломи́мъ ко́пья съ тобою въ честь Дамы.

Дни и годы сурово сражались...
Жестоки были честныя сѣчи.
Мы, всплакнувъ, за оружіе брались
послѣ кроткой и ласковой встрѣчи.

Солнце алое—помнишь?—взглянуло
грустнымъ вечеромъ въ купахъ янтарныхъ.
Вспоминаешь ли, Братъ, какъ тонуло
и зардѣлось межъ тучекъ пожарныхъ?

Ты ли плачешь, Другъ съ милой улыбкой,
какъ тоскуя заплакалъ тогда ты:
Листъ осинника стаивалъ зыбкой
и смолою закапалъ на латы.

Оба правы... и оба несчастны...
Наши нити сплели злыя Норны.
Листъ кружилъ. Взоръ туманился ясный.
Наполнялся слезой необорной.

— 14 —

IV. Свиданіе „тамъ“.

А, старый Товарищъ! Давно не видались,
давно ужъ съ тобой въ поединкѣ не дрались.

Ты помнишь ли наши взаимныя раны?
Садись, раздѣвайся. Вотъ, чаю стаканы.

Ну чтò, на дворѣ, видно, хуже и хуже?
Гляди, весь въ звѣздахъ ты. Согрейся со стужи.

Твоя борода индевѣетъ отъ снѣга.
Садись, тутъ охватить пріятная нѣга.

Вотъ, жидкимъ топазомъ здѣсь ромъ золотится,
и огненнымъ глазомъ полѣно искрится.

За окнами свищутъ нагайки злой вьюги,
но мы—у камина, мы—будто на югѣ.

А помнишь ли? Розно мы шли по дорогѣ
и вызовомъ грозно трубили мы въ роги.

То осенью было. Листовъ багряница
носила по вѣтру, какъ поздняя птица.

Потомъ наступили сырые туманы,
и мы наносили взаимныя раны...

Давай твой стаканъ мнѣ,—налью еще чаю.
А знаешь ли, Другъ, по тебѣ я скучаю,

съ тѣхъ поръ какъ разстался на полѣ съ тобою
и снѣжно-пустынною брель пеленою...

.....
Какъ злится-то вьюга! Чего она хочетъ?
Сама надъ собою безсильно хохочетъ.

Святая настанетъ: вотъ близко ужъ время.
Изъ гроба возстанетъ Женихъ и все бремя
намъ сдѣлаетъ легкимъ, и радостно вскорѣ
раскроются крылья въ лазурномъ просторѣ.

— 15 —

Звѣздѣ Утренней.

Богородица ясная,
не оставь, помоги.
Жизнь мятется ненастная,
обступили враги.

Розвымъ облачкомъ, Нѣжная,
Ты въ лазури скользишь,—
жду въ тревогѣ мятежный я,
жду я мира. Дай тишь!

Пронизается алостью
далей синяя муть.
Вновь Нечаянной Радостью
не зардѣется ль грудь?

*

Маріамъ ясно-взорая,
тихимъ окомъ взгляни.
Ты—Помощница скорая,
Ты засвѣтишь огни.

Вѣдь въ потьмахъ бѣгу тропкою
ядовитыхъ зарницъ.
И съ надеждою робкою
не поднять мнѣ рѣсницъ.

Волоса золоченные
обвиваютъ Звѣзду:
черезъ слезы соленыя
вдаль смотрю и бреду.

— 16 —

И Н Р А С Е.

[Акаѣистъ]

[посвящается похороненной 23 февраля 1905 года на деревенскомъ кладбищѣ]

1-ый ликъ.

Радуйся, Дѣва, Царица Небесная,
Богоневѣста, во вѣкъ неневѣстная.
Радуйся, стройная и безмятежная
Лилія снѣжная.

2-ой ликъ.

Ты лишь одна, въ чистотѣ неизмѣнная,
жизни явила намъ Сѣмя нетлѣнное,
грѣхъ побѣдившее.
Съ Сыномъ прошла Ты креста всѣ страданія,
насъ искупившія.
Имъ же числа нѣтъ и нѣту названія.

1-ый ликъ.

„Радуйся, Зорька Свѣтила Предвѣчнаго,
Роза пурпурная рая!“ —
Дитяtko, Дѣвѣ навстрѣчу, безпечное
крикнуло, въ чревѣ играя.

2-ой ликъ.

Съ горныхъ вершинъ дуновеньемъ живительнымъ
страсти жестокой смири тревоженіе, —
страсти горѣніе.
Свѣжей прохладой овѣй очистительной.
Благопріятное
Слово свое намъ скажи, Благодатная.

1-ый ликъ.

Слово Предвѣчное въ чревѣ носившая,
и несказанное намъ рассказавшая,
радуйся, Кроткая, радугой ставшая,
Слово явившая.

— 17 —

2-ой ликъ.

Хищница Смерть, съ крыломъ чернымъ, когтистая,
жертву за жертвой уноситъ безжалостно,
неумолимая.

Ты лишь одна, Богородица чистая,
Духомъ любимая,
Смерть побѣдила рожденьемъ нетягостнымъ.

1-ый ликъ.

О, помоги, Слово Божье вмѣстившая,
муки надежды на землю низведшая,
выходы сладкимъ рыданьямъ нашедшая,
ихъ отворившая.

2-ой ликъ.

Съ лязгомъ желѣзнымъ отъ крыльевъ стенающихъ
Хищница каркаетъ намъ среди радости
гостей зловѣщею,—
съ жертвой исчезнетъ въ провалахъ зіяющихъ,
въ безднѣ чернѣющей.
Ты же, Лазурь, упокой дѣву въ сладости.

1-ый ликъ.

Радуйся, Лань, Маріамъ умирная,
съ тихой улыбкою долу склоненная
облачкомъ взметаннымъ, съ неба лазурнаго,
вѣчно безбурнаго.

2-ой ликъ.

Дѣва Всевышняя, Мать кротко-взорая,
въ жгучей пыли мы бредемъ утомленные
и опаленные.

1-ый ликъ.

Ты одна злобныхъ лучей отгоняешь рой,
Помощь намъ скорая.
Въ честный насъ свой омофоръ, Маріамъ, укрой.

2-ой ликъ.

Всѣ мы—какъ узникъ, весною волнуемый,

— 18 —

бьемся о стѣны, смертельно тоскуемъ мы,
стонемъ безсильные.

1-ый ликъ.

Вырви тлетворные Смерти постѣвы,
сѣвы могильные,
Сыне безгрѣшный, единственный Дѣвы!

2-ой ликъ.

Зноемъ и шумомъ томить жизнь безбожная,
правда съ неправдой кружать многосложныя
вихрями пыльными.

1-ый ликъ.

Тихая, Тихая, дай умирение!..
Въ сердце обильными
струями влей благодать разумѣнія...

Оба лика.

Радуйся, радостью нашею ставшая,
кротко гордыни смирять не уставшая.

Радуйся, Дѣва, Царица Небесная,
Богоневѣста во вѣкъ неневѣстная!
Радуйся, радуйся, Богомъ Избранная,
Имъ осіянная!

На высотахъ.

(Пѣснь восхожденія).

I.

Идемъ безъ дороги
 выше и выше—
 все тише.
Гнутся усталыя ноги.
Воздухъ все рѣже,
 и пьянно качаясь
 кружится міръ, накренаясь.

Скалы все тѣ же...
Порывы
 радости жуткой
 напрасны.
Камень, срываяся, катится гулкой
 въ обрывы.
Прекрасны
 каменно-льדיстые,
 холодно-чистые
 кряжи и скалы.

Грохочутъ порою каменьевъ обвалы—
 лавины.

Мы здѣсь одиноки,
а красныя сосны родныя и ели—съ сѣдой бородой
 исполины--
 далеки,
и нѣту живого средь скалъ.
Зловѣще - пронзительно, рѣзко вдругъ хищникъ
 пернатый внизу прокричалъ.

— 20 —

Сине-зеленая пропасть развернула зѣвъ.
Фисташко-зеленыхъ
и сѣрыхъ и желтыхъ
всюду покровъ
лишаеъвъ.

А въ черной лазури
окно въ Безконечность.
Безъ бури
золота льется
въ окошко
колонна,—
то Вѣчность-
Мадонна—,
намъ за окошкомъ
смѣется.

Несутся порывы
тумана—
сѣдого,
сырого
обмана—
и застыть намъ солнце.
Какъ пыль на червонцѣ
нависла завѣса.
„Не вѣрьте,
„не вѣрьте
„обману:
„то,—знаю—,—
„продѣлки нечистаго бѣса.
„И видя, не видѣте тумана!...“ —
взываю.

И лишь прокричалъ, какъ раскрылся туманъ.
Колышется въ безднѣ сѣдой Океанъ.

Грядой подымается выя..
Бѣлѣя на солнцѣ играетъ
и волны сырыя
на Вѣчность хаосомъ вздымаетъ

— 21 —

 туманное море,
и, вѣтру внезапному вторя,
 сгибаясь хлещеть,
и дымныя клочья бросаетъ
и мутностью плещеть.

Стремимся
 мы выше, все выше.
Ужъ тише
 порывы тумана,
 и мы не боимся.
Вотъ рана
въ груди у Хабса коварной
 зіяетъ,
 и онъ умираетъ,
копьемъ лучезарно-
 шафраннымъ
 прозенный.
 Ликуя
и браннымъ
задоромъ тогда упоенный
надъ бездной
 склонился.
 забылся
и Хаосу дерзко кричу я.

Вотъ... Вотъ, какъ-то бокомъ,
къ скалѣ прижимаясь,
изъ пара
ползетъ къ ногамъ локонъ,
 свиваясь
 отъ жара.
И, весь холодѣя, взываю:
 „Все,—все обѣщаю!...“
Но таетъ бѣлѣющий савана клокъ
 у ногъ.

II.

Пробрались!
Внизу, злобой полны,
 молочные волны,
 какъ спины,
горбами
 вздymались.
Но стрѣлы
 лучистыя
 смѣло
надъ нами
 въ долины
 помчались,
 взрыхляя
туманы; волнистыя
 ватныя хлопья
 срывая.

И саванъ поплылъ лоскутами
 куда-то,
 куда-то
 въ безвѣстность.
Обрывками полна предъ нами
 окрестность.

И мутныхъ фигуръ вереницы
 изъ дыма,
 какъ птицы,
на югъ улетаютъ
 и, ликъ херувима
 порой принимая
 и тая,
 киваютъ.

— 23 —

Насъ ласково-лживою манить
улыбкой
чуть-зыбкой
процессія духовъ туманныхъ;
колѣна склоняя
наверхъ руки тянетъ,
молитвъ для обманныхъ
слогая....
Вотъ зеренъ жемчужныхъ,
попарно
пронзенныхъ лучомъ золотистымъ,
на высыхъ янтарно-
воздушныхъ
монисты!

Идуть, все идуть.
О, сколько!
Пронесятся плавно—по рѣкамъ воздушнымъ плывутъ.
Ужъ только
съ улыбкою жалко-позорной
прощально киваютъ
и въ свѣтлости таютъ...
Покорно
смирятся предъ Вѣчностью,
Ее отражаютъ—
сверкаютъ
Ея безконечностью....

Любви побѣдило
лучами
и брызнуло ярко
Свѣтило
надъ нами,
и кровію жаркой
утесь оросился—
смягчился.

Вотъ снята перчатка—
покровы,
и новый

— 24 —

намъ міръ выступаетъ.

Касатка

летаетъ.

И мирно-

сапфирно

синѣютъ

намъ дали.

Поля янтарѣютъ

азалій....

1904, I.

Отрывокъ изъ гимна.

1-й ликъ.

Чашу хрустальную мвра священнаго
мы раздробилъ въ куски.
Мвро пролили мы, нѣтъ незабвеннаго,
имъ напоили пески.

Голосъ.

Душа къ Тебѣ, мой Богъ, стремится,
какъ жаждетъ лань потока водъ.
И по Тебѣ мой духъ томится,
но забываетъ средь невзгодъ.

2-ой ликъ.

Чашу прекрасную мвра священнаго
мы раздробили въ куски.
Братья, рыдайте! Нѣтъ мвра нетлѣннаго.
Все погубили мы,
мвро пролили мы,
имъ напоили пески.

Эпитафія незнакомой дѣвочки.

Нѣжной рукою до полдня сорвали бутонъ ароматный,
снѣжность не давъ запылить знойному вѣтру съ пути.
Жизни тебя суетой не запачкать, родимая дочка,
и непорочной взяла Скорбная Матерь отъ насъ.

AMOR FATI.

День и ночь проходить ровной
чередой, а ты не видишь,
какъ безмолвно я страдаю
и не жалуясь ничуть.

Было время: я подняться
думалъ вверхъ струей фонтанной.
Но, поднявшись до вершины,
низвергался съ высоты.

Я сказать тебѣ не смѣю
(да и чѣмъ ты мнѣ поможешь?)
и, томяся неисцѣльно,
я стараюсь хоть заснуть.

И душа полна тоскою
(не понять тебѣ усопшихъ!),
смерть повила взоръ печальный —
чернымъ крепомъ мнѣ глаза.

Близка гибель, — Богъ далече,
и Ему душой молиться
я не смѣю, я не въ силахъ,
и молчу, потупя взоръ.

Ты же, кроткій, агнецъ Божій,
помолись хоть ты, коль можешь,
помолись въ смиреніи чистомъ
за томящихся душой.

SOL INVICTUM.

„...принёдше на западъ солнца, ви-
дѣние свѣта вечерній...“

Какъ пышное солнце,
пылая, клонится къ закату,
такъ сердце смѣется,
уставшее, милому Брату.

И рдѣютъ кораллы—
тяжелыя гроздыя рябины.
Парчѣвыя ризы и лалы,
и пурпуръ священной осины.

Восторгъ увяданья!
А встрѣча съ любимымъ такъ близко—
съ уснувшимъ настало свиданье,
и солнце багряное низко.

Устали, одни мы.
Вздыхаемъ, какъ дышетъ осока.
Мы—вѣтромъ гонимы,
ты, ясный,—въ лазури, далеко.

Но радость цвѣтами
къ душѣ возвращаетъ дни мая,
порхающимъ листьямъ надъ нами
внимая.

Сгибаясь шумять одиноко
тростникъ да осока.

„Ты что шелестишь такъ несмѣло,
„тростникъ водопѣлый?“

— „О люди, повѣрьте:
„Нѣтъ смерти!“

857

I.—На мотивъ изъ Платона.

Душа себя найти желаетъ.
Томится по себѣ самой.
Тоскливо по себѣ вздыхаетъ
и плачетъ въ горести нѣмой.

Дрожащій въ тусклыхъ очертаньяхъ
предъ ней витаетъ міръ идей,
и Эросъ,—мощный чародѣй—,
Душой во снѣ или въ мечтаньяхъ

въ какой-то мигъ овладѣваетъ
Душа томится и рыдаетъ.

И вотъ, почудилось, что снова
Душа близнецъ ей найдена.
Полетъ въ Эфиръ свершать готова
на бѣлыхъ крыльяхъ не одна.

Но сонъ проходитъ, и тоскливо
она взираетъ вкругъ, стена.
И шепчетъ страстно-сиротливо
„найди меня, найди меня“...

858

ХРИСТИАНИНЪ.

II.—Корабли.

Всю холодную ночь я одинъ пробродилъ.
 Безконечной тоской сердце ныло.
 И не могъ превозмочь, и съ темнѣвшихъ перилъ
 наклонился: внизу что-то плыло.

Но въ чернѣвшую воду глядясь, помертвѣлъ.
 Руки жалко тотчасъ охладѣли.
 Увидалъ я: подъ сводомъ моста серебрѣлъ
 ликъ твой милый изъ пѣнной кудели.

„То—морѹка, похѣрь!“ вдругъ себѣ закричалъ,
 поддаваясь безумной надеждѣ.
 „Лишь открыть надо дверь, гдѣ всегда я стучалъ,
 „и обнимемся съ Другомъ, какъ прежде“.

Но сквозь пѣну рѣки мнѣ пригрезился взглядъ
 взглядъ упрека чуть-грустнаго полный:
 „Братъ, домой не бѣги: не воротись назадъ.
 „Что и было, слизали ужъ волны“.

Этотъ стихотвореніе входило въ книгу „Двадцать двѣ“, было
 уже напечатано, но затѣмъ цензоръ, профессоръ Мидель,
 редакторъ Мидельского журн. самиздана назвалъ его „какимъ-то
 таинственнымъ и непонятнымъ“ и на этомъ основаніи вычер-
 екнулъ почти все стихотвореніе. Этого мнѣ было достаточно, чтобы
 отказаться. Павелъ Кузнецкій

СТИХОТВОРЕНИЯ

Отрывок из рассказа

Над землей ярко звезды горят, —
очи неба сквозь ветви глядят.
Усмехаются грустно они —
вечно-чистые мира огни.

А внизу холодный ветер свистит,
и качаются стволы дерев.
Ветка с ветвью другой говорит,
и мне чудится дальний напев.

И теснятся толпой ствол к стволу.
Рук сто тянет своих Бриарей,
хочет силой исторгнуть хвалу...
Уж уйти бы отсюда скорей!

Вот я слышу: вдали, где-то там
ропот, шепот бежит по верхам.
Он все ближе идет,
наверху все гудет.
А лишь шелест затих,
слышен сдавленный крик —
кто-то плачет во тьме,
надрывая себя...

Тифлис, Муштаид. Рождество 1900.

Что такое поэзия?*(Из Альфреда де Мюссе)*

Былое вспоминать и думы закрепить,
на оси золотой недвижно нацепить
их облик и тревожный и неясный.

Продлить навек мгновения мечту,
любить и истину и красоту,
Искать меж них гармонии согласной.

Внимать, как бьется в сердце гений.
Петь, плакать и смеяться в единении,
всегда без цели, наугад.

Улыбку, слово, взгляд иль воздыханье
возвесть в прекрасный перл созданья
и претворить слезу в бриллиант, —

вот страстное желание поэта:
тут — все его добро, жизнь, слава света.

Тифлис, 8 июня 1900

На смерть В. Соловьева

Ты к свету истины стремился,
его повсюду ты искал,
и с пошлой жизнью не мирился,
и высшей Правды ты алкал.
В мерцавшем блеске Идеала,
в закономерности прямой
душа твоя всегда искала
стремленья к Цели Мировой.

Заметив истины частицу,
ее из лжи ты извлекал,
понять умея небылицу.
И все Христом ты претворял.

Москва, 1900

К самому себе

(Перевод с греческого, из Анакреона)

Сокровища Гига
меня не прельщают.
Пусть власть и интрига
других забавляют:
тиранов, по мне, незавиден удел.
Я — маслом душистым
браду умащаю,
цветком розво-листным
чело увенчаю.
Довольно с меня и сегодняшних дел.
Теперь ты спокоен, —
ну, пей, веселися;
судьбой будь доволен
и Вакху молися.
Смотри, не то болезнь придет,
придет — веселие прервет.

Москва, 1900

Из сказки

Почему над бездной страшной
так беспечно мы летаем?
почему, глаза закрывши,
мы о ней позабываем?
Если гибель суждена нам,
почему мы не боимся?
ожидает нас мрак ночи, —
так чего ж мы веселимся?

<начало 1900-х>

В поезде

Всегда один, всегда сердитый,
открыть не можешь сердца ты,
и только демон ядовитый
коробит черствые черты.

Когда, когда... Неужто вечно
себя мне суждено искать.
Чтобы полюбить хоть скоротечно,
ужели вечно мне шагать.

Должно, должно исчезнуть время,
пройти раздельности и тень.
Должно исчезнуть смерти семя,
когда-нибудь наступит день.

Дорогою в Тифлис, 1901, 5 мая

За чтением Шеллинга

Все исполнено стремленьем
к области идей.
Все сверкает отраженьем
вечных тех огней.

Всюду дух животворящий
разума сокрыт.
Глас его, нам всем звенящий,
с нами говорит.

Дорогою из Манглиса, 1901 г. июнь

На перепутье

Мы стоим на перепутье
и дрожим от тьмы.
В полном трепете предчувствия
ждем рассвета мы.

Все мы, путники, томимся
и восхода Солнца ждем.
Теней мрачных мы страшимся...
Бледно светит небосклон.

Жизнь волнами всюду хлещет,
блеском золота горя.
Почему так слабо блещет
Солнца вечного заря?

Белый Духан, июнь 1901

В лесу

Посмотри как тот вон луч,
вырываясь из-за туч,
камни с лаской охватил
и сейчас их оживил.

Тайный смысл — везде, вокруг;
он повсюду, милый друг.
Все символ, смысл все таит:
меж собой все говорит.

Посмотри на пятна света.
Ведь с улыбкою привета
нежно-грустной и больной
шлют намеки они нам свой.

Все гармонию скрывает,
всюду свет идей играет, —
и значенье естества —
лишь Шехина Божества.

Коджоры, 23 июля 1901

Отрывок из гимна

1-й лик

Чашу хрустальную мира священного
мы раздробили в куски.
Миро пролили мы, нет незабвенного,
им напоили пески.

Голос

Душа к Тебе, мой Бог, стремится,
как жаждет лань потока вод;
и по Тебе мой дух томится,
но забывает средь невзгод.

2-й лик

Чашу прекрасную мира священного
мы раздробили в куски.
Братья, рыдайте! Нет мира нетленного.
Все погубили мы,
миро пролили мы,
им напоили пески.

Москва, 7 октября 1901

На мотив из Платона

Душа себя найти желает,
томится по себе самой;
тоскливо по себе вздыхает
и плачет горькою слезой.

Дрожащий в тусклых очертаньях
пред ней витает мир идей,
и Эрос, мощный чародей,
душой во сне или в мечтаньях
в какой-то миг овладевает.
Душа томится и рыдает.

И вот почудилось, что снова
душа-близнец ей найдена,

что путь в тот мир свершать готова
в своем единстве не одна.

Но сон проходит, и тоскливо
она глядит кругом себя.
И шепчет жалко-сиротливо:
«найди меня, найди меня...»

Москва, 16 ноября 1901

Песня вольных каменщиков

(папе, хотя он этого не примет)

Весь согласно дышит мир,
тайну дивную тая.
Но не делай свой кумир
из земного бытия.

Глубже, пристальней всмотрись
сквозь безжизненность коры,
но и там ты не молись:
узришь воли ты дары.

Ниже, ниже взор бросай;
смысл всего ты постигай,
смысл всего и образец,
лад которым внес Творец.

Сквозь идеи будто сон
падай взором в мглу Эон.
Их прозревши до конца,
светоносный ризы край

Вечно-сущего Отца,
Бога-Господа Творца
во смиреньи лобызай
и с восторгом созерцай.

Москва, 1902 г. 19 апреля

Ночью

Пламя свечи колыхается.
Копоть наверх подымается.
Тень на стене пригинаяется.
Сердце стоит и сжимается.

Длинный язык вон качается.
Спрута рука извивается.
Гадкая слизь расползается.
Глаз мой устало смыкается.

Кто-то ко мне подбирается.
Прямо над мной нагинаяется.
Дух им сырой выдыхается.
Холод кругом растекается.

Тифлис, июнь 1902

Юноша и Архимед

(перевод стихотворения математика Якоби)

Юноша, жаждущий знания, пришел так просить
Архимеда:
«в Божье искусство, мудрец, ты посвяти меня в то,
Мощные, что оказало услуги познанию светил
недоступных
и планету еще за Ураном нашло...
— Божьим назвал ты искусство; то есть так, но
также и было,
прежде еще чем оно познало мир, отвечал
Юноше так Архимед, а затем продолжая сказал он:
было оно таковым даже еще до того,
Прежде, чем за Ураном оно разыскало планету
и для веденья звезд пользу явило оно.
То, что ты в космосе видишь есть только
Божественный отблеск,
а над Богами царит сущее вечно Число.

Москва, 1902 г., 12 октября

Вечером

...Печаль моя спокойна
и полна тобой, одной тобой...
Пушкин

(Посвящая своему ангелу-хранителю, дорогой тете Ю. Ф.)

Душа расширилась, теснятся
обрывки мыслей, как стада;
порывы духа вверх струятся,
журчат, как горная вода.
В порыве тихом ожиданья
тебя я, *все*, хочу объять
и тихий аромат рыданья
кругом себя лишь обонять.
Ликует Логос; очертанья
его в душе своей понять
хочу, стремлюсь, но без названья
как блеск дрожащий удержать?

Кругом все тихо, тихо, тихо,
но лампа гаснет и чадит.
Нет керосина в ней. Проснитесь...
но нет, все спит и спит.

И я один, борясь со мраком,
изнемогаю в этой тьме.
Один сию я. Помогите...
Ответа нет, и все во сне.

И пламя гаснет, умирая,
и лампа меркнет и чадит.
и сил нет больше, больше сил нет,
а все кругом, умерши, спит.

Последний проблеск ликования...
Едва-едва напряг глаза,
но нет, напрасны все старанья:
и виснет мутная слеза.

Нет света больше, сил уж нету
мне победить, рассеять тьму.

Прощай, работа дорогая,
с слезами спать теперь иду.

Москва, 30 ноября 1902

Сублиминальное сознание

Бледным облачком скользит
днем луна над нами.
Чуть-чуть видна ¹ и парит
между облачками.

Робко путь свой совершит
скромное светило
и, смиренное, молчит,
никому не мило.

Но лишь солнышко зайдет,
прячась за холмами,
тихий свет оно нам льет
мягкими лучами.

И сомнамбулой идет
по лесам и крышам,
но былинки не нагнет ²,
шаг его неслышим.

Золотистый брызнул свет
солнца за холмами,
и смиренную на нет
мы низводим с снами.

Бледным облачком скользит
днем луна над нами.
Чуть-чуть видна ³ и парит
между облачками.

Посв<ящается> Л. М. Лопатину. Сурами, июль 1903

¹ Чуть приметна (Прим. П. А. Флоренского).

² Пригнет (Прим. П. А. Флоренского).

³ Чуть приметна (Прим. П. А. Флоренского).

Море

Оно раскрыло гигантскую пасть,
топырило верхнюю губу,
отвратительную, чернеющую, гнилую,
с желтым исподом, —
с желтым.

Оно закрывало гнусный зев,
пришлепывая губу от угла пасти.
Оно ревело угрожающе,
и слышался хруст под зубами, —
Хруст под зубами.

Оно наслаждалось богатым уловом,
шлепающая губа покрывалась сладострастной пеной, —
пеной и слюной сладострастия
на хрустящую добычу...
добычу.

Мерзкая трясущаяся масса,
плоская, как клоп, и холодная,
распластавшаяся, как медуза,
уходила хвостом
в бесконечность.

Мы молчали молчанием страшным
и приросли к своему мы месту,
и колоннами белыми застыли.
Мы молча и тупо застыли...
застыли.

Наши братья и сестры хрустели
в пасти непреодолимого чудовища.
Мы стояли и глаз не сводили,
потеряв понимание, в чем дело...
в чем дело?

Уже поздно и тщетно молиться.
Хрустят под зубами наши братья
и, один за другими, исчезают
в темной бездонной пучине, —
бездонной.

И мы видим взор их предсмертный.
 Мы видим их дорогие лица,
 искаженные болью и отчаянием.
 И мы молча ожидаем своей участи...
 ожидаем.

Москва, конец ноября 1903, ночью

Отрывок

Покров давящих туч разорван,
 чехол с лазури скучный сорван.
 Как свиток, в трубку он скрутился
 и в море света растворился.

Победой радостной сверкая,
 лучей спустилась к храму стая.
 Весь вздрогнул храм от поцелуя
 и ожил в трепете, ликуя.

В ответ кивал он головою
 Топазно-чайно-золотою.

Москва, Вербная суббота 1904

Весна

*Ἄπεκρίθη Ἰησοῦς καὶ εἶπεν αὐτῷ·
 Ἐάν τις ἀγαπᾷ με τὸν λόγον μου τηρήσει,
 καὶ ὁ πατήρ μου ἀγαπήσει αὐτὸν καὶ
 πρὸς αὐτὸν ἐλεύσόμεθα καὶ μονήν
 παρ' αὐτῷ ποιησόμεθα.*

Κατὰ Ἰωάννην, 14, 23 ⁴

Сладкой тоской изнывая, стою над рекой и не знаю,
 что в эту ночь, оживаю иль в Вечную Жизнь умираю.

⁴ «Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин 14. 23).

Странно внутри так звенит... Или храма то отзвук несется
плавно-широкой волною, иль новая сила дается.

Сердце от радости плачет, — рыдает, облившись
слезами;
прыгают теплые струи, вздымаясь, бьются крылами.

Знаю одно, что люблю. Но, любовью своей умиранный,
выразить то не смогу, нету слов выдать бред
полусонный.

Вдаль светляков золотистых уходят дрожащие гряды.
Плачут над черной водою и плачу светлому рады.

Шум экипажей затих, смиряясь пред грустным
мерцаньем.
Полным порывом я жду, замираю пред близким
свиданьем.

С моста над Москвой-рекой.
Страстная Пятница. 1904

Свидание «там»

А, старый товарищ! Давно не видались,
давно уж с тобой в поединке не дрались.

Ты помнишь ли наши взаимные раны?
Садись, раздевайся. Вот чаю стаканы.

Что, там, на дворе, видно, хуже и хуже?
Гляди, весь в звездах ты. Согрейся со стужи.

Твоя борода индевеет от снега.
Садись, тут охватит приятная нега.

Вот жидким топазом здесь ром золотится,
и огненным глазом камин нам искрится.

За окнами свищут нагайки злой вьюги,
но мы — у камина, мы — будто на юге.

А помнишь ли? розно мы шли по дороге
и вызовом грозно трубили мы в роги.

То осенью было. Листов багряница
носила по ветру, как поздняя птица.

Но вот наступили сырые туманы,
и мы наносили взаимные раны.

Давай твой стакан мне, — налью еще чаю.
А знаешь ли, друг, по тебе я скучаю,

с тех пор как расстался на поле с тобою
и снежно-пустынною брел пеленою...

.....
Вот злится-то вьюга. Чего она хочет?
Сама над собою ведь злюка хохочет.

Святая настанет: вот близко уж время.
Из гроба восстанет Жених и все бремя

нам сделает легким, и радостно вскоре
раскроются крылья в лазурном просторе!

Москва, Святая неделя, 4 день, 1904

На высотах

I

Идем без дороги
 выше и выше —
 все тише.
Гнутся усталые ноги.
Воздух все реже,
и, пьяно качаясь,
кружится мир, накрываясь.

Скалы все те же...
Порывы

радости жуткой
напрасны.
Камень, срываясь, катится гулкой
в обрывы.
Прекрасны
каменно-льדיстые
холодно-чистые
кряжи и скалы.
Грохочут порою камней обвалы —
лавины.

Мы здесь одиноки,
а красные сосны родные и ели — с седой
бородой исполины —
далеки,
и нету живого средь скал.

Зловеще-пронзительно, резко вдруг хищник
пернатый внизу прокричал.
Сине-зеленая пропасть развернула зев.
Фисташко-зеленых,
и серых, и желтых
всюду покров
лишаев.

А в черной лазури —
окно в Бесконечность.
Без бури
золота льется
в окошко
колонна, —
то Вечность —
Мадонна
нам за окошком
смеется.

Несутся порывы
тумана
седого,
сырого
обмана —

и застыт нам Солнце.
Как пыль на червонце,
 нависла завеса.
 «Не верьте,
 Не верьте
 обману:
 то, знаю,
проделки нечистого беса!
И видя, не видьте тумана!...» —
 взываю.

И лишь прокричал, как раскрылся туман,
колышется в бездне седой Океан.

Грядой подымается выя...
 Белея на солнце, играет
 и волны сырые
на Вечность хаосом вздымает
 туманное Море,
и, ветру внезапно вторя,
 сгибаясь, хлещет,
 и дымные ключья бросает,
и мутностью плещет.

Стремимся
 мы выше, все выше.
 Уж тише
 порывы тумана,
и мы не боимся.

Вот рана
в груди у Хаоса коварной
 зияет,
 и он умирает,
копьем лучезарно-шафранным
 пронзенный.
 Ликуя
 и бранным
задором тогда упоенный,
 над бездной
 склонился,

забылся
и Хаосу дерзко кричу я.

Вот... вот как-то боком,
к скале прижимаясь,
из пара
ползет к ногам локон,
свиваясь от жара.
И, весь холодея,
взываю:
«все, — все обещаю!...»
Но тает белеющий савана клок
у ног.

II

Пробрались.
Внизу, злобой полны,
молочные волны,
как спины,
горбами вздымались.
Но стрелы
лучистые
смело
над нами в долины
помчались,
взрыхляя
туманы; волнистые
ватные хлопья
срывая.

И саван поплыл лоскутами
куда-то,
куда-то
в неизвестность.
Обрывками полна пред нами
окрестность.

И мутных фигур вереницы
из дыма,
как птицы,
на юг улетают

и, лик херувима
порой принимая
и тая,
кивают.

Нас ласково-лживою манит
улыбкой,
чуть зыбкой,
процессия духов туманных:
колени склоняя,
наверх руки тянет,
молитв для обманных
слагая...

Вот зерен жемчужных,
попарно
пронзенных лучом золотистым,
на высях янтарно-
воздушных
монисты!

Идут, все идут.
О, сколько!
Проносятся плавно —
по рекам воздушным плывут.
Уж только
с улыбкою жалко-позорной
прощально кивают
и в светлости тают...
Покорно
смирясь пред Вечностью,
Ее отражают —
сверкают
Ее бесконечностью...

Любви победило
лучами
и брызнуло ярко
Светило
над нами,
и кровию жаркой
утес оросился —
смягчился.

Вот снята перчатка —
 покровы,
 и новый
нам мир выступает.
 Касатка
 летает.
И мирно —
 сапфирно
 Синеют
 нам дали.
Поля янтареют
 азалий...

Москва, 21 апреля 1904

*Dance macabre*⁵

На листьях пропляшет закатный румянец
Свой пламенно-огненный танец.

Тут мрак погустеет, и к нам, приближаясь,
сбегутся скелеты, кривляясь;

со стуком и клапом прискачут из дали, —
сжимая все ближе спирали.

И звук кастаньет вдруг наполнит всю местность,
и нечисть сберется в окрестность.

Вот золото листьев с рубином поплыли
по вихрю, а в центре — скелеты.

От топота ног слоем поднятой пыли
их желтые кости одеты.

И вихрь, ускоряясь, из глаз исчезает,
Столбом черным пыль подымает.

⁵ Пляска смерти (*франц.*)

Рубиново-красных повсюду лампад
вот гроздь на ветвях висят.

Петровское, 23 апреля 1904

Посвящение из ненаписанной поэмы
(Андрею Белому)

Ты священным огнем меня разом увлек,
песнопенья обрывки носились.
Хризолитовых струй всюду виделся ток,
золотистые змейки искрились.

Жидким золотом вдруг засверкал океан —
огнистых кружевом линий.
Потянулся столбом голубой фимиами
и в эфир отвердел темно-синий...

Москва, апрель 1904

Поздняя осень
(у окна)

Ὁ δὲ Ἰησοῦς εἶπεν αὐτῷ· τὸ εἰ δύνῃ,
πάντα δύνατὰ τῷ πιστεύοντι.
εὐθὺς κράζας ὁ πατὴρ τοῦ παιδίου ἔλεγεν·
πιστεύω· βοήθει μου τῇ ἀπιστίᾳ.⁶

Κατὰ Μάρκον, 9, 23—24

Вновь, пред Тобой простираясь, ломаю я руки:
с горькой полынью в устах исповедую вновь отречение.
Вновь припадаю к доскам, чтоб опять удушить свои муки —
взлетов бескрылых стремленье.

Господи, Господи! видишь, Твоим быть хочу я.
Господи сладкий! я холодом горьким отчаянья вею...
Дождь застучал... Ветер рвется, листьями окошки бичуя.
Вновь я любить не умею...

⁶ «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк 9. 23—24).

О, Христе, посети же! Хочу ведь хотеть, но без силы
тщетно я рвусь из себя... Лишь звенящею медью стенает
сердце пустое... Скрипят дерева... А вихрь, — налетая, —
стоны ветвей заглушает. с могилы

Сергиев Посад, 8 октября 1904

Ночь

Вот в затворе я много уж лет —
на коленях, пред черным налоем.
И лампада цедит тусклый свет, —
свет лиловый, с мертвящим покоем.

Гроб отверстый зияет в углу;
рядом череп лежит пожелтевший.
Вьются четки змеей на полу:
уронил их, без сна ослабевши.

В пояс бороду я отрастил;
в пуп уткнувшись, сижу гезихастом.
Свет фаворский мой ум осенил,
и я стал уж совсем хилиастом.

Но какая-то тайная боль
внутри ноет, — грызет беспрестанно...
А под рясой вертялая моль
в углу кружит назойливо-странно.

Изможденный недельным постом,
чуть шуршу полустертые строки.
Выжимаю из глаз пред крестом
слез свинцовых и жгучих потоки.

И унынье с тоскою растет.
Головой бьюсь, безумный, о стены.
«Ты ушла?!...» — «не придет, не придет»,
гость злорадно твердит мой бессменный.

Сергиев Посад, 16 октября 1904

Заход

Ты лучисто трепещешь, — в сияньи дрожишь,
неопальной горя купиной;
и сверканья над хаосом темным лучишь,
влажный свет выжимая волной.

Как фиалки, средь нимба золотого кудрей
твои милые очи глядят: —
не отвесь от бездонного взора очей,
не отвесь мне прикованный взгляд.

Бедным рыцарем буду Тебе угождать,
Тебе буду служить я, Одной.
О, прекрасна Ты, Дева, Невеста и Мать!
Ты — как лилия в чаще лесной.

За Тебя в битву выйду, — жалеть ли мне рук.
Ряса будет мне вместо брони,
вместо шлема себе я надену клобук —
уж наверно отступят *они*.

Крепко крест ухвачу: он мне будет, как меч,
им врагов я Твоих отражу.
А, как щит, я надену котомку меж плеч
и девиз свой «Хохмà» напишу.

Восковую с собою возьму я свечу:
ей ожгу, кто не знает идей.
И символов с собою колчан захвачу,
напитаю их силой Твоей...

Жизнь отныне клянусь за Тебя положить.
Выйду в поле сражаться, босой.
Неужели Царице смогу изменить,
Отступить я посмею ль с сумой.

Ты, лучисто глядя, улыбаешься вновь
и, в заре розовея, стоишь.
Отдаю, о Владычица, жизнь и любовь,
и навеки их, верь, сохранишь.

Сергиев Посад, 17—18 октября 1904

Восход

Холодком я восторга объят...
В легкой пляске... Искрится аллея...
Снежных кружев узоры висят
на деревьях, восторженно рея.

Грудь прохладною спазмой дрожит,
и задержанный вскрик мой так долог...
И фатою венчальной лежит
и висит по ветвям белый полог.

Закрывая глаза, я лечу,
чистым холодом полога пьяный.
Вот опять я вернуться хочу, —
хочу диск видеть солнечный рдяный.

Я не знаю, — во сне ль, наяву ль
всем нутром чую пляску лучей я;
и в руке моей жизненный руль —
поверну... вновь уйду от похмелья...

Пламена от огнистых лучей
по сучкам побежали растений.
Вновь лечу меж эфирных зыбей,
закрывая глаза в упоеньи.

Вот взметаюсь я, крылья шумят.
Золотые ломаются спицы.
И упал вниз из кружев наряд,
улетели огнистые птицы.

Сергиев Посад, 30 октября 1904

У окна

(За окном — деревья, осыпанные снегом)

— Гляди-тко, родимый, гляди-тко: в цвету
за окнами вишни белеют,
и ветром весенним — смотри — на лету
несет лепестки их и веет!

— «Ах, нет, ты ошиблась, — то ветер свистит
метельный и мертвенно-белый.
Прохожий замерзший — вот видишь? — спешит
и дышит на ус индевелый».

— Мой брат, дорогой мой, — пахнуло теплом.
Послушай: ... гудят колокольни.
Все в сладкой истоме за этим стеклом.
Пойдем же к истоме безбольной!

— «Там нет лепестков: так куда ж я пойду
по савану? в снежные хлопья?
Там ветви стенают в холодном бреду
и тянутся к небу, как копья».

— Не саван. Нет, это — венчальный убор.
Дрожит мое сердце: Он близко...
Спешит Он... Мелькает сквозь серый забор.
Вот снова мелькнул, — ты взглядишь-ка.

— «Я вижу наш скучный, гнилой частокол,
он в дали беззвучной кривится».
— Во двор входит!.. Вот уж во двор Он вошел.
Я чую шаги... Он стучится!..

Сергиев Посад, 6 ноября 1904

Beethoveniana

Тако бо возлюбил Бог мир,
яко и сына своего едиnorodного
дал есть.
Ин. 3. 16.

В безднах темных пространства затерянный крик:
«Наш Отец!.. О, Родной!..
мы — одни!..».

И растерянно-бледный глядит скорбный Лик.
Пред всемирной стеной
те ж огни.

Растянувшийся в веки безотзвучный миг
вихри рвут с сединой.
Мчатся дни.

Многолетнею скорбью объятый, на зов
Он молчит.
И над сонмом пустынных и мертвых миров
Он беззвучных и грустных струй жемчугов
с вечной скорбью точит.

Чрез созвездья мигающих в бездне миров
стон несется без слов —
стон к Родному: «Отец, ей, гряди!».

С горшим стоном доносится голос Отцов:
«подожди!
О, мой сын. О, мой сын. Я тоскую и плачу давно.
Тебя жду Я века.
Все по прежнему сына любя Я равно.
Пожалей же меня, Старика».

Сергиев Посад, декабрь 1904

Ручеек

На гранит
Струей кристальной
Льется ток:
ручеек
струной хрустальной
Зазвенит.

В тьме бежит
ключ ясно-чистый,
как и днем.
«Мы уснем
с звездой лучистой», —
он журчит.

И скользит,
Ластясь атласом
Вдоль камней.

У камней
сребристым гласом
Вновь журчит.

Посв<ящается> Сереже.
Сергиев Посад, 14 января 1905

Детская песня

Шепчет море берез
изумрудно-игривое,
сыплет фонтаны слез
радостно-игривое...

Плачет роща и ждет сладости, —
ясно-взорая.
Дни придут к нам легкой радости
очень скорые.

Прядями лучистыми ковыля
тянутся облачки
белоснежные —

хороводами чистыми тихих ангелов
скользят в лазури,
безмятежные.

Как кудри шелковистые, мамой расчесанные,
вьются локонами
пренежные.

Вы плывите, серебристые лодки,
в бирюзовости.
Вы везите Папу,
прилежные.

Сергиев Посад, январь 1905

In pace⁷
(Акафист)

Посвящается похороненной
23 февраля 1905 на деревенском
кладбище

1-й лик

Радуйся, Дева, Царица Небесная,
Богоневеста, во век невестная!
Радуйся, стройная и безмятежная
Лилия снежная.

2-й лик

Ты лишь одна, в чистоте неизменная,
жизни явила нам Семя нетленное,
грех победившее.
С Сыном прошла Ты креста все страдания,
нас искупившие,
им же числа нет и нету названия.

1-й лик

«Радуйся, Зорька Светила предвечного,
Роза пурпурная рая!» —
Дитяtko, Деве навстречу, беспечное
крикнуло, в чреве играя.

2-й лик

С горных вершин дуновеньем живительным
страсти жестокой смири тревожение —
страсти горение.
Свежей прохладой овей очистительной.
Благоприятное
слово Свое нам скажи, Благодатная.

1-й лик

Слово предвечное в чреве носившая
и нескazanное нам рассказавшая,

⁷ В мире (лат.).

радуйся, Кроткая, радугой ставшая,
Слово явившая.

2-й лик

Хищница Смерть с крылом черным, когтистая
жертву за жертвой уносит безжалостно
неумолимая.
Ты лишь одна, Богородица чистая,
Духом любимая,
Смерть победила рождением нетягостным.

1-й лик

О, помоги, Слово Божье Вмествившая,
муки надежды на землю Низведшая,
выходы сладким рыданиям Нашедшая,
их отворившая!

2-й лик

С лязгом железным от крыльев стенающих
Хищница каркает нам среди радости
гостей зловещею, —
с жертвой исчезнет в провалах зияющих
в бездне чернеющей.
Ты же, Лазурь, упокой Деву в сладости.

1-й лик

Радуйся, Лань, Мариам умиренная,
с тихой улыбкою долу склоненная
облачком взметанным с неба лазурного,
вечно безбурного.

2-й лик

Дева Всевышняя, Мать кротко-взорая,
В жгучей пыли мы бредем утомленные
и опаленные.

1-й лик

Ты одна злобных лучей отгоняешь рой,
Помощь нам скорая.
В честный нас свой омофор, Мариам, укрой.

2-й лик

Все мы — как узник, весною волнуемый,
бьемся о стены, смертельно тоскуем мы,
стонем бессильные.

1-й лик

Вырви тлетворные Смерти посевы —
севы могильные,
Сыне безгрешный единственный Девы!

2-й лик

Зноем и шумом томит жизнь безбожная,
правда с неправдой кружат многосложные
вихрями пыльными.

1-й лик

Тихая, Тихая, дай умирение!
В сердце обильными
струями влей благодать разумения...

Оба лика

Радуйся, радостью нашею ставшая,
кротко гордыни смирать не уставшая!
Радуйся, Дева, Царица Небесная,
Богоневеста вовек невестная.
Радуйся, радуйся, Богом Избранная,
Им осиянная!

Село Толпыгино, масленица 1905

Звезде утренней

Богородице ясная,
не оставь, помоги.
Жизнь мятется ненастная,
обступили враги.

Розвым облачком, Нежная,
Ты в лазури скользишь, —

жду в тревоге мятежный я,
жду я мира. Дай тишь!

Мариам ясновзорая,
тихим оком взгляни.
Ты — Помощница скорая,
Засвети в тьме огни.

Ведь впотьмах бегу тропкою
ядовитых зарниц.
И с надеждою робкою
не поднять мне ресниц.

Волоса золоченые
обвивают звезду:
через слезы соленые
вдаль смотрю я в бреду.

Сергиев Посад, 11 февраля 1905

Аарон Моисею

Ты говорил, — но мы не понимали
твоей мучительной тоски.
Ты нам творил... Обоих вдруг скрижалей
швырнул куски.

И ясный лик, как солнце, излучавший
весной лучи,
потух в тот миг, и вылил ты из чаши
нам Божий гнев. Огнистые мечи

в очах блеснули. Ярость обличенья
ты в нас швырнул бестрепетной рукой
и, сам не свой, дрожа от вдохновенья,
ушел на кряж, — высокий кряж родной.

Посвящается Э.
Сергиев Посад, 29 апреля 1905

Перед жертвоприношением*(Авраам Ицгаку)*

О, дай мне обвить твои узкие плечи,
в глаза ясновзорые дай заглянуть —
о Жертве грядущей, как жертве-предтече
с покорством безмолвным вздохнуть.

Послушай, послушай, мой сын, мой желанный:
тебя я просил столько лет,
что слезы иссякли, от Господа данный —
что слез на глазах моих нет.

Во сне и в Завете ты Божьем являлся,
Ицгаком с небес наречен.
Ицгак... С нежной грустью ты мне улыбался,
как будто предвидя, на что обречен.

Вот с верной голубкою, с милою Саррой
доплачу я долгий свой век.
Тебя разлучил я, ах!, с матерью старой,
с груди ее смех я отсек.

Ты — тихий, ты — кроткий: — за вздох расставанья
меня не осудишь, Ицгак.
Ночами пустыни, в такт мерных качаний
верблюда, я ждал тебя, — так,

как сына, как брата, как друга ждут; верно,
тебя я не зная, любил.
Сын милый, живи: не в тебе ли безмерный
Ягве род родов посулил.

С тех пор, как на тучной мне Ура равнине
открылся Ягве Элогим,
я бросил свой дом, — был я верен доныне
и думал, что Элем любим.

О, нет, не ропщу я. Пред Богом смиряюсь:
не нам вести зрячих — слепым.
Он — свят, Он — Господь, как сказал. Покоряюсь:
ведет пусть уставом Своим...

Тифлис, 1 июля 1905

На необходимость пить
(перевод с греческого, из Анакреона)

Пьет же темная земля.
Рощи пьют ее, лесочки.
Океан пьет ветерочки,
солнышко же пьет моря.
Месяц солнце выпивает.
Что же мне-то помешает
Пить, коль хочется, друзья?

Коджоры, 10 июля 1905

* * *

Всю холодную ночь я один пробродил.
Бесконечной тоской сердце ныло.
И не мог превозмочь, и с темневших перил
наклонился: внизу что-то плыло.

Но в черневшую воду вглядысь, помертвел.
Руки жалко тотчас охладели.
Увидал я: под сводом моста серебрел
Лик твой милый из пенной кудели.

«То — морока, поверь!» вдруг себе закричал,
поддаваясь безумной надежде.
«Лишь открыть надо дверь, где всегда я стучал,
и обнимемся с другом, как прежде».

Но сквозь пену реки мне пригрезился взгляд,
Взгляд, упрека чуть грустного полный.
«Брат, домой не беги: не воротишь назад.
Унесли все, что было, уж волны».

Тифлис, 17 июля 1905

Костромская сторона

Деды отшедшие! — деды священнослужители!
тесной толпой шегутятся богов ваших образы,
нитью серебрянно-звонкою тянете вглубь, к тайнодействиям.

Слышатся гимны священные. Клубами ладана
с синими лентами тянется дымное кружево.
Отзвуки службы идут торжествующе-праздничной.
В шепоте листьев — бряцанья кадил огнедышащих.

Свещник сияет янтарных свечей хороводами;
ветра дыханье пройдет, — и закапают слезы восковые,
волны доносятся духа медвяного.

Вспомнить стараюсь, я, деды, моленья печали и радости,
вспомнить хочу шелест свитков и речи священные,
вспомнить напрасно влекусь я слова боговещные,
временем стертые.

Тщетно усилие, деды. В какие-то дали безбрежные
тщетно, тоскуя, стремлюсь; ноет сердце тоской
беспредметною.

Тщетно вы маните в рощи, в дубравы дубовые,
Ветер напрасно колышет брадами зелеными, старыми.

С любовью посвящаю эти страницы дневника Сергею
Троицкому — Друту, с которым мы пережили их.

5 августа 1905, Толпыгино

Эпитафия незнакомой девочке

Нежной рукою до полдня сорвали бутон ароматный,
снежность не дав запылить знойному ветру с пути.
Жизни тебе суетой не запачкать, родимая дочка,
и непорочной взяла Скорбная Матерь от нас.

17 августа 1905, Толпыгино

Назорей

Во все дни своего назорейства
свят будет Господу
(Числа, 6, 8).

Пред тобой не поставлю свечи,
не возжгу я лампад.
Златотканной узорной парчи
не одену наряд.

Облеченный в мерцающий лен,
сам хочу пламенеть.
И тобой, Свет и Пламя, зажжен,
бледным воском сгореть.

Сергиев Посад, 27 декабря 1905

Два рыцаря

Мы на время забудем проклятья.
Поцелуем друг друга в уста мы
и, обнявшись крепко, как братья,
сломим копыя с тобою в честь Дамы.

Дни и годы сурово сражались...
Жестоки были честные сечи.
Мы, всплакнув, за оружие брались
после кроткой и ласковой встречи.

Солнце алое — помнишь? — взглянуло
грустным вечером в купах янтарных.
Вспоминаешь ли, брат, как тонуло
и зарделось меж тучек пожарных?

Ты ли плачешь, Друг, с милой улыбкой,
как, тоскуя, заплакал тогда ты:
Лист осинника стаивал зыбкой
и смолою закапал на латы.

Оба правы... и оба несчастны...
Наши нити сплели злые Норны.
Лист кружил. Взор туманился ясный.
Наполнялся лузой необорной.

2 февраля 1906. Сретенье Господне.
Сергиев Посад

*Amor fati*⁸

День и ночь проходят ровной
чередой, а ты не видишь,
как безмолвно я страдаю
и не жалею ничуть.

Было время: я подняться
думал вверх струей фонтанной.
Но, поднявшись до вершины,
низвергался с высоты.

Я сказать тебе не смею
(да и чем ты мне поможешь?)
И, томясь неизцеленно,
я стараюсь хоть заснуть.

И душа полна тоскою
(не понять тебе усопших!),
смерть повила взор печальный —
черным крепом мне глаза.

Близка гибель, — Бог далече,
и Ему душой молиться
я не смею, я не в силах,
и молчу, потупя взор.

Ты же, кроткий, агнец Божий,
помолись хоть ты, коль можешь,
помолись в смиреньи чистом
за томящихся душой.

16 марта 1907

⁸ Любовь к року, судьбе (лат.).

***Sol invictum*⁹**

«...пришедше на запад солнца,
видевше свет вечерний...»

Как пышное солнце,
пылая, клонится к закату,
так сердце смеется,
уставшее, милому Брату.

И рдеют кораллы —
тяжелые гроздья рябины.
Парчовые ризы и лалы,
и пурпур священной осины.

Восторг увяданья!
А встреча с любимым так близко —
с уснувшим настало свиданье,
и солнце багряное низко.

Устали одни мы.
Вздыхаем, как дышит осока.
Мы — ветром гонимы,
ты, ясный, — в лазури, далеко.

Но радость цветами
к душе возвращает дни мая,
порхающим листьям над нами
внимая.

Сгибаясь, шумят одиноко
тростник да осока.

— «Ты что шелестишь так несмело,
тростник водопелый?»

— «О люди, поверьте:
Нет смерти!».

17 марта 1907

⁹ Непобедимое солнце (лат.).

**ПОСЛАНИЯ, ШУТОЧНЫЕ СТИХИ,
НЕЗАВЕРШЕННОЕ**

***Пучина бедствий,
сиречь темный хаос***

Посвящение

Господину ТрEDIAKовскому,
елоквенции профессору и пииту трудом сим смиренно подражая,
Господину Соловиову оную побасенку
посвящаю с крайним дерзновением

Стихи

Скачет птичка весело
По дорожке бедствий,
Не предвидя из сего
Никаких последствий.

* * *

Но увы... последствия суть
гнусны и ужасны;
нам не можно отдохнуть —
беды ежечасны.

* * *

Беззаботно пташка
Недолго скакала;
оную за ляшко
чудище пожрало.

* * *

Так и мы, чревобесясь,
влечемся к могиле.
О! в сей страшный, грозный час,
Господи, помилуй!!

Конец стихов о хаосе, посвященных господину Соловиову.

14 ноября 1900

Сон

Стояло солнце над Курой,
Как будто недвижимо.
И облаков тяжелый слой,
Как будто дым камина,
Давал какой-то странный свет
В той местности безлесной,
Где встал над городом хребет
Со стороны небесной.
А мы все шли вперед, вперед,
Вперед неудержимо!
Как будто там нас счастье ждет,
Зовет неумолимо.
Я был с тобой, мы шли вдвоем.
О друг, мой друг давнишний!
Мы все идем, давно идем,
Здесь третий был бы лишним.
Молочный свет... И нет теней
Следов неуловимых.
Одни лишь отсветы лучей
На сумрачных вершинах.
Бросая вдаль за взглядом взгляд,
Забыв о возвращеньи,
Идем и грезим наугад,
Не оставляя тени...

1901, Тифлис

Послание первое к А<лександр> Е<льчанинову>

Я жду тебя. Приди скорей,
Приди скорее, жданный
Оставь других, оставь людей,
(Оставь,) и будешь снова жданный.

* * *

Бушует пламя, и темна
Струя трубы камина.

Шумит поток; порой волна
мутна и недвижима.

* * *

Катит бездушные струи
Поток неудержимый
Рожденья, смерти < > твои,
Кронос неумолимый.

* * *

Но образ твой во мне стоит:
Стоит он недвижимо,
И лишь греховности закрыт
Он мглой неуловимо.

* * *

Лишь солнце ж ласково взглянет
И луч туман разгонит,
Твой образ снова восстает
И в сердце снова звонит.

24 августа 1902, Тифлис

* * *

Была тишина и звуки [умер/ли/]замерли
Мороз сковал [движения] луну
Она повисла жуткая

Была тишина и [жизнь] город умер
[Город] застыл
Я шел по улицам и звука шагов своих
не слышал
В упор на меня смотрел лучезарный глаз
[Окруженный]
широко раскрытый
С лучистыми ресницами
и в круге.

[Умри, умри грядет час]
Он пронизывал рассматривал
и раскрывал все
И я жался вдоль стен, но укрыться от глаза
Не мог
[Но стены]
На пустынной площади
среди снега
[Чуть пылал догорал]
реяли раскаленные уголья костра
затухавшего
И [малень/кая/] семилетняя девочка
стояла
Над костром одна, грея
руки. —
Но злоба на глаз вдруг вспыхнула
который смотрел пронизательно
и я пошел мимо
потирая озябшие руки. —
и искривляя рот усмешкой. —

23 декабря 1903

* * *

Я мотив приведу
Оправданья найду
Для всего, что тебе написал.
[Не забудь] Ведь Василия Эр
Я читаю теперь
И уж много его изучал.
Вдохновился я им
Жаждой дела томим
И тебе я совет [нап/исал/] сочинял.
[Так Гимена забудь]
Чтобы вновь не сердить
Я хочу предложить
Я осмелюсь просить —
Со смирением всяким прошу —
[Прочт/и/]

Новых мыслей поток
Заключу в пару строк
И прочесть я тебя попрошу.
«Ты Гимена забудь
Не ходи в Новый путь
Не являйся и к Эр есть лапшу.
А затем не сердись,
На меня не ярись —
Еще многое нужно сказать.
Я тебе написал
Но письма не послал,
Потому что [тебе] темно не понять
И в письме за письмом
может св..... одной
Нужно было бы все переслать?
В этот вечер с тобой
Александр дорогой
Я увидеться был бы так рад.
[так полна голова]
И огнем золотым
пробираться сквозь дым
[Без болтовни сейчас мог бы я]
Я бы шел лишь с тобой, мой брат.
Но пространство дробит
И лишь в нем дым разлит,
Застилая огнистый наряд...
[А с другой стороны]
А, признаться сказать,
Ваш туман разгонять
Неохотно сейчас я берусь:
[Он и то слишком густ]
Он и то не густой
И я вижу взгляд твой
А его я боюсь.
Я Гимена почтить
И Харит попросить
за тебя уж теперь не явлюсь
[Ты я вижу]
Ты разгневан, увы.
Слышу плач я вдовы
Слышу вопли я тещи твоей.

Ведь ты умер для них
[Негодую на стих]
Негодую? лих
На меня за устройство семей.
Не сердись, — не гневись
Коли хошь — не женись
Но открытку пиши поскорей.
Теперь я темп переменяю
И вольным ямбом [выступ/аю/] щеголяю.
Реляций и докладов кучу
Перед тобой сейчас я взбучу.
Во-первых, С. А. Котляревский
Всегда боявшийся быть резким
чтобы терпимости достигнуть
Решил без логики погибнуть
[Отвергнул *tertii exclusi*]
Exclusi tertii отвергнул
Сужденье всякое подвергнул
Гоненьям [и лишь]; одобряет
Того, кто *только* вопрошает.
Так этот самый [*doctorandus*] докторант
Мне подарил (и Эрну) Band
О Ламеннэ, католицизме
и всем церковном социализме.
Затем Алабина, девица
— Спроси у Мани, что за птица, —
Недавно книжку написала
где греков быт изображала.
Потом, — и то всего важнее,
хотя запутанно-сложнее.
Ты можешь ждать от триумвира.
Создания «такого» ¹⁰ клира,
[Такой он будет, что]
[Такой наверно клир сей будет]
Таковый, верь, клир сей будет

Что об Лайоле мир забудет. —
Кокоша с головой по ноги

¹⁰ «Такой» или «так» по-латыни «*sic*», *hoc est societas Jesus Christi*.
(Здесь и далее примечания П. А. Флоренского).

Ушел в зубрежку. Пусть же боги
Пошлют [ему] всего, чего желает:
[Он их не слишком]
Их мало он обременяет.
Другие все живут, как прежде,
На Асатиани я в надежде,
И он во многом изменился
[нрзб]
Здесь, знаешь, Яшка появился.
Ну вот, опять я заболтался
А час второй уже скончался.
[Возьму высокий напоследок штиль]
Высоким штилем [напоследок] окончанье
Я напишу. Негодование
Покинь свое и не сердися.
Гораздо лучше — расщедрися
И в целых-целых семь копеек
Пришли письмо (без канареек) ¹¹
В надежде, что ты свой гнев сбавил
[Прощай до лета] Я остаюсь твой верный Павел.

26 марта 1904

Пессимизм

Лето в Лету улетело
[Светло] Быстро Солнце охладело.
Бывши прежде белой *Ледой*
Лето ¹² стало нынче *laide'ой*,
[из богинь сошла на лэди]
и от горя поседела —
[Феба так она жалела.]
Будто вся *заледенела*.
Так [судите же] подумайте ж, *милэди*,
Leder Handschuh ¹³ надевая,

¹¹ «Без канареек». «Тут есть некая тайна!» (В. В. Розанов). Разгадку оной можно найти у Чехова в «Дачном муже», ибо канарейка — это символ.

¹² Лето = Латона, мать Феба.

¹³ Перчатку.

[Вы теперь наверно] Когда станете Вы *ledig* ¹⁴ —
что вселенная вся в лед
в *летаргии* засыпая
в скором времени придет,
и *летальный* ¹⁵ [уж исход] уж полет
должен ждать себе народ.

22 апреля 1904

Я право, Саша, удивляюсь
[Как в Лету]
Как *улетело* время в *Лету*
Перед экзаменом ругаюсь
Приготавливаю мысли к лету.
[И время *делу* проворонив]
И проворонив время дела
Я не готов и к испытаньям;
Меж тем комиссия доспела (поспела)
Меня погубит с ликованием.
Забыв экзамены, стихами
Строчу [поэмы] рассказы о туманах,
И вместе с этими грехами
Не забываю и о дамах.
Суди же сам, как этим летом
Я должен каяться пред светом.
И сколько [дел] взявшись за писанье
Мне нужно отстрочить маранья.
И вот в печальном положеньи
[Я принужден]
В Тифлис я после провала —
Сейчас же после возвращенья —
Себе жду нового обвала,
Обвала камней и упреков
За обскурантность, психопатство
[и высосет меня до сок/ов/]
Мне не оставит вовсе соков
[во мне] знакомых тайное коварство.
Гляди и виждь, милейший Саша:

¹⁴ *Ledig* = незаняты и праздны.

¹⁵ *Exitus laetalis* — смертельный исход болезни.

в таком плачевном ожиданьи
Понятно, не могу заняться
Я не смотря на все старанья.
А потому, как провалюся,
Не обвиняй без состраданья
быть может я тогда сопьюся
[Так вот] [Так вот мое] Так привожу и
завещанье.

От Эрна [слыш/ал/] знаешь о журнале
Который будет издаваться
(Не так как «Н. П.» на канале)
Когда начнут статьи скопляться.
Конечно ты нас не забудешь
Ты к нам в редакцию прибудешь
С портфелем — это несомненно —
[Согбенный тяжестью и мокр/ый/]
Тяжеле, чем обыкновенно.
Пока же думай понемногу,
Чтоб нам рассказывать в дорогу
О чем иль может быть о ком
Нам поднесешь, сгибаясь, том. —
Как твой экзамен поживает?
На Невском патер С. гуляет.

22 апреля 1904

Элегия на отупение П. Флоренского

Увы! О горе! Поглупел
Несчастный П. Флоренский,
И ум его отяжелел
И стал, как стул он венский.

Судьбе злосчастной покорясь,
Он ест и пьет без меры
И в час еды, в сей жирный час,
Забыт вопрос им веры.

За колобушкой иль блином
Забыт и Кант и Гегель.

Сидит, объятый полусном,
Трещит от груза мебель.

Затем — лежит, как крокодил,
Расплывшись на постели,
И нету в духе капли сил
Чтоб съехать с этой мели.

Толпыгино, 1905

Звездн<ая> дружба

[Друг мой единый.]
В темной утробе —
Как в гробе —
рос каждый из нас.

Смерть до рожденья!
Как в тесной темнице
И в гробе
[рос каждый из]
Мы оба росли одиноко.
В утробе

Мы до рожденья, как в гробе,

Еще не родились
Плакали горько в разлуке
Слушали звездные звуки.

18 ноября 1906

Тебе в часы тревожных дум
Внимал, измучен и утрюм.
И, сладкопением палим,
Тебе, мой горний Серафим,
я поверял души двойной
раскол души моей больной.
И знал заране, что понять —
Ты не поймешь, а как сказать?

И, осязая свой предел,
Я несказанностью горел.

Май 1908. Сергиев Посад

Трезвая пьяность
(посвящается Е. Д. Эрн)

Eas gemmas (т. е. аметисты) Magorum vanitas resistere ebrietati promittit, et inde appellatas (Plin., Hist(oria) Nat(uralis), lib. 37, 22)

Ὁ λίθος ἐστ' ἀμέθυστος ἐγὼ δὲ πότας
Διόνυσος·

Ἦ πινέτω νήφει; ἢ μαθετω μεθύειν.
(Πλάτωνος νεώτερος, εἰς Διόνυσον
γεγλυμμένον ἐν ἀμεδίστῳ).

Глубокие утра холодного лета!
Полнеба одето огнем перламутра.

Чуть мглисты и сини бодрящие дали.
Где горечь печали? Где тяжесть полыни?

И к сердцу безвольно ласкаются руки.
Надмирные звуки звенят богомольно.

Как в винном потире, — во влаге огнистой
на дне — аметисты; в небесном эфире

разлита отрада фиалковой мутью.
Пойду к перепутью любезного сада.

Заросшие кашкой пурпурные пятна!
Тут гибель приятна, — бессмертье не тяжко.

Как пахнет цветами и медом душистым!
К устам розволистым смиренно устами

прильну я; и знаю, кто в душу глядится: —
взирает Царица фиалковой далью.

20 мая — 26 июля 1908.
Сергиевский Посад — Толпыгино

Басня о некоем князе

(Подражание К. Пруткову)

(А посвящается Павлюсу Каптериенсису)

Какой-то Князь,
таким уж отродясь,
не слишком, правда, умным
(что ты поделаешь: раченьем многодумным
Наука докопалась, что и знатность
не обеспечит нам ума приятность!),
так этот самый князь —
любитель истинный исконной русской пищи,
к тому ж не нищий —
затеял ужинать не торопясь.
И, кликнув эдак Ваньку: «Ге!» —
Желудок с кашей дал слуге,
Сказав при этом: «Пусть варится!»
А сам, наевшись, спать ложится.
Слуга: «Спасибо», — говорит
И свой богатый аппетит
Желудком с кашей утоляет.
(А Князь-то ведь того не знает).
Потом уснул, но пробужден
Кричащим громко князем он,
Как трубным звуком:
«Что каша у тебя в желудке?»
«Сварилась уж совсем», — слуга в ответ, —
«Пора уж быть мне в бутке».

* * *

Ты сам себе совет отсюда извлеки, читатель,
И хоть и знатен, но не будь мечтатель.

23 октября 1908 после обеда

Письмо к Васе Гиацинтову

Милый Васёнок!

Мила бессмысленная праздность,
Постыл тщеславный шум наук.
Нить времени ведет паук,
Сокрыв их пестроту и разность.

Дела и дни, державно важны,
Текут медлительной чредой.
Сменяется гряда грядой
Зовущих внутрь раздумий влажных.

Вином пурпурным запивая,
Воспоминаю и грущу —
Премирно-древнему хвою
Роднится мысленная вая.

Вот ты, давно-давно знакомый,
Плывешь ко мне в дали веков,
В мир несвободный, в мир оков,
Давно-давно ко мне влекомый.

5 июня 1909

Признание Канта в любви

Интелигибельный объект,
О ты, сверхчувственный субъект!
Хоть представление ты мое,
Но сквозь волнуемый туман,
Что в мире опытным мне дан,
В тебе идею вижу я.
Молю тебя, о будь моя.
Хоть трансцендентна мнимость ты,
Но в принципе не есть мечты!
Ты вещь в себе, и к цели той
Стремится разум вечно мой.
Молю тебя я об одном:

Моей будь в символе земном.
Когда тебя вне чистых форм
Пространства, времени узрел,
Тогда значенье идей-норм,
Тогда земной наш весь удел
Я понял вновь, увидел вновь
Весь блеск Единого Бытья.
Молю тебя, о будь моя.
О дай, о дай свою любовь!

15 ноября 1909

Разговор

«За дело, господа»,
— Какое? — «Да вообще
Вперед скорей». — Куда?
Куда? Не лезь вотще... —
«Не стерпим, не снесем!»
— Что ж, для чего? —
«Мы напролом пойдем!»
— А супротив кого? —
«Порабощают нас...
Священные права!»
— Скажите ж мне сейчас
Какие? —
«Отстал ты... негодяй...
Бойцом себя не мни
И впредь ты нас не знай...»

Сонет

(Прежде и теперь)

A Monsieur Eudoxie Coukshinenok

Фонтан искрометный разбрасывал брызги,
Закатное солнце косу золотило,
И там, у фонтана, фонтанно вдруг взвизги
И хохот веселый взлетали так мило.

Моя Лизавета в горелки играла,
Бодра, хороша, как всегда, без корсета.
Ходила нечинно; над книгой не спала,
Жеманилась в меру и в ситец одета.

* * *

От имени хвостик, от головы косу
Отрезавши, стала она Лизаветом ¹⁶.
Поддельным мужчинкой она пред буфетом
Пьет пиво, жеманную принявши позу.
Украсила голову шляпой гигантской,
А шляпку украсила логикой дамской.

* * *

Мукой Твоею
Мы от страданий
Освободились, Христе,
И воскресеньем
Тленья избавились.
Господи, Слава Тебе.

Тварь да ликует!
Да веселятся
Синие своды небес.
Ибо Спаситель
Сжалясь над миром,
Грех на кресте наш вознес.
Смерть умертвил Он,
Жизнь даровал нам.
Вырван у смерти Адам.

И добровольно
Муке распятья
Отдал Себя Он в любви
К роду людскому,

¹⁶ Знаменитая баба Елизавет Воробей, которую Собакевич продал Чичикову в качестве мужика...

Ты, непостижный
Царь и небес и земли.
Ад опечалился
Праведных души...
<>

Убегающее поле...
Золотящаяся даль...
Но Далекого мне жаль.
Но томительно на воле
Ноет сладкая печаль.

Голубой хрустальный свод...
Не за ним ли, друг далекий?
До тебя, о синеокий,
Ропот сердца как дойдет?
Я, прикованный к земле,
Твой полет слежу, бескрылый.
<>

Вакханалия

Praesto praestissimo

Прочь оковы!
С силой новой,
С диким криком,
С гиком, с гиком
Мы помчимся в исступленье.
Топот, хохот,
Ржанье, свисты
Птиц встревожат в отдаленье.
Эй, кружи ты
Быстро, быстро,
Сонм нечистый!
Мчимся, мчимся.
Сыплет искры
Факел пламенный в круженье.
В пьяной пляске

Боком, боком
Мчимся, кружим
В пестрой сказке.
Слышны вои
И гобои;
Труба груба.
Рык тромбонов, ржут валторны,
Корны.
Бьют в литавры
Минотавры.
Свечи,
Плечи,
Маски,
Речи —
Все слилось в безумной пляске.
Ржут кентавры.
Всплески, блески,
Блики,
Лики,
Тирса раны
Кружат, ходят.
Звон! Тимпаны!
Эй, помчимся,
Боком, скоком,
Задыхаясь, запыхаясь.
Без сознания.
Звуки трубы!
Звон! Тимпаны!
Бубны...

* * *

В безмерной радости теряться
Державин

Ночь и день с любовью сладкой
вновь теперь с тобой иду я
Ночь и день и вновь украдкой
я с тобой иду тоскуя.

ветер в ухо шепчет дую
Помощь нам сияет солнце
вешним пред закатом
вешним предзакатным
Тихо сердце привлекает
манит вдаль
Ветер шепчет вновь украдкой
шаловливо в ухо дую
И корою пахнет сладкой

У дверей

В мире Он пребывал
.....
Мир Его не познал.
Он пришел ко своим, —
Ими был Он гоним.
Но хоть Он пострадал,
Он спасти их алкал.
И, любовью томим,
Он пришел снова к ним...

Он стоял при дверях
И стучал,
И помочь Он просил,
Умолял:
Отворите Мне дверь
Хоть теперь.
Я несчастен и наг.
Холодно.
Я всегда был к вам благ.
«Все одно.

Тут кричат за дверьми.
Уходи.
Нам не надо Тебя,
За себя
Каждый должен страдать
И желать.

Как бы Ты не страдал,
Нам других нужно дел:
Ты для нас устарел,
Как Ренан показал.
А теперь не мешай,
Отобедать хоть дай
И не клянчь: то претит,
Портит нам аппетит».

КОММЕНТАРИИ

Стихотворения

В раздел вошли стихотворения, включенные Флоренским в сборник «В Вечной лазури», либо в оставшийся неизданным сборник «Ступени» (оба они воспроизведены в настоящем томе факсимильно). Стихи располагаются в хронологии написания, приводятся авторские датировки; в случаях, когда датировки установлены составителями, они даются в ломаных скобках.

Как уже отмечалось в предисловии к разделу «Литературные опыты», «дневниковость» стихов Флоренского, связь с внутренним миром автора отражалась не только в их содержании, но и в способах группировки, которая менялась в разных сборниках. Поэтому в комментариях указываются раздел сборников, в которые включалось стихотворение (сборник, план которого сохранился в АФ, обозначен «Сборник II»). В комментариях приводятся также варианты черновых и беловых автографов с отсылкой на порядковый номер строки основного текста. В комментариях также отмечаются посмертные публикации стихов.

Отрывок из рассказа

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм». Местонахождение автографа неизвестно.

Что такое поэзия? (Из Альфреда де Мюссе)

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — в раздел «Всюду символы».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи с другим строгическим оформлением, без разбивки на двустишия.

Перевод стихотворения французского поэта Альфреда де Мюссе (1810—1857), которое в современных изданиях публикуется под заглавием «Экспромт в ответ на вопрос “Что такое поэзия?”» (перевод В. Е. Васильева). См., например: *Альфред де Мюссе. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 255.*

На смерть В. Соловьева

«Ступени» — включено в раздел «Всюду символы», «Сборник II» — в раздел «Идеализм».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи с тем же заглавием.

Варианты авторизованной машинописи:

12. Ее Христом ты претворял.

Владимир Соловьев скончался 31 июля 1900 года. Направляясь после окончания гимназии поступать в университет, Флоренский и его друзья — В. Эрн и А. Ельчанинов «отправляются в Москву, в первую очередь, мечтая посетить В. С. Соловьева, чтобы выразить ему свою глубокую любовь и почтение. Но еще в пути их настигает скорбная весть — 31 июля В. С. Соловьев скончался» (*Кейдан В. Комментарии // Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 56*).

Из сказки

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога», «Сборник II» — под заглавием «Отрывок» — в раздел «Всюду символы».

В АФ сохранилась авторизованная машинопись б/д с заглавием: «Отрывок (из сказки)».

Авторские датировки не сохранились, относится к началу 1900-х годов по содержанию.

За чтением Шеллинга

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — в раздел «Всюду символы».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи с той же датировкой и подзаголовком: «маме». После опубликованного текста следует продолжение:

2. Заключение

Жизнь волнами всюду плещет,
Жизнь кипит вокруг тебя, —
Почему ж так слабо блещет
Солнца Вечного заря.

Мы, как путники, томимся
И восхода солнца ждем.
Теней мрачных мы страшимся,
Бледно светит небосклон...

На перепутье

Опубликовано: Литературная Грузия. 1988. № 3. С. 72—73. «Ступени» — включено в раздел «Идеализм».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи (АМ).

Варианты АМ:

3. *было*: и в мистическом предчувствии.

В лесу

Опубликовано: Литературная Грузия. 1988. № 3. С. 71—72.

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — включено сразу в два раздела — «Всюду символы» и «Без Бога».

В АФ сохранилась авторизованная машинопись с посвящением А. В. Ельчанинову и белой автограф (БА).

Варианты БА:

3—4. камни с нежностью ласкает
и целуясь с ним играет.

В тексте цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...». Содержание перекликается с воспоминаниями Флоренского («Детям моим», глава «Природа»).

Шехина (др.-евр.) — одно из имен Бога в иудаизме, выражающее идею его присутствия в мире.

Отрывок из гимна

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 25.

«Ступени» — под заглавием «Из гимнов» включено в раздел «Православие», «Сборник II» — в раздел «Без Бога».

В АФ автограф с заглавием «Из гимнов для мистерий».

Миро (греч.) — благовонное масло, приготовленное особым образом и освященное; употребляется при совершении христианских таинств.

На мотив из Платона

Опубликовано как первая часть сюиты «Звездная дружба»: В вечной лазури. С. 11. «Ступени» включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — в раздел «Без Бога».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи (АМ) с карандашной правкой, с той же датой и посвящением: «В. Эрну».

Варианты АМ:

5. В неясных, тусклых очертаньях,
6. Как бы во сне или мечтаньях
7. Пред ней витает мир идей,
8. И слиться вновь мечтает с ней,
9. И Эрос с ним овладевает.
10. И вот ей чудится, что снова
11. Душа родная найдена,
16. Она взирает вкруг себя

Варианты карандашной правки:

7. И всемогущий чародей
9. а. в единый миг овладевает.
б. В один лишь миг овладевает.
10. Душа в восторге и рыдает.
17. И шепчет жалко, сиротливо она глядя кругом себя:

Греческий философ Платон (427—347 до н. э.) оказал огромное влияние на русскую религиозную философию, в том числе на Вл. Соловьева, который переводил его сочинения. Флоренский считал философию Платона фундаментом всей европейской философии; о начале своего увлечения Флоренский вспоминал в некрологе «Памяти Владимира Францевича Эрна»: «Мы вместе бродили по лесам и по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах» (Собр. соч. Т. 2. С. 346); здесь же он изложил некоторые общие представления о философии Платона. По содержанию стихотворение развивает тему «Пещеры» Платона («Государство». Кн. 7).

В сборнике «В Вечной лазури» после стихотворения «На мотив из Платона» должно было следовать вычеркнутое цензором стихотворение «Корабли» («Всю холодную ночь я один пробродил...», текст корректуры с цензурской правкой воспроизведен в составе сборника в наст. томе).

Песня вольных каменщиков

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — «Всюду символы».

Местонахождение автографа неизвестно.

Вольные каменщики — т. е. масоны. О занятиях в архиве масона А. Ф. Лабзина Флоренский писал матери в письме от 2 (19) февраля 1903 года: «Дело в том, что Ельчанинов просил меня навести справку

по вопросу, который и меня интересует; только на днях я собрался, наконец, исполнить его просьбу и натолкнулся на рукописное письмо Лабзина, которым так увлекся, что сижу и переписываю его. В философском отношении оно не представляет интереса, но служит, как мне кажется, любопытным документом по истории цензуры и т. п. Хотя вообще меня эти вопросы мало касаются, но данное письмо так наивно, а потому и так язвительно, что я употреблю старания, чтобы его напечатали в “Новом пути”, конечно, если пропустит цензура. Напр., он описывает, как он издавал свой “Сионский вестник”, пользуясь тем переполохом, который поднялся из-за него, и откуда поступали бумаги Государю о необходимости заключить Лабзина в крепость, пока “поднялась буря, которая длилась более месяца и простиралась до того, что и в городе, и при дворе, и в кабинете, и за столом Государя, судили и рядили о моем журнале, как злом каком умысле, а обо мне, как о преступнике”, Лабзин преспокойно dokonчил все издание. Очень милы там некоторые резонерствования, а все письмо, кроме слога, по-видимому, является во всех отношениях вполне современным (хотя, конечно, не с точки зрения либералов)» (Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год) // Новый журнал. Нью-Йорк, 2002. Кн. 229. С. 111–112). Следы этой публикации не обнаружены. Рисунок из масонской рукописи Флоренский упоминает в письме к Андрею Белому от 18 июля 1904 (см. наст. том. С. 462).

Эон (греч.) — век, эпоха.

Ночью

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога», «Сборник II» — также.

В АФ сохранился беловой автограф (БА), к заглавию приписано: [Подражание].

Варианты БА:

5. Длинный язык все качается,
8. после 12.
10. Прямо над мной нагибается.
11. Воздух сырой выдыхается:

Юноша и Архимед

Опубликовано: День поэзии-87. М., 1987. С. 212–213. Републ. в составе поэтической антологии Евг. Евтушенко «Русская муза XX века»: Огонек. 1988. № 31, июль. С. 17. «Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — в раздел «Всюду символы».

Перевод стихотворения был сделан Флоренским для непрочитанной речи на открытии кружка при Московском математическом обществе в ноябре 1902 года. В тексте речи сохранился первоначаль-

ный и неоконченный вариант перевода. Опубликован вместе с текстом речи: Флоренский П. А. Черновик выступления при открытии студенческого математического кружка при Московском математическом обществе / Публ. и примеч. С. С. Демидова, С. М. Половинкина, П. В. Флоренского // Историко-математические исследования. Вып. XXXII—XXXIII. М., 1990.

Перевод стихотворения должны были пояснять следующие слова в речи Флоренского:

«Обратим внимание на последнее выражение: “Число царит над всем космосом и даже над Богом”. Нет сомнения, что словом “число” Архимед хотел указать на те наиболее общие законы, на те прототипы всяких отношений между бытиями, которые изучает математика. Математические законы, принципами которых являются наиболее общие категории единства и множества, должны по этому самому быть наиболее применимыми ко всему, наиболее широким объемом ухватывающими все данное: одним словом, они должны царить надо всяким материалом (...) Этим отвлечением математика действительно беспредельно расширяет возможности своего царства, но... она не царит *de facto*, и мы должны признаться в этом. Ее власть, ее сила остается силой на бумаге; она владеет документами, дающими ей права на царство, но она забывает, что без подданных, над которыми она должна царствовать, и без страны, которая была бы покорна ей, она только будет пустой возможностью, схемой без схематизируемого, символом без символизируемого, правом без силы провести это право» (Историко-математические исследования... С. 470—471).

Далее Флоренский говорил о своих учителях и наставниках: «Для меня не составляет сомнения, что наши учителя, по крайней мере некоторые, и среди них я не могу не указать на Н. В. Бугаева, что они в значительной мере обладают таким цельным мировоззрением, в центре которого стоит математика. Но почему-то получилось такое состояние, что обо многих вопросах как-то умалчивается в математическом обществе, как умалчивается в обществе о многих вопросах. Каждый про себя знает, но другим говорить считает неудобным» (там же. С. 472).

Якоб Карл Густав (1804—1851) — немецкий математик, один из создателей теории эллиптических функций. По поводу стихотворения, Флоренский оставил следующее замечание в тексте речи: «Оно принадлежит математику Якоби и представляет нечто вроде пародии на стихотворение Шиллера под тем же заглавием» (С. 470).

И планету еще за Ураном нашло... — имеется в виду Нептун, 8-я от Солнца планета (Уран — 7-я). Существование Нептуна было предсказано на основе вычисления орбит Урана, Юпитера и Сатурна еще до того, как его могли наблюдать астрономы. Это открытие считается триумфом расчетной астрономии.

Вечером

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога», «Сборник II» — также. Эпиграф — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

Посвящение — Юлии Ивановне Флоренской (1848—1894), сестре отца; о ее влиянии подробнее см. в воспоминаниях («Детям моим», глава «Природа»).

В Славянской библиотеке Брюсселя находится черновой автограф стихотворения, который поступил туда вместе с портретом Вл. Соловьева, текст сообщил П. В. Флоренский.

Варианты (по рукописной копии П. В. Флоренского):

Заглавие: Символ.

25. Ответа нет во все века.

31. В последний раз напряг глаза.

32. Но тут напрасны все старанья:

33. а. мешает мутная слеза.

б. Висит досадная слеза.

Сублиминальное сознание

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм», «Сборник II» — в раздел «Всюду символы».

Местонахождение автографа неизвестно.

Сублиминальный — термин психолога Ф. Мейерса (ум. 1902) и его последователя, американского философа Уильяма Джеймса (1842—1910), означающий то, что находится за порогом сознания, в современном понимании — бессознательное, в отличие от «сублимации» З. Фрейда, под которой понимается процесс преобразования энергии сексуального влечения в творческую либо социальную активность, как правило, с целью психологической защиты.

В неопубликованном рассказе «Дачные впечатления», датированном 6 февраля 1902 года, есть прямая ссылка на Ф. Мейерса: «мысль же от отрывка к отрывку, от части к части будущего труда переходила к темным и неисследованным областям сублиминального сознания, как выражается д-р Meyers» (АФ).

Лопатин Лев Михайлович (1855—1920) — философ, профессор Московского университета. Читал курс лекций по психологии (см.: *Лопатин Л. М. Курс психологии. <Лекции 1901/1902 акад. года.> М., 1903, где есть специальный раздел «Бессознательная душевная жизнь»*). О намерении посещать лекции Лопатина по психологии Флоренский сообщал матери в письме от 23 сентября 1900 года (*Флоренский Павел. Письма 1900 года (первый семестр первого курса университета) // Новый журнал. 1999. № 15. С. 221*). Вероятно, с этим связано посвящение.

Море

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога», «Сборник II» — также. В воспоминаниях «Детям моим» Флоренский писал: «свои детские и отроческие годы я провел в постоянном и ненасытимом, и всегда ненасытном, созерцании моря» и «Но я помню свои детские впечатления и не ошибаюсь в них: на берегу моря я чувствовал себя лицом к лицу пред родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью — из которой все течет и в которую все возвращается» (Детям моим. С. 45 и 50, а также многие другие страницы воспоминаний посвящены детским впечатлениям от моря).

Отрывок

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога», «Сборник II» — также. Вербная суббота в 1904 году была 20 марта.

Весна

Опубликовано с подзаголовком «Над Москвой-рекой»: В вечной лазури. С. 7. «Ступени» — включено в раздел «Православие» как вторая часть Диптиха «Две ночи», «Сборник II» — в раздел «Без Бога» под заглавием «Над рекой».

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА) без заглавия черными чернилами с карандашной правкой, дата: 1904, Страстной Четверг.

Варианты ЧА:

5. *было*: Хочется в радости плакать, рыдать, обливаясь слезами.
6. *было*: Прыгают теплые струи, вздымаются, бьются крылами.
8. *было*: Слова сказать не смогу; не смогу выдать бред полусонный.
9. *было*: Вдаль светляков золотистых уходят горящие гряды.
10. Плачут они над рекой и плачу светлому рады.
11. *было исправлено на*: Шум экипажей затих, растаяв в грустном мерцании.
12. *было*: а. О, как тебя я люблю и радуюсь близким свиданьем.
 б. Я с нетерпением жду, вспоминая о близком свидании
 в. Я с нетерпением жду, замираю пред близким свиданьем.
 г. Полный порывом к тебе <>
 д. *как в тексте*

Страстная Пятница — пятница на последней (Страстной) неделе Великого Поста, день, когда был распят Иисус Христос. В этот день во время богослужения совершается вынос и погребение плащаницы. В 1904 году Страстная Пятница была 26 марта.

Свидание «там»

Опубликовано как четвертая часть сюиты «Звездная дружба»: В Вечной лазури. С. 14 — в разделе «Апокалиптики».

В АФ сохранились черновой и белой автографы стихотворения с посвящением М. М. Асатиани, которое было снято при публикации.

Михаил Михайлович Асатиани — соученик Флоренского по тифлисской гимназии, был женат на его сестре Юлии, с которой позднее разошелся (о семье Асатиани подробнее см. генеалогические таблицы, составленные игуменом Андроником в кн.: Детям моим. С. 404—406 и 453). Врач-психиатр, жил в Москве, в архиве Флоренского сохранилось письмо Асатиани, свидетельствующее о том, что отношения между ними поддерживались после переезда в Москву.

Черновой автограф (ЧА) с посвящением позволяет выделить два слоя правки: ранний — теми же чернилами, что и основной текст, и более поздний слой карандашной правки. Чернилами приписано: Allegretto, и карандашом вверху страницы: эпиграф «рассиропили Божью любовь». Здесь же белой автограф (БА) с обозначением Allegretto и посвящением М. М. Асатиани.

Варианты ЧА:

заглавие: Свиданье (там)

1 А! старый товарищ, давно не видались

2 а. *было:* А помнишь ты наши взаимные раны?

б. А помнишь ли наши взаимные раны?

5—6 а. *было:* Давнишний противник, согрейся с мороза

Гляди, весь в звездах ты; как белая роза

б. *было:* Давнишний противник, согрейся со стужи

в. *начала правка карандашом:* А там, на дворе < хуже

г. *было:* За стенами, там, видно хуже и хуже

д. *как в окончательном тексте.*

11 *было:* За окнами свищут удары злой вьюги.

18 а. *было:* как в окончательном тексте.

б. А мы наносили взаимные раны.

19 а. *было:* как в окончательном тексте.

б. А знаешь ли ты, по тебе я скучаю.

21 *было:* а. С тех пор, как расстались средь голого леса

б. С тех пор, как расстались в стеклянном мы лесе

С тех пор, как расстались на поле с тобою мы белом

а. *было:* как в окончательном тексте.

22. а. Тогда я не понял в тебе ни бельмеса.

б. И градины слез ронял пеленою

в. И снежно-пустынной я шел пеленою.

после 22 было:

Не хочешь ли сыру — янтарь бледно-желтый...

Вот в пудре Филиппов-калач, но не тертый.

По лесу скитаясь я весь обтрепался

В сугробных перинах тонул, прохлаждался...

к последней строке дан вариант при незачеркнутом предыдущем:

В сугробах тонул и об лед разбивался.

Варианты БА:

22 *было*: и снежно-пустынною брел пеленою...

после 22 шел текст:

Не хочешь ли сыру — янтарь бледно-желтый...

Вот в пудре Филиппов-калач..., но не тертый.

По лесу скитаясь я весь обтрепался,

в сугробах тонул и об лед разбивался...

.....

25. *было*: Святая настанет: ведь близко уж время.

28. *было*: раскроем мы крылья в лазурном просторе...

allegretto — в музыке обозначение темпа исполнения менее быстрого, чем аллегро (быстрый темп).

Из гроба восстанет Жених — реминисценция Пасхальной Стихиры: «красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха происходяща».

...и все время нам сделает легким — евангельская реминисценция: «иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф 11. 30)

На высотах

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 19—24. Стихотворение включено как заключительная часть в поэму «Святой Владимир» под заглавием «Песнь восхождения» (см. далее в этом же разделе).

«Песнь восхождения» — так подписаны 15 псалмов (119—134) или потому, что петь их надлежало голосом возвышенным и на каждой из 15 ступеней входа в храм, или потому, что псалмы эти составлены по случаю возвращения израильтян из плена Вавилонского — для воссоздания Иерусалима.

Тема бегства в горы связана с евангельским пророчеством: увидев признаки наступающего конца света, «сущие во Иудее да бежат на горы» (находящиеся в Иудее да бегут в горы, Мк 13. 14).

Dance macabre

«Ступени» — включено в раздел «Без Бога».

В АФ два черновых автографа стихотворения. Первый (ЧА-1) содержит первые восемь строк, второй (ЧА-2) — полный текст, но экземпляр сильно поврежден, в тех фрагментах, которые поддаются прочтению, текст совпадает с опубликованным.

Варианты ЧА-1:

Заглавие: картина.

2. свой огненно пламенный танец

4. *было*: со стуком, скелеты, кривляясь,

8. и нечисть сойдется в окрестность.

Dance macabre — пляски смерти, в западной христианской традиции распространенный сюжет церковной живописи. Отсылка к конкретной картине у Флоренского отсутствует. Наиболее известны с этим названием гравюрные серии немецких графиков Альфреда Дюрера (1471—1528) и Ганса Гольбейна младшего (1498—1543).

В письме к матери от 19 января 1903 Флоренский просил: «...пусть Лиля мне выпишет из словаря Larousse в статье «*dance macabre*» те источники, которые там указываются» — Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год)... С. 108.

Посвящение из ненаписанной поэмы

В сборнике «Ступени» включено в раздел «Идеализм».

В АФ сохранился беловой автограф с заглавием «Начало рассказа», датой «апрель 1904» и посвящением Белому. После опубликованного текста следовало:

Вот я вижу во сне, что сидим мы втроем
Андрей Белый, П. Ф. и Петровский.

Посвящение обращено к Андрею Белому. Далее, вероятно, должен был следовать сон, который Флоренский описывал в письме к Андрею Белому от 14 июня 1904 года (наст. издание. С. 459).

Посвящение относится к поэме «Белый камень», первая редакция которой была написана в феврале 1904 года и послана Андрею Белому (текст первой редакции сохранился в письмах Флоренского к Андрею Белому в ГБЛ). В 1905 году Флоренский продолжил работу над поэмой и новую редакцию включил в сборник «Ступени» в раздел «Апокалиптика».

Об отношениях Флоренского и Белого см. далее в их переписке.

Поздняя осень

Опубликовано с подзаголовком «у окна»: В Вечной лазури. С. 6. «Ступени» — как первая часть диптиха «Две ночи».

Ночь

«Ступени» — как вторая часть триптиха.

Заход. «Ступени» — как первая часть триптиха.

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА).

Варианты ЧА:

I — Заход

4. влажный свет выжимая волной.

18. им врагов я Твоих отражу

19. А, как щит, я навешу котомку меж плеч.

II — Ночь

12. и я стал уж почти хилиастом.

24. *гость* злорадно твердит мой безымянный.

Восход

Опубликовано: День поэзии 87. М., 1987. С. 213. «Ступени» — включено как заключительная часть триптиха.

Стихотворения, которые Флоренский объединил в Триптихе, написаны под влиянием Вл. Соловьева и обращены к Софии Премудрости Божьей.

Неопальная купина (библ.) — правильно: неопалимая; терновый куст, который видел Моисей. Куст горел и не сгорал, и в нем Моисею явился Иегова (Исх 3. 2, 4). По учению Отцов Церкви, неопалимая купина есть прообраз Богоматери.

За тебя в битву выйду, — жалеть ли мне рук... — ср. в письме Андрею Белому от 15 июля 1905: «но для Софии “жалеть мне рук”» (наст. том. С. 468).

...и девиз свой «Хохма» напишу — др.-евр. «Хохма» означает Софию Премудрость Божию.

Гезихаст (греч.) — совр.: исихаст; сторонник духовной практики мистического созерцания, во время которой на человека снисходит Божественная энергия. Основателем исихазма был Григорий Палама (XIV век).

Свет Фаворский — по названию горы Фавор в Палестине, на которой произошло Преображение Господне (Мф 17. 1; Мрк 9. 2; Лк. 9. 28), в момент которого Христос озарился необыкновенным светом.

Хилиаст — последователь учения об установлении тысячелетнего царства Божия на земле.

У окна

Опубликовано как вторая часть сюиты «Звездная дружбы»: В Вечной лазури. С. 12.

В АФ сохранился черновой и беловой автографы стихотворения, оба — с посвящением Сергею Семеновичу Троицкому. В беловом после даты приписка: на прогулке.

Черновой автограф черными (ЧА) чернилами, правка — карандашом.

Варианты ЧА:

Подзаголовок вписан карандашом.

7. *было*: Прохожий замерзший — вот видишь? — бежит

9—12 *было*: — Я слышу, я слышу — пахнуло теплом

и где-то гудят колокольни.

Одни только мы за холодным стеклом.

Зачем только мы здесь невольны?

9. *было*: Мой брат, о, поверь мне,

11. Все полно истомой за этим стеклом

12. *к строке на полях приписана рифма*: безбольной невольной.

Троицкий Сергей Семенович (1881—1910) — близкий друг и соученик Флоренского по МДА. С осени 1905 года Флоренский и Тро-

ицкий жили в одной комнате в общежитии МДА. Троицкий является адресатом «Писем к Другу» в книге Флоренского «Столп и утверждение Истины». В 1907 г., по окончании МДА, С. С. Троицкий был направлен в 1-ю тифлисскую гимназию преподавателем русского языка. В Тифлисе в 1909 он женился на младшей сестре П. А. Флоренского Ольге. В 1910 был убит ударом кинжала психически ненормальным учеником, исключенным из гимназии (См.: Сборник, посвященный памяти С. С. Троицкого. Тифлис. 1912).

Beethoveniana

Опубликовано как вторая часть диптиха «Два завета»: В Вечной лазури. С. 4—5. «Ступени» — включено в раздел «Православие» с эпиграфом: «Бог, создавший нас без нас, спасти нас без нас не может. Бл. Августин» (цитируется «Слово на Св. Писание» Блаженного Августина. CLXIX.II // Patristica latina. Т. 38. Col. 523). Частично вошло в вторую часть поэмы «Святой Владимир».

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА) без даты.

Варианты ЧА:

7. *было*: а) Растянувшись веками безотзвучный миг
 б) Растянувшийся веком безотзвучный миг
 в) как в тексте

после 12 начато: Он точит ⟨⟩

15. *было*: Чрез созвездья пустынных спокойно-мигающих в бездне миров.

21. «Тебя жду — Тебя жду я века»

22. *было*: Все по-прежнему сына второго люблю я равно

На обороте неоконченный набросок продолжения:

/1/ Сын мой блудный, хотя и родной

/2/ Приходи, я очищу тебя белизной

/3/ Приходите скорее! Спешите! Уж близко

В воспоминаниях Флоренский относил увлечение Бетховеном к периоду детского богоборчества: «Но вот внешний повод выдвигает Бога как всесильного и безмерно превосходящего человека. ⟨⟩ Я встаю и готов неистовствовать. Невинный на взгляд и полный чарований пантеизм необходимо увлекается к восстанию. К богоборчеству, к титанизму и пресвитерианству, а если разойдется — и к настоящей бесноватости. Слишком трудной работой досталось мне знание, чтобы уступить его. Да, я знаю, что такое Бетховен. Без этого божественного самосознания нет импульса жизни, и творчество дышит этим кислородом. ⟨...⟩ Я же, никогда не умевший делать что-либо наполовину и по самому имени своему бывший желанием, смывавшим на пути своем всякое препятствие, рано понял культ человечности как человеческое самообожествление и рано услышал в Бетховене эту бесконечно родную себе стихию титанизма» (Детям моим. С. 146—147).

Некоторые мотивы стихотворения отразились и в другом месте воспоминаний, где Флоренский описывает судьбу своей семьи: «Бетховенский стук судьбы (так называл Бетховен первую часть Пятой симфонии. — *Е. И.*) в окно остро чувствовался, и смертельным ужасом сжималось сердце каждого из членов, начиная от отца и кончая не только нами, детьми, но и собакою, делавшеюся членом семьи. И каждый понимал, что этот стук услышан другими, но старался своим видом уверить всех прочих, что он ничего не слышал. Исключительно близкие между собою и в этой близости полагавшие цель жизни, члены семьи, именно ради этой близости, из деликатности и желания дать другим жизнь гармоничную, отделялись от близости и в самом важном, самом ответственном затаивались в себе. Я начал говорить о своем одиночестве, но, на разные лады, все были одиноки» (там же. С. 70).

Ручеек

«Ступени» — включено в раздел «Идеализм».

В АФ сохранился беловой автограф, где после заглавия следует подзаголовок «Посвящается Сереже».

Сережа — Троицкий Сергей Семенович (см. примечание к стихотворению «У окна»)

Детская песня

В сборник «Ступени» включено в раздел «Апокалиптика». Стихотворение частично вошло во вторую часть поэмы «Святой Владимир».

***In pace* ***

Опубликовано: газета «Народ». Киев. 1906. 9 апр. № 6. без подписи. Повторная публикация: В вечной лазури. С. 16—18. «Ступени» — включено в раздел «Православие».

В АФ сохранился карандашный набросок, и два черновых автографа (в дальнейшем ЧА-1 и ЧА-2), отражающие разные стадии работы над текстом. Карандашный набросок содержит первоначальный текст, ЧА-1 позволяет выделить две самостоятельных стадии дальнейшей работы над текстом. Первый слой текста записан черными чернилами и имеет слой правки. Отдельные строфы пронумерованы. Следующий этап правки производился карандашом, когда было написано еще несколько строф и наметилась общая композиция. Окончательная редакция оформилась только в ЧА-2, где также первоначально текст записан черными чернилами и правлен карандашом.

Первоначальный набросок стихотворения карандашом на отдельном листке:

Дева, Царица Небесная
Лилия [рая] стройная!

* В мире (с миром). (*лат.*)

Богоневеста — приди [успокой] помоги нам
 Лилия стройная рая, ⟨⟩
 Тебя ублажаем мы, Дева кроткая
 [Ты] Не забывай нас [о Богоневестная] Лилея
 Не покидай нас о Матьерь святая
 Богоневестная приди к нам.
 Розовым облачком в ясной лазури
 Ты проскользни к нам
 утишь наши бури

Варианты первоначального текста ЧА-1, написанного черными чернилами:

- 1) 1. Радуйся Дева, Царица Небесная
 2. Божья Невеста и Мать неневестная
 3. Радуйся радостью ты, безмятежная
 4. Лилия Снежная
- 2) 5. Радуйся зорька предвечного,
 6. Радуйся, роза пунцовая рая
 7. В чреве младенца беспечного —
 8. Крикнул младенец играя.
- 3) 9. Слово предвечное в чреве понесшая
 10. И несказанное нам передавшая
 11. Радуйся, Дева, нам радугой ставшая
 12. Слово родившая
- 4) 13. Радуйся, Дева, куст скромных фиалок
 14. Ты голубица крикливых средь галок
 15. Нежно-атласная лилия в репьях и тернах
 16. Дева ⟨⟩
- 5) 17. Ты кивот, — Божьи скрижали вместившая,
 18. Муки надежды на землю низведшая,
 19. Выходы сладким слезам нам нашедшая
 20. нам отворившая.
- 6) 21. Радуйся, лань [с кротким] Мариам умиренная,
 22. с кроткой улыбкой к нам долу склоненная
 23. С Сыном прошла ты креста все страдания нас искупившие
 24. Им же числа нет и нету названия
- 1—1) 25. Дева Всевышняя Лань Кротко-взорая
 26. В мягкой пыли мы бредем утомленные
 27. и опаленные
 28. Солнечных злобных лучей отгони ты рой
 29. Ты помощь нам скорая

- 2—1) 31. В честный ты свой омофор нас укрой.
 32. Солнца весеннего луч Ты живительный
 33. Страсти жестокой смири треволнения
 34. — страсти горение,
 35. Свежей прохладой овей очистительной
 36. и ароматами
 37. Словом своим освежи благоприятное
 38. Благиости слово скажи ты приятное.

отдельно в конце страницы начато:

Богом объятая, ты не сгораешь
 Ты купиной исступленно сияешь
 [И полна исступления]

3. *начата правка:* Радуйся радостью утренней зо < >
 4. *было начато:* Радуйся лучиком < >
 5. *было:* Зорька предвечного,
 6. *было:* а. Лилия Рая!
 б. Споручница Рая
 в. Роза ты рая!
 7. *было:* а. Встретила с < >
 б. Голос младенца беспечного —
 8. *было:* Крикнул он в чреве играя. *вариант не зачеркнут.*
 13. *было:* а. Куст и < >
 б. Радуйся куст < >
 в. Радуйся, Дева, цвет скромных фиалок *вариант не за-
 черкнут.*
 15. *было:* Нежно-атласная лилия ты средь репеев
 23. *было:* а. С Сыном своим все страданья прошедшая,
 б. С Сыном прошла ты креста все страдания
 28. *было:* а. Солнечных злобных лучей отгони рой
 б. Солнечных злобных лучей отгоняешь рой *варианты
 не зачеркнуты.*
 29. *было:* Помощница скорая, *вариант не зачеркнут*
 31. *было:* а. Честным твоим покрывалом покрой
 б. Честным твоим покрывалом покрой. *вариант не за-
 черкнут.*
 34. *было:* а. дай усмирение
 б. Страсти бурление *вариант не зачеркнут.*
 36. *было:* а. о Благодатная
 б. и благодатное

Следующий этап работы над тестом ЧА-1 отражает слой карандашной правки:

3. *начата правка*: а. Радостью внешнею
 б. Радостью свежеею
5. Радуйся, радуйся, Зорька предвечного!
16. ⟨ ⟩ гипербореев
28. Ты одна злобных лучей обгоняешь рой

Далее карандашом приписаны новые строфы:

39. Хищница смерть клювом черным когтистая
40. Жертву за жертвой уносит безжалостно неумолимая
41. Ты лишь одна, Богородица чистая
42. Смерть победила рождением нетягостным
43. Богом любимая

- 4) 44. Ты лишь одна в чистоте неизменная
45. Жизни явила нам Силы нетленные
46. Смерть победившая

- 5) 47. С лязгом железным от крыльев стенающих
48. Хищница каркает нам среди радости
49. Гостьей зловещею
50. Дева невинная
51. С жертвой исчезнет в провалах зияющих
52. в бездне чернеющей
53. Дева
54. Прими [ты], Мариам, в голубой бирюзовости
55. Дева
56. Ты дай ей покой в голубой бирюзовости.
57. Дева [Небесная] ты деву покой в [голубой]
58. бирюзовой безбрежности
59. в бирюзовой ты сладости
60. Ты, Мариам, [у]покой деву в сладости.

- 39. *было*: Хищница смерть с крылом черным,
42. *было*: Смерть победила рождением нетягостным *вариант*
 не зачеркнуто.
46. *было*: Грех победившая
49. *было*: Душу невинную
51. *было*: Вдруг исчезает в провалах зияющих
54. Прими [ты], Мариам, в голубой бирюзовости
 Дева,
55. Ты дай ей покой в голубой бирюзовости
56. Дева [Небесная] ты деву покой в [голубой]
 бирюзовой безбрежности
 в бирюзовой ты сладости
59. Ты, Мариам, [у]покой деву в сладости.

В ЧА-2 стихотворение переписано в новой редакции, Первоначальный слой черными чернилами, последующая правка карандашом. Выделения 1-го и 2-го хоров отсутствуют.

Варианты ЧА-2:

а. Божья Невеста и Мать невестная!

б. Богоневеста и мать невестная! *предшествующий вариант не зачеркнут.*

3 *было*: Радуйся скромная и безмятежная

1-14 «Радуйся Зорька Предвечного!

Роза ты рая!» —

Голос младенца беспечного

в чреве играя

15 *было*: Солнца весеннего луч ты живительный

С горних вершин ветерочком живительным

21 *было*: И несказанное всем передавшая.

И несказанное всем рассказавшая.

22 *было*: Радуйся, Дева, нам радугой ставшая

к строке дан варианта: Радуйся, Радуга, [мост воссоздавшая]
мост к небу [ставшая] давшая

28 Богом любимая,

30 Ты — кивот Божий, скрижали вместившая

32 *было*: Выходы сладким слезам ты нашедшая,

39 а. Ты ж, Мариам, упокой деву в сладости.

б. Ты же, Лазурь, дай покой деве в сладости

в. Дева-Лазурь, дай покой деве в сладости.

41 *было*: С тихой улыбкой к нам долу склоненная

42 *было*: С облачков взметанных с неба лазурного

43 *было*: с неба безбурного

44—49 *приписаны карандашом*

В 1905 году Пасха была 17 апреля, масленица, то есть неделя перед началом Великого Поста, — с 21 по 27 февраля.

Акафист (греч.) — хвалебные песнопения и молитвы в честь Иисуса Христа, Богородицы, либо почитаемых святых, исполняемые в знак особого благоговения стоя. Традиционно акафист состоит из 13 кондаков, каждый из которых завершается возгласом «Аллилуйя», и 12 икосов, завершающихся возгласом «Радуйся». Форма акафиста частично используется в стихотворении.

Молитва

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 15. Строки 1—4 и 9—12 републикованы: Наука и религия. 1990. № 3. «Ступени» — включено под заглавием «Молитва» в раздел «Православие».

В АФ сохранилось два черновых автографа (в дальнейшем ЧА-1 и ЧА-2), отражающие разные стадии работы над текстом. ЧА-1 — набро-

сок карандашом, текст не окончен, ЧА-2 черными чернилами переписан правленный текст ЧА-1 и текст приведен к окончательному виду.

Варианты ЧА-1:

- 4. и терзают враги.
- 7. И в порывах мятежный я
- 8. Жду я мира и тишь.

далее шли 13—16:

- 13—16. Ведь с надеждою робкою
 - а. Подымаю глаза
 - б. Не поднять мне ресниц
 - в. Я гляжу сквозь ресницы
- И мятежною тропкою
 - а. Я бегу от зарниц
 - б. Ядовитых зарниц!

далее в тексте 9—12:

- 10. чистым оком взгляни
- 11. а. (Задыхаюсь в позоре я)
 - б. О помощница скорая
- 12. Засвети мне огни.

Далее начато:

Богородице кроткая
Не оставь поспеши
Лишь тебя не стыжусь
< > изольюсь
Ты лилея небесная
Ты Царица небес

Варианты ЧА-2:

дата: 11 февраля 1905. Приписано карандашом: (После сходки).

- 17. *было:* Волоса золотистые
- 19. *было:* Я сквозь слезы соленые
- 20. *было:* Вдаль смотрю и бреду.

На обороте ЧА-2 начато:

К Сережке
Сережка, Сережка!
качается стежка

Варианты текста в сборнике «Ступени»:

Заглавие: Молитва. Строфа 3 отсутствует.

- 16. засвети в тьме огни.
- 24. вдаль смотрю я в бреду.

Приписка на черновом автографе 1905 года «после сходки» связывает содержание стихотворения с политическими волнениями среди студентов Московской Духовной Академии, под влиянием которых была написана проповедь Флоренского «Вопль крови» (подробнее см. статью: *Е. В. Иванова*. Флоренский и Христианское Братство Борьбы // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 159—166).

Аарон Моисею

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 5. «Ступени» — включено в раздел «Православие».

Аарон — первосвященник еврейского народа, старший брат пророка и законодателя Моисея. Моисей по повелению Божию взшел на гору Синай и пробыл на ней сорок дней. Там Господь дал ему две каменные доски — скрижали, на которых были начертаны заповеди. Народ иудейский и Аарон вместе с ним, предоставленный самому себе, впал в идолопоклонство, сотворил себе золотого тельца и поклонился ему (что было нарушением заповеди «не сотвори себе кумира»). Спустившись с Синая и увидев золотого тельца, Моисей бросил скрижали и разбил их, а золотого тельца сжег и пепел его развеял по воде. Главные виновники идолопоклонства были по повелению Моисееву казнены, а сам он снова удалился на гору, чтобы вымолить у Господа прощение народу иудейскому за богоотступничество (Исх 24. 32).

Перед жертвоприношением (Авраам Ицгаку)

Опубликовано как первая часть диптиха «Два завета»: В Вечной лазури. С. 3—4. «Ступени» — включено в раздел «Православие».

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА) черными чернилами с карандашной правкой. Заглавие: Авраам перед жертвоприношением Ицгаку (с примечанием: Ицгак — смех). После строк 1—12 дата: 11 июня 1905 на пароходе (на Черном море); в конце текста другая дата: 17 июля 1905, Тифлис.

Варианты ЧА:

12. *было*: Как будто бы знал ты, на что обречен.

15. Ах, я разлучил тебя с матерью старой,

22. *было*: тебя я, не зная, уж знал.

23—24. *было*: а. Сын милый, останься, ужель лицемерно

Твой род мне Ягве обещал.

б. *начата правка*: мне роды родов ◇

в. Сын милый, живи, Ягве ли безмерный

г. Сын милый, живи, неужели безмерный

в тебе род Ягве обещ/ал/

д. Сын милый, живи, не в тебе ли безмерный

Ягве мне род родов посулил

е. *как в тексте*

25. *было*: а. С тех пор как на тучной мне Ура равнине
б. С тех пор мне на тучной как Ура равнине
28. *было*: а. Казалось мне — Им я любим.
б. и думал, что Богом любим.
29. О нет, не ропщу я; пред Элем смиряюсь:
30. *было*: а. мне ль с Ягве бороться благим?
б. С Владыкой ль бороться благ/им/
Со зрячим бороться ль слепым.
32. *было*: а. Пусть он нас ведет по уставам своим.
б. ведет он уставом своим.
в. как в тексте

Авраам был праведный человек, которого Господь избрал для сохранения истинной веры в период, когда народ иудейский поддался соблазну поклонения языческим идолам. Господь вывел Авраама с семьей из земли Халдейской близ Вавилона и привел в землю Ханаанскую, отдав ее потомкам Авраамовым, отчего она стала называться обетованной (нынешняя Палестина). Господь обещал Аврааму, что от него произойдет многочисленное потомство, которое сделается великим народом. Но Авраам и его жена Сарра дожили до преклонных лет, не имея потомства. Однажды к Аврааму пришли три странника, которых он принял по обычаям своего времени со всеми почестями. Это были три ангела (известный в христианской иконописи сюжет — Ветхозаветная Троица), один из которых обещал Аврааму, что у его жены Сарры через год родится сын. Сарра, прислуживавшая за столом, услышав это обетование, не поверила и засмеялась в ответ, и тогда Ангелы велели назвать их первенца Исааком (Ицгаком), что значит по-древнееврейски смех.

Жертвоприношение Авраамово — один из главных эпизодов жизни патриарха народа иудейского. Когда Исаак погрел, Бог пожелал испытать веру Авраама и его послушание Богу. Господь приказал Аврааму пойти на отдаленную гору и принести своего первенца в жертву. Авраам, который любил своего сына больше самого себя, повиновался Богу, и, взяв Исаака, отправился в дорогу. Когда они пришли на место, он сделал все приготовления для жертвоприношения и уже занес нож над ребенком, когда голос с неба воззвал к нему и приказал не трогать его, «ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт 22. 12).

Ветхозаветный сюжет о жертвоприношении Авраама, с одной стороны, служит примером подлинной и беззаветной любви к Богу, а с другой — служит прообразом Иисуса Христа, который так же по повелению Бога-отца взшел на крест и принес Себя в жертву за грехи мира. Обе стороны этого сюжета Флоренский использует в стихотворении.

О Жертве грядущей... — подразумевается жертва Иисуса Христа. Авраам в память об избавлении Исаака от смерти назвал место, где

он должен был принести своего сына в жертву, Иегова-ире (Господь усмотрит), что истолковывается христианами как одно из библейских пророчеств прихода в мир Иисуса Христа и Его грядущего распятия.

С той поры, средь тучной как Ура равнины — Авраам родился в халдейском городе Уре, где впервые услышал он Божие повеление покинуть эту страну и идти в землю Ханаанскую, которую дал Господь ему и его потомству (Быт 12. 1).

Язве (Иегова) — букв. Сущий — одно из имен Бога в Библии, которое иудеи в древние времена из благоговения считали непроизносимым, заменяя его именами Адонай или Элогим.

Элем — по этимологии то же, что и Элогим — имя Бога.

На необходимость пить

Опубликовано: Литературная Грузия. 1988. № 3. С. 73 под заглавием «Из Анакреонта». «Ступени» — включено в раздел «Без Бога».

В АФ сохранился текст авторизованной машинописи (АМ) с датой: Коджоры, 10 июля 1905. Вероятно, в рукописном тексте опечатка.

Варианты АМ:

1. Пьет ведь темная земля.

О пьянстве см. в воспоминаниях А. В. Ельчанинова, цитируемых далее в примечании к стихотворению «Я право, Саша, удивляюсь...».

«Всю холодную ночь»

Включено под заглавием «Корабли» и примечанием «Из цикла “Звездная дружба”»: В Вечной лазури, но вычеркнуто цензором (см. наст. издание, с. 124); «Сборник II» — возможно, это стихотворение под заглавием «Стихотворение Надсона» включен в раздел «С поверхности».

В АФ сохранились черновой автограф с правкой (ЧА) и белой автограф (БА) с заглавием «Корабли» и примечанием «Из цикла “Звездная дружба”».

Варианты ЧА:

2. а. Мое сердце так сладостно ныло.

б. *Вариант при незачеркнутом предыдущем*: тоской сердце сладостно ныло.

7. а. *было*: Увидал я: под сводом моста мне белел

9. То — морока, не верь! *Предыдущий вариант не зачеркнут.*

10. *было*: Закричал вдруг в безумной надежде.

12. и обнимет меня он как прежде!

13. *было*: взгляд упрека безмолвного полный.

Подражание стихотворению С. Я. Надсона (1862—1887) «Долго в ясную ночь я по саду бродил...».

Костромская сторона

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 8.

В АФ сохранилось два черновых автографа и один беловой (БА), первый — ЧА-1 написан карандашом и отражает начальный этап создания стихотворения, второй — ЧА-2 черными чернилами отражает следующий этап работы над текстом. В ЧА-1 и ЧА-2 стихотворение не имеет заглавия, указаний на место и дату создания, а также посвящения. Здесь же сохранился БА стихотворения, где оно получает заглавие «Геология души» и под ним проставлена дата: 5 августа 1905, Толпыгино; посвящение и здесь отсутствует.

Печ. по тексту сборника «В Вечной лазури».

Варианты ЧА-1:

начато: О предки далекие — предки

1. О [предки] деды умершие — деды священнослужители
2. Вот тесной толпою в груди [моей] шегутятся [во мне] *⟨нрзб⟩*
3. Тысячей нитей из стали/ стальных [я привязан] вы тянете вновь к [церемониям] тайнодействиям
4. Слышатся гимны священные; клубами ладана *⟨стелются?⟩*
5. Синими нитями [круж^{⟨ево⟩} тянется] в воздухе тянется кружево (задана)
6. Призраки в ладане ныне встают мне умершие.
7. Вами задача встает в голове разрешенная.
8. Мифы и саги, легенды, преданья священные
9. тесной толпою теснятся в груди.
10. [Деды кочевники] Деды отшедшие, [деды] предки кочевники
11. а. Что-то [далекое, что-то неясное, милое] неясное и мило-неясное/далекое
б. Что-то далекое, что-то далеко-неясное-милое
12. Тянет к скитаньям в равнинах чуть утренней дымкой задернутой и сладко каких-то неведомых с посохом, [с братом]
13. Смутной тоскою и грустью исполненный
14. Душу родную ищу я в равнинах неведомых
15. К Брату припавшись с ним выплакать горе безвестное
- 16 С братом идти по [пустынной ра^{⟨внине⟩}] зеленой равнине и по лесу.
17. Что же дрожит, что трепещет в груди умиренной!
- 18 [Что не могу] Предки, о предки, зачем вы встаете — зачем вы не спите спокойно
19. Вспомнить хочу [то что] ваши ризы священные
20. Вспомнить хочу я моления богам отдаленным
- 21 [Листвой зеленой дрожит]
22. Вспомнить хочу что-то в даях забытое
23. Временем плавно текущим из памяти смытое.

24. Вновь устремимся вперед, и ничто не радует нас.
 25. Что же тревожит не ведаю снова дубрава священная
 26. Иль мне мерещатся пляски в дубравах священные
 27. Жрицы, плавно плывущие по лугу

Варианты ЧА-2:

начато 1—3: Деда умершие! — деды священнослужители
 Тысячей нитей серебряных [с стозвучным гулом]
 трепетно-звучными
 Тесной толпой теснятся в груди [небожители]

текст зачеркнут и начат новый, близкий к окончательному:

6. [Призраки] Отзвуки службы [торжественной] [умершей] вста-
 ют мне торжественно-праздничной.
 7. а. Вспомнить хочу, [но напрасно] ваши речи священные
 б. Вспомнить стараюсь моления священные
 [Вспомнить хочу] Временем стертые.

Далее карандашом приписано:

В высях холодных абстракций противных —
 К [В выси вы тянете] скалам, отцы вы зовете, [отцы — вы,]
 горы любви(ые)

Варианты БА:

Заглавие: Геология души

6. Отзвуки службы волною идут торжествующе-праздничной.

Посвящение отсутствует; дата: 5 августа 1905, Толпыгино.

Идея рода занимает особое место в философских воззрениях Флоренского; в письме дочери Ольге из Соловецкого лагеря от 10—14 марта 1936 года он писал: «Мое глубокое убеждение, что если бы люди внимательнее относились бы к свойствам рода как целого и учитывали бы наследственность, которая в данном возрасте может и не проявиться ярко, но скажется впоследствии, то были бы избегнуты многие жизненные осложнения и тяжелые обстоятельства» (цит. по: Детям моим. С. 424). Это стихотворение — одно из самых ранних примеров обращения к своим предкам со стороны отца — костромским священникам. О своих костромских корнях Флоренский писал В. В. Розанову, также уроженцу Костромы: «Моя антиномичность, быть может, имеет отчасти органический характер по самому происхождению моему. Со стороны отца предки мои — чистейшие русские, из поповичей, костромичи (мужская линия); по женской же линии со стороны отца я — москвич, и бабушка моя была правнучкою какого-то из московских вельмож — “естественною”. Но, во всяком случае, со стороны матери отца я получил московские традиции. <...> Костромская же кровь моя приспособлена к работе и выдержке. Прадед (священник) был очень беден; вероятно, так же было и в прошлых поколениях. Но, кажется, в этой линии (Флоренские) всегда поддержи-

валась любовь к книге. Один из прадедов (по боковой линии) был довольно известным проповедником (при Елизавете; он говорил на-шумевшую проповедь на день восшествия Елизаветы), один из предков был профессором в Московской Духовной Академии. Дед (военный врач) был очень широко образован и уходил в научные интересы (или, быть может — библиофильские, — не знаю). У меня хранится его записная книжка, когда он был еще студентом. Тут содержатся выписки из книг и журналов, и подбор их показывает богатство интеллектуальной жизни. Кстати: дед был семинарист. Мне рассказывали про него, что он учился столь блестяще, что митрополит Филарет, будто бы, очень просил его идти в Академию и принять монашество, предсказывая, что он может стать митрополитом; но юноша ушел в университет и проучился впроголодь» (Из письма 10 августа 1909. Цит. по: Детям моим. С. 276—277).

Флоренский даже находил у себя и Розанова общие черты, восходящие к костромским предкам: «Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к *корню* — к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что *эта* любовь — костромская, ибо нет по всей России, а может быть, и на земном шаре, никого более *конкретного* по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи, особенно заволжского района. И отсюда — органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подьедает, что хочет расти не на корне, а “само по себе”. Но тут-то и расхождение. Чувствуя себя в литературе “как дома”, вы говорите все, что блеснет в душе; а я не *хочу* чувствовать себя дома нигде, кроме родной, *темной* колыбели-могилы в родимой земле, и свою боль и свою радость, в наибольших их точках, скажу только Матери земле. Мне думается, что это тяготение к лону — тоже костромское: костромичи скрытны и души своей не показывают» (письмо от 26 октября 1915. Детям моим. С. 280).

Троицкий Сергей Семенович — см. выше примечания к стихотворению «У окна». Сергей Троицкий был сыном священника церкви в честь Воскресения Словущего в селе Толпыгино Нерехтского уезда Костромской губернии; Флоренский неоднократно проводил здесь каникулы, собирал фольклор (часть этих материалов опубликована им в сборнике: Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома. 1909). Во время поездок в Толпыгино Флоренский собирал материалы о своих предках, служивших в Костромской епархии.

О геологии души см. далее в Записной тетради (наст. изд., с. 392—395).

Эпитафия незнакомой девочке

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 26.

Написана в период пребывания Флоренского в Толпыгино. В архиве Флоренского сохранилась копия эпитафии рукой неустановлен-

ного лица с припиской: эпитафия Саше Вишневской 17 августа 1905. Толпыгино.

Назорей

Опубликовано: В Вечной лазури. С. 5—6. В сборник «Ступени» под заглавием «Экспромт» включено в раздел «Православие».

В АФ сохранилось три черновых автографа, отражающих разные стадии работа над текстом — ЧА-1, ЧА-2 и ЧА-3.

ЧА-1 отражает начальный период работы, когда текст был в основном сформирован; заглавие и дата под текстом отсутствуют.

Варианты ЧА-1:

2. Не зажгу я лампад [пред]
4. *было*: На себя не навешу наряд.
5. *было*: а. Но одетый < >
 б. Но облитый сверкающим льном
 в. Но облитый мерцающим льном
 г. [Облеченный в мерцающий лен]
 д. Сам облитый мерцающим льном,

как в.

6. а. Буду плакать навзрыд
 б. Как свеча я сгорю
 в. Сам хочу я гореть,
 г. *к строке дан вариант*: Сам хотел бы гореть
7. а. И Тобою, Тобою сиять < >
 б. Лишь тобою сиять
 в. И Тобой, Свет и Пламя < >
 г. И Тобою зажжен
8. Как свеча пламенеть.
после 8 начато: Весь < >

ЧА-2 отражает следующий этап работы над текстом; заглавие отсутствует, под стихотворением дата: 27 декабря 1904. На этом же листе другим почерком приписано: Прим. *Dium desederium* и быть фениксом. Аминь. Вечного желания Воскресшей церкви *нрзб* /прикупит?/ С. Галилеянин

Варианты ЧА-2:

2. Не зажгу я лампад.
6. *было*: Сам хочу я гореть.

В ЧА-3 завершается работа над текстом, стихотворение получает заглавие: *Dium desiderium*. Дата под стихотворением: Сергиев Посад, 27 декабря 1904, под которой приписано: в канцелярии.

Варианты ЧА-3:

2. Не зажгу я лампад.

8. *было*: Ярым воском сгореть.

Dium desiderium (лат.)

На этом же листе рукой Флоренского приписано: *desiderium* — 1) желание томление тоска 2) скорбь печаль 3) причина скорби предмет тоски 4) 5) — см. словарь. Дата «1905» появляется в тексте сборника «Ступени».

Назорей — иудей, давший Богу один из обетов (не пить вина, не стричь волосы и т. п.) на определенный срок либо на всю жизнь. Эпиграф из Постановления о назорействе в книге Чисел.

Два рыцаря

Опубликовано как третья часть сюиты «Звездная дружба»: В Вечной лазури. С. 13.

В АФ сохранилась копия рукой неустановленного лица с датой: 2 февраля 1906, Сретенье Господне. За обедней. Сергиев Посад.

В честь Дамы — имеется в виду традиция рыцарских подвигов в честь Прекрасной Дамы.

Злые Норны — в скандинавской мифологии — низшие женские божества, определяющие судьбу человека при его рождении.

Amor fati

Опубликовано: В вечной лазури. С. 27.

Amor fati (лат.) — любовь к року, судьбе, один из девизов философии стоиков.

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА) карандашом с датой: 16 марта 1907 в 3 1/2 часа дня и без заглавия.

Варианты ЧА:

8. *было*: Низвергался я с струей.

13. *было*: И душа с тоской глубокой

14. *было начато*: Сердце < >

после 16 было: Сердце умерло в груди

вместо 16—20 было: а. Близко смерть, а Бог далеко.

И уже ему молиться

Я не смею, лишь украдкой

Подыму молящий взор.

б. Близко смерть, а Бог далеко.

И уже ему молиться

19—20 — как в окончательном тексте.

23. *было*: Помолись душою чистой

24. *было*: а. За те<х> < >

б. За бедных < >

Sol invictum

Опубликовано: В вечной лазури. С. 28.

Эпиграф — из молитвы «Свете тихий».

Sol invictum — букв. — непобедимое солнце (лат.).

В АФ сохранился первоначальный черновой набросок стихотворения (ЧА-1) карандашом, и черновой автограф (ЧА-2), отражающий следующий этап правки текста. Местонахождение белого автографа неизвестно.

На отдельном листке рукой Флоренского планы включения стихотворения в циклы. Первоначально заглавие «Жертвенная дружба», исправленное на «Жертвенная любовь».

I. Пришедше на запад солнца (евхаристия).

II. Не оживет, аще не умрет (кенозис)

III. Слава тебе, показавшего нам свет (воскресенье)

Здесь же другой вариант циклизации:

I. *Sol invictum*

II. Апог жертвенная

III. Свет невечерний.

Варианты ЧА-1:

Заглавие отсутствует. Вместо него эпиграф: I. Пришедше на Запад Солнца...

Дата: 17 марта 1907.

В тексте черновика варианты помещены при незачеркнутых предшествующих.

Как пышное/пышно багряное солнце

пылает (пылая) клоняся (клонится) к закату

Так сердце смеется / бьется

Уставшее / усталое милому брату / умершему брату / давно отошедшему / отлетевшему брату

С улыбкой предсмертной / прощальной

бесстрастной, как «золото» Фета / Лета

Восторг увяданья

Пурпурные ризы осины

кораллы — лалы

гроздь рябины

/Нрзб./ чистый восторг невозвратного

Цветок запоздалый, едва ароматный

улыбка свиданья

Я знаю: свиданье

— свиданье с навеки любимым —

[молит]

и радость навеки

[опять мне усталое сердце]

[взыграло под]

шопоту смеется в душе, как в дни мая

внимая
И листьев кружащих
Восторг беспредельный
Березы
О люди, поверьте.
Нет смерти!
Но люди прогнали
 водопелый
Тростник почерневший
Ты что шелестишь над рекою?
 омелой
 смеется белый
Давно уж с людьми я
Скажу не единого слова
Березы поверьте
Нет смерти!
Тростник водопелый
Ты что шелестишь, почернелый/белый
— О, люди, поверьте
Нет смерти.

Послания, шуточные стихи, незавершенное

В раздел включены стихотворные послания, стихи на случай, а также незавершенные стихотворения из АФ.

Пучина бедствий сиречь темный хаос

Печатается по автографу из АФ.

Тредьяковский Василий Васильевич (1703—1868) — русский поэт и ученый-филолог. В 1745 году стал профессором Академии наук, что равно званию академика.

Элоквенция — красноречие, риторика. В. Тредьяковскому принадлежит доклад «О витийстве» (1744), а также ряд филологических работ о стихе, тесно соприкасающихся с проблемами риторики.

Сон

Опубликовано: Литературная Грузия. 1989. № 3. С. 70—71. Печатается по черновому автографу в АФ.

Послание первое к А(лександр)у Е(льчанинову)

Ельчанинов Александр Викторович (1881—1934) — соученик Флоренского по Тифлисской гимназии. См. о нем в примечаниях к переписке Флоренского с Андреем Белым в наст. томе. Печатается по черновому автографу (ЧА) из АФ.

Варианты ЧА:

2. Приди скорей, желанный
4. *Начата правка*: И будь ⟨⟩
5. Течет поток; порой волна
9. Катит бездушные валы
15. И лишь туманом он закрыт
16. *начато*: Он тьмой ⟨⟩
17. *начато*: Но солнце вы ⟨⟩
20. *начато*: И сердце сно⟨ва⟩

«Я мотив приведу...»

Печатается впервые по автографу из АФ.

Василия Эр — имеется в виду литератор и философ Василий Васильевич Розанов (1856—1919).

Гимена забудь... — Гимен, или Гименей, в древнегреческой и римской мифологии — бог брака. Видимо, речь шла о неосуществленном намерении А. Ельчанинова жениться.

«*Новый путь*» — журнал, основанный Д. С. и З. Н. Мережковскими (издатель П. П. Перцов), А. В. Ельчанинов был близок к журналу и в некоторых источниках назывался даже секретарем редакции. 25 февраля 1904 года З. Н. Гиппиус в письме к П. П. Перцову упоминала А. В. Ельчанинова как потенциального помощника в редакционных делах по «Новому пути»: «...Ельчанинов хотел приходить читать газеты и делать вырезки для хроник; это было, по его словам, “целая эпопея”; потерял только время, не мог добиться ни газет, ни сохранения найденных; на свидание с Егоровым он и не надеялся, и уж не добивался его» (Русская литература. 1992. № 1. С. 153).

Не являйся и к Эр есть лапшу — имеются в виду посещения воскресений В. В. Розанова, славившихся сугубо домашней атмосферой. «...Розановские воскресенья были одним из тех очагов, где ковалась новая идейность. При радушии хозяев и газетных связях Василия Васильевича здесь набиралось, может быть, больше постороннего элемента, чем в других местах, но “оглашенные” постепенно сами собой отходили в сторону, а “елицы верные” продолжали прясть со станка на станок пряжу» (Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове // Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890—1902. М., 2002. С. 265.). Обстановку воскресений Розанова описывал Д. С. Мережковский: «В Петербурге, на Шпалерной улице (...) в четвертом этаже огромного нового дома, в квартире Василия Васильевича Розанова лет пять тому назад по воскресным вечерам происходили любопытные собрания. Из незавешенных окон столовой видны были звездно-голубые сказочные дали Невы с мерцающей цепью огоньков до самой Выборгской. Здесь, между Леонардовой Ледой с лебедем, многогрудой фригийской Кибелой и египетской Изидой с одной стороны, и неизменно теплящейся в углу, перед старинным образом, лампадкой

зеленого стекла, — с другой, за длинным чайным столом, под уютно-семейной висючей лампой, собиралось удивительное, в тогдашнем Петербурге, по всей вероятности, единственное общество: старые знакомые хозяина, сотрудники “Московских ведомостей” и “Гражданина”, самые крайние реакционеры и столь же крайние, если не политические, то философские и религиозные революционеры — профессора духовной академии, синодальные чиновники, священники, монахи — и настоящие “люди из подполья”, анархисты-декаденты. Между этими двумя сторонами завязывались апокалиптические беседы, как будто выхваченные прямо из “Бесов” или из “Братьев Карамазовых”» (*Мережковский Д. С.* Революция и религия. Цит. по кн.: *Василий Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Кн. 1. СПб., 1995. С. 248*). См. также в воспоминаниях *Д. А. Лутохина*. Там же. С. 194—195.

Хариты — то же, что в древнеримской мифологии грации, боги-ни красоты и веселья.

И вольным ямбом щеголяю — до этого стихотворное послание написано анапестом.

Котляревский Сергей Андреевич (1873—1939), историк, приват-доцент Московского университета.

Ламеннэ — книга С. А. Котляревского «Ламеннэ и новейший католицизм» (М., 1904).

Алабина девица — см. в Записной тетради и комментариях.

Спроси у Мани... — вероятно, Мария Ланге, которая упоминается в воспоминаниях Ельчанинова, где приводятся слова Флоренского: «Ты знаешь, что я Марусю Ланге сейчас уважаю гораздо больше, чем когда она была курсистской» (*Свящ. А. В. Ельчанинов. Из встреч с П. А. Флоренским (1909—1910) // Флоренский П. А.: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 1996. С. 34*).

Nos est societas Jesus Christi (лат.) — это «Общество Иисуса Христа» (название ордена иезуитов).

Лайола — правильно Лойола Игнатий (1491—1556), основатель католического ордена иезуитов. Здесь содержится намек на тот орден, который Флоренский и его друзья собирались основать, и вступить в который Флоренский приглашал Белого в письме от 21 мая 1904 года (см. наст. том. С. 454).

Асатиани — см. примечание к стихотворению «Свидание “там”» в разделе «Стихотворения» в наст. томе.

Яшка явился... — возможно, имеется в виду соученик Флоренского и Ельчанинова по тифлисской гимназии Яков Розенштейн (см.: *Детям моим. С. 513*).

У Чехова в «Дачном муже»... — произведения с таким названием у Чехова нет, хотя в ранних юмористических рассказах дачный муж как персонаж фигурирует. Дачный муж — герой очерков и рассказов

друга Чехова писателя И. Л. Леонтьева (печатался под псевдонимом Щеглов, 1856—1911).

Пессимизм

Печатается впервые по автографу из АФ.

«Я право, Саша, удивляюсь...»

Печатается впервые по автографу из АФ

Лета — в древнегреческой мифологии река забвения.

Быть может я тогда сопьюся... — ср. в цитированных выше воспоминаниях А. Ельчанинова о Флоренском: «Еще этим летом П(авлуша) часто говорил мне, полусуто, полусерьезно, о своем интересе к кабацким песням, к пьяницам, о том, что он сам пробует пьянствовать» (Священник А. В. Ельчанинов. Из встреч с П. А. Флоренским. С. 35).

От Эрна знаешь о журнале — имеется в виду журнал «ордена», в котором Флоренский приглашал сотрудничать Белого в письме от 21 мая 1904 года (наст. том. С. 454).

Не как «Н. П.» на канале... — журнал «Новый путь», о связи Ельчанинова с которым см. в примечаниях к стихотворению «Я мотив приведу» в настоящем разделе.

Звездн<ая> дружба

Неоконченный набросок стихотворения, которое предназначалось для цикла «Звездная дружба», опубликованного в сборнике «В Вечной лазури». В АФ сохранился черновой автограф черными чернилами, дата: 18 ноября 1906 проставлена карандашом.

«Тебе в часы тревожных дум...»

Печатается по тексту белого автографа АФ.

В АФ сохранился черновой автограф (ЧА) с датой: 1908 и примечанием: «Из цикла “Звездная дружба”»; еще один автограф в АФ содержит текст, к строкам которого даны варианты.

Варианты ЧА:

3. *было*: И сладкогласием томим

5. *было*: а. Я поверял своей мечты

б. Я поверял мечты двойной
раскол души моей больной.

Трезвая пьяность

Опубликовано: День поэзии 87. М., 1987. С. 213 без заглавия и посвящения.

В АФ сохранился белой автограф без посвящения, эпиграф: «По сообщению Плиния, древние опускали в чаши с вином аметист, чтобы тем уничтожить опьянение, откуда название: *аметист*».

Аметист (греч.) — букв. «не пьяный».

Печатается по беловому автографу из архива Владимира Эрна, ксерокопию которого предоставила его покойная дочь, Ирина Владимировна.

Посвящено Евгении Давыдовне Векиловой (1886—1972), которая в 1907 году стала женой друга Флоренского — Владимира Эрна (см. о нем в примечаниях к переписке с Андреем Белым), во втором браке — Калашникова.

Басня о некоем князе

Козьма Прутков — коллективный псевдоним, которым подписывали свои пародии братья Жемчужниковы: Алексей (1821—1908), Александр (1826—1896), Лев (1828—1912) и Владимир (1830—1884); в создании пародий принимал участие поэт Алексей Константинович Толстой (1817—1875). Совместными усилиями они создали образ самодовольного и ограниченного графомана Козьмы Пруткова, писавшего нравоучительные стихи.

Павлюс Каптерисизис — шуточное искажение имени Павла Николаевича Каптерева (1889—1955), сына профессора МДА (см. о нем в примечаниях к письмам С. М. Соловьева), друга Флоренского по Сергиеву Посаду, после первого ареста — сосидельца, с которым они вместе работали на мерзлотной станции в Сковордино.

Письмо к Васе Гиацинтову («Мила бессмысленная праздность...»)

Васенок — Василий Михайлович Гиацинтов, брат жена Флоренского, в то время был студентом МДА.

Варианты чернового автографа

3—4. Ученых мыслей несуразность

Ткет паутиною паук

10. О чем — не знаю, но грущу

Сонет (Прежде и теперь)

Евдокия Кукшиненок — от имени персонажа романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Евдокии Кукшиной, где она изображена как карикатура на так называемых «новых людей». В романе Кукшина проповедует идеи женской эмансипации.

«Ночь и день с любовью сладкой...»

Эпиграф — из стихотворения Г. Р. Державина «Бог» (1780—1784).

Печатается по тексту неоконченного чернового наброска на обороте стихотворения «Костромская сторона» из АФ.

У дверей

Печатается впервые по авторизованной машинописи из АФ.

Как Ренан показал... — имеется в виду книга французского историка Ж. Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863).

«Тебе в часы тревожных дум...»

Печатается по черновому автографу из АФ.

Варианты чернового автографа:

3. и сладкогласием томим

5 а. я поверял свои мечты

б. я поверял мечты двойной

Серафим — один из девяти чинов небесной иерархии.

СВЯТОЙ ВЛАДИМИР. ПОЭМА

Часть первая, индивидуальная. Иоанн Креститель (катарсис)

Прелюдия

1. Всю свою нежность, какая есть;
все трепетно-дрожащие краски;
всю бедную душу свою
Хочу я вложить в милый образ —
 в твой образ, —
 в бледный ореол живого,
В плывущие очертанья твоего лика —
Потому что ты Ангел Бога и Господа нашего Иисуса Христа.
2. Все тихо-звнящие звуки
все затаеннейшие движения к Богу
 Прохладно — шелестящие
скромными гирляндами пусть украсят твое изображение —
 милый облик,
потому что в голосе твоём слышу небесное —
 тихое.

-
3. Тающий звон Пасхи,
плавающий дух берез,
лучистые росинки — чистые,
 дробящие солнце,
бледно-зеленые ландыши —
 распускающиеся,
несу тебе, потому что в тебе Христос.
4. Не падал я ни перед кем, кроме Бога моего,
не склонялся перед тварию
не ронял слезы при других —
 чужих,
не натывал волнений на остро-иглистое
 любопытство других —
 чужих.
5. Но в тебе Бог мой.
кланяюсь тебе,
падаю в сладкой тоске пред тобой
 на колени
 и плачу,
потому что в тебе Бог мой и Господь Иисус Христос.
 Буду плакать,
 ликуя,
изнывать радостью любви
 Христовой.
4. Кивают головой на меня — издеваются:
 «вот кумир твой падет —
 будет срам и соблазн
 великий».
- Но я говорю:
 «безумные! Он согрешит,
но не Бог.
Бogu моему кланяюсь,
который в нем.
Что я вижу — то есть,
и в нем — Бог.
и что сам он — тварь согрешит,
какое дело нам?

5. Если согрешит, — Бог оставит его.
тогда восплачем о брате нашем;
обнимем колени его;
зальем слезами грех его.
А теперь будем радоваться,
ликуя,
Потому что в нем — Христос».
6. Дрожащей рукою пишу тебе, брат мой,
потому что в тебе — Христос.
И не ты делаешь, а Христос,
который в тебе.
7. О, брат мой!..

Прологи («Только контур» и «некто» идут на Вербы)

I

1. «Что́ там за дикие рожи? Держат пари
обо мне?
2. Не под вашей я властью, чудовища» —
— «Нет, ты не встанешь — не встанешь» —
3. «Не встану? Не встану? Я встану
и вас не стану бояться!..»
4. Но как ни старался подняться лежавший,
налитое ртутию тело приковано было к лежанке.
5. Хихикали гнусно чудовища, хлюпали скверно губами
и шлепали пастью гнилою.
6. С звездно-таинственной бездны голос твердил
«вставай, вставай, вставай...» непрерывно.
7. Голос другой — внутренний голос, из тела
как будто звучащий
вторил ему неустанно:
8. «покуда не поздно — вставай; покуда не поздно —
вставай...
не поздно... не поздно... вставай...» —
9. «Нет, ты не встанешь, не встанешь...»
шипели гадины, свиваясь в петлю около рук.

10. Сплетаясь вокруг ног, расплзались по груди —
извивались
клубком перепутанные змеи...
11. ... «Христе!...
12. Один лишь Ты — один...
13. ... Христе!..»
14. Неимоверное усилие — и разом он поднялся
напрягшись.
15. Вдруг провалились и растаяли чудовища — обманные
16. «Человек, чертящий контуры» раскрыл два глаза
17. он поднялся в сонном состоянии — не ведая —
и сидел на постели.
18. поднялся будто не сам — не сам, а поднялся силой иною.
19. Стоял у постели Некто — товарищ старинный
и все повторял с нетерпением:
20. «покуда не поздно, вставай — идем же, покуда не поздно.
уж десять часов есть.
21. И солнце...»

II

1. Брызжут лучистые струи все оживляющим светом.
2. Нет ничего нечистого — все просветилось
и убелилось.
3. Вдоль серебристо-блестящих панелей течет по канавкам
между камней
4. Струйками светлыми жидкое золото,
блеск излучая.
5. Тысячи жидких топазов бросают кругом экипажи
колесами.
6. Света фонтаны слепящие вниз низвергаются с крыши
каждой.
7. Слезы еще не просохли на лице у Матери общей
Великой,
8. но это — радости слезы, радости будущей и
примирения близкого
в будущем.
9. Солнцу смеется ласково Мать. Что еще будет!..
Что будет?

III

1. Покров давящих туч разорван,
чехол с лазури скучный сорван;
2. Как свиток, в трубку он скрутился
и в море света растворился.
3. Победной радостью сверкая,
лучей спустилась к храму стая.
4. Весь вздрогнул храм от поцелуя
и ожил, в трепете ликуя.
5. В ответ кивнул он головою
топазно-чайно-золотою.

IV

1. — Хочется рукой захлестнуть жидкого света из лужи.
Никогда еще не видел я такой жутко-ликующей весны...
 2. — «Вот настоящее слово, — несется, — «только контур»,
Именно, что-то торжественное до жуткости
 3. а вместе дрожащее от грядущей радости.
 4. Видишь — улыбается улыбкой надежды и радуется
радостью
избавления Мать.
 5. Трепещет — замирает. Сладкой тоской изнывает...
 6. — А еще жуткое. Неуловимая складка на челе Ея
сложилась.
 7. Что-то серьезное. Сквозь радость — затаенная
предчувствия.
 8. Будто бы легкая фата́, — еле видная, на Ней. Будто бы что-то
мучающее.
 9. Как перед операцией...» — «Как перед исповедью» —
 10. «Перед исповедью? Да, и еще, еще сюда ты добавь: скорбь.
Будто у матери, когда...»
-
1. Их обоих неожиданно подтолкнула офицерша-дама.
 2. «Счастливая для вас теперь пора...», — сказала дама.
 3. и закачала огород на шляпе, к соседке наклоняясь.
 4. Около дамы шла девочка-подросток, в синем, с волосами
старательно растрепанными на лицо.
 5. К ней дама обратилась, качая головой и продолжала:

6. «всем вы довольны и нету заботы;
все для вас в розовом...»
7. Оба вступали на рынок — на Красную площадь,
на Вербы.
8. Визг «соловья», пронзающий уши, закончился словами
девочки
в синем:
9. «нет, я всегда не в розовом дома хожу, а чаще гораздо
в голубом.
10. Синий цвет и голубой ко мне больше идут,
чем розовый.
11. Вот и теперь я в синем, и дома бóльшую частью
та́к же хожу...»

V

1. Толпа начинала теснить. Оба вступили на рынок.
2. Порой зазевавшийся на надувавшегося воздухом «японца»
из резины мальчишка
3. Дробил святотатственно-дерзкой ногою диск в луже
сверкавшего солнца.
4. Огненные струи взлетали фонтанно кругом сапогов
солдата,
5. ступнувшего в жидкое зеркало лужи.
6. Злато-червонные змейки разбегались перунами;
7. ослепительные протуберанции выбрасывало Солнце
под ногою;
8. из ничего-возникающие нимбы нанизывались одно в
другое концентрически кольцами,
9. когда огнистая лодочка с апельсина — солнечная скорлупка
упадала в море волнующегося стекла — в лужу.
10. Но проходили секунды — разрозненные куски великого
Солнца
срастались,
11. втягивались блестящие щупальцы — протуберанции,
12. взволнованная чуждыми силами лужа исполняла свое
назначение
по-прежнему,
13. назначение — отражать блеск единого Солнца
великого.

VI

1. Охватывало жужжание и гул, — крики; носились и перебрасывались обрывки фраз — все о войне.
2. Кричали мальчишки-разносчики — горланили, шныряли и сновали между прохожих с газетами.
3. «Двухчасовые поражения японцев...». — Двухчастные телеграммы интересные...
4. «Новейшие новости двухчастные... Славная победа японцев...»
5. А господин в холодных очках читал мальчишке нотацию строгую.
6. «Победа японцев? Да кто победил: мы иль японцы?
7. Если мы победили, так это одно, а японцы — другое.
8. Как ты газеты берешься продавать, когда сам говорить не умеешь...».
9. Господин был сердитый, но мальчишка не обращал на него внимания и досадливо отмахивался,
10. кричал все свое: «победа японцев...»
11. Господин в очках просмотрел телеграммы, но так ничего у мальчишки и не купил, рассердившись совсем.
12. Кругом говорили — спорили и сомневались.
13. «А наш-то как пошел стрелять в них, в японцев-то, да поднялась буря... Вот, грит, вам... А качка такая раскачалась...
14. Желторожие клапают и клапают зубами-то... так все и потопли... сказывают, осемьсот их было...
15. Наш-то дал им высадиться, будто убёг. Нате, грит, жрите, нехристи, нашу землю... Ну, нет,
16. это он только показывал, братцы... А как высадились, так их всех голубчиков перестреляли, а кого в море утопили.
17. Больше трех сотен их было... перевешали, сам я читал то намеднишь...»
18. «Это не так... Вот японец в бутылке!..
19. Был такой человек. Он все напороочил. Вот, грит, Антихрист идет. Готовься, царь православный,
20. так государю сказал... Желтый Антихрист нагрянет...»
21. «И не так было дело-то. Сначала Японец с Китайцем,
22. потом уже будет Антихрист. Вот скоро уж, значит.
23. Ан угодник-то нам напороочил. Мощи откроют его алхирей...»

24. «Сам государь придет, ... Да, как же. Этот совсем не
таковский.
 25. ладан чертям воскуряет... Что, он все, да он?»
 26. «А сам-то ты куришь вот целый день папироску поганую.
 27. при чертовом ладане Бога-то разве упомнишь?...»
-
1. Оба проходили мимо прилавков. Начинались разговоры
женские.
 2. «Петухов, слышь, запретят... Цыплят машиной будут
делать...
 3. Чтоб им пусто было... Петуха бояться...
 4. Петух — птица Божья, нечисть прогоняет, от злых чар
охраняет,
 5. солнышко встречает, за часом примечает...
 6. чертей пугает...
 5. Петра апостола, хоть и святой был, петух обличил...
 6. Бог Иисуса Христа при пеньи петуха воскресил...»
 7. «А знаете ли, в самом деле, сказал “только контур”,
 8. в самом деле петух — священная птица у всех народов, —
 9. птица Солнца и Блага... — символ Вышнего — Чистого...»
 10. Море возгласов бабьих шумело кругом — гудело. Кого-то
обличили,
 11. Какой-то смутной тревогой народную тишь всколыхали
 12. глухие слухи.
 13. «Нечисть завелась на Руси... вот петуха и бояться...
 14. Цыплят и нечисть на машинах разводят — плодят...
 15. У попа-то на Знаменке, слышала? Вещи в трубу улетают,
 16. нечистые добро поповское в трубу таскают,
 17. моя тетка видела намерднись змёя красного-красного,
 18. так из трубы ей краснющим своим
языком повилял окаянный...
 19. Коль петухов запретят откуда ж цыплята
возьмутся у нас-то. Машина, чай, дорого стоит...»
 20. «Все тогда покупай... в кабалу совсем попадем мы.
 21. Вот уж и нынче яйца все дорожают — пять
рубликов сотня. Шутка ли?...»

VII

1. Глаз начинал привыкать к слепящим
кускам жести, пролитым между
каменьями мостовой — к лужам,
2. А ухо терпеливее относилось к потокам
журчащих разговоров, к гудящим звукам торга,
к фейерверочным каскадам выкрикиваний.
3. «Ты сияешь лучше лужи и радостен...
Будто этот шум для тебя — симфония.
4. У меня трещит голова от этого гвалту.
Что же с тобой? Иль я ошибаюсь?»
5. Это спросил у «контура» «контура» спутник.
6. — «Правда — сказал ему “контур”...
езда экипажей — почти что музыка. Слышишь?
8. Милый друг, или ты не видишь,
что все, видимое нами,
только отблеск, только тени
от незримого очами?..
9. Милый друг, или ты не слышишь,
что весь этот гул трескучий
только отклик искаженный
торжествующих созвучий»
10. — «Да что с тобою случилось? Ты раньше не был
ведь таким.
11. Помню, как раньше тебе шум был невыносим...»
12. — «Сам не смогу объяснить тебе толком. Знаешь?
13. — Кажется мне, будто только что встал после долгой
болезни,
только теперь я проснулся.
14. Кажется мне, будто целых семь лет я был, как в гипнозе,
темными силами страшными вечно давимый,
иль в лунатизме... подавлена воля была!
15. Призраки...»
16. «В чем же они состояли?» — «Теперь не скажу,
нельзя тебе слышать — страшно.
17. Только на исповеди могу сказать. А кому?
Священник не поймет — станет переспрашивать-терзать.
18. Надо омыться, но как?
19. Вот уже сколько лет, как не был у святого причастья.
Боялся. К чему? Ведь тотчас же хуже еще нагресишь...

20. Теперь все прошло. Ты представить не можешь себе,
как близко
был я от гибели.
21. На паутинку, — ближе, — подходил к бездне, проползал в
лунализме к краю пропасти, свешивался с острого камня.
22. Хорошо знаю, что моя песня уже спета была. Прямо
насильно,
будто за волосы оттащил от бездны Христос». —
23. — «А ты в Него веришь?» — «Знаешь ли, милый,
я иногда, позабывшись, начну сомневаться, но после
спрошу я себя — могу ли в Него я не верить.
24. Нет, не могу я не верить. Факты и действия явные
чуть не рукой осязаю. Могу ли не верить?
25. Самая элементарная научная добросовестность
не позволяет
не верить. Ведь факты...
26. Не верить... Да ведь я же люблю Его, всякое время
чувствую Его.
27. Он не только спас, но и все спасает, — поддерживает.
28. Если бы Его я не чувствовал около себя — каждое мгновение
я мог бы снова погибнуть.
29. Мог бы каждое мгновение сойти с ума или разбить
голову о стены.
30. Даже в самые страшные минуты обращаюсь к Нему...
31. Он остановится передо мною, между мною и *Ним*...
32. — «Кем это “им”... Ты, кажется, бредишь?..» —
33. — «Сказал я — не спрашивай, Это нельзя тебе слышать...»
1. «Только контур» чувствовал, как искажается лицо его
от воспоминаний ужасов,
2. как в голосе появляются ноты сдавленности.
3. И спутник его тоже чувствовал это и видел.
4. Он вдруг оборвал разговор, повернулся резко кругом
и, схватив собеседника за локоть, потащил обратно домой.
1. Разговор изменился. «Знаком ты ведь с NN, — сказал он. —
сегодня пойдем оба к ним — услышать последние вести».
2. — «Зачем же сегодня? — «У них в воскресенье *jour-fixe*’ы*.
Пойдешь ты?»

* Буквально: фиксированный день (*франц.*), когда принимали
гостей, называли журфикс.

3. «Пойду, хорошо... Но сейчас оставь ты меня, пожалуйста. Нужно...»
4. Было около четырех часов. Оба вышли уже из рынка.
5. Радостно крикнул петух за стеною привет им прощальный,
6. звучно горластая птица вдали прокричала.

Пока перемешано-слитно.

1. Небольшая гостиная была полна дамами; были также и знаменитости, в кавычках и без кавычек — старшее поколение.
2. Говорили о выставке московских художников, о литературных новостях, о концертах. Разговор был «культурный».
3. Молодежь сидела в кабинете у хозяина, многообещающего писателя, еще зеленого.
4. Многообещающий писатель, «Зеленый», слушал другого, слишком много наобещавшего. Говорили о спиритизме.
5. «Молодые мистики чуждаются спиритизма...», — говорил «много наобещавший» матово-тускло,
6. и со стороны казалось, что писатель превращается в черную пантеру. Вот-вот бросится —
7. выгнув спину, с кошачьей легкостью прыгнет на представителя «молодых мистиков» — Зеленого.
8. «...им кажется, что спиритизм порывается к опытному исследованию... они бояться опытного...
9. Духовенство тоже настроено против нас. Позитивисты чего-то ярятся...
10. Но я скажу решительно: мы одержим верх скоро. Недалек час, когда и правительство —
11. Когда и правительство станет не против нас. Позитивисты сознают ошибку...»
12. Вкрадчивым голосом пантера-поэт звал к единению. Писатель зеленый беспомощно вертел пальцами.
13. Он старался как будто бы что-то выяснить, высказать поэту с кошачьей хваткой, ответить должное.

14. «Спиритизма, — говорил он неловко, — мы не отвергаем
покудова,
но это — слой нам чуждый.
15. Мы хотим — стараемся переплыть через море и...
и по дороге встречаем мы холодный поток...
16. встречаем холодное течение. Надо пробиться через него...
проплыть чуждый слой насквозь...
17. вы хотите поддаться течению — остаться в этом потоке
к нашему направлению ортогональном...»
18. Зеленый писатель скрестил свои пальцы для объяснения.
Он говорил мягко и кротко,
19. но пантера-поэт почувствовал резкий отказ.
20. Сделав прыжок, она отскочила в сторону гибко.

II **

1. Знаменитый поэт был красен; это к нему не подходило,
так как каждый ожидал увидеть его с лицом
зеленоватым, — испитым.
2. Он кокетничал за чайным столом — жеманничал,
говорил манерным голосом, будто конфузясь,
3. будто конфузясь всеобщего внимания, хотя не ждал
меньшего,
меньшим обиделся бы он наверно.
4. «Прочтите нам что-нибудь, — сказала хозяйка слащаво, —
вы так нам нежите слух своим чтеньем...»
5. Поэт знаменитый, слегка пожемаясь, достал из кармана
тетрадку
6. и долго, весь красный, читал о разных воды превращениях
в природе.

III

1. «Позвольте представить», — сказал молодой хозяин. —
При этом он улыбнулся по-детски, смущенно.
2. Он робел в обществе, хотя бывал в нем часто —
робел и конфузился, т. к. был запуган мамашей,
все время делавшей ему замечанья строгие,
как ребенка, хотя он был уже взрослый.

** (Слишком протокольно и ни к чему; переделать или вовсе выбросить) — *Приписка карандашом П. А. Флоренского.*

3. Стояли двое, а около них — молодой хозяин;
смущенно нагинаясь, улыбаясь, он беспомощно вертел
пальцами.
4. Стояли двое. Один был «только контур», забившийся
в угол
между шкафами; другой же — какой-то незнакомец
с золотой
бородкой и взглядом —
5. темно-серым взглядом, как сапфир бывает серый,
как Франциск представлен у Джотто,
Серафим Саровский на моливе — в дýхе.
6. Серый взгляд смотрел открыто и чуть строго,
но сквозь строгость сильной лаской обдавало.
7. Как ручьи струили оба глаза
Странной силы хладно-чистые потоки.
8. «Серый взгляд» стоял молча,
излучал в пространстве струи ласки.

IV*

1. «Некто» говорил с «белым мистиком» —
мистиком почти прозрачным, убеленным.
2. Глаза у него были карие — чуть испуганные, — круглые,
как у болотной птицы — водяной,
3. Собирающейся улететь — улететь в бездонность
с прозрачных вод созерцания ясного.
4. «Мистик» говорил о святости — убеленности,
перечислял своих любимцев,
5. восторженно захлебывался и заикался,
заикался от восторженной воды созерцания.
6. Главным святым для него был Серафим —
Серафим Саровский — Саровский чудотворец,
7. убеленный и просветленный,
убеленный паче снега.
8. «Некто» указывал на Соловьева —
на Соловьева Владимира,
9. говорил, что видит в нем святость —
святость нóвого порядка и сильную.

* (Слишком протокольно и мало творчества. Переделать!) — *Приписка карандашом П. А. Флоренского.*

10. «Мистик белый» этого пугался — ведь Владимир...
Соловьев не признан Церковью.
 11. «Правда, — он сказал, — что в Соловьеве
было очень-очень много... но *святой*...
 12. но *святой* — такое слово...
неужели можете ему молиться?»
 13. — «Да, могу молиться, как перед иконой,
пред иконой Серафима иль Франциска...»
 14. «Белый мистик» побледнел весь от испуга,
от испуга сделался блее.
 15. «Но Владимир Соловьев, сказал он,
но Владимир Соловьев Христа не знал ведь...
 16. Только Логос знал он и едва-едва Софию,
хорошо же знал одну лишь Матерь.
 17. Жизнь он всю свою боялся черта
и стонал в неведеньи Христовом.
 18. Наконец, вы знаете, как жил он?
Узнавали ли вы частности всей жизни?» —
 19. «Некто» был испуган очень сильно
этим резким заявлением,
 20. хотя был в святом своем уверен —
твердо был в святом своем уверен.
 21. — «Кто же свят? Христа кто ж знает,
если даже он Его не видел?
 22. Чтó же мы, чтó ж я тогда? Погибнуть
мы должны, совсем Христа не зная...»
 23. «Мистик белый», а с ним «некто»
еще долго в том же духе говорили,
 24. в темный угол комнаты забившись.
Гости понемножку уходили.
-
1. Было уже поздно. Чуть прозрачным и смарагдным делался
горизонт.
 2. Одобрительно звонко влетел крик петуха,
возвещавшего близость рассвета,
возвещавшего Солнце
 3. и свет.

V

1. «Только контур» сидел за рабочим столом
в своей комнате, —

2. строчил груды бумаги вакхическим почерком,
буквы плясали танец диких, схватившихся за руки,
задирали ноги — бегали группами —
подпрыгивали на пружинных лапках.
3. «Только контур» сражался с позитивистом,
обличал его по всем пунктам,
находил во всех убежищах,
вскрывал антитеичность во всех формах.
4. С пером в руке он гонялся в пустынных степях,
выискивал факты доказательные,
высматривал слабое место — настораживался,
5. а потом... стремительным ударом пера
прибивал их к бумаге крепко — будто копьём.
6. Должен был выйти большой том — он был почти готов.
7. но «человек, чертящий контуры» не надеялся, что его
пропустит цензура,
8. потому что и полиция есть только форма неверия —
неверия в Силу Бога и Его Мудрость;
9. потому что полиция
хочет действовать от себя — тварно,
вопреки воле Божией
и заповедям, — как позитивисты.

1. Одной из форм антитеизма
«только контур» считал ученье спиритов, —
2. спиритизм как систему.
3. «Только контур» предсказывал —
предсказывал в своем томе толстом
4. будущие судьбы спиритизма, —
признание его государством,
5. возведение в официальную религию —
религию правительства, обязательную для всех —
6. для всех.

VI

1. В Москву приезжала девица петербургская.
2. Знакомые ее звали «Связкою» — связкою психических
состояний,
3. видели в ней хорошую иллюстрацию к Юму и школе
ассоциационистов.
- 4.

5. «Связка состояний» рассказала анекдот,
6. эффектно выругалась по-латыни,
7. кое-кого очаровала незлобивостью,
8. а потом уехала — уехала —
9. укатила в свой Санкт-Петербург.

1. События текли стремительно.
2. Быстро сходились, — быстро расходились
3. молодые деятели — деятели будущего.
4. Намечались основные направления:
5. одно — христианское,
6. другое же явно стремилось стать христианству враждебным,
7. даже стремилось вообще к антитеизму.

1. В народе ходили глухие слухи — совсем неясные,
2. но они были очень тревожны.
3. Дело как будто бы шло о каких-то реформах в религии.
4. Война беспокоила тоже, но исход ожидался счастливый.
5. Рассказывались анекдоты — без смысла,
6. анекдоты о петухах и правительстве,
7. но им, конечно, не верили,
8. хотя усиленно распространяли.

VII

1. «Человек, чертящий контуры» ходил по знакомым,
пил чай и неустанно говорил, меняя форму речи.
От разговора к проповеди, от беседы к диспуту.
2. Он расхаживал по всему городу — торопился,
будто боялся, что не успеет —
3. не успеет исполнить своего дела и высказаться.
4. Иногда его слушали, хотя внутренне упирались,
закрывали сердце,
но чаще просто подсмеивались,
5. хотя и не слишком злобно — не слишком, потому что
считали
его ненормальным — больным.
6. Охотно угощали и поили чаем,
7. хотя и считали больным.

1. «Человек, чертящий контуры» пил чай;
2. стремительно носился по разным вопросам,
3. мешал физику с теософией, язвительность насмешек с дрожью в голосе, почти слезами.
4. Но эта пестрота объединялась — объединялась чем-то,
5. чувствовалась какая-то цельность; но в чем было
единство —
не знали.
6. Единством был только Христос — ничего более.

1. «Лягушонок» сидел с «Контуром»
за чаем,
2. выкрикивал резким голосом защиту гностиков,
3. манихеев, ариан, спиритов,
4. и оккультистов.
5. Все соединялось в общую кучу — кучу кухонного сору,
6. получалась смесь дурного вкуса — дурного научного вкуса.

1. «Лягушонок» выдавал себя православным,
2. но в одной фразе ухитрялся высказать с десятков ересей,
3. взаимно друг друга исключаящих — получалась
4. мешанина мыслей, цитат всевозможных
5. и ересей.

1. «Лягушонок» был трогателен всею своею безвкусицей.
2. Он был ребенок, любящий пестроту,
хоть и женатый —
3. хотя и женатый, но ребенок.
4. Жена его таскала за волосенки и била,
5. а «лягушонок» работал над собою, утешался ересями
6. и стал злиться, по его же словам, —
7. только два раза в неделю — в неделю дважды,
8. не чаще.
9. Это был для него прогресс, и большой.
10. А все-таки «лягушонок» жалобил до слез
и смешил до упаду.

1. Разговор с ним шел по ассоциациям — по странным
филологическим
сцеплениям.
2. Кружилась голова и болела, как будто объелся безвкусицы,
3. Как будто объелся безвкусицы приторно-сладкой, —
сладких кореньев.
4. Разговор запивался чаем — универсальным и шел по
ассоциациям
странным,
5. чисто-филологическим и дурного тона научного —
6. дурного.

Временно просветляется

1. «Серый взгляд» сидел в комнате с «только контуром».
Никого больше
там не было. Разговаривали.
 2. Вдруг он сорвался с места, будто только что вспомнил
забытое.
 3. Он подошел нерешительными-просящими шагами
к постели.
 4. Над постелью висел образок овальный — Спаситель
в тернии.
Это была старинная флорентийская работа на стеклянном
медальоне.
 5. «Я давно уж хотел посмотреть, — сказал он, нагинаясь. —
Можно?..»
 6. «Человек, чертящий контуры» встал; смахнул пыль
с простой
деревянной рамочки — обгоревшей платком, он снял
образок
 7. молча,
 8. молча передал его «серому взгляду».
-
1. За окном гроыхала повозка.
 2. Досадно гремели железные трубы.
 3. Морщились.

1. Странно-внимательно, совершая что-то серьезное, —
сосредоточенно
вглядывался «серый взгляд» в полустертые краски
старинной работы.
2. Он заметил в них явный отпечаток творчества,
3. хотя краски уже поистерлись — были чуть видны,
4. приготовился что-то сказать. Но неожиданно...
5. неожиданно для обоих образок выпал из рук, упал на пол
и, упавши, разбился — разбился на мелкие кусочки.
6. Разбился неожиданно вдребезги.
7. Начатая фраза замерла на губах, которые уже сложились на
говoreния;
8. «серый взгляд» побледнел слегка и молчал.
9. Жалостно-беспомощно опустил руки, а его собеседник —
10. а его собеседник стал бережно подбирать осколки
11. странно-спокойно.

1. «Как это вышло? Не понимаю, — бормотал про себя
сдавленно
“серый взгляд”, опечаленный. —
2. Держал крепко. Будто *что-то* выбросило образок из рук
на пол...»
3. Он казался в полном отчаянии. «Вы очень сердиты?»
4. «Человек, чертящий контуры» отвечал почти что спокойно:
5. «Милый, я доволен...» — «Довольны, что нет образка?!»
6. «Серый взгляд» таращил глаза, был в недоумении...
7. «Ну, это я нарочно парадоксально сказал. Видите ли, мой
дорогой...
8. придется теперь рассказать кое-что из того, что я
откладывал
на какой-нибудь из будущих, сильных моментов...
9. Да, я доволен, что разбит этот образок, именно этот,
и разбит вами.
10. Вам дико? Подождите пока удивляться... Он был мне
очень и очень
дорог, дороже всего, что имею
11. или могу я иметь; и тем более стану теперь ликовать и
радоваться. Почему дороже всего? — говорите Вы.
12. Была одна женщина — меня воспитавшая и положившая
душу

- на это. Она — вроде девственниц древне-христианских
или святых,
13. но была развитой и многое знала.
14. После, в другой раз, о ней расскажу Вам. Теперь я не в силах.
Лучше покуда молчать, не портить чистого образа.
15. Для рассказа нужен особый, святой момент, когда будет
дано
вдохновение.
16. Сейчас Вам важно одно — она была святой для меня,
идеалом чистым
высоко светящим и близко.
17. Образ такой сложился с детства — таким он остался навеки.
18. Этот злополучный образок она получила в качестве
фамильной
реликвии от своей матери, а потом, перед смертью, мне
передала.
19. Говорят, она умерла. Но ведь я чувствую каждый миг ее
присутствие
около себя. Еще только что Ангелом-Хранителем она
стояла
над нами.
20. Этот образок всегда служил мне напоминанием о ней.
Теперь
Вы поняли, должно быть, что он мне дорог?»
1. — «Я вижу одно, — сказал “серый взгляд”, — вижу, что Вы
деликатничали —
2. вижу, что из деликатности говорили о своей радости —
но мне
от этого еще тяжелее.
3. Ничего Вам дать я взамен не могу...»
4. — «Совсем не так, дорогой. Пока не перебивайте.
Погодите немножко.
5. Нет, не из вежливости или деликатности сказал я.
Существенная
правда все сказанное.
6. Когда я познакомился с Вами, чувство присутствия ея
стало слабнуть.
7. Я печалился, не зная, как объяснить это, думал все о своей
негодности, мучился,

8. Но что-то сладко-тревожное волновало меня после
каждой встречи
с Вами — какое-то дуновение оттуда.
9. Я не понимал, почему. Но когда Вы разбили сейчас
образок
и смущенно взглянули,
10. Когда наши взгляды встретились, то я тотчас
«припомнил».
11. На меня посмотрела *она*. *Тот* же взгляд серых глаз —
хорошо
его помню.
12. Я бестолков... я понял сейчас, что Вы связаны как-то, — как
сам не знаю, с родимой.
13. Вижу, *она* привела Вас ко мне, *она* ж образочек разбила,
14. не могу я не видеть тут знаменья: — образ разбился
15. в знак того, что кончилась смерть — смерть ее для меня,
и что
снова
16. снова жива предо мною...
17. Не бойтесь. Не брежу я, Вас за другого,
Вас за другого я не принимаю. Не брежу... Но как-то...
18. Как-то *она* в Вас для меня.
19. Не можете дать ничего мне взамен — взамен образочка!
20. Вы *ее* мне даете взамен — все той же; —
21. живое даете взамен воспоминаний...
22. Образ потерян!.. Но ведь Вас приобрел взамен и *ее* —
так как же,
23. как же не радоваться?.. Если бы Вы не рассердились,
24. то я б не устал целовать Вам ноги, обнявши колени.
25. О, брат дорогой, поймите, как рад я...»

1. Где-то близко-близко, почти над ухом
2. у самого окна, которое было раскрыто,
3. захлопал крыльями петух вдруг шумно.
4. Трижды хлопнул крылами торжественно-шумно
и крикнул,
5. крикнул ликующе голосом медно-трубастым.
6. Горизонт делался прозрачным — бесцветно-прозрачным.
7. Открывалось «стеклянное море».

Спутанность в Санкт-Петербурге

I

1. Петербургская девица, — «связка психических состояний», — проводила гостью.
Та была либералкой. «*Stervosa maxima!*» — подумала в связке.
Связка была зла на либералок и знала латынь.
2. Было поздно. Мглистая слякоть петербургская воздуха клубами ударялась в оконные стекла. Окна были без ставень и занавесей.
Девице становилось страшно, потому что нервы ее были развинчены.
3. «Если добро есть должное, — старалась она возобновить ход психического потока, прерванного гостьей, — если хороший поступок есть поступок должный,
4. то почему, именно, должно делать должное, а не недолжное?
5. Если познание есть совокупность должных процессов мышления, то почему нужно проделать именно должные процессы для познания, а не какие-либо иные?
6. Могло бы случиться, что мы мыслим не по законам логики нашей, а по иным законам.
7. Можно представить себе человека, для которого законы тождества и противоречия — ничто́, а не не́что.
8. Ницше говорит: «на что вам истина», — и правда:
9. Истина — должное, а почему должное более должно, чем недолжное?»
10. В этот раз в «связке» состояния вязались легко, несмотря на страх и туман,
11. и она осталась довольна своими состояниями, потому что казалось, что она подымала новые проблемы и расчищала догматические туманы критицизмом.

12. Впрочем, это ей не казалось всерьез, потому что она была
«связка»
13. и ни в чем не могла быть уверена твердо.
14. Поток психического бытия клубился в «связке».
15. А клубы темного хаоса беззвучно толкались в оконные
стекла.

II

1. Александр Иванович Введенский — «единственный
кантианец в
России и знаток Канта» приехал с заседания.
2. Он был доволен — доволен весьма и очень,
3. потому что целый вечер поклонницы не давали ему
проходу,
4. попадались под ноги восхищенные,
5. заглядывали в глаза обожающие.
6. «Единственный кантианец» был доволен, несмотря на
туман
7. и сырость.
8. А клубы темного хаоса беззвучно толкались в оконные
стекла.

III

1. Погода менялась. Делалось удушливо тепло, приторно,
как в парнике.
 2. «Связка» начинала «краснеть»,
 3. потому что краснела «подмигивающая подруга» —
подруга «связки».
 4. Эта подруга была вероломна и, несмотря на собачью
преданность
«связке», косилась при посторонних на нее —
 5. подмигивала глазами на нее, будто усмехаясь загадочно,
 6. и говорила: «вот же бывают дуры!».
-
1. Обе они носились по Невскому стремительно, отыскивая
прозелиток,
 2. чтобы устроить демонстрацию какому-то профессору —
какому, сами не знали, «какому-то».
 3. И их деятельность, — их обеих, — не оставалась без успеха.

4. Даже «сама», главная, давно уже перешедшая из «красной» в «багровые», жала им руки,
5. и это окрыляло им ноги, обеим,
6. хотя они знали, обе, что «главная» их морочит,
7. что, выжав соки, отбросит за ненужностью.
8. А пока они носились в наклонном положении, как фигура женщины у Ге,
9. сбивали с ног прохожих.
10. Прохожие подымали головы и смотрели удивленно.

IV

1. В Санкт-Петербурге, на Невском, открылись два журнала,
2. оба спиритические, роскошно издаваемые.
3. Впрочем, первый был скоро переведен в Москву. Он
назывался
4. «Ревенант-Фантом» и выходил ежемесячно.
5. А второй оставался в Санкт-Петербурге. Его заглавие было французское — почему? — неизвестно:
6. «Revivant ou Le Progresse Positiviste.
7. Revue mensuelle de spiritisme,
8. des sciences occultes
9. de la mantique
10. et de la pneumatologie de toutes espèces.
11. Edition à bon marché de luxe»*.
12. Ходили слухи, что его негласно субсидирует само
правительство.

V

1. «Связка» менялась. Краснуха кончалась, и опухоль спадала. Она снова принялась за философию.
2. «Я согласна с Соловьевым, — говорилось в «связке», —
что есть
мистическое восприятие.
3. Но если мистическое восприятие есть мистическое
восприятие,

* «Возрождение или прогресс позитивизма. Ежемесячное обозрение спиритизма, оккультных пророчеств и пневматологии (науки о духах) всех родов. Роскошное издание по дешевой цене» (франц.).

4. то что же гарантирует, что оно не может быть
немистическим
невосприятием».
5. «Связка» видела подвохи Соловьева насквозь.
6. Зато «дочь радикальных родителей» превращалась в явную консерваторку,
5. вроде Грингмута — вроде Грингмута.
6. А «девица-связка» все сомневалась,
7. сомневалась.
1. Ее знакомые читали Канта в кружкѣ.
2. Комментировали.
3. Но «связка» сомневалась в Канте,
4. видела все подвохи Соловьева насквозь, потому что,
5. потому что ничего не гарантирует «единства» истины.
6. «Если говорит Соловьев, что истина есть всеединство,
7. то что же может ручаться за то, что всеединство,
действительно,
едино».
8. И она усомнилась в Соловьеве,
9. а потому начинала «краснеть».
10. Это бывало у ней периодически, в год пять или шесть раз.
11. Маятник теперь качался вправо.

VI

1. «Колонки — колонки, а дует», — говорил Василий
Васильевич своему собеседнику —
спириту из Москвы — и мигал красными веками без ресниц.
2. — «А вот мы поставим, Василий Васильевич, между
колонок... хе-хе...
по геридончику. Посмотрим, чем тогда подует!»
3. Василий Васильевич жался и чувствовал, как в его
уютную квартирку
с пеленочками, штанишками и деточками вползают
клубы тумана.
4. «Заколышатся голубчики мои туманом, пахнѣт сыростью
и вековою —
вековою плесенью. Вот мы и станем жить с ними», —
захлебывался его собеседник.

5. Но Василию Васильевичу становилось сыро и чуждо, хотя
собеседник
того не замечал и все продолжал восторгаться дѹхами —
 6. спирит того не замечал, и радостно потирал руки,
приговаривал:
 7. «Вот, говорят, наш просвещенный, высококультурный
государь
ассигнует суммы на геридоны из личных средств,
 8. и тогда кончится вся эта варварская история —
теократическая.
 9. Человечество родится дѹхом, — с помощью гениев
покровителей —
умерших, мы устремимся в безбрежное море прогресса.
 10. По воде ходить будем и скалы сдвинем — не верой,
а мощью собственной.
 11. Лозунг наш будет “вперед бесконечно — без Бога” —
 12. Нам Бога не нужно. На что он? Он только мешает
прогрессу.
 13. Пока-то Его мы оставим в покое. Но только лишь сил
наберемся,
 14. заставим примкнуть мы к движенью Его — дадим Ему голос
 15. мы в хоре духов, но не первый. Мы сами!...
 16. Пускай государь наш прикажет — нам Бога не нужно,
 17. А если Он станет бороться, не станем стесняться мы
в мерах».
 18. Московский спирит жестикулировал, подпрыгивал,
 19. тряс безумно головою, плевался хуже лáмы во все стороны,
 20. им как-будто овладели какие-то силы.
 21. Василий Васильевич жался — терялся,
 22. не знал, что делать, уйти не решался —
 23. Слушал смущенный безумные речи.
-
1. Заплетаясь в длинных фразах, «московский спирит»
развивал
какую-то теорию прогресса,
 2. безумие и одержимость сквозилось в его глазах.
Он подпрыгивал
и плевался.
 3. «Замените в загадке сфинкса третью опору громоотводом,
поднятым до облаков,

4. тогда достаточно человеку трехаршинного надела земли, и этой третьей рукою
5. коснется тогда человек облаков и будет, как боги.
6. Он молнии с неба совлечет, утишит бури, направит ветры.
7. Энергия, высасываемая из неба сетью громоотводов —
тысячами
третьих рук, изменит вес земли — воскреснут люди,
8. и понесется наш земной электроход вперед в волнах эфира — к другим планетам он пристанет,
9. и их из уз законов извлечет — и улетят все.
10. Я говорю, что будем мы как боги, нарушив все реальные условия...»
11. «Московский спирт» говорил глупости,
12. но в его глупых речах сквозило серьезное, чего сам он не
понимал.
13. темные клубы хаоса ударяли в оконные стекла.
14. Василий Васильевич чувствовал, как от безумных речей собеседника подымается с новыми силами хаос —
врывается в его квартиру.
15. Ему становилось страшно, но не было у него твердости.
16. Он не знал, что́ делать и что́ сказать — только терялся.
17. А темные клубы хаоса беззвучно ударялись в оконные
стекла.

VII

1. Говорили о «связке».
2. «Так она радикалка?» «Видите ли, Вы хотите точного
ответа?»
— «Конечно» — «Тогда, —
3. были вытащены часы, — тогда три часа пятьдесят минут тому назад она была радикалкой, а теперь...» —
«А теперь?» — «Не знаю».
4. — «Объясните, что же это все значит?» — «А вы помните
химическую терминологию?» — «Немножко» — «Ну, тогда объясню. Она не радикалка, а радикал» — «Как так?» — «Слушайте: Она, химически выражаясь, — радикал, но радикал
сложный.
В качестве радикала он может быть только в соединении с

другим; сам же по себе существовать он не может и разлагается: Связка распускается на составные части. Как нечто единое она — фикция.

6. Она — “красная”, но на манёр того, как красен в “потенции” роданистый аммоний, *Ammonium rodanatum*. Ибо сам он бесцветен, а красным получается продукт двойного разложения с железною солью.
7. Также и “связка”. Она “красная”, когда есть железо, на нее действующее, и разлагается, как только ни с кем не соединена».
8. — «А, вот как...»

VIII

1. «Связка» разлагалась, потому что она ни с кем не была соединена.
2. А когда «подмигивающая подруга» бросила ее за ненужностью,
3. то «Связка» взялась за Соловьева. —
4. Маятник качался налево.
5. Впрочем, она не сердилась на «подругу», потому что была незлобива.
6. Да и к актам вообще была не способна, особенно длящимся долго.

Фиоритура

1. Лиственницы росли рядами, вперемежку с елками суровыми.
2. На лиственницах были насажены мягкие кисточки, точно акварельные, светло-зеленые,
3. и ими было приятно водить по лицу,
4. а елки аккомпанировали им блестящими длинными хвоями
5. иглистыми, строго-зелеными.

1. Двое шли лесной тропкой, и на одном было ружье;
2. а другой кутался в плащ — в плащ бледно-пепельный.
3. Человек с ружьем обернулся —

4. обернулся на шедшего позади и, опуская глаза к земле,
5. предложил его убить — убить из ружья, —
6. из ружья.
7. И тот не противоречил, но молча — молча
8. скинул плащ свой серый — свой бледно-пепельный плащ
скинул,
9. скинул на зеленые ветви ели и обнял дорогие ноги —
10. обнял дорогие ноги, не сказав ни слова —
11. ни слова. А потом поднялся,
12. смотрел с любовью и радостью,
13. стоял с лаской во взоре — у ствола лиственницы
14. молочно-зеленой и нежной
15. стоял. Легкий ветер шелестил бледно-пепельные каскады
плаща на ели,
16. и так все застыло.

1. Лиственницы нежные росли вперемежку с суровыми елями
2. иглистыми.
3. Шелестящий ветерок колыхал бледно-пепельные складки
мягко,
4. и так все застыло —
5. застыло.

— . —

Охота (тема с вариациями)

I (Тема.)

Allegro

1. Готовили сапоги, ружья и другие принадлежности.
 2. Радостно собирались — приготавливались.
 3. Уговаривались о дне и часе, — бросали дела,
 4. волновались.
 5. Ехали на охоту — на тягу.
 6. Дни были чистые — ясные.
 7. Дни улыбались.
-
1. Ехали многие — за город.
 2. «Серый взгляд» тоже, и это было удивительно — непонятно.

3. В его присутствии охотники краснели — прятали
стыдливо все
ружья, потому что не предполагали его страсти — странной.
 4. Когда же узнавали, — удивлялись, плечами пожимали и
втайне негодовали.
 5. Они сердились на поругание чистоты; себя считали
отпетыми.
 6. но «серый взгляд» охотился по-прежнему.
1. Дни были чистые — ясные.
 2. Дни улыбались.
 3. Собирались на охоту многие.
 4. С ними был «серый взгляд» тоже.

(Вариации)

II

1. Двое сидели на диване пружинном, — красном.
2. Зашел разговор о «сером взгляде»,
3. «Некто» узнал, что он уехал — уехал на охоту,
4. не верил — смутился,
5. жалел, что ему рассказали — дивился;
6. ушел расстроенный сильно,
7. хотя не показывал виду.
8. Все это было так странно — так странно.
9. А «другой» удивился тоже, — хотя смеялся,
10. смеялся неожиданности —
11. превращению.
12. Вдали прокричал петух. Все замолкло.

III.

Praesto agitato

1. В Москве «некто» волновался,
2. почти сходил с ума,
3. борясь с наваждениями, — с последними.
4. И «другой» волновался тоже.
1. «Некто» видел интригу —
2. интригу нечистых.

3. Его хотели нечистые обмануть — подбором
4. фактов,
5. чтобы он перестал верить в Добро,
6. сознавать Его силу —
7. поклонился пред силою
8. Дьявола.
9. Бороться было трудно, потому что
10. надо было не видеть видимого
11. и не верить фактам. И «некто»
12. целый день старался молиться,
13. чтобы рассеять наваждения — последние —
14. не верить фактам.
15. А «другой» волновался тоже.

1. «Некто» изнемогал во Храме —
2. во Храме Христа Спасителя.
3. И ему мерещились
4. дикие образы — ложные, —
5. то были наваждения — последние.
6. «Другой» волновался тоже,
7. Но интриги нечистых не видел.

1. «Некто» имел видения
2. вполне определенные — резко очерченные.
3. Сидит на веранде
4. ночью, летом;
5. полной грудью вдыхает
6. теплый воздух
7. благовонный уханием лилии —
8. лилии, которой он не видел.
9. Тревожное теснится в духе —
10. смутно, чрез истому,
11. но «некто» не знает, что́ это такое.
12. Что это такое?
13. Прогорланил звонко зычно-громкий петел.
14. День проснулся светел.
15. «Некто» подходит к лилии — белой.
16. Лилия поломана и облита красною —
17. красной кровью.

18. И «некто» с криком топчет ногами лилию белую —
обрызганную красною кровию.

19. Кругом темнеет —

20. темнеет...

1. «Некто» видел образы, а «другой» волновался.

2. «Некто» видел еще образ.

3. Он сидит на диване с «серым

4. взглядом».

5. Он сидит на диване и разго-

6. варивает.

7. А «серый взгляд» смотрит дико и необычно,

8. отвечает цинично.

9. Тогда «некто» удаляет посторонних

10. властно;

11. и читает «взгляду» главы

12. Иоанна.

13. Но «серый взгляд» смеется

14. нагло —

15. кощунствует.

16. Когда же упоминается имя

17. Христа Иисуса,

18. то он в судорогах катается по полу,

19. изрыгает хулу и

20. ругательства...

1. «Некто» был измучен своими образами,

2. потому что он знал, что это ложь,

3. но не видеть мог только минутами,

4. когда он сильно молился.

5. А «другой» волновался тоже.

IV

1. Прошли дни — сколько-то.

2. Оба волновались — оба.

3. Волнения умирались, а после —

4. после снова подымались.

1. «Серый взгляд» шел по улице

2. под дождиком, с зонтиком.
3. А около него топтался «некто»,
4. «некто» волновался и топтался, —
5. был в нерешительности. Надо было прощаться.
6. «Я провожу Вас... у меня — дело...» сказал он
«серому взгляду».
7. Тот был серьезен — нахмурен. — «Проводите!».
8. Они пошли молча. «Некто» волновался и топтался,
9. комично топтался, но говорить не решался.

1. «Серый взгляд» прервал молчание, потому что было оно
2. томительно;
3. были слышны удары сердца — глухие. «Вчера я приехал —
4. приехал с поездки — я ездил. Чудная была погода.
5. Листочки
6. клейкие...» «Некто» сорвался с места
7. — «Об этом я и хотел говорить с вами...»
8. «Некто» говорил сдавленно, волнуясь — «с вами...
9. мне сказали... что вы... на охоту...
10. Эти дни я был почти болен... — не спал ночью... все думал...
11. был в тоске почти смертельной... все думал,
12. были наваждения... волновался
13. не потому, чтоб я был очень-очень против охоты...
14. но для вас — вы поймите —
15. для вас она недопустима...
16. грех...
17. нарушает все остальное...
18. одержимость...»
19. «Некто» говорил, запинаясь,
20. почти что забываясь.

1. Настала пауза, небольшая — пауза в стремительности,
2. Но «некто» переживал ее как событие долгое-долгое,
3. Как историю в веках. Было молчание, а потом «серый
взгляд»,
4. потом «серый взгляд» начал говорить будто спокойно,
5. будто.
6. «Я не удивляюсь — не удивляюсь этому разговору —
7. не вижу в нем странного, как вы боялись. Даже напротив,

8. я был бы очень удивлен — неприятно, если бы знал,
что вы, зная
все то, что сказали — зная об этом, молчали.
9. Я объясню вам, в чем дело — во многом вы, может быть,
правы,
10. Вы слышите?» — «Слышу» — «С самого детства — уж так
я воспитан,
11. привык я к охоте — любил ее очень, до страсти и, прямо
скажу,
не видел в охоте дурного.
12. Знакомые, знавшие это, весьма удивлялись. Но я не видел
в охоте
дурного — продолжал охотиться. Теперь же думаю иначе.
13. Было на мне будто наваждение — гипноз, и я вижу
отчетливо-ясно,
14. что тут не просто болезнь и не просто непонимание —
больше,
15. тут я на днях усмотрел влиянье нечистых — их силу.
16. Их силу.
17. Раньше я относился безразлично к убийству животного,
но теперь увидел,
18. теперь я увидел, что убийство животного на охоте — не
всякое, а, именно
на охоте, для удовольствия, почти что
19. равносильно убийству человека, грех — не совсем такой,
как убийство человека,
20. не совсем такой, но все-таки очень великий...»

1. Дождь шел, затихая. Оба молчали. Наступила пауза,
 2. но уже не такая томительная — с просветами.
 3. Дождь капал с крыш, затихая. Оба молчали.
-
1. «Я расскажу, как это случилось — расскажу, потому что
нужна
откровенность.
 2. Когда мы поехали, — погода была очень хорошая.
Клейкие листочки...
 3. Солнце было ясное, не жгучее — точно целовало.
 4. Лазурью опьяняло.

5. Но у меня была какая-то тревога — смутная.
6. Мы стояли на тяге — нужно было выстрелить,
7. выстрелить из ружья, но вдруг я почувствовал, —
8. вдруг пришло в сознание, что я *не могу* выстрелить.
9. Тянуло опустить ружье — бросить, но меня удержало
смущение.
10. боязнь быть в неловкости перед спутниками.
11. Хотя они уже привыкли к моим странностям, но я все же
боялся — боялся попасть в положение глупо... —
глупо-комичное.
12. И я выстрелил в воздух, покаюсь.
13. Выстрелил в воздух — мимо.
14. В это мгновение я понял — понял, что был, как в гипнозе.
15. Не хочу оправдываться, но сознаю — сознаю, что воли моей
тут не было — было наваждение, *их* сила —
16. сила нечистых...»

1. Дождь не прекратился. Оба шли и молчали. Была снова
пауза,
2. но теперь перерыв был торжественным.
3. Дождь совсем прекратился, темнело.
4. Звонко-звучно прогорланил петух
5. победу.
6. Сердце разрывалось ликованием,
7. радостью.
8. Оба шли молча.

Форшлаг

1. В Петербурге были нерешительны, — не знали, что́ делать.
 2. Что́ делать?
 3. Чувствовали какую-то беду — грядущую.
 4. Связывали почему-то ее с новыми журналами, спиритами,
 5. связывали ее с оккультистами.
 6. А все-таки терялись: там было сыро, туманно,
 7. туманно в головах и на улицах.
-
1. «Связка психических состояний» бегала по дома́м,
 2. пропагандировала ду́хов, создавая спиритам рекламу
 3. безвозмездно — она была искренна и бескорыстна.

4. Впрочем, чувствовалась в ней перемена
5. к иному:
6. в «связку» вплетались от дѹхов состояния скверные —
7. склизкие, так что тошнило —
8. тошнило не очень, но непрерывно —
9. непрерывно.

Последнее в Москве

I

1. В редакции нового журнала было холодно,
 2. холодно и будто пусто,
 3. хотя в редакции было несколько человек.
 4. Все они были писатели.
-
1. В редакции нового журнала было пусто,
 2. хотя была мебель и всюду валялись журналы
и книги.
 3. Было холодно и как-то пусто.
-
1. «Писатель-пантера» говорил вкрадчивым
голосом,
 2. обнаруживал большую
начитанность,
 3. бросая порою цитату
редкостную.
 4. Мягкий матовый голос звал вкрадчиво к пневма-
тологии,
 5. Говорил, что это — только наука —
только наука,
 6. которую не знают и которую надо
изучать.
 7. А вместе с тем «писатель-пантера»
с скрытой иронией
 8. цитировал Кардека, выбирал места,
относившиеся
 9. к «новым мистикам»,
будто бы.
 10. Но его собеседнику дело казалось не так уже
просто,

11. и он видел причины вкрадчивости
«пантеры»:
 12. она хотела усыпить бдительность.
 13. Но собеседник «пантеры»
 14. молча слушал — не говорил
ни слова.
-
1. «Пантера» была загнана и измучена.
 2. Глаза смотрели будто просительно,
 3. будто просили о ласке.
 4. «Пантера» возбуждала глубокую жалость —
 5. острую жалость в собеседнике.
 6. Возбуждала жалость своею забитостью,
 7. хотя имела вид важный.
 8. Вскипали на сердце слезы
горючие,
 9. хотелось подойти к ней, приласкать —
обнять.
 10. сказать ей доброе слово.
 11. Но стеклянная витрина стояла между
«пантерой» и всяким —
 12. доступа к ней не было.
 13. «Пантера» была *во власти*,
 14. но сама того не признавала,
 15. хотя чуяла витрину —
чувствовала
 16. и мучилась.
 17. Она сидела будто в стеклянной клетке —
 18. Стукалась головой о стенку —
 19. Лизала холодный хрусталь —
прозрачный
 20. своим языком воспаленным.
-
1. В редакции было холодно и будто —
будто пусто,
 2. хотя там были писатели
и мебель.
 3. Глухо падали разговоры
о спиритизме,
 4. и вкрадчиво-матовый голос «пантеры»
звучал, как в тумане

5. сыром.
6. Христа тут не было.
7. Он был неуместен —
лишним,
8. потому что Он живет —
оживляет,
9. а тут — царство смерти:
10. оживать никто не хотел.
11. Все довольствовались этим —
этим миром смерти,
12. подправляя его.
13. Смерть торжествовала
в туманах
14. и считалась благом —
желанным.
15. Христос был ненужным —
лишним.
16. В редакции нового журнала было холодно —
пусто.

II

1. Из редакции выходили двое... «Зеленый»
и «контур».
2. «Так вы, значит, поедете, — до свиданья»
— «Прощайте». —
3. «Я ему об вас так и скажу».

1. «Серый взгляд» и «только контур»
2. вместе собирались уехать
за город.
3. Поездку назначили на Святую —
на Святую неделю.

III

1. Было поздно.
2. «Человек, гравирующий контуры» лежал на столе
над томом
Соловьева
3. и плакал,

4. и плакал навзрыд.
5. «Тогда Паули»
6. «Когда же, Господи? Когда?
7. Умири и утиши. Дай успокоиться неразумной злобе
8. на братьев...»
9. «...Едино стадо и един Пастырь
10. да будет» *
11. «Не оставлю вас сиротами; прийду к вам» **
12. «Когда же, Господи? Когда?...»
13. «Освяти нас истиною Твоею; Слово Твое есть истина...»
14. «едино да будем...»
15. «Тогда Паули»
16. «Когда же, Господи? Когда?...»
17. И рыхлая бумага Соловьева жадно впитывала слезы,
18. как будто их и не было.
19. Только на листах появились полупрозрачные
20. пятна.

1. Светало.
2. Холодный горизонт трепетал чуть видимой смарагдовой
улыбкой.
3. В открытое окно текла свежими прохладными потоками
свежесть —
4. Струи утреннего воздуха, как горный ключ.
3. Чистый горизонт золотился радостно-нежно.
4. Трижды хлопнул крыльями петух в солнечном оперении,
5. Прогорланил звонко-звонко за окном —
6. Прокричал торжествующе трубой о грядущей победе,
7. и пошли перекликаться горластые обличители мрака за
соседними заборами. —
8. Широкой волной распространялись переклики, вдали
замирая,
9. ликующие,
10. а «человек, гравирующий контуры» молился в окне
восходящему Царю золотому.
11. Радость предчувствия разрывала его сердце.

* «И будет едино стадо и один пастырь» (Ин 10. 16) (примечание П. А. Флоренского).

** Ин 14. 18 (примечание П. А. Флоренского).

12. Горизонт восторженно разливал пурпур
13. и золото.

1. На другом конце города окно тоже было распахнуто.
2. В золоте ласковых лучей двое стояли на коленях.
3. Один был «серый взгляд», а другой — «некто».
4. И они молились — оба.
5. «Серый взгляд» был восхищен.
6. Казалось, он подымается в лучах восходящего Солнца —
исчезнет,
7. потому что он был слишком хорош для земли.
8. А «некто» тянулся за ним. Он был в глубине комнаты —
9. в тени.
10. Но светился светом «взгляда».
11. «Серый взгляд» сиял своею белой одеждой кругом себя,
нежно-стрельчатые семена солнечности.
12. А на голове его огнисто-красным языком горела в
солнечной ослепительности, будто пламя Святого Духа,
13. прядь волос, — поднявшаяся.
14. Она отбилась и торчала вихром,
15. потому что «серый взгляд» никогда не чесался —
16. никогда.

IV

1. «Человек, чертящий контуры» был не в духе — не выспался.
 2. Он не спал ночью, думая о примирении —
 3. думал о примирении Церквей и братьев;
 4. а теперь, если бы дал себе волю, то стал бы посылать к черту
всех вместе —
 5. всех вместе или порознь.
-
1. У него был вид, как после попойки.
 2. Но все это было внешнее; а *что-то* от ночи сохранилось —
 3. Сохранилось в какой-то бездонности
общей истории.
 5. Прогнав злых духов, он сел заниматься —
 6. доказывать теорему.
 7. Какая-то бесформенность хаоса формировалась,

9. рождалось стройное тело.
10. Прозрачный холод охватывал восторгом.
11. «Только контур» был лишь зрителем
тайны.

1. Не помня себя, в волнении
он приписал на полях бумажки:
2. «Благодарю Тебя, что даровал мне постичь Славу Твою,
3. Символ бесконечности Твоей.
4. Молился я Тебе — Ты внял молитвам.
5. Вот я пред Тобою, чтобы служить Тебе.
6. Клянусь памятью *ее*, что не изменю Тебе,
7. потому что люблю Тебя, Господи...»
8. А потом «человек, чертящий контуры» добавил:
9. «Дай мне знаменье, Господи, что слышишь меня».
10. И внятно прокричал петух среди ясного дня.
11. Это было знамение.

V

1. Собралось целое общество. Разговаривали. Обсуждали
«только контура».
 2. Обвиняли в бездеятельности.
 3. «Почему он не действует в обществе? Почему не помогает?
 4. много разговаривает, а ничего не делает —
рассуждает.
 5. Для чего читает-читает, а так мало знает?»
 6. Недоумевали и осуждали. «Некто» молчал,
но тоже не понимал.
 7. «Сам поговорю с ним; поверю, что он объяснит.
 8. Пока недоумеваю — не понимаю».
-
1. «Кто ты? — говорил “некто” “контур” —
объясни свое поведение.
 2. Я не осуждаю, но и не понимаю». —
 3. — «Глас вопиющего в пустыне. Исправьте пути Господу.
Уровняйте стези Его. Я — проповедник.
 4. Внемлите проповеди очищения. Проповедую катарсис.
 5. Покаяние — покаяние в предвзятых мнениях принесите. —

6. Смойте водою крещения, ключевой водой умозрения — холодной.
7. Очиститесь от грязи духа, смойте ложные мнения.
8. Крещу вас водой умозрения, готовлю к принятию Господа.
9. Перед Ним придут пророки Его — Илия и Енох.
Крестят вас
огнем мистики, зажгут пламенем теургии,
10. и вы просветитесь к принятию Господа — обновитесь.
11. Идущие за мною больше меня. Я дело свое сделал
и уступаю им
место — меркну.
12. Они — больше меня, и недостойн готовить пути им,
13. Но Христос поставил меня, недостойного,
14. чтобы я проповедовал катарсис — очищал от предвзятости
мнений.
15. Мне пора уходить, и я указываю вам на двоих — знаете,
на кого.
16. Их слушайтесь.
17. Потому что в них — Христос.
18. На святой расстанемся — до скорого свидания, ибо время
близко.
19. Ничего не прошу, — их только слушайте.
20. Держитесь. Крепко стойте. Будут смущать вас теориями —
теориями соблазнительными — ложными, чтобы вы
забыли Христа.
21. Едино стадо и един Пастырь да будет...
22. вы двоих слушайте — сами знаете кого».

VI

1. У могилы Соловьева Владимира сидел «только контур».
2. Он пришел проститься, потому что предчувствовал,
что это — в
последний раз,
3. что он больше не увидит легкой могилки, покрытой
смарагдовым
дерном, —
4. не увидит ласково теплящейся лампадки, светящей
неугасимо
у самой земли, пред крестом,
5. не прочтет еще раз надписи на Ченстоховской Богоматери

-
6. «in memoria aeterna erit justus» * —
 7. «Justus...»
 8. «Только контур» пришел проститься перед смертью.
-
1. Рядом с могилкой стоял памятник Соловьева-отца, —
историка.
 2. На его белом мраморе сидел «только контур» —
получался символ —
 3. символ молодежи, сидящей на каменном фундаменте,
 4. на твердых плитах науки,
 5. плачущей на убеленную легкость,
 6. смотрящих на мерцающую лампаду — мигающую.
-
1. «Только контур» читал стихотворения Соловьева.
 2. *Нечто* значительное и ноуменальное,
 3. исходящее от сущностей,
 4. влекущее к ноуменам,
 5. открывалось ему, и он видел — видел из стихотворений
и из своих состояний,
 6. что *это* знал и Соловьев. —
 7. Знал *это*, но не хотел говорить —
 8. не хотел говорить, хотя иногда прорывался
случайно.
 9. Поэтому и «контур» боялся высказать *это* —
 10. все равно никто бы не понял.
-
1. У соседней могилы появилась дама.
 2. Она была богато одетая, с виду приличная.
 3. Уже не молодая — пожилая.
 4. Она была с виду почтенная, но вдруг сердце сжалось
предчувствием
 5. у «контура».
 6. Ему почудилось ноуменальное,
ноуменально-злое у могилки.
-
1. Рабочие что-то копали у соседней могилы.
 2. Копали — между собою толковали.
-

* «В вечной памяти будет праведник» (Пс 111. 6).

3. Раздался голос дамы почтенной, сначала ворчливо,
4. потом он сильней разгорался злым пламенем
ругани наглой.
5. Потоки постыдных слов, как фурия, дама
кругом изрыгала.
6. Потом напустилась на какую-то монашку
смиренную — бледную,
7. ругала позорнейшими словами без причины —
без всякой причины.
8. Собиралась бить ее зонтиком, разжигаясь злобой циничной.
9. Монашка молчала — стояла покорно — ничего не отвечала...

1. «Только контуру» больно было до слез
2. и тяжело.
3. «И тут не усмиряется безумство —
4. и злоба.
5. Когда же, Господи? Когда?»
6. Он рыдал на могиле — на зеленом дерне,
7. обнимал подножье креста,
8. всхлипывал, — прощаясь.

1. Произошло нечто.
2. *Что-то* прошло из дерна,
3. из дерна в прижавшуюся к нему грудь.
4. Лампадка мигала так кротко,
неугасимо.
5. «Ноуменальное зло» отошло в сторону.
6. Ругань слышалась где-то далеко — она удалялась:
7. Мистическая гроза пронеслась.
8. Лампадка мигала успокоительно.

1. «Только контур» запасся силами.
2. Он прощался.
3. Сорвал с могилки несколько травинок —
бледных,
4. взял их, как реликвии, — на память.
5. Лампадка мигала успокоительно.

1. «In memoria aeterna erit justus» —
2. «Justus...»

Леса

I

1. Поезд неся стремительно.
2. Бегали кондуктора, хлопали двери.
3. Пронзительно дребезжали колокола. Дождь ударял
в оконные стекла,
4. стекал потоками по стеклам. —
5. Жидкой скатертью свешивалась вода с крыши — скатертью с
бахромою.

1. «Только контур» и «серый взгляд» сидели рядом.
2. В купе никого не было; они были одни — одиноки.
3. Выстукивал поезд вечную мелодию и неся стремительно,
4. в окно ударялся край водяной скатерти, бился в порывах
ветра,
5. ударялся в окно бахромой — водяною.

1. Оба чувствовали особое, — хотя молчали.
2. Будто поезд несется к Вечности,
3. минуя потоки дождя и ветер, —
4. несется к краю Вселенной,
5. и там все изменится внезапно —
6. там — на этой последней станции.

1. Поезд неся стремительно,
2. выстукивал однообразную мелодию.
3. Ритмически покачивались вагоны.
4. Укачивало.
5. Оба ехали к Вечности,
6. ждали последней станции — последней точки Вселенной —
7. края,
8. там было обетованное Царство
9. и Вечность.

1. Дождь лил за окошком.
2. Мелькали мокрые поляны,
3. леса и сторожки, шлагбаумы,

4. Все это поворачивалось — около оси,
5. около оси, лежащей на горизонте —
6. в Бесконечности.

1. Поезд неся стремительно.
2. Извивался змеей, ритмически покачивался.
3. Оба ехали в Вечность —
4. слушали однообразные мелодии стуков.
5. Дождь стучал по крышам,
6. ударял в оконные стекла.
7. Водяная скатерть спускалась с крыши.
8. Колыхалась в напорах ветра.
9. Жидкая бахрома билась об стекла.

1. Оба ехали в поезде.
2. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, наплывала
серая пелена,
3. плыли свинцовые тучи.

II

1. Двое шли лесною тропкой, между сосен;
2. А в туманах бледно-синих, аметистных,
3. накренились стволы важно и качались,
4. и качались рыжими телами.

1. Двое шли лесною тропкой, это были
2. «серый взгляд», свой воротник поднявший в уши,
3. а другой — другой был «только контур» —
4. только схема от лучистости идеи.
5. «Только контур» был плащом укутан.

1. Дождь накрапывал, и ветер холодный
2. стряхивал с сосны потоки капель,
3. потому что сосны были влажны.
4. Двое шли лесною тропкой, и качались
5. хмуро-важно синие верхушки сосен.
6. Было мрачно-жутко и тоскливо.
7. Так же в замке развалившемся бывает.

1. Порывы ветра усиливались.
2. Они играли плащом, стараясь сорвать.
3. Они были пронзительно холодны
4. и сыры.
5. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, наплывали тучи,
6. серая пелена затягивала небо.

1. Двое шли лесною тропкой по туманам.
2. Мертвым холодом пахну́ло, — будто из могилы
3. или погребя, когда спуститься летом
4. в мрак какой-нибудь подземной галереи.
5. Вихрь крутил туманные отрепья,
6. Страхивал с сосны фонтаны капель.

1. Двое шли лесной тропой сырою.
2. Мокротою хлюпало от листьев
3. под ногою.
4. Плыл от Запада покров свинцовый,
5. пелена затягивала небо.

1. «Вся эта картина, — сказал “только контур”, —
2. вся целиком мне напоминает настроения спиритов.
3. Та́ же сырость и туманность — та же мглистость,
4. тот же холод — та́ ж разъединенность.
5. Разве вы не чувствуете при этих картинах себя
оторванными,
6. уединенными ото всего?
7. Будто несешься в бесконечном пространстве,
8. несешься “вперед” — “прогрессируешь”,
9. а зачем? Никто не знает,
10. и нет этому никакого оправдания,
11. нет даже конца...»

1. Двое шли лесной тропой сырою.
2. Лес шумел, и медленно качались
3. сосны важно-синие. Носились
4. между них туманные очески.
5. Ветер стряхивал фонтаны капель.

1. Налетали порывы ветра.
2. С Запада плыли тучи.
3. Наплывала свинцовая пелена,
4. затягивала небо.
5. Лес шумел —
6. шумел...
7. шумел...

III

1. После дождя неожиданно прояснилось, хотя было холодно.
2. Солнце было нежное, болезненно-хрупкое. Пятна света
ложились
жемчужинами. —
3. Это было странно, потому что жгучести в свете не было,
4. а было только вечно-женственное.
5. «Человек, чертящий контуры» притихнул,
6. а «серый взгляд» светился матовой жемчужностью
7. на солнце. Чуть слышно
8. плавал дух березок, потому что они еще сквозили —
9. были в нежном пуху — бледном-бледном, —
зелено-влажном,
10. почти канареечном.
 1. «Невеста!» — говорил «серый взгляд» и светился
 2. на рощу,
 3. а другой ему будто бессмысленно
 4. вторил:
 5. «нелегкая...
 6. в атласе белом
 7. стволы берез...
 8. мои чистые
 9. лилейные!..
10. ландыши чуть-зеленые... Распускаются — к Солнцу
тянутся...
11. травка лесная — ласковая, будто из сердца растет —
шелковистая!»
12. Будто из сердца растет. И все просветлялось.
13. А роща замирала бледной радостью — трепещущей.
1. Она мелькала между стволов,
2. в солнечных пятнах на теплой живой поверхности атласных
телец,

3. в кивании бледно-зеленых ландышей, которые стрелками
выскакивали из своих зеленых футляров трубчатых,
4. и отовсюду доносился неуловимый аромат *Ее* духов,
5. чуть слышный серебряный смех
6. чистый...

1. *Оба* знали о Ней,
2. но боялись сказать,
3. хотя не могли удерживаться,
4. и плакали украдкой
5. радостно.
6. Но *один* не выдержал, и с рыданиями
7. бросился на коленях обнимать
8. березы,
9. а слезы
10. играли радужно на атласе белом,
11. дрожащими росинками ложились на бледных листиках
шелковистой травки лесной и на аметистовые
фиалки.
12. Травка росла как будто из сердца —
13. шелковистая,
14. и *Она* мелькала между светлых стволов.
15. Легкий зефир стряхивал с листиков дождевые капли —
16. роща плакала радостно
17. в ответ.

1. Оба были сконфужены;
2. возвращались домой медленно.
3. Накрапывал дождик, а потом пошел
по-настоящему.
5. Оба были мокрые
6. и сконфуженные.

IV

1. Ели росли рядами — тесно, а под ними был красный хвой.
2. Вечный полумрак царил между стволов, но мрачно не было,
а было
3. торжественно.

4. Ничто не давало теней: везде освещение было ровное,
без резкостей.
5. В опушку леса входили двое. Один был «серый взгляд», а
другой — «чертящий контуры». Он был в сером плаще.
6. Спокойная тишина и серьезное молчание охватило его,
потому что в лесу было величественно, как в храме...
как в готическом храме — строгом. —
7. Теней нигде не было, и свет был ровный, торжественный.
8. «Чертящий контуры» украдкой снял шапку — незаметно...,
а за ним последовал его товарищ.
9. Ели росли рядами, как колонны, а под ними расстился
ковер
красный; это были хвой. Капители колонн пускали ветви,
сплетаясь.
10. В величественном храме царил вечно-торжественный
полумрак,
и теней не было. Этот лес был священный.
11. С благоговейной дрожью ступали *оба* тихо — бесшумно,
опасаясь хрустнуть сухой веткой,
12. потому что в лесу было вечное молчание, прохлада и покой.
Это был готический храм — священный. *Оба* медленно
подвигались
без шапок,
13. хотя с деревьев опадали дождевые капли, дрожащие
на хвоях.
14. Где-то вдалеке, у опушки, меж стволов виднелась светлость.
15. «Чертящий контуры» пожал руку «серому взгляду» с
признательностью
16. и шепотом добавил: «сами знаете за что — за шапку».
17. Другой его понял и сказал в свою очередь: «Да, это правда.
Сам вижу тут Бога. Неуловимое дыхание Вечного, —
Хлада тонкого.
Эта роща — Бога-Отца,
а та, березовая, — Софии...»
1. Колонны стояли рядами, — правильно, а капители
их сплетались,
и в храме было тихо.
2. Вечная тишина и торжественное молчание царили между
колоннами.

3. Двое шли еловой колоннадой. Оба благоговейно трепетали.
4. Затаив дыхание, шли они без шапок.

V

1. Лесные прогулки под дождем и в сырости не прошли даром.
2. «Человек, чертящий контуры» простудился — и сильно.
3. Он не боялся конца и предвидел исход.

Последнее на земле

I

1. Порывы ветра раскачивали сосны, с Запада неслись тучи,
 2. «Человек, чертящий контуры» лежал на полу, прикрытый
пóльтами.
 3. В холодной комнате мебели не было — ничего, кроме стола
 4. и стула.
 5. Воспаление легких взяло последние силы. Источенный
организм надломился.
 6. Оба были далеко от города — от жилых помещений.
Доктора
поблизости не было.
 7. «Да и как добыть его? Как оставить больного?
 8. Ведь они вдвоем здесь одни — совсем одни — одиноки».
-
1. В лесу забушевали холодные ветры — весенние.
 2. Внезапные порывы проносились и в комнате — через щели.
 3. Захрипело в груди «только контура». Понял он, что весь
круг,
 4. «весь круг, предначертанный Вечною Волей, свершен и
закончен.
 5. Но таинство... таинство... Какого хочешь священника!...» —
 6. — «Где же я его возьму? Не могу оставить тебя. Тут нет
никого,
не только священника».
 7. Было близко к рассвету. Серый полусвет делал комнату
жутко-таинственной. Были видны одни контуры.
 8. «Слушай, брат, и исполни. ТЫ будь священником,
ТЫ исповедуй...»

9. «Серый взгляд» опешил, — смутился, — молчал.
10. «Ты исповедуй меня. Ты сверши Евхаристью...» —
11. — «Я... не могу... Я не знаю даже молитвы и службы...»
12. «Ничего не нужно теперь. “Примите, ядите...” Вот все... Хлеб
есть тут, вино, — видишь, — тоже...»
13. — «Не тот это хлеб; он — кислый». — «Ничего-ничего.
Не медли,
брат, соверши. Сделай, умоляю...»
14. Больной захлебывался словами — ерзал по полу
в глубокой тоске
и отчаянии.
15. Серый взгляд опустил голову. Он дрожал — раскачивался
автоматически.
16. Побледнел смертельно.
17. Он упал на пол, обнимая больного, покрытого
порыжелыми польтами.
18. Больной лежал обессиленный разговором, в полузабытии.
19. Голова была высоко поднята. Она лежала на книгах,
взятых для
занятий, — взятых напрасно.
20. Прошли минуты. Больной снова очнулся, и с тяжким
усильем
и хрипом в груди поднялся он с полу — слегка
приподнялся.
21. «Скорей!» прохрипел он и снова упал навзничь, ударяясь
головой
о книги.
22. Книги издали странный пустой звук, как картонные
коробки...
23. «Не могу... не смею свершить Евхаристью».
«Серый взгляд» шептал с глубоким отчаянием.

1. Больной вдруг поднялся снова, но уже без особого усилия —
лёгко.
2. Огонь пронёсся по всему лицу его.
3. Поднял молитвенно руки в экстазе.
4. «Брат! Сознаю, что ухожу. Сознаю исключительную
важность момента.
5. Вот перед Христом говорю: если есть грех в моей просьбе,
то беру его на себя.

6. Перед Христом говорю — помоги.
7. Ты не имеешь посвящения. Но сам Христос посвящает тебя.
8. Помоги. На мне страшный грех.
9. Уже сколько лет из-за него я не был у Причастия.
10. Вспомни: “где двое или трое во Имя Мое, там и Я
посреди них”».

1. Больной делал последние усилия, несмотря на огонь,
и оставался сидя.
2. Пафос замирал, как бы переходя в «серый взгляд».
3. Вот он, исполнившись силы, встал с места,
4. не говоря ни слова, но радостно.
5. Растерянность ушла. Сосредоточенность и серьезность, —
радостная строгость увеличили его рост.
6. «Серый взгляд» наклонился над больным. «Во имя
Отца, — и Сына, —
и Святого Духа» проговорил он не своим —
проникновенно-торжественным
голосом, с расстановками.
7. Исповедь началась.

II

1. «Слушай, брат мой — брат мой... отец...
 2. Грех мой тяжелый — великий. Как его рассказать?
 3. Брат мой, тоска...
 4. Дай обойму ноги твои и тогда расскажу я...
-
1. Было искушение *от них*: —
и я пал.
 2. Было наваждение *от них*: —
Он говорил:
 3. “Падí, падí. Я — все.
Все у меня. И твой Христос
Попался уж ко мне.
падí, — падí...”
 4. Я входил в Церковь и там... на престоле...
там на престоле — я видел... паука,
 5. Паук-птицеед... черный, — мохнатый, — огромный...

6. Сплел паутиною все,... запутался
крест в этой сетке.
7. Он... злыми круглыми глазками — черными,
будто бы бисер,
8. смотрит кругом, а мы молча стоим и ждем
участи брата... Он брата сосет в паутине
9. и визгом пронзительным... *вскрикнет.*
10. А Церковь — ловушка, куда уж попал...
... Христос!...»

1. Больной был почти в обмороке
и не понимал себя.
2. Прижимался к ногам,
ерзал в тоске.
3. «Серый взгляд» —
серьезный и бледный... он слушал*.

1. «Слушай же, брат мой, — брат мой, — отец:
2. было еще наваждение.
3. Я видел трясущуюся массу — студенистую, похожую
на медузу.
4. Это чудовище уходило своим хвостом в бесконечность.
5. Дряблые губы зашлепывались и высасывали братьев.
6. А мы молчали в глубоком отчаянии, потеряв надежды на
Спасителя.
7. молчали и тупо застыли...

1. Видишь отчаянья грех?
2. Был я в гипнозе, в тяжелом как будто сне. Был я в клетке,
3. в клетке стеклянной. Я бился в ней, тосковал я.
4. Протягивал братски руку и тут на стекло натыкался.
5. Жаждал увидеть Христа и видел Его... за стеклом, —
отделенным.
6. Запрятым в клетку я видел Его, как себя.
7. Грех мой — отчаяние, я забывал — не забывал, а не мог
думать
о Христовой победе над ними,

* Слишком грубо, развить и облегчить, а вместе с тем усилить
(примечания П. А. Флоренского).

8. и только метался... метался в тоске.
9. Слушай же, брат мой; Христос меня все-таки спас.
10. Сам спустился
11. в бездну ко мне и за волосы разом извлек Он.
12. Вижу теперь — к краю пропасти страшной тогда я
приникнул,
13. должен был вниз полететь, но Он спас...».

III

1. «Отпускаются тебе грехи твои...».
2. «Серый взгляд» снял с шеи серебрянный крестик — весь
измятый —
дал приложиться к нему.
3. Он встал с полу и не своей — преображенной походкой
пошел
к столику.
4. Зазвенели ложки. Щелкнула пробка, вытащенная
из бутылки.
5. Знакомые звуки — обыденные. Теперь они были *иными*:
больной слышал
сквозь банальное, хозяйственное — обрывки вечной
мелодии.
6. Лицо его начинало просветляться, несмотря на болезнь.
7. «...иль ты не слышишь,
что весь этот гул трескучий
только отклик искаженный
торжествующих созвучий...»
8. Это промелькнуло у него в мыслях.
9. ... Кусочек мякиша от французской булки...
10. ... Несколько капель вина — красного...
11. ...Торжественность...
12. Обыденное преображалось, засохшее оживало —
наполнялось соком
жизненным — водою живою.
13. «Аз есмь Лозá»... Лозá...
14. Пыльная серая перчатка была снята с знакомого.
15. То, что казалось ранее кожей живою тела, вышло только
грязным
и безжизненным покровом ее.
16. стакан засверкал светом Вечного. На дне был рубин.

17. «Примите, ядите... сие есть тело Мое. Яже за вы и
за многие ломимое...»
18. Французская булка и скверное красное вино
пресуществовались.
19. В стакане было пречистое Тело и честная кровь Агнца,
20. взявшего на себя грех мира...
21. ... «от них же первый есмь Аз...»
22. На чайной искривленной ложке поднес умирающему
«серый взгляд»
то́, что есть самое ценное в мире.
23. Почти не веря счастью — с какой-то мистической
жадностью
приобщился Святых Даров умирающий.
24. Христова теплота охватила его. Он хотел что-то сказать,
но новый прилив восторга
25. лишил его слова.
26. Вдруг он, свободный и сильный, как бы победив болезнь,
встал
перед «серым взглядом»,
27. который все еще держал стакан с пречистым Телом,
28. поднял руки в неизъяснимом трепете, —
29. воскликнул громким голосом:
30. «благословенно все!» и вдруг упал подкошенный,
31. обнимая дорогие ноги.

1. Закричал за окном петух горласто.
2. Громким голосом возвещал он день грядущий.
3. Торжественно откликнулись ему вещие птицы.
4. И долго еще победною радостью перекликались петухи.

Срыв (в Москве)

I

1. «Господи! Ты один... Ты только.
2. Никого у меня нет. Ты — опора.
3. Они — хорошие; но — люди.
4. Они не могут иначе, о Господи.
5. Это я виноват, что ищу опоры в иных.
6. В них я ищу Тебя, Господи, — Твоего отражения.

7. Но ведь они — люди, Господи,
8. хотя и хорошие — хотя хорошие.
9. Они не могут вполне светиться Тобою.
10. Я виноват, забывая, что они — не Ты.
11. Ты — единственный...
12. Но дай любить Тебя: сам не могу.
13. Хочу любить всей душою Тебя, и — не могу.
14. Хочу забыть о Тебе, Господи, все делать в Тебе,
15. и не могу. Хочу и не могу без Тебя,
16. потому что Ты — единственный, и все от Тебя.
17. Делаю для любви все, — что могу.
18. Отрекаюсь ото всего и ищу только Тебя.
19. У меня уже ничего нет, кроме Тебя.
20. Господи, дай любить Тебя всей душой.

1. Господи! Ты один... Ты только.
2. Помоги и научи любить Тебя.
3. Через Тебя только могу любить братьев
4. Истинно. А без Тебя не могу,
5. потому что в Тебе — все.
6. Хочу любить их, но могу, насколько вижу в них Тебя,
7. и когда этого нет, то не люблю —
8. отвертываюсь невольно.
9. Господи, добрый. Все делаю для Тебя,
10. дай только силу любить,
11. любить Тебя сильно. —
12. Я не хочу и не ищу знамений
13. или чудес...
14. мне не помогут они,
15. но дай любить Тебя всею силою.
16. Оживи и зажги...»

1. «Некто» валялся в углу
2. перед иконою Спасителя, —
3. плакал в три ручья,
4. всхлипывал почти до истерики.
5. Это был срыв — срыв напряжения
6. слишком ранней весны.
7. Оно оказалось не под силу,

8. потому что силы было мало,
9. а видения идей в других —
10. слишком — слишком много.
11. Никто не выдерживал экзамена,
12. потому что сравнивался с идеей,
13. и таял — таял почти бесследно,
14. таял как воск свечи, как облака
15. на солнце.

1. «Некто» ломал руки,
2. плакал в три ручья,
3. искал опоры, потому что был один,
4. один — как прежде —
5. как прежде.
6. Лампадка теплилась чуть видно,
7. грозила загаснуть,
8. мигала от холодных потоков ветра, —
9. врывавшегося щелями в комнату,
10. но не гасла и теплилась, мигая
11. кротко.
12. Между порывами ветра
13. и шумом деревьев раздался —
14. раздался петух
15. едва слышно — далеко...
16. Светало...

II

На даче

1. «Некто» сидел за столом, за письменным столом, водил
пером
на бумаге.
2. Слова нежности готовы были сорваться с пера, «Милый...
3. как прежде...»
4. Деревя сгибалась в порывах ветра — холодного. Дождь шел
порывисто, то затихая, то лил стремительно,
5. как будто на небе открыли кран — с ситечком.
6. С Запада плыли свинцовые тучи. Наплывала тяжелая пелена
на небо.

7. Дождь лил за окном. За стеной — за стеной в соседней комнате шумели дети — капризничали.
8. Порою сыпалась крупа — белыми зернышками, — круглыми.
9. Шумели за окном в порывах ветра сосны.
10. Деревя сгибались, запахиваясь в свои зеленые плащи, а ветер распахивал их, — подбрасывая светло-зеленую подкладку.
11. Изнемогал «некто» в сладком воспоминании. Он любил, но не кого-нибудь определенного; — не определенного, а вообще.
12. «Милый... как прежде...»
13. Сосны шумели — шумели по-старому, —
14. как прежде.
15. Казалось, что «некто» сидит века — века за письменным столом.
16. Изнемогает в сладости любви — беспредметной,
17. твердит свое: «милый... как прежде...»

1. За стеной капризничали дети — ссорились.
2. Лился за окошком дождь, стучал по крыше погребально.
3. «Некто» думал, что он сидит от века,
4. а все за стеной только призрак, только одна обстановка.
5. Глубоким грудным контральто кричали поезда из-за сосен.
6. Едва доносился их стук из-за сосен.
7. «Некто» знал, что поезда — только символ — символ стремления к Богу.
8. И он сидел за письменным столом от века.

1. Дождь переставал, потом лил снова порывисто,
2. иногда сменялся крупой; она сыпалась белыми шариками.
3. Ветер заворачивал подол зеленых плащей у деревьев,
4. раскачивал их стволы и обламывал ветви.
5. За стеной капризничали дети, — слышались сердитые окрики.
6. Потом нянька успокаивала, и сама шумела еще больше долго.
7. Приносились за стеной самовары — потом уносились — подогревались.

8. С Запада наплывали тучи —
пеленою.

1. «Некто» сидел за столом от века,
2. За стеной сменялись самовары,
3. Капризные крики сменялись окриками —
сердитыми,
4. а потом плачем.
5. Дождь прекращался; потом шла крупа —
крупа и снег —
6. снег крупными хлопьями.
7. Ветер раскачивал сосны,
8. а «некто» сидел за столом неизменно —
от века.
9. «Люблю тебя... милый...
10. неужели не видишь, как люблю тебя?..»
11. Но куда был обращен этот возглас,
12. «некто» и сам не знал.

1. С Запада неслись свинцовые тучи —
2. пелена затягивала небо, —
3. как прежде.

III. (Форшлаг)

1. В народе ходили глухие слухи — тревожные.
2. Чуялось что-то стихийно-грозное.
3. Обычное получало *иное* значение.
4. Казалось, земля оскудевает.
5. Предсказывали дождливое лето —
6. ходили слухи о неурожаях — о голоде.
7. Война кончалась плачевно-странно.
8. Шла какая-то беда новая — какая? Никто не знал.
9. В народе ходили глухие слухи — тревожные.

IV. (Финал. В Москве)

1. Май кончился. Ландыши распускались.
2. Наступали жары жгучие, но всем неожиданно вдруг
захолодало.

3. Понеслись холодные ветры — с Запада поплыли тучи.
4. Вихри крутили тяжелые капли дождя.
5. Все прятались, забывши о лете — зябли.
6. Пошел сильный снег — крупными хлопьями.
7. Оческами туманов засыпал дорожки,
8. бледно-бледно-зеленую травку лесную —
9. шелковистую,
10. засыпал покровом саванным прогалинки,
11. спрятал бледные ландыши.
12. Наступала зима — вечная.
13. Все холодали и зябли — ежились,
14. прятались за окнами, — готовились —
15. готовились к зиме бесконечной —
16. вечной.

1. Печально сыпались хлопья — крупные хлопья снегу.
2. Смолкли милые птички.
3. Весна кончилась срывом — сорвалась.

1. Хоронили «только контура» —
2. только контур и схему весны.
3. Снег падал хлопьями.
4. Шлепали по таящему снегу и грязи,
5. даже «серый взгляд» как-то притихнул
на время.
6. А все готовились к стуже и слякоти, к вечной
зиме.
7. На минуту поредел чехол неба.
8. Далеко-далеко прокричал петух — чуть-слышно.
9. Небо будто просветлело, и стал виден солнца
10. только контур.
11. Солнце однако, не грело — не светило.
12. Сырое покрывало скоро пеленой затянуло его — закрыло.
13. Сырость засосала солнца контур —
14. контур.

Конец I-ой части

17 июня 1904, Тифлис

Часть вторая.
Эсхатологическая мозаика

Прелюдия

1. Голубчик мой, дорогой мой, милый мой!
люблю тебя искренно, — ото вся души.
Навеки люблю тебя, что бы ни случилось...
2. Боже мой! Боже мой!
Благодарю Тебя, Боже мой.
Воздаю хвалу Тебе, Боже мой, —
воздаю хвалу и славословлю Тебя
за брата,
3. которого ты послал мне.
Он, как светильник передо мною,
как образ Лица Христова...
4. Дорогой мой! Брат мой, брат!
Двое мы во имя Его, и Он — с нами,
Он посреди нас, как сказал.
5. Свет и тепло от Господа через Тебя.
Радость Господа моего через Тебя —
радость и ликование.
6. Боже мой! Боже мой!
Да будет слава Твоя чрез брата моего.
Посмотри, Господи, как он прекрасен —
это брат мой...
Как отражает он Тебя, Господи!
Посмотри на него!
7. Милый брат мой!..
Я весь люблю тебя — весь до внутреннего моего.
Плачу слезами иступления, вспоминая тебя,
брата моего,
потому что Христос в тебе.
8. О, брат мой!..

Гимн хвалебный

1. Господи! Милый!..
2. Хочу хвалить Тебя слабым голосом своим, —
славословить нетвердой мыслью своею,
воздать хвалу Тебе, Господи. —
Сильный.
3. Трепещет в полноте душа моя,
изливает в меня тепло Твое, Господи.
Как прозрачный, высвечиваюсь насквозь светом Твоим:
в тихом иступлении бессвязное говорю Тебе, Господи —
в тихом...
4. Вот я пред Тобою с отверстою грудью, Милый.
Хочу слабым духом своим воздавать хвалу Тебе.
Замираю в радости Твоей, —
Сладкий.
1. За дела Твои, Господи, воздаю хвалу Тебе.
За ясное Солнышко, — светлое;
ведь оно любит всех нас, с лаской греет нас
и целует.
1. За солнышко, Господи, благодарю Тебя,
за тихую луну, — скромную, бледнолицую,
и за звездочки:
2. золотыми ресницами они щурятся из своих стран на нас,
далеких,
утешают нас в горестях глазками чистыми —
лучистыми,
3. образуют корону светлую из своих лучей для бедняжки
Матери
измученной,
украшают многострадальную Матерь общую, успокаивают
ея муки.
4. За маленьких птичек — глупеньких, благодарю Тебя,
Господи.
Они — смешные, ничего не понимают в страданиях Матери —
страдалицы,
5. но ведь они — маленькие, они не виноваты;
их щебетанье слышит Матерь —
успокаивает.
6. За все Твои твари благодарю Тебя,
Господи.
Ты Один — Один создал нас.

7. Но больше всего благодарю Тебя, Господи, и славословлю Тебя
за братьев своих, —
за братьев, которых Ты послал мне, вняв
молитвам, —
за ангелов-хранителей, ходящих вокруг меня, —
ласковых.
8. Пла́чу, Господи, перед Тобою, вспоминая
о братьях...
Плачу от радости, что Ты послал мне их —
ясных.
Они очищают меня, омывают грех мой
и умиряют.
9. Каждый, — как камень самоцветный —
драгоценный.
Сияет каждый лучом славы — лучом
самобытным.
Ни одного не могу лишиться без скорбей
и печалей,
10. ибо каждый излучает и отражает свет Твой,
Господи.
1. Еще, Господи, воздаю хвалу Тебе,
еще, Господи, искропляю слезами книгу Твою —
испещряю темными
кружочками.
2. За милого брата моего благодарю своего Господа, —
за ясного, за ясное солнышко,
за милое.
1. О, брат мой!..

Глава первая.
Солнечность

(Мало-по-малу из связанных узами любви и единомыслия, в связи с надвигающейся мистической грозой и усилением антихристианских — спиритических и магических — общественных течений, составилось братство. Некоторые из братьев имели духовный сан. Сейчас они собираются на общее богослужение в условленный сборный пункт из своих приходов и мест своих занятий, где они борются с надвигающейся грозой, пока неявной. Дело происходит в начале лета, в ровной лесистой местности.)

I

1. Ельник помахивал ветвями; порою он замирал
в восторженности.
Старые сосны кивали с важностью; они млели в иступленной
умиренности.
Лесная стежка мерно покачивалась; между стволами
улыбались просветы.
Апельсинность запада таяла в Бесконечности; наступала
алость приветливая.
Лепестками осыпавшейся розы выглядывали облачки; гасли
и блекли с тихостью.

А на восток шли двое.

2. Елистой тропкой шли двое; двое были — Клеопа и Лука.
Они едва касались земли, почти скользили улегченные —
улегченные тихой радостью.
Они были в экстазе, — в экстазе было небо, разливаясь алостью.
И оба шли в белых одеждах — в холщовых.

3. Небо делалось прозрачным; открывалось «стеклянное море».
А сквозь него высвечивала огненность иного, — пламенность.
В небе открывались знаменья; небо было «стеклянным морем».
Лука и Клеопа не шли — скользили, улегченные.
Они захлебывались в созерцании.

4. Двое шли к востоку, на богослужение; за спиной их
беззвучно
рыдало небо, — в прозрачной восторженности,
высвечивало огне-тóчащими ризами.
А впереди, из-за аметистной полосы, из-за гиацинтной
ленточки

далекого леса

выкатывался гигантов апельсин —

Луна — с кротким добродушием голубоглазого великана.

5. За стволами рыжих гигантов — сосен — прятались пугливые
фавны,
и тарасили на проходящих широко раставленные глаза —
с робким, но жадным любопытством.

На головах их рога еле можно было нащупать.

1. И тоскуя прозрачной истомой, —
изнывая плескающей ласковостью,
Лука, весь хрустальный, прозрачный-прозрачный
простонал.

2. «Отойди от меня, брат мой. Отойди от меня, ибо грешный
я человек».

А потом замолкнул...

Двое шли к востоку; за спиной их восторженно затихали
небесные пожарища.

Медяным кимвалом висела впереди них круглая луна.
Она вскарабкалась над переплетом ветвей
и вся тряслась и дрожала трепетом-смехом и радостью.
Промелькнули мгновения и вместе с падучей звездой
скатились в Вечность.

3. Атласным шелестом прошептали переплеты веток.

Лука сказал-повторил за лесным шопотом:

4. «Добрый друг мой, — брат мой милый, — Клеоп, Клеоп...
Недостойн идти я с тобою — недостойн быть я с тобою...
Но позволь мне остаться с тобою... Потому что люблю я...
Любовь все искупит...»

5. Двое шли к востоку. Ельник приветствовал их кивками.
Смарагды живые — светляки — зажигались перед ними,
тепились зелеными лампадками.

Ветерок исполнялся несказанным благоуханием.

Задыхаясь в восторге, шумели ели. Темнело.

В трепетных порывах вздрагивали красные гиганты.

6. А рядом с двоими шел Третий — Некто; был он в темном.
Лука и Клеоп не помнили, был ли Он с ними с самого начала
или же пошел около них после, на дороге.

Некто попросил двоих проводить Его до Эммаусовки.

7. И все трое шли молча. Вдали протрубил алектор.
Они подходили к Эммаусовке. Стежка качалась в полумраке
между деревьев.

1. Уже почти стемнело.

Двое шли рядом. Около — был Незнакомец, в темном.

Он шел так незаметно-скромно, что забывалось о
Его присутствии.

И только в груди разгоралось.

2. Клеоп не находил звуков для ответа; он задыхался
в волнах ласковости.

Наконец, он пробормотал чуть слышно.

Лес прошумел восторженно; в колоннаду стволов юркнула
любопытная фигурка,
и под копытцем хрустнула ветка.

3. «Не могу высказать, как люблю тебя...

Но это не нужно... Душу свою полагаю...

Когда будет время — увидишь.

Знаю, что недостойн тебя. Но сердце мое разгорается...»

«И я буду, где ты.

Твой дом будет моим домом...

И твое горе будет моим горем...»

4. Они мелькали среди стволистой колоннады — двое.

А около — шел Третий. Он был как-то незаметен.

Забывали об Его молчаливом присутствии.

Но сердце разгорелось.

5. Они подходили к Эммаусовке. Замелькали приветливо

огонечки.

Незнакомец воздел руки и воскликнул взволнованно:

«Мир Вам!»

А потом исчез — затерялся между деревьями.

6. Лука и Клеопа не обратили на него внимания.

Сердце догорало восторженно. Таяла алая сладость.

Грудь плакала умиленно — плескалась в благодарности.

7. Скатились мгновения и юркнули в Вечность с падучею

звездочкой.

Атласным шелестом зашептало в переплете ветвей.

Тело нежно таяло; насквозь провеивало легкостью.

Казалось: еще мгновенье, еще легкости, и оба подымутся

навстречу облак —

подымутся со всеми деревьями.

8. Вдруг Клеопа остановился и прошептал с серьезностью:

«Брат мой. То, что мы говорили, относилось не к нам —

не к нам, а ко Христу, Который в нас и был около...»

— «Около? — прошептал Лука, пораженный. — Около?

Не горело ли сердце наше?..»

9. «Не горело ли сердце наше? — повторил Клеопа. — Это был с нами — Христос».

1. Короткими зелеными лампадками теплились светляки.

Лес перешептывался умиленно — затихая.

Лука и Клеопа остановились в восторженности.

Сердце догорало сладостно.

И оба воздали хвалу Богу.

2. В Эммаусовке загорланил алектор в восторгах.

II

1. Наступило утро. Березовые рощицы перемежались
проталинами.

Потом деревца частели, сплачиваясь атласными стволиками.

2. Солнце высвечивало их маковки, зажигало зеленоватой
золотистостью.

Янтарными струями лились теплые лучики, — радостные.

Солнце плакало умиленно — светозарным дождиком.

А внизу дождик света расплывался в круглые пятна.

Солнце омывало землю слезами радости — целовало теплыми
поцелуями,

2. Стежка качалась между атласными тельцами березок,
порою выныривала на проталинку.

А потом снова скользила под изумрудно-гривым морем —
под морем золотых и изумрудных макушек.

1. По тропинке двое почти бежали; они, видимо, торопились.
Оба были в белых балахонах, — холстяных.

Мерцающим отблеском играли березово-белая ткани —
шелковились под пятнами солнца.

2. Впереди терялся между деревьев иерей — Лука,

Бережно нес гранатно-пунцовый антиминс.

Антиминс был развернут и зажегся винностью под пятнами,
и маленький крестик на нем порою сиял исступленно.

3. Луку догонял диакон, — Клеопа; он был навьючен
священными принадлежностями.

Искрились серебрянные сосуды и брызгали слепящие струи
лучистости:

снопами разбегались серебрянные каскады.

Бежали у него из правой руки три серебрянные струйки;

а на них нависла гигантская капля — капля слепящего серебра,
будто расплавленного.

Из нея исходило благовонное облако синими ниточками

и лентами.

5. Ниточки сплетались в опалесцирующее кружево, — кружево
фимиамности, переплетаясь с лентами.

Это была кадильница из белой ослепительности, — серебряной.

И она выплясывала ликующий танец; диакон почти бежал

неровным шагом.

6. Кадильница кидалась из стороны в сторону, напоая
воздух благоуханием.

1. Двое шли по стежке скорым шагом. Они почти бежали, и потому не говорили ни слова.
Но сердца их таяли в умирности.
Лука и Клеопа выходили на прогалинку.
2. Глаз утопал в сочном клевере; не было ни одного листика
засохшего.
Пьянящею зеленостью дышала вся прогалинка; там, и сям
розовели сладкия кашки.
Лужайка была обрызгана розовыми кашками.
А над кашками жужжали пчелы.
3. Утренний воздух был кристальным. Кристально чистым
был иерей.
Иерей Лука был вечно-прозрачным, без пятнышка и без мути.
Он был, как богоявленная вода, святая —
Вечно-прозрачная, никогда не мутнеющая.
4. Лука, «богоявленная вода», был свежим, как лужайка.
И в нем не было ни одного листика помятого или желтого.
5. Прозрачностью веял утренний воздух.
Проголина дышала зеленой прохладою; не было ни одного
листика пожелтевшего.
По лужайке, среди кашек, протекала «богоявленная вода».
Она спешила к жертвеннику — к столбу, сложенному из дерна.
А за нею пробирался Клеопа.
6. Оба шли прямо по сочному клеверу.
Мириадами росинки покрывали его, дрожали на листиках
круглыми упругими шариками;
тысячами искр и отблесков вспыхивали меж травинок.
7. Тысячи сверкающих рубинов и гиацинтов, хризопразов и топазов бросала им обоим в глаза поляна.
Неслись в светоносных лучах бериллы и аквамарины.
Появлялись и таяли синеокие сапфиры и аметисты.
Многоцветными звездочками зажигались росинки.
8. Лука, «святая вода», и Клеопа подходили к жертвеннику —
служить литургию на антиминсе.
Тут было сборное место для братьев.
Гудели над кашками розовыми пушистые пчелы.
А поляна швырялась пригоршнями самоцветных
каменьев.
1. С разных концов полянки стала стекаться братия.
Одни были в белых балахонах, а другие — в светском.
Все они стекались для общей молитвы.

2. Они покидали свои приходы и свои школы; оставляли
всякое житейское попечение;
чтобы вместе молиться —
чтобы вместе готовиться к грядущей борьбе
и ужасам.
3. С веселым щебетом за ними припрыгивали ребяташки —
питомцы братьев.
Их головы золотились на солнце.
Медовые и льняные волосики разносило атласными
дуновениями зефиров.
4. А солнце зажигало из них святые венчики — нимбы, —
нимбы над ясноглазыми головками.

III

1. Розовое облачко таяло на горизонте.
 2. Злато-брызжащий Царь возносился над морем —
над изумрудно-гривым морем березок.
 3. Налетали рвущиеся дуновения, и малой птичкой
трепетали в
складках белой одежды,
 4. играли, мерцающие, подолом, как котенок — как котенок
расшалившийся.
 5. А потом врывались в медленно-перекатные волны зелени,
бросались в волны головою, брызгались зеленью,
 6. и, заливаясь смехом счастья, прятали в листве свои
мордочки.
-
1. Щебечущее море раскрывало грудь солнцу;
 2. жадно впивало льющуюся медовость.
 3. Омывалось прозрачным, утренне-ясным воздухом,
 4. а розовое облачко дотаивало на горизонте.
-
1. Братия застыла у жертвенника — из дерна.
 2. Квадратным рубином горел на нем антиминс, впитывая
солнце.
 3. А свежесеребрянные сосуды брызгались, расплавленные
солнцем —
 4. Кололи на тысячи стрелок исступленную солнечность.
 5. Братия застыла у жертвенника.

1. Золотой Царь, лучисто-коронованный, восходил в тишине —
в полной.
2. Только далеко-далеко, в какой-то деревне, — в Эммаусовке,
может быть, — где-то далеко-далеко лаяли собаки.
3. И их лай отдаленный так веял торжественной вечностью —
величавой вечностью безмолвия,
что делалось таинственно-жутко, — жутко,
с далекой сладостью...
4. Братия невольно застыла у жертвенника и слушала —
слушала звуки природы.
5. Тонким трепетом пронизывалось все от *голосов природы*.

1. Отдаленный лай деревни перекрикивался с трубным
кú-кú-рекку.
2. А за ним следовала тысяча всплесков — переклики,
уходящие в бесконечности —
выпрыгивали переливы по задворкам — петуши.
3. Расходились волнами — разбегающимися кругами,
4. и терялись в бесконечных даях, как изображения между
параллельными зеркалами, —
5. нарастали убегающей в дали лавиною от новых перекликов
6. и терялись в бесконечных даях — смешивались
с отдаленным лаем...
7. Братия застыла у жертвенника и думала:

1. «В вечных вскриках вселенной — в таинственном лае
сил *этого* мира,
2. в жгучей жуткости *этой* природы, — в ковре
сплетающихся лаев,
3. среди них встают иные звуки — звуки *иного* мира.
4. Говорят о светлом дне пробуждения.
5. И теряются перекликающимися букетиками
во всепоглощающей
бездонности Времени;
6. исчезают в пучинах Пространства.
7. Но, Господи, яви, яви нам скорее —
яви светлый День Восстания Милых».

1. На горизонте таял последний лепесток осыпавшейся розы —
розовеющего облачка.

2. Ребятишки собирали около леса ландыши —
для украшения, —
распевали неопытными голосенками:
3. «Прядями лучистыми ковыля тянутся облачки
белоснежные —
4. хороводами чистыми тихих ангелов
скользят в лазури,
безмятежные, —
5. как кудри шелковистые, мамой расчесанные,
вьются локонами,
пренежные.
6. Вы плывите, серебрястые лодки, в бирюзовости.
Вы везите Папу,
прилежные».

1. Так голосили дети. А потом их песенка затерялась между
березками.
2. Братия готовилась к литургии, — с ласкою друг друга
расспрашивали.
3. Дети возвращались из лесу. Доносилась снова их песенка.
4. «Шепчет море берез
изумрудногтивное,
5. сыплет фонтаны слез
радостно-игривое...
6. Плачет роща и ждет сладости —
ясно-взбоя.
7. Дни придут к нам легкой радости
очень скорые.»

1. Дети тащили целые ворохи жемчужных ландышей
и голубеньких незабудок.
2. Незабудки выглядывали так ясно, как детские глазыньки
исподлобья.
3. А детишки таращили из-под золотой листвы кудряшек
свои
незабудки.
4. Далеко-далеко слышался лай из деревни.
5. А порой его сопровождали петушины всплески.

1. Гирляндами скромных ландышей овили смарагдный
жертвенник.
2. Каждая душистая чашечка была жемчужинкой, и
казалось, что
на жертвеннике — тяжелые монисты, пахучие.
3. Зерна отборного жемчуга прятались в волокнистых прядях
золота — в нимбах детских волосиков.
4. Полоса, обрызганная густо-сидящими каплями
жемчужности —
эпитрахиль, сплетенная из ландышей, ласково жалась вкруг
шеи иерея —
«святой воды»,
5. а потом спускалась вниз жемчужным водометом. Среди
жемчужинок дрожали росинки-алмазы.
6. По краям ея лукаво улыбались незабудки —
тоненькой ниточкой.

1. «Святая вода» служила обедню. Своим голосом
ясным-ясным
журчала молитва.
2. А остальные подтягивали песнопения —
за детишками.
3. Голосом то-оненьким иерей Лука вычитывал молитвы.
4. Ручеек бежал поблизости, — на прогалине; он вторил
серебристым журчанием.
5. Ключевая водичка — прозрачная скользила вдоль берега
кремнистаго.
6. Струйки ручья — чистые — атласисто ластились
к бережку.
7. Переливались волнистыми переливами по граниту.
8. Водичка в ручеек струилась чистая, — по желтому
песочку.
9. Но иерей — «богоявленская вода» был еще прозрачнее.
10. Ведь она никогда не мутнеет и остается вечно
хрустальной.

1. Обедня кончилась. Все обменялись поцелуями.
2. А потом стали расходиться — надолго.
3. Между березками замелькали балахоны.

Глава вторая
Облачность

(«Серый взгляд» едет домой. Чувствуются приступы грядущей борьбы — столкновения христианства со спиритизмом и магией. Часть братии решает убежать в горы, и едет).

I

1. Поезд стучал однообразно.
2. Однообразно жужжали разговоры.
3. Пересказывали с темы на тему, — но внутреннего единства нё было.
4. Была пестрота и сумятица, но единства нё было.
5. Поезд стучал однообразно, бесцельно.

1. «Серый взгляд» ехал в компании — очень любезной,
2. в обществе людей хороших, — симпатичных.

Слушал разговоры.

3. Темы мелькали калейдоскопично —
 4. мелькали в окне предметы.
 5. Пестрыми обрывками бросались фразы —
 6. доносились из соседнего купе кусочки.
 7. Доходили до слуха и таяли в ушах,
 8. будто их и не бывало —
- не бывало.

1. Некто сидел в компании любезной,
 2. на него глаза глядели добрые,
 3. но он растворялся в разговорах,
 4. в однообразном ритмическом жужжании речей праздных,
 5. в чередующихся стуках вагонов о рельсы.
 6. «Серый взгляд» растворялся в мирском — в эмпирии,
 7. Эмпирея куда-то отлетала далеко — в холодные страны.
 8. Делалась чуждой-чуждой и бесцветно-холодной. В окно
- влетала пыль и жарница.
9. Будто сахар в стакане чая таяла цельность —
 - единства духа в суетной пестроте и суетке —
 - в отрывочной,
 10. испарялась вся собранность — собранность духа в Боге.

- [illegible]

1. Церковные двери были настежь распахнуты; слышалось пение — ровное.

2. Из пустого полумрака, вечно-спокойного, веяло прохладой
на пыльную улицу —
жаркую.

3. Веяло торжественной неизменностью, — успокоением.

4. «Иже херувимы»... таяло под сводами.

5. И пронизывало воздух голубоватыми благоуханиями.

6. Невидимые воинства реяли крыльями —

7. легкими дуновениями — фимиамности — прогоняли пыль
улицы

и сүтолоку.

8. И душа под крыльями тихих Ангелов, —
иступленная,

9. Высоко взвивалась вверх и играла там между облаков.

1. Серебрянными кúполами высились облачки
нежно-белые.

2. Тесно жались длинной нитию, и выстраивались,
будто воинство.

3. Сверкающим городом стояло вóинство
за Церковью,

4. и щитами снежно-чистыми весь Восток закрыт
был от Запада.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползла туча.

2. Вид ея, как вид дракона.

3. Она ползла на желто-черном брюхе,

4. с зловещим рыком разевала иссиня-черную пасть
на облачный город, —
на серебрянные кúполы Иерусалима небесного.

5. Вспыхивали злым блеском маленькие глаза чудовища
черного,
загорались недобрым пламенем.

6. Ядовитыми вспышками огненными злобствовало чудовище.

7. Рыкало зловещими грóхотами на облачный город.

1. Церковные двéри были настежь распахнуты. Веяло
торжественной
неизменностью.

2. «Иже херувимы»... таяло под сводами.

3. «Серый взгляд» проходил мимо двери. Его тянуло зайти
внутрь.
4. Тянуло в вечную прохладу с жаркой и пыльной улицы —
суетливой.
1. Тянуло зайти в Церковь, но он колебался.
2. Он помнил о делах — о деловых визитах к нему,
которые предстояли.
3. Он боялся промокнуть. Гроза надвигалась.
4. И «серый взгляд» ускорил шаг, проходя мимо Церкви —
мимо.
5. Быстро шел вдоль стены — раскаленной —
раскаленной летним зноем.
6. Ноги увязали в полужидком асфальте — тестообразном.
7. И в голове снова мелькнуло:
8. «меня ждѹт уже дѹма — не пойду в Церковь».
9. Но тут «серый взгляд» рукавом зацепился за трубу
дождевую —
за проволоку.
10. Зацепился и невольно остановился,
11. «Церковь требует меня — зовет.
12. Если не пойду внутрь — зацеплюсь на ограде —
за стѹну.
13. И навеки останусь среди оглашенных, среди
недоговоренных —
недосказанных».
14. «Серый взгляд» так был озарен мыслию; так в нем
подумалось.
15. Пѹтался отцепить рубашку —
16. рубашку от проволоки на трубе
водосточной.
17. А в это время в нем думалось.

III

1. «Серый взгляд» был дома, — с матерью. Они сидели оба,
рядом.
Мать его шила что-то белое.
2. Теплая семейность охватывала; будто бурь и ненастья не
было.

3. Сидели рядом и перебрасывались ласковыми замечаниями.
Мать шила.
4. «Серый взгляд» не чувствовал себя одиноким, он сидел с
матерью рядом и разговаривал.
5. Но спокойность вдруг исчезла. С криком вбежала девочка —
сестрица маленькая, любящая сказки.
6. Была в ужасе, не помнила себя; выкрикивала бессвязно, что
за ней *гонится*.
7. Вздрагивала и кричала на руках у матери маленькая
девочка —
сестрица.

1. Делалось страшно; почему — не понимали; друг от друга
скрывали.
2. Девочка сильнее вскрикнула: «вот она *гонится*». Была
в неистовстве.
3. Билась на коленях у матери...
4. В отворенную дверь впорхнула *бумажка* — белая, простая
бумажка — смятая.
5. Она была оборвана нерóвно и прижималась к пóлу, будто на
нее давили —
6. прилипала, как наэлектризованная, — как намазанная
медом.
7. И быстро вертелась — быстро,
8. Как будто подхваченная смерчем или вихрем,
она быстро, быстро вертелась, — вертелась.
9. Медленно гуляла по комнате.
- Описывала спирали. Приближалась к девочке медленно —
неуклонно.
10. Девочка-сестрица вскрикивала и билась на коленях
у матери...
- Дрожала и была почти
в беспамятстве.
11. Всем становилось страшно, но почему — не понимали.

1. Бумажка вертелась, прижимаясь
к полу.
- Медленно разгуливала по комнате, описывала спирали —
пологие.

2. Хотя это была простая бумажка — белая, смятая
в комочек.

Она приближалась неукоснительно.

1. «Серый взгляд» был бледен, но не терялся.
2. Встал решительно перед матерью, ее защищая.
3. Наклонился над бумажкою, — наклонился и воскликнул;
возвышая голос громко, он воскликнул:
4. «Если есть тут что-нибудь помимо физических энергий,
какая-нибудь злая сила — нечисть,
5. то во Имя Господа нашего Иисуса — Христа — Воскресшего
остановись — не вертись!»
6. «Серый взгляд» сделал крестное знамение рукою.
7. Бумажка стала, будто пораженная молнией, — вдруг.
8. «Серый взгляд» был бледен, потому что сделал напряжение.
9. Матери он «я так и думал! — прошептал —
10. так и думал, что нечистая сила вмешивается во все эти
явления».
11. Бумажка стояла неподвижно; к полу не прижималась.
12. Даже не верилось, что раньше она была как живая.
13. Теперь она лежала на полу, распластавшись мертвенно,
лежала, как беспомощная тряпка.
14. Но «серый взгляд» знал теперь, в чем дело.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, напознала
зловещая туча.
2. Вид ее был вид дракона.
3. Она ползла по небу чернеющим брюхом.
4. Разевала гнусную пасть на небесный Город —
5. издавали злобное рыканье на жемчужные облачки.
6. А они выстраивались в боевую позицию на восточном
горизонте.
7. Серебрянными куполами висились их вершины.
8. От контраста с тучей тьмы разгорались они
исступленнее.

IV

1. Ходили слухи — странные слухи, дикие.
2. Говорили, что солдатам даны новые распоряжения —
новые, небывалые,

3. что им разрешено обижать жителей всячески
4. и даже вменено им в обязанность.
5. Ходили слухи — туманные, тяжелые.
6. Говорили, что солдатам даны новые распоряжения —
небывалые,
7. что им приказано распространять какую-то новую
религию,
вводить новый культ.
8. Все это было странно, но никто не знал, откуда слухи
берутся.
9. Говорили, но глухо, что они идут от спиритического
общества,
10. а онó откудá бралó их — было неизвестно.
11. Слухи расстилались удушливым туманом —
12. одуряли всех слушающих смутным беспокойством.
13. Чудилось, что в них — какая-то правда.

1. В народе шло брожение.
2. Циркулировали глухие вести — удушливые.
3. Какие-то мертвенные личности проповедывали новое
царство,
которое скоро раскроется,
4. говорили, что с родственниками свидятся, умерших úзрят,
5. отрешатся от законов природы и будут, как боги.
6. Проповедники были будто в трансе. Казалось, что ими
владеет *что-то* чуждое-чужое.
7. Лйца их делались далекими-далекими,
холодно было глядеть на них.
8. Веяло от них могильной сыростью
и холодом.
9. Говорили, что устроит царство *он*, *Идуций* —
10. *Он* — вечно идущий вперед — не останавливаясь,
11. строящий башни до неба,
12. всех насыщающий,
13. *Он*, великий, как бог.

1. Народ глухо бурлил,
2. От темного недоверия бросался к ожиданиям —
к ожиданиям грядущего Царства.

3. А потом снова не верил, не принимал сердцем —
4. чуял неладное.

1. В толпах народа часто появлялась «пантера».
2. Она умела притворяться, — ворковала нежно-нежно.
3. Видимо, она чувствовала себя в своей сфере. Она
распускала козни.
4. Стягивала полчища нечистых, — легионы над городом.
5. Распоряжалась в центре и на правом фланге.
6. А на левом — был начальником писатель Гнилогубов.
7. Его специальность была — развращать детишек.
8. Нечистые стекались в Москву темным облаком.

1. С Запада, со стороны Санкт-Петербурга, ползло брюхом
по небу черное облако.
2. Казалось, что зверь плывет по синеве моря —
выходит из бездн морских.
3. Пауки быстро задвигали своими челюстями — заработали.
4. Они оплетали паутиною — серою, — оплетали всю
вселенную.
5. В народе ходили глухие слухи, тревожные.

V

1. С тупым отчаянием изжитости раздавалась за воротами
унылая шарманка.
 2. Парило невыносимо, почти прижигало. С раскаленной
мостовой
подымало клубы пыли.
 3. Солнце жутко висело над головами — прямо в зените,
и теней не было.
- Расслабленно ходили по улицам.
3. За-Москворечьем, в глухом переулке, тащился, изнемогая,
«серый взгляд» с почтенною дамою — со своею матерью.
 4. «Почтенная дама» запыхалась от жары; она была полная и
в темном — в шелковом,
 5. в темном шелковом, в плотном.
 6. Но вдруг она ускорила шаги, схватив сына под руку.
Она увидела страшное.

7. Прохожие отворачивались, будто не видя.
8. А «почтенная дама» ускорила шаг. Было страшно — душно-жутко.

1. По торчащей горбами мостовой бежала женщина —
2. Женщина в желтом, в шелковом и с кружевами.
3. Путалась в длинном платье — в нарядном,
4. изнемогала в поспешности, была почти в обмороке и как безумная.
5. Шли солдаты, двое: почти бежали. По земле волочили, — волочили за руки другую, нарядную и молодую. Она была в обмороке, как мертвая.
6. Солдаты волочили женщину в белом, — в пикейном; догоняли первую, в желтом.
7. Солдаты не помнили себя и обезумели.

1. Солнце стояло в зените, прямо над головами. Теней не было.
2. С тупым отчаянием изжитости надсаживалась шарманка.
3. «Почтенная дама» ускорила шаг, а прохожие
отворачивались.
4. Проходили мимо и были довольны — втайне.
5. Они знали приказы, догадывались, что это имеет какую-то связь с христианством.
6. «Серый взгляд» увидел страшное. Остановился.
7. Позади шел священник, — скромный и робкий. Он
проходил мимо.

Но «взгляд» загородил дорогу и громко —

8. громко воскликнул, подняв руку:
9. «Во Имя Господа нашего — Господа Нашего Иисуса Христа,
10. батюшка,
11. Отведите эту женщину, — мать мою, домой
12. скорее!»
13. И священник робкий просиял твердостью.
14. Не сказав ни слова, усадил «почтенную даму» в экипаж
15. и уехал...

1. «Серый взгляд», вдохновленный,
2. плачет, бросаясь к солдатам.

3. Обнимает их ноги — большие ноги — обливает слезами,
с рыданиями обнимает.
4. «Братья! — с рыданиями восклицает, —
5. Братья! Христа вы забыли... забыли...
6. Братья! Если кто соблазнит... легче... жернов осельский...
7. Вы хотите худшее, братья! Христа вы забыли!»..
8. И вдруг он поднялся — поднялся и голосом властным
пророка
и грозно вперед наступая,
воскликнул:
9. «Христа вы забыли! — во Имя Иисуса
Христа и Господа Бога
10. *должны* вы сейчас же оставить
сестер —
вот этих сестер!..»
11. Но он не dokonчил, как оба солдата,
бледнея, упали на Землю и, плача,
со стоном
12. себя обвиняли в служении бесам —
себя и начальство,
которое им разрешило.
13. И плача, со стоном
рыдая,
14. лежали на пыли.

VI

(Lento с акцентуацией)

1. Какие-то бесконечные коридоры... было полутемно, — серо.
 2. Какие-то бесконечные коридоры гулко перекликались.
 3. Бездна призывала бездну жуткими гулами.
 4. Ха́ос призывными стенаниями стонал у свода.
 5. Лампы висели — кровавыми ранами Ха́оса.
 6. Жутко нависали в коридорах посеревших низкие потолки.
 7. Они будто падали на голову, когда по коридорам ходили
быстро.
-
1. В бесконечных серых корридорах шаги отдавались
гулкими раскатами.
 2. Сновали взад и вперед серые фигуры, — с искаженными
лицами — перекошенными.

3. Глаза потускнели безжизненно, будто оловянные.
 4. А лица фигур были серо-запыленные.
 5. Это сновали солдаты.
-
1. Длинные тени подымались, опускались по стенам.
 2. Прозрачными щупальцами бесшумно вползали к
притолкам.
 3. Ширились и трепетали полусветы ламповые, —
у притолка.
 4. Отвратительными гадинами, — полу-прозрачными, —
вдоль стен скользили призраки.
 5. С гулкими перекатами отрывались стуки каблуков
от полу, —
каблуков, подбитых подковами.
 6. Солдаты суетливо сновали взад и вперед и были,
как мертвые.
-
1. Солдаты таскали евреев на спинах — таскали за руки и
за ноги.
 2. А те, обезумев от страха, не могли даже и крикнуть,
и только белели —
 3. белели, как кусок зеленоватой штукатурки.
 4. Евреев таскали за руки и за ноги, — выкидывали евреев
они за окошко.
 5. Солдаты были на конце коридоров.
-
1. «Серый взгляд» догонял солдат. Он знал, что это —
негласное преследование
 2. за то, что Израиль высказал гадливость — бормотал
«шиккүц» и «тоёва»,
 3. когда звали его к новому культу.
 4. «Серый взгляд», догоняя, ударялся головою о стены.
 5. Он упрашивал и умолял солдат оставить евреев.
 6. «Яко вверена быша им словеса Божия» *.
 7. «Серый взгляд» хватался за солдат.
 8. Задыхаясь говорил, что «весь Израиль спасется»...

* Римл 3. 2 (примечание П. А. Флоренского).

1. Бесконечные коридоры гулко перекликались.
2. Ха́ос звал ха́ос и бездна — бездну.
3. Ширились полупрозрачные тени.
4. Но солдаты конфузливо слагали свою ношу.
5. Конфузливо поглядывали друг на друга.

Глава третья
Прозрачность

(Часть братии уезжает в горы и там живет некоторое время. Горы очень высокие, почти на высоте снежной линии. Но снег еще не успел растаять).

I

1. «Когда увидите знаменья эти, — бегите в горы вы...»
2. Отвесными лучами прибывало к земле зловеще-глядящее
солнце.
3. Пронизывало злым светом. Не давало тénей.
4. Толстыми слоями лежала пыль на улицах. —
Неподвижная, мертвая, раскаленная. —
Как металлические опилки, тяжелая.
5. Не вздымалось на улице даже перышко. Атмосфера
сделалась будто твердой —
так была неподвижна.

1. «Когда увидите знаменья эти, — бегите в горы вы».
2. Как ударом вспомнились слова забытые:
3. «бегите в горы вы — в горы!»
4. Жгучим лучом прессовалась пыль на тротуарах.
5. Ходили по пыльной настилке бесшумно, — оставляя
только следы,
вдавленные в мягком.
6. Мягко поддавался под каблуком растопленный асфальт.
Нога погружалась в панель, как в тесто.
7. Атмосфера отвердела и не шелохнулась. Солнце сжигало
злым светом.
8. Неподвижно торчали запыленные листья на деревьях —
жестяные —
как выюнок на могиле.
9. Казалось, что листья раскалены злобным жа́ром, —
обжигают.

10. Жуткою расплавленной каплею нависало солнце
над городом.

11. «Бегите в горы вы — в горы!»

1. Губительно-злым шаром нависало солнце — в зените.
2. Трое вдруг собрались в горы, — бежали.
3. Один из них был «серый взгляд», а другой — «святая вода».
4. Третьим бежал с ними писатель «Зеленый».
5. Впрочем, он горел в огне творчества — сгорал
и возрождался
в лучшем виде. Это был новый Феникс.

1. Поезд вился по излучистым зигзагам, — тяжело пыхтел,
подымался в горы —
2. в горы...
3. Трое ехали в поезде, — были вместе.
2. Ликовали и радовались чему-то.
3. С ними был Кто-то — Милый.
4. Говорил в стуках поезда, — успокаивал.
1. Трое собрались внезапно; они были одеты плохо,
не захватили вещей и денег.
2. С ними были только образки — Спасителя — в коробочках.
3. Коробочки висели на шее.
4. Трое чувствовали на себе коробочки и радовались.
5. Знали, что они не одни, что с ними Кто-то —
Милый.
6. Извивался по уступам гор поезд — пыхтел
и останавливался.
7. Подымался выше и выше. Холодало.
8. Ехали уже в туманах. Накрапывал дождик.
9. Было темно и поздно —
10. и поздно...

1. Трое чему-то радовались, хотя уезжали в неизвестность —
в горы.
2. Прижимали по временам к груди коробочки — незаметно.
3. Ласково переглядывались в молчании и про себя шептали:
«Милый»!..

4. Это было как-будто смешно, фамильярно немножко —
немножко.
5. Но ведь они были, как дети, а Христос говорил ласково
и тихо.
6. Маленькие дети притихли, — говорили в ответ:
«Милый!»
7. И переглядывались радостно, как дети...
8. Как дети...

II

1. Поезд подымался все выше —
в горы.
 2. А потом стал. Надо было высаживаться — ждать другого
поезда.
 3. А потом ехать еще выше —
в горы.
 4. Вокзал стоял в пустынном месте, — гостиницы
не было.
 5. Кругом было темно
и грязно.
-
1. Вокзал стоял в пустынном месте, далеко от людских
поселений.
 2. Кругом было грязно и темно. Кругом — леса сосен
мрачных.
 3. Трое ходили по платформе, — ждали: надо было провести
всю ночь, дожждаться утра.
 4. Трое ходили по платформе, ожидая; разговаривали
с другими
ожидавшими.
 5. Ходили, как все, но внутренне ликовали
и радовались.
-
1. «Я попрошу вас уйти отсюда — с платформы, — сказал им
один
из жандармов, —
2. Попрошу вас расчистить платформу!»
 3. «Неужели нельзя нам остаться! — Куда ж нам деваться?» —
возразил один из пассажиров.

4. Он был старик, ежился от холодного ветра и нахохлился.
5. «Обратитесь к начальнику. Ничего не знаю. Уходите...»
6. Обратились к начальнику с просьбой. — «Нельзя. Уходите... Очистите вокзал поскорее».
7. — «Куда ж нам деваться?» — «Не знаю, не знаю: мое ли то дело?» — «Позвольте...»
8. — «Вокзал есть вокзал — не гостиница, правление железной дороги не есть учреждение благотворительное.
9. Прошу разойтись...»
10. И все вышли. С ребенками матери бедные, с узлами, хурджинами.
11. Не знали, куда им деваться. Лил дождик и было туманно.
12. Пронизывал холод, не было, где бы укрыться.
13. Вокзал запирали, но лишь из каприза, и целую ночь суетились внутри там люди, ходили и спорили громко,
14. дневную получку за вина между собой разделяя и споря.

1. Было темно и холодно. Сквозь редкий туман лил дождик — горючие слезы седых небес.
2. Ветер шумел сосновым бором черневшим. И было так жутко.
3. Качались черные громады своими телами — шумели.
4. Бледный лик Старика глядел из-за облак на землю — и плакал над бором.
5. Холодный ветер разметывал поседевшую бороду — трепал серебристые пряди.
6. Бессильно ломал изможденный руки над миром и плакал — и плакал над миром Старик.
7. И горестным стоном терялись призывы в пустынных ущельях:
8. «О сын мой! О блудный мой сын, приходи.
9. Тебя возлюбил Я — сына второго, — ты знаешь...
10. Родного Я в жертву принес... Приходи...
11. И все позабыв, все отдав, Я тебя, о мой сын, ожидаю.
12. Ужель и Меня не жалеешь — от горя Я сед — Старика!»
13. Над бором лилися дождем бессильные слезы.
14. Качались черных громад тела и шумели...
15. Шумели...
16. Шумели...

1. Все путешествующие были полусонные и мокрые. Дремали на своих узлах нахолодавших.

2. Лепились вдоль стен под карнизом крыши.

3. Изредка перебрасывались сочувственными фразами.

Удивлялись начальникам. Сердились. Бурчали, но с покорностью.

4. Трое ходили вместе, а иногда порознь.

5. Радовались, что терпели непогоду и холод имени Христа ради.

6. Они бы могли ото всего этого избавиться, если бы сказали о себе начальнику.

7. Он с тщеславным удовольствием оказал бы им всякие услуги,

потому что у них — у троих — были связи; родственники их были чиновные.

8. Но трое не хотели отделяться от своих братьев — остальной публики, бедной.

9. А потому молчали, ничего не говорили. Они радовались, что терпят Христа ради.

10. И всю ночь молились, ликуя, хотя было холодно, и они промокли.

11. Это было немножко смешно — немножко,

12. но ведь они были маленькие дети — дети.

13. Для них казалось это чуть ли не подвигом Христа ради.

14. И они радовались пустяку, как дети.

1. Трое протягивали руки к седому небу и напевали, прозябшие, как дети:

2. «В безднах темных пространства затерянный крик:

— Наш Отец... О Родной...

мы одни...! —

3. И растеряннo-бледный глядит скорбный Лик.

Пред всемирной стеной —

те ж огни.

4. Растянувшийся в выси безотвучный миг

Вихри рвут с сединой.

Мчатся дни.

5. Многолетнею скорбью объятый, на зов

Он молчит.

И над сонмом пустынных и мертвых миров

Он беззвучных и грустных струй жемчугов
с вечной скорбью точит.

6. Чрез созвездья мигающих в бездне миров

Стон несется без слов —

Стон к Родному: Отец, ей гряди! —

7. С горьшим стоном доносится гóлос Отцов:

«Подожди!..

8. О, мой Сын, о мой Сын! Я тоскую и плачу давно,
Тебя жду — тебя жду я века.

9. Все по-прежнему Сына люблю Я равно.

Пожалей же Меня, Старика!»

1. Трое тихо напевали, протягивая мокрые руки.

2. Ветер качал черными соснами. Разносил туманы.

3. Моросил мелкий дождик. Светало.

4. Свежо стало совсем; и холодно.

5. Трое дрогли от холода, но всё еще молились.

6. Вытаскивали по-временам коробочки, — смотрели
на образочки,

7. смотрели на образочки Спасителя с дрожью, как дети,

8. они были рады, так рады.

9. Далеко — далеко прокричал за бором петух,

звучно ликуя,

10. прокричал свое «кú-кú-реккú» — радостно.

11. Где-то пошли перекликаться петухи друг с другом,
звучно ликуя —

12. звучно...

13. А над миром упали последние слезинки — Старика.

14. Начинался рассвет и рассеяние небесных
покровов.

III

1. Трое жили на вершине, возле снега.

2. Каждый день вместе молились, доставая свои образки из
ладанок.

3. Ставили на какой-нибудь скале образки и poste-carte'y —
poste-carte'y с Васнецовской Богоматерью.

4. Молились.

5. Это было немножко наивно. Но ведь они были как дети —
маленькие дети.

6. Прерывистые слова молитвы сменялись установленными молитвословиями.
 7. А они сменялись гимнами — гимнами и стихами — импровизациями.
 8. Трое сами сочиняли акафисты.
-
1. Трое стояли на коленях, среди голубых незабудок.
 2. Незабудки заливали всю полянку, выглядывали детскими глázками.
 3. Их обрамляли янтарные лютики — бусы разорванных четок.
 4. А повыше росли поля рододендронов — темнолиственных, глянцеви́тых с белыми букетами, — венчальными.
 5. Трое говорили, что это — символ: белое, как синтез золота с лазурью — нежною лазурью небесности.
 6. «Золото, — неся писатель “Феникс”, — Золото — это Христово, а Лазурь — Лазурь — пьянящее питье Софии.
 7. Золото и Лазурь — цвета взаимнодополнительные. Синтез их дает *Белый*.
 8. Белый — цвет грядущего, цвет Союза брачного, брака Агнчего Христа с Софией.
 9. Белый — цвет просветленной Женственности, цвет Богочеловечества, цвет Церкви —
 10. Цвет всеобщего восстания — свидания Милых, сияющих льном и снегом, дня восстания из мертвых, сияющего ласковой жемчужностью!» —
 11. «Феникс» пламенел святым восторгом, светился на солнце.
 12. А солнце ему вто́рило улыбками.
-
1. Горный воздух был кристальным, холодно-чистым, пьянящим своею святостью.
 2. Серебристо вливался в уши он, затекал за одежду очистительными стру́ями.
 3. Чистыми струями журчал ручеек по граниту, ниспадал булькающими водопадами.

4. Лука — «святая вода» журчал у источника, освящал его
своею
прозрачностью чистою.
5. Голоском тоненьким читал молитвы — голосок струился в
прозрачном воздухе, растекался лучисто над незабудками.
6. Смешивался с хрустальными колокольчиками —
ключевыми
переливами.
7. А ручеек на молитвы серебристо звякал — тоненькими
цветочками.
8. Писатель «Феникс» декламировал набор слов —
звукоподражательных.
9. Нельзя было определить, думает он у Луке или о ручеечке.
10. «На гранит
струей кристальной
льется ток:
ручеек
струной хрустальной
зазвенит.
11. Во тьме бежит
ключ ясно-чистый,
как и днем.
Мы уснем
с звездой лучистой, —
он журчит.
12. И скользит,
ластясь атласом,
вдоль кремней.
У камней
сребристым гласом
вновь журчит».
13. Это был набор слов, но «Феникс» был в восторге и не думал,
что говорит.
14. Трое сели за братскую трапезу над ручейком. Были одни
только сушки.
15. Но больше ничего и не хотели. Ведь они были вместе,
любящие.
16. И трое прислушивались к журчанию. А «святая вода»
журчала
житие Серафима.

1. В брачных венцах — рододендроновых и снежных —
стояли вершины.
3. Восторженно распевали *трое* молитвы и гимны —
застывали в холодном восторге и радости.
4. А потом восклицали друг другу с любовью, с прозрачным
смехом.
5. И «святая вода» журчала голосом то-оненьким:
«где двое или трое во Имя Мое...» — а за нею повторяли в тихой
преисполненности.
6. «Нас трое, именно *трое* — и вот Он с нами. Он с нами.
Слышите?..»
7. Захлебывались, что — *трое*, — в детской радости.
8. Они начинали говорить почти невразумительно, —
восклицаниями.
9. Едва-едва намекали, но друг друга понимали — будто дар
языков
сошел на них.
10. И они понимали друг друга с полуслова
и радовались.

1. Трое подымались медленно на холмы. Распевали какие-то
песни.

Песни были нескладны, но выражали их настроения, их историю.
И они пели «песни восхождения».

«Идем без дороги
выше и выше —
все тише.

Гнутся усталые ноги.
Воздух все реже,
и, пьяно качаясь,
кружится мир, накрываясь.

Скалы все те же...
порывы
радости жуткой
напрасны.

Камень, срываясь, катится гулкий
в обрывы.

Прекрасны
каменно-льדיстые,
холодно-чистые
кряжи и скалы.

грохочут порою камней обвалы —
лавины.

Мы здесь одиноки,
а красные сосны родные и ели — с седой бородой исполины
далеки,
и нету живого средь скал.
Зловеще-пронзительно, резко вдруг хищник пернатый внизу
прокричал.

Сине-зеленая пропасть разверзнула зев.

Фисташко-зеленых,
и серых, и желтых
всюду покров
лишаев.

А в черной лазури
окно в Бесконечность.

Без бури
золота льется
в окошко
колонна, —
то Вечность —
Мадонна, —
нам за окошком
смеется.

Несутся порывы
тумана —

седого,
сырого
обмана —
и застыт нам солнце. —

Как пыль на червонце
нависла завеса.

Не верьте.

Не верьте

обману:

то — знаю —

проделки нечистого беса,

и, видя, не видьте тумана!..

Взываю,

и лишь прокричал, как раскрылся туман,
колышется в бездне седой океан.

Грядой подымается выя...

Белея на солнце, играет
И волны сырые
На Вечность хадсом вздымает
туманное море,
и, ветру внезапному вторя,
сгибаясь, хлещет,
и дымные клочья бросает,
и мутностью плещет.

Стремимся
мы выше, все выше.

Уж тише
порывы тумана,
и мы не боимся.

Вот рана
в груди у Хаоса коварной
зияет,
и он умирает,
копьем лучезарно — шафранным
пронзенный.

Ликуя
и бранным
задором тогда упоенный,
над бездной
склонился.
Забылся
и Хаосу дерзко кричу я.

Вот... Вот, как-то боком,
к скале прижимаясь,
из páра
ползет к ногам локон,
свиваясь
от жара.

И, весь холодея,
взываю:
“все, — все обещаю!..”
Но тает белеющий савана клок
у ног».

* * *

Пробрались!

Внизу, злобой полны,
молочные волны,
как спины,
горбами вздымались.

Но стрелы
лучистые
смело
над нами в долины
помчались,
взрыхляя
туманы; волнистые
ватные хлопья
срывая.

И саван поплыл лоскутами
куда-то,
куда-то
в безвестность.
Обрывками полна пред нами
окрестность.

И мутных фигур вереницы
из дыма,
как птицы,
на юг улетают
и, лик херувима
порой принимая
и тая,
кивают.

Нас ласково-лживою манит
улыбкой
чуть зыбкой
процессия духов туманных;
колена склоняя,
наверх руки тянет,
молить для обманных
слагая...

Вот зерен жемчужных,
попарно

пронзенных лучом золотистым,
на высях янтарно-
воздушных
монисты!

Идут, все идут.
О, сколько!
Прносятся плавно —
по рекам воздушным плывут.
Уж только
с улыбкою жалко-позорной
прощально
кивают и в светлости тают...
Покорно
смиряться пред Вечностью,
Ее отражают —
сверкают
Ее Бесконечностью...

Любви победило
лучами
и брызнуло ярко
светило
над нами,
и кровию жаркой
утес оросился —
смягчился.

Вот снята перчатка —
покровы,
и новый
нам мир выступает.
Касатка
летает.
И мирно —
сапфирно
синеют
нам дали.
Поля янтарéют
азáлий...

КОММЕНТАРИИ

Поэма «Эсхатологическая мозаика» относится к числу незавершенных произведений Флоренского. Работа над поэмой началась в 1904 году в период тесного общения Флоренского с кругом московских символистов, прежде всего — с Андреем Белым. В Записной тетради она названа рассказом. Видимо, ее превращение в произведение, построенное в жанре симфоний Андрея Белого, произошло не сразу, и, надо сказать, различные части поэмы в разной степени отвечают этому жанру. Но влияние симфоний не вызывает сомнения. К этому времени была опубликована «Симфония (2-я, драматическая)» (М., «Скорпион», 1902), вскоре появилась «Северная симфония (1-я, героическая)» (М., 1904), на которую Флоренский откликнулся в рецензии «Спиритизм как антихристианство» («Новый путь», 1904, № 3; историю публикации рецензии см. подробнее в примечаниях к переписке Флоренского с Мережковскими в настоящем томе).

В рецензии Флоренский изложил собственное представление о значении и смысле жанра симфоний. «У речи обыденной, — писал Флоренский, — имеются свои задачи: требуется выражаться кратко, или не повторяться и т. п. Все такие условия препятствуют свободной кристаллизации речи, и получается вследствие этого неправильно сложившееся, аморфное звуковое тело. С другой стороны, стихотворная речь налагает свои стеснения; тут требуется певучесть, рифма, ритм; все это уже *необходимо* и своею неподатливостью жмет речь, являясь для нее чем-то внешним, извне накладываемым и чуждым самой сути фразы. Эти требования опять мешают правильной организации речи как речи; если ее предоставить себе, то стих будет неудачен; если же нет, то преобладает внешняя форма, содержание же отступает на второй план, являясь аккомпанементом (Бальмонт). “Симфония” А. Белого есть попытка устранить все возмущающие причины и дать речи выкристаллизоваться в свободной среде, дать возможность для молекулярных сил языка идти по их естественным путям и сложить организованное *изнутри* целое, а не аморфную массу. Одним словом, тут идет речь об искусстве *чистого слова* и, как симфония в музыке есть музыка по преимуществу, чистая музыка, так и произведение А. Белого является опытом *слова* по преимуществу перед всеми другими видами поэзии. Это — требование свободы; но не свобода произвола, а признание, что речь как таковая сама по себе есть нечто ценное и гармоничное *в своих особых законах*, что она может иметь собственные цели — вот каким требованием задается, по-видимому, А. Белый. Поэтому, если внутренний дух фразы требует рифмы — появляется рифма; но это не навязанная, так ска-

зять, рифма, а необходимая <...> Точно так же появляется естественно, в силу внутренней гармонии языка, аллитерация; то же надо сказать и о чисто-внешней ритмичности. <...> Но главный ритм в “Симфонии” — внутренний ритм, ритм образов, ритм смысла. Этот ритм напоминает возвращаемость темы или отдельной фразы в музыке и заключается в том, что зараз развиваются несколько тем различной важности; внутренне они едины, но внешне — различны. И вот такие темы перемежаются и разделяются друг от друга только паузами. Но так как нет постепенных переходов от одной темы к другой — темы как бы перебивают друг друга, то необходимо помимо внутреннего объединения и некоторое внешнее; это достигается повторением некоторых фраз-стихов»¹.

В рецензии Флоренского жанровые особенности симфоний иллюстрируются примерами из «Северной симфонии» А. Белого, но можно было бы эту характеристику проиллюстрировать и примерами из его собственной поэмы «Святой Владимир», где также развивается несколько внутренне единых, но самостоятельных тем, которые переплетаются между собой по законам, родственным законам музыкальных симфоний. Однако, констатируя очевидную зависимость поэмы от симфоний Андрея Белого, нельзя не отметить, что тяготение к использованию музыкальных форм было присуще Флоренскому изначально, скорее само это тяготение послужило причиной его интереса к жанру симфоний. Во вступительном слове перед защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине» (1914) он так говорил о строении своей книги: «...Диалектическое развитие мысли не может быть представлено простою одногласием *мелодией* раскрытий <...> Диалектика есть развитие не одной темы, а многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга, и снова вступающих. <...> В диалектике лишь контрапунктическая разработка основных мелодий дает жизненно углубиться в предмет изучения»². Таким образом, контрапунктическое строение поэмы «Святой Владимир» появляется как результат поиска жанра, наиболее адекватного собственной мысли. Итогом этих поисков применительно к дореволюционному периоду творчества стала книга «Столп и утверждение Истины». Прелюдия в поэме «Святой Владимир» построена как обращение, письмо к другу, в ее интонациях угадываются некоторые черты «писем к другу» из «Столпа». Прелюдия создавалась еще до знакомства с Сергеем Троицким, но напряженная патетика обращенных к нему писем «Столпа» присутствуют уже в «Святом Владимире».

Содержание поэмы Флоренского связано с именем Владимира Соловьева, образ которого неоднократно возникает на ее страницах (как впрочем, и на страницах Второй симфонии А. Белого). Упоми-

¹ Собр. соч. Т. 1. С. 137—140.

² Соч. Т. 1 (2). С. 826.

нение о возможной канонизации Соловьева, эпизод посещения его могилы — не случайные, а центральные темы поэмы, написанной в период, когда увлечение Флоренского идеями Соловьева достигло своего апогея. Идеи Соловьева стали той почвой, на которой произошло его сближение с символистами, и эта связь отразилась в поэме, как бы написанной на языке символистов, повторяющей их темы и воспроизводящей бытовую и творческую атмосферу их московских кружков; отдельные символисты появляются на ее страницах под собственными или вымышленными именами. В силу этого поэму «Святой Владимир» следует назвать наиболее ярким отражением его близости к символистам.

По возрасту Флоренский и «младшие символисты», или соловьевцы, принадлежали к одному поколению. Интерес к идеям Соловьева возник у Флоренского приблизительно в то же время, когда его идеи открывали для себя Андрей Белый, Александр Блок, а также позднее примкнувший к ним Сергей Соловьев, и когда старшие символисты — Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Федор Сологуб и Константин Бальмонт осознали необходимость сближения с этим новым поколением. Особенно многое объединяло Флоренского с Андреем Белым: в гимназические годы Флоренский, как и Белый, пережил увлечение естественными науками. Как и у Андрея Белого, увлечение окончилось мировоззренческим кризисом, после которого, как писал Флоренский в воспоминаниях, «тончайший луч, который был не то незримым светом, не то — слышанным звуком, принес имя *Бог*»³.

С этого момента его самоопределение протекало под знаком идей Владимира Соловьева. О главном пункте собственной программы Флоренский писал 3 марта 1904 года матери: «произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с церковью, но без каких-либо компромиссов, честно восприняв все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности»⁴. Идею синтеза религии и культуры активно пропагандировали в эти годы старшие символисты — прежде всего Гиппиус и Мережковский, организовавшие на рубеже веков Религиозно-философские собрания и издававшие журнал «Новый путь». Пытаясь сблизиться с Церковью, Андрей Белый совершал поездки с матерью в Саров, его попытки стать духовным чадом епископа Антония (подробнее об этом см. далее во вступительном слове к переписке Флоренского и А. Белого, а также в статье: *Игумен Андроник*. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник свя-

³ Об этом подробнее см. главу «Наука» в кн.: *Флоренский П.* Деяния мои. М., 1992. С. 211.

⁴ АФ.

щенника Павла Флоренского // Журнал Московской патриархии. 1981. № 9. С. 71—78; № 10. С. 65—73); Алексей Петровский, а позднее и Сергей Соловьев поступали в Московскую Духовную Академию. Религиозные настроения в среде младших символистов складывались под влиянием Соловьева (кстати, некоторое время состоявшего вольнослушателем МДА), и не случайно в поэме «Святой Владимир» он предстает в роли пророка, Иоанна Крестителя нового мира.

Вспоминая позднее о своем знакомстве с Флоренским, Андрей Белый назовет его, Владимира Эрна и Валентина Свенцицкого (соответствующие цитаты приводятся во вступительной заметке к переписке) «тройкой апокалиптиков», подчеркивая то значение, которое для Флоренского и его друзей имели в этот момент эсхатологические идеи Владимира Соловьева. Наиболее ярким отражением этих идей следует назвать поэму «Святой Владимир», герои которой в соответствии с пророчеством «бегут в горы», ясно различив знамения приближающегося конца времен.

На страницах «Святого Владимира» обсуждается еще одна тема — предстоящая канонизация Владимира Соловьева. Сначала как толки простолюдинов, которые слышит Серый взгляд («Был такой человек. Он все напророчил. Вот, грит, антихрист идет. Готовься, царь православный...» и т. д.), потом в беседе Белого мистика и Некогого (в последнем различимы черты Алексея Петровского, письма которого к Флоренскому также публикуются в настоящем томе). Наконец, еще один герой поэмы — «только контур» — приходит на могилу Соловьева незадолго до смерти. О постоянных посещениях могилы Соловьева писал в своих воспоминаниях Андрей Белый.

Через Андрея Белого Флоренский познакомился с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, в журнале которых «Новый путь» уже были опубликованы статьи Флоренского (подробнее см. в материалах их переписки в настоящем томе); в поэме «Святой Владимир» он оставил любопытные зарисовки их быта, сделанные под тем же углом зрения, что и во второй симфонии А. Белого.

В черновых записях Флоренского сохранился записанный им отзыв: «С. М. Соловьев указывал недостатки: 1) иногда слишком большую списанность с действительности и недостаточную творческую переработанность; 2) слишком частое повторение лейтмотива; 3) непонятно название “только контур” и имеет характер аллегоризма. Поэтому надо его объяснить сначала яснее»⁵.

Указание на «слишком большую списанность с действительности» побуждает искать прототипическую основу персонажей поэмы, но отсутствие прямых авторских указаний ограничивает возможности поиска. Некоторый материал для сопоставлений дают воспоминания Андрея Белого, где жизнь кружка символистов этого периода

⁵ АФ, набросок на полях черновика поэмы.

описана наиболее подробно. Отдельные пассажи из воспоминаний Андрея Белого «Начало века» содержат очевидные переклички с поэмой Флоренского. Например, глава «Профессора, декаденты», где описаны собрания в доме отца А. Белого, профессора Н. В. Бугаева: здесь наряду с гостями отца — профессорами и их женами собирались друзья Андрея Белого — поэты-символисты Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Сергей Соловьев, Алексей Петровский. Но при всей заманчивости сопоставления, приходится учитывать, что Флоренский стал посетителем воскресений Андрея Белого уже после смерти его отца, и речь может идти только об общей атмосфере этих собраний, которую он застал. Описание в воспоминаниях Андрея Белого приезда в Москву Мережковских напрашивается на сопоставление с тем, как их приезд описан в «Святом Владимире».

Некоторые совпадения подробностей поэмы с воспоминаниями Андрея Белого могут быть отнесены к разряду случайных, но все-таки заслуживающих внимания. Например, эпизод пробуждения «человека, чертящего контуры» во второй главе первой части «Святого Владимира» заманчиво сопоставить со следующим эпизодом из воспоминаний Андрея Белого «Начало века»: «Сколько раз пробегал я в гостиничный коридор; с тоскою врывался в снимаемый Эллисом номер; заставлял его спящим, бывало, усаживался на краю тюфяка; будил и жаловался: на свои обстоятельства...»⁶. Но, отмечая подобные совпадения, мы осознаем их условность, прямые отождествления здесь вряд ли уместны.

Сказанное относится и к поискам прототипов отдельных персонажей. Легко раскрываются только шаржированные портреты, например, Зеленого, в котором присутствуют черты Андрея Белого, Красного — здесь сразу приходит на ум рыжеволосый и краснолицый Бальмонт. Столь же явно герой с именем Пантера заставляет вспомнить один из псевдонимов Валерия Брюсова — Пентауэр, а также его портрет в воспоминаниях Андрея Белого: «Исключительный “зверь” — неуютный; его не дразни: под себя подомнет, сев в засаду»⁷. Персонаж с именем Гнилозубов — Сологуб, лягушонок — Мережковский. Труднее с определением таких персонажей, как Серый взгляд, Только контур и Человек, чертящий контуры. Во всех трех присутствуют автобиографические черты Флоренского, но есть и черты других людей. Например, в Сером взгляде возможно проглядывают некоторые черты Сергея Соловьева, особенно если вспомнить его портрет в воспоминаниях Андрея Белого: «...задумчивость нечеловеческих просто глаз, казавшихся огромными, сине-серыми, сине-серыми, с синевой под ними; вид отлетающий от земли...»⁸.

⁶ *Белый Андрей*. Начало века. С. 57.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. С. 341.

Персонаж с именем «контур» заставляет вспомнить, что это слово в эзотерическом словаре символистов имело особый смысл, о чем Андрей Белый писал в воспоминаниях «Начало века», приводя эпизод из своих отношений с Эллисом: «Он укреплял во мне миф обо мне: будто я потерял свою тень; и она-де контуром бродит где-то; раз ночью я бегал по улицам; Эллис явился ко мне: не застав меня, меня ждал; мать спала уже; вдруг ему показалось: в комнате — кто-то; обертывается и видит-де: черный контур. Бросился через переднюю к выходу, позабыв закрыть дверь»⁹.

Очень многое другое, также вообравшее в себя духовную атмосферу русского символизма, так и останется зашифрованным, поскольку ключ к шифрам утерян. Поэтому, приводя в комментариях некоторые сопоставления с произведениями символистов либо с автобиографическими записями Флоренского, мы отказываемся тем не менее от прямых отождествлений.

В целом же поэма «Святой Владимир» занимает в творческом самоопределении Флоренского такое же место, как и его стихи: это своего рода дневниковые записи, словесная фиксация мистических переживаний 1904 года — времени, когда его дружба с Андреем Белым переживала свой апогей, как и сближение с кругом символистов.

Но в отличие от стихов в поэме все события осмысляются в едином, если так можно выразиться, «соловьевском» ключе. Фиксируя факты жизни тех лет, Флоренский изображает их под «соловьевским» углом зрения. Реальность для него «просвечивает», сквозь обыденные события открывает некий сверхреальный смысл, «отблеск искаженный торжествующих созвучий».

В этом отношении поэма «Святой Владимир» занимала в творчестве Флоренского то же место, что и симфонии в творчестве Андрея Белого. Поступление в Московскую духовную академию и переезд в Сергиев Посад стали началом расхождения с символистами, хотя, как показывает публикуемая в настоящем томе переписка, отношения с некоторыми из них поддерживались и в дальнейшем. Но тот факт, что поэма осталась неоконченной, — свидетельство перелома в его мирозерцании, начавшегося в стенах академии, — перелома, который уводил его на новые духовные пути.

Позднее в письме к В. А. Кожевникову Флоренский назвал поэму «Эсхатологическая мозаика» «завершением катартического периода», то есть периода, когда он совершал «расчистку души от современности»¹⁰. Под современностью он и подразумевал здесь недолгий период сближения с символистами.

⁹ Белый Андрей. Начало века. С. 59.

¹⁰ Вопросы философии. 1991. № 1. С. 108.

Поэма «Святой Владимир» печатается по черновому автографу из АФ. В написании имен действующих лиц автор обнаруживает колебания: они пишутся то с прописной буквы, то со строчной, то в кавычках, то без. При публикации мы сохранили особенности подлинника, не прибегая к унификации. Пояснение музыкальных терминов приводится в конце комментариев.

Вербь — так назывался рынок, который открывался на Красной площади в канун Вербного Воскресенья, то есть накануне праздника Входа Господня в Иерусалим, приходящегося на последнюю неделю Великого поста, накануне Пасхи.

«...петухов, слышь, запрелят...» — по народным поверьям, петух, возвещающий о восходе солнца, конце ночи и начале дня, обладает властью над нечистой силой, опасной от полуночи и до первых криков петуха.

Петра апостола... петух обличил... — имеется в виду евангельский эпизод отречения Петра. На Тайной вечере Христос, предрекая ожидающие его страдания, предрек апостолу Петру, что он трижды отречется от Него, прежде чем пропоет петух. Когда Христос был взят под стражу, Его повели на суд к первосвященникам, апостол Петр следовал за Ним. Служители в доме первосвященника узнали его, но трижды спрошенный ими, не из учеников ли он Иисуса Христа, апостол Петр трижды ответил им, что не знает этого Человека. В момент третьего отречения запел петух, и, вспомнив слова Христа, апостол Петр горько заплакал о своем тяжком грехе (Мф 26. 69—75). По церковному преданию, апостол Петр в продолжение всей остальной жизни при полуночном пении петуха становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своем отречении.

«Милый друг, иль ты не видишь...» — цитируется стихотворение Вл. Соловьева (1892). Сравни цитату из этого же стихотворения в письме Флоренского Андрею Белому от 18 июля 1904 года в наст. изд.

...у них в воскресенье *jour-fixe*'ы — *jour-fixe* (франц.) — букв. постоянный день, т. е. день, когда принимали гостей. Как уже говорилось в преамбуле, далее в описании журфикса многие подробности совпадают с описанием воскресений в доме родителей Андрея Белого, известных по его воспоминаниям «Начало века», где знакомые родителей, московская профессура встречалась с молодыми литераторами-символистами, знакомыми Андрея Белого. Среди присутствующих на журфиксе узнается сам Андрей Белый, выведенный под именем Зеленый, Валерий Брюсов (Пантера), защищающий спиритизм, и знаменитый поэт — Бальмонт. См. также цитату из письма Флоренского к матери (с описанием посещения воскресенья у Андрея Белого) в преамбуле к переписке Флоренского и Белого в настоящем томе.

...о разных воды превращениях в природе... — возможно, имеется в виду раздел «Четверогласие стихий» в сборнике стихов К. Бальмонта «Будем как солнце» (1903).

«...только контур»... другой же — незнакомец с золотою бородою... — здесь «только контур» по рисунку поведения напоминает застенчивого Флоренского, а незнакомец, — возможно, Владимир Эрн (см. о нем в примечаниях к разделу стихотворений), в сопровождении которого Флоренский посещал Белого в этот период.

...как Франциск представлен у Джотто... — некоторые искусствоведы считают великого итальянского живописца XIII века Джотто ди Бондоне создателем одного из шедевров итальянского Возрождения — фресок в базилике Святого Франциска Ассизского в Ассизи, изображающих эпизоды из жизни святого Франциска.

...белый мистик — несомненно наделен чертами А. С. Петровского, например, заиканием. Но главное — был почитателем Серафима Саровского, в Дивеевском монастыре жила его сестра-монахиня.

...«Только контур» сражался с позитивизмом... — возможно, Флоренский здесь иронизирует над собой и своей работой «О цели и смысле прогресса», завершенной в 1905 году. О замыслах работ, направленных против позитивизма, Флоренский писал в письмах родителям, см.: Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год) // Новый журнал. Нью-Йорк. 2002. Кн. 229. С. 109—110.

...одной из форм антитеизма... считал учение спиритов... — этой теме посвящена статья Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (1904).

...школа ассоциационистов — в современном понимании — последователи ассоциативной психологии, направления в психологии, объясняющего мыслительные процессы и духовную жизнь человека с помощью ассоциаций. Одним из основателей этого направления был английский философ Дэвид Юм (1711—1776).

«лягушонок»... защиту гностиков, манихеев, ариан... — этот персонаж, явно наделенный чертами Д. С. Мережковского, защищает различные еретические учения, осужденные Вселенскими соборами (гностицизм, манихейство, арианство). Любопытный штрих здесь — упоминание далее о том, что жена таскала его за волосенки и била.

...была одна женщина — меня воспитавшая... — в этой исповеди присутствуют автобиографические черты, напоминающие воспитавшую Флоренского сестру отца — Юлию, о которой Флоренский подробно писал в воспоминаниях «Детям моим».

«...стеклянное море» — образ, дважды встречающийся в Апокалипсисе (4. 6 и 15. 2). Повторен во второй части поэмы.

Александр Иванович Введенский (1856—1925) — русский философ и психолог, наиболее известный как пропагандист и последователь Канта в России.

В Санкт-Петербурге, на Невском, открылись два журнала... переведен в Москву... — в реальности по адресу Невский, 14 находилась редакция спиритического журнала «Ребус» (см. публикацию черного письма Флоренского к его редактору в наст. томе), который издавал с 1881 года В. И. Прибытков. В 1903 году он отказался издавать журнал, который был переведен в Москву, где его издавал П. А. Чистяков.

Ревенант — привидение, дух невинно убиенного человека, который восстал из могилы, чтобы отомстить убийце.

...вроде Грингмунта... — критик, публицист и политический деятель консервативной ориентации Владимир Андреевич Грингмунт (1851—1907) в либеральной печати считался синонимом мракобеса.

...если говорит Соловьев... есть всеединство... — понятие всеединства было ключевым для философии Владимира Соловьева, о чем он писал в ряде своих сочинений, например, в статье «Первый шаг к положительной эстетике» (1894).

...говорил Василий Васильевич... спириту из Москвы... — в участниках диалога узнаются литератор и философ Василий Васильевич Розанов (1856—1919) и Валерий Брюсов.

...геридон — столик или подставка на одной ножке, которая использовалась на спиритических сеансах.

...варварская история — теократическая... — теократия — буквально власть Бога. Идеал теократии как совершенной формы политического устройства выдвигал Вл. Соловьев в ряде своих сочинений. Теократия в его представлении означала свободный внутренний союз церкви с политическими и экономическими институтами государства.

...по воде ходить будем и скалы сдвинем — не верой... — переосмысление евангельских эпизодов: хождения по водам Христа и попытки Петра пойти к нему (Мф 14. 26—28) и слов Христа: «если Вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: прейди отсюда туда, и она прейдет и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17. 20).

Замените в загадке сфинкса... — имеется в виду загадка злого чудовища Сфинкса из трагедии греческого драматурга Софокла «Царь Эдип», которую должен был разгадать фиванский царевич Эдип, чтобы спасти Фивы от гибели. Загадка Сфинкса состояла в следующем: «кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех». Разгадка — человек, который в младенчестве ползает на четвереньках, потом ходит на двух ногах, а в старости пользуется палкой как третьей точкой опоры. Эту палку и предлагает Брюсов заменить громоотводом.

Она не радикалка, а радикал... — игра слов: радикал в значении «сторонник крайних убеждений», и радикал — химический термин, означающий химические частицы, обладающие большой способно-

стью вступать в химические соединения с другими элементами. Одна из таких реакций описывается далее.

...листочки клейкие... — образ клейких листочков обязан своим возникновением монологу Ивана Карамазова («пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки...») из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Клейкие листочки стали символом победы природы над отвлеченными теориями.

В редакции нового журнала было холодно и пусто... — описана редакция символистского журнала «Весы», начавшего выходить в 1904 году, в котором Флоренский опубликовал статью «Об одной предпосылке мировоззрения» (1904. № 9). О визитах Флоренского в редакцию «Весов» см. в его переписке с Андреем Белым. Помещение редакции находилось во вновь отстроенной тогда гостинице «Метрополь».

...пневматология — здесь то же, что спиритизм, наука, изучающая мир духов.

...цитировал Кардека... — Аллан Кардек (1804—1869), французский спирит. Возможно, здесь имеется в виду раздел «Новое поколение» главы «Времена наступили» из его сочинения «Книга бытия».

«Пантера» была загнана и измучена... — ср. письмо Флоренского к Брюсову в наст. изд.

...поездку назначили на Святую неделю... — т. е. на первую неделю после Пасхи.

...лежал на столе над томом Соловьева... когда же, Господи, когда... — герой читает «Краткую повесть об Антихристе» из работы Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900), где содержалось пророчество о конце всемирной истории, за которым последует второе пришествие Христа.

...едино стадо и един Пастырь... — Ин 10. 16.

...не оставляю вас сиротами... — Ин 14 18.

Освяти нас истинною Твоею... — начальные слова первосвященнической молитвы.

Глас вопиющего в пустыне... — Мф 3. 33. Здесь имеется в виду Иоанн Предтеча, который был послан в мир, чтобы подготовить его к явлению Христа.

Перед ним придут пророки Его — Илия и Енох. — Илия — ветхозаветный пророк. Согласно Новому завету, пророк Илья будет послан в мир «пред наступлением дня Господня» (Мф 4. 5—6), то есть перед днем Страшного суда. Енох — один из библейских патриархов, который вместе с Илией-пророком должен явиться перед концом света (Откр 11. 3).

Теургия — богоделание, в эстетике Владимира Соловьева — способность искусства своими средствами преобразовать мир.

...не прочтет еще раз надписи... — в настоящий момент эта надпись отсутствует, была уничтожена вместе с лампадкой в 20-е годы.

Неуловимое дыхание Вечного — хлада тонка... — 3 Цар 19. 12. Эта же цитата приводится в письме Флоренского А. Белому от 18 июля 1904 г. в наст. изд.

Невеста... невестная... — повторяющийся рефрен из акафистов Божьей Матери.

...как в готическом храме... — этот образ повторяется в письме Флоренского А. Белому от 30 янв. 1906.

Примите, ядите... (слав.) — здесь и далее по просьбе контура Серый взгляд совершает Таинство Святого Причащения. В Православной Церкви Таинства имеет право совершать только священник, имеющий специальное рукоположение. Причастие совершается после исповеди и во время совершения Литургии (Евхаристии), которая совершается в воспоминание о том, как Христос накануне Распятия в четверг вечером благословил хлеб, преломил его и дал апостолами со словами: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое», а затем взял чашу с виноградным вином и, также благословив ее, дал апостолам со словами: «пейте от нея вси, сие есть Кровь Моя Нового Завета, яже за многие изливаемая во оставление грехов» (Мф 26—28; Лук 22. 19).

В данном случае умирающий в отсутствие священника контур просит, чтобы Серый Взгляд совершил это Таинство как бы самолично, и силой взаимной веры оно осуществляется.

...«не тот это хлеб; он кислый...» — при совершении Литургии используется специальный хлеб, называемый просфорой, это должен быть квасный (поднявшийся), чистый пшеничный хлеб.

...где двое или трое во Имя Мое... — Мф 18. 20.

Аз есмь Лоза... — Ин 15. 1—5.

...от них же первый есмь Аз... (слав.) — из них же первый я. Слова молитвы, произносимой перед причастием.

Клеопы и Лука... — здесь использованы имена евангельских персонажей, учеников Христа, которым Он явился после Распятия, когда они шли из Иерусалима в Эммаус (евангельское название селения обыгрывается в поэме) (Мк 16. 12—13; Лк 24. 13—35).

Часть вторая

Алектор (греч.) — в славянских евангельских переводах петух.

Иерей (греч.) — букв. жрец, здесь — православный священник.

Антиминс — особый льняной платок с изображением находящегося в гробу Христа и четырех евангелистов, с зашитыми по углам частицами святых мощей. Антиминс необходим для совершения Литургии, во время которой он возлагается на Престол, где священник совершает таинство.

Богоявленская вода... — Богоявление есть второе название Крещения Господня, одного из двенадцатых праздников Православного

календаря. Празднуется 6 (19) января в воспоминание о том, как Святой Дух снизошел на Христа во время Его Крещения в водах Иорданских. Во время праздника Крещения совершается Великое водосвятие, крещенская (богоявленская) вода обладает особенно целебными свойствами, а главное — предохраняет от действия нечистой силы.

«*Всякое ныне отложим житийское попечение...*» — слова Херувимской песни из Литургии св. Иоанна Златоуста.

Епитрахиль — широкая лента, надеваемая священником на шею во время совершения богослужения.

Эмпирия и Эмпирея... — ср. заглавие работы Флоренского 1904 года. Эмпирия — букв. нечто, данное в опыте, эмпирея — мифическое место пребывания богов в древнегреческой мифологии.

Иже херувимы... — начало Херувимской песни из Литургии св. Иоанна Златоуста: «Иже херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе...» В этом песнопении, которое звучит перед причащением, верующим предлагается оставить житейские помышления и уподобиться херувимам, которые находятся вблизи Бога.

...останусь среди оглашенных... — оглашенные — лица, готовые принять таинство Крещения, которым было проповедано слово Божие, но над которыми еще не совершен обряд крещения.

...какие-то мертвенные личности... умерших узрят... — возможно, здесь содержится намек на учение русского философа Н. Ф. Федорова о воскрешении мертвых. Подробнее об отношении Флоренского к учению Н. Ф. Федорова см. в переписке Флоренского с историком философии и издателем сочинений Федорова — В. А. Кожевниковым, в комментариях к которой среди прочего приводится следующее высказывание Флоренского: «Несомненно, что «Вселенское дело» создаст большую известность Федорову и... вульгаризирует его. По крайней мере, мне стало ясно, что они проектируют будущее воскрешение на почве естествознания, чуть ли не каким-либо химическим способом» (Вопросы философии. 1991. № 6. С. 139).

Зверь плывет из синева моря... — апокалиптический образ, появление которого из морской бездны предвещало конец света (Ап 13. 1).

Если кто соблазнит... — евангельские слова: «если кто соблазнит одного из малых сих...» (Лк 17. 2).

израиль высказал гадливость — бормотал «шикуц» и «тое-ва»... — шикунц, тоэва (др.-евр.) — слова-синонимы, означающие мерзость, нечистоту.

«*Яко вверена быша им словеса Божия*» — Римл 3. 2.

Когда увидите знаменья эти... бегите в горы вы... Лк 21. 21.

Хурджин — на востоке мешок или сума для поклажи.

Акафист — хвалебное песнопение в честь Иисуса Христа или Богородицы.

Post-carte'у с Васнецовской Богоматерью — открытки с изображением иконы В. М. Васнецова.

Золото и Лазурь — здесь под именем Феникса появляется Андрей Белый; о его сборнике стихов «Золото в лазури» подробнее см. в примечаниях к его переписке с Флоренским и в неоконченной рецензии Флоренского на этот сборник (Собр. соч. Т. 1. С. 695—700).

Они начали говорить вполне невразумительно... — воспроизводит евангельский эпизод сошествия Святого Духа на апостолов, во время которого они обрели дар понимать незнакомые им языки (Деян 2. 4, 23).

Пояснение музыкальных терминов (подготовлено С. З. Трубачевым)

Прелюдия — вступление. В полифонической музыке — часть, предшествующая фуге, объединенная с ней главной тональностью. Например, у Баха — 48 прелюдий и фуг, в современной музыке — цикл прелюдий и фуг Д. Шостаковича.

В музыке романтиков прелюдия — законченная форма, но возможно «мозаичное» объединение ряда прелюдий в единый цикл, конструктивно объединенных тональным сопоставлением. Например, Шопен — 24 прелюдии.

Тема с вариациями — циклическое музыкальное произведение, основанное на фактурном, ритмическом, полифоническом и тонально-контрастном видоизменении начальной темы. Мелодия и строение темы сохраняются неизменно в строгих вариациях или последовательно преобразуются в свободных вариациях. В полифонических вариациях (пассакалья) тема непременно сохраняется в басовом голосе (*basso ostinato*).

Фиоритура (итал. *fioritura* — букв. цветение) — виртуозное усложнение мелодии, придающее ей орнаментальный характер. Встречается в инструментальных концертах, в вокальной музыке (например, Алябьев «Соловей»), в оперных ариях, главным образом, XVII века (например, ария Царицы ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта»).

Форшлаг (нем. *Vorschlag* — букв. перед ударом) — в мелодии один или несколько коротких звуков, предшествующих основному, разнообразность мелизма. Обозначается мелкими длительностями над основной нотой.

Allegro (итал. — букв.: веселый, живой) — обозначение быстрого темпа. В сонатной форме — так называемое сонатное аллегро соответствует 1-й части сонатного цикла.

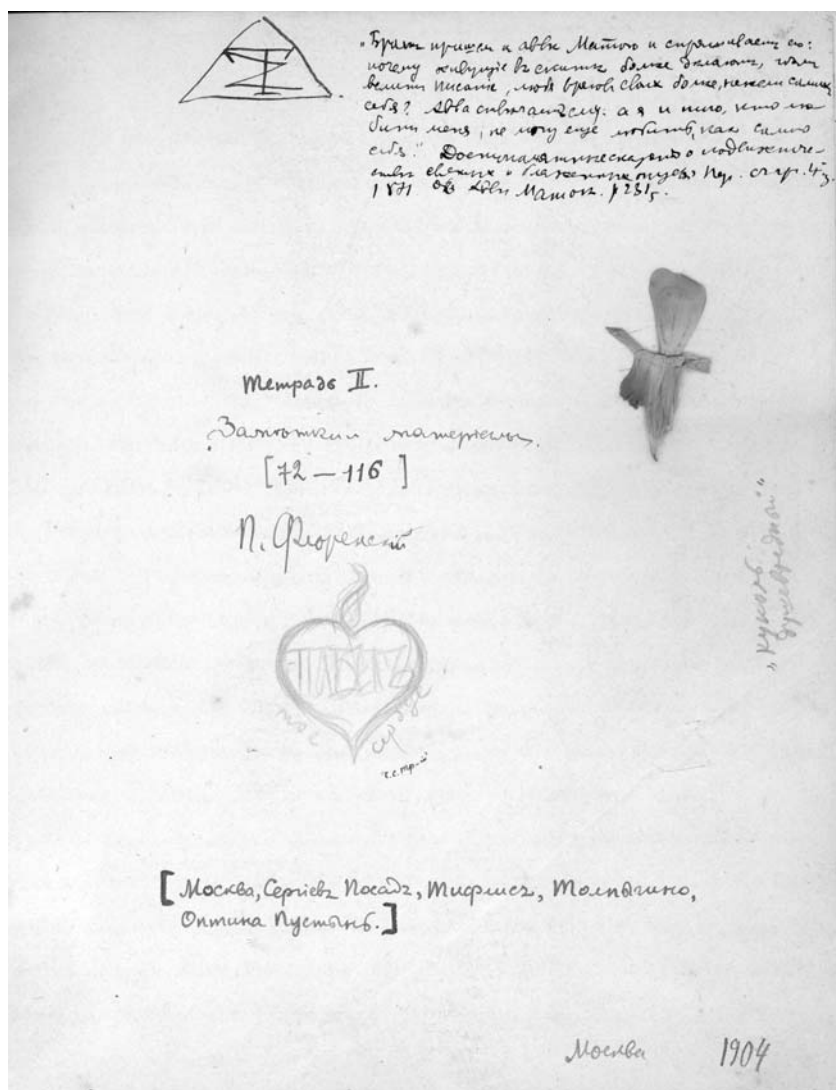
Presto agitato (итал.) — быстро, возбужденно, взволнованно.

Павел Флоренский

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ (1904—1905)

Записные тетради занимают особое место в наследии Флоренского. Подневные записи либо заметки личного характера в них встречаются довольно редко. В основном — это рабочие тетради, содержащие наброски к будущим статьям и фундаментальным работам, позволяющие составить представление о самом начальном периоде работы над ними. Эти наброски заносились в тетрадь в хронологическом порядке и имели сквозную нумерацию, позволявшую с помощью системы отсылок устанавливать связь между набросками. По мере их накопления происходило оформление общего замысла, на определенной стадии его созревания фрагменты соединялись между собой уже за пределами тетрадей, где возникали черновые редакции и процесс работы продолжался.

В настоящий момент в АФ выявлено 5 таких тетрадей, из которых мы публикуем в настоящем томе одну (вторую по нумерации Флоренского), относящуюся к 1904—1905 годам — времени наиболее тесного общения с символистами и поступления в Московскую духовную академию (осень 1904 года) и переезда в Сергиев Посад. Наброски, заносившиеся в тетрадь в период учебы в Академии, показывают, как постепенно менялись интересы Флоренского, возникали новые темы, связанные уже с академическими занятиями.

Титульный лист Записной тетради

Поскольку публикуемая Записная тетрадь вырывается из контекста предшествовавших и последующих, содержание которых пока не изучено, она не дает возможности полностью проследить трансформацию отдельных статей на всем протяжении. За пределами тетради остаются и некоторые неопубликованные работы, черновики которых сохранились в АФ, в частности, ранние математические сочинения, на которые в ряде случаев ссылается здесь Флоренский. Таким образом, восстановить сколько-нибудь полную творческую историю статей, наброски которых мы находим в Записной тетради, пока не представляется возможным: для этого требуется публикация всех промежуточных редакций.

Публикуемая Записная тетрадь 1904—1905 годов открывает нам пока достаточно изолированный отрезок творческих замыслов. В рамках темы «Флоренский и символисты» ее интерес заключается в том, что здесь представлены работы, создававшиеся в период сближения с символистами и предназначавшиеся для символистских изданий. Очевидно также, что часть этих набросков войдет позднее в примечания к будущей книге «Столп и утверждение Истины» (1914), что открывает важную страницу творческой истории этого основного дореволюционного сочинения Флоренского. Материалы Записной тетради показывают, что комментарий создавался и обдумывался раньше, чем был написан основной текст диссертации. Записная тетрадь восстанавливает также внутреннюю связь между отдельными работами Флоренского. Стремление связывать, — пользуясь толстовским словом, «сопрягать», — явления из разных сфер жизни было одним из краеугольных основ его мировоззрения, не случайно в качестве девиза к письму «София» в «Столпе» он взял латинское изречение «*Omnia conjungo*» (все соединяю).

Настоящая публикация — только первый, начальный этап изучения творческой истории ранних текстов Флоренского; дальнейшее изучение потребует привлечения черновых и беловых редакций, также сохранившихся в АФ. Понимание этого очевидного факта во многом определило стратегию комментирования Записных тетрадей: основную свою задачу мы видели в том, чтобы соотнести наброски с опубликованными работами Флоренского, в том числе — с примечаниями к книге «Столп и утверждение Истины», и в том, чтобы снабдить выписки возможно полными библиографическими отсылками к источникам. В ряде случаев именно библиографические ссылки помогают объединению от-

дельных фрагментов работ и восстановлению утраченных в ряде случаев связей между ними.

В работе с примечаниями Флоренского есть одна существенная трудность — те книги, которыми он свободно мог пользоваться в тифлисской библиотеке, в библиотеке Румянцевского музея (ныне — Российской государственной библиотеке), наконец, брать домой из библиотеки МДА в Сергиевом Посаде, сегодня во всех этих библиотеках отсутствуют, и никто не может ответить на простой вопрос — куда именно они исчезли. Теоретически считается, что библиотека МДА за исключением дубликатов вся влилась в состав основного книжного и журнального фонда РГБ, но проверить это, равно как и сверить использованные Флоренским источники *de visu*, в настоящий момент невозможно — основное хранилище библиотеки закрыто. Поэтому мы ограничились сверкой библиографических сведений по изданному КATALOGу библиотеки МДА и по каталогу РГБ.

Перевод греческих и латинских цитат выполнен О. С. Савельевой и Н. Е. Новиковым. При публикации был изъят фрагмент записей на древнееврейском языке, относящийся к начальному этапу изучения языка в стенах МДА и не представляющий большой содержательной ценности для темы данного сборника (он воспроизведен в виде картинок).

Тетрадь II

Заметки и материалы

(72—116)

«Брат пришел к авве Матою (?) и спрашивает его: почему живущие в ските более делают, чем велит Писание, любя врагов своих более нежели самих себя? Авва отвечает ему: а я и того, кто любит меня, не могу еще любить, как самого себя».

Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Пер. с греч. 4 изд. 1871. Об авве Матое. 1281 5 (?) или 231/5

П. Флоренский

Москва, Сергиев Посад, Тифлис. Толпыгино, Оптиная пустынь

Москва 1904

Отрывки ¹

72. 1) Они уехали (А. и С. ²) в деревню, на дачу. Была Святая неделя ³. Лес шумел. Стало холодно ⁴. А. простудился. Воспаление

легких победило последние силы. Источенный организм надломился. Они были далеко от жилых помещений. Провизии почти не было. Доктор за 40 верст. Как добыть его? Как оставить больного? Ведь они вдвоем, одни, совсем одни. Забушевали холодные весенние ветры. Захрипело в груди больного. Понял он, что круг, предначертанный Предвечною Волею, свершен. Было близко к рассвету. Но «Таинство... Священника... Какого хочешь священника», — Где же я его возьму. Не могу я оставить тебя. — «Слушай, С., исполни. Ты будь священником...» С. опешил. «Ты исповедуй. Ты соверши Евхаристию ⁵...» «Да я не знаю даже молитв...» — «Ничего не нужно. “Приимите. Ядите...” Все для пресуществления ⁶. Хлеб есть тут, вино тоже...» «Это не такой хлеб, кислый ⁷...» — «Ничего. Брат, не медли, соверши. Умоляю, сделай...» ⁸ С. опустил голову. Он дрожал, раскачивался. Побледнел. Он упал на колени, обнимая ноги больного, покрытые двумя порыжевшими пальто, которые только нашлись в пустых комнатах. Больной лежал на голом полу, в полузабытьи. Под головой его были книги, взятые для занятий. Прошло несколько минут. Больной очнулся и с тяжелым усилием и хрипом приподнялся с полу. «Скорее...», — прохрипел он и снова упал навзничь. Книги издали странный пустой звук, как картонные коробки. ...«Не могу, не смею совершить Евхаристии. Только исповедую», — прошептал с глубоким отчаянием С. Больной снова поднялся, но без особого усилия. Огонь пронесся по всему лицу его. Молитвенно подняв руки, сказал он, полный пророческого пафоса. «Брат! Сознаю, что ухожу. Сознаю исключительную важность момента. И вот я перед Христом говорю: если в этом грех, то беру на себя. Перед Христом говорю: на мне...» ⁹ Он делал последние усилия и оставался сидя. Пафос замирал, как бы переходя на С. ¹⁰ И он, исполнившись силы, встал с места, не сказав ни слова. Растерянность ушла. Сосредоточенность и серьезность, строгость вдруг увеличили его рост. Он наклонился над больным. «Во имя Отца...», — проговорил не своим, проникновенно-торжествующим голосом. Началась исповедь. «Отпускаются тебе грехи твои...», — и, дав приложиться к серебряному кресту, который он снял со своей шеи, он встал и торжественной ¹¹ походкой пошел к небольшому столику. Зазвенели ложки. Щелкнула пробка, вытасченная из бутылки. Знакомые звуки, обыденные. Теперь они были иными. Больной слышал сквозь банальное, хозяйственное, обрывки вечной мелодии. Лицо его начинало просветляться... Кусочек [хлебного] мякиша французской булки, несколько капель вина. Также торжественно.

Обыденное преображалось, засохшее оживало и наполнялось соком жизни. Пыльная серая перчатка была снята со знакомого. То, что казалось ранее кожей живого тела, вышло только покровом¹² ее. Стакан засверкал светом Вечного. «Приимите, ядите...», — и французская булка и скверное красное вино пресуществились. В стакане пречистое Тело и честная кровь Агнца, взявшего на Себя грех мира. «От них же первый есмь аз...» Порыв жуткой радости. Чайной искривленной ложкой поднес умирающему С. то, что есть самое ценное в мире. Почти не веря счастью¹³, приобщился умирающий. [Невыносимый блеск] Христова теплота охватил его. Он успел что-то сказать, но новый прилив восторга лишил его слова. Вдруг он, свободный и сильный, как бы победив болезнь, встал перед С., все еще державшим стакан с Пречистым Телом. Поднял руки в неизъяснимом трепете. Воскликнул громким голосом: «Благословенно все», — и вдруг упал подкошенный, обняв ноги С. Закричал петух за окном горласто. Торжествующе откликнулись ему вокруг птицы, и долго радостно-победно перекликались петухи... А. умер, обнимая дорогие ноги, С. остался один. — 18 марта 1904¹⁴.

73¹⁵. [Вчера вечером был у Андросовых¹⁶, прощаться. Зашел за Т. П. Алабиной¹⁷. Кроме нее, Сони и меня дома никого не было у Андросовых. Мы сидели за потухшим самоваром одни. Разговор обрывался, и все погружались в молчание, но оно не было тяжелым и гнетущим. Началось коллективное восприятие. Комната и все в ней неслись размеренным ходом в бесконечном пространстве. Мы едем куда-то, к определенной цели, вперед. Чувство ожидания: скоро, через какие-нибудь полчаса приедем совсем, окончательно. Несется поездом вселенная. Изредка легкие покачивания.

Такое чувство охватило разом всех нас троих. В один голос мы заговорили о том, что едем. Приедем ли? Вот вопрос для Алабиной... Я начал говорить разные разности о конце. Не знаю, но думать — думаю, гадаю, говорю о возможностях и о настроениях, как бы реализующих эти возможности. Вы знаете, спрашиваю: ведь мы, весь мир, несясь в пространстве, может быть подобно — изменяется, сжимается. Никак, никаким опытом этого не обнаружить. Качественно мир остается тем же, количественно делается иным, но последнего доказать или узнать мы решительно не в состоянии. Но в один момент, когда космос стянется в точку, делается сверхпространственным — наступит внезапное изменение, переворот. Когда мы подойдем к этой точке, вершине, конической связке мировых траекторий? Кто знает, — может быть сейчас, может быть через тысячи лет. Мы не знаем закона стяжения

и прохождения через критическую точку <многое?> поэтому совершенно неизвестно, ... <текст обрывается>

Потом шел с Т. П. по улице, провожая ее. Заговаривали в один голос об одном. Опять едем. Плышет под ногами почва... Все уходит далеко-далеко, делается маленьким, миниатюрным, как в выпуклом зеркале... Сразу заговорили о том, как иногда будто смотришь на все, и на тело со стороны, откуда-то сверху, и оно маленькое, жалкое. Руки маленькие, их не узнаешь, и все тело кажется какой-то игрушкой. ...]¹⁸

74. Мне рассказывал Б. Бугаев. В 1903 г. летом перед ним был как бы туман. Все было во мгле. Как будто уперся в стену. Каждый день ждал смерти. Не знал, что будет дальше. Страдал неизвестностью. Вдруг, быстро одна за другою духовному взору предстали три картины. Это было *vision mentale* *. Он видел самого себя в уменьшенном виде. Первая картина. Лет 30-ти он в нерешительности с козлиной бородкой. Не знает, что делать, далее ему 35 — он предпринимает какое-то решение, страшно решительное. Томится. Похудал. Сидит за столом с пером в руке. Третья — следствие предпринятого решения. Он, побитый камнями, лежит на площади. Кругом толпа...

Он написал об этом Петровскому и тот откликнулся <1 слово нрзб.>. Петровский видел сон. Ему предстал Архистратиг Михаил. Он держал в руках Евангелие и доску, истыканную гвоздями. «Это — сказал он, — Вам, — и передал Евангелие, — а это — Вашему товарищу», — и передал доску. Петровский удивился, т. к. думал для себя не об миссионерской деятельности, а о другом. Бугаев: чувство езды. Путешествие. Они компанией носясь над облаком. Взвился Бугаев винтом стремительно над облаком. Блок вскрикнул... — Иногда, когда далеко слишком залетают, что-то перерезывает пути. (Злые силы это. Опасно. Ой — как страшно) — [Подслушивали какое] Могли бы подглядеть какую-то телеграмму, которая шла тогда, да не знали, как взяться за нее. Потом объявлена война. Москва — естествен(но) центр движен(ия). Петербург умер мистически.

Р. С. Этот свой сон после рассказал мне и А. С. Петровский, но только явился ему не архистратиг, а *архиерей*¹⁹. Кажется, и Бугаев рассказывал то же, но я перепутал. — Петровский говорил, что видит значительные сны, в которых не ассоциации, в ночь под субботу (или под воскресенье? он точно не помнит), в определенные дни.

* Видение умственным взором (*франц.*).

75. Сон. (Рассказывал Петровский, Алексей Сергеевич. 2 апреля 1904).

Я (Петровский) смотрю на небо и вижу, что одно из ярких созвездий начинает странными и неправильными движениями метаться по небу. Оно увлекает мало помалу другие созвездия, все приходит в хаотическое движение. Но мало помалу оно устрояется, принимает порядок, и светила приобретают круговращательное движение. Оно ускоряется, светила перестают быть видимы и расплываются в светящийся туман, разлитый по всему небу. Он вращается. Ах! Вот теперь вращающаяся туманность у меня перед глазами, — говорю я; «посмотри, правильна ли теория Канта—Лапласа²⁰? Будут ли образовываться кольца и планеты». Смотрю на небо. Вижу, что кольца образуются, разрываются, образуют планеты со спутниками. «Значит, гипотеза верна...» ... Появляется вифлиемская звезда. Она кроваво красная (гранатово? или рубиново? мое примечание), шестиугольная и с большим хвостом, одним словом, как ей полагается быть, и сделана из сусального золота и бумаги. Я ей страшно рад. «Вот родился Христос!» Но приходит *кто-то* * и говорит: «напрасно радуетесь, она скоро потухнет». Действительно, она тухнет, воцаряется *«змеиный мрак»*; тьма идет пятнами, серыми комьями, перемешанными с более светлыми местами.

76. О. Стефан²¹ (рассказыв/ал/ Петровский) и мой собрат «был студентом СПб. университета, юристом, и “вроде как атеиста”. Однажды он шел с сестрой по улице и говорил на религиозную тему и заявил: если я поверю, то сойду с ума. И в самом деле, вскоре он сошел с ума, был настоящим сумасшедшим, буйствовал etc. Потом поступил в Академию в Москве, вышел, жил в монастырях, потом снова в Академию в СПб, но через 1/2 года вышел. Теперь уже принял монашество и закончил курс. Учится скверно, но много знает лично, из глубинного. Очень услужлив, кроток и добр. Убелен. Когда служит — а служить он очень любит, — то говорит — он как-то признавался, — что не знает, ходит ли на земле или в раю. Все цветы, деревья... Восторгается садом с деревьями в Лавре». Действительно хорошо. На бледной лазури (внизу налево) нежное переплетение, воздушное кружево веток и сучков. А

* Приходит гном. Он почти обыкновенного роста, и его можно узнать только по остроконечной голове и сутулой спине, в которую вдавлена голова. Глаза маленькие, серые, презрительные и злые (Примеч. П. А. Флоренского).

вся комната наполнена светом. О. Стефан все восторгается и оторваться от окна не может. Очень экспансивен, или молчит или захлебывается... «Отец ректор, позвольте слово сказать», — и приподымает руку, ставя плоскость ладони перпендикулярно груди и вертикально, и говорит, говорит о том, что послушание должно быть на любви основано, что всякого можно заставить полюбить себя и т. д. А потом извиняется. «Вы уж извините меня, окаянного. Так уж я думаю, да может быть не понимаю чего. Вы уж научите». И с поклонами. Кокетливо шалит, и в то же время это искренно. Хорошо, но... что-то сквозит не вполне нормальное. Или кажется так? О. ректор говорит. «Что это тот-то господин (N. N.), (его визави) монашество не принимает. Падите, дайте ему в бок». Отец Стефан: «Это в послушание», — и со смехом встает, походя к N. N. Тот сторонится. Отец Стефан ближе и ближе. Как будто шутка, смеется, и подходит все и что-то... лунатичное. Будто в гипнозе. Наконец, N. N. встает, о. Стефан за ним по комнате, будто ничего не видит, и смеется не без кокетливости. Наконец, ухватывает N. N., дает ему в бок, но этим он переворачивает столик с посудой. Что-то бьется. Столик посторонние по зову о. Стефана ловят и он не падает окончательно. Исполнив поручение, о. Стефан извиняется и т. д. и говорит, что это в послушание. А потом говорит, что <нрзб.> что, может, это не было дано в послушание. Мне невольно вспоминается его рассказ о том, как у одного старца был послушник, а у того — друг. Старец «дубасил» палками послушника, но тот только радовался. Когда друг его спрашивал о делах, он иногда с печалью говорил, что сегодня не получил ничего. А в иной раз торжествовал и указывал на синяки. Наконец, старец вогнал послушника в гроб. Приходит его друг и спрашивает о нем старца. А тот: «Я его убил нечаянно... Вон, он в гробу». Друг подходит и спрашивает: ты умер? — Из гроба: нет, потому что послушание никогда не прекращается. И вот, говорит о. Стефан, что же, что старец его в гроб вогнал. Зато ведь послушник получил чего хотел — удостоился венца, а этого и нужно было...

Начали бить в колокола. Мощные звуки. Бьют языками, обделанными в дерево и обмотанными, так что лязгу нету. А игра хороша. Запели у о. ректора ²² стекла. Особенно одно низким тоном вторило колоколам. Будто хаос рвался в окно. Так глухо и жутко. Другие стекла иными тонами. Иные звенели, иные пели высоко (странно). «Если мне разобьют когда-нибудь стекла, — гов(орит) о. ректор Евдоким, — то в Лавру счет представляю...»

...Бойкий академик-регент. Гладко, довольно дельно говорит, т. е. дельно в смысле толковости. В общем — вульгарно... «Смысл, поэзия, философия — в службе. Службу понимать нужно, а не как иные. Тут такая поэзия... Я думаю, о. ректор, надо перед службой толковать ее. Таково мое мнение... Думаю писать толковое²³ богослужение... Рясифоры²⁴...» О. ректор, просматривая греческий служебник: «Братцы мои, братцы мои... Да ведь это целое открытие Америки... Читает с горнего места²⁵. Ведь это древность такая. С тех пор, когда еще алтарной перегородки не было... Все диакон читал ...*μυστικῶς* *... бесовские начала (отвлеченности) ... Чего вы смеетесь (ко мне, притворно сердито...) Прочел статью... сделали дорогим... полюбил *мистически*... Братцы мои, братцы мои... Хорошо. Очень рад, очень рад... Да, очень рад... Введенский²⁶ etc...»

О. Стефан и сновиденья(м) верит.

77²⁷. Когда я был в Академии, то о. Стефан показывал мне в «Ризнице» (?) церковную утварь и, между прочим, большое Евангелие, переплетенное в малиновый бархат и украшенное золотом. Он держал Евангелие вертикально перед собою, потом медленно нагнул, поворачивая около горизонтальной оси, и убрал в шкаф. В этот же день ночью, перед засыпанием, когда перед глазами мелькали разные пятна, которые не складывались ни во что определенное, вдруг в виде маленькой картиночки (*vision mentale* **) явилось перед глазами резко очерченное Евангелие, о котором была речь, но в более уменьшенном виде. Оно постояло перед глазами, потом медленно повернулось и исчезло также внезапно, как и появилось. Опять пошли светлые полосы, хотящие сложиться во что-то, но не смогшие. 13 апреля 1903²⁸.

78. (см. 86) *Статья для «Весов»* (это написать по поводу какой-нибудь книги, каких-нибудь авантюрных мемуаров).

Статья, давно задуманная, о любви ко злу. Цинизм, *циничность* — первая ступень любви ко злу, начало *сатанизма*. Циник стыдится, ему еще больно, и именно потому он говорит цинично, что это ему и другим больно etc. (см. записную книжку²⁹). Сатанизм. Демон извращенности. (Но) Достоевский. Лиза Хохлакова (еврейский ребенок — ананасный компот)³⁰. Различие сатанизма и люциферизма. — Связь цинизма и романтизма с идеализмом.

Гейне (Путешествие в Италию)³¹

* Мистически (*греч.*).

** Видение умственным взором (*франц.*).

Барон de Retz ³²

«Элексир сатаны» Гофмана ³³

Психиатрия (садизм)

Glossarium Eroticum linguae latinae *. МС ССХХІІІ по каталогу тифлисск<ой> публ<ичной> библ<иотеки> ³⁴. V, 13, 9

Le Roux. Dictionnaire comique, satyrique, burlesque ** по кат. тифл. пуб. биб., V, 13, 9.

Смех; его причины; связь с цинизмом... Карикатура... (ее происхождение логическ<ое> ³⁵). Способ усиления у Каран-д'Аша ³⁶ и связь его с теорией вероятностей и цветоделительной фотографией Буренского. Случай с Рейвиллель (неудержимый смех) (?) В Америке («Новости дня» за осень 1903, вероятно, за *ноябрь*). Нечистота от смеха. Здоровость. «Извращенность» начало болезни в психиатричesk<ом> смысле. Априорная необходим<ость> известных особенностей нервной системы. Апостериорная ³⁷ связь. Розанов ³⁸... Пол... Связь цинизма с полом (?). Цинизм — начало сатанизма (Доказат<ельство> основано на религиозности циников...) Боккачио как начинающийся циник. Слова Буше к Флоберу. Цинизм и Пошлость; образцы последней. Остроумие. Примеры цинизма — Гейне (см. «Пут<ешествие> в Италию» о графе фон Платтене ³⁹).

Смех (см. «Вестн<ик> и библ<иотека> самообразования 1903 № 11. В. Мак-Дугалл. Теория смеха).

см. т. III Паскаль. «Мысли» XXIV—XXXIX ⁴⁰.

Достоевский. Т. III 75 ⁴¹

Фанатизм противоположен [по причинам возникновения] по сути своей циническому сатанизму; но результат [как бы] один (?), или подобен. Фанатизм — это гиперкомизм, буквализм; циническ<ий>/ сатанизм etc. — это антикомизм, беззаконность, точнее, противозаконность. И то, и другое от отсутствия живого Мерила, Единого универсального критерия, всеобщего Принципа, Нормы — Христа. В сознании Христовом (т. е. при сознании Христа) дается грань между сатанизмом и буквализмом. Он один устанавливает истинную перспективу в нормах. Фанатизм и цинизм — два полюса болезней, которые начинаются законническим фарисейством и циническим смехом.

...Топорков: «я так хочу...» Ницше — эмпирический, не тот, который велик, а тот, который известен, ибо существуют два Ниц-

* Эротический словарь латинского языка (лат.).

** *Le Rux*. Словарь комических, сатирических, бурлескных... (франц.).

ше: один — великий, мистичный, другой — известный, позитивистичный. — Здоровье есть Христос. Только сознающий Христа здоров. Все — больны. Мир болен. «Здоровье» в обычном смысле слова (т. е. среднее состояние, а не нормальное в смысле <нрзб>) есть, как это ни парадоксально звучит, одновременное боление всеми или многими болезнями равномерно. Если же кто заболевает одною болезнью, то он [именуется] переименовывается из «здорового» в «больного». Христос есть центр, уклоняясь от которого человек делается больным. Христос — жизненная сила, принцип здоровья. см. т. III 66 Паскаль XXV—XIII

Пример фанатизма — случай в Корее (лето 1903 г.), когда крестьянин зарезал сына и т. д.

79. *Video meliora proboque, deteriora sequor* *. Овидий, 7-ая книга Метаморфоз.

29 апреля 1905. см. 113. NB. Когда стану печатать сборник своих статей, то включить в него множество мелких заметок по математике etc. и главное, все цитаты сопровождать переводом. В тексте давать перевод, а под строкой подлинник.

Обдуманые и полубдуманые статьи и сочинения, имеющие быть написанными в возможно скором времени.

1) *Об эсхатологии* (аналитичность; об аналит<ических> функциях etc.) — Нов<ый> П<уть> ⁴²

2) *О прерывности* в психическом потоке и в явлениях сознания ⁴³ (отчасти см. 41) [лекции проф. Глаголева]

3) *О таинствах* и о мистическом изменении, эмпирически не воспринимаемом. Апологетика («Эмпирия и эмпирия») у Мережковского ⁴⁴

4) *Несколько теорем по теории групп* (почти готово)

5) *О сущности времени* (большое и мало обдуманное, по математике). Необратимые многообразия и Агрукентность.

6) *О любви ко злу*, цинизме и фанатизме (см. 78). Здоровье.

7) *О символах* (большое, по теории познания и др. отделах, где основываются на идее символа). Мифология etc. Для нашего журн<ала> ⁴⁵.

8) *Статья насчет «Золота в лазури»* А. Белого ([Большая] часть ее набросана, но не послана) «Весы» или «Нов<ый> п<уть>» ⁴⁶.

* Вижу лучшее и одобряю, но следуя худшему (лат.).

9) *Реабилитация «Ars magna»* Раймонда Люллия ⁴⁷. Применения. Классификация систем по «бесконечности» и т. д. Схемы и чертежи теорем. (см. также 20); намеки в статье «О символах бесконечности» на стр. 153; см. также друг(ие) схемы там же, схемы вообще. Связь с теор(ией) символов.

10) *Об актуальной бесконечности (готово)* Послано в Н(овый) П(уть). 1904, № 9 ⁴⁸.

11) *Перевод кантовской «физическ(ой) монадологии* (готов) ⁴⁹ [У Георгия Николаевича] См. 43. Лежит у П. В. Тихомирова ⁵⁰. К нему надо написать предисловие на тему о новых работах в физике.

12) Рассказ — (большой, в 4-х частях) — «Св. Владимир» («Петухи») («полемика» со спиритизмом; Соловьев) — Лиро-эпические отрывки ⁵¹.

13) «*Ступени*» — сборник стихов, расположенных по отделам в диалектич(еск)ом порядке: «С поверхности», — «Без Бога», — «Символы», — «Переходы», — «Апокалиптическое». Это ряд фотографий, характеризующих настроения в разные моменты религиозного развития. Собрать для себя лично ⁵².

14) «*О типах святости*» ⁵³ — сборник характеристик некоторых гениев *sub specie aeternitatis* **. (Ньютон, Фарадей, Спиноза, Бруно, Гете, Бетховен и др.) Это будет писаться долго, понемножку, т. к. требует больших подготовок для каждого отдела и страшного напряжения (огнистости). Ломоносов, Сковорода.

15) «*О кафарсисе*» — небольшая статейка — введение в будущую книгу «О катарсисе» — исследование понятий. Необходимость философского катарсиса.

16) *Об одной предпосылке мировоззрения* (готово) *lex continui* *** — Лейбница. В «Весах» 1904, № 9 ⁵⁴.

Статьи «О суеверии», затем 1), 2), 3), 10), 15), 16) и 17), 19) войдут в сказанную книжку о «Катарсисе», равно как 24)

17) О прерывности в явлениях биологии и истории

18) О прерывности в явлениях физики и механики

* Великое искусство (лат.).

** С точки зрения вечности (лат.).

*** Закон непрерывности (лат.).

19) Сочинение, реченое «о прерывности в геометрических образованиях» — 2-ю часть, трансцендентные кривые — обработать и переписать окончательно. Печатать ли? Лахтин ⁵⁵ советует, но, пожалуй, это излишне (1-ая часть готова).

20) «Несколько теорем о сетях» — готово — лежит у П. В. Преображенского ⁵⁶ для печати.

21) «Об аритмологии» (еле блистающий свет: еще пока почти ничего не мыслю определенно; к химии ⟨нрзб.⟩).

22) О суеверии. Т. III 130 II. Восстановить мою рукопись и исправить печатный текст («Нов(ый) путь» 1903, № 8) ⁵⁷. Дополнить фактическую часть. Вычеркнуть всю дребедень по теории познания, вставленную редакцией, и вставить свое, то, что было, но в развитом виде. Это войдет как одна из глав в сочинение «О катарсисе», кое-что отсюда в «теорию символов». Сделать дополнение о тенях 2. (См. Спенсер «Основания социологии» и Тейлора. Спенсер указыв(ает), что ghost — тень или привидение). См. на бумажке.

Еврейское значение слов «чудо, знамение» etc. (по Глаголеву справиться об источниках). О чудесах (не механической убедительности их в Евангелии: род маловерный и лукавый ищет знамений, но не «мог сотворить чуда» — почему?); после чудес насыщения хлебами требовали чуда — значит не убедились предыдущими... ⁵⁸

23) «Спиритизм, как антихристианство» («Нов(ый) Путь», 1904, № 3) исправить и восстановить мой разбор «Лестницы», там пропущенный ⁵⁹.

24) «Об иерархии» (Обработка заметок из моих тетрадей) или иначе «о видах и типах групп» «об идеалах групп» (заметка) ⁶⁰

25) (см. 3), 6), 24)) «Четыре беседы» ⁶¹

+1. «Эмпирия и эмпирия» (о таинствах и Христе)

2. «О закономерности и теократии»

3. «О любви ко злу», как причине, мешающей устройению теократии.

4. «Христос как абсолютная норма и здоровье; ничего невозможного, случайного (Вместе с з(лом) должно закипать любовью к Х/ристу/. Вся цель в этом. Иначе писать о зле вредно).

26) *Гамлет* (как тип религиозного кризиса). Характеристика. — Это будет переделка гимназической письменной работы «О Гамлете». В редакции «Весов» лежит ⁶².

27) Метафизика Оригена по его сочинению *περὶ ἀρχῶν* * (семестровое сочинение). У проф. А. И. Введенского ⁶³.

28) О терафимах (семестровое сочинение). У о. Иосифа ⁶⁴

29) Насколько историческая действительность соответствует произведению Flaubert'a «La tentation de Saint Antoine **». Бог(о-словский) Вест(ник) 1907 № 1 ⁶⁵.

30) (см. 27) «Личность Оригена ⁶⁶» (для «Весов») (отчасти см. в сп(иске) в 27))

31) О воскресении тела; спиритизм. Небольшая статья см. 70) к 124.

32) О Церкви и организации ⁶⁷.

33) Добавление к статье «Эмпирея и эмпирия». Об особых восприятиях при совершении Евхаристии в древности (легенды из житий святых). У Мережковского вместе с 25.

34) Кандидатское сочинение: «София Премудрость Божия» (т. I Метафизико-догматико-историко-иконографико-психологическое исследование; т. II. София в мире; математико-естественнонаучное натурфилософское исследование (см. <) ⁶⁸

35) к 34) приложение полулитературное. «Софийные» типы из литературы и личных знакомств. Характеристики и очерки. Отчасти см. 40) ⁶⁹

36) Проповедь на 195-ый псалом «Внегда возвратится Господь...» ⁷⁰

37) О дружбе и любви. Знание личности и о личности. Откровение личности. <нрзб.> etc. Идеальн(ые) причины. Дружба выше «любви» (эроса). Легенды из житий святых (лишь материал для рассказа). Отчасти см. 40) ⁷¹

38) Проповедь о Воскресении Христовом (сказана на 2-й день Пасхи) ⁷²

* «О началах» (греч.).

** Г. Флобер. Испытание святого Антония (франц.).

39) см. 20) 2-ая статья о *сетях*. Теоремы о сродстве *сетей*.

40) О типах возрастания (отчасти см. 37)

41) О возрастании типов — отчасти см. 2) Две статьи, связанные вместе ⁷³. См. также 37) из той же области.

42) Закон иллюзий

3 июля 1905 Тифлис

43) (см. 11) Ряд заметок и примечаний по физике и предисловие к «Физической монадологии» Канта (см. 11) — Написано и сдано в редакцию «Богословского Вестника» ⁷⁴.

44) Хрестоматия для крестьян из религиозной лирики. Составить ⁷⁵.

45) Напис(ать) небольшой реферат для философского кружка при Академии о Шеллинговой философии мифол/огии/ (по поводу издания книги о Канте см. далее 113) ⁷⁶.

46) Проповедь для толпыгинской Церкви на день Успения Пресв(ятой) Девы Марии (О смирении) ⁷⁷.

47) Проповедь на текст из I Кн(иги) Царств III—1

80. Москва 2 мая 1904

Кусочек из предисловия к книге «О типах святости» ⁷⁸

Грехопадение — введение Хаоса

«В доме Отца Моего обители многи суть» ⁷⁹

I. Множественность и различие

(Предполагаю, что ранее доказана недостаточность *одного* человека, одной индивидуальности для Богочеловеческого процесса, для образования Бого-человечества)...

Если идея Богочеловечества и идея «устроения» (от строй λόγος) Царства Божия *implicite* * включает в себе [отрицание] требование всего и невозможность ограничения этого всего одним — потому что один индивид, просто один, и не нуждается в устрое-

* Имплицитно (*лат.*), в скрытой форме.

нии; если действительно один [и внутренне один], если в нем нет *многого*, то нет и того, что может или нужно устраивать, нету хаотического обособления индивида ото всего, от другого, а под-индивидов, — тоже индивидов, составляющих содержание его, — эмпирических состояний сознания, в нем не имеется, ибо тогда бы он не был просто один, а уже имелась бы своя множественность, если, говорю я, для возможности и необходимости Царства Строя, — а таковое несомненно необходимо вследствие эмпирически данной множественности самоутверждающихся дробных частей (и вследствие отвлеченной необходимости появления последних) — то прежде всего мы можем требовать признания относительной ценности и законности множественности индивидуальных сознаний, как среды для воплощения Логоса. Но множественность уже предполагает различаемость множественного; [нужна уж группа] (всякая группа — то, что имеет множественность, может быть подведена под «категорию» численности (Anzahl *), а то и типа порядка (Ordnungstypus **) — «схемы различия» (Джеванс о числе ⁸⁰).

Если бы во множественности элементы были тождественны по всем свойствам, были бы абсолютно неразличимы по своей [идее] сущности (essentia), то они были бы и реально, по бытию (existentia), тождественны и неразличимы. Ведь единственный признак, который можно было бы (и то на *первый* взгляд, т. к. такие элементы должны быть и в ином различны — свойства связаны органически между собою и нельзя их менять произвольно) указать для различения нетождественных реально, но тождественных по идее. В понятии объектов есть различие во времени и пространстве. Но ведь этот — не говоря уже о том, что тут нужны всегда будут еще и другие признаки в силу связанности их — признак возможно указать именно в силу наличности в объектах различия свойств, заставляющих объект «находиться» — а, точнее, быть помещаемым в силу своего взаимодействия с другими, — в определенном месте пространства и в определенный момент времени, этом, а не другом. Я хочу сказать, что временно-пространственные различия, — буде таковые и были бы возможны независимо от всех иных различий, — не есть нечто условное, не касающееся объекта как такового, что перемещение тела не означа-

* Число (нем.).

** Тип порядка (нем.).

ет его *полной* инвариантности, что со временем все меняется, и не тем только, что стареет, ветшает, а тем, что находится во времени, eo ipso, quod in tempore est, quod temporaliter fit. Mutatio temporalis non est objecto ulla mutatio accidentalis, non τὸ ἔτερον est. Pariter de spatio, nam corpus movens suas *intimas* relationes ad cetera corpora transmutat, movetur et eo ipso mutatur; hoc est, ceterum empirice; at metaphysice dicendum est: corpus movetur quia objectum — substantiale substratum corporis — transmutatur, noc est intima relatio substrati antispatialis atque antetemporalis cum alicuius ceteris objectis novas formas accipit, nova momenta in se inclusit et *propterea* relationis objectorum *creatura*, forma externa relations realis — spatium et omnes determinationes spatiales transmutantur, transfigurantur; sub formali specie, sub specie mathematica dicimus coordinatas lineales substitutiones pati, «collineationem» fieri; verbo popolare, quotidiane hoc faenomenon appellamur «motus» corporis. Tandem dicem ut finiam, temporales atque spatiales determinationes *non relati*as esse puto, etiamque fidem non habeo [non possum quod] systema punctorum materialium «invarianter», ut dicunt, morens in spatio, restat invariants. Factum ipsum morendi me certiore facit de *aliqua* transmutatione intima, quod *veste* motus induitur; non aususerim, quidem, hanc mutationem mechanice, oculis mechanicis, ut dicam, posse percipi. Quomodo? — Nescio, sed scio mutationem existere, existere tempus atque spatium absolutum, ut determinationem existere, existere tempus atque spatium absolutum, ut determinationes spatio-temporales non relativae sunt, sed absolutae *.

* Следовательно то, что «существует» во времени, будет преходящим. Изменение преходящего не есть какое-то случайное изменение, но есть нечто другое. Сказанное можно отнести и к пространству. Ведь движущееся тело воздействует на другие тела и тем самым изменяется в процессе движения; это, впрочем, эмпирически, а метафизически следует сказать: тело движется, поскольку объект (предмет) — субстанциональная основа тела движется, и в этом заключаются внутренние отношения субстрата предпространственной и предвременной основы с другими объектами. Оно включает в себя новые изменения, и в силу возникающих взаимодействий между объектами внешние формы — пространство и все специальные детерминации — при реальном взаимодействии изменяются. С формальной точки зрения, с позиций математики, мы утверждаем, что линейные координаты заменяются и возникает «солинейность». На повседневном языке мы называем этот феномен «движение» тела. Наконец, я полагаю, что временные и пространственные детермина-

II. (без Христа) = позитивизм

После этого отступления возвращаюсь к своей теме. Я хотел пока выяснить, что множественность предполагает различие того, что множественно, т. к. без возможности различения оно не было бы и по бытию различимо, было бы одним, — $(A + A = A)$, — было бы пустое единство без того, что оно объединяет, было бы «единство ничего», которое само ничем не отличается от «ничто единства», т. е. отрицания единства. Следовательно, Царство Божие требует, как своего условия/различия в том, над чем оно будет царить; однако должно быть не просто множество, а множество объединяемое, а «потом» и объединенное, должно быть Целое. У данного множества должно быть единство. Но единство реальное, состоящее во взаимодействии элементов множества *друг на друга* — эмпирическое единство есть только «единство», единство в лапках, ибо оно на самом деле есть только выявленное обособление — стремление частей стать одним и вытеснить из бытия каждую другую (не различие, а обособление различающегося в качестве таковом), раскрывшаяся дробность. Поскольку я, как таковой, действую на другое «я» = метафизический субъект = монада, я противопоставляю себя этому другому, реально подчеркиваю отсутствие единства. Исходя из себя самого, субъект не может установить единство, он может только выявить наружу разность; но и абсолютная пассивность не устанавливает единства; она, буде была бы осуществима, только не выявляла дробности, которая есть, поскольку отсутствует единство, поскольку множество (Тварь), в себе взятое, есть только обособление самоутверждающихся частей. В самом деле, два субъекта *не* различные были бы *одним*, а не двумя соединенными; субъект, ставший неразличимым от другого, был бы, так сказать, утерян в экономии мирового процесса. Попробуем мысленно оставаться при себе. *Мы не можем установить из себя единства. В представлении мы полу-*

ции не относительны, я даже не уверен, что материальные объекты, перемещаясь в пространстве, остаются неизменными, как полагают некоторые. Сам факт движения свидетельствует о некотором внутреннем изменении, что и придает движению внешнюю форму, хотя я и не осмелился бы утверждать, что это изменение можно распознать механически, взглядом. Каким же образом? Не знаю, но знаю, что изменение существует, существует время и абсолютное пространство и что пространственно-временные детерминации не относительны, а абсолютны (*лат.*).

чаем сознание о наличии другого, о его отдельности от нас; самый акт *представления* (*Vorstellung*) есть обделение внутренних состояний в особый образ; но тут же оказывается, что только отдельности мы и знаем, потому что представление есть всего-то наш продукт, наша, моя, схема; вещь в себе — это только наше же предельное понятие, и вся теоретическая деятельность должна колебаться на пути от нашего представления до более или менее отвлеченного нашего понятия. Мы не можем знать, потому что наши символы и схемы делаются *не достигающей* цели, — объединения, — игрой. В области деятельности импульсом оказывается *наше* же, а не другое, мы действуем, направляя волю к себе же (эгоизм), и не будучи в состоянии выйти из себя. Опять при сознании наличия другого, мы не можем установить единства. Хаос остается хаосом, множественность просто множественностью, неустроенное — неустроенным. Желая устроиться *сами* (коллективно), мы устраиваемся *сами* (индивидуально), да и то не устраиваемся, а только [хоте] надеемся устроиться.

То же в области чувства.

III. (Логос и София)

Итак, нужно единство. Это единство не может быть данным во множественности, ибо она тогда была бы не *единым*, а *одним*; оно также не может быть установлено и из множественности ее элементами.

Единство должно быть, но должно быть не в самой множественности. То, в чем есть единство, однако должно как-то в себя эту множественность уже включать, и притом объединенной. Если бы Оно не включило множественности, а было бы *просто* единым, то оно бы оказалось только *одним* наряду с другими элементами множественности, Оно имеет в себе множественности. С другой стороны, оно не может быть только множественностью, т. к. тогда оно не было бы единым и, в силу тождества $A + A = A$, у нас была бы просто множественность, о которой мы говорили с самого начала. Это Единое, заключая в себя множественность, должно иметь ее уже объединенной. Тем самым оно есть не один из элементов множественности, одна из монад — а сверхмножественным, всеединым, универсальным Принципом.

Множественность должна быть реальна, самостоятельна и носить в себе различия. Тогда только, будучи объединена, она даст действительное полновзвучное, многообразное Единство (Богочеловечество). Но чтобы быть самостоятельной, она должна быть свободной и, в качестве таковой, элементы ее должны свободно подчиняться Единству или хаотическими взрывами самоутверждения действовать против него. Но с другой стороны, возможность и наличность такового самоутверждения нарушала бы Единство, долженствующее объединить множество, потому что ведь множественность заключается в единстве и уже объединена Им. Получается кажущееся противоречие: Единство, должно быть уже единством, так что в нем невозможно нарушение иерархического «порядка», строя; а с другой стороны множественность должна быть свободна и не должна быть связана насильно Единством. Значит, та множественность, которая связана от века Единством, и та, которая свободна в своем подчинении Ему или неподчинении, которую *еще* нужно объединять Единству — эти две Множественности различны. Ради краткости (быть может это и неверно) первую, уже объединенную Единством, мы станем называть Софией, вторую — Великой Матерью (Ахемофа ⁸¹ etc.). Но, устранив противоречие в термине «множественность», мы, по-видимому, уничтожим все сделанное ранее. Ведь Единство — Логос, объединившее от века Софию, [не есть] так что получилось Единство реализованное — Христос небесный. Это Единство Христос должен был объединить Великую Мать. Он же, объединяя Софию, по-видимому никак не относится к Великой Матери. Но это не так. [Чтобы]

Возвращаемся временно к старому. Элемент множественности Матери, — монада — не может из себя установить единства с другим. Великая Мать не может собраться во единого сама. Не будучи единым, она не может [в качестве единого] также от себя обратиться к Христу-Единству. [Единство Великой Матери] С другой стороны, элементы монады свободны и ничто не может их собрать против их самоутверждающей воли. Христос небесный потому не может против воли элементов объединить Великую Мать, как она сама не может обратиться ко Христу Небесному. Значит, элементы монады должны сами, от себя обращаться ко Христу небесному, к единству. Но в нем уже должна быть дана вся множественность, — иначе он не был бы Единством всего, полным единством, а был бы монадой — должен, значит, как-то быть дан и каждый элемент в [отдель(ности)] частности; однако он

должен быть дан там, чтобы 1. приходящий ко Христу элемент был свободен в своем прихождении и 2. чтобы, приходя ко Христу, он не вносил никакой [новой] прибавки ко множественности — Софии, ничего такого, чего бы там уже не [заключалось] содержалось; иначе Она не была бы *всею* множественностью. Раз так, то каждый элемент должен быть дан уже ранее во Христе, в Единстве, как *тип*, идея, «идеальная личность». Тогда, будучи реально и эмпирически совершенно свободной, монада-элемент, приходит ли она или не приходит ко Христу, не меняет Его множественности в ее идеальном содержании, не меняет Софии. Но чтобы это было так — София должна быть не множественностью чего угодно, а множественностью типов, объединяемых и, следовательно, внутренне, органически цельной системой типов, *организмом идеальных личностей*.

Следовательно, «уподобляясь» своей идее, воспринимая *свое* «*fiat*», монада, эмпирическ(ая) личность (в метафизическом смысле «личность») совпадает с соответственной частью Софии и тем приобщается сама Единству, а, стало быть, и Великую Мать вводит соответственно в Единство и Строй.

Богочеловеческий процесс заключается в восприятии [свое(⟨)] каждой монадой своего идеального («софийного») содержания — в [постоян(ном)] приобщении [тем] Великой Матери к Софии и тем в объединении Христом и в воплощении.

III. Типы святости

(после заглавия оставлено 11 незаполненных текстом страниц тетради)

Сверх-времяе

«...он полюбил туманное безвремяе...» (А. Белый)⁸². Не безвремяе, а сверх-времяе. Безвремяе — это значит смерть, потому что где нет времени, там нет и изменения, и жизни, и движения. Временность — внешнее обнаружение жизни, жизнедеятельности. Но временность и протяженность во времени, временная дробность живого духа — разное. Это смешивают. Растянутое время есть время, так сказ(ать), испорченное, лишенное своей идеальности. Подлинное время есть симптом подлинной

жизни, полноты. Однако переживания «состояния» не есть что-либо вполне связанное с целым; это — маленькие «его», маленькие эмпирические субъектики — начинающееся распадение личности, раздвоение и т. п. Как трансцендентальный субъект распадается на эмпирических, так же и эти последние — ее состояния и т. д. Да, собственно говоря, для этих «личных» (*persona*), для эмпирических субъектов у нас нет определенных граней. По самому существу дела эмпирический субъект, «середина между всем и ничем» (*Pascal*), какая-либо из ступеней от все-единства до все-дробности, от подлинной единой личности Богочеловечества (испорченной грехопадением, но мистически восстановленной к вос-соединению) к отрывочности, ассоциациям сонной грезы и полной раздробленности идиота (*amentia* *) **. Если стать всецело на точку зрения последнего, на точку зрения ассоциативной школы, то время — какое-то *μῆ ὄν*, бывающее, но никак не существующее, схема раздробленности духа. Отдельные состояния эгоистически самоутверждаются, как самоутверждающиеся эгоистические «личности» — «персоны». Нет полноты, полнозвучности; каждое хочет стать на место всецелостного единства. Каждое самоутверждается и исключается другим, чтобы последнее в свою очередь сменилось еще новым. Полнота будто осуществляется в вихре событий, в круговороте и «вечном возвращении». Но такое время — «образ вечности» — есть именно только образ, лживое и обманчивое изображение вечности — полноты. Такое время и есть то, что анализировали под именем времени психологи и философы — на самом деле, только отрицание времени. Это время лишь постольку время, поскольку оно допускает все-таки некоторое многообразие, поскольку события не вынуждают в нем вытягиваться в одну ниточку. Это — без-время, но не полное, а полным безвременьем была бы полная дробность, «бесконечная делимость». [нрзб]. Однако, когда приходит Христос, сознание делается менее дробным. Эмпирическ(ий) субъект ближе подходит к трансцендентальному, когда начинается полнота большая, тогда время начинает принимать в сознании более приличест-

* Безумие (*лат.*).

** «Я царь — я раб, я червь — я Бог» (Державин). Кстати: эту оду считают написанной под влиянием деизма; это, по моему, совсем неверно: на ней ясно влияние пантеистического мистицизма, и на это обстоятельство надо обратить внимание историку литературы (*Примеч. П. А. Флоренского*).

вующий вид, ближе подходит к подлинному времени. События стягиваются, переживания сходятся, звучат вместе. Мелодия есть растянутая гармония, гармония — сжатая во времени мелодия (см. Гельмгольц⁸³); но и во временном, точнее, в протяженно-временном — мелодии можно узнавать сверх-временный аккорд, могучий букет взрывающихся трепещущих тонов, звучащих вместе и [в то же] однако каждый индивидуально. Каждый для целого, он в нем мало заметен и все-таки не теряет своей самости. Это потому, что для гармонии нужно множество, для множества многообразие, для многообразия много-сущее, многие идеи, а разные идеи ни при каком единстве не сливаются в одну, а объединяются в одну. [Через мелоди(и)] Отдельно-звучащие звуки, тоны; потом — мелодия; а через [мело(дию)] арпеджио⁸⁴ к гармонии. Эмпирический звук в его природной действительности — первая стадия, — есть только разрозненные звуки; вся «логизация» действительности — мелодия; быть может, мы теперь в периоде арпеджио. Когда же грянет многоголосый хор — единый аккорд. «Времени больше не будет»⁸⁵ — но не будет не в смысле лишения смены, а в смысле отсутствия дробности, ибо смена и дробность вовсе не связаны между собою необходимыми связями (ср. «геометрическое движение», «диалектическое развитие»). Время стянется в одну точку, ибо «у Господа тысяща лет, как день единый»⁸⁶. Если бы времени вовсе не было, если бы было *туманное без-время*, а не светлое солнечное сверх-время, лучистое сверх-время, то как же: «идеже нет болезни, печали и воздыхания, но *жизнь бесконечная*»⁸⁷, ибо без времени нет жизни, а тем более бесконечной. Симптом бесконечной Жизни — бесконечное время, полное время, [полная] схема полной многозвучной деятельности.

Итак, не без-время, а сверх-время.

10 мая 1904, Петровско-Разумовское⁸⁸

82. 23 мая 1904, Петровско-Разумовское

ГЕНИИ И ПРОЧ.

Ирония судьбы? Справедливость? Насмешка?

Одни пишут и говорят потому, что умеют и привыкли, хотя им нечего сказать, и несмотря на отсутствие в них провиденциализ-

ма — взгляда на писания, как на vates. Другие пишут и говорят потому, что имеют сознание писательского долга и у них есть что сказать, хотя не умеют, и несмотря на то, что не привыкли. В одном случае техника без вдохновения, во втором — вдохновение без техники.

Ирония судьбы? Справедливость? Насмешка?

Но я не признаю ведь иронии судьбы, а тем более ее насмешек. Так справедливость? — но справедливость не может быть регулятором мирового процесса. Справедливость есть нечто статическое, «логическое». Мировой процесс требует благодати, — динамического, «диалектического». Справедливость есть постоянное; благодать — возрастающее, как процесс, идущий вперед. Гений достигает результата деятельности и становится ненужным. Это очень часто. Он нужен, пока не дозрели его умение, его навык к творчеству; когда же он победил технику, то он — уже не живет в целом, он — отсохший сук, опавшая чешуя — падающий желтый лист. Да, падающий лист, который сверкает золотом и багрянится пурпуром закатов — он прекрасен, но он уже не на дереве, он умирает. На это указывал Гёте («Разговоры с Гете, записан(ные) Эккерманом». Т. II. р. 70 и т. III. 35⁸⁹) — недоконченное произведение *in statu nascendi* * действует особенно интенсивно на сознание «общества»? Только развивающееся живо? Не то же и с мыслями?

Импрессионизм в разговоре, некоторые неточности в поэзии (А. Белый) придают им особую глубинность — символическую перспективность. Не так же ли гений? Он сам — символ некоторой идеи — части содержания Софии. Выражая ее, он должен подчиняться законам символа, должен не быть слишком «точным» — слишком пунктуально выполнять символизацию. Иначе получается сухость — затемнение.

Это правильное слово «сухость»: в ригоризме, в «совершенстве» машинной работы именно *сочности* нету — как нету ее во многих (моих нету) стихах. У А. Белого «сочность» такая, что хоть выжимай сок. Не то же ли — «прилизанность» картин, точность (отсутствие «легкости») контуров у неумелого рисовальщика: все видно, детали.

* В момент возникновения (*лат.*).

Ручной венецианской работы стеклянная посуда — неуклюжая несколько, неровная и машинная работа «по циркулю»! Чувствуешь разницу? То-то. Разницу между св. Франциском Ассизским и «настоящим» святым, чувствуешь? Разницу между [нрзб.] и собою чувствуешь? А между ландышем и имморталями?

Бальмонт дошел до полного владения стихом и, кажется, стал уже ненужным. Я говорил об этом А. Белому. Он не соглашался, а потом сам написал статью, в которой «устроил Бальмонту торжественные похороны» (его слова) (см. «Весы» № 3 1904 ⁹⁰). Недаром Бальмонт понял, в чем дело, и обиделся.

Преосв. Антоний Флоренсов ⁹¹. Легкость. Изящество. Грация есть выражение этой легкости. Грациозно то, что стало нетрудно.

83. 12 июня 1904 Тифлис.

О СИМВОЛИЗМЕ

(Набросок планов для работы)

I. Анализ сознания

II. Познание как акт создания. Единство функций создающих и их многообразности. Представления. (см. т. II 178: объективность истины)

.....

Дедукция и оправдание законов символов. 1) Универсальность символов, указывающая на внутренние связи символизируемого и символизирующего. Закон соответствия. Доказательство а-приорное и фактическое. Составление словаря соответствий на основании символики соответствий в песнях, в сказках и т. д., Сведенборг ⁹² и т. д., литературных произведений, из строения слова.

2) Консервативность символов, перманентно (текст недописан)

3) Закон постоянства символов, т. е. нормативные правила при создании «новых» символов. *Symbola crescent. Principium perma-*

nentiae nihil aliud est, quam lex, quam sequuntur crescentia symbola. Haec lex postulat primum ut crescantur [novum symbolum] nova symbola exelementis, quae antea fuerunt, sed dispersa, non in unitate, extra jam natam unitatem; secundum, ut haec symbola nova talibus definitionibus [data atque formata] darentur atque formarentur, ut novae definitiones, latiores, possint protendi super vetera eticus, quam super nova symbola. Hoc modo potest unitas per novas definitiones constructivas;

Tertium, ut symbola vetera atque haec, quae ex definitionibus novis, lacioribus extant atque resultant per supersicionem novarum notarum super symbola creata, formaliter eadem sint; hoc est: haec illaque in omnes partes, ex quibus *vetera* definita erant ante novam creationem, congruere debent atque per vetera definitiones non distinguere, cum in alias partes, quae Sunt fortasse in noviora symbola, sed absunt in vetera, possint non esse aequales.

Propter haec tria momenta Legis o novam materiam formantes, dispersa elementa in symbolum collegentes; symbola nova ordine extruit informitatem spiritus; 2o praecedentem operam non frustram finimus, nam ullo modo includitur atque illa in novioreм vitam ecclesiae, hoc est conservamus traditionem cum illis, qui ante nos fuerunt, sed idola non ficimus et conservantes progredium, quam ob rem conservatores progredientas conservantes sumus. 3o possimus in quovis momento temporis ad pracendes gradus essendi ecclesiaris revenire sine aliqua ruptio nivissimis gradibus. Aliis verbis: (non tolimus), non caremus potestatis alia genera, praecedentia, *realiter* [comprendre] понимать *. Ведь мы не только воспользовались *прежним*, как

* Символы рождаются. Принцип постоянства для них есть не что иное как закон, которому подчиняются возникающие символы. Этот закон утверждает прежде всего, что новые символы создаются из элементов, которые прежде существовали, но в рассеянном виде, за пределами существующего единства. Во-вторых, эти символы становятся и формируются в качестве новых, более широких дефиниций, чтобы эти дефиниции могли развиваться на основе старых, в качестве новых символов. Таким образом единство может <создаваться на основе> новых дефиниций.

В-третьих. Новые символы, которые возникли на основе широких дефиниций, заменяют старые, привнося новое содержание, но формально они есть одно и то же. И те, и другие во всех своих частях состоят из прежних дефиниций, которые группируются между собой,

материалом, который перестал существовать в своей особой форме в дальнейших ступенях развития, нет, он всегда сохраняет в возможности свою форму и в новом. Чтобы понять старые символы, как старые, надо только применить закон постоянства в обратном порядке. Тогда, совершенно *не* разрывая с [предыдущим] «последним», мы вернемся к промежуточным стадиям и действительно поймем их. Мы не снисходим до них, как снисходит ученый до воззрений дикаря, а мы просто можем временно *воспринять* и мыслить так, как нужно было воспринимать предшествующим поколениям. Мы можем видеть недостаточность, малое удобство, неэкономичность точки зрения, но не скажем, что она ложна.

«О людских нарядах с точки зрения естествознания» В. Маршала. «Естествознание и география» 1898 № 3, № 4 ⁹³.

84. (см. 81) Тифлис 22 июня 1904

О ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕННОМ

Некоторые элементы, непосредственно усматриваемые в сознании, не могут давать сложного элемента, т. е., другими словами, не могут быть апперципируемы единым актом сознания, а апперципируются актами разными. Это мы обозначаем как невозможность появления их в сознании «вместе» или «единовременно», как невозможности «сосуществования» элементов. Наоборот, элементы могущие быть апперципируемы единым актом,

хотя новые символы должны походить на прежние и от них не отличаться, те части новых символов, которые отсутствуют в старых, могут не быть тождественны.

Закон (включает) три момента: 1). формируя новые объекты, собирая разбросанные элементы в символ, новый символ, как правило, создает бесформенный дух; 2). предшествующий этап совершается не напрасно, так как в результате (новый символ) включается в новую жизнь церкви, т. е. мы сохраняем традицию или преемственность с теми, кто были прежде нас, но не создаем при этом идолов и двигаемся вперед, сохраняя традиции и (благодаря им) сохраняемся сами. 3). мы можем в определенный момент вернуться к предыдущим ступеням существования церкви без разрушения более новых ступеней, другими словами, мы не лишаемся способности реально понимать то, что предшествовало нам (*лат.*).

дадут некоторое сложное представление; они — сосуществуют или единовременны, одновременны.

Если элементы не сосуществующие, не единовременные, то акты сознания, [их] дающие [возможность] апперцепирование этих элементов, носят в себе специфические черты, отличающие один акт от другого. Эта специфичность актов сказывается в невозможности *данным* актом вызвать в сознании [любой] — апперцепировать любой из элементов; данный акт вызывает определенный элемент. А т. к. акт есть акт и не может не быть, если уже есть, то вследствие этого группа, совокупность актов вызывает группу апперцепируемых элементов в сознании, и последняя группа — группой, т. е. некоторым единством она делается вследствие единства соответственных актов, каковое результирует из [самосознания] положения группы взаимоисключающих актов, как одного, одним высшим актом несет в себе, т. е. в совокупности элементов, как совокупности, специфические черты, отличающие эту группу, как [реальную] действительную от всякой другой «такой же», т. е. из тех же элементов состоящей, но только возможной. Признаки, отличающие [реальную] действительную группу от «такой же» недействительной, но только возможной, взятые в их совокупности, мы называем *порядком* группы. Следовательно, порядок группы взаимоисключающих элементов или, что то же, порядок вызывающих их и взаимно исключающих актов есть то, что отличает группу этих элементов или актов, как пережитую от группы тех же элементов, как возможность быть пережитой. Это есть то, что обычно зовется временным расположением элементов. Все сказанное показывает, что сознание обладает возможностью производить акты взаимоисключающие и т. к. они не могут быть произведены в одном и том же отношении, то должны производиться в разных отношениях — в отношении к разным содержаниям апперцепции, т. е. *разным* элементам. В силу этой возможности, имеющейся в сознании и без производимых взаимоисключающих актов не имеющей для сознания никакой действительности, эту реальную возможность — или способность; это точнее, т. к. самосознание может развернуть эту возможность и переводить актами в действительность (см. Слов(арь) русск(их) синонимов р. 368) — эту реальную, но не действительную способность давать группам элементов определенный временной порядок мы называем присущей сознанию формой созерцания времени; для краткости можно назвать ее трансценден-

тальное или субъективное время, т. е. время, присущее познающему (трансцендентальному?) субъекту. Итак, оно — реально, но не действительно.

Итак, *способность познающего сознания* приводить элементы во временный порядок есть трансцендентальн(ое) или субъективн(ое) время. [Но каждый по(знающий)] Но всякий акт сознания подразумевает при себе вопрос, что же создается сознанием в силу этого акта. Акт сознания, устанавливающий ряд взаимоисключающих моментов в себе (это то, что мы ранее называли просто актами) и тем устанавливающий порядок в апперцепировании, подразумевает вопрос о «что?» Что же это такое то, что является «что» для сознания порядка. Это — сам порядок. Итак, в апперцепируемых элементах есть временный порядок, как это было разъяснено выше. В силу этого действительная группа элементов существенно разнится от всякой другой, возможной; другими словами, данный порядок *действительной* группы не может быть заменен иным порядком. Группа элементов получает название *процессии или ряда элементов — процесса*.

Делая отвлечение от особенностей элементов, как таковых, и сохраняя особенность процесса, мы получаем общую схему — *схему процесса*.

Эта схема носит название объективного или трансцендентального *времени*, в котором совершается процесс. Если субъективное время реально, но не действительно без его применения к процессу, без его действия на элементы, то время объективное [не реально, но] действительно, но не реально, ибо без процесса его не существует в объективной действительности, но оно все-таки действительно для сознания *мыслится* им в качестве понятия.

(на странице пропущено несколько строк)

Укажем некоторые основные характеристики времени субъективного и времени объективного.

(пропущено еще две строки)

+

1 декабря 1905. Сверхвременное развитие. Моменты его разнятся между собою так же, как первое, второе и третье «святы» в

Трисвятой песни Херувимов. И она тоже сверхвременна, однако в ней имеются *три* «свят»: «свят», «свят», «свят», т. е. одно от другого чем-то отлично, ибо счисляемость требует различия, а число есть схема объединенного множества. «Свят, свят, свят» есть диалектически развивающееся их скопление, *последовательно*, диалектически переводящее мистическое восприятие на три Ипостаси Св. Троицы — см. 1 (С. С. Троицкий) ⁹⁴

см. Т. II 167 Маркосиане ⁹⁵

85. Тифлис. В. Эрн написал рассказ по вопросу о святости и не святости в *теле* — «Легенду». Ход рассуждения, — именно рассуждения, и я после объясню, почему это так, в следующем: 1-ая половина рассуждения; понятия смешаны, мировоззрения разделены через «или — или»; 2-ая половина — понятия разделены, мировоззрения соединены через «и — и». В первой половине язычество в лице своего представителя, некоего философа и ритор, указывает на существование двух мировоззрений. Первое из них основывается на том, что нечто есть в телесном святое, и отсюда, вследствие некоторой [разделеннос(ти)] смешанности понятий, делает заключение к святости *всего*. Второе, наоборот, исходя из частных фактов существования чего-то греховного и нечистого в теле, заключает к греховности всего. Итак, первое говорит: нечто свято, стало быть и все; второе говорит: нечто не свято, стало быть и все. Но в этом «нечто» и заключается смешение понятий, ведущее к такому разделению через «или — или» двух противоположных мировоззрений, второе из которых сей философ принимает за христианство, а первое — за языческое мировоззрение.

Во 2-й части рассуждения показывается, что христианство не есть один из рогов сказанной дилеммы, что оно выше дилеммы и вместо разделяющего «или — или» ставит соединяющее «и — и». Необходимо произвести разделение понятий. «Нечто» (святое) и «нечто» (грешное) есть вещи разные. Первое — та Богом созданная потенция телесности или телесность, которая проявляется в виде функций «тела». Вторая — функции и выявления этой телесности в эмпирическом. Чистая первооснова телесности, погружая в эмпирическое, стараясь выявиться, по какому-то роковому закону создает злые результаты, грязь, грех, а она в себе свята и чиста. Правы язычники, говоря, что есть нечто святое в теле; правы те отвлеченные аскеты, которые утверждают, что есть нечто греховное в проявлениях тела. Но неправы язычники, рас-

пространя святость и на проявления тела греховные; неправы отвлеченные аскеты, видя только греховное, не замечая святости чего-то в теле. В силу такой двойной правоты и двойной неправоты первых двух мировоззрений язычества и отвлеченного аскетизма, христианство подымается над ними, снимает «или — или», или то мировоззрение, или другое, заменяет их через «и — и», как бы стерев «ли — ли»? и тем совершает соединение мировоззрений. Такова общая мысль этого рассказа; что же касается до произведения самого, имеющего притязание на художественность, то его справедливо назвать *шифрованной мыслью*, потому что все, долженствующее изображать конкретное, заимствовано напрокат из произведений других и является не само по себе, а только шифром, значком алгебраическим другого, нравственного etc. Произведение само по себе не воспринимается, а ум невольно начинает расшифровывать его содержание. Никаких образов не возникает. Описания чисто аналитические, перечисляющие признаки, но не синтезирующие их в единое; описания вроде научных. Хотя произведение написано искренно, но *само* оно — фальшиво.

86. Тифлис.

О любви ко злу и цинизме (Штрихи)

Гадости из любви к искусству ... Салтыков. Когда-то прошипел Салтыков (где-то)... <фраза обрывается> De-la-Grasserie ⁹⁶ (см. Т. III)

Нормальный тип. Христос, как норма, без которой невозможно (Достоевский. См. также «материалы» для его биографии). Мирогражданство. Определение наилучшего у Гюйо ⁹⁷. Исполнение обязанностей к Богу.

Обязанность к Богу (по мистическим) писат(елям))

Обязанность к людям (к «неучам»)

(Бизе. Чувство природы ⁹⁸), Исаак Сириянин ⁹⁹ и друг.

Обязанности к животным и растениям (см. De la Grasserie и Мицкевич). Обязанности к «земле» и всему остальному.

Уклонение от нормального типа в обязанности к 1) Богу, 2) людям, 3) животным, 4) растениям 5) «неодушевленному миру».

извращенности — американцы на Филиппинах в 1903 году (по газетам). Мальтийские рыцари; шивайты ¹⁰⁰

Иоанн Грозный — Правда ли что он был одно время канонизирован? ¹⁰¹ Особенно у Антокольского ¹⁰².

Мефистофель по Паульсену ¹⁰³. Калибан (ср. у Ренана) ¹⁰⁴

Байронизм и Люциферизм (см. Шахова) ¹⁰⁵. Антииерархизм.

Анархизм (см. Крапоткина «Лекции об анархизме»¹⁰⁶ и др. по этому вопросу) как крайнее последствие социалистических воззрений.

non religieux (не-религиозный) и irreligious ou impre (нерелигиозный или безбожный). Различие *μή* и *οὐ* (по Шеллингу). *μή* — реальное отсутствие, т. е. данность in potentia*; *οὐ* — абстрактное логическое отрицание, которое реально сказывается, как сила исключающая, борющаяся с тем, что отрицается.

Виды отрицаний в различных языках (см. Bonnitiete). В греческ⟨ом⟩ *μή*, *οὐ*, *ἀ*, *μᾶ*; в латинск⟨ом⟩ a, in, de, non, ex

Нормы: Достоевский (Т. III—75);

Пример жестокости: Тит Андроник (у Шекспира). О нем см.: Г. Гейне (Собр.соч. изд. Маркса Т. III р. 542 «Лавиния» в «Женщ⟨ины⟩ и девушки Шекспира), у Брандеса¹⁰⁷.

«Был ли Адам сотворен совершенным (*τέλειος*) или несовершенным (*ἀτελής*)? спрашивает Климент Александрийский (Stromat¹⁰⁸. VI—XII см. Denis. De la Philosophie d'Origene¹⁰⁹ р. 147). Если он был сотворен несовершенным, то как несовершенное творение могло выйти из рук Бога совершенного? Если же он был сотворен совершенным, то как нарушил он заповеди? Мы или ответим, что Адам не был сотворен совершенным (*τέλειος*), но способным достигнуть совершенства (*πρὸς δὲ τὸ ἀναδέξασθαι τὴν ἀρετὴν ἐπιτήδειος*)». «Одно дело, говорит Denis, способность (aptitude) к благу, другое дело — обладание благом или добродетелью» (р. 147).

Христос. См. у Гейки (?) «Жизнь и учение Христа» (пер. св⟨ященника⟩ Фивейского)¹¹⁰. — Преодоление розановщины¹¹¹ (баализма и ашеризма). Христос, как последний Таммуз; Богородица как последняя Ашера — новая Царица Небесная (и та тоже «Царица Небесная»), преодолевшая потенцию ⟨⟩, потенцию нецеломудрия, потенцию «рождения», наследственности. Христос подсек мифологический процесс.

Можно ли человека заставить верить при помощи доказательств? — Этот вопрос мне часто предлагают.

Можно убедить человека не-верующего, можно доказать необходимость веры человеку, не желающему верить, но что *поделить с человеком, который желает не верить?* Он хочет не верить и, значит, подействовать нужно [на него] непосредственно на его волю. 23 марта 1905.

* В потенции (лат.).

3 апреля 1905, 1 час ночи.

То, что поражает в Христе, это не чудеса и даже не столько святая жизнь, сколько то, что он никогда не ошибался. Ни одно из слов Его не стало «устаревшим» с успехами науки и т. п., хотя многое не понятно в свете науки. Все, что Он говорит, остается безусловно ценным и сейчас, но важно не столько это, как то, что в Его словах нет зерна и мякины, а есть одно только зерно; как выражается Оскар Уальд (Дневник; «Весы» № 3, 1905)¹¹². Ходишь по саду, засаженному лилиями. Всякого обличает история и время, но не Христа. Он — надвременен и сверхисторичен.

22 апреля 1904, Тифлис

Христос не делал насилия ни над кем, даже благодетения оказывал (как отметил это С. Троицкий), спрашивая на то позволения: «хочешь ли исцелиться?» Это — полное уважение к личности. Он не навязывал Своей мудрости — мудрости Божественной. Он не требовал: делай так-то и так-то, но говорил условно. «Если ты доволен своим положением, если ты имеешь полноту мира, если ты счастлив, то поступай, как поступаешь, делай, что знаешь. Но если ты несчастен, если тебя томит жажда духовная, приди ко Мне, труждающийся и обремененный, и Я напою тебя водою, после которой ты не будешь жаждать вовек. Если ты уже недоволен своим положением, то ты ничем не рискуешь испытать то, что Я со своей стороны предложу тебе. Если ты не удовлетворишься — уходи по своему пути. Но Я знаю, что у Меня ты найдешь успокоение измученной душе своей; приди же ко Мне, возьми иго Мое и бремя Мое, потому что иго Мое — благо, и бремя Мое легко. И у Меня ты найдешь успокоение».

Так говорил Христос, но не привязывался с требованием: ты должен, ты обязан, ты не можешь не сделать так. Наоборот, Он всегда как бы говорил: «Ты — вполне свободен. Ты можешь остаться на своем, и Я вовсе не перестану любить тебя. Только помни: если ты почувствуешь острый приступ неудовлетворенности, то [вспом] попробуй прийти ко Мне; помни, что у тебя всегда есть плечо, на которое ты сможешь опереться, как бы ты ни изгадился, есть брат, который обнимет тебя всякого, скверного, с еще большею радостью, чем не скверного, потому что скверный более нуждается в нем. Помни, что как бы ты ни оскорбил Бога, у тебя есть Примиритель. А теперь иди своим путем, Я же иду своим, потому что ты — от мира и не понял еще, что значит «не от мира», а Я — не от мира. Иди, и знай, что Я не [желаю] приверженец и учеников желаю Себе, не апостолов, а желаю только каждому всей

полноты блага. Иди же и знай, что Я всегда продолжаю любить тебя и думать о тебе». И грустный небесною грустью Христос «ходил среди лилий», хотя крутом Его шумели крикливые партии, шегутились¹¹³ и толпились те, которым дела нет до «миров иных»...

29 июля 1905, Сергиев Посад. Нет предела падению, как нет предела ужасам и уродливостям. Тут усматривается связь статьи «О любви ко злу» со статьей «О типах возрастания» и о «Возрастании типов». Относительно того же см. у Достоевского (и Лоджа) [т. III, 52 и 169]. Для каждого падения может быть найдено еще большее. И, какие бы ужасы мы не придумывали, всегда действительность может явить нечто еще более ужасное. В виде примера показать, что ужасы По и друг(их) по сравнению с действительностью (например, история мистических преследований Бориса Николаевича Бугаева Валерием Яковлевичем Брюсовым)¹¹⁴ etc.

++

18 августа 1905, Толпыгино. Цинизм — бесстыдство. «Бесстыжие глаза» — циничные глаза, наглые глаза. Цинизм — наглость в отношении к себе и к другим, желание оскорбить стыдливость свою и своих соседей. — Грубое выражение само по себе не заставляет стыдиться, не оскорбляет; оно только смущает и бывает неприятно. Циничное же — оскорбляет

+

«Вытащил что-то из глаз...» 18 октября 1905, Сергиев Посад.

87 (см. 80) Тифлис 2 августа 1904

МНОЖЕСТВО И ЕДИНСТВО

Когда меня спрашивают об индивидуальном бессмертии и указывают на отсутствие и в то же время единства, то я отвечаю, что в царствие Божием есть Единство — Богочеловечество с центром сознания Христом; но это Единство не исключает самостоятельности органов, элементов единства и не исключает их собственного сознания о себе и о единстве. Каждая частица есть дух, т. е. живое существо, мыслящее и сознающее свою мысль etc. Но это не исключает возможности высшего Единства, и перед Ним всякая часть *теряется*; она не перестанет существовать, но вследствие сознания важности преимущественной за Целым *, в

* Но ведь тогда это будет не реальн(ое), не субстанциональное объединение, а лишь идеальное, номиналистическ(ое), в мыслях, в сознании только. 29 августа 1907 (примеч. П. А. Флоренского).

лице представителя и носителя Целого — Христа, переносит центр свой в него, в целое, в Иисуса Христа и, в известном смысле, теряется, оставаясь в сознании Целого как второстепенный (1 слово нрзб.), хотя и необходимый существенно, и разумный момент. Чтобы пояснить это, я говорил пример: личность остается такая как [остается] в нашем сознании отдельная мысль, отдельное переживание. [Оно, в известн(ом) смысле самостоятель(но)] Она также относится к целому сознанию, как личность к Целому. — «Личность, — говорят мне тогда, — значит, обращается только в отдельный момент, только мыслится отдельным, но не имеющей реальной отдельности; так, напр(имер), послышки в цепи умозаключения самостоятельны и все-таки остаются самостоятельными от *целого* умозаключения только в понятии, но не реально».

Но в этом возражении именно остается непонятным мое сравнение. Последнее сравнение вовсе *не* однородно с первым и не представляет частного случая первого. Я говорю о реальных переживаниях, о мысли которая *есть* и которая, следоват(ельно), имеет свои моменты тоже реальными, а не только мыслимыми; каждое переживание — не понятие о переживании, а *само* оно — реально раздельно с другим переживанием и только синтезируются в целостное сознание с другими, но тоже реально. Доказательством этого служат хотя бы *idées-fixes* *, которые вследствие этого эгоистического самоутверждения перестают быть в должной иерархии с остальными переживаниями и целым, делают из себя представителя целого и, несмотря на то, что *мысленно* может и одержимый такой идеей установить единство и должную иерархию, реально он не может привести переживание в должное отношение к остальному. В известном смысле отдельное переживание можно назвать существом, «личностью». А мне говорят о мыслимом, об [идеальном] отвлеченном расчленении доказательства на моменты, которые представляют только «отпечатки» с сущности переживаний, соответственных этим моментам. Я говорю о реальной мысли, а мне говорят о возможной мысли, т. е. о логически связываемых понятиях; я говорю о чувствах, а мне — о схемах чувствований, о возможных чувствованиях. Понятное дело — нельзя усмотреть реальной раздельности или реального единства в том, что только возможно и ничего не имеет в себе реального. В философии диалектические моменты только [идеальн(о)] мысленно различаются и раздельны; в действитель-

* Навязчивые идеи (франц.)

ной мысли [они] чьей бы то ни было, безразлично — они различаются реально и реально раздельны. Там [они вступают] между ними можно установить идеальные связи, тут — между *ими* устанавливаются реальные. Целое сознание выше отдельных переживаний, но между собою они равноправны и «свободны».

88. О символах (план)

I. *Введение*. — Подготовка орудия исследования. О достоверности, истине, etc.

1) достоверность сознания (непосредственно переживаемый материал)

2) достоверность логического (логические нормы оформления; универсальность)

3) достоверность диалектического (диалектические функции объединения)

II. Истина, как субъективное, для сознания: поскольку она переживается

III. Истина в себе, как то, что известным образом переживается.

В II рассматривается, как переживается истина — иерархия системы символов — как строится, как развивается etc. и что она такое со стороны сознания.

В III рассматривается истина, как строящаяся система сущности, символических сущностей сознания.

Во II рассматривается, следовательно, создание сознанием представлений (*NB* представления и явления суть различное; представление это — «видимости» по Гроссу(?)); затем схем, научных схем, философских систем, эстетических схем etc.

В III рассматривается создание действительности, т. е.

1) мифологическая действительность [и религиозная]

2) религиозная etc.

[«Научная» действительность как *действительность* дается только идеально, в возможности, но не реально; реальное, для сознания, дается как переживаемая, религиозная действительность и мифологическая в одном из своих моментов.]

3) действительность природы.

Иллюзии в области чувственного восприятия и их факты (Преображенского etc.)

ошибки в области [умозрения] логической (рассуждения)

ошибки в области диалектической (умозрения)

Как их понимали и как они возможны. В отношении индивидуального сознания к общему — слабое и невыясненное место у не-

мецких идеалистов и еще того менее выясненное или даже поставленное в виде вопроса у Вл. Соловьева. Тут разгадка всего этого, т. е. вопроса об ошибках. Тут же необходимая поправка идеализма. Различие возможности сознания и конкретного сознания ¹¹⁵.

89 (см. 109, 111). 3 августа 1904. Тифлис

ОБОСОБЛЯЮЩИЕСЯ

Группа лиц, забывая о все-единстве, о все-человечестве, выделяет себя, обособляет, как какую-то носительницу истины, противопоставляя всех остальных, как во лжи находящихся. Делая себя исключительной владельницей правды, должного, и противопоставляя все человечество, как не имеющее этой правды, такая группа лиц отмечает этот *факт сознания* своего новою терминологией, создавая термин для обозначения себя, как безусловного утверждения, и термин для обозначения остального человечества, по большей части образуемый из первого приставкой *не*. Термины таковы, что обозначаемое ими представляет полную дизъюнкцию.

Но утверждение себя, как находящихся в безусловной правде, утверждение себя как всего и, стало быть, всего остального, как *ничего*, [сейчас и] обличается действительностью; притязания группы лиц, [перестают] опровергаемые их действиями, перестают пугать кого-либо, как это было до тех пор. Группа лиц лишается обособляющей ее ограды, разразнивается и смешивается с остальной народной массой, но уже *не* органически сливается с нею, а механически входя в нее. Лица отмирают от общего народного организма. А их «название», бывшее дотоле пугалом, делается ругательным словом и получает вследствие этого несоответствия комический оттенок. Но такая судьба *партии* не останавливает неизменно существующего стремления обособиться. Выдвигается новая группа, производит новое рассечение человечества, обособляет себя, создает себе имя, потом снова исчезает, а имя ее обращается в комическое и ругательное слово.

История целого ряда таких слов указана в статье в «Помощи» (Сборник в пользу евреев), где перечислены слова «либерал, патриот, благонамеренный etc.» Сюда же можно отнести слово *буржуа*, добрый буржуа, когда-то высшая похвала, а теперь ругательное слово.

Справиться, не такова ли история слова «филистер» (Filiester — филистимляне).

1 Кор 3 «если чье дело устоит» ¹¹⁶ (а по Godet ¹¹⁷ Heinrich St. ¹¹⁸).
1 Кор. (а по Godet на 1 Кор., Т. 1, р. 172: μένει устывает/пребывает)

εἴ τις τὸ ἔργον (Nestle ¹¹⁹) Что же это за дело? [Ответ] В нем видит... (см. Evdet) Но сам апостол в своем вдохновен(ном) гимне любви дает ответ на этот вопрос: «а теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор 13. 13) ¹²⁰ — *νυνὶ δὲ μένει πίστις, ἐλπίς, ἀγάπη, τὰ τρία ταῦτα· μέζων δὲ τούτων ἡ ἀγάπη.*

Пребывает (снять *μένει*) вера, надежда, любовь. Если пребудут они в огнен(ном) испытании, если окажутся подлинными, а не фальшивыми, если здание, на них сооруженное, окажется не построен(ным) обманно, то ... Но преимуществ(енно) дает устоять любовь.... Вся эмпири(ческая) личность христ(ианина) должна быть выстроена из веры, надежды (нам не рассказ(ано) какой) и любви — любви по преимуществу...

90 (см.102). 142 II, III, V, VI.

Об Аде и т. п.

Примечание от 29 августа 1907 См. 7 Godet. Commentaire sur la premiere Epitre aux Corinthiens, T. I, pp. 172—175. *Georg Heinrici*. Das erste Sendschreiben des Apostel Paulus an den Korinthus. 129ff.

1. Кор.3 «Каждое дело обнаружится, ибо день покажет (дело — τὸ ἔργον); потому что в огне (ἐν πυρί) открывается, и огонь испытает (δοκιμάσει) дело каждого, каково оно есть (13). У кого дело, которое он строил, устоит (εἴ τις τὸ ἔργον μένει, ὃς δ' ἐπιχοδομήσῃ); тот получит награду *μισθὸν λήψεται* (14): А у кого дело сгорит (*κατακαήσεται*); тот потерпит урон (*ζημιωθήσεται* = терпеть убыток, *терять* по Вейсману ¹²¹); впрочем, сам спасется (*αὐτὸς δὲ σωθήσεται*) [*οὕτως*]], но так как бы из огня (*οὕτως δὲ ὡς διὰ πυρός*)». Далее объясняется, почему «сам спасется». А вот почему: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?» ... «Храм Божий свят; а сей храм вы» (17) Но горе тому, кто сей храм разорит. Того и Бог разорит (т. е. хула на Духа Св.)

Тут проводится ясное различие между «самим» (*αὐτός*) человеком и «делом его» (τὸ ἔργον). Из чего бы ни строил христианин, «из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы» — «в огне открывается и огонь испытывает дело *каждого*, каково оно есть (*ὑποὶν ἐστι*)». Следовательно, *каждый* подвергнется (единожды, *δοκιμάσει*) огненному испытанию; значит, это испытание не есть адское мучение огнем, ибо и праведники подвергнутся ему. Это — не наказание, а экзамен, исследование, испытание, проба. Далее, подвергается испытанию «дело», только оно, и уничтожается, теряется для совершившего его, перестает быть его собственностью, в случае, когда оно не удовлетворяет каким-то

условиям. Но всякий (*ἕκαστος*) сам, (*αὐτός*), спасется, каково бы ни было его дело, «но так, как бы из огня» (*διὰ πυρός*, per ignem). Нужно ли это *διὰ* понимать, как предмет, обозначающий средство спасения, — «благодаря огню», «через огонь», «вследствие испытания огнем» — или это обозначение места, «в огне», «пройдя через огонь» etc. Точнее, спасется ли *благодаря* огню или несмотря на огонь? В первом случае было бы точно вроде учения о purgatorium¹²² или учения о мытарствах; скорее даже именно учение о мытарствах, потому что именно в них *каждый* подвергается испытанию, прохождению «чрез» мытарства, а в purgatorium попадают только некоторые. Итак, «каждый» спасется. Однако, кто это каждый? [Это — христиане, ибо] Везде речь идет о тех, которые строят на «положенном основании», которое есть Иис(ус) Христ(ос). Однако, идет ли речь тут о христианах или нет? Сначала кажется несомненно да, но потом замечаешь следующее: «*никто* не может положить основания, кроме (*παρά*) положенного, которое есть Иисус Христос». Никто (*οὐδείς*); следовательно, *всякий* полагает основание своему делу volens-nolens именно такое; а раз так, то речь идет не о христианине, а о *всяком* в буквальн(ом) смысле. Основание — общее для всех. Оно дано Господом. Итак, всякий *сам* спасется; *дело* же его может погибнуть для него, или [остаться] же он получит награду, μισθόν.

Почему же *нечто* от человека, от каждого, именно «*αὐτός*» он спасется? Потому что оно — «храм Божий» — «*ναὸς Θεοῦ*». «Храм этот — свят», «*ὁ γὰρ ναὸς Θεοῦ ἅγιός ἐστι*» и в нем живет Дух Божий, «*Πνεῦμα τοῦ Θεοῦ οἰκεῖ ἐν ὑμῖν*»

То, что свято, не может погибнуть, вовсе исчезнуть; тот «святой» момент в человеке, который дан ему изначально, как *человеку*, не может прейти, исчезнуть. Он — должен остаться. Святое остается. Это святое — субстанция человека остается. Его же *дело* может в случае негодности быть потерянным для человека.

Это ясно a priori. Раз в человека при творении внесено нечто божественное, «образ и подобие», то оно, как таковое, вечно и свято независимо от дела человека. Оно — остается. Нужно теперь внести некоторые слова.

ἅγιος, sanctus, святой, Saint,

До IV в. включительно (до папы Либерия) в Риме не придавалось этого эпитета мученикам и др. особенно почитаемыми там. Слова sanctus и sanctissimus на мраморных погребальных плитах имеют, по мнению Мартиньи, значение carissimus. Причина, почему древние христиане избегали употреблять слово sanctus, в

том, что его часто употребляли на могилах язычники (Энци. слов. Брокгауза и Эфрона 57 р. 269¹²³).

По Nouveau Larousse Illustre: «*Saint* — qui est pur, exempt de souillure, d'imperfection». Противоположные слова: «*vicieux, reprouve, profane, futile*».

По Littre (Diction. de la langue française). *Saint* — qui appartient à la religion, qui est dédiée à des usages sacres».

ἅγιος — святой, посвященный; чистый, непорочный; ἁγιότης — святость (Н(овый) з(авет?))

ἁγίζω = ἁγιάζω (н. з.) — освящать, посвящать (поздн.)

ἁγιστεία ἡ — священный обряд

ἁγιωσύνη — святость (Н. З.)

ἁγιστεῖω — исполнять священ. обряды

ἅγιος (з) — святой, священный, чистый, непорочный; *τινος* — незапятнанный чем, свободный от чего; *χωρος οὐχ ἅγιος πατεῖν* — место, по которому грешно, не позволено ходить.

ἅγιος, τό — (правильнее ἅγιος) — *piaculum*: 1) тяжкий грех, требующий очищения, убийство, нарушение священных обрядов; 2) тот. человек нечистый, запятнавший себя тяжким грехом; 3) очищение от греха.

О слове ἅγιος

см. «Religionsgeschichtliche Studien zur Frage der Beeinflussung des Urchristentums durch das antike Mysterienwesen von Georg Wobbermin» Ber(lin). 1896. (по кат(алогу) Библи. Моск. Дух. Ак. 109/363. Наход. у Спасского).

Cremer. Wörterbuch der Neu-Testamentliche Gräcitet.

Итак, слово ἅγιος обозначает свойство *соответствия с божественным*, именно значит *обряд и подобие Божества*. Вот это — спасается. Что же может исчезнуть для человека? Сказано *κατακαήσεται* — будет сожжено, сгорит, *τὸ ἔργον*. Это значит, что оно, *τὸ ἔργον, οὐ μένει*, [μένω — 1) остаться, пребывать на месте, неподвижным, в силе, при чем-либо; [2) выдерживать напор, нападение; μένος τὸ — сильное желание, сила, мужество]] т. е. «не остается» при «самом», при испытуемом, если оно негодно, и наоборот, пребудет, если угодно. Что же такое *ἔργον*? *ἔργον* (от *ἐργάζομαι* (ср. *ἐρδω*)) — дело, труд, занятие, работа; действие, вещь; *ἐρδω* — делать, совершать (*εὖ ἐρδεῖν τινα* — делать кому-либо добро; *κακῶς*... — зло); — *ἐργάζομαι* (*φέρω*) — работать, трудиться, по латыни переведено «opus».

Итак, погибнет та работа, тот результат деятельности, которое «сам» произвел во время своей жизни — жизни в самом широком

смысле, все то, что строится на «положенном основании». А т. к. это основание лежит в самой глубине духа — это то, что внесено в каждого искупленным, то, значит, вся надстройка человеческая — все содержание сознания и подсознательной и надсознательной области, все содержание сублиминального и др. сознаний, всего «спектра» Мейерса ¹²⁴ может [потерпеть урон] сгореть. Остается сам — чистое Бого-сознание, но без самосознания, ибо не мож(ет) быть самосознания без эмпири(ческого) содержания сознания, а оно мож(ет) все или почти все в сознании. В таком случае *αὐτός* будет в положении духа до грехопадения. В известном смысле он перестанет существовать, ибо не будет абсолютно ничего из того, что есть результат деятельности Самого, не будет Прежнего существа, а будет как бы новое творение.

+

От Луки 12, 46. ¹²⁵ Ориген толкует это место так («О Началах», II, 10, 7, р. 168): «В Евангелии сказано о недобрых распорядителях, что они должны быть рассечены, и часть их (будет) положена с неверными — (т. е.) та часть, которая как бы уже не есть их собственная, должна быть послана на другое место. Это (изречение), без сомнения, указывает особый род наказания тем, у которых, как мне кажется, согласно этому указанию, дух должен быть отделен от души и т. д.» (см. р. 169—170) ¹²⁶.

+

См. С. Глаголева Сверхъестествен(ные) откровения и естествен(ное) бессознательное вне истины Церкви. р. 376 etc ¹²⁷. 1 Кор. 15, 28; Филипп. II, 10; Мф. XXV, 46. Рассказ об Антонии Вел(иком), 1 посл. Иоанна V, 16.

+

id, р. 393 «Святым в приложении к конеч(ным) существам называется то, что посвящено Богу (евр. *kodasch* или *kadosch*, греч. *ἅγιος*, лат. *sanctus*)»

+

Из «Последования погребения мирских человек». «Образ есмь неизреченныя твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений, ущедрю твое сознание, Владыко, и очисти твоим благоутробием, и

вожделенное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотвори». «Древле убо от не сущих создавый мя, и образом твоим божественным почтый, преступлением же заповеди паки мя возвративый в землю, от нея же взят бых, на еже ко подобию возведи, древнею добротою возобразиться»

«Святым называется тот, кто чист от зла и грехов» (Псевдо-Антоний Вел.) 161-ое наставление из «Наставления для нравственных(ости) человеков» см. т. III, 130, 161¹²⁸.

91. см. 75, 77. 16 августа 1904.

*РАЗДВОЕНИЕ ВО СНЕ: ПРИМЕРЫ*¹²⁹

Сегодня ночью я видел во сне каких-то двух немцев, плохо говоривших по-русски. Как будто один из них был Готлиб Федорович¹³⁰, но наверно не помню. Не помню, по какому поводу разговор зашел о мистических сектах (накануне вечером я говорил с Эрном о теургизме и собраниях обще-молитвенных). Я говорил что-то о гернгутерах¹³¹ и т. п.; подымался вопрос о приведении себя в экстатическое состояние. Мои немцы оказались знающими людьми и начитанными по части мистических сект, хотя по иностранным источникам. Один из немцев мне на моих гернгутеров упорно называет секту «зотеров». Так и повторяет — «это что, а вот зотеры» — с некоторым даже восхищением и как бы желая сделать мне нечто вроде комплимента. Я думаю, что это — вновь появившаяся немецкая секта, о которой я не знаю. Не помню, что было далее, но вдруг мне приходит в голову, что «зотеры» это — переделанное на немецкий французский лад «sauteurs», т. е. «прыгуны», о которых немец прочел из какой-то иностранной, французской книги. Я, довольный, смеюсь неожиданному открытию и своему прежнему недоумению. Немцев уже нет... Ясный пример раздвоения сознания. С одной стороны, я подстраивал заранее [каламбур] эту шутку (прыгуны = sauteurs = зотеры) и знал о ней, т. к. ясно, что это — не случайное раскрытие ее и не случайно слово «зотеры» оказалось со смыслом. С другой стороны, я об этом ничего не знаю, т. к. иначе я бы сразу понял немца и позднейшая «догадка» не была бы мне неожиданностью. А то именно было чувство — я хорошо помню — что я открыл, раскрыл что-то новое; как после разгаданной чужой задачи или загадки; чувство смешного, как после чужой остроты. — Целый ряд других снов с небольшими литературными украшениями смотри в моем рассказе «Св. Владимир»¹³².

92. 29 сентября 1904, Сергиев Посад.

Структура мира ¹³³

Личность человеческая представляет собою первое нам непосредственно известное *единство*, единство конкретное — *μονάς*. Не будучи монадой абсолютной, т. е. монадой *αὐτὴ καὶ ἀπ' αὐτῆς*, самой по себе, само-монадой, *αὐτόμονας*, [она однако] другими словами, не выполняя *просто* и безусловно и безоговорочно всех реальных условий реального единства, она, тем не менее, должна удовлетворять отвлеченным признакам единства, формальным требованиям, выполняемым всяким единством. Вот почему, объясняя, скорее, поясняя психологически всякое другое единство, нам весьма удобно обратиться за пояснительной аналогией именно к этому единству, к личности. Отвлекаясь от ограничивающих *эту* монаду условий, мы eo ipso будем иметь отрицательное определение *всякой* монады, которое будет нам привычно. Говорю же я об отрицательном определении потому, что только имея *уже* знание о некоторой иной монаде, можно получить положительное определение этой последней, т. е. определить не контуры только, но и заполняющую их свето-тьнь, через устранение случайных признаков.

Обращаясь к личности, известной всякому непосредственно и, главное, много раз проанализированной, мы можем установить в целостности личности следующие 5 моментов: 1) *Материальности*, das Sein könnende *, *положительную возможность* (т. е. не логическое отсутствие противоречия, а реальную мощь) ее раскрытия; тут речь идет о простом бытии, еще не специализированном никак, и в том числе по категориям должного, о положительном хаосе (*ἄπειρον*).

2) *Идея личности*, das Sein sollende **, ее что, *τί*, — *первозданная личность*, прототип, форма, которой формует Божественная Мысль — Логос, *ὁ ἀγαθός*, тип, предвечная схема, то, что Филон и гностики называли «ангелом — будущим супругом души».

3) Реальная основа личности — возможность, оформляемая одновременно двумя противоборствующими силами: стремящейся воплотиться идее личности и чуждыми личности, как таковой, злыми силами, заставляющими ее самоутверждаться против идеи личности и тем самым невольно отдаваться злым силам. Это — *реальная личность*, — душа, раздираемая борющимися силами, (душевный человек).

* Бытие возможное (нем.).

** Бытие должное (нем.).

4) Зерно, из которого безусловно изгнаны злые силы *через искупление*, спасенная личность, *идеальная личность*, (духовный человек), дух, отдавшийся благодаря Христу идее и с ней соединившийся, ее воплотивший всецело. Центр будущего просветления.

5) Наконец, момент случайный, хотя имеющийся иногда — зерно, отдавшееся злым силам, любящее их или же *еще* не очистившееся и всецело в их власти находящееся.

2-ая ступень, собирательная

Эти четыре момента мы имеем в собирательном существе Богочеловечества становящегося, попросту говоря, мира, Природы. Вот они:

1) Материя [мира] Природы, положительная ее возможность — бескачественная и неоформленная потенция всякого будущего (диалектически) бытия, еще не специфицировавшаяся никак по отношению к должному etc. У индусов это — Пракрити, но лучше назвать Великая Мать, Magna Mater, Кибела etc. Одним словом это Матерь — Материя, реальная основа будущей Природы (Natura уже включает в себе понятие будущего, ибо Natura имеющая быть — *μέλλον ἔσσεσθαι*).

2) Идея природы, ее *das Sein sollende*, первозданный Мир, София Премудрость Божия, Церковь мистическая, Система схем и образов всего, Хохма.

3) Реальная основа Природы, раздираемая противоборствующими силами Софии и [злым] Дьяволом, [Антихристом, как окончательным и полным воплощением зла, собирательным Чертом] собирательным чертом. Это — Душа Мира, мятущаяся и ждущая избавления окончательного, ждущая Жениха Христа, Ахамот (*Ἀχαμὸθ, Τίσις Σοφία*).

4) Зерно, из которого безусловно изгнаны злые силы через [Христа], искупление, воплощение Софии через Христа и с ней соединившиеся всецело. Это — Богородица. Центр будущего просветления.

5) Момент случайный, хотя имеющийся, — зерна, отдавшиеся злым силам, [собирательный, а потому и индивидуальный Анти(церковный)] Астарта.

Таким образом, между моментами 1-ой ступени, индивидуальной и 2-ой, собирательной устанавливается такой параллелизм:

	1-ая ступень, индивидуальная	2-ая ступень, собирательная	
I	Реальная основа личности [преимущественная носительница Ева]	Реальн(ая) основа личности собират(ельная) или Magna Mater	I

II	Идея личности индивид(уальная)	Идея личности собират(ельная) или <i>София</i> или Хохма	II
III	Реальная личность индивид(уальная)	Реальн(ая) личн(ость) собират(ельная) или <i>Душа Мира</i> Ахамот	III
IV	Спасенное всецело зерно в индивид(уальной) личн(ости)	Спасен(ное) всецело зерно в собират(ельной) личн(ости) или <i>Богородица</i> или Мариам	IV
V	Воплощение злых сил в индивид(уальной) личн(ости)	Воплощ(ение) злых сил в собират(ельной) личн(ости) <i>Астарт</i>	V
	По окончат(ельном) воплощении получился Христос (Богочеловек) Действует против него Антихрист	По окончат(ельном) воплощении получилось Богочеловечество Действует против него Антихрист	

Чтобы дать конкретное представление о [таких] этих 5-ти моментах, укажу некоторые произведения искусства.

1) «Богородица» Врубеля; многое из того, что переживает Розанов; то, что дает Рёрих на своих картинах.

2) «Богородица» Понетаевского женск(ого) монастыря (по типу «Богородица Знаменья») ¹³⁴.

3) «Мадонна» Мурильо (Зачатие). Венера (Милосская?)

Б. Знаменья. Нерушимая стена

4) Сикстинская Мадонна и др. Рафаэля.

5) «Саломея» Оскара Уайльда ¹³⁵

«Пансофием». Но это не в смысле *πάν-σοφος*, мудрый во всех отношениях, а в смысле *παν-σόφιος — ἐν παντί Σοφίαν ζητῶν*. Быть рыцарем ее — носить имя ее. 7 октября 1904.

Magna Mater [в вед(ах)] у индусов — *Пракрити*, по М. Мюллеру (в системах инд. философии ¹³⁶, стр. 140 etc.) «материальная мировая причина».

См. также стр. 143 Майя — «творческое познание»: познай Пракрити (природу), как Майю (колдовство, чудо), и великого Господа, как Маути (чудо дня) (Svet. Up. IV, 10 — из Упанишад) 5 мая 1905.

Врубель каким-то чутьем достигал поразительного проникновения в азиатский строй Аттиса, Адониса etc. Его цикл картин на тему Страстей Господних и Воскресения всецело переносит к плачу об Адонисе, к Кибеле, Magna Mater etc. Хотя нет ничего особенного внешнего, но переживаются создания прямо [сорвавшиеся] восставшие из глубины тысячелетий. Уточ(нить) списки картин в *городском музее, в Киеве*. 20 июня 1905, Тифлис.

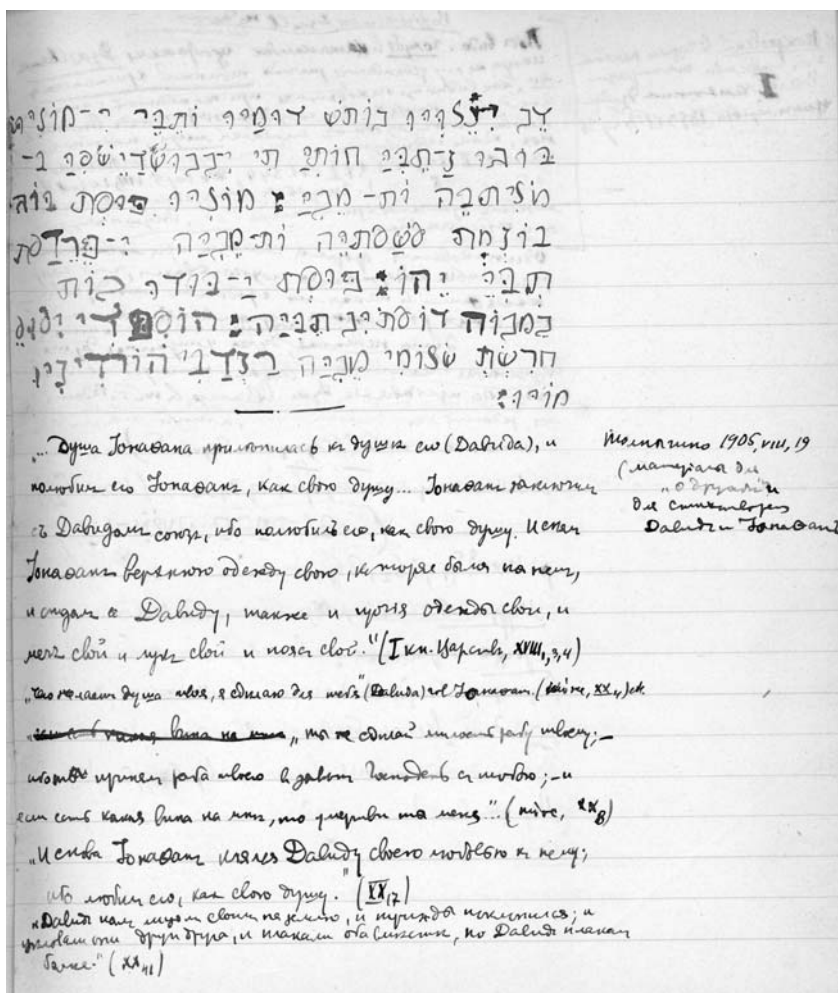
93. 13 октября 1904. Сергиев Посад.

Адам и Христос

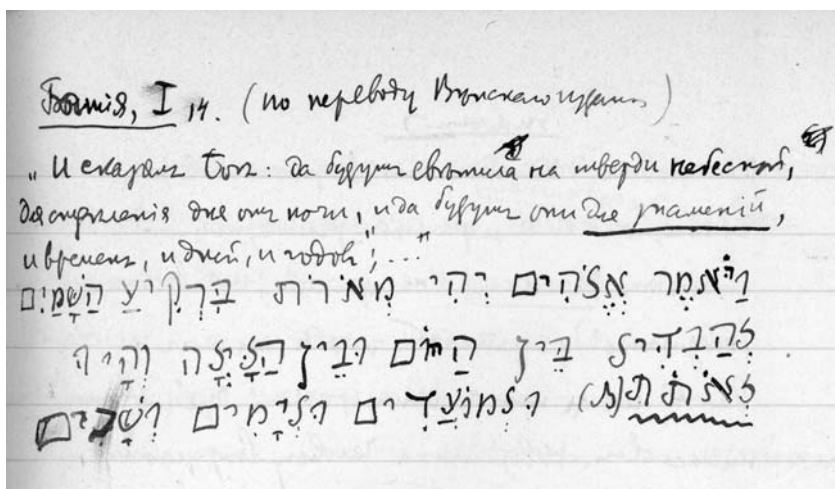
От отца Исидора, святого старца в Гефсиманском скиту ¹³⁷, я уже 4-ый раз слышу сопоставление прободения бока Христова копьем с вынугием ребра у Адама, но только сегодня, когда Исидор добавил, что [от прободения] «Христос родил Церковь, и мы стали вместе едино...», я понял эту мысль. Родоначальник натурального человечества носил в себе, имел в потенции это будущее многообразие индивидов, объединенных *натуральной* общесосновой (Magna Mater) в единый натуральный организм — контоское être suprême. Эта реальная *возможность* множества родилась в виде зародыша множества индивидов из ребра Адамова, родилась в бесформенную среду неорганического и нечеловеческого мира, чтобы, развиваясь в нем, [преобразовать его в матерью] воспользоваться этой «питательной средой» и преобразовать ее в свое тело. В Библии этот зародыш натурального человечества — первая женщина — носит название «Хавва» (Евва). «И человек нарек жены своей имя «Хавва», ибо она сделалась матерью всех говорящих» (книга Бытия III, 20 по переводу Мандельштама «Тора, т. е. закон или пятикнижие Моисеево»; то же во втором издании с еврейск(им) текстом ¹³⁸). (...)

Хавва или Гавва (слово написано по др.-евр.) названа матерью всех говорящих именно как родоначальница натурального человечества, отличительная и собственная особенность которого в разуме, проявляющемся «для другого», [т. е. в] в слове, каково бы оно ни было (см. Т(пропуск в тексте)). Слово в широком смысле взятое есть объективировавшийся разум — разум, проявивший свою формальную < > универсальность и из чистой потенции универсальности перешедший в актуально-сказывающуюся универсальность.

В синодальном переводе Библии III—20 Бытия передано так: «И нарек Адам имя жены своей: Ева (примечан. — Жизнь), ибо

Страницы из Записной тетради (2)

Страницы Записной тетради с текстом по-древнееврейски

она стала матерью всех живущих», но уже по смыслу видно, что этот перевод невозможен, т. к. Хавва *не* есть мать всего живущего, а только мать человечества, т. е. всего говорящего. У Siegfried'a und Stade (Hebraisches Wörterbuch) слово <др.-евр.> объясняется так: «Eva. In ersterer Stelle bedeutet (т. е. Gen(esis). III—20) «Mutter alles Lebendigen», LXX ζωή deuten als «das Leben»,... (p. 187), но Мандельштам (op. cit., ed. 1, p. 18 примечаний) говорит: <др. евр. текст>; уже Р. Саадия (в X в.) переводит <др. евр.> и <др. евр.>, но араб. и еврейский <др. евр.> «говорящий», а не то... «живой»; необходимость такого толкования явствует из смысла речи, а именно из того, что Гавва была родоначальницей всех <др. евр.>, чего нельзя отнести к животным. Если же Адам представляет «думу, мысль», то Гавва — прекрасная представительница «слова»: замечательно, что и <др. евр.>, при своем материальном значении еще обозначают: «помнить и произносить, выговаривать слова (ср. др. евр.)». Таким образом, Хавва — зародыш, зернышко натурального человеческого все-организма есть, так сказать, организм будущих «слов», поскольку каждый из говорящих индивидов в ней, в Хавве, потенциально содержащихся, будет, «говорить» на свой лад, по-своему выражать идею говорящего существа.

Что же такое Адам, от которого рождается Хавва, Мандельштам, р. II. Gen. 1—26. <др. евр.> «мыслитель, думатель», от корня <др. евр.>; и по персид. <перс.> = Odem, «дух», как в физическом,

так и в нравственном отношении: s/s имеет владетельное (посессивное) значение, т. е. <др. евр.> = «*владеющий думою*». Это означает и слово <др. евр.>, чему также есть глагольный источник и подобие в слове <др. евр.>, т. е. «*подумайте, одумайтесь*». Русское слово «дух» тоже сродно немецкому «denken», потому что «у» есть звук носовой. ...Если же <др. евр.> = Mensch = муж (с носовым «у» = manz по-польски) значит «мыслью владеющий» (Mensch также состоит из Men = мысль и «sch» = ящий, т. е. = мыслящий), — то <др. евр.> соответствует более понятию: «помысли», и оказывается в таком же отношении к <др. евр.>, как душа к духу, т. е. — в страдательном, что прекрасно выражено в русской «жена»... корень «Men»sch также находится в русских словах «мнение» и «мнити», соответственных немецким Meinung, meinen но как бы то ни было, а из библейского [повествования] изложения видно, что все мироздание постепенно сосредоточивалось все в меньших и меньших кругах около «мысли», проламывающейся чрез все роды бытия, до человека, а в человеке до «слова», представляемого некою Хаввою, т. е. «говорящею» или «словянкою», как и самое слово «человек», может быть, не что иное, как «словак» или «словянин» = славянин.

Итак, «владеющий думою» (Адам) рождает в него включенную «мать всех говорящих» (Хавву), т. е. зародыш и начаток [безжизненной природы] [мужского разума] разума и слова для бессловесной природы.

Второй Адам — Христос, обладающий полнотою слов, но уже не разумных, т. е. не формально всеединых, а мистически, реально, рождает Церковь через свои страдания — чрез свое прободение бока. Рождается от Иисуса Христа зародыш актуально-проявившейся Церкви, т. е. начаток нового, мистического человечества или иначе богочеловечества; тут оно впервые вступает в область деятельности, как впервые вступило в область действительности натуральное человечество в лице своего эмбриона — Хаввы.

Этот зародыш вселенского мистического организма вступает по своему рождению в среду натурального человечества, чтобы преобразовать его, [в] претворивши его в свою плоть, как некогда [мист] натуральное человечество развиваясь, захватывало неразумную природу.

9 августа 1905 Толпыгино

Адам без жены, под непосредственным воздействием Бога, родил Еву, послужившую началом его гибели и смерти; Мария (Пресв<ятая> Дева) без мужа, под непосредственным воздействи-

ем Бога, родила Христа, послужившего началом ее спасения и воскресения. Это мысль Иоанна Златоустого, говорящего «как Адам без жены произвел Жену, так и теперь Дева без мужа родила мужа и уплатила мужем долг за Еву. Невредим и цел остался Адам по взятии из него ребра телесного; невредимою и нетленною осталась и Дева по рождении Младенца Божественного (см.: А. Глинка. Жизнь пресв(ятой) Девы Богородицы из книг Четьи-Минеи. Изд-е 11. М., 1896. С. 87).

Алексей Сергеевич Петровский недавно указывал, что *такое* учение о Церкви как существе, корреспондирующем Еве, было у Мефодия¹³⁹ (см. *Lehrbuch der Dogmengeschichte*¹⁴⁰. Т. 1 pp. 698 etc.) и у очень многих св(ятых) о(тцов). См. напр. в книге «Православное учение о Церкви».

Устанавливается такая таблица параллелизмов:

В области «натурально-разумного» человечества Адам («обладающий мыслью»)	В области мистического человечества Христос («обладающий Софией»)
проявляет свою потенцию во вне в виде Хаввы — матери всего говорящего	проявляет свою потенцию во вне в виде Церкви — матери всего мистического
которая поглощает, ассимилирует	
[натуральное человечество] неразумно-бессловесную природу	натуральное человечество
и переводит ее в	
натуральное человечество	мистическое человечество

Methodius eigenthümliche Adamspeculationen at eingezuhört «Adam ist ihm die ganze natürliche Menschenheit etc...» phantastisch-realistisch Betrachtungsweise des Methodius: «Dem tiefen Schlafe des Protoplasten antspricht bei dem Adam repetitus der Todesschlaf. Wie nun aus dem schlafenden Adam die Eva gebildet wurde als Teil seines Wesens, so geht aus dem in Todesschlaf liegenden Christus? der h(eisst) Geist als teil seines Wesens herfor und aus ihm gestaltet sich die Kirche etc»¹⁴¹. NB. очень интересное, но сейчас нет времени переписывать.

См. Св. Андрея Кесарийского «Толков(ание) на Апокалипсис». Слово 23 к XI—9 (С. 183) та же мысль, что и у Мефодия и у многих друг(их) (см. в материалах «О Софии»).

Хомяков [«Письмо к Г. Бурдену о его библейских трудах»; полн. собран. соч. А. С. Хомякова. Т. II. Р. 245] пишет: «Тому на-

зад более двадцати лет, филологические изыскания привели меня к убеждению, что имя Адам было одною из форм местоимения первого лица в наречиях Ирана. Позднее, клинообразные надписи подтвердили мою догадку. Имя Эвы, *Хева* или *Хва* (Hevah, Hva) с другой стороны, есть, кажется, ничто иное, как Тва (Tva), первоначальное местоимение второго лица, потерявшее свою начальную согласную и с придыханием перешедшим в горловой звук более решительный. Эти два имени, соединенные вместе, дают преданию форму в высшей степени философскую, и, кроме того, как кажется, совершенно совпадают с самым рассказом, разоблачая его смысл. Адам называет по имени все предметы природы, но они ему не отвечают, они ему не подобны; тогда Бог вызывает к жизни существо, которое есть я, как сам Адам, и которому Адам может поэтому сказать *ты...*»

«Прежде век от отца рожденному нетленно сыну, и в последняя от Девы воплощенному бессеменно, Христу Богу возопием: вознесет род наш, Свят еси, Господи» (Канон, творение кир Иоанна. Песнь 3, ирмос. — Из Минеи за месяц Декемврий, 25 числа).

94. 13 октября 1904

Некоторые еврейские слова, которые надо помнить
(по словарю Hebraisches Wörterbuch Siegfried und Stade. 1893)
Weisheit ¹⁴², Astarte, Ewigkeit, Eva, Mensch, Gott, Geist

95. 18 октября 1904 Сергиев Посад

*Схематические пояснения и символы цветовой
к теософским вопросам*

○
ὁ θεός ἄρρητος

свет бескачественный и неизреченный

○ золотой (Логос)

(Христос небесный)

○ лазурь (София Хохма)

○

Белый, как полнота всех цветов, а потому переливающий в своем воплощении, а в данном виде иногда сверкающий, как бриллиант, радушно цветами

(Христос Иисус)	○	<i>Белый</i> , переливающий опалом, мягко, смягченно для нас
	○	<i>Лазурь</i> (София-Хохма)
цвета зари (Ахамот, мировая душа). Через творчество идеальное (Искусство, Наука etc.)	○	изумрудный (Ахамот, мировая душа) через творчество реальное (жизнь)
темно-гранатно-красный, переходящий в красно-бордо (Великая Мать, к которой подходят через мощь творчества идеального)	○	темно-шпинатно-зеленый, переходящий в черноземно-черный (Великая мать, к которой подходят через пол) мощь творчества реального
Черный, как последнее основание Великой Матери		
Извращенность Великой Матери в творчестве идеальном (Астарты) в жестокости и любви ко злу киноварно красный (Уайльд)	○	Извращенность Великой Матери в творчестве реальном (Астарты) в разврате и любви к цинизму
○	черт грязно (серый) смерть, желающая торжествовать (Сологуб)	○
		медно-зеленый (Бодлер)

9 декабря 1904 Сергиев Посад

Господи И(исусе) Х(ристе). Приди. Освети. Примири. Преобрази. Приди, приди, Господи. Всюду между нами стены — всюду. Приди и уничтожи. Без Тебя не пойдем друг друга. Приди же, Господи.

Дай знать, Господи, чтобы П для Тебя нонес — вполне осязательно. Начало мое N; пусть же П будет конец мой, чтобы быть с Тобой. пусть же скорее.

96. 19 февраля 1905. село Толпыгино

Лица под специальным покровительством (см. 100).

Доброта или великодушие, полная отрешенность от эгоистических мотивов в поведении или совершенное бескорыстие, подвиг или мученичество, величие духа или [полн] скромность — этого еще не достаточно для святости. Святость есть особая, ни к

чему не сводимая стихия духа, и потому наличность «совершенства», наличность «добродетелей» и «духовной высоты» вовсе не влечет еще за собою святости. Другой вопрос, не составляет ли все это, т. е. то, что *от нас* зависит, что *нами* вырабатывается, необходимого условия святости, необходимой подпочвы для снискания этой благодатной силы. Вероятно, да, т. е. для полного раскрытия в духе благодатной силы, действенного дара Духа необходима и работа над собою, усовершенствование себя. Однако, самостоятельность действенной силы этой видна ясно из того, что она в зародышевой форме, как потенция будущей полноты святости, иногда встречается у людей хороших, хотя почти не работавших над собою, у людей не имеющих в прошлом ни «подвига», ни «добродетели», ни «совершенства».

Есть люди, которые не делают ничего особенного, мало того, в «нравственном» отношении стоят гораздо ниже многих «хороших», честных и «даже добродетельных» окружающих их людей; у них не увидишь ни особой глубины, ни творчества, ни силы воли; за ними не знаешь особой деятельности так, живут изо дня в день, валандаясь над пустяками и, пожалуй, даже увлекаясь пустяками. И, однако, каждое самое обыденное движение их окрашено в особый цвет, делающий их движения резко и качественно различающимися от [всех] движений других людей. Еда и питье, безделье и болтовня, сон и прогулка, пустяковые разговоры и безделье, и смех и чистота «с ясной улыбкой на милых устах»¹⁴³ запечатлены у них [какой-то] особой печатью небес, отчетливой до осязательности и в то же время неуловимой до неопределенности. *Духом* веет от них, хотя они этого не знают, и «он веет, где хочет, и не знаешь, откуда приходит он и куда уходит». Это — живые символы; сквозь банальное и обычное провеивает тонкими духами потустороннего мира, ясным ароматом и свежестью неэмпирических [плоскост] лугов вселенной, и понятно, что уловить этот аромат в сосуды эмпирических определений совершенно невозможно. С первого момента встречи этот аромат чувствуется совершенно ясно, но после, если начинаешь упорно выискивать еще и «совершенства», то нюх притупляется и можно довести себя до того, что, глядя предубежденно, начнешь вовсе отрицать наличность чего бы то ни было *особого* в данном человеке. И, если злоба и самоутверждение будут благоприятствовать такому отрицанию *особой* ценности человека, если будет казаться выгодным для отрицающего его отрицание, то тогда можно навеки потерять [чувство] ощущение данной личности, ее *особого* за

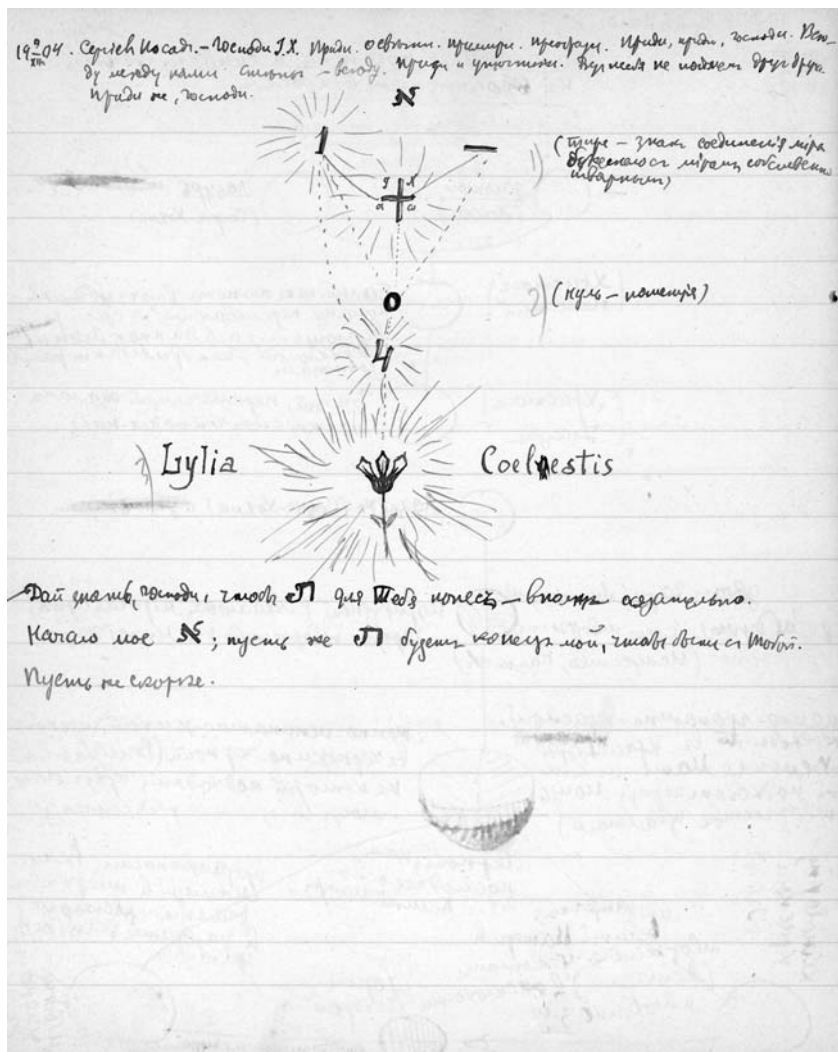

Рисунок из Записной тетради.
Помещен в середине записи от 9 декабря 1904.

пах... и, вместе с тем, потерять величайшее счастье — счастье «прикосновения мирам иным». Оно, по крайней мере, *для всякого*, возможно только посредством таких, особых личностей, избранных сосудов Божиих.

«Авва Антоний говорил: От ближнего зависит и жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога; а если соблазняем брата, то грешим против Христа» (Достопамятные сказания, р. 5—9) ¹⁴⁴.

Растут в доме отца два сына. У обоих одинаковое воспитание, у обоих одинаковые внешние данные — одинаковые сведения, одинаковое образование. И, однако, хотя оба «ведут» себя одинаково, у одного есть нечто особое, что-то своеобразное, чего нет у другого. Это — какая-то особая сила, обаяние личности, истекающее от всего существа, исходящая из всех пор, лучающаяся светом от лица.

Вчера целый день я смотрел в упор на С. Сем. Троицкого ¹⁴⁵. Какая чистота и ясность, даже, когда он говорит несуразное. В самом буквальном смысле от лица и, особенно, глаз исходит что-то, не могу точнее определить это что-то, как назвать его *светом*. То же относительно преосв. Антония (Флоренсова), Бор. Ник. Бугаева в некотор(ые) моменты.

«Когда один из иноков просил его (Пахомия Великого; род в верхн. Фиваиде около 292 г.) рассказать о каком-либо видении, Пахомий сказал: “Такому грешному, как я, непозволительно желать иметь видения. Я восстал бы этим против воли Божией, и впал бы в обольщение. Но вот самое чудесное *видение*: если ты увидишь лицо человека, в котором отражается чистота и глубокое смирение сердца; ибо какое лучшее видение, как видеть невидимого Бога обитающим в человеке, как в Своем храме”» (История православн(ого) монашества на Востоке. Часть I. Монашество в Египте. Соч. Петра Казанского. М., 1854; pp. 189—190). П. Казанский делает ссылку на Bolland. Acta SS. Mens. Majus. D. 14. Tom. III. Vita Pachom. n. 32 ¹⁴⁶

«Одна страница вырвана, на следующей сохранилось окончание текста»: долго ли ты стучался? не видел ли чего здесь? Брат сказал ему: нет. Побеседовав, старец отпустил его».

Из послания Св. Дионисия Ареопажита к ап. Павлу (заимств(ованно) из книги: «Жизнь Пресв(ятой) Девы Богородицы из книги Четьи Минеи, составила Авдотья Глинка. pp. 175—176).

«...Когда Иоанн, верховный апостол и высший пророк, сияющий в земной жизни своей как солнце на небеси, ввел меня пред лице Богообразной и Пресвятой Девы, то меня озарил не только

извне, но и изнутри столь великий и безмерный свет божественный, а кругом разлились столь дивные ароматы и благоухания, что ни тело мое немощное, ни даже дух мой не могли вынести столь чудных знамений и начатков вечного блаженства. Изнемогло сердце мое, изнемог дух мой во мне от Ея славы и Божественной благодати...»

— · —

Свет от лика Моисеева. См. Исх(од). 34, 29—35.

98. Толпыгино. *Христос и Антихрист* (заметки для 4-го разговора)

(см. 79—25, 78, 109)

Антихрист обольстит многих, выдавая себя за Христа; очевидно, что он должен быть для этого как-то похож на Христа. Чтобы обмануть, он должен имитировать Христа. Однако, если бы *по существу* он был подобен Христу, то принятие его за Христа не было бы роковой ошибкой, не было бы чем-то бесповоротным и решающим. Антихристу должно не хватать до Христа *чуть-чуть* (см. 1-й разговор «Эмпирея и Эмпирия»), у него, с точки зрения (группы), не хватает одной последней точки, кончика. Но именно это «чуть-чуть» и составляет подлинную характеристику и природу Христа, а отсутствие этого «чуть-чуть» — делает из некоторого субъекта — *Анти*-Христа. Эмпирически, для внешнего наблюдения Антихрист должен быть вполне подобен Христу, иначе его отличили бы от Христа и по внешнему наблюдению. Но и для внутреннего наблюдения Антихрист не должен розниться от Христа, потому что, для возможности выдать себя за Христа у него, по крайней мере, вначале должно быть самообольщение. Было бы совершенно непонятно, почему он стал бы выдавать себя за Христа, если бы не видел для этого никаких данных. Но, если вначале искреннее самообольщение, то после, когда обнаружится недостаточность данных Антихриста, сознательный обман и игра роли, которую уже по гордости, не прекратить ему, потому что уже поздно. — Я не понимаю и не признаю Антихриста — страшилища, Антихриста жестокого или злобного, Антихриста, так сказать, хвостатого и рогатого. Чтобы обольщать, он должен быть достойным противником Христа, так что силы их для стороннего зрителя кажутся почти (или даже совсем) уравновешенными; иначе борьба не была бы трагичной, иначе антихрист не увлек бы многих — никто,

кроме любящих зло, как таковое, извращенных. Раз так, то он должен быть прекрасным, как Дионис, добродетельным, «совершенным», как Христос — он должен быть «почти Христом», мишурным Христом, играющим роль Христа. Но если Христос, [по своей человеческой природе], абсолютно свят, то у Антихриста должна быть кажущаяся святость, дрессировка, вымуштровка святости; *Антихрист*, потому *лучший из людей*. Именно это-то и заставит его в соединении с гордыней сделаться из величайшего [христианина] последователя Христа — Анти-Христом, из избранного сосуда Божия перейти в отверженнейший сосуд, в сосуд гнева великого. «Почему я не он? Почему я, имеющий те же достоинства, что и Христос, не Христос?» После этих мыслей голова его начнет мутиться и, обвиняя Бога или людей в несправедливости, он захочет сделать себя Христом. И он [сделает] достигнет этого во всем, исключая некоторого «чуть-чуть», и, чем более он будет *походить* на Христа, тем более уверяться в возможности *стать* Христом. Но до конца он не захочет или не сможет понять, что все дело в том «чуть-чуть», которое только и делает Христа — Христом, а не простым хорошим или даже наилучшим человеком.

И потому до конца он не захочет преклонить со смирением колен перед Бого-человеком, не желая понять, что одно Бого-человек, а другое Человекобог. Это великолепно изображено у Андрея Белого, в его «Не тот» («Золото в лазури» pp. 27—34). Его Антихрист — прекрасный незнакомец.

Восседает меж белых камней
на лугу с лучезарностью кроткой
незнакомец с лазурью очей,
с золотою бородкой...

однако он не желает слушать слов о Вечном, и после них:

Но в туман удаляться он стал,
К людям шел разгонять сон их жалкий.
И сказал,
Прижимая, как скипетр, фиалки:
«Побеждаешь сим!»
Развевалась его багряница.
Закружились над ним,
Глухо каркая, черная птица.

Он — лучший из людей.

Он — букет алых роз.
Чаша он мировинного зелья.
Он, как новый Христос,
Просиявший учитель веселья.
И любя и грустя,
всех дарит лучезарностью кроткой.

Но, когда он, достигнувши признанья, был обличен, то

... с трона грустный царь сошел,
в тот час, повитый тучей злою.
Корону сняв, во тьму пошел
от нас с опущенной главою ¹⁴⁷.

Та же идея проводится и в его же (Белого) отрывке из ненаписанной мистерии «Пришедший» («Северные цветы») ¹⁴⁸.

15 августа 1905. Толпыгино.

Антихрист немыслим как тиран, деспот или самодур. Не делает он бесполезной жестокости. Все даст он, кроме одного, — так что сможет искренне и «честно» сказать христианам: «Чего нужно вам еще? Я все дал вам. Самого Себя отдал Вам. Видите, не жаляю ни рук, ни головы для вас, и жизнь отдам, когда понадобится. Я насытил и напоил вас, укрыл в теплые жилища и одел. Я дал вам науку и искусство. Я показал вам путь религиозный — спиритизм. Чего же вам еще?» Но Антихрист не даст только одного — Того, что абсолютно не воспринимается эмпирически. Мало того. Антихрист, быть может, даже выполнит все слова Христовы, делает все по заповедям Его, реализует эти заповеди в действительности или, по крайней мере, будет стараться реализовать. Одного только не признает он в личности Христовой, — самого Христа. Разница от христианства в отсутствии смирения (см. мою проповедь, читан(ную) сегодня) ¹⁴⁹, в том, что Антихрист захочет *сам* дать то, что можно получить только через Христа и от Него.

99. Толпыгино.

Заметки для статьи «О воскресении тела» ¹⁵⁰

I. Выписки из «Последования погребения мирских человек». Лейтмотив всего последования «упокой». «Господи, душу раба твоего упокой», «Христе, душу раба твоего упокой» и т. д. Это — весьма характерно: смерть *сама по себе* еще ни есть ни уничтожение, ни, тем более, успокоение; но Христом смерть преодолена, и

потому возможно молиться «об успокоении». Вот тропарь: «Со духом *праведных* скончавшихся душу раба твоего, *Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни*, яже у тебе, человеколюбче.

В *покоищи* твоем, господи, идеже вси *Святии* твои *упокоеваются, упокой* и душу раба твоего, яко един еси человеколюбец»

«Ты бо еси Бог, сошедший во ад, и узы окованных разрешивший, сам и душу раба твоего упокой...» Тут важно соединение понятий *праведности, святости* с понятием об *успокоении*. Только Господь, смерть преодолевший, дает праведным своим успокоение, ибо Он — источник жизни. Успокоение и блаженная жизнь находятся тут в тесном соединении, и это есть тождество, что доказывается анализом слова *μῆκος* (см. у Schelling'a в его «Введении в философию мифологии» и затем еще мои соображения, в котор(ых) я дополняю материалы Шеллинга)¹⁵¹.

Молитва. «Боже духов, и всякие плоти, *смерть поправый, диавола упразднивый, и живот* миру твоему даровавый: сам Господи, *упокой* душу усопшего раба твоего, *имярек*, в месте светлом, в месте *злачном*, в месте *покойне*: отнюдуже отбеже *болезнь, печаль, воздыхание*, всякое согрешение содеянное или словом, или делом, или помышлением, яко благий человеколюбец Бог, прости, яко несть человек, иже жив будет, и не согрешит: ты бо един кроме греха, правда твоя, правда во веки, и слово твое истина. (Возглас) Яко ты еси воскресение и живот, и покой усопшего раба твоего, *имярек*, Христе Боже наш, и тебе славу воссылаем, со безначальным твоим Отцем, и пресвятым и благим и животворящим твоим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Условие блаженства и успокоения — чистота и безупречность. Ты Один, Господи, как безгрешный, можешь очистить нас от всякой скверны и тем дать успокоение. Вот почему «Христос... душу... в селениях святых вселит, и с праведными причтет». [Вот почему необход(имо)] Но для этого необходимо оправдание, которого мы не можем сами достигнуть. «Благословен еси Господи, научи мя оправданием твоим». «Да Господь Бог учинит душу его, идеже праведные упокоются»...

«Упокой, Боже, раба твоего, и учини его в раи, идеже лица святых, господи, и праведницы сияют яко светила, усопшего раба твоего упокой, презирая его вся согрешения». «...Просвети нас, верую тебе служащих, с вечного огня исхити». «Покой, Спасе наш, с праведными раба твоего, и сего всели во дворы твоя, якоже есть писано, презирая яко благ прегрешения его, вольная и невольная, и вся яже в ведении и не в ведении, человеколюбче».

«Украшай всяческая, животное смешенное, посреде мя человека, смирения вкупе и величества, создал еси. Темже раба твоего душу, Спасе, упокой» и т. п.

«От текущих непостоянныя шли, к тебе пришедшего, в селениях вечных жизни радостно сподоби, Блаже, оправдав верою же и благодатью» и т. п. «...чадо света соделовая... греховную мглу очищая» «...Отошедшего в сладости раистей всели». *Кондак*: Со святыми упокой, Христе, душу раба воего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»... *Ирмос*: «Сви-репейшую смерть умертвил еси Слове живоначальнейший...»

«Превыше всякие твари Пренепорочная была еси...» Богородичен.

Самогласы Иоанна монаха. Глас ̑̑. «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна; какая ли слава стоит на земли непреложна; вся стени немощнейша, вся сония прелестнейша: единым мгновением, и все сие смерть приемлет. Но в свете Христе лица твоего, и в наслаждении твоя красоты, идеже избрал еси упокой, яко человеколюбец».

глас ̑̑. «Где есть мирское пристрастие; где есть привременных мечтание; где есть злато и серебро; где есть рабов множество и молва; вся персть, вся пепел, вся сень, но приидите, возопим бес-смертному Царю: Господи, вечных твоих благ сподоби и представльшагося от нас, упокая его в нестареющемся блаженстве твоём». «... в селениях праведных упокой».

«Христос тя упокоит в стране живущих, и двери райская да отверзет ти, и царствие покажет жителя, и оставление тебе даст, о них же согрешил еси в житии, христолюбче»¹⁵².

23 сентября 1905. Сергиев Посад

*Метемпсихоз (метемсоматизм*¹⁵³)

Метемпсихоз — гипотеза дурного научного вкуса. 1). Он не нужен, если принимать определенность цикла воплощений, инкарнаций — не нужен, т. к. вечность открывается не в количестве, а в моменты, и достаточно жизни одной. 2). Он отрицает реальность смерти, [или перевоплощения] если принять беспредельность перевоплощений. Тогда «смерть и время не царят на земле»¹⁵⁴, и «смерть» делается простым условием, отдыхом, сном...

Получается плоскость, исчезает трагизм... Исчезает подвиг, и все реальное делается ирреальным. Спириты не указ: они не признают смерти организма.

3) Он невозможен. Личность — целый человек, а не «душа». «Душа» — в Аиде; нужна же жизнь личности, личность же — при

единстве «души» и «тела». Тело поэтому не перчатка на душе, которую можно скинуть, не гроб, из которого можно вылезти, а орган личности, существенная часть ее. Раз так, то тело — индивидуально. Поэтому душа не может быть в ином теле. Это была бы уже иная личность...

4) Ссылаются на факты, ради которых надобно якобы признать метемпсихоз. Главный — паранойя, ложная память. Факт основательный, но сослаться на них может только позитивист, а не мистик. Для мистика он лишь свидетельство единства души: «вспоминаемое» мною из жизни предков есть реально, теперь переживаемое «тогда», с тем «тогда» не ушло в раздельность, а существует вместе, и я его переживаю, подымает над временем, в области подсознательного. Всплывающее оттуда в сознании производит впечатление вспоминаемого «бывшего». Но это настоящее. А иногда весь процесс происходит прямо в сознании.

книга. П. Милославский. Древнеязыческое учение о странствовании души и следы его в 1-е в(ека) христианства. Казань. 1873.

100. Лица под специальным покровительством (см. 96).

Сколько не складывай в кучу камней — никогда не получится из них хотя бы кусочка хлеба; какие не нагребай кучи сухого песка в пустыне — он не станет хотя бы одной каплею воды. Сумма нулей, сколько бы их ни было, не даст ничего, кроме нуля. Среднее арифметическое из скверного не будет хорошим. И «коллективная фотография» с уродов не даст образа Аполлона¹⁵⁵.

Сколько не расширять свои владения на плоскости, мы ни на йоту не подыдем над плоскостью, и всякое толстение по трем измерениям не прибавит ни на волос росту по четвертому. — Лучшая из обезьян есть все-таки не более как обезьяна. «*Similia, quam similes, tarpissima bestia nobis*». Нет ничего противнее восковых фигур, и чем похожее они, тем страшнее. 21 марта 1905. Сергиев Посад. 1 час ночи.

Девственность души, — вот то свойство, которым отмечены люди под особым покровительством. Девство не есть физическое, физиологическое состояние. *παρθεμία, ἀγαμία*. Это — *ἀγρία*, чистота, беспорочность — особый уклад души, особая сила души. Богородица, как полнейшее выражение этой силы, потому лучше всего может охарактеризовать ее в конкретной форме. Вспомним характеристики Ее, сделанные св. Амвросием, Епифаном и др. (см. А. Глинка «Жизнь Божией Матери», мои материалы для «О Со-

фии»). Особая сила девства Богородицы уже отцами Церкви толковалась как дар чрезвычайной благодати, как результат соединения в ней «естества ангельского с человеческим», так что они боялись принять ее за Божество (см. там же). Но «ангельское естество» что такое, как не матица Церковь, как не первозданный мир, как не София. Важно обратить внимание на то, что Софию, особенно при толковании софийных икон, толковали то как Иисуса Христа, то как Богородицу, то как Церковь, то как Девство. Ясно, что единое церковное сознание не может разорваться и что Богородица ≠ (не равна. — Е. И.) Христу. Значит, София ни То, ни Другое, а Нечто, Им обоим присущее. София = София *.

Характерно толкование на новгородской иконе Софии, [помещенной на] (Н. Никольский, Анафематствование ¹⁵⁶ стр. 293 и «материалы») и на Троицко-Сергиевской иконе Софии (материалы), где говорится, что «имеет девство лицо девичье, огненно. Толк(ование): Огонь — божество, попадающее тленные страсти, просветляющее всякую душу чистую» ¹⁵⁷ etc. ср. слова Антония Великого о девстве, как об особенном даре благодати Божией и недостаточности для сохранения его хранить одну только чистоту тела (см. Агапит. Жизнь Антония Великого ¹⁵⁸, стр. 123 и Т. (пропуск в тексте))...

С. С. Троицкий для меня живой образец *девства*, как благодатного дара — как чистоты духа, поистине от — *ἀγνός* **... Розанов обратное *ἀγνός*. Это не значит, что он плох, но он — другое *κατ' ἐξοχήν* ***. Розанов это то же, что было в ваализме и ашериз-

* На полях приписано: «Епископ произносит след(ующую) молитву: “Вседержитель, Боже вечный, Владыко всего, Создатель и Правитель всего, чрез Христа явивший человека *украшением мира* (*κόσμον κόσμον*) и давший ему врожденной и нетленный закон, чтобы ... etc. — призри на преклонивших Тебе своя души и тела...” (гл. 9, стр. 105) “И не только мир создал Ты, но сотворил и гражданина мира (*κόσμον πολίτην*)» — человека, явив его *украшением мира*” (*κόσμον κόσμον*) гл. 12, стр. 118» (Чинопоследование литургии постановлений апостольских. Пост. апост., кн. VIII, гл. 5—15, Ed. Cotel; перев. см. в Собрании древних литургий, восточных и западных в переводе на русский язык. Сост. ред. «Христ. чтен.» при СПб.-ой Духовной академии. Вып. I, 1874. СПб.). (Эти постановления апостольские относятся, по крайней мере, к тому веку в самой последней редакции (IV в.), см. стр. 79 введения, или же ко времени раннейшему). (Прим. П. А. Флоренского).

** Непорочный агнец, святой (греч.).

*** Сверхвыдающийся (греч.).

ме, — чувство потенций рождения, чувство становления, чувство будущего и прошедшего, отражающее всегда все, что в теле, тогда как София дается тем, кто знает акт, чувство законченности, святости, чувство настоящего, скрывающегося в слове Вечность, *factum*.

Победа Христианства — в преодолении потенции богорождения, а потому и потенции (дурной, вообще). Христос подсек феогонический процесс, был сам последним Таммузом, как подсек закон, был сам последним законником.

*

16 июня 1905

Противоположность девственно — Присно Деве — Матери Бога, *Mater Dei*, выступает вечно рождающая, вечная Супруга, — Мать Богов, *Mater Deorum*. Это Кибела, Гея, etc. etc. Ср. Богоматерь Врубеля и весь цикл его картин в Киевском городском музее. (...)¹⁵⁹

19 августа 1905, Толпыгино (материалы для «О дружбе» и для стихотворения «Давид и Ионафан»)

«...Душа Ионафана прилепилась к душе его (Давида), и полюбил его Ионафан, как свою душу... Ионафан заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочия одежды свои, и меч свой, и лук свой» (I кн. Царств, XVIII, 3, 4) «чего желает душа твоя, я сделаю для тебя» (Давида) гов(орит) Ионафан (то же, XX и) etc. «[если есть какая вина на мне]» «ты же сделай милость рабу твоему; — ибо ты принял раба твоего в завет Господень с тобою; — и если есть какая вина на мне, то умертви ты меня»... (то же, XX 8) «И снова Ионафан клялся Давиду своею любовью к нему; ибо любил его, как свою душу» (XX 17).

«Давид пал лицом своим на землю, и трижды поклонился; и целовали они друг друга, и плакали оба вместе, но Давид плакал более» (XX 41).

Воздействие Духа Святого на душу

Под видом голубя в катакомбах изображался *Дух Святый*. Иногда же ему усваивается значение символическое *невинной Христианской души*, как видно из находящихся при нем надписей: *anima innocens, optima simplex*. Если голубь изображен с веткою в клюве, то он служит символом *мира*, подобно голубю Ноя, как это подтверждается Тертуллианом (*Tertullianus*) *adv. Valent.*

II Migne s. t. f. II Col. 544; De bapt. VIII, Migne st., + 1, col. 1208—1209). Голубь с виноградною кистью может означать христианскую *душу, вкушающую от небесных благ*.

Н. Покровский. Очерки памятников христианской иконографии. Вып. 1. Памятники древнехристианского периода. 1893. СПб. С. 26.

Одинаковость формы символа при [по-видимому] различных содержаниях его указывает, что содержания эти в каком-то родстве между собою, — что в них родственные переживания. Действительно, душа *невинная*, потом душа *умиренная*, и потом душа *вкушающая блаженство* — все это непосредственное следствие пребывания Духа Святого в ней. — «радость моя, радость моя, стяжай мир, и тогда тысяча душ спасется около тебя» (Серафим Саровский).

«... все женщины мудрые сердцем...» (Исх. 35 25) ¹⁶⁰. Ср. Исход 35—3, 36—2, 36— 8.

Мудрость *есть дар Духа Святого и заключается в сердце*. Проявляется же в искусстве искать etc. Разница с дарами каинитов, тоже искусных. *НВ*. Это все очень существенно для понимания взаимоотношения светской культуры и Церкви (Мережковский).

105. Чистый понедельник, Село Толпыгино, 1906, февраль ¹⁶¹.
Заметки о раскольниках

Часто представляют себе раскол (старообрядчество, по выражению самих раскольников, ибо они обижаются на слово «раскольники») как форму веро-исповедания, существующего равноправно с исповеданием, выраженным Великороссийской Церковью. Когда-то и я думал, что старообрядцы — это группа, связанная какими-то определенными воззрениями, а старообрядчество — форма исповедания их веры. Но теперь мне выяснилось, после того, как довелось послушать о них и посмотреть их, что это мнение совершенно неправильно. Раскол не есть определенная форма вероисповедания, а только *сила*, нудящая говорить не так, как говорит православная церковь. Эта сила — сила бессознательного *протеста* против идеи церковности. Дело даже не в православии именно. Я думаю, что поставь на место Православной Церкви какой угодно X, определенный по одному только признаку, — церковности, и тогда раскольники будут также откалываться, совершенно независимо от остального содержания этого X. *Мотивы* же раскола будут подыскиваться, и

их, конечно, всегда подыскать с большим или меньшим искусством можно. А что мотивы при расколе явление вторичное — это видно из того, что раскольникам ничего не стоит заменять одни мотивы другими, переходя от крайности в крайность; от полной стесненности односторонней традицией к полному произволу, от крайней строгости жизни к разнузданности. *Анти*-номизм, анти-церковность — вот истинная подкладка раскола, и мне было замечательно интересно слушать начетчика Михаила Петровича, потому что в его словах, требовавших церковного единства и традиции, сквозило совершенно ясное непонимание церковного единства: требуя сохранения традиции в сравнит(ельно) неважном (да и в этом — традиции ли?), он отметал единство церкви современной.

Нет резкого перехода от православия к расколу. Один и тот же субъект то ходит в церковь, то перестает, в одном — раскольник, в другом — православный. Пусть, как говорил о. Семен ¹⁶², большинство крестятся двуперстно. В Церкви, по его словам, почти все вместо «Господи, помилуй» etc. говорят вслух Иисусову молитву, и от этого их не отучить. А это, как мне кажется, характерный признак того, что нет сознания церковного единства. Как дай хоть молиться особо («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй *меня*, грешного»), отдельно от священника. О. Семен прямо жаловался мне на это, говоря: «каждый из них молится отдельно от священника. Что же остается делать священнику, как ни бежать из Церкви. (текст обрывается).

102. 19 марта 1905.

Планы и проекты

1. *София*. Для моего большого сочинения «О Софии, Премудрости Божией», между прочим расследовать:

1 ¹⁶³. откуда пришла в Россию икона Софии,

2. Имеются ли аналогичные иконы и аналогичные учения в церквях армянской, грузинской, коптской и др.

3. Как связывается в представлении народа София с Богородицею. И, вероятно, утрированно-обостренные взгляды, доведенные в своей односторонности до лжи, у сектантов (хлысты).

4. Благодаря чему католики запутались в этих своих переживаниях и довели путаницу до *immaculata conceptio* *.

* Непорочное зачатие (*лат.*).

5. чем отличается «рождение» Сына от «исхождения» Духа Святого?

2. Добиться того, чтобы наш философский кружок (в Академии) издал сборник «Строение материи», где бы были собраны классические, но мало известные произведения по динамической монадологии (и известные тоже): Босковича ¹⁶⁴, Канта ¹⁶⁵, Лейбница ¹⁶⁶, Фарадея ¹⁶⁷.

Затем еще древних Анаксагора и Эмпедокла. Предпослать введение, где излагаются новейшие учения об электронах и всем таком... Работы Abraham'a.

3. Проповедь на текст «всегда радуйтесь...»

4. Достать греч(еский) текст и русский перевод *литургии* и перевести на русск(ий) язык стихами (Собр. древн. литургий восточных и западных в пер(еводе) на русск. язык. Изд. СПб. Д(уховной) А(кадемии).

Деревен. скит

Университет

общая библиотека ¹⁶⁸.

4. Быть (прежде чем получить сан священника):

а) послушником (в Параклите (нрзб) о. Петр) в монастыре (о. Стефан зовет в Мехру? на лето, Предупредить его в Академию письмом за неделю)

б) псаломщиком в деревне. Для этого надо выучиться петь и знать «гласы».

γ) офеней — продавать по деревням синодальные издания

δ) сельским учителем.

(С. С. Т(роицкий) 8 августа 1905)

NB не для чего

поехать к Назаркевичу на Волынь ¹⁶⁹.

5. Посвящение мог бы, может быть, получить от Антония Волынского, с которым познакомиться можно через Назаркевича (он обещал устроить поездку в СПб к Антонию). А еще он — от Флавиана, кот(орый) по слов(ам) В. Ив. Парнасского, старается о проведении на практике своей целибатного духовенства (белого). А еще от восточных епископов (арабов) (С. С. Т(роицкий) Толпыгино 8 августа 1905) ¹⁷⁰.

7 августа 1905 Толпыгино.

6. На зиму занятия между прочим следующие:

- 1) Философский кружок, оживление его...
- 2). Философско-религиозное общество в Москве...
- 3). Народная газета
- 4). Хрестоматия религиозная для народа
- 5). Занятия французским с Сережей
- 6). Занятия математикой
- 7). Перевод Спинозовского «Tractatus theologico-politicus» с Сережей ¹⁷¹.
- 8). перевод Шеллингова «Einleitung in die Philosophie der Mythologie» ¹⁷² *
- 9). Семестры
- 10). Сочинения собственные
- 11). Обработка кандидатского сочинения о прерывности
- 12). Статьи для «Весов»
- 13). Перевод Платона с Эрном для Соловьевского издания
- 14). Редактирование и обработка сочинений о. Серапиона
- 15). обучение — «июнь на гл. ⟨нрзб.⟩» перед сном, $\frac{1}{4}$ часа (С. С. Т⟨роицкий⟩)
- 16). чтение Евангелия (по 1-ой главе с С. С. Т⟨роицким⟩)
- 17). делание рамок и т. п. из сухих цветов
- 18). Обработка сочинений о. Серапиона (для печати)
- 19). Церковно-обществен⟨ный⟩ журнал в СПб ¹⁷³.
103. 3 апреля 1905 Сергиев Посад ¹⁷⁴.

Геология души

1. Слои. Вглядываясь в душу свою, прислушиваясь к подземным звукам ее, я, с течением времени, проникаю все глубже в недра ее, переживаю слои души своей. Каждый вновь найденный слой бывает необычайно осязательным, и тянет к себе и волнует, наполняя душу несказанною сладкою тоскою, непонятными порывами куда-то в дали, которые я видел давно где-то.

Это — предки мои говорят во мне, и чем далее, тем яснее я вижу, как мало во мне «моего», и как много от предков. Предки живут во мне, в нижних слоях души моей, и я тоскую по ним.

Под верхней корой — собственным своим достоянием — нахожу я слой радикализма, науки, философии, — культуры научной отца и деда моих, и до последних лет только их я и знал. [А под ними] Это — мои увлечения физикой, математикой, геологией и т. п., не престающая любовь к ним, именно любовь, как что-то

* «Введение в философию мифологии» (нем.).

сладко-жгучее и греющее, тянущее к себе, и я хорошо из переживаний знаю, что это — вовсе не результат простого воспитания или моих убеждений. Это — врожденная любовь к науке ради ее самой.

А ниже — слой прадедов моих. Слышатся отрывки песнопений и видятся клубы ладана, и ризы, и иконы и воздевания рук... Трепет тайнодействия охватывает, и жертва бескровная свершается... А еще ниже — жречество. Боги и стихии, мифотворчество, священные дубравы и источники, тайнодействия на открытом воздухе и в необъятных каменных [часовнях] капищах «на высотах». Вижу величавое жречество и процессии...

Еще ниже, и я пьянею и замираю от запаха земли — черный, черный, свежеспаханный взбороненный, налитанный талой водой, влажный и чуть теплый под лучами вешнего солнца *. Вдали березовая роща, и «Сердцу так больно, и сердце не радо...» (Бальмонт)¹⁷⁵. Прильнул бы лицом к ним, и, прикинувшись, так бы и остался, обливая ее теплыми слезами иступления. И черная грязь смазала бы лицо — земляная, — и я бы рад был... Предки мои пахари. Возьмите же к себе. Жду вас, тоскую по вас, изнываю по земле... дайте мне снова землю.

А еще ниже, вижу изумрудятся пьяняще-зеленые поляны сочной зелени... Предки (номады?). Тянет кочевать по беспредельным степям, под хрустальным куполом неба. Негде развернуться душе, некуда деться ей. Тянет вдаль, а куда — сам не знаешь. Только и хочется ходить, ходить без конца...

А еще ниже... Какая-то неопределенная стихия. Водяные струи, зеленые, холодные... Дуновенья ветра. И я расплываюсь в них, теряюсь и исчезаю. То [снова] появляюсь, то меня снова нет. Лечу вдоль поля. Потом над соленой морской влажной — над *пучиной* «бесплодного моря». Синие дали — уходящие в бесконечность.

2. *Слово*. Всю жизнь стараюсь «вспомнить» какое-то слово, слышанное мною не знаю где и когда, но мучительно-важное, от которого, как кажется, все зависит — счастье, довольство, полнота и святость. Вьется, — вот схватишь, — чувствуешь его близко-близко. И всегда, когда думаешь, что сейчас оно будет твое, как будто внешне что-нибудь помешает: то надо обедать, то плохо пообедал, то недоспал, то переспал, то кто-нибудь заговорит. Будто

* Рассыпчатый, когда подсохнет, гребешок вспаханного поля (Прим. П. А. Флоренского).

сон какой забыл — хороший, хороший, и его стараешься восстановить, но не можешь, будто во сне это слово слышал. И так оно хорошо, что даже блуждающее воспоминание о нем сладко, хотя с грустью, доходящею до желания плакать.

Ал. Серг. Петровский говорит: «как соты: мед — это радость земли о небе, а воск — грусть неба о земле» ¹⁷⁶.

104. 23 апреля 1905 Сергиев Посад

Стилистические заметки

(особенно для поэзии и проповеди)

1). Писать всегда конкретно; для этого полезнее всего или видеть описываемое, или подобрать соответствующую картину, статуя etc. и писать, рассмотревши ее. Еще хорошо сначала карандашом сделать <сюжет?> перед писанием — выявить схему описываемого зрительно.

2). Наибольшую конкретность и типическую общность представляет материал, доставляемый сновидениями или видениями. Я почти все сцены в поэме писал на основании переживаний — или во сне, или в видениях, или по особым, повышенным состояниям.

3). Для конкретности по возможности избегать слов, не имеющих *и* конкретного значения, так, чтобы речь была двоякой — двусмысленной. Смысл первый — конкретно-образный, второй — общий. Слова, которые хорошо избегать, это

а) вспомогательные глаголы

б) наречия

в) союзы

г) местоимения

Надо живописать существительными, прилагательными не злоупотреблять, и глаголами, производными от существительных. Тогда на каждом слове можно будет что-нибудь получить. Напр., сказать «звонят внизу ручки» гораздо хуже, чем «звонят в низах ручки» (Бунин), и важно всегда придавать слову такую форму, чтобы ясно было, что оно не наречие.

4). Те образы, которыми изображается внутреннее содержание речи, должны в целом составлять единство и естественно переходить

дить один в другой за исключением мест преднамеренного разрыва и внезапного изменения темы.

5) В каждом предложении («точке») должно быть *одно* главное логическое и одно главное музыкальное ударение. И из конкретных представлений, словами предложения возбуждаемых, только одно должно царить надо всеми, только одно должно быть подчеркнуто. Остальные не более как свита первого.

6). Мой недостаток (понял его, читая сочинения отца Иосифа, нашего инспектора)¹⁷⁷. Никогда не нужно злоупотреблять определениями: они дают фразе несколько ударений, размазывают отчетливость фразы и тем вместо сообщения ей полноты содержания лишают ее всяческого содержания, делая протяжно-сплетенной *.

7) Первое правило не быть скучным: это — подводит вполне до пустяшных, но красивых заключений, однако не договаривает и дает ему возможность проявить кажущуюся самостоятельность. И не он мыслит, и как будто он. Это хорошо умеют французы. Слегка кокетничать и интересничать с публикой столь же необходимо, как необходимо глубины своей не уступать и не упрощать и не смотря ни на какие стоны и бурчания на трудность понимания¹⁷⁸.

8) Самое лучшее произведение может быть в корень изгажено одним или двумя опошленными и истасканными оборотами, знакомым сочетанием слов, тривиальностью. Но сказать *общее* место — это значит погубить все впечатления. Сужу по себе. Как бы ни был высок автор, но я не нахожу в себе сил простить ему хотя бы одно общее место. Или — все бывает оттенено в духе пошлости.

9). *непременно* цитаты иностранные сопровождать переводом

10) Сохрани меня, Боже, от слов на «ание» да «ение». Это такая тягучка ** получается, что не распутаешься в ней. А еще более избегать тройных родительных падежей, да двойных: «Очерки

* Слог делается рыхлым, ватным, не упругим и не сочным (Примеч. П. А. Флоренского)

** Кстати: *тягучки* где-то называют *тянучками*, что, собственно, и правильнее (Примеч. П. А. Флоренского).

истории астрономии», «крайности мнений ученых Германии». Это уже положительно невыносимо... «О влиянии направления знания на состояние умов».

7 сентября 1905 Оптиная Пустынь, 16 сентября 1905 Сергиев Посад.

11). Нельзя рядом или близко ставить слова составные, как напр. «древне-носимого, язычески-дуалистического идей{...}»

12). 19 сентября 1905. Впечатление должно быть однородно, а для этого необходимо работать определенным методом, или, по крайней мере, смену методов делать не весьма часто и обдуманно. Нет, напр., ничего тягостнее, как когда чисто логический метод сменяется немотивированно аллегорическим, тем более, символическим. Сравнение, символ, аллегория начатые и оборванные, недоразвитые заморыши чахлой Фантазии ложатся на общем фоне произведения безвкусными и случайными заплатами... По той же причине вредны сравнения перебивающие друг друга: богатство образов, желательное само по себе, должно быть однако скромным. Образы должны быть настолько сращены между собою, должны так вытекать один из другого, чтобы читатель не догадывался, что ему незаметно подносится новое, синтетически объединяющееся со старым. Мелодия в другом тоне во многом другая мелодия; вариация на ту же тему — почти совсем «новое», музыкальное продолжение старого — совсем новое. Но ([читателю]) слушателю кажется, что его ведут по уже знакомому, что ему напоминают уже известное. Это — необходимый прием всякого творчества (ср. с *lex permanentiae symbolorum* *).

105 (см. 111, 126). 2 мая 1905 Сергиев Посад

О возрастании ¹⁷⁹

План статьи о *потенциальной бесконечности*, типах святости и т. д.

I. 1). Личность, будучи актуально-бесконечна в одном смысле (образ и подобие Божие) ¹⁸⁰ — в то же время должна в своем об-

* Закон постоянства символов (*лат.*).

наружении беспредельно раскрываться, что делает ее и потенциально бесконечною. Потенциальная бесконечность — это конечная, изменяющаяся в определенном смысле и имеющая область изменения актуально-бесконечную.

2) Но законы изменения — быстрота возрастания могут быть различны. Отсюда установления понятия порядка ([Бугаев])¹⁸¹ бесконечности (примеры). Но, кроме порядка, могут быть законы, так сказать, несводимые друг к другу. Это — «типы возрастания» Дю-Буа-Реймона¹⁸², «породы» бесконечности Бугаева. Пример этих пород. Конкретные примеры. Демонстрация кривыми.

4). Относительно *пород* существует замечательная теорема П. Дю-Буа-Реймона, по которой под всякой *породой* имеется еще новая порода, над всяким семейством подымающихся кривых еще новое семейство, подымающееся еще быстрее. Геометрическое полудоказательство, поясняющее, в чем дело.

II. 1) Теорема Дю-Буа-Реймона, равно как и все учение о типах возрастания («о способах, формах совершенствования») — теорема «нравственная» по преимуществу, имеет много поясняющего для области нравственно-религиозной жизни. Это именно понятие его «прирожденной святости». Отсюда различие двух людей может быть качественным, хотя оба со всех сил идут вверх; но оба принадлежат к разным *породам*, к разным семействам порядка, и никакое усилие, никакое напряжение не уведет одного в высшую породу, хотя он в своей области, по своему закону может идти как угодно далеко.

2). основная черта различия пород — девственность. Примеры девственности (С. С. Троицкий). Отличие от обыкновенных смертных (П. А. Флоренский). Чувства в них возбуждаемые. Смирение и сознание невозможности вступить за границы «применения?»¹⁸³.

III.¹⁸⁴ 1). Переходы в новую породу возможны не иначе, как действием благодатной помощи Божией (Примеры). Но этот переход, как переход качественный, не может быть прерывным. Ибо тут сознание и дух вообще начинает развиваться по новому факту, который можно подвести под старый лишь одним только подведением их обоих под одну функцию *прерывную*, допускающую и требующую вторжения нового фактора — нового при-

тока благодати. — 2) прерывным переход этот переживается. Примеры. 3). скажут — переход этот подготовился ранее. Может быть; но вне субъекта он является существенно новым, и новым существенно является фактор благодати. 4) Он сопровождается настолько резким изменением, что изменяет имя. Примеры. 5). Меняется темп жизни. — Таков переход к новому факту. — 6) Свет от лица, нимбы... (свидетельства о Богородице и др.) 7) Значение слова *sanctus* * = (*carissimus* **) Псалом 106, по евр. счету 107 (стр. 1060) ¹⁸⁵.

1). В статье. О Сереже сказать под видом выдержки из частного письма. Слог самый простой (соответствующий холщовой некрашеной одежде Девы Марии).

2). О Богородице. Выдержки из Хомякова, Игнатия Богоносца, Дионисия Ареопажита, Епифания, Амвросия и др. (см. папку с материалами «О Софии»).

Заглавие статьи: «О возрастании» или «О законах возрастания». Амвросий Оптинский, как ангел, ангел во плоти.

106. (см. 79, 22)

О чудесах

(заметки для дополнения к статье)

Бытие, IX. Элогим, после потопа, заключает завет с Ноем (Бытие, IX, 12) «И сказал Бог: Вот *знак* ¹⁸⁶ союза, который Я полагаю между Мною и всякою душою животного, которое с вами, на вечные поколения!» (IX, 13). «Радугу мою Я полагаю в облако, дабы была она *знаком* союза между Мною и землею».

(IX, 14) «И когда Я стану наводить облака на землю, — покажется радуга в облаках».

(IX, 15) «И Я вспомню союз Мой, что между Мною и вами, и всякою душою живою во всякой плоти, и вода не сделается более потопом, не погубит всех существ».

* Святой (*лат.*).

** Превосходная степень от *saigus* (дорогой) (*лат.*).

(IX, 16) «И будет радуга в облаках, а я увижу ее, дабы вспомнить всякий союз между Богом и всякою душою живою, во всякой плоти, что на земле (IX, 17) «И Бог сказал Ноагу: Это *знак* союза, который Я установил между Мною и всякою плотью, что на земле!» (По переводу Л. И. Мандельштама: Тора, т. е. Закон или пятикнижие Моисеево, 2-е изд. Берлин, 1872)

Бытия, I, 14 (по переводу венского издания)

«И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и да будут они *для знамений*, и времен, и дней, и годов»...¹⁸⁷

107. 12 мая 1905.

Знамена

Если человек действительно верит твердо, т. е. если для него, для сознания его, объекты и факты религиозной области представляют *реальности*, а не фикции, то весьма трудно (невозможно?) допустить, чтобы он мог не связывать их с конкретным, чувственно воспринимаемым. Невозможно человеку верующему не думать, что его религиозные объекты восприятия никак не связываются с чувственным миром, что факты в мистической области не имеют себе соответствий в области опыта научного. Явления, *поскольку* они воспринимаются научными методами, конечно, ничего не будут содержать в себе, кроме того, что соответствует области данной науки; но для *полного сознания*, с его религиозно-мистической жизнью, по крайней мере, некоторые из этих явлений должны быть отражениями, соответствиями мистической области. Итак, надо искать *знамений*, которые для религиозного сознания *не могут* быть объяснены *иначе*, как *знамена*, а последнее надо доказать необходимой связью значения с знаменуемым, с фактом религиозного переживания. Тогда мы получим «эмпирическое» доказательство веры нашей. Примеры.

1) мощи: не гниют, исцеляют;

2) чудотворные иконы и реликвии...

3) Богоявленская вода¹⁸⁸ не цветет. Это проверяли, как мне рассказывали многие, и убедились в истинности. — Купающиеся в

Богоявление не заболевают. А ведь тогда очень холодно: купаются в проруби. И, в параллель, — купаются в источнике преп. Серафима, настолько холодном, что он «обжигает», — и не простужаются. — Во время грозы зажигают богоявленскую свечу.

4). В пасхальную ночь (на Святой неделе (Воскресенье) при восходе солнце «играет»¹⁸⁹. Крестьяне говорят, что оно пляшет. Один из товарищей говорил (Махаев¹⁹⁰) мне, что они (в 4-м классе семинарии) целым классом проверяли это, и, действительно, видели, как от солнца, при восходе, разбегались *цветные* (голубые, розовые) круги, как по воде от камня. Солнце подымалось над горизонтом, и видны были полуокружности. Они наблюдали явление «минут 5», само солнце, «как помнится», было неподвижно¹⁹¹.

6 августа 1905. Мк 6. 51—52; Мк 6. 5—6¹⁹²

Мк 6. 51—52¹⁹³. После чудесного насыщения 5 000 человек 5-ю хлебами и 2-мя рыбами ученики I. Х. отъехали к середине Генисаретского озера. Начался противный ветер, и I. Х. пошел по водам помочь им. Когда он вошел в лодку к ним и ветер утих, то «они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились. Ибо не вразумились *чудом* над хлебами: потому что сердце их было окаменено».

Они видели чудесное явление, но не восприняли мистической стороны его, не пережили божественного момента этого чуда — рода евхаристии, как его рассматривали в первых веках (особенно в иконографии сближения с евхаристией). И потому весь особый, необычайный характер явления прошел для них бесследно. Благодаря «окаменению сердца их» данное явление не стало для них ничем существенно отличным от всех остальных. Ученики несомненно видели, что «ели все и насытились» (Мк 6. 42), видели также, так сказать, материальные следы чуда — 12 коробов, полных кусками хлеба и остатками рыбы (Мк 6. 43); они не могли не знать, что народу много, тем более, что сами предлагали купить для него хлеба на 200 динаров (6. 37), да и мудро не заметить «около пяти тысяч мужей» (6. 44), которых сами же они рассаживали «на зеленой траве рядами» (6. 39, 40). И сами же они на вопрос Спасителя «сколько у вас хлебов? пойдите и посмотрите», «*узнав*», сказали: «пять хлебов и две рыбы» (Мк 6, 38). Тут подчеркнуто, кажется, все возможное, чтобы составить протокол и на основании его доказать с полной несомненностью, что апостолы

не только видели все явление, но участвовали в них, знали все его элементы, так что не могли не заметить *особенности его*, его необычайности. Но они — несмотря на все это — имели окаменевшее сердце, не заметили мистической стороны чуда — таинства.

1 сентября 1905, Оптина пустынь.

См. то же у Мф 14. 13—33. (Далее выписки из Евангелия из Матфея, относящиеся к тому же эпизоду, сопровождающиеся аналогичными комментариями)

108. 9 июля 1905, Тифлис.

Закон иллюзий

(План реферата для философского общества при МДА)

1). Происхождение иллюзий либо физиологическое, от устройства воспринимающих органов, либо психологическое, от неправильного толкования, от неправильной надстройки над элементарными психическими состояниями. Мы займемся последними.

2). Сосуществование или последовательность двух явлений в духе вызывает их взаимодействие, их взаимоизменение (изменение окраски), особенно заметно — при явлении «общем» и «частном». Определение — см. примеры.

3). Отсюда — из закона контраста и закона экономии психической жизни, стремление к упрощению — [иллюзия] вывод закона Преображенского об иллюзиях

4). Примеры из разных областей. Сравн. Сложное пятно, дающее постулировать... поверхность там, где ее *⟨нрзб.⟩* и голову.

5). Закон экономии ведет к *упрощению* мироотношения. Примеры в мировоззрении. Социал-демократы (постулирование). Достоевский об упрощении. То же в области религии. История религии. Сравн. сл *⟨фраза обрывается⟩*

6). Внезапное несогласование факта неподчиняющегося: отсюда общественная реакция.

7) Гегелевский факт тезы, антитезы и синтеза в психологическом освещении ¹⁹⁴.

109 (см. 79 — 25, 78, 98). 29 июля 1905 Сергиев Посад

Великая Блудница и Социал-Демократия

1). Штемпель, тавро Зверя — клеймо принадлежности к социал-демократическому государству. 2) Блудница — это государства социал-демократов. 3) Все народы упивались блудодеяниями ее... 4) Они — социал-демократы, не шутка, не порыв. Они — страшны, они — фанатики; их свинцовый взор. «Нет Бога, кроме Маркса, и Энгельса пророка его». У них все будет, и религия, и искусство, и наука, и все *кажущимся* образом лучшее. Мы будем бедны всем, как и в первые века, мы будем презираемы. См. для материала у Луначарского (в книге «Критика чист(ого) опыта» ¹⁹⁵ / «Теория позитивного идеализма» Голцапфеля... Делается страшно. Ложь, принимающая облик последовательности и полноты.

Связь Антихриста, мнимо хорошего: (он только человек с Блудницей, мнимо универсальный...)

5 августа 1905 Толпыгино

«Мягкий гнет» — характеристика будущего строя. Все общество «деликатно», предупредительно подхватывая под руки, заставляя с несокрушимой, с железокованной необходимостью идти каждую личность по общему руслу, делать «полезное» для всех, для общества. Ни одного резкого движения, ни одного грубого слова, но за этой, чисто кошачьей, мягкостью скрываются и кошачьи же когти. Бархатная лапа «цивилизации» царапается настолько же сильнее лапы «нецивилизованного» человечества, насколько [радиация] [ядро ура(на)] ядро крупновской пушки летит дальше пращи дикаря.

15 августа 1905. Село Толпыгино.

Волевое отрицание и наука

Борьба между Христом и Антихристом в своей окончательной форме должна относиться к мистическим областям духа, и потому всякая эмпирическая «эвклидовская» (по выражению Достоевского) преграда между Христом и Антихристом является тем

«держай» (*τὸ κατέχον*), о котором говорит Апостол. Это «держай» заключается в том, что религиозные вопросы, вследствие недостаточности науки, все еще не доведены явно до своих мистических корней и потому отрицание того или другого пункта не является еще чем-то в себе плохим. Оно может быть и плохо и хорошо. Научное отрицание, рационализм не есть еще «противление». А возможность научного сомнения в Христе и есть, именно, это «самодержащее».

Но когда наука будет доведена до такого состояния, что каждый религиозный вопрос, — точнее, основной религиозный вопрос о Христе, т. к. все остальные сводятся к нему — когда каждый религиозный вопрос будет научно сознаться вполне достаточно, чтобы волевым актом быть принятым или отвергнутым, — тогда каждый должен будет идти либо за Христом, либо против него. Как же возможны «средние» пути, отличные от пути Христа и Антихриста, пути еще не достаточно оформившиеся благодаря недостаточности мировоззрения и научного развития.

Мировоззрение должно вырасти так, чтобы каждый религиозный акт был либо отдаванием себя Христу, либо «хулой на Духа Святого». Не будет надобности в разбирании pro и contra. Все балансы будут подведены, и сведется весь вопрос к такому: «с Христом или Антихристом», и *tertium non datur* *.

7 сентября 1905 Оптиная Пустынь

«Идите от меня, проклятые, в вечный огонь, приготовленный Дияволу и всем аггелам его» — т. е. *«убирайтесь к черту!»* так объясняет о. Даниил из Предтечева скита (Оптина) и при этом замечает: «приготовлен-то не людям — людям приготовлено царство небесное — а Дияволу. Христос говорит людям: идите ко мне вси труждающиеся. Христос никого не отвергает. Но если не хотите, так и не надо. Убирайтесь к черту». «Хочешь быть свиньей — ну и будь» — «Бегают, как собаки, задрав хвост, и гам! гам!»

*

110. 5 июля 1905.

Осень

Осень... и с нею та же беспредметная тоска, то же томление по бесконечному. Не разберешь, рад ли чему бесконечно, или тоску-

* Третьего не дано (лат.).

ешь, невыносимой ли жуткой сладостью наполняется сердце, или сжимается в утомившей все существо печали. И вдруг, будто сквозь зияющую дыру в туманном море, проглядывает действительность, раскрывается ужасная, беспощадная и неизбежная правда: я один, абсолютно один, и нет никого, кроме Бога. Лицом к лицу пред Ним, а все остальное — только кажется, отделено несокрушимой стеной. И не выбиться в своем одиночестве сквозь стену, не пройти к брату. Знаешь, что ждет и томится за стеною брат, знаешь, что и он одинок. Но знаешь тоже, что не подаст он тебе руки. Может быть, нет жертвы, которой не принес бы, чтобы быть вместе, и уж конечно, никаких «выгод» не пожалел бы для него, до жизни включительно. Но, бейся не бейся, ничего не будет, ничего не достигнешь и во веки останешься один, пред лицом Судии.

Это абсолютное, необратимое одиночество раскрывается вдруг, может быть из-за пустяка, из-за того, на что другие не обратили бы внимания. Остаешься когда один, то думаешь, что живешь вместе; всею душою, всем существом вместе «с другими» — с другом каждый его шаг. И вдруг при встрече какое-нибудь «Павел Александрович» зазвучит так далеко и холодно, какое-нибудь «Вы» так обрежет мучительно все порывания, что сразу опустились руки, и слова искренности — лучшее, что есть, быть может, то, что выше меня самого, что дано свыше, — зачоченевают на дрожащих губах *. И тогда, когда останешься снова один, то как молния оглушает внезапное сознание: «Один, и нет выхода, нет конца одиночеству, нет избавления. А Судия требует: будь не один, иначе — ты погиб». И дрожащие губы снова бормочут бесвязно слова одиночества... **

111. 9 августа 1905 Толпыгино

Детскость (см. 105; о девственности)

Переписываю заметку из записной книжки, — заметку от 28 июля 1905 года. Я тогда ехал на Кавказ, измученный партий-

* На полях приписано: Это имело основание Июля до 2 1/2 ч(асов) 6 числа августа 1905. К слову... Прощается ли грех, сознательно совершенный или нет? Имеется ли (искупление?) греха бессознательного? Какие грехи не «сознаваемые»? (Примеч. П. А. Флоренского).

** На полях приписано: Заблуждение... Где во время (нрзб) (Примеч. П. А. Флоренского)

ностью, партийными расчетами и пересудами... К нам подсели впервые какие-то мужички, занимающиеся, по их словам, «скотским делом». Чуть было не бросился им на шею с радости. Потом, в соседнем купе оказался немолодой уже прасол из окрестностей Царицына. Глаза его были лучисты, лицо благообразно, и я не знал, как бы мне выразить ему чувство близости... В русских мужичках есть что-то необычайно хорошее, сквозящее чрез кору и грязь. Это «что-то» совершенно теряется в более зажиточных слоях, в рабочих, в купечестве. Это «что-то» — *детскость*. Все другое — взрослые, с самооглядкой, смотрящие в зеркало на себя. Эти же, крестьяне — без «классового сознания», и потому «не доросшие» до сознания своих интересов, смотрят на мир объективно, как мыслители, как ребенок. Городская и фабричная жизнь изгоняет это свойство. Только очень высокая культурность делает человека снова надпартийным, универсальным, только она снова создает философа или ребенка, что, в данном отношении, сходно. В чиновниках — какая-то вековая тупость, пингвинообразная неподвижность, безмысленность и бессмысленность; а с другой стороны — «субъективность», — желание смотреть на все с точки зрения интересов своего круга. Только для ребенка и старика — схимника, для крестьянина и философа возможно «объективное мышление», возможно обращаться с существом дела, а не благовидно подтасовывать факты и теории под предвзятые пожелания «классовой истины», «истины», служащей средством для оправдания себя и своего существования...

Взять хотя бы Алекс. Осиповича Осипова и Александра Кондратьевича Хренова¹⁹⁶. Совершенно ясно сквозит в них благородность, природное благородство человеческого духа, не успевшее еще опошлиться пиджаком («пинжаком») и крахмальными бумажными воротничками. Когда побываешь около них, то отдохнешь душою, потому что видишь, что, что бы они не говорили, они не говорят это предвзято, с точки зрения «выгоды», а говорят просто, независимо от побочных мотивов и сопутных соображений.

10 августа 1905 Толпыгино

Говорил сегодня с *Ив. Андреев. Бубновым*¹⁹⁷. Разговорились о мужиках, и я заметил, что он — хороший. Бубнов подтвердил мои слова и добавил: «да мы все хорошие, только учености нет». Характерное самосознание: «мы все хорошие», и это самосознание правильно. Все, вообще говоря, хорошие.

112. Ночью 10 августа 1905

Колотушки. Заслышались колотушки ¹⁹⁸. Успокоение и грядущая радость наполняют сердце несказанным восторгом. Будто вся нечисть гонится прочь этими звуками. Будто это Христос ходит с колотушкой, Христос — небесный страж ¹⁹⁹. Мы не одни, нас защищают невидимые силы от всяких напастей, от мраков и провалов ночи. Мы не одни, но под покровительством небесного Дозорщика, и Он защитит нас от всех бед...

113. 18 августа 1905 (см. 79, 124).

47) ²⁰⁰. Проповедь на текст I Кн. Царств, III, 1.

«Отрок Самуил служил Господу при Илии; слово Господне было редкостью в те дни, и видения были не часты». Современность подобна тому времени.

48) ²⁰¹. Проповедь для Толпыгинской церкви на день освящения Нового Храма (для о. Семена Троицкого). (см. 114).

49) ²⁰². Эпитафия Саше Вишневской (по просьбе П. Г. Вишневского) ²⁰³.

50). «О вере» (реферат для «Общества памяти Вл. Соловьева» (см. 115)).

51). (см. 27) Небольшой этюд о времени написания Оригеном *περὶ ἀρχῶν*. — Этот этюд необходимо прибавить в виде приложения к сочинению «Метафизика Оригена по *περὶ ἀρχῶν*»

52). Перевод Doring'овской *Über Zeit und Baum* исправить и снабдить примечаниями.

53) ²⁰⁴. Переводы двух лекций шеллинговского «Введения в философию мифологии» ²⁰⁵.

54). Вступительный этюд к шеллинговскому «Введ. в философию мифологии» и примечания.

55) ²⁰⁶. Речь о необходимости реорганизовать «философский кружок» при Академии. Издание сборника. (устно) ²⁰⁷

56) «Давид и Ионафан». Апофеоз дружбы.

57). Не очень большая книжка (250—300(?) стр.): «Жизнь и мистическое мировоззрение архимандрита о. Серапиона Машкина» (По рукописям и подлинным документам, хранящимся в Оптиной пустыни) ²⁰⁸. Для этого изучить Симеона Нового Богослова ²⁰⁹.

58) ²¹⁰. Отчет о. Архимандриту Ксенофону (Оптина пустынь) относительно моих занятий над сочинениями о. Серапиона.

59) ²¹¹. Заметка о церкви. Собор (напечатана зимою. Пишу о ней, чтобы не забыть).

60). Жизнь и характеристика о. Исидора Грузинского, моего духовного отца. Небольшая статейка в тоне «убеленных риз» ²¹².

61). Реферат для «Общ(ества) пам(яти) Соловьева» «Основной вопрос философии» архимандрита Серапиона Машкина — о скепсисе, *ἐποχή* и разрешения скепсиса. — Проклинающе (см. 50). Недостоящее чувство, ужаса пред *ἀπορία*, *ἐποχή*, как (нрзб). Радость, радость, радость решения. Слава Богу за все. Христос. (переч(итать) «Дневник Амиэля» и «Исповедь» Толстого) ²¹³.

62) ²¹⁴. Об ангелах во плоти (Амвросий, Серафим ²¹⁵ etc.) элементы восприятий, наполняющие метафизическую и догматическую идею «Ангела» конкретным содержанием (если бы не было метафизической идеи, мистических, эстетических и т. п. конкретных данных, то слово Ангел в Откровенных книгах было бы пустым словом, звуком, *flatus vocis*. Как же складывается конкретное содержание этой идеи? ²¹⁶

63). «О свете от лица праведных» или «о нимбах». Как возникла идея писать нимбы. Как психологические элементы, взятые из переживаний ²¹⁷.

64). «Об изменении имени» при мистических переломах в сознании.

65). Ангелология в истории и этнографии.

66). Забытая кафедра. О необходимости учредить при академиях кафедру по энциклопедии математики ²¹⁸.

67). Предисловие к сочинению А. В. Ельчанинова «Мистицизм М. М. Сперанского» «О мистицизме» ²¹⁹.

68) ²²⁰. Речь на первое заседание филос(офского) общ(ества) «О Догматике». По поводу догматики, мировоззрения научного и т. д. В связи с переживаниями и критицизмом.

114 (см. 121). 18 августа 1905 ²²¹.

Община-Церковь и Храм-Церковь

1. По-русски — «церковь», по-гречески *ἐκκλησία*, по-французски «l'Eglise», по-немецки «die Kirche», по-английски «(пропуск в тексте)».

⟨пропущена строка⟩

Это совпадение названий для церкви, как собрания верующих, и для здания, служащего местом схода, весьма замечательно. Оно указывает на ту идею, что, [храм] собираясь в храме, церковная община по преимуществу [собирается] бывает Церковью, потому что единение в молитве есть главное и самое ценное единение из

всех единений — цель, для которой все остальные служат средствами; цвет, вырастающий на почве других взаимоотношений, поставленных в их правде.

Это и понятно. Ведь первоначальное (генетически, исторически) единенье — религиозное — семья, род, племя. Общественные функции первоначально [суть те же] не выявившиеся и не отделившиеся стороны религиозного творчества; но, выделившись из своего безразличного единства, они в синтезе должны снова примкнуть к религиозному творчеству, но уже как самостоятельно служащие силы.

2. — Храм есть почти исключительное место пресуществления Св. Даров. Все другие таинства могут быть совершены и в иных местах. Но евхаристия или, по крайней мере, приготовление к ней, теснейшим образом связана с храмом. Можно сказать, что он — дарохранительница гигантского размера. Если же в ином месте на антиминсе будет совершена литургия, то волей неволей там придется строить на скорую руку то, что уже сделано в храме, — престол, жертвенник и т. д., но только в недостаточно дифференцированной, а потому и недостаточно удобной форме. Получится тот же храм, но только в ином месте.

3²²². Храм в деревне есть место общения — единственное место. *Мирской избы* нету, нигде нету достаточного и не занятого помещения. Еще летом туда-сюда: можно собраться на завалянке. Но если бы не Церковь, то зимою явилась бы полная разобщенность. Встречаются около церкви, да и после службы встречаются в Церкви. Но община в Церкви приобретает особый смысл, двойной, как община религиозная, в «дарохранительнице», где члены церкви по преимуществу вчлняются, делаются членами Тела Христова.

4. Храм — един(ственное) место, где может *сейчас* не быть ни бедных, ни богатых, ни умных, ни глупых, ни господ, ни слуг, где все *сейчас* могут на самом деле быть братьями — хотя бы на несколько часов. Трапеза Господня — единст(венная) трапеза, за которой все могут быть *вместе*.

4²²³. Храм дает возможность сосредоточиться для молитвы. Домашняя обстановка мешает. А вдобавок привычность ее наводит на привычные мысли. Обстановка рождает по ассоциации настроение. Такова обстановка храма, иконы, напр.

5²²⁴. Говорят, икон не нужно. Но ведь иконы — портрет Бога, Его пречистой Матери, свв. угодников. Свой портрет, небось, стараются получить, когда можно, а портрета Божьего — не

нужно. Хороша любовь. О. Даниил²²⁵ в Введенском скиту говорил мне то же про Толстого: «свои фотографии помещает по журналам и газетам, а Божьего портрета не нужно... Бога называет обманщиком... И говорит, что любит Бога...» О. Даниил как художник-портретист особенно возмущается ересью иконоборчества.

6. Говорят, храм скучен. Скучен, потому что не понимают служб. Недоучились. Скучен потому, что не радеют о нем. Вот он и кажется не своим, а чужим. Если бы заботились о нем, хотя бы цветов приносили, как зелени для украшения, если бы сделали храм своим, приняли побольше участия в хлопотах о его благоустройстве, то не был бы скучен. Ведь не скучна своя изба. Она и беднее, и меньше благолепна, и менее святости имеет, нежели храм. А не скучна, потому что избу считают своей, а храм — не свой, не общины, а чей-то чужой, не то священника, не то урядника. Вы оставляете Дом Божий, — и Бог оставляет ваши Дома. Вы не хотите приходить к Богу в гости, на трапезу Его, — не хотите общаться с Ним. Ну, что же. Бог любит свободу, — «где Дух Господень, там и свобода», говорит Апостол. Он насильно не станет тянуть к Себе, навязываться не станет, и не пойдет к вам в гости. [Как Христос сказал: «вот»] [Когда иудеи не приняли Христа, не захотели общаться с ним] Христос звал к себе иудеев, никого не отвергал, обещая успокоить у Себя их: «Придите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, — [обещал] и Я упокою вас». Но, когда к Нему не пришли, то Он не стал тянуть насильно. Иудеи Его оставили, а Он оставил их: «вот оставляю дом ваш пустым. Не увидите Сына Человеческого, доколе не воскликните: „благословен грядый...“»

115. 21 августа 1905 Толпыгино.

О вере

(реферат для «Общ. пам. Влад. Сол»)

1. Слои воспринимаемого: эмпирическое, попавшееся в «научные категории»; мистическое, стоящее над всякой формой. Это после рефлексии. До рефлексии — цельность действительности, как соединения того и другого, точнее — нет ни того, ни другого.

2. Атеизм, акосмизм. Результат один. Бог, не явивший Себя, для сознания — ничто. Мир, не связанный с Богом, для сознания — пустая картонная маска.

3. Преодоление — в символе. Христос как Символ, дедукция догматов из идеи Христа. Христология. Затем собственно феология и космология. (нрзб.)

4. Стадии развития: наивная вера, кризис, «вольтериянство»; «разумное» полуверие; научная вера, кризис; истинная вера, чрез насилие, последние две стадии таковы: сначала верят тому, что истинно; потом — истинно то, чему верят.

5²²⁶. Раньше верил, потому что знал; после перелома стал знать, потому что верил. И теперь тоже знаю, ибо верю, а не верю, ибо знаю.

116. 27 августа 1905 Оптиная Пустынь.

Мистика (параллели)

Мистическое развитие сравню с путем в горах. Выше и выше поднимаешься к небу, но более и более делается опасность слететь в пропасть. На ровном месте нет подъема, но нет и бездны, и подлинные мистические опасности появляются при наличности подъема в выси. Только поднявшись до вершины (святость), делается безопасным. Географические карты и планы, составленные людьми уже восходившими на эти высоты, совершенно необходимы. Это — учение Церкви, догматы, направляющие путь. Но почти так же необходимо иметь с собою проводника, — опытного человека, не только теоретически изучившего, но и практически воспользовавшегося этими картами. Проводник этот — старец. И, как в горах, или надо идти самому, или же довериться проводнику, так же и тут, раз пошел со старцем, должен довериться ему, т. к. иначе будет хуже, чем идти одному. Не в житейском доверяться нужно, а именно в мистическом. Быть может, он не поведет тебя путем кратчайшим или удобнейшим; но зато он уже знает этот путь. Вступивши же на одну дорожку, лучше идти по ней плохой, чем выискивать в опасных местах новой. Но конечно аскетичность старца должна быть предварительно проверена.

Как же можно относиться с таким высокомерным пренебрежением к католической Церкви! Ведь она нам [родная] *тетка* (родная сестра матери нашей, Церкви православной). Когда слышу эти выражения закоренелой ненависти к Церкви католической, то почти не помню себя и готов хоть драться. 18 октября 1904. Сергиев Посад²²⁷.

Если бы я был профессором апологетики, то вместо всяких разговоров стал бы демонстрировать Сер(гея) Семенов(ича) Тро-

ицкого. Если и тут кто сможет не убедиться — да будет яко язычник и мытарь, от чистоты духовной захватывает. Могло ли такое произведение выйти непосредственно из рук Творца?! 7 ноября 1904, Серг(иев) Посад.

Крестятся так густо, будто маком тесто посыпают. Всю службу маком пересыпают. 27 февраля 1905. Толпыгино.

Имманентная критика — это критика, желающая рассматривать, насколько выполненная работа соответствует замыслу, насколько автор достигает поставленной им цели и, следовательно, насколько ценна работа с его же точки зрения. Нам при такой критике нет дела до ценности ремесла с точки зрения критика, а важно критикуемого заставить *самому*, с собствен(ной) точки зрения, оценить свою работу. Следоват(ельно), имманентная критика подразумевает духовное соучастие в критике критикуемого, требует от него активности. 14 февраля 1905. Толпыгино.

Какой-то из новообращенных инородцев, на упреки, что он не молится, стал оправдываться, говоря: «я завсегда молюсь — *рукой молюсь* в углу...» Но, быть может, еще ехиднее говорится «выстоять всенощную, обедню etc.» вместо «молиться за всенощной, обедней etc.». «Выстаивают», «крестятся», «кладут поклоны»: это говорится часто; но «молятся» слышишь реже... 28 августа 1905. Оптиная Пустынь.

Для занятий по математике (уроки): пример максимума функции при непрерывном и прогрессивном увеличении переменной: занавесь такого устройства: при движении шнурка все в одну сторону она опускается ниже и ниже, достигает максимума и снова начинает подыматься, накручивает на палку-вал в обратную сторону. — Длина ее — функция *периодическая* от продвижения шнурка. 30 августа 1905, Оптиная Пустынь.

Эмпирия — эмпирея; переход от эмпирии к эмпирее.

NB ноуменальный и нуменальный и номинальный

Anri Gregoire (1750—1831) замечательный священник, потом епископ, деятель революции. Дитрих Grabbe (1801—1836) драматург; капризное дарование etc. Очень интересн(ая) личность.

Более замечательный свящ(енник) — Жан Фридрих Оберлейн²²⁸.

«Ну их к монахам!» вместо «ну их к черту» (В Оптиной Пустыни, баба). То же в Сергиевом Посаде.

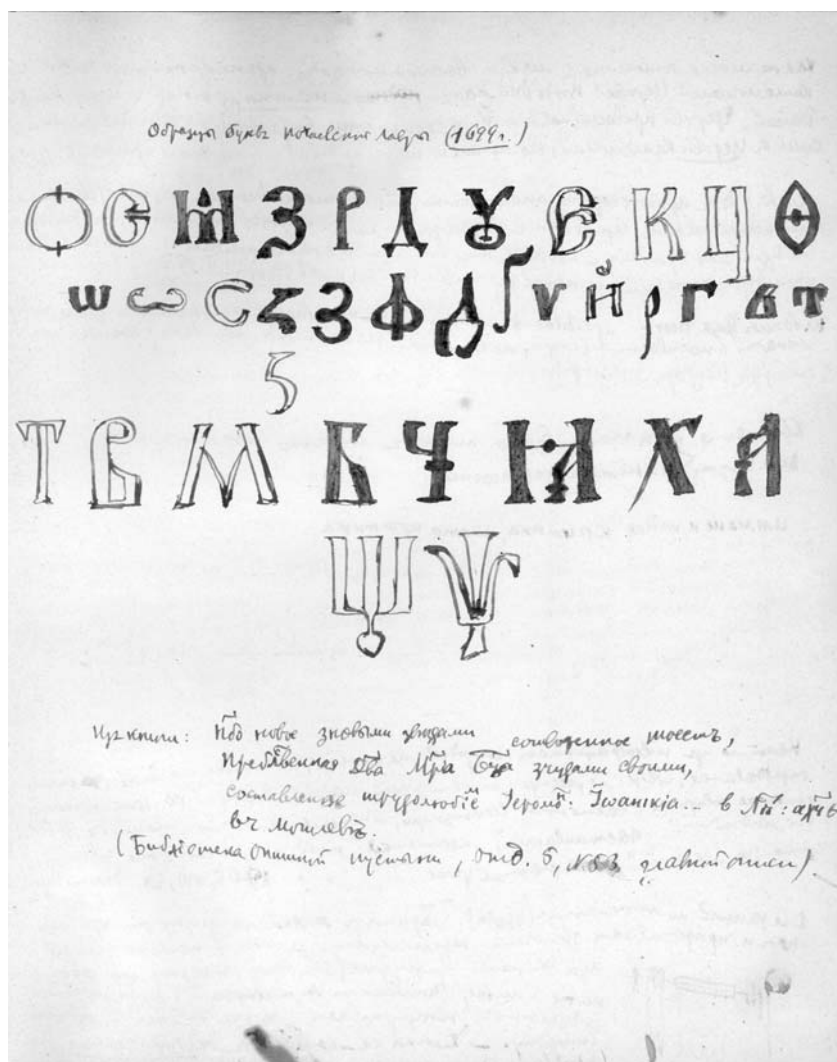

Рисунок на обложке Записной тетради

КОММЕНТАРИИ

¹ Наброски относятся к поэме «Святой Владимир».

² Инициал С. позволяет предположить, что первоначально прототипом Серого взгляда был Сергей Соловьев.

³ Первая неделя после Пасхи называется Светлой Седмницей или Святой неделей.

⁴ Карандашом вписано: «А. писал рассказ. Чувствуя конец, он подарил его С. <далее несколько слов нрзб.>».

⁵ Евхаристия, или Литургия — одно из важнейших богослужений в христианстве, во время которого совершается таинство причащения. Особенно важное значение исповедь и причастие имеют перед смертью. Этот эпизод вошел в поэму «Святой Владимир».

⁶ Во время Литургии совершается пресуществление Даров, то есть претворение хлеба и вина в плоть и кровь Христову, в воспоминание о том, как во время Тайной вечери Христос преломил хлеб, благословил его и дал ученикам со словами: «приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое», затем Он взял чашу с виноградным вином, также благословил и дал ученикам со словами: «пейте от нея вси, сие есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов».

⁷ Хлеб, употребляемый для совершения литургии, называется просфорой, он должен быть квасный, чистый и пшеничный.

⁸ Карандашом вписано: он захлебывался словами, будто помешанный.

⁹ Карандашом вписано: На мне старый грех. Уже сколько прошло лет, как я не был у Причастия. Вспомни, где двое или трое во Имя Мое, там Бог посреди них. Неточная цитата (Мф 18. 20).

¹⁰ Карандашом вписано: Он стоял с закрытыми глазами, делая нечеловеческое напряжение. Звуки (текст обрывается).

¹¹ Слово вычеркнуто карандашом и вписано: своей преображенной.

¹² К слову приписано карандашом: грязным и безжизненным.

¹³ Приписано карандашом: с какой-то мистической жадностью.

¹⁴ Фрагмент вычеркнут простым карандашом и начата правка, которая не поддается осмысленному прочтению. Отрывок вошел позднее в поэму «Святой Владимир», где работа над текстом была продолжена.

¹⁵ Фрагмент перечеркнут карандашом и приписано: Это будет в (нрзб)

¹⁶ Семья Андросовых описана в генеалогических исследованиях Флоренского под рубрикой «Наши батумские знакомства», где перечислены инженер Василий Иванович Андросов, его жена Мария Николаевна и дети, Соня и Ваня, с которыми был дружен Флоренский (Детям моим... С. 308—309).

¹⁷ В той же заметке о батумских знакомствах упоминается Татьяна Алексеевна Алабина, падчерица врача Жилинского (Детям моим... С. 309). В АФ сохранились ее письма.

¹⁸ Фрагмент вычеркнут карандашом и им же приписано: это будет в бр(?) (см. стихотворение А. Белого «Прогулка» (?), «Ходим с красавицей дочкой своей»). Вероятно, имеется в виду стихотворение А. Белого «Променад» (1903).

¹⁹ Архистратиг — высший чин в иерархии ангелов, начальник небесного воинства; архиерей — старший священник.

²⁰ Немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804) начинал свою научную деятельность как ученый-естествоиспытатель и создатель физико-астрономической теории происхождения Солнечной системы; математическое обоснование этой теории позднее дал французский ученый математик и астроном Пьер Лаплас (1749—1827), отчего ее называют теорией Канта—Лапласа.

²¹ Об отце Стефане, соученике А. С. Петровского по МДА, подробнее см. в примечаниях к письмам А. С. Петровского в наст. изд.

²² В 1903—1909 гг. ректором МДА был епископ Евдоким (Мещерский Василий Иванович, 1869—1935), благоволивший к Флоренскому.

²³ На полях приписано позднее: *Это был Шафранов*.

²⁴ Послушник, готовящийся принять монашеский постриг, получивший благословение носить рясу и клобук.

²⁵ Место за престолом в алтаре, где на возвышении ставится кафедра епископа.

²⁶ Возможно, имеется в виду профессор Московский Духовной Академии Алексей Иванович Введенский (под псевдонимом А. Басаргин печатался как литературный критик, 1861—1913), на его юбилее в 1912 году Флоренский произнес приветственную речь, опубли.: Богословский вестник. 1912. Т. 1. № 2. См. также: Собр. соч. Т. 2.

²⁷ Фрагмент зачеркнут карандашом и на полях приписано: *переписал*.

²⁸ Вероятно, описка, должно быть 1904.

²⁹ Местонахождение неизвестно.

³⁰ Имеется в виду эпизод из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Лиза Хохлакова в разговоре с Иваном Карамазовым рассказывает ужасную историю о том, как был распят ребенок, и включает ее словами: «Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот».

³¹ Описание путешествия по Италии из книги «Путевые картины» (1834—1835) немецкого поэта Генриха Гейне.

³² Барон де Ретц, маршал Франции Жильде, известный под именем «Синяя борода», сожжен в 1440 году инквизицией за сатанизм.

³³ Произведение немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны» (1815—1816), по жанру близкое к готическому роману.

³⁴ *Gaston Forberg. Glossarium Eroticum linguae latinae. 1900. p. 227.* На указанной странице статья о пороке истерии.

³⁵ Карикатура — от итал. *caricature*, соответственно французское шарж — от *charger* — преувеличение, т. е. изображение чего-либо или кого-либо с намеренным преувеличением характерных черт.

³⁶ Каран д'Аш — псевдоним французского художника и родоначальника жанра карикатуры Эммануэля Пуаре.

³⁷ Т. е. на основании опыта.

³⁸ В. В. Розанов посвятил ряд статей проблеме пола (вошли в его книгу «В мире неясного и нерешенного» (1902)).

³⁹ Август фон Платен (1796—1835) — немецкий поэт, автор эротических стихов об однополой любви. Жил в Италии, упоминается в «Путевых картинах» Г. Гейне.

⁴⁰ Этот фрагмент частично вошел в примечание 364 к письму «Геена» в книге «Столп и утверждение Истины», где ссылка получила уточнение: Блез Паскаль. Мысли («О религии») 24, 29. Пер. Первова. С. 235.

⁴¹ Возможно, по сопоставлению с предшествующей сноской, это примечание 365 там же, где ссылка уточнена: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. «Из бесед и поучений старца Зосимы». «Об аде и адском огне рассуждения мистические», т. е. часть II, книга 6, гл. III романа «Братья Карамазовы».

⁴² Такая статья в журнале «Новый путь» опубликована не была.

⁴³ Неопубликованная работа — АФ.

⁴⁴ Первая редакция статьи в форме диалога «Эмпирия и Эмпирей» окончена в июне 1904 и не была опубликована, хотя дважды перерабатывалась. Никаких сведений о попытках опубликовать статью в редактируемом Д. С. Мережковским журнале «Новый путь» нет. Статья опубликована: Собр. соч. Т. 1. С. 146—195.

⁴⁵ Текст статьи в АФ пока не обнаружен. О работе над статьей и о журнале, для которого она была предназначена, см. в письме А. Белому от 14 июня 1904 в наст. изд.

⁴⁶ Рецензия на сборник стихов А. Белого «Золото в лазури» не была завершена и сохранилась в архиве Флоренского. Опубликовано: Контекст 1991. С. 62—67; Собр. соч. Т. 1. С. 695—700. О причинах приостановки работы см. в письме Белому от 15 июля 1905 в наст. изд.

⁴⁷ «Великое искусство» — труд францисканского монаха Раймунда (Раймунда) Люлия (Луллия, 1235—1315). «Раймунд Луллий задался целью ввести науку арабов в круг общераспространенных знаний и создать всемирный метод, который он назвал великим искусством — *ars magna*. Этот метод состоит в размещении и обозначении всех разрядов мысли, всех родовых и видовых понятий со всеми их возможными комбинациями. Посредством кругов, вращающихся вокруг общего центра, разнообразные подлежащие и определения придираются одно к другому, образуя предложения; предложения сплета-

ются в умозаключения: словом, это — мыслительная машина» (История схоластики // Виндельбандт В. История древней философии. Пер. с нем. под ред. А. И. Введенского. Киев. 1995. С. 353).

⁴⁸ О символах бесконечности (Очерк математических идей Г. Кантора) // Новый путь. 1904. № 9.

⁴⁹ Перевод работы И. Канта «Физическая монадология» был выполнен для «Студенческого историко-филологического общества» и позднее опубликован: Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 9.

⁵⁰ Тихомиров Павел Васильевич — преподаватель библеистики и истории философии в МДА.

⁵¹ Заслуживают внимания колебания Флоренского в определении жанра поэмы «Святой Владимир».

⁵² Сборник в том виде, как он сохранился в архиве Флоренского, воспроизводится в наст. изд. Однако раздел «Переходное» в нем отсутствует, как и раздел «С поверхности», от которого сохранился только план.

⁵³ Имеется в виду статья «О типах возрастания», на рукописи которой дата написания: 5 июля 1905. Опубликовано: Богословский вестник. 1906. Т. 2. № 7.

⁵⁴ В статье «Об одной предпосылке мировоззрения» (Весы. 1904. № 9) упоминается идея непрерывности в связи с именем математика Лейбница.

⁵⁵ Лахтин Леонид Кузмич (1863—1927) — профессор физико-математического факультета Московского университета, в 1903—1905 гг. — сначала помощник ректора, затем ректор университета. В письмах Флоренского к матери Лахтин постоянно упоминается в связи с участием Флоренского в работе математического общества. См.: Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год) // Новый журнал. 2002. Кн. 229. С. 109—110.

⁵⁶ П. В. Преображенский — московский знакомый Флоренского, упоминается в вышеуказанных письмах 1903 года. Математические работы Флоренского, обозначенные в п. 17—21, написаны в период его учебы в университете. В настоящий момент готовятся к публикации.

⁵⁷ Под этим заглавием статья была опубликована в журнале «Новый путь» с редакционными изменениями, о которых см. в переписке Флоренского с Мережковскими.

⁵⁸ Речь идет о евангельском эпизоде: фарисеи потребовали от Христа знамений в подтверждение того, что Он Сын Божий, и Христос ответил им: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамений, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Мф 12. 39). Тогда же Христос напомнил о том, как он насытил пятью хлебами пять тысяч человек и семью хлебами четыре тысячи. Очевидно, эпизод упомянут в связи с работой над статьей «О суеверии и чуде».

⁵⁹ Статья «Спиритизм как антихристианство» была опубликована в указанном номере журнала «Новый путь», однако заглавие было

дано редакцией (см. об этом в переписке с Мережковскими в наст. томе). На тексте статьи в архиве Флоренского есть примечание: «Первоначальное заглавие было: “Две поэмы”, а это, претенциозное, было, к моему возмущению, придумано редакцией. Кроме того, статья была сокращена, а именно, выкинуто все похвальное в отношении спиритической поэмы “Лествица”. Печаталась без моей корректуры» (Цит. по комментариям в: Собр. соч. Т. 1. С. 714).

⁶⁰ Из этого замысла выросла статья «О типах возрастания» (1905), см.: Собр. соч. Т. 1. С. 281—317.

⁶¹ Очевидна связь замысла с работой Соловьева «Три разговора» (1900). В форме диалога написана только первая из этого замысла статья «Эмпирия и эмпирия» (1904), при жизни не опубликованная. См.: Собр. соч. Т. 1.

⁶² Статья по неизвестным причинам не была опубликована в журнале «Весы». См.: Собр. соч. Т. 1. С. 250—280.

⁶³ О Введенском см. примеч. 28.

⁶⁴ Об о. Иосифе (Петровых) см. в примечаниях к письмам А. С. Петровского. Статья о терафимах сохранилась в АФ.

⁶⁵ Статья «Антоний романа и Антоний предания», посвященная роману Густава Флобера «Искушение Святого Антония». Согласно помете на рукописи, статья была закончена в 1905 году, опубликована в указанном номере «Богословского вестника» (сведения о публикации приписаны в тетради карандашом).

⁶⁶ Ориген (ок. 185 — ок. 254) — греческий философ и богослов, представитель доникейской патристики. Об Оригене неоднократно упоминается в ранних работах Флоренского, в частности, в работе «О символах бесконечности» в связи с математическими идеями Г. Кантора и в связи с натурфилософскими настроениями о. Серапиона Машкина в статье о нем. Статья об Оригене сохранилась в АФ.

⁶⁷ Работа «Понятие Церкви в Священном писании», оконченная в 1906 году. См.: Собр. соч. Т. 1.

⁶⁸ Пропуск в тексте. См. упоминание о замысле в письме А. Белому от 15 июля 1905 г. в наст. изд.

⁶⁹ Замысел упоминается в том же письме к А. Белому. См. далее в Записной тетради фрагмент о лицах под покровительством Святой Софии.

⁷⁰ Проповедь сохранилась в АФ.

⁷¹ Осуществлением этого замысла можно считать главу «Дружба» в книге «Столп и утверждение Истины».

⁷² Черновик сохранился в АФ

⁷³ Скобкой соединены статьи 40 и 41. Подробнее о планах продолжения статьи «О типах возрастания» см. в комментариях к ней в: Собр. соч. Т. 1. С. 725—728.

⁷⁴ См. прим. 52.

⁷⁵ Следы этого замысла не сохранились.

⁷⁶ Черновики работы о Шеллинге сохранились в АФ.

⁷⁷ Церковь в селе Толпыгино Костромской Губернии, где Флоренский гостил на каникулах у своего друга С. С. Троицкого (см. в примеч. к стихотворению «Эпитафия незнакомой девочке»). Под заглавием «Земной путь Богородицы» опубликована: Возрождение. 1917. № 2. С. 3—8.

⁷⁸ Наброски к упоминавшейся выше статье «О типах возрастания».

⁷⁹ Ин 14. 2.

⁸⁰ Возможно, имеется в виду книга: *Джевонс С. Основы науки* / Пер. М. Антоновича. СПб., 1881, на которую ссылается Флоренский в примечании 212 книги «Столп и утверждение Истины» (с. 688).

⁸¹ То же, что и Ахамот, термин гностиков, последователей Валентина, означающий существо, появившееся на свет в результате грехопадения Софии.

⁸² Цитируется «Северная симфония (1-я, героическая)» А. Белого.

⁸³ Генрих Гельмгольц (1821—1894) — немецкий ученый-медик, физик и математик.

⁸⁴ От *aggreggio* (*итал.*) — музыкальные аккорды, в которых звуки извлекаются последовательно и каждый отдельно.

⁸⁵ Неточная цитата из Апокалипсиса (10. 6).

⁸⁶ Второе послание ап. Петра, 3. 8.

⁸⁷ Слова из Апокалипсиса, входят в чин отпевания усопших.

⁸⁸ *Под датой приписано карандашом: диалектическое время.*

⁸⁹ В письме матери 19 февраля (4 марта) Флоренский писал: Я перечитываю в 3-й или в 4-й раз «Разговоры Гёте», собранные Эккерманом, и каждое слово Гёте вызывает восхищение. Сколько всестороннего интереса, жизненности проявляет он в 80 лет, так горячо и интенсивно радуется и негодует, что хочется чуть не всю книгу переписать в мою тетрадь для будущих сочинений» (Письма Павла Александровича Флоренского (1903 год). С. 112). На указанной странице мы находим следующее рассуждение: «Вообще, — сказал Гете, — вы сами увидите, что в середине жизни человека часто бывает поворот; в юности ему все благоприятствовало, все было ему на счастье, и вдруг все переменяется, и неудачи и несчастья так и обрушиваются на него друг за другом. Знаете ли, что я об этом думаю? — Требуется разрушить этого человека! Всякий необыкновенный человек имеет известное призвание, и он призван его выполнить. Исполнив его, он уже становится не нужен в этом образе, и Провидение употребляет его на что-то иное. Но здесь все совершается естественным путем, а потому демоны подставляют ему под ноги палку за палкой, пока он не погибнет. Так случилось с Наполеоном и многими другими: Моцарт умер на тридцать шестом году, Рафаэль в том же возрасте, Байрон немного старше. Но они вполне исполнили свое призвание, и было время им отойти, дабы дать другим кое-что сделать в этом мире, рассчитанном на долгий срок» (Разговоры Гете с Эккерманом /

Пер. с нем. Д. В. Аверкиева. Ч. 2. СПб., 1905. С. 70). К сожалению, третий том этого издания обнаружить не удалось.

⁹⁰ *Белый Андрей*. К. Д. Бальмонт // Весы. 1904. № 3. С. 9—12.

⁹¹ Об Антонии Флоренсове см. далее в примечаниях к переписке с Андреем Белым.

⁹² Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и теософ-мистик. Вероятно, здесь имеется в виду его теория соответствий, согласно которой каждый предмет в мире материальном имеет соответствие в мире духовном; с помощью этой теории он истолковывал смысл Священного Писания.

⁹³ Название данной работы приписано после текста в конце страницы.

⁹⁴ Имя С. С. Троицкого приписано позднее.

⁹⁵ Приписано позднее. Маркосиане — последователи гностического учения Марка.

⁹⁶ Возможно, имеется в виду французский психолог Пауль де ла Грассери (Raul de la Grasserie), автор работы «Психология религии» (СПб., 1901). Ссылка на его работу “Des religions comparées au point de vue sociologique” (Paris, 1899) содержится в примечании 149 книги «Столп и утверждение Истины» (С. 676)

⁹⁷ Гюйо Жан Мари (1854—1888) — французский философ.

⁹⁸ *Бизе Альфред*. Историческое развитие чувства природы / Под ред. Д. Коробчевского. СПб., Русское Богатство. 1890 (обложка 1891).

⁹⁹ Исаак Сириянин — сирийский епископ из города Ниневия, отшельник, богослов VIII века.

¹⁰⁰ Шиваиты — индуисты, поклоняющиеся богу Шиве.

¹⁰¹ В биографиях царя Иоанна Грозного есть упоминания о том, что он почитался как местно-чтимый святой, но без фактических указаний и ссылок. В 2001—2002 году вопрос о канонизации Иоанна Грозного был поднят рядом общественных движений правого толка и получил отрицательный ответ Патриарха Алексия II.

¹⁰² Скульптор Марк Матвеевич Антокольский (1843—1902) создал скульптурный портрет Иоанна Грозного в 1870 году, вызвавший бурный восторг современников, за который получил звание академика.

¹⁰³ Книга немецкого философа Ф. Паульсена: Шопергауэр, Гамлет, Мефистофель. Три очерка из истории пессимизма. 1902.

¹⁰⁴ Философская драма «Калибан» французского филолога и историка Ж. Ренана (1823—1892).

¹⁰⁵ Байронизм — течение в литературе, возникшие под влиянием творчества английского поэта Дж. Г. Байрона (1788—1824), характерными чертами которого были индивидуализм, настроения мировой скорби и разочарования в жизни. Люциферизм — поклонение Люциферу (одно из имен дьявола).

¹⁰⁶ Имеется в виду издание сочинений теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921).

¹⁰⁷ «Тит Андроник» (1594) — трагедия В. Шекспира, Лавиния — римлянка, дочь Тита Андроника, ей посвящена упоминаемая статья «Лавиния» Г. Гейне, Гейне автор упомянутой здесь же статьи «Женщины и девушки Шекспира» (1834). Далее назван датский критик и историк литературы Георг Брандес (1842—1927), автор ставшего классическим и переведенного на многие языки исследования «Шекспир, его жизнь и произведения» (1897—1898).

¹⁰⁸ Климент Тит Флавий, пресвитер Александрийский (ум. до 215) — христианский теолог, «Строматы» («Ковер из лоскутков») — его труд по истории античной философии.

¹⁰⁹ Denis J. La Philosophie d'Origène (Paris, 1884).

¹¹⁰ Имеется в виду перевод сочинения английского богослова: *Cunning Geikie. Life and Works of Christ* (1876). Русский перевод: Гейка Д. Жизнь и учение Христа. (М.) — в 1893—1894 гг. выдержал четыре издания.

¹¹¹ См. примеч. 43

¹¹² Уальд Оскар. De profundis: Отрывки из тюремных записок. (С предисловием к немецкому изданию Макса Мейерфельда, к английскому Роберта Росси) (Перевод Е. Андреевой) // Весы. 1905. № 3. С. 1—59.

¹¹³ Ср. слово «шегутятся» в стихотворении Флоренского «Костромская сторона» в наст. изд. В книге «Столп и утверждение Истины» этот глагол упомянут как синоним глагола, «употребляемого к человеку, который никогда не готов, всегда только вертится» (С. 186), и в примечании 304 сказано: «слово костромск(ого) диалекта (Нерехт(ский) у(езд))» (С. 708).

¹¹⁴ О преследовании Брюсовым Белого см. в переписке Флоренского с Белым в наст. изд.

¹¹⁵ Пропущено 2 листа.

¹¹⁶ К слову дан вариант: пребудет.

¹¹⁷ Ссылка на комментарии к Первому Посланию к Коринфянам святого апостола Павла: *Godet F. Commentaires sur la première Epître aux Corinthiens*. Paris; Neuchâtel, 1886.

¹¹⁸ Полную ссылку на комментарии к посланию апостола Павла *Georgia Heinrichi* см. далее фрагмент 90.

¹¹⁹ Ссылка на одно из изданий Нового Завета по-гречески *Eberhard Nestle*, в настоящее время издается в соавторстве: *Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece*.

¹²⁰ В данном фрагменте речь идет об истолковании Первого послания Святого апостола Павла к Коринфянам, гл. 3, 11—14 (в современном переводе: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании, из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждое дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно

есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду»). Этот текст Флоренский здесь и далее переводит с греческого, опираясь на комментарии, ссылка на которые содержится здесь же.

¹²¹ Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом, бывшим ординарным профессором императорского С.-Петербургского историко-филологического факультета. Изд. пятое. СПб., 1899.

¹²² Чистилище (*лат.*).

¹²³ На указанной странице т. 57 Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона в статье «Святые» сказано: «Из рассказов о погребении почивших христиан видно, что распоряжавшиеся погребением провозглашали: *ad sanctos! ad sanctos!* (или *ad martyres, ad martyres*) т. е. призывали нести умершего на специально христианское кладбище».

¹²⁴ См. примечания к стихотворению «Сублиминальное сознание» (наст. изд. с. 185)

¹²⁵ Имеется в виду притча о лукавом правителе, которому хозяин вверил свое добро, а он, полагая, что хозяин придет не скоро, начал употреблять во зло доверие хозяина. В Евангелии об этом сказано: «придет господин раба того в тот день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными» (Лк 12. 46).

¹²⁶ Сочинения Оригена Флоренский цитирует по изданию патрологической серии Migne.

¹²⁷ Глаголев С. С. Сверхъестественные откровения и естественное бессознательное вне истины Церкви. Харьков, 1900.

¹²⁸ В книге «Столп и утверждение Истины» примечание 401 имеет следующий вид: Антоний Великий. Наставление для нравственности человека // Христианское чтение. 1821. ч. 1, С. 295.; в сноске 430 ссылка дается на т. 11 Migne. Patrologia. Seria latina prima.

¹²⁹ Весь фрагмент 91 перечеркнут карандашом, которым приписано: в мистическ. дневник.

¹³⁰ Пекок Готлиб Федорович — родственник Флоренского, преподаватель музыки и пения в Москве. См. о нем: Детям моим. С. 363—365.

¹³¹ Гернгутеры — последователи чешских братьев, переселившиеся в Саксонию и основавшие селение Гернгут. В 1750 приняли лютеранство.

¹³² То есть в поэме «Святой Владимир».

¹³³ По содержанию фрагмент 92 есть ранний набросок письма «София» в книге «Столп и утверждение Истины».

¹³⁴ В записную тетрадь вложен листок прозрачной бумаги, с переведенным на нее образом иконы Знамение.

¹³⁵ «Саломея» (1893) — трагедия английского писателя Оскара Уайльда (1854—1900) на евангельский сюжет.

¹³⁶ Имеется в виду книга: Мюллер М. Шесть систем индийской философии / Пер. с англ. И. Николаева. М., 1901.

¹³⁷ Старец Гефсиманского скита отец Исидор в период учебы в МДА стал духовным наставником Флоренского. Ему посвящена работа: Соль земли, то есть Сказание о жизни Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским (1908). Подробнее см. о нем: Собр. соч. Т. 1. С. 751.

¹³⁸ Тора. Буквальный перевод Л. И. Мандельштама. 3-е изд. Берлин, 5632/1872.

¹³⁹ Мефодий (ум. 311) — епископ Олимпийский в Ликии, один из отцов Церкви.

¹⁴⁰ *Harnack A. Lehrbuch der Dogmengeschichte* (Учебник истории догматов) (имеется несколько изданий).

¹⁴¹ Выписка из размышлений Мефодия (см. прим. 139) по книге А. Harnack, цитата не завершена и имеет сокращения внутри текста.

¹⁴² К этим и последующим словам приписано их начертание по древнееврейски.

¹⁴³ Из стихотворения А. Белого «Образ Вечности» (1903; сборник «Золото в лазури»).

¹⁴⁴ Абзац приписан другими чернилами.

¹⁴⁵ О С. С. Троицком, соученике Флоренского по МДА, адресате писем книги «Столп и утверждение Истины», у которого он проводил каникулы в Толпыгино и которому предстояло стать мужем младшей сестры Флоренского — Ольги, см. в примечаниях к стихотворениям.

¹⁴⁶ Последняя фраза приписана на полях.

¹⁴⁷ Из стихотворения А. Белого «Не тот» (1903).

¹⁴⁸ Отрывок из неоконченной мистерии Андрея Белого на темы Апокалипсиса «Пришедший», опубликован: Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

¹⁴⁹ В АФ сохранилась проповедь «Земной путь Богоматери», читанная в толпыгинском храме 14—15 августа 1905.

¹⁵⁰ Весь фрагмент перечеркнут синим карандашом.

¹⁵¹ Неопубликованная рукопись работы сохранилась в АФ.

¹⁵² Полторы страницы оставлены незаполненными.

¹⁵³ Метемпсихоз — учение о посмертном переселении человеческой души в другие тела, существовавшее в греко-римском язычестве, некоторых восточных религиях и в различных течениях оккультизма.

¹⁵⁴ «Смерть и Время царят на земле» в утвердительной форме — цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

¹⁵⁵ На полях приписано: «Во время болезни Серафима преп(одобного) ему явилась Божья Матерь и сказала Иоанну Богослову, указывая на Серафима: “Этот — нашего рода”. Житие преп(одобного Серафима) М., 1903. С. 17. Другой случай — id. С. 48 когда его избили».

По таким выходным данным трудно идентифицировать издание, которое цитирует Флоренский, поскольку в связи с канонизацией Серафима Саровского в 1903 году было издано девять книг с таким названием. Однако упомянутые эпизоды из Жития Преподобного Серафима и слова Богородицы «Этот — нашего рода» входят во все его жизнеописание.

¹⁵⁶ *Никольский Константин, священник*. Анафематствование, совершаемое в первую неделю Великого поста. СПб., 1879.

¹⁵⁷ Текст этой надписи приводит Флоренский в книге «Столп и утверждение Истины» на с. 385—386. В примечании 704 сказано, что этот текст был закрыт при реставрации.

¹⁵⁸ Жизнь преподобного отца нашего Антония Великого и его устные и письменные духовно-подвижнические наставления. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иеромонаха Антония. СПб., 1865.

¹⁵⁹ Опущен текст на др.-еврейском от 4 апреля и 8 мая (см. факсимильное воспроизведение на с. 372 и 373).

¹⁶⁰ Далее эти слова на др.-еврейском.

¹⁶¹ В 1906 году Чистый понедельник (первый понедельник Великого поста) был 13 февраля.

¹⁶² Священник Семен Троицкий, настоятель церкви в селе Толпыгино, отец Сергея Семеновича Троицкого.

¹⁶³ Нумерация этих и последующих цифр др.-евр.

¹⁶⁴ Боскович (Бошкович) Ружер Иоанн (1711—1797) — ученый из Далмации, физик, математик и астроном, деятельность которого протекала во Франции и Италии. Строению вещества посвящен его труд «Теория натуральной философии...» (1758).

¹⁶⁵ О трудах Канта, посвященных возникновению Вселенной, см. примечание 20, а также вступительную статью Флоренского к его переводу работы И. Канта «Физическая монадология» (Собр. соч. Т. 1. С. 682—686).

¹⁶⁶ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий ученый, философ, физик и математик, создатель монадологии («Монадология», 1714).

¹⁶⁷ Фарадей Майкл (1791—1867) — английский физик, создатель учения об электромагнитном поле.

¹⁶⁸ Приписано на полях.

¹⁶⁹ Приписано позднее.

¹⁷⁰ О намерениях Флоренского принять монашество см. в статье игумена Андроника (Трубачева) «Епископ Антоний Флоренсов — духовник о. Павла Флоренского».

¹⁷¹ Против этой позиции поставлен знак вопроса.

¹⁷² Рукопись этой работы сохранилась в АФ.

¹⁷³ Из намеченных здесь планов была осуществлена публикация статьи по материалам архива о. Серапиона Машкина. См.: К почести высшего звания. Черты характера архимандрита Серапиона Машки-

на // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. Также принимал участие Флоренский в работе Философского кружка в МДА и московского Религиозно-философского общества им. Владимира Соловьева.

¹⁷⁴ Весь последующий фрагмент перечеркнут синим карандашом и приписано: в мистический дневник.

¹⁷⁵ Из стихотворения К. Бальмонта «Безглагольность» (1900).

¹⁷⁶ На полях карандашом поставлен знак NB.

¹⁷⁷ Архимандрит Иосиф Петровых (1872—1937), позднее митрополит, был инспектором МДА в 1903—1906 гг., преподавал библейскую историю.

¹⁷⁸ На полях приписано: Но мне лично глубоко противна всякая «тактика» и «политика», и в том числе эта, хотя бы она и была необходима. Душу мутит от всякого интересничанья.

¹⁷⁹ Черновой набросок статьи «О типах возрастания» (см.: Собр. соч. Т. 1. С. 281—317, здесь же комментарии к содержанию статьи), оконченной в июле 1905 года. Работа над статьей продолжена в следующих тетрадях (см. отсылки). На полях заголовков повторен еще раз после указания: Статья I-я и примечания: Мы говорим о типах возрастания ради простоты. Все сказанное *mutatis mutandis* относится и к типам убывания.

¹⁸⁰ Против этих слов на полях приписано: Обожение, *ἑωσις* (см. Смирнов «О старчестве» Богословский вестник за 1905 год). Имеется в виду работа: Смирнов С. И. Исповедь и покаяние в древних монастырях // Богословский вестник. 1905. № 2—3.

¹⁸¹ Имеется в виду математик Николай Васильевич Бугаев, профессор Московского университета и один из учителей Флоренского. Подробнее о нем см. в примечаниях к переписке Флоренского с Андреем Белым в наст. изд. О математических идеях Н. В. Бугаева см. также: Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против Хаоса. М., 1989. С. 18—41, а также его статью «Московская философско-математическая школа» в кн.: Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 348—351.

¹⁸² Французский математик; в книге «Столп и утверждение Истины» содержится следующая ссылка: *P. Du Bois-Reymond. Die allgemeine Functionentheorie. Tuebengen, 1882* (примечание 856). Ссылки на работы Дю-Буа-Реймона есть также в статье Флоренского «О типах возрастания» (Собр. соч. Т. 1. С. 291).

¹⁸³ На полях выписки из житий и Священного Писания: «Никто не может прибавить себе росту ни на вершок...» (Лк 2. 25). «Радость моя, стяжи мир, и тогда тысячи душ спасутся около тебя» (Серафим). Мф 7. 27. И без обозначения источника: «Не торопись, не делай судорожных движений. Это не поможет. Подрастая “от меры в меру”, как Христос, как лилия небесная, как Богородица по апокрифам...»

¹⁸⁴ На полях приписано: *Статья II-ая. О возрастании типов*. К заглавию сделано примечание: Мы гов(орим) только о возрастании

типов ради простоты, но высказанное относится *mutatis mutandis* и к убыванию типов. Далее на полях цитата: «На одних Дух Божий пребывает, на других почивает. Пребывает — это по временам, а почивает всегда, на святых. Надо, чтобы всегда почивал». — Так говаривал мне не раз старец Исидор. (О старце Исидоре см. примечание 137).

¹⁸⁵ На полях еще ряд ссылок на том и страницу к неуказанному источнику.

¹⁸⁶ На протяжении всего текста к слову «знак» над строкой вписано его начертание по-древнееврейски.

¹⁸⁷ Далее этот же текст по-др.-евр. (см. факсимиле на с. 374).

¹⁸⁸ См. примечания к поэме «Святой Владимир».

¹⁸⁹ На полях выписана цитата: «Солнце предыграет великому Благовещенью — играет на восходе яркими, цветными лучами, народное поверье» Даль. Толковый словарь. Ч. 3. С. 353. Слово «предыграет» (соответствующая цитата в современном издании — Т. 3. С. 1020).

¹⁹⁰ См. примечания к письмам А. С. Петровского.

¹⁹¹ На полях зарисовка солнца, опоясанного полукружностями и подпись: как я его понял.

¹⁹² «И вошел к ним в лодку, и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились, ибо не вразумились чудом с хлебами, потому что сердце их было окаменено» (Мк 6. 51—52); «И не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их; потом ходил по окрестным селениям и учил» (Мк 6. 5—6).

¹⁹³ Указанный евангельский эпизод пересказывается далее.

¹⁹⁴ Далее следуют библиографические ссылки с неясным указанием источников.

¹⁹⁵ Имеется в виду книга: *Авенариус Р.* Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. М., 1905.

¹⁹⁶ Крестьяне села Толпыгино упоминаются как «сотрудники по работе», помогавшие записывать частушки, в книге Флоренского: *Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда.* Кострома, 1909.

¹⁹⁷ Крестьянин села Толпыгино.

¹⁹⁸ Две дощечки, скрепленные шарнирами, которыми постукивал сторож, обходя свой участок.

¹⁹⁹ К слову дан вариант над строкой: сторож (NB).

²⁰⁰ Нумерация продолжает список статей (см. фрагмент 79 в настоящем издании Записных тетрадей)

²⁰¹ Позиция на полях отмечена знаком +.

²⁰² Позиция на полях отмечена знаком +. См. «Эпитафия незнакомой девочке» в разделе «Стихотворения» и примечание.

²⁰³ См. в разделе «Стихотворения».

²⁰⁴ Позиция на полях отмечена знаком +.

²⁰⁵ Рукопись сохранилась в АФ.

²⁰⁶ Позиция на полях отмечена знаком +.

²⁰⁷ Приписано позднее.

²⁰⁸ О. Серапион Машкин — монах, насельник Оптиной Пустыни, сыгравший в жизни Павла Флоренского особую роль. О. Серапиона Машкина заинтересовали идеи синтеза философии и математики Флоренского, и он в декабре 1904 года вступил с ним в переписку, приглашая посетить Оптину Пустынь. В феврале 1905 года О. Серапион скончался, и его архив оказался в распоряжении Флоренского, ставшего как бы его духовным наследником. Первая публикация Флоренского по материалам архива Машкина появилась в 1906 году в сборнике «Вопросы религии» (Вып. 1. М., 1906), где была опубликована статья Флоренского «К почести высшего звания. Черты характера архимандрита Серапиона Машкина» (С. 143—173) и «Письма и наброски Серапиона Машкина» (там же. С. 174—220). В дальнейшем Флоренский осуществил еще две публикации из архива о. Серапиона: Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина) // Богословский вестник. 1917. № 2—3. С. 317—354; Письма о. протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова к Екатерине Михайловне и к о. архимандриту Серапиону Машкиным // Богословский вестник. 1914. № 6—8. Богословские сочинения о. Серапиона в течение ряда лет готовились Флоренским к публикации, но ввиду громоздкости его наследия (более 1000 страниц большого формата) и трудности авторского изложения, публикация этих рукописей открывает перед издателем единственную возможность — пересказывать эти сочинения своими словами. Задача осложняется еще и тем, что о. Серапион страдал явным душевным расстройством, что отразилось и на его сочинениях. Думается, неразрешимость этой задачи объясняет тот факт, что работа по подготовке рукописей так и не была завершена. Но до самой революции Флоренский продолжал работу над текстом. Это дало повод для самых различных измышлений — начиная от упреков в плагиате (*Архимандрит Никанор. Столп и утверждение Истины* // Миссионерское обозрение. Пг., 1916. № 1—2. С. 89—97; *Пентковский А. М.* Серапион Машкин и Павел Флоренский // Символ. 1990. № 24. С. 205—228), до фантастических предположений, что о. Серапион — вымышленное лицо, придуманное Флоренским для придания авторитетности собственным идеям (*Гальцева Р. А.* Мысль как воля и представление // Образ человека XX века. Реферативный сборник ИНИОН АН СССР. М., 1988. С. 72—120). Только издание, хотя бы частичное, текстов о. Серапиона в их первоначальном виде обнаружит ложность и тех и других предположений.

²⁰⁹ Следы этого замысла см.: Молитва Симеона Нового Богослова (XI в.) к Духу Святому // Христианин. 1907. Т. 1. № 2. С. 245—247.

²¹⁰ Позиция на полях отмечена знаком +. Отчет был написан и опубликован А. М. Пентковским в указанной выше статье «Серапион

Машкин и Павел Флоренский», с. 221—224. На полях разрозненные заметки к отчету, касающиеся о. Серапиона.

²¹¹ Позиция на полях отмечена знаком +. Однако сведений о публикации такой заметки нет, и смысл приписки неясен.

²¹² См.: Соль земли, то есть сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским // Христианин. 1908. № 10—12; 1909. № 1 и 5; отдельный оттиск: Сергиев Посад, 1909.

²¹³ «Дневник» французского писателя Анри Амиэля (1821—1881) с предисловием Л. Н. Толстого впервые был опубликован в переводе М. Л. Толстой в журнале «Северный вестник» (1894. № 1); «Исповедь» Л. Н. Толстого написана в 1879—1882 и рассказывает о духовном кризисе, в результате которого начала складываться религия Толстого.

²¹⁴ На полях дата: 6 сентября 1905 Оптина Пустынь.

²¹⁵ Амвросий Оптинский и Серафим Саровский.

²¹⁶ На полях против этой и двух следующих позиций (62—66) приписано: Отдельные главы сочинения «О Софии» 34. Сюда же относятся 14, 32, 34, 40, 41.

²¹⁷ Эта тема получила развитие в книге «Столп и утверждение Истины» в письме четвертом «Свет Истины».

²¹⁸ Против этой позиции стоит дата: 16 сентября 1905, Сергиев Посад.

²¹⁹ Позиция на полях отмечена знаком + и против нее дата: 13 октября 1905. Статья опубликована: Богословский вестник, 1906. № 1. С. 90—93.

²²⁰ Позиция на полях отмечена знаком -. Опубликована впервые на болгарском языке: Христианская мысль (София). Кн. 3. С. 160—168; Кн. 4. С. 252—257. Историю написания статьи и запись прений по докладу Флоренского см.: Собр. соч. Т. 1. С. 740—751.

²²¹ Позднее приписано: Подробности см. в моем сочинении «О Церкви» (оно у преосв. Евдокима) у А. Д. Беляева. Преосвященный Евдоким в этот период — ректор МДА (см. о нем примечание оо к переписке с Андреем Белым): Александр Дмитриевич Беляев — профессор догматического богословия в МДА. Упомянутое здесь сочинение о Церкви — богословское сочинение Флоренского «Понятие Церкви в Священном Писании (Экклезиологические материалы)», оконченное им в 1906 году. Опубликовано: Богословские труды. Сб. 12. М., 1974. С. 73—241.

²²² На полях дата: 8 (18?) августа 1905, Оптина пустынь. Приписано: Это поставить в начало проповеди.

²²³ На полях дата: 31 августа 1905, Оптина пустынь.

²²⁴ На полях дата: 7 сентября 1905, Оптина пустынь.

²²⁵ О. Даниил Болотов, насельник Оптиной пустыни, иконописец. В собрании семьи Флоренских хранится портрет Амвросия Оптинского, написанный о. Даниилом Болотовым.

²²⁶ На полях дата: 11 декабря 1905, Сергиев Посад.

²²⁷ Эта и последующие записи дневникового характера сделаны на обложке Записной тетради.

²²⁸ Рукой Флоренского к последнему имени приписано: Писал С. С. Троицкий. Оберлейн или Оберлин (Oberlin) Иоган Фридрих (1740—1826) — немецкий пастор, прославившийся своей помощью крестьянам, в том числе в голодные годы.

Раздел II

ЭПИСТОЛЯРИЯ

ПЕРЕПИСКА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ *

Отношения Флоренского и Андрея Белого до недавнего времени были известны по той пристрастной и односторонней характеристике, которую дал А. Белый в воспоминаниях «Начало века» (М.; Л., 1933). Эта книга, написанная им в процессе усердной марксистской самоперековки, изображает в шаржированном виде всех спутников его дореволюционных духовных исканий (исключение составили преимущественно будущие антропософы),

* После публикации данной переписки в ежегоднике «Контекст-91» (М., 1991) вышел пиратский ее перевод на немецкий язык в книге: Andrej Bely — Pawel Florenski. Der Briefwechsel. Texte. Herausgegeben von Fritz und Sieglinde Mierau. Нам в руки попало третье издание книги (Ostfildern: Edition Tertium, 1994). Составитель книги и переводчик писем не поставил в известность редакцию ежегодника «Контекст» о переводе и воспользовался опубликованной перепиской без разрешения тех, кто готовил тексты, составлял комментарии и вступительную статью (использовав их в своем издании); их имена при этом названы в конце книги так, что они не попали в именной указатель. Нам остается только выразить свое возмущение этой публикацией, поскольку издательство прекратило свое существование.

Андрей Белый

причем степень карикатурности часто оказывается пропорциональна истинной их значимости в судьбе Андрея Белого.

Не избежал общей участи и П. А. Флоренский, в портрете которого А. Белый акцентирует прежде всего внешние подробности: «угловатый носатик», «прикован к носкам зорким взглядом», «спадающий лепет в нос» и т. п. И только мельком упоминает о том, что составило самую суть их отношений, стало почвой для недолгого, но обоюдно значимого духовного сближения. Но все же воспоминания намечают некоторым пунктиром историю этих отношений, содержат некоторые детали, конкретизация которых с помощью дополнительных источников помогает ближе вникнуть и в содержательную сторону этой дружбы.

Среди событий осени 1903 г. Андрей Белый упоминает «...появление епископа “субъективиста” Антония к матери, появление ко мне тройки “апокалиптиков” — Эрна, Флоренского и Валентина Свенцицкого с рядом заданий, меня ошарашивших...»¹. О епископе-субъективисте, жившем на покое в Донском монастыре епископе Антонии (Флоренсове), еще пойдет речь; что касается «тройки апокалиптиков», которую А. Белый называет еще «Аяксами», то описание первой встречи с ними он заключил словами: «вся суть — во Флоренском»². В этот период в доме А. Белого регулярно происходят воскресные собрания, среди посетителей он упоминает и своих новых знакомых: «...появлялись Свенцицкий, Эрн, но не Флоренский, всегда заходивший отдельно и гама бо-вавшийся»³.

Между Флоренским и Андреем Белым изначально сложились особенные отношения. «С тех пор он являлся ко мне, — вспоминал А. Белый, — избегая моих воскресений, — как крадучись; в тайном напуге, не глядя в глаза, лепетал удивительно: оригинальные мысли его во мне жили; любил он говорить о теории знания; и укреплял во мне мысль о критической значимости символизма; что казалось далеким ближайшим товарищам, — Блоку, Иванову, Брюсову и Мережковскому, — то ему виделось азбукой; мысль же его о растущем, о пухнущем, точно зерно, разбухающем многозернистом аритмологическом смысле питала меня, прими-ряя с отцовскими мыслями мысль символизма»⁴.

О последующих свиданиях с Флоренским А. Белый упомянул довольно бегло и неопределенно: «скоро он перестал меня посещать, на что-то обидевшись; в “Новом пути” напечатал он сочувственную рецензию о моей “Северной симфонии”; потом я встречал его только издали; скоро он отпустил длинные кудри; и когда молча сидел позднее на религиозно-философских заседаниях, то выглядывал перепуганный из кудрей чем-то его нос; мы его называли в те дни: “Нос в кудрях”. Кличка придумана, разумеется, Эллисом. Скоро он вовсе скрылся в Сергиевом Посаде»⁵. Так представлены эти отношения на страницах воспоминаний «Начало века». Добавим, что в момент их написания Флоренский «скрылся» уже не в Сергиевом Посаде: в феврале 1933 г. он был арестован и после долгих мытарств принял мученическую смерть (1937).

Двусторонняя переписка дает возможность внести необходимые поправки в пристрастные суждения Андрея Белого. Ценные дополнения и уточнения позволил сделать также «Ракурс к дневнику» А. Белого — хронологический перечень важнейших жиз-

ненных событий, составленный им взамен уничтоженных дневников⁶, и некоторые другие биографические источники.

В «Ракурсе к дневнику», описывая события декабря 1903 г., А. Белый отметил: «Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрн и Свенцицкого; и мое вступление в религиозно-философский студенческий кружок»⁷. Спутниками Флоренского были два его друга и единомышленника: Владимир Францевич Эрн⁸, соученик по тифлисской гимназии, и Валентин Павлович Свенцицкий (1879—1938), прозаик, впоследствии известный религиозный публицист, принявший в 1918 г. сан священника.

Членов этой тройки связывали единство устремлений, идейная общность, о чем Флоренский писал матери 3 марта 1904 г.: «Университет дал очень много мне и в смысле научном, и, пожалуй, в нравственном, потому что я там встретил некоторых лиц, с которыми схожусь в некоторых убеждениях, по крайней мере в положительном отношении к церкви. Пожалуй, можно сказать больше. Оказалось, когда мы познакомились между собою, что у нас независимо друг от друга выработалась известная программа действий. Это, конечно, сильно сблизило нас, несмотря на значительное расхождение во многих теоретических вопросах. Но все-таки мы волей-неволей образуем одну кучку: не ссориться же теперь, когда нас так немного (сравнительно) и когда одни с сожалением качают головою на нас, считая больными, другие кипят благородным негодованием на наш “обскурантизм” и сплетничают. Но кое-чего мы добиваемся, потому что несомненно движение растет. Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно, воспринять все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чем-либо другом....»⁹. Свенцицкий, Флоренский и Эрн были ядром кружка, объединенного идеей защиты исторической Церкви; члены этого кружка и должны были основать орден, о котором Флоренский писал А. Белому (см. п. 7).

Что касается названия «апокалиптиков», которое дал этой тройке Андрей Белый, то «апокалиптиком» в этот период гораздо в большей степени был он сам. В воспоминаниях о Блоке он писал, что после своего разговора с Владимиром Соловьевым в 1900 г. «жил чувством конца, а также ощущением благодати новой последней эпохи благовествующего христианства. Символ

“Жены, облеченной в Солнце” стал для некоторых символом Благой вести о новой эре, соединением земли и неба. (...) Философию Соловьева мы брали в аспекте его теургического лозунга:

Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет,
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод»¹⁰.

Эсхатологические идеи Владимира Соловьева оказали на Андрея Белого большое влияние, его творчество начала 1900-х годов пронизано предчувствиями преображения мира, в статьях и стихах постоянно повторяется мысль о кризисности переживаемой эпохи, близящемся конце; в эти годы А. Белый был занят поисками ценностей, способствующих мистическому пересозданию действительности. А. Белый один из первых среди символистов стал проявлять интерес к Апокалипсису, в воспоминаниях он упомянул, что в этой связи посещал Льва Тихомирова¹¹, одного из авторитетных толкователей Откровения Иоанна Богослова. В 1903 г. в альманахе «Северные цветы» был опубликован отрывок из мистерии А. Белого «Антихрист». «Пришедший» возвещает начало новой эры, в чаянии которой пребывают ученики в Храме Славы. Вероятно, эти апокалиптические умонастроения Андрея Белого побудили Свенцицкого, Эрн и Флоренского, также испытывавших интерес к эсхатологии Вл. Соловьева, искать с ним знакомства и сближения.

В эти годы А. Белый развивал в своих статьях и другие идеи, способные пробудить интерес к нему тройки друзей, и в первую очередь Флоренского. В статье «Формы искусства» А. Белый называл пробуждающийся интерес к вопросам религии характерной приметой нового искусства. «В настоящую минуту, — писал он, — человеческий дух находится на перевале. За перевалом начинается усиленное тяготение к вопросам религии»¹². В некоторых статьях А. Белый выступал с критикой декадентства старших символистов с позиций теургии Вл. Соловьева¹³, вызывавшей интерес и у Флоренского и у его друзей. Отправляясь из Тифлиса в Петербург поступать в университет, Флоренский и Эрн рассчитывали на встречу с Вл. Соловьевым, но в дороге получили известие о его смерти¹⁴. Теургический символизм Андрея Белого оказался созвучен исходной вере Флоренского в познавательные возможности символа, что составляло, как он признавался в воспоминаниях, центр его мирозерцания¹⁵.

Сходными были и те ожидания, которые Флоренский и А. Белый связывали в этот период с новым искусством, — оба видели в нем путь к познанию иной, высшей реальности, к богопознанию. Андрей Белый писал в статье «Символизм как миропонимание»: искусство «уже больше не самодовлеющая реальность, оно не может быть призвано на подмогу утилитаризму. Оно становится путем к наиболее существенному познанию — познанию религиозному»¹⁶. Новое, нарождающееся искусство «...должно учить видеть Вечное; сорвана, разбита безукоризненная, окаменелая маска классического искусства. По линиям разлома выползают отовсюду глубинные созерцания, насыщают образы, ломают их, так как осознана относительность образов. Образы превращаются в метод познания, а не в нечто самодовлеющее. Назначение их — не вызывать чувство красоты, а развить способность самому видеть в явлениях жизни преобразовательный смысл». Это искусство, в свою очередь, — предтеча более совершенного, «оно тесно соприкасается с религией. Тогда идеи вдвойне животворны. Восхождение к высшим сферам бытия требует внутреннего знания путей. Наш верный проводник — молитва»¹⁷. Этот круг идей был, несомненно, близок Флоренскому, о чем свидетельствуют публикуемые письма. Но если для А. Белого они являлись лишь одним из этапов духовного развития, то Флоренский остался верен им на протяжении всей жизни, развивая эти идеи и в основополагающих работах 20-х годов — «Философия культа», «Христианство и культура».

В воспоминаниях «Начало века» Андрей Белый выделил еще одну важную тему своих собеседований с Флоренским: математические идеи отца Николая Васильевича Бугаева (1837—1903), бывшего университетским наставником Флоренского, который приложил некоторые аритмологические идеи учителя к областям знания, выходящим за пределы математики. Аритмология в широком понимании — как развитие, основанное на идее прерывности, — стала краеугольным камнем мирозерцания Флоренского¹⁸. Судя по воспоминаниям А. Белого, Флоренский заново раскрыл для него идеи отца, от которого исходила «мысль о растущем, о пухнущем, точно зерно, разбухающем многозернистом аритмологическом смысле»¹⁹. Аритмологические идеи оказали впоследствии существенное влияние на работы Андрея Белого о ритме в поэзии и прозе²⁰. В них видно то самое «примирение отцовских идей с символизмом», о котором упоминал А. Белый в воспоминаниях «Начало века». Кстати, именно работы А. Белого

по ритму продолжали интересовать Флоренского и тогда, когда их пути окончательно разошлись: прочитав книгу А. Белого «Символизм», он возобновляет прерванную переписку (см. п. 20).

Несомненно, объединял Андрея Белого и Флоренского и обоюдный интерес к епископу Антонию (Флоренсову). Первым познакомился с епископом Антонием А. С. Петровский (см. далее его письма к Флоренскому), который в октябре 1903 года познакомил с епископом А. Белого и его мать, А. Д. Бугаеву. Визиты матери к опальному епископу продолжались и в 1917 г.; с Андреем Белым отношения оказались куда менее длительными, но в 1904—1905 гг. он постоянно прибегал к духовной помощи епископа Антония. Вероятно, знакомство Флоренского с епископом Антонием в марте 1904 г. произошло благодаря Андрею Белому, в его лице Флоренский обрел духовного наставника до самой смерти епископа ²¹.

Визиты и встречи с А. Белым упоминаются и в переписке Флоренского. «Последнее время я завел знакомство с сыном проф. Бугаева, — писал Флоренский матери 6 января 1904 г. — Он оригинален и интересен, есть у него собственное, но немножко бесптолков в том смысле, что ему трудно мыслить последовательно. Кроме того, он, как человек, очень деликатен и мил, что среди студентов встречается редко. Впрочем, теперь он кончил университет, но хочет поступить снова на другой факультет» ²². Один из визитов к А. Белому подробно описан в письме к отцу от 14 января 1904 г.: «...я на Рождество познакомился кое с кем из интересных людей; особенно в один вечер, когда я зашел к Бугаеву и застал у него всех и почти всех московских знаменитостей, по преимуществу молодых. Был там и Бальмонт, читавший свои стихи, и Брюсов и т. д., все люди разных направлений и убеждений, но не бесцветные. Были теософы умные и теософы, захлебывающимся голосом от волнения говорившие банальности, спириты, неоромантики, символисты и т. д. и т. д. и люди, ничего не смыслящие в поэзии. Сами по себе эти вечера не особенно интересны — немного показны, но очень полезны, так как дают возможность познакомиться с людьми, которых бы нигде не увидел». В этом же письме Флоренский пишет отцу и о студенческом религиозном кружке: «Наша секция по философии и истории религии, к сожалению, вызвала слишком большие и преувеличенные ожидания и надежды; “к сожалению”, потому что, как ни хорошо и просто мы ведем свои дела до сих пор, теперь, пожалуй, придется быть на виду, а это всегда делает положение несколько натянутым. Но за-

то в этом есть и выгода, так как несколько очень интересных лиц просили принять их в число членов: среди них есть если и не слишком ученые, то много знающие люди в каком-нибудь одном направлении, напр(имер), по индусской литературе, и потому можно ждать от них интересного. Одного только можно опасаться, именно того, что у таких людей часто бывает особый привкус партийности и тенденциозности, а в большом количестве это почти невыносимо»²³.

Флоренский, Эрн и Свенцицкий привлекли А. Белого в студенческое Историко-филологическое общество при Московском университете, руководителем которого был С. Н. Трубецкой. Это общество оформилось в мае 1902 г. и первоначально включало четыре самостоятельные секции: философскую, которой руководил Л. М. Лопатин, историческую, историко-литературную и секцию общественных наук²⁴. А. Белый и «тройка апокалиптиков» явились инициаторами создания пятой — секции истории религии, подготовительные заседания которой начались в январе, а официальная регистрация произошла в сентябре 1904 г. «Арена встреч с “тройкой”, — писал об этом периоде Андрей Белый, — открытая секция “Истории религии” в студенческом обществе (при Трубецком): заседания происходили в университете; тогдашнее ядро — три “Аякса”, бородатый Галанин, два Сыроечковских, А. Хренников, несколько диких эсеров, с проблемой мучительного “бить — не бить”, анархисты толстовствующие, богохулигели, ставшие богохвалителями, или богохвалители, ставшие с бомбою в умственной позе, посадские академисты из самораздвоенных, кучка курсисток Герье; председательствовал С. А. Котляревский, еще писавший свой труд “Ламенэ”; появлялись Койранские, “грифики”; да “аргонавты” ходили: сражаться с теологами»²⁵.

«Ракурс к дневнику» сохранил ряд упоминаний о заседаниях секции. В январе 1904 г. записано: «Читаю реферат “Символизм и религия” в религиозно-философском кружке у Эрна»²⁶. Об этом же заседании упоминает и Флоренский. «У нас было, — писал он матери 24 января 1904 г., — как-то домашнее собрание религиозной секции. Читал сын проф. Бугаева одну свою статью, которая скоро выйдет в свет. Чем больше я узнаю его, тем более понимаю, что это замечательная личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности “практической жизни”, которая в большей или меньшей степени почти у всех, по крайней мере, у очень многих. Даже на тех, кто был предубежден против него, он произвел в этот последний раз чарующее впечатление. Видел я

его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей во всяком случае талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил»²⁷. Благодаря тому, что на заседании присутствовал А. Блок, описавший его в письме к матери от 19 января 1904 г., мы располагаем точной информацией о том, какой именно доклад читал А. Белый: «15-е, четверг... Вечером было религиозное собрание университетского кружка на частной квартире у студента. Бугаев прочел большой реферат “Символизм как миропонимание” по корректуре из “Мира искусства”, в котором, конечно, опять цитирует нас с Лермонтовым (Кант — Шопенгауэр — Ницше, современный религиозный дух — стихи)»²⁸.

Отношения с Флоренским в этот момент характеризует следующая запись Андрея Белого: «...интенсивные и частые свидания с Флоренским; долгие, философские, нас самоопределяющие беседы...»²⁹. Тогда и завязалась их переписка; начавшись с обмена записками в перерывах между постоянными встречами, она постепенно перерастает в глубокий мировоззренческий диалог по широкому и разнообразному кругу вопросов. Из этих писем мы узнаем о планах Флоренского и его друзей создания эзотерического объединения единомышленников — ордена, о надеждах обрести свой печатный орган. Это намерение было вызвано неудовлетворенностью существовавшими периодическими изданиями: хотя и «Новый путь», и «Весы» приглашали Флоренского сотрудничать, программа этих изданий воспринималась им довольно скептически (см. п. 7). Не удовлетворяли Флоренского и те принципы, на основании которых сплачивались литературные партии, где превалировали соображения тактические и организационные. В противовес этому сам Флоренский мечтал об объединении на строго мировоззренческой основе, чтобы оно создавало условия для соборной духовной деятельности по выработке основ мирозерцания, чтобы та или иная идея являлась принадлежностью всего ордена.

Показательно, что даже в период наибольшего сближения, когда казалось, что Андрей Белый разделяет почти все основополагающие идеи Флоренского, от вступления в орден он тем не менее уклонился.

В сентябре 1904 г. происходят сразу два события, о которых упоминает А. Белый: «Образуется студенческий кружок по изучению “Критики отвлеченных начал” Вл. Соловьева (среди участников помню: С. М. Соловьев, Бердников, Сыроечковские (2 бра-

та), Шерр, Свенцицкий, Хренников и т. д.). Вплотную встает вопрос об организации секции “Истории религии”. Беседы на эту тему с Флоренским (ставшим академиком), С. А. Котляревским, Петровским (ставшим тоже академиком) и Свенцицким»³⁰. Запись позволяет полнее представить самый ранний этап возникновения будущего Общества памяти Вл. Соловьева, просуществовавшего до 1918 г. и сыгравшего такую важную роль в религиозной жизни Москвы начала века³¹. Тогда же обретает официальный статус и секция истории религии. «Ряд прений в организационных заседаниях секции Истории религии (...) — записывает А. Белый. — Мой реферат в открытой секции по истории религии “О целесообразности”. На реферате знакомлюсь со студентом М. И. Сизовым, который начинает часто у меня бывать на дому; отсюда — начало дружбы»³².

В октябре 1904 г. А. Белый упоминает «выступление с оппонированием на реферат Флоренского “О Канторе” (секция Истории религии)»³³ и «оппонирование на реферат Свенцицкого, “О Метерлинке” (секция Истории религии)»³⁴. В ноябре отмечено его оппонирование на еще одном реферате Флоренского — «О чуде»³⁵. «Особенная близость с Флоренским в этот период»³⁶, — подчеркивает А. Белый.

Близость не исчерпывалась миром общих идей и интересов: Флоренский оказался втянут в напряженную личную жизнь Белого, что также отчасти отразилось в переписке. Жизнь А. Белого в этот момент протекала под знаком «решительной борьбы с Брюсовым (сны, телепатия, обмен угрожающими стихами). (...) Над всею жизнью — черное крыло гипноза Брюсова». В переписке участие Флоренского в поединке между Андреем Белым и Брюсовым, носившем характер своеобразной умственной дуэли, отразилось лишь в одной из записок (связано с ним и письмо Флоренского к Брюсову, печатающееся в настоящем томе) — между тем это был очень важный момент в их отношениях.

Русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни. «Мы жили тогда в реальном мире, — вспоминал об этом периоде В. Ф. Ходасевич, — и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где все было “то, да не то”. Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосязаемом экране. Явления становились видениями. Каждое событие, сверх своего явного смысла,

еще обрело второй, который надобно было расшифровать. Он не легко нам давался, но мы знали, что именно он и есть настоящий»³⁷.

Вне этой совершенно особой атмосферы невозможно понять тот поединок, который происходил между Брюсовым и А. Белым в конце 1904 — начале 1905 г., невольным участником которого стал и П. А. Флоренский.

Напряженные отношения сложились из-за Н. А. Петровской, жены владельца издательства «Гриф» поэта С. А. Соколова (Кречетова). Петровская вместе с Андреем Белым была участницей кружка «Арго», где и произошло их сближение на почве общих мистических устремлений. Свое понимание отношений с Петровской Белый выразил в стихотворении «Преданье» (1903), где они представлены как мистериальная платоническая любовь пророка и сибиллы. Брюсов, увлекшись Петровской, из чувства соперничества как бы развил этот сюжет, дав ему иное направление: он пишет ответное стихотворение «Предание» (1904—1906), где, намекая на свои отношения с Петровской, прославляет тайную любовь пророка и сибиллы и подчеркивает ее земной характер. В ответном стихотворении Брюсов старался придавал сложившемуся любовному треугольнику мифологический смысл: он «демонически» похищал у «светоносного» Белого Петровскую и увлекал ее с высот небесной любви на путь греховной страсти.

Развивая и совершенствуя этот сюжет дальше, подчиняя ему свои отношения с Андреем Белым и Петровской, Брюсов умышленно акцентировал в нем борьбу Добра и Зла, света и тьмы, при этом он придавал собственным поступкам нарочито демонический характер и добровольно уступал Белому роль светлого героя. Брюсов, работая над романом «Огненный ангел», тогда увлекался оккультными науками и спиритизмом, изучал черную магию, и плоды своих познаний использовал, направляя жизненный сюжет в нужное русло. Все эти «жестокие игры», которые партнерами Брюсова воспринимались совершенно всерьез, нужны ему были как материал для будущего романа, о чем они не подозревали. Не понимая этой «экспериментальной» подоплеки, экзальтированный Андрей Белый испытывал и переживал подлинный мистический ужас³⁸. Этим почти суеверным страхом объясняется тон его послания к Флоренскому (см. п. 13).

Флоренский воспринимал поединок с Брюсовым под тем же углом зрения, что и А. Белый, и всячески стремился оказать ему духовную помощь: ездил по его поручению к епископу Антонию,

пытался мобилизовать свои духовные силы, чтобы защитить друга от демонического влияния Брюсова.

Кульминацией поединка стал конец 1904 г., время особенно тесного сближения Андрея Белого с Флоренским. В ноябре А. Белый пишет стихотворение «Отчаянье», где изображает Брюсова в образе двойника, преследующего его. Этот момент в их общении запечатлен в прозе Белого, опубликованной позднее; в «Химерах» (Весы. 1905. № 6), где описывается борьба юноши с солнечными волосами с преследующими его темными силами, среди которых легко угадывается Брюсов в образе «профессора мрака»; в «Сфинксе» (Весы. 1905. № 9—10) он же появляется как «маг, закрытый пледом».

Брюсов, развивая мифологическую подоснову, направляет А. Белому стихотворение «Бальдеру Локи»; лист, на котором оно было написано для передачи А. Белому, автор свернул в виде стрелы. Используя имена героев скандинавского эпоса «Младшая Эдда», Брюсов прозрачно соотносит А. Белого со светлым богом Бальдером, сыном Одина, себя же — с демоническим многоликим Локи, сеющим распрю между богами. Находящийся в состоянии крайней экзальтации А. Белый пишет 1 декабря 1904 г. ответное стихотворение «Старинному врагу», сопроводив его выписками из Евангелия. «Пока писал, — признавался А. Белый, — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света»³⁹. В стихотворении «Старинному врагу» Брюсов предстает как гордый демон, пытающийся взмахом крыла затмить свет. Но светлый герой побеждает демона, унося в небесную лазурь. Текст стихотворения и листок с выписками из Евангелия А. Белый передал Брюсову через Флоренского, о чем он сообщал Блоку в письме 18—19 декабря 1904 г.: «Наконец, приехал Флоренский и Петровский из Академии и отнесли в “Скорпион” стрелой сложенную записку Брюсова в знак объявления войны»⁴⁰. Стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» привлекло внимание Флоренского, как следует из его письма А. Белому (см. п. 14). Эти события и стали поводом для его обращения к Брюсову, где он предостерегал поэта от увлечения черной магией и оккультными науками (см. его публикацию в наст. томе).

Напряженная борьба разрешилась неожиданно вполне мирным путем: в ответ на стихотворение «Старинному врагу» 1 января 1905 г. Брюсов пишет А. Белому второе стихотворение «Бальде-

ру», где признает победу «сына света». Эпиграфом к стихотворению стала строка З. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение», что означало его выход из игры. Настоящее прозрение всех участников наступило тогда, когда они получили возможность прочитать соответствующие главы романа «Огненный ангел», разъяснившие для них мотивы поведения Брюсова. «Он, — вспоминал Андрей Белый, — заставлял непроизвольно меня в месяцах ему позировать...»⁴¹ Это взаимное прозрение могло стать одной из психологических причин взаимного расхождения Флоренского и А. Белого, о которой последний вскользь говорит в воспоминаниях «Начало века» и о которой упоминает и сам Флоренский (см. п. 17); во всяком случае, вскоре после истории с Брюсовым их отношения навсегда теряют близость, приобретая характер чисто интеллектуального общения. Возможно, что поводом для размолвки явились разногласия из-за создания «Христианского братства борьбы», под знаком которого складывались отношения Андрея Белого с «тройкой апокалиптиков» в 1905 г.

История этой политической религиозной организации с радикальными (вплоть до оправдания террора) устремлениями подробно освещена нами в статье «Флоренский и Христианское братство борьбы»⁴²; здесь мы коснемся ее лишь в той мере, в какой она имела значение для изучения отношений Флоренского и А. Белого. Как уже приходилось писать в указанной статье, до сих пор не найдено ни одного факта, указывающего на принадлежность Флоренского к Братству. Публикуемый в настоящем томе в составе Записной тетради отрывок Флоренского «Великая Блудница Социал-Демократия» лишний раз говорит о том, что по своим настроениям Флоренский был далек от политических движений своего времени. Не следует забывать также, что во время существования Братства (1905—1906) Флоренский учился в Московской Духовной Академии, неотлучно находился в Сергиевом Посаде и не имел возможности активно участвовать в политической жизни. В принадлежности Флоренского к Братству заставляют усомниться и те сведения по истории создания Братства, которые подробно отражены в дневниковых записях Белого.

Начало 1905 г. Андрей Белый проводит в Петербурге, где он сблизился с Мережковским и пытался восстановить душевное равновесие после истории с Брюсовым. В феврале этого года он записывает: «Появление в Петербурге Эрна и Свенцицкого. 1) Обсуждение обращения к “епископам”, написанное Свенцицким (у Мережковских). 2) Выработка “радикальной” религиозной плат-

формы у Волжского. 3) Дебаты со Свенцицким и Эрном у Перцова (участвуют Гиппиус, Перцов, Философов, Тернавцев, я, Свенцицкий, Эрн, Карташов). 4) Обсуждение плана действий "Христианского Братства борьбы" (я, Свенцицкий, Эрн)»⁴³.

Записи А. Белого свидетельствуют о том, что зарождение Братства происходит в Петербурге и что инициативную группу составляли Андрей Белый, Свенцицкий, Эрн, а все остальные принимали участие в дебатах. Более того, в воспоминаниях о Блоке А. Белый подчеркивал, что когда стала оформляться идея создания Братства, то из него «вышли П. А. Флоренский и А. С. Петровский (тогда оба ставшие студентами Троице-Сергиевской Духовной Академии), ясно почувствовав фальшь и реакционность Братства, к которому одно время примкнули А. С. Волжский (Глинка) и С. Н. Булгаков. Братство печатало прокламации и разбрасывало по Москве. Е. Г. Лундберг и некто Беневский взялись распространять эти прокламации на юге России»⁴⁴. Об этом Андрей Белый еще раз скажет и в воспоминаниях «Начало века». Описывая появление Свенцицкого и Эрна в Петербурге, А. Белый замечает, что они «...уже отделялись от П. А. Флоренского, видевшего, что затеи их ни к чему...»⁴⁵. Таким образом, судя по этим записям Белого, в момент возникновения Братства Флоренский находился в оппозиции к нему.

По возвращении Белого, Свенцицкого и Эрна в Москву началась политическая деятельность Братства — в частности, стали проводиться собрания, на которых только один раз упоминается присутствие Флоренского наряду со специально приехавшим из Киева С. Н. Булгаковым⁴⁶. Наконец, в той завуалированной истории Братства, которую изложил Свенцицкий в конфискованной цензурой брошюре «Христианское Братство борьбы и его программа» (М., 1906), нет никаких намеков на участие в его деятельности Флоренского, между тем все остальные члены Братства легко узнаваемы.

Еще одним аргументом, на основании которого сближают Флоренского с Братством, является проповедь Флоренского «Вопль крови», которую он произнес в Академии в связи с казнью лейтенанта Шмидта⁴⁷. Политический радикализм и злободневность этой проповеди резко выделяют ее в духовном наследии Флоренского, чуждавшегося политики. Но история создания проповеди связана с волнениями, вызванными в стенах Московской Духовной Академии революцией 1905 г., что мы показали в указанной выше статье. Уже после публикации нашей статьи по-

явилась работа В. И. Кейдана «Взыскующие града»⁴⁸, где опубликован целый ряд писем участников Братства⁴⁹, но среди них ни одного указания на участие в Братстве Флоренского.

Одновременно попытки вовлечь Флоренского в политическую деятельность предпринимались и со стороны Мережковских, которые писали 26 июля 1906 г. Андрею Белому из Парижа: «Хотелось бы, чтобы наш сборник (“Анархия и теократия”. — *Е. И.*) был криком призывным, обращенным не только к русскому обществу, но и ко всему народу. Очень ждем Вашей статьи. Не смущайтесь Вашей внутренней неготовностью. Мы и все не готовы. Попросите Флоренского тоже написать — может быть, ему удалось бы воззвание к народу — как бы та проповедь, за которую его арестовали. Ведь это была проповедь уже не в старой, а в новой, нашей Церкви. Неужели он этого не сознал и теперь?»⁵⁰ Еще раз в письме от 15/28 июля этого года Мережковский обращался к А. Белому: «...попросите Флоренского о статье...»⁵¹ Но переписка Андрея Белого и Флоренского свидетельствует о том, что просьба если и была передана, то не нашла отклика.

«Христианское братство борьбы» несомненно также способствовало расхождению А. Белого и Флоренского: на первых порах Андрей Белый вошел в союз со Свенцицким и Эрном, деятельность которых не одобрял Флоренский, и стал одним из инициаторов создания Братства. А затем отошел от него, под влиянием Эллиса начав бурно «леветь» навстречу социал-демократическим течениям, которые стал считать зародышами новой будущей религии человечества⁵².

Но все-таки мотивы расхождения в той или иной мере принадлежат к области догадок, фактом же является лишь то, что 1905 год положил конец дружбе Андрея Белого с Флоренским, которая более не возобновлялась. Памятником этой дружбы, помимо написанной под влиянием А. Белого поэмы «Святой Владимир», остается и небольшая поэма Флоренского «Белый камень», посвященная А. Белому, эпиграфом к которой стала цитата из Апокалипсиса, на которую ссылался Белый в статье «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9): «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну и дам ему камень белый, на камне же написано имя новое, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр 2. 17). Ранняя редакция поэмы была послана в письме Андрею Белому и находится в составе писем Флоренского в его архиве в РГБ; другим таким памятником была неоконченная рецензия на сборник А. Белого «Золото в Лазури»⁵³.

Но личные расхождения не помешали Флоренскому сохранять интерес к творчеству Андрея Белого. В статьях 1905—1906 гг. он называет его «одним из интереснейших писателей современности», а его творчество — «замечательным и ни с чем не сравнимым примером нового мифотворения». Влиянием А. Белого отмечены стихотворные опыты Флоренского, прежде всего впервые воспроизведенный в настоящем издании сборник стихов «Ступени», поэма «Святой Владимир», а также вышедшая крива стихов «В Вечной лазури», заглавие которой перекликается с названием сборника Белого «Золото в Лазури».

О стихах Андрея Белого Флоренский писал матери в июне 1904 г.: «В русской поэзии наконец появилась свежесть и чистота. Как будто посыпался искрометный водопад драгоценных камней. Нет более грязно-серых тонов нашей живописи, запыленности чеховских настроений»⁵⁴. Эти мысли развиваются в упомянутой рецензии на сборник Андрея Белого «Золото в Лазури», в которой Флоренский назвал эту книгу «знаменем перелома».

Хотя пути Флоренского и Андрея Белого разошлись, некоторый параллелизм в их духовных исканиях сохраняется. Этот параллелизм интересен еще и потому, что до 1910 г. они, видимо, не встречались. Тем не менее и А. Белого, и Флоренского события первой русской революции обратили к изучению психологии русского народа, его истории и фольклора. Флоренского, как и Андрея Белого в его романе «Серебряный голубь», интересовали народные формы религиозности. Флоренский обратил внимание на соединение в народном сознании языческих начал с христианскими, на почве которых возникло сектантство, в частности хлыстовство, волна которого прокатилась по России в XX в., на особое отношение крестьян к природе: «Травы, птицы, деревья и насекомые, всякие животные, земля, каждая стихия вызывает к себе у крестьянина непонятное сочувствие»⁵⁵. Рассудочному интеллигенту, считает он, не знающему «миров иных», все это непонятно, поэтому проблему «народ — интеллигенция» надо решать практически: изучать народную жизнь изнутри, проникаться ею. В том же 1909 г. была написана и статья Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма», где он еще раз подчеркнул важность внимания к народной душе, которая лишена интеллигентских сложностей, кабинетности, отвлеченности. «Знание крестьянина, — писал Флоренский, — цельное, органически слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентское же знание — раздробленное, по большей части органически не нужно

ему, внешне взято им на себя. Он, как навьюченный скот, несет бремя своего знания»⁵⁶. Сходные идеи присущи и героям романа Белого «Серебряный голубь».

В 1910 г. Флоренский издал сборник частушек, собранных им в Костромской губернии, в предисловии к которым писал: «Однако есть причины торопиться с изучением нашего быта. Железные дороги, фабрики, технические усовершенствования, освободительные идеи и газетчина — эти факторы являются гнилостными микроорганизмами, все ускореннее разлагающими быт. Возможно, что через 10—15 лет не останется и следа от многих из бесценных сокровищ фольклора, которым владеет наша Родина. Пока еще можно, пока еще есть время, надо сохранить, что успеем»⁵⁷. Изучая фольклор, Флоренский задумывается о его принципиальном отличии от поэзии символистов. В фольклоре он открывает неисчерпаемый запас подлинных символов, не произвольных и сконструированных воображением художника, а живой «символический словарь человечества».

К моменту нового обращения к Андрею Белому в 1910 г. жизненный путь Флоренского окончательно определился: он стал доцентом на кафедре философии Московской Духовной Академии, не постригся в монахи (от принятия этого решения в 1904 г. его удержал епископ Антоний), но принял сан священника и женился на А. М. Гиацинтовой. Однако эти изменения не отразились на духовной связи с Андреем Белым, о чем свидетельствует переписка. Когда в 1912 г. Флоренский становится редактором журнала «Богословский вестник» и пытается сплотить на его страницах людей, близких по духу и устремлениям, то среди тех, кого он намеревался привлечь, был и А. Белый (правда, против его фамилии был поставлен вопросительный знак). Среди тем сочинений, которые давал Флоренский своим студентам в Академии, была и такая: «О природе символа в произведениях новейших русских писателей: А. Белого и Вяч. Иванова»⁵⁸.

Последний эпизод переписки связан с выходом в 1914 г. в издательстве «Путь» книги Флоренского «Столп и утверждение Истины», по поводу которой ее автор писал, что она «есть изображение жизни в тот момент, когда решен был у меня переход в Академию, т. е. моего внутреннего состояния на 4-м курсе университета». Поскольку это была эпоха близости с Андреем Белым, не кажется случайным отклик, который выход книги вызвал у него: прочитав книгу, А. Белый откликнулся после четырехлетнего молчания письмом. Сам он в это время полностью погружен в ан-

тропософию и со всем энтузиазмом пропагандировал ее Флоренскому, снабдив письмо всевозможными рисунками, схемами и чертежами. Ответное письмо, вероятно, не было отправлено — его текст отсутствует в архиве А. Белого. Известен только черновик, сохранившийся в архиве Флоренского, как бы замыкающий их диалог. И при том, что Флоренский как православный мыслитель имел вполне определенный взгляд на антропософию, ответ не был грубой отповедью. В нем звучит прежде всего вера в искренность исканий А. Белого, в его способность самостоятельно обрести путь к истине; понимание, что насильственное приведение к ней не даст результатов.

Вместе с тем сдержанность, которую ощущал Флоренский в собственном ответе, могла прозвучать для Андрея Белого как полодобрение его новых исканий. Возможно, поэтому письмо так и оказалось неотправленным. В этой точке их внутренние пути окончательно расходятся, хотя встречи их продолжались и в дальнейшем, вплоть до 1918 г. По воспоминаниям вдовы Флоренского А. М. Флоренской, записанным ее внуком игуменом Андроником, навещаая в 1916—1917 гг. С. М. Соловьева в Сергиевом Посаде, А. Белый бывал и в доме Флоренских, а 25 декабря 1916 г. по старому стилю они даже встречали вместе Рождество в доме Соловьевых. Флоренский любил произведения Андрея Белого и читал их своим детям.

В послеоктябрьский период деятельность Флоренского и А. Белого окончательно теряет общие точки соприкосновения. Хотя в своих культурологических работах оба они писали о кризисе или даже приближающейся гибели современной европейской культуры, выросшей на почве гуманистического непонимания Возрождения, призывали к созданию подлинно символического искусства, понимали они это новое искусство и его задачи по-разному.

Но художественные заслуги символистов Флоренский продолжал ценить, в письме к бывшему секретарю символистского издательства «Мусагет» Н. П. Киселеву он писал, что эти заслуги заключались в том, что символисты направили внимание от «натуралистической коры» к внутреннему ядру явления, что «течением символистов разрушены препятствия со стороны рационализма и позитивизма»⁵⁹.

Андрей Белый же в середине 1910-х годов полностью ушел в антропософию, как никогда был далек от православия, составлявшего Столп и утверждение Истины для Флоренского. Но все

же, как свидетельствуют более поздние письма П. А. Флоренского, написанные им из лагеря в Сковордине, память об Андрее Белом прежних лет жила в нем неизменно. Может быть, даже и хорошо, что Флоренскому так и не довелось прочитать несправедливые мемуары Андрея Белого. Когда газеты принесли в лагерь известие о его смерти, Флоренский писал жене: «Мы, т. е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого... Правда, я много лет его не видел, но воспоминания юности, когда я знал его хорошо и когда он был в расцвете своих дарований, так живы, что как будто это было несколько недель тому назад. Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывшие для него годами упадка, болезни и постарения. Вероятно, новые, менее светлые впечатления загладили бы старые и старый его облик, каким он останется в моем сознании... Вот, значит, порвалась еще одна нить, связывающая меня с годами юности»⁶⁰. На этой ноте обрывается их многолетнее духовное и человеческое общение... Вскоре последовала и гибель Флоренского.

* * *

Полностью переписка впервые опубли.: Контекст-91. М., 1991. В настоящем издании произведена сверка с подлинниками, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 25, карт. 24, ед. хр. 18; текст последнего письма — по черновику, находящемуся в архиве Флоренского, где сохранились также черновики п. 11 и 19). Письма Андрея Белого публикуются по подлинникам из АФ.

1

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

24 января 1904, Москва

Многоуважаемый Павел Васильевич⁶¹, у меня к Вам поручение: «Новый путь»⁶² через Философова⁶³ поручил мне узнать адрес, имя и отчество Свинтицкого, а также просить передать ему свою просьбу о рассказах («Н(овый) П(уть)» просит рассказов у Свинтицкого⁶⁴). Во-вторых: не приготовите ли Вы что-нибудь для «Весов»⁶⁵. Быть может, Вы сами зайдете в «Весы». Редакция: Театр<альная> Пл<ощадь>, Метрополь, кв. № 23. Лучше всего по вторникам от 6 до 7. Далее: не зайдете ли ко мне во вторник в

8 часов. У меня один товарищ будет читать свою драму. Наконец: 25 воскресенье, случайно я не могу быть дома. Весь Ваш, Б о р и с Б у г а е в.

2

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

11 февраля 1904, Москва ⁶⁶

Многоуважаемый Павел Васильевич, ректор, несмотря на мою просьбу, *не разрешил* мне присутствовать в Университете на заседаниях религиозно-философской секции ⁶⁷. С большим сожалением уведомляю Вас о своей невозможности быть в среду 11 февраля. Готовый к услугам.

Б. Б у г а е в.

3

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

18 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, к сожалению, не мог у Вас быть. Все время распределено, а тут еще некоторые непредвиденные дела, которые совпадают с назначенными часами. Пожалуйста, простите. Что касается чтения, то я не могу читать ранее 28, 29, 30 апреля. Не знаю, будет ли это *вообще* удобно? Остаюсь глубокоуважающий Вас

Б о р и с Б у г а е в.

4

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

22 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Если Вам желательно, то можно будет назначить заседание с Нашим рефератом на 28-ое, а нет — так отложим до сентября.

Разрешите ли Вы написать Вам летом? Если да, то сообщите, пожалуйста, адрес. Когда вы уезжаете? Хотел бы видеть Вас, да не знаю, удастся ли.

Я говорил, кажется, Вам о журнале, который когда-ниб(удь) мы станем издавать ⁶⁸. Он, мне кажется, к Вам подходит по своему направлению и задачам будет вполне. Подумайте об нем, потому

что, быть может, дело и не так далеко, как представляется сейчас. Подробности о нем расскажу, если хотите, в письме.

Искренно любящий Вас

П. Флоренский.

5

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

28 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, теперь уж я думаю, поздно мне читать в кружке. До будущего года. Буду у Вас на днях. Скоро уезжаю из Москвы⁶⁹. Надеюсь, мы увидимся еще. Остаюсь готовый к услугам искренне преданный Вам Борис Бугаев.

6

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

15 мая 1904, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич, ужасно сожалею, что не мог с Вами проститься, но я был очень занят последние дни перед отъездом. Мне бы очень хотелось узнать о результатах Вашего экзамена⁷⁰ и о Ваших дальнейших планах. Быть может, Вы мне напишете два слова? Мой адрес: Тульская губерния, г. Ефремов, Сельцо Серебряный Колодезь. Мне. Буду очень рад иметь от Вас известия. Мой поклон Эрну и Свинтицкому, если их увидите. Остаюсь искренно преданный Вам Б. Б у г а е в.

7

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

21 мая 1904, Петровско-Разумовское

Многоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Мне жаль, что не удалось увидеть Вас, тем более что были кое-какие дела. Одно из них вот какое: помнится, я говорил Вам уже, что мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа «ордена»⁷¹. Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступаться со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (напр(имер), как Ваши стихи), вот диапазон. «Нов(ый) Путь» во многом

не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить и т. д. Наша задача — дать заранее обдуманый и единый по настроению периодический орган, который имел бы не временное значение, а сохранял бы ценность, как книга.

Ввиду этого мы думаем, что необходимо тщательно подготовить материал на 1½—2 года заранее, заранее подготовить номера и хорошо спеться. Главное — иметь материала настолько, чтобы можно было выбирать лучшее. Наш кружок уже сговорился между собою, что каждый думает приготовить. Среди других Вам известных лиц (т. е. Эрн, Свенцицкий) будут еще Ельчанинов ⁷² и кое-кто, кого Вы не знаете. Кроме того, я имею в виду еще кое-кого. Издаваться журнал сможет не особенно скоро — не ранее, чем через 1½—2 года, потому что всем нам предстоят серьезные работы.

Конечно, Вы нас мало знаете: но если Вы не имеете ничего против, то, может быть, захотите присоединиться к нам и готовить за этот срок что-ни(будь) в указанной рамке (она настолько широка, что едва ли стеснит Вас). Мы будем Вам рады, как Вы и сами знаете. Для Вас лично тоже имеется выгода, та именно, что никто не станет гнуть Вас по-своему и ломать, а главное, не станет бояться специальной или трудной работы. Ваши литературные произведения будут принимаемы с еще большей охотой. Но, как я уже писал, мы все будем относиться друг к другу строго, потому что исполняем долг и не занимаемся приятным времяпрепровождением. Смутит ли Вас такое обстоятельство?

Если Вы увидите Соловьева ⁷³, то расскажите ему, но далее, пожалуйста, этих сведений пока не пускайте: к чему шуметь, пока еще ничего нету.

Оказывается, что сюда приезжали Мережковские (они не нашли меня, т. к. я переехал на дачу ⁷⁴), теперь уехали в Грецию.

Напишу Вам, дорогой Борис Николаевич, толком после: теперь одурел от экзаменов, да и времени нету.

Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67, П. А. Флоренскому.

Как идет у Вас чтение Вронского? ⁷⁵ Очень интересно, справитесь ли, — интересно, потому что собираюсь в будущем году читать его и несколько опасаясь, что *вполне*, во всех оттенках не уразумею.

Эрн Вам просил передать поклон. Увидимся?

Ваш П. Ф л о р е н с к и й.

8

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

27 мая 1904 года, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович. Много я думал о проекте того ордена, о котором Вы мне говорили весной. И пришел вот к каким результатам: мысль этого ордена чрезвычайно счастливая, и я могу только приветствовать возникновение его. Серьезные и сложные задачи такого предприятия требуют и *серьезного, очень серьезного отношения*. Вот почему вслух сказать, что примыкаю к нему, было бы с моей стороны очень легкомысленно: назвался груздем — полезай в кузов. 1) Еще не надеюсь на свои слабые силы. 2) Еще слишком мало знаю участников (кроме Вас): конечно, надо присмотреться. Поэтому душой примыкаю к Вам, — это не обязывает Вас делать меня посвященным в эзотерическую организацию. *Считайте меня искренним и преданным делу доброжелателем*. Время покажет, насколько я оправдаю то внимание, которое Вы мне оказываете, и само собой — я примкну тогда к Вашей организации. Что же касается до *журнала*, то, конечно, мысль о предварительном плане №№ очень удачна, и я готов с радостью примкнуть к участникам журнала. Если этот № журнала выйдет, например, в январе 1906 г., то обещаю Вам до этого срока дать все стихотворения *явно религиозного* характера, которые напишу за это время. Затем. Я бы мог приготовить ряд статей, объединенных одним содержанием, но об этом еще рано говорить. Лучше условимся при личном свидании. Есть у меня, кроме того, еще симфония (4-ая) ⁷⁶, над которой думаю летом поработать. Если что-нибудь выйдет, то я могу ее Вам показать, прежде нежели сдавать «Скорпиону» или «Грифу» ⁷⁷. Она по сюжету будет носить явно апокалипсический оттенок. Я уже ее написал года 1½ тому назад, но теперь придется заново переделать и дополнить.

Сейчас же *верно* Вам обещаю только стихотворения религиозного оттенка. Теперь у Вас, вероятно, экзамены подходят к концу, а когда получите мое письмо, то уже Вы кончите. Поэтому заранее поздравляю Вас. Я пока еще не вошел в свою обычную норму и слегка нервничаю. Слишком тягостно сознавать, какое большое бремя на плечах у нашего поколения и как мы мало подготовлены для того, чтобы достойно нести это бремя. Да и наконец силы не хватает, остается одно: ждать помощи свыше. Что касается до Вронского, то я захватил в деревню три огромных тома его сочи-

нений: «Réformé absolue du savoir humain» ⁷⁸. Остальные книги у меня взял читать С. А. Поляков ⁷⁹. Но читать имеющееся у меня сочинение весьма трудно, так как оно сплошь испещрено математическими выкладками, а также ссылками на предыдущие тома, что делает чтение для меня почти невозможным.

Дорогой Павел Александрович, очень был рад получить от Вас письмо. Мы, объединенные одним чаянием, воистину находимся как бы на маленьком островке среди будущего хохота чуждых стихий. Поэтому всякий знак, подаваемый издали *сочувствующим и знающим*, радует и окрыляет.

Буду ждать письма. Христос да хранит Вас. Готовый к услугам
Борис Бугаев.

9

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14 июня 1904, Тифлис

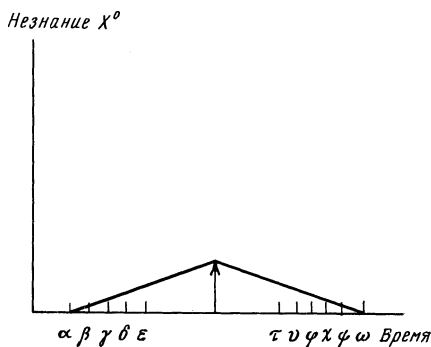
Около недели тому назад я приехал в Тифлис, милый Борис Николаевич, и получил Ваше письмо. Ему я был очень рад, и это по трем различным причинам. Во-первых, оно — от Вас. Во-вторых, мне приходится быть в таком тяжелом положении ⁸⁰ (слова о «мече» не устарели ⁸¹, Борис Николаевич, меч несколько не заржавел и даже обострился), что всякий ветерок из родных стран научаешься ценить. В-третьих, наконец, меня обрадовало содержание письма: Вы от себя говорите то, что было давно уже выговорено промеж нас, но что по стечению обстоятельств я не мог передать Вам. Само собой разумеется, что каждый из нас (во всяком случае я) не считает себя готовым ни в каком смысле — ни в мистическом (нет благодати особой), ни в эмпирическом (нет знаний, опытности и т. д.). Мы можем только готовиться и ждать; нельзя высказывать самим из-за кулис, откуда не настало время. Следовательно, говорить вслух теперь совершенно неуместно. Давать обещания — тоже: разве мы назначаем ту или другую деятельность себе? Мне думается, что нужно по возможности меньше надуманного, формальностей. Быть вместе во **§** немедленно совершать вместе или порознь — как понадобится — во **§**, что будет требовать нашего действия, — а таких «обстоятельств» на каждом шагу сколько угодно, начиная от разговора за чаем, который обращается порою в проповедь философского катарсиса от мусора, загромождающего голову ⁸², и до активной этической или мистической помощи, — в этом *пока* должна состоять наша деятель-

ность, как это представляется мне, — в этом и в подготовке себя самих. Если будет единство, о котором я говорил, то сам собою неудержимо польется теургизм — «от избытка чувств глаголют уста»⁸³. Есть такие настроения, которые невольно облекаются в форму Символического делания, в форму делания символов и мифотворчества. Иногда уже не можешь говорить иначе как символически⁸⁴. Я понемногу готовлюсь к писанию большого сочинения мистического и теоретико-познавательного, по теории познания, построенной на понятии *символа*⁸⁵. Приходится заниматься, между прочим, и археологией, и вот, погружившись в христианские древности, я охвачен этим потоком свежих прозрачных переживаний христиан первых веков. До сих пор у меня все мелькало опасение — сомнение: да, мы говорим о Христе и

знаем Его, но точно ли это Тот самый , которого знали

древние христиане? ⁸⁶ Точно ли мы христиане в обычном смысле слова? Я говорил себе, что мы воспринимаем в Х^о по преимуществу момент апокалиптический, созерцаем аспект Масличной горы (Вознесение), тогда как те, древние христиане, воспринимали исторический момент в Х^о ⁸⁷, видели момент Голгофы, и тогда как бедный Розанов ⁸⁸ бьется-бьется и не может выговорить своего, не может выразить себе точно третий момент, — «животный», не может увидеть достаточно ясно и *чисто* аспект Вифлеема ⁸⁹. С теоретической стороны я был доволен таким построением, но не хватало постоянной (моментами хватало) твердости — крепости сознания, что мы говорим действительно об одном, что мы не разрываем с α , устремляясь к ω ⁹⁰. Но теперь дано сознание — воспринята убежденность «твердая, как небесный свод», что мы действительно, — одно. Это нахлынуло теплой волной — прозрачной, затопило радостью и ликованием всякие сомнения и недоумения. Что бы кто бы ни говорил, я могу, быть может, отвечать глупости, запутаться в возражениях, но буду все время знать и помнить: те, малые и великие первых веков, *pisciculi atque piscis* ⁹¹, действительно братья, не потому, что должны быть, а потому, что таковы уже суть. Можно прямо смотреть в глаза каждому из них и по совести сказать, что мы подошли к *той же* бесконечности, но с другой стороны, хотя первую сторону помним, знаем, любим и даже видим; мгла веков несколько обесцвечивает для нас, по нашей слабости лик исторического Х^о — этот лик был им, первым христианам, виден яснее, красочнее; но зато лик Х^о грядущего, подернутый ранее, в первые века, дымкой, скрывавшей

исторические перспективы (все приобретения культуры, науки, искусства и т. д. — все Христово в эмпирическом по своему внешнему выражению), стал теперь для нас ясен и близок. Теперь лучше видно, как должно было раскрываться Христово в эмпирическом. В тумане, в пыльном воздухе отдаленные предметы кажутся совсем близкими. Не был ли такой же обман зрения и у первых христиан? Туман сознания скрадывал от них исторические глубины мирового процесса, а Христос Грядущий казался им близким — вот-вот придет время. Может быть, и еще останется туманность у нас, может быть, и мы обманываемся собственной пылью и преждевременно приближаем в своих мыслях ω ? Может быть, да. Но ослепительная яркость красок, ясные, как драгоценные камни, тона показывают, насколько уменьшился слой тумана, пролегающего между сознанием и Ликом, насколько он стал мало поглощать лучей. Мы не знаем, в какой литературе между α и ω мы находимся, но лично мне думается, что где-нибудь среди букв τ , υ , ϕ , χ , ψ — к концу ближе, чем к началу: во всяком случае мне кажется, что мы уже перешли через *maximum*⁹² незнания X° .

Перед отъездом из Москвы я виделся с Свенцицким, он просил передать Вам свой поклон.

Виделся также с преосв(ященным) Антонием. Он был в этот раз вполне серьезен и говорил прямо «своим голосом»⁹³, почему произвел особенно сильное действие. Заметили ли Вы такую подробность. Он иногда «не во время» говорит «Хр(истос) Воскресе». Это очень важно для понимания его. Правда?

Христос Воскресе, дорогой Борис Николаевич! Следовательно, прогоните от себя всю нечисть — я догадываюсь, что Вы измучились, — и снова скажите:

«я в восторге — я молод»,

а затем обливайте себе вином кого угодно, хотя бы меня⁹⁴. Уж, наверно, обольете в 4-й симфонии, заранее говорю, что нисколько не буду в претензии, если зальете меня с головы до ног.

Как-то, довольно давно, я видел такой сон. Вы, Алексей Сергеевич⁹⁵ и я сидим втроем и рассуждаем о значении слов «убелили одежды кровью Агнца»⁹⁶ — как это *кровью* можно *убелять*? Тогда я встаю, в простом стакане граненом от чая размешиваю общипанным и облезшим кропилом какую-то жидкость красную, будто бы кровь, водой разведенную сильно; встаю, расстилаю одежды — три платица детских, белых с цветочками серыми мелкими — их расстилаю с молитвами; после — жидкостью красною их окропляю. Вы оба смеетесь лукаво. Красные капли на ситцевых платьях расходятся пятнами крупными. Я говорю вам обоим: «смотрите, смотрите — одежды мои убелились кровию Агнца; белыми сделались, будто из снега». Вы с удивлением смотрите, пальцами тычете в пятна. «Где ж белизна-то?» Но я не смущаюсь. «Да, отвечаю, для опыта органов чувсти то — красные пятна — но внутренно, — тайно снѣга белее одежды. Напрасно смеетесь...» Это был новый обряд — обряд апокалиптического христианства — обряд «убеления риз». Вы не смейтесь, Борис Николаевич. Ведь это только сон, протокольно переданный Вам⁹⁷. Если этот обряд нелеп, то я не виноват, если только Вы не станете винить за сны.

Христос Воскресе! Ваш П. Ф л о р е н с к и й.

Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67.

10

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

(28 июня 1904) Серебряный Колодезь

Воистину Воскресе!

Падают, падают дни — матовые жемчужины — в чашу безвременья. Разлетаются — одуванчики. Начало сливается с концом. Остается одно — неизменно вечное, старое, и новое во все времена.

Дорогой Павел Александрович, спасибо, спасибо за те слова, которые Вы мне написали. Теперь дни — созревают колосья, разбиваются волны опьяненных колосьев многопенным шелестом прибоя. Пройдет еще немного дней — и ржаное золото опустится, тяготея. И светозарные волны солнечных лучей пахнут медовым, золотым, как абрикос, ветром: вот закрутилась пыль на дороге, и

ветренный шепот: «*Вот и Я близко*». И сердце наполняется безотчетной радостью, и — воистину — воскресает в сердцах!

Христос Воскресе!

«*О дне сем никто не знает, даже Сын*»⁹⁸ — конечно, мы должны всегда это помнить. Но, освобождаясь от власти времени, начало и конец встают неожиданно перед нами. Чувство конца, апокалипсичность, есть, по-моему, один из вернейших показателей нашего христианства (дерзаю так говорить, лично сознавая, что мое чувство «христианства» есть чудесная и незаслуженная милость Божия). Мир сей — в пространстве и во времени, и языческому сознанию совершенно уместно говорить о феноменальности всяких переживаний, ибо «чувство» безвременности, конца есть залог и вместе с тем начало того, что «проходит образ мира сего»⁹⁹ — конечно, это мир (с маленькой буквы), а не Мир. Чувство конца указывает нам, что мы из «мирских» становимся «мировыми» гражданами. Купаться в ветерке, пить аромат вселенной, целовать золотые усики колосьев — уже это все показывает, что мы отныне заинтересованы не только делами людскими (общественность), но и Божьим делом (сначала «миро»любие, а потом и «миро»творчество).

Сначала нужно полюбить мир Божий, а потом пронизать Им и «мир сей» (общественность). Так что порядок любви: 1) любовь к Богу; 2) любовь к миру; 3) любовь к ближним (цемент скрепляющий 1) с 3) — Мир Божий). Чувство конца создает из *граждан мирограждан*, а ведь *мирогражданство* и было той основой, на которой воздвиглось христианство, как преодоление «мира сего» (бесконечность, непрерывность, пространство и время). «Христианство только тогда христианство, когда “мир сей” становится прозрачным, как стекло, так что, оставаясь “миром сим”, оно уже не *сей мир*, а *иной*» (символизм). Мир — как стекло: «*И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии*»¹⁰⁰. *Мирогражданство* — стеклянное море — «хаос» муть мирская (народы, язычники; хаос личного сознания, ужас, «смешение» методов) здесь претворилось в «прозрачность мировую». Характерно, что следующий текст таков: «*И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи — песнь Моисея и песнь Агнца*»¹⁰¹ — стало быть, стекло, бывшее прежде не дочиста протертым, не *разбивается*, а *протирается*. Стало быть, «мир сей» проходит в смысле того, что «мир сей» — (минус)

пыль *Мир Божий*. Отсюда: как бы отстает один верхний покров и снимается с *Тайны*. *Конец мира* исторический более всего резок для более других *опыленных*. Мое «Я» — есть *стекло* + *—пыль*. Если *пыли* больше в «Я», чем *стекла*, то устранение этой пыли повлечет за собою быструю и резкую *погибель, смерть и осуждение*. Наоборот, *очищение* всегда постепенно, и в этом смысле конец для очищающихся есть *все растущая сладость чувства безвременности и Христова Приближения* (по крайней мере таково первое веяние конца). Чистые как бы не увидят *Антихриста*, исторически воплотившегося, хотя он их и будет мучить на историческом плане... Впрочем, боюсь делать из этих намеков какие бы то ни было догматические выводы.

Знаменателен Ваш сон, и разве можно смеяться над такими снами? Я знаю, что бывают времена, когда *вся сила реальности* сосредотачивается в этих снах *особого рода* (внутренний опыт недаром отмечает одни сны и не обращает внимания на другие)... Вы пишете об Антонии: *Антоний производит на меня какое-то чересчур сильное действие. Я чту его, более, чем кто-либо, сознаю безмерность силы, таящейся в нем, но... есть люди из степей и раздолий, сознающие потрясающее действие горного пейзажа, но все же... их тянет к широким степным раздольям. И обратно. Это не должно понимать как совершенную чуждость горам со стороны людей низин и обратно: люди, привыкшие к одному идеалу святости, не вполне понимают святых по другому идеалу. Я как-то еще не вполне понимаю точек приложения силы Антония...*¹⁰²

Ужасно интересуюсь Вашим трудом. Надеюсь в Москве больше узнать у Вас о Христианских древностях.

Пока же до свиданья. Храни Вас Господь!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Пишите. Я в деревне до 15-го августа, а потом — в Москве.

11

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

18 июля 1904, Тифлис

Мир (и Мир) и благодать Господа Иисуса Христа!

Милый Борис Николаевич!

Как-то я сидел за работой — писал; приносят Ваше письмо, и в нем читаю некоторые из фраз, которые только что написаны мною: почти тождественные даже выражения. Это хорошо и ра-

достно. В одной масонской рукописи я видел когда-то схематический рисунок мироустройства, а на рисунке надпись: «*Abyssus invocat Abyssum*» — бездна бездну призывает; выражение взято из псалмов¹⁰³, но с совершенно измененным смыслом. Теперь тоже происходят переделки Бездны — и Бездны хаоса и другой, «нашей». Вот на этом-то факте следовало бы внимательнее остановиться, потому что тут несомненный факт. Не Вы и не какое-либо отдельное лицо является в данном случае «*Abyssus*». Некоторая Бездна, т. е. то, что не имеет эмпирически ограничивающего ЕЕ — дна, — звучит вечной гармонией, и перекликаются в нас, резонатором, отзвуки этой гармонии.

Милый друг, иль ты не слышишь,
 Что весь этот гул трескучий
 Только отклик искаженный
 Торжествующих созвучий¹⁰⁴.

Слова перестают уже быть «моими» или «твоими» словами, они воспринимаются как заглушенные отклики иных слов — слов *Слова*. Если в мире сем такие переделки и созвучия резонаторов вызывают неудовольствие и ярость («как он смеет говорить то же, что и я: это — мое; *pereant, qui ante nos nostra dixerunt*¹⁰⁵), то в Мире ином, в том мире, к которому мы стремимся, так «да не будет», но «да будет» обратно. Слова звучат в каждом индивидуально, — ведь не индивидуальность, не идея данной личности, делающая ее абсолютно ценной и необходимой в Мирогражданстве, уничтожается, а только ее разделенность, обособленность, замкнутость в себе, — но слова уже не «мои» и не «твои». Даже и не «наши» общие слова. Слова у держащего в Себе, как в живом Разуме, полноту всякого слова — у Слова; они — Его. Там и тут жидко рассеянными звездочками вспыхивают блики Слова; чаще и чаще мелькает лучезарная искорка — это одна из пылинок попала в золотой сноп лучей; накаплиются светоносные брызги, перекликаются, и вся поверхность моря — шумящего и мятущегося многоголового чудовища, стада людского — покрывается нежно сплетенною сетью — кружевом мерцающей пены и мириадами блестящих искорок. Мы не можем не ждать, что вот-вот сияние разольется по всей поверхности, захватит светлую скатертью всякого, кто не хочет только сам погрузиться вниз, в холодную темную влагу, не можем мы отрешиться от впечатления, что отдельные блики не сегодня завтра сольются в один полнозвучный аккорд, и хаотическое море, мятущееся, выкристаллизуется в

готические кружевные соборы, в стройную музыку Церкви. Несется Дуновение где-то, но уже струйки «хлада тонка»¹⁰⁶ захватывают этот мир, холодная дрожь радости пробегает по всему телу, охватывает предутренняя свежесть.

Вот гудят вдали колокола перед Великой Заутреней, вот перекликаются горласто звонкие петухи.

Ой дівчя, дівчя жидівчя,
Ой кобись то так и не моя дітина,
Я казав би тя в Дунай кинути,
Втоди руській Бог из мертвих устав,
Коли тот каплун перед мя злетить,
Перед мя злетить, красно запіє.
Есть перед жидом тарель точений,
Тарель точений, каплун печений,
А каплун злетів, та й на облок сив,
Красненько запів, а жид остовпів.

Мы, не уславливаясь в символике, можем говорить символически. Понимаем друг друга. Неужели это *ничего* не значит. Мы ненаучны; великолепно. Но ведь такое духовное единение есть факт, его надо же объяснить. Прилив сил надо объяснить. Радость надо объяснить.

Один из основных тезисов того сочинения о символах, которое я пишу¹⁰⁷, есть тот, что *символы* не есть что-нибудь условное, создаваемое нами по капризу или прихоти. Символы строятся духом по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, как начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. Символизирующее и символизируемое не случайно связываются между собою. Можно исторически доказать параллельность символики разных народов и разных времен. Аллегии делаются (*fiunt*) и уничтожаются; аллегии — наше, чисто человеческое, условное; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действительности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они — сами приходят, когда исполняешься *иным* содержанием. Это *иное* содержание, как бы выливаясь через недостаточно вместительную нашу личность, выкристаллизовывается в виде символов, и мы перебрасываемся этими букетиками цветочков и понимаем их, потому что букетик на груди снова тает, обращаясь в

то, из чего он был создан. Посмотрите, дорогой Борис Николаевич, будто в лаун-теннис играют: всюду в воздухе носятся букетики. Неужели можно сказать «это мой букетик»? Мне иногда думается: впоследствии, *тогда* было бы хорошо устроить анонимность. Издает журнал братство; «моего» и «твоего» нету. Это я только фантазирую пока, да и никому еще не говорил. Что загадывать вперед: ведь все зависит от того, насколько мы сами проникнемся Христом. Такие вещи не делаются по заказу и намеченному плану, а если бы и сделались, то не имели цены... «Милости хочу, а не жертвы»¹⁰⁸. Но можно пофантазировать. *Почему* литературная собственность не есть собственность, «мое», особое? Может быть, это самое собственное, и едва ли что так может действовать разделяюще, как литературное самолюбие. «Своего» не нужно. Не то чтобы никогда и нигде его не должно было быть, чтобы оно само по себе было плохо. Конечно, нет. Но «все можно, но не все полезно». Литературная собственность может мешать. И мешает, часто мешала, была «не полезной».

Тут, в Тифлисе, после заката солнца бывает иногда особое небо; такого я нигде не видал. Какое-то будто прозрачное, твердое, почти бесцветное, а за ним будто пламена далеко-далеко. Мне всего вспоминается «стеклянное море, смешанное с огнем»¹⁰⁹, и это было бы для нашего неба лучшим описанием.

Читаю Ваши стихи, еще и еще и все более восхищаюсь. Есть разные стилистические и т. д. недочеты, но, быть может, это и к лучшему: рвется сквозь нее яснее непосредственность, невыдуманность. Очень хорошо. Все собираюсь написать статью для «Нов(ого) пути» о «Золоте в Лазури», но не решаюсь. Ответственно очень. Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) — знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника — для меня это трудно, если не невозможно¹¹⁰.

Может быть Вы, — простите за смелое предположение, — сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать. Об этом я расскажу Вам кое-что, когда свидимся.

Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами или они действительно так многообразны, как мне кажется, но на всякий момент жизни находится несколько стихов, и, когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего.

Господь с Вами!
Любящий Вас

П. Флоренский.

Тифлис, Николаевская, 67

12

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

1904 года (12 августа),
Серебряный Колодезь

Дорогой Павел Александрович, ну конечно мы совпали! В то время, когда Вы писали о *символах* как об элементах, формирующихся по определенным внутренним законам, я писал о *символе* как об определенной эстетической единице, как о мире художественного измерения, как о *едином* неоплатоников, как о чем-то, покрывающем школьные понятия о форме и содержании, и старался вывести закон сохранения творческих усилий из понятия о *Символе* как частный случай выражения символической доктрины в эстетике. Очевидно, теперь это порхающая мысль времени. Она нас обвеваает ласковым дуновением, посылая нам одинаковые букетики. Весело и радостно работать, когда чувствуешь, что «*Оно*» само напрашивается на то, чтобы быть высказанным. Только что недавно получил письмо от Алексея Сергеевича¹¹¹ и по нему увидел, что мы тоже значительно совпадаем. Оба страшно обрадовались рождению царевича Алексея, можно ли было дать иное название ему¹¹², родившемуся в столь смутное время. Радуюсь войне¹¹³: чем хуже, тем лучше. Заметьте, что разгром одних эскадр и рождение наследника совпали: последняя дымка, скопившаяся до войны, теперь разрядилась и от этого наследник мог родиться: прежде дымка ему мешала.

Стоят «*душные, знойные дни*», и опять, и опять хватаюсь за Владимира Соловьева и весь бываю объят чувством конца:

Печальные ели
Застыли вдали без движенья.
Пустыня без цели
И путь без стремленья.
И голос все тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок: нежданное сбудется скоро.
(Вл. Сол(овьев))¹¹⁴

Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле, а если и не все соответствует в

нем тому представлению о посланнике свыше, которое требует от такого посланника легкости и усмирённости (это против Ал(ексея) Сергеевича), то ведь понятие о легкости воззрений чисто догматическое: многое в Соловьёве заставляет признать истинного пророка *вопреки всему*. Часто я внутренне бунтую против соловьёвства и потом снова и снова проникаюсь его духом. Его «*Теоретическая философия*» (том VII) и стихи прямо гениальны, особенно: «*Три свидания*», «*У царицы моей...*», все о «*Сайме*», «*Обида*», «*Море*» и т. д.

Если бы Достоевский обладал той степенью прозорливости, как Вл. Соловьёв, то вместо «*Братьев Карамазовых*» мы имели бы «*Апокалипсис*». Достоевский бы сумел показать *товар лицом*, Соловьёв же прятал все наиболее глубокое в себе, высказывая это в парадоксах и сопровождая своим характерным смешком «*Хе-Хе*». Смешок этот так и застыл на портретах его, заставляя подчас — и совершенно напрасно — видеть в Соловьёве нечто демоническое ¹¹⁵. Но *демонизма как страсти* в нем нет, нет и нет.

Дорогой Павел Александрович, надеюсь теперь скоро увидимся. Я думаю выехать из деревни 20-го августа и затем с мамой поехать в Саров ¹¹⁶. К 1-ому сентября буду непременно в Москве. Все же простите меня за внешнее, что пишу здесь, но тороплюсь, сегодня надо еще написать много писем, а времени мало.

Христос с Вами!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P. S. Подал прошение в Университет. А Вы как с Академией? *Надеюсь, будете часто бывать в Москве* ¹¹⁷, *и у меня конечно. Надеюсь, мы будем все видеться.*

13

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨23 ноября 1904. Моск(ва)⟩

Брюсов снял маску ¹¹⁸. Принимайте меры. Бугаев. Соловьёв ¹¹⁹.

P. S. Дать знать Свенцицкому.

14

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1 декабря 1904, Сергиев Посад

Милый Борис Николаевич!

В(алерия) Б(рюсова) в «*Весах*» не было, хотя мы ждали его довольно долго и хотя он *должен* был прийти, по словам Полякова.

На нас это произвело впечатление такое, что В. Б. уклоняется от встречи. Записку и ваше письмо ¹²⁰ я оставил для него на столе редакции.

Мне кажется, что он снова принялся за Вас и что у Вас не совсем спокойно. Не обращайтесь, дорогой Борис Николаевич, внимания и идите своим путем мимо всех личин. Мы не дадим Вас ¹²¹. Хотя В. Б. и пристает, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы. — Молюсь за Вас и искренно люблю.

П. Ф л о р е н с к и й.

P. S. Привет Сергею Михайловичу.

Мне было бы очень важно иметь для изучения стихотворение В. Б., посвященное Вам ¹²². Тогда я не успел переписать его. Может быть, Вы сможете доставить на 2—3 дня?

15

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

⟨18 апреля 1905, Москва ¹²³⟩

Дорогой, многоуважаемый Павел Александрович, будьте непременно в Москве к среде. В среду от 12—1 Вас очень хотят видеть Мережковские. Они остаются только два дня. В пятницу Д⟨митрий⟩ С⟨ергеевич⟩ читает у Морозовой ¹²⁴ лекцию о Церковной реформе. *Надо быть*. Если можно, пусть будут и академики ¹²⁵. Цена с них 1 рубль. Для Вас можно так. Пожалуйста, дорогой, приезжайте. Важно для дела. Христос Воскресе! ¹²⁶

Любящий Вас Б. Б у г а е в.

16

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

2 мая 1905, Москва

Дорогой Павел Александрович! 4-го мая Эрн читает реферат о собственности у Христофоровой ¹²⁷, и в то же время мы приурочили к дню этого чтения собрание будущего общества памяти Вл. Соловьева ¹²⁸. Пожалуйста, приезжайте с Алексеем Сергеевичем и, быть может, Троицким ¹²⁹. Более 30—40 человек не будет. Будут только *действительно* интересующиеся. Глубокоуважающий Вас и любящий Б. Б у г а е в.

P. S. Зайдите ко мне.

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

15 июля 1905, Тифлис

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич!

Хотя Вы, кажется, и сердитесь на меня за наши разногласия этою зимою и хотя в *результатах* наших, действительно, разногласия, но я все-таки считаю Вас так близким к себе и по цели, и даже по путям, что пишу. Близким считаю потому, что знаю одинаковость наших основных настроений (сказочность) и исходных пунктов развития. Поэтому, мне кажется, я в каждом Вашем движении понимаю Вас и, быть может, каждую минуту мог бы сделать его сам, если бы с самого начала не стал обрабатывать своих переживаний иначе, чем делаете это Вы. А во многих случаях я спорю с *Вами*, и жестоко, но это — видимость; на самом деле я разговариваю с самим *собою*, и отсюда — жесткость приемов. Перед отъездом из Посада прочел Вашу статью ¹³⁰. В качестве схемы она мне представляется очень интересной, особенно в понимании Вал(ерия) Як(овлевича) ¹³¹. Но именно как схема ¹³². Удовлетвориться *таким* развитием темы я не могу, потому что тут вся доказательность зависит от жизненной сочности и конкретности переживаний. Если статья Ваша возросла бы раз в 20—30, то стала неизмеримо ценнее.

За последнее время я все собираю материалы для «Софии» ¹³³. Собирать очень трудно, т. к. приходится внимательно прочитывать груды сырья, просматривать кучи икон, рисунков и т. д., чтобы выловить несколько жемчужин. Но есть у меня в материалах (это — один из перлов моих) икона совершенно апокалиптическая, где — «Жена, облеченная в солнце», Богородица, Зверь из бездны и т. д. Работа будет закончена не скоро, работа в высшей степени неблагодарная, т. к. масса энергии уходит безрезультатно, но для С(офии) «жалеть ли мне рук»? ¹³⁴ Пусть все остальное не идет, как следует: но уяснить то, что необходимо теперь всем, заставить согласиться — это так важно, что надо забыть об остальном. Мелкие вещи пишу. Недавно закончил о «типах возрастания» ¹³⁵. Это подготовка (математико-психологическая) к вопросу о «лицах под специальным покровительством С(офии)» ¹³⁶, как напр(имер), Ваша Дама ¹³⁷, как другая Дама, которая мне известна и Алекс(ею) Серг(еевичу) ¹³⁸, как еще кое-кто из «особенных» благодатных. Приходится и тут, в области философской (напр(имер), теория символов), все подготавливать почву, обосновывать и потом

нежданно вдруг сделать такое резюме, которого будет нельзя не признать даже врагам нашим. Им тогда придется объявить, что они не отрицают того, что мы говорим, но *не хотят* этого, *волею* противятся этому. До тех пор же, как «споры» не перенесены на почву сознательного волевого утверждения и отрицания, до тех пор, пока они остаются просто вопросами обсуждения, Апокалиптическое начаться не может. Τὸ κατέχον, «удерживающее», т. е. эмпирическое, условное, еще не пробито, раз возможны споры. Конец при дверях, но не в дверях, и я не верю, чтобы мог наступить конец до тех пор, пока каждый не получит всего «важного» в столь разжеванном виде, чтобы мог сказать вполне сознательно с волею: «я хочу этого» или «я не хочу этого». Если же возможны рациональные соображения и эмпирические возражения, то еще — не конец. Даже Вал(ерий) Як(овлевич) не дорос до конца: он пускается в область «исторической критики», «как историк»¹³⁹. А конец, разрешение всех противоречий, высшее счастье, сделался бы для меня невыносимым насилием над миром, если бы предлагался миру недозревшему до сознательности к нему. Помните «спелые смоквы»¹⁴⁰. Помните «пшеницу и плевелы»¹⁴¹, растущие до полной зрелости. Помните «виноград», из которого давится сок, т. е. виноград зрелый (в Апокалипс (исе))?¹⁴²

Как идут Ваши работы — главное, конечно, 4-ая Симфония и стихи?¹⁴³ Ваши симфонии мало кому понятны, но тут Вы ни при чем. 3-я («Возврат»)¹⁴⁴ кроме тех чисто литературных промахов, о ко(торых) мы с Вами говорили (напр(имер), конспективность и непропорциональная сжатость последней части), мне представляется вполне законченной и легко понимаемой при известном развитии; если же его нет, то как бы Вы ни писали, вы все равно останетесь непонятым. Если Вы будете выпускать 4 симфонии вместе, то я непременно разражусь статьей, и большой; о «Золоте» была вполне обдумана и почти написана вчерне, но так не хочется печататься (прямо как-то претит), что она и осталась, как и множество других вещей, в портфеле. Но тут мне надо сказать очень много важного теоретического и много восторженного. — Если увидите с Мережковскими, то кланяйтесь им от меня и передайте сердечный привет. И Зинаиде Никол(аевне) также: хотя я видел ее всего несколько часов, но многое понял в ней, и прежде всего то, что она неизмеримо лучше, чем кажется. Я знаю, что если бы я только и видел ее, что в обществе (напр(имер), у Рачинского¹⁴⁵), то она бы возбуждала некоторую досаду и недоумение. Но когда я увидел ее в интимном кружке, то стало ясно, что в

конце концов то, что способно возбудить досаду, есть результат известной внутренней чистоты, — внешняя изломанность — проявление внутренней боязни сфальшивить. Это странно как будто, я даже не могу объяснить Вам толком, что именно хочу сказать, но я хорошо знаю, что бывают такие люди, которые, боясь неестественности, надевают маску неестественности, — такую неестественность, которая не искажает подлинную природу личности, а просто скрывает ее. Зинаида Ник(олаевна) при нашем свидании сказала мне такую характеристику меня, которая в высшей степени тяжела, скажу более, оскорбительна, хотя я сильно боюсь, что Зин(аида) Никол(аевна) во многом права. Она сказала то, подозрение чего меня мучило и мучает непрестанно, хотя я этого никому не скажу. Но вместе с тем в самой Зин(аиде) Ник(олаевне) я увидел столько скрытого боления и деликатности, что чувствую себя с ними обоими близким, хотя знаю, что оба они, особенно Дм(итрий) Серг(еевич), ни за что этого теперь не признают и что они сердятся на меня все из-за того же, из-за исторической Церкви.

Я хорошо понимаю, почему в этом отношении я расхожусь со всеми, почему я разошелся в некоторый момент и с самим собою. Тогда я подходил к Церкви, смотря на нее объективно, «как на мать ребенок, который отделился от ее организма» (Дм(итрий) Серг(еевич)). И тогда я видел тысячи недостатков, видел толстейшую кору, под которой для меня не было ничего, кроме выдохшихся символов. Но не знаю что — толкуйте как хотите — что-то поставило меня против воли моей в субъективное отношение к народу, а вместе с ним и к Церкви, которую он любит. Я зашел внутри всех скорлуп, стал по ту сторону недостатков. Для меня открылась жизнь, быть может чуть бьющаяся, но жизнь, открылась безусловно святая сердцевина. И тогда я понял, что уже не выйду оттуда, откуда увидел все это, — не выйду, потому что не верю в духовную *generatio spontanea*¹⁴⁶, не верю в возможность «устройства» Церкви. Церковь «наша», сказал я себе, либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого зерна. Я нашел его и буду растить теперь его, доведу до мистерий, но не брошу на пожранье социалистам всех цветов и оттенков. Если я виноват, Борис Николаевич, что воспринимаю жизнь и святость за толстой корой грязи (которая для меня, может быть, кажется гораздо толще, чем для других, потому что она мне делает *больно*), если грешно любить святое, то я действительно виноват перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу при-

твориться, но не могу перестать чувствовать то, что чувствую. Делайте что хотите и как хотите. Ваше осуждение делает больно, но любовь только усилится от них...

Как Ваше настроение и Ваше здоровье? Надо запастись и тем и другим на зиму, т. к. приходится предвидеть зиму небывало трудную и напряженную, в сравнении с которой прошедшая — тишина и спокойствие. Мне этим летом не только не удалось отдохнуть и поработать, как хотелось, но еще более измучился и издергался. Тут такая обстановка, столько напряженности в воздухе, столько взаимного раздражения и столько крови¹⁴⁷, что невозможно сосредоточиться и не нервничать. Немного успокаиваюсь на одном только Шиллере.

До свиданья, дорогой Борис Николаевич, — если только оно возможно еще тут: ведь ни за один день рассчитывать не приходится. Желаю Вам всего хорошего и, главное, не оставаться нравственно одному.

Ваш П. Ф л о р е н с к и й, искренно любящий.

Адрес (до начала августа) Николаевская, 67, П. А. Флоренскому. (после начала августа): Сергиевский Посад (Московская губ.), Духовная Академия, П. А. Флоренскому.

18

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

(14 августа 1905, Москва)

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович, был так обрадован Вашим письмом. Я часто думал о Вас. Много раз собирался писать Вам, но до последних чисел июля все отвлекался. Лето разразилось над нами с Сережей грозное и значительное. Все оно состояло из зарниц прорицания. Все собирался разгадать эти зарницы. Приходилось много бороться с Химерами. Химера, когда-то вылезшая из Валерия Яковлевича, многих людей для меня (для нас вместе с Сережей) занавешивала своей пеленою¹⁴⁸, пока я не обратился от людей к Самой Химере, этому Дракону. Знаете ли, Павел Александрович, воистину Дракон близко. Часто мне он открывается как *Фафнер*¹⁴⁹, но Фафнер одна оболочка. Вот еще Он приблизится и станет не Фафнер, а Змий Древний. Ясно одно: Змий близко, он прикидывается то тем, то другим. Он вмешался во все и все запутал. Ясно одно: где многое создается как твердыня, там же рядом многое *подрывается*. Дракон гнездится всегда рядом с Брунгильдой¹⁵⁰. Иногда, высунув язык, он выпол-

зает из норы, чтобы коварной пастью своей словить Брунгильду. Но Брунгильда *не* Брунгильда. И Фафнер *не* Фафнер. Вот так и я: попал в какое-то опасное место между Фафнером и Брунгильдой; с места моего ничего не разберешь в пылу войны (как в современной войне), машешь руками и ногами, попадаешь мечом в своих и чужих, чувствуешь, кто-то со стоном валится, не видишь кто: свой или чужой, знаешь только, что надо не падать духом, а рубиться, рубиться без конца во славу... *долга*. И вдруг спасение: а что, если туман рассеется и картина павших в бою врагов откроет все знакомые лица не врагов, а ... друзей. Страшно. Но я признаюсь: я все растерял, все критерии, знаю одно: 1) чувство *несказанного* знакомое и близкое, 2) гносеологический критерий. Вот два несоизмеримых друг с другом моих оплота, а все прочее — *под вуалью*. Эта зима (2-ое полугодие) меня очень изменила: я *еще* раз усумнился во всем, что я считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе, *но и*: в пренебрежительном отношении к социологии, к тенденции, к террору и т. д. В результате: презирал в себе Андрея Белого, захотел стать Андрюхой Краснорубахиным¹⁵¹. И т. д. В результате стал серьезно относиться ко всем мнениям и не мог примирить друг с другом и с собой различных людей. Устал смертельно и возненавидел беспричинно всех. Вопросы о *религии* стали для меня тошнее касторки: слишком много весной собирались и говорили, говорили, говорили. И все с пылом, с жаром, с нервами. Могу сказать, что общение с вопросами «Х(ристианского) Б(ратства) б(орьбы)» выбило из меня на несколько месяцев всякую религию, а оторваться от Э(ллиса) и С(оловьева)¹⁵² не могу, потому что вижу в них пылающих *ревностью о Боге людей*. И браню их, и устал от них, а все-таки принимаю их серьезно и значительно. Но что мне делать: все несказанное во мне стыдливо спряталось в такую глубину, что для нее нет слов (там, *кажется*, и Христос, и счастье, и радость), но только для слов все это «*ни о чем*», а на словах могу только быть скептиком и *гносеологом* (Риккерт¹⁵³ для меня откровение. Хочу основать на нем всю эстетику). И не знаю, усталость ли это или отврат от религии. Кажется, усталость, потому что как только «*вопросы*» выкину за борт, так начинается интимная мистерия в жизни. Эта мистерия называется «*ни о чем*». Но мистерий «*ни о чем*» не бывает: стало быть, *мой* путь углубленно интимный. И вот делюсь на две половины: одна собирается говорить, исследовать, писать рефераты, собирается производить все это с одушевлением в обществе «*Памяти Вл. Соловьева*» (Гр(игорий) Ал(ек-

сеевич) Рачинский уж мне ставит катег(орические) императивы в этом смысле), а другая половина называет это воодушевление машинным воодушевлением и, наоборот, в интимной глубине «*Ни о чем*» отдыхает несказанно. Вы спрашиваете меня о «*Симфонии*». Нет, не пишу. Спросите, почему? Ей нет места между двумя половинами моего сознания: *Андрюха Красный* и батюшка Алонзанфанделапатреображенный¹⁵⁴ (член будущего общества памяти Вл. Соловьева) презирают сии занятия (да и вращаться им приходится в атмосфере, внутренне не могущей принять *художника*). А другая половина сознания, переживя действительность, бесконечно «*симфоничнее*» исполненные, нежели всякие симфонии, отказывается передать то, перед чем «мертв язык». И опять-таки, где выход, не знаю. Буду ли писать «*Симфонии*», не знаю. 4-ую во всяком случае допишу. А пока задумал поэму и 1/2 написал, другая же половина разрастается в *драму*; и я отложил ее дописывать. Поэма будет богоборческая¹⁵⁵, и чем глубже со мной моя интимная радость «*Ни о чем*», тем слаще боль писать богоборческий выкрик. Теперь же пишу ряд статей: 1) Темы будущих рефератов и статей, 2) Все главы моей книжки «*Основы символизма*»¹⁵⁶, которую думаю выпустить к весне. Стихов не пишу. Христос с Вами. Надеюсь, скоро увидимся. Глубокоуваж(ающий) и любящий Вас. Б. Б у г а е в.

Христос с Вами.

Р. S. Все-таки я думаю, что все осталось по-прежнему, и я — христианин, хотя за эти 2 месяца со мной произошел ряд переворотов. Несомненно, что-то очистилось. Письмо от Вас было для меня очень хорошим и радостным знамением: спасибо за него. Я как-то вдруг живо Вас почувствовал и успокоился почему-то. О Вас в последнее время я ничего не знал, и мне думалось, что если увижу Вас, то вдруг... не узнаю. Но теперь ясно, ясно вижу Вас и страшно хочу Вас видеть.

Господь да хранит Вас.

Преданный Вам всей душой Б о р и с Б у г а е в.

Р. S. А. С. Петровскому мое приветствие. Писал ему, — не отвечает. Страшно интересуюсь Вашим трудом о Софии. Часто о нем думаю. Не познакомите ли нас вообще с добытыми результатами? Мы все были бы так благодарны. Чувствую, что веяние Софии есть мой удел, но теоретизировать здесь я не умею. С благодарностью бы послушал Вас, как учителя. «*Дама*» под покровительством *Софии* знает о Вашей работе. Она интересуется всем «о *Софии*» весьма серьезно.

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

31 января 1906, Сергиевский Посад

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич! Много раз начинал писать Вам и столько же раз бросал письмо. С *Вами* особенно хотелось бы быть в общении, но я не писал (да и сейчас не напишу того, что хотелось бы), т. к. жизнью завладело *ἄρρετον*¹⁵⁷, и даже для самого себя не находится слов, чтобы охватить внутреннее. Одно только ясно; всюду какие-то серые перегородки, и об них хоть лоб расшиби, а все не проломишь бреши.

На науку, философию и все такое я давно уже махнул рукой, не стал их рассматривать, как «все». А смысл и цель деятельности тогда стал видется в общении с личностью, — и не в «деятельности любви» и не в «служении ближним» (и на них я не смотрел и не смотрю, как на «все»), а в прикосновении голой души к голой душе. Если чего можно достигнуть положительного, то только в и *чрез* такое слияние, так чтобы всегда хотя бы два человека до конца, до дна понимали друг друга, чтобы каждый из двоих представлялся другому бесконечностью. Я увидал, что в таком единстве — основание всего и оно постулат всякой жизни. Но возможно ли оно? — Это для меня роковой вопрос. И если в отдельные моменты оно вполне реально, то в другие — бесследно тает, и являются грани между личностями. Начинает казаться, что все усилия выйти за них, за грани, остаются мучительной потугой... Но нужно не друга, хотя бы гения, не умных, не утонченных и переутонченных отношений, а просто Друга, просто близких, всецело человеческих, тех отношений, которые дают себя, а не свое, и берут меня, а не мое. *Это* возможно ли? Если нет, то вся жизнь окрашивается безвыходно-мрачным покровом, потому что без *этого* представляется невозможным и всякая деятельность. «Дела» же сами по себе, не освященные личными отношениями, мне кажутся слишком ненужными; всякие «дела» для меня ценны только символически, поскольку они выражают и служат для *личного* общения, не для периферических прикасаний, но для внутренних объединений.

Может быть, я по-философскому и по-литературному говорю сейчас слишком наивно и слишком плоско. Но не до «глубин», когда *жизнь* уходит и ничего из нужного не делаешь. Я не хочу «глубин», не хочу литературы, не хочу «дел», хотя бы даже мог сделать гениальное. Безусловная ценность, знание Бога не наше, не «зеркалом в гадании» — в зыблущихся и крутящихся символах

поэзии и философии, не вкрадчивые улыбки Софии, а все — или ничего! Рукой щупать Бога — думаю, что если это можно, то не иначе как чрез душу *другого*, Друга, — все наполнить сознанием незыблемости, рукой схватиться за «мышцу Сильного»...¹⁵⁸ Остальное все благословенно, свято, хорошо, но не есть, а *будет* только тогда. Только начнешь *видеть*, налетит туман, и все заволочено. Только пойдешь бодрым шагом, и ... стена. Я знаю, что грешен, знаю, что недостойн, я не бурчу и не жалуясь. Но... тяжело, хотя «да будет Воля Твоя». Из всех поэтов читаю только Никитина.

Много Вас вспоминаю, дорогой Борис Николаевич, но чем чувствую Вас ближе, тем менее хочу ехать повидаться, т. к. знаю, что Москва и московская обстановка мне испортят настроение. Что касается до моих «письменных работ», то тут я столько раз наталкивался на затруднения, что начинаю видеть в этом знамение, признаться сказать, совпадающее с моими тайными желаниями. Печататься решительно негде: для одного журнала — слишком учено, для другого — слишком «в новом стиле»; для одного — слишком математично и т. п., другому противны элементы мистические и богословские. Одним словом, угодить ни на кого не могу, а изменять тот метод, который мне кажется настоящим моим путем (исследование понятий и синтез разнородных материалов), не могу по совести. В результате предпочитаешь больше думать, нежели писать. Все встает вопрос: «для чего? все равно останется в портфеле». Да, по правде сказать, я вполне сочувствую редакциям, которые бы стали мне отказывать: что же печатать то, чего читать не станут. Впрочем, я лично рад данному обстоятельству: с более спокойной совестью могу менее отвлекаться от своей жизни и своей работы...

Прочел «Сфинкса». Особенно почувствовал «Зияния», «День Господень — тьма»¹⁵⁹. А знаете ли, мистики говорят, что предпоследняя ступень лестницы восхождения¹⁶⁰ — «сумрак веры», сумрак, т. е. как в торжественном еловом лесу — готическом храме¹⁶¹. Вы, дорогой Борис Николаевич, многое поразительно как угадываете. Мне (простите!) часто кажется, что сами Вы не хорошо знаете, что Вы угадали, не понимаете подлинной важности прозрения. Вот хотя бы Ваши Светозаровы и К^о¹⁶². Да сознаете ли Вы, что Вы лучше выясняете ими сущность солярно-лунных мифов, лунного астартизма¹⁶³, приливов и отливов души от тяготения месяца. Вы выяснили мифы об Адонисе, Таммузе¹⁶⁴ и проч., периодически умирающих и оживающих, учение о грехопадении (Хандриков), сути зла и проч., лучше, чем это выясняют много-

ученые специальные томы по истории религии. Хвалить было бы слишком плоско, да и кто я, чтобы высказывать свое одобрение. Но говорю о своем восхищении, потому что, читая Ваши произведения, яснее, чем в иные разы, угадываю интимнейшую сторону в процессах познания и религиозного творчества...

Вот опять письмо, обрываемое десятки раз, пролежало несколько недель. Это не по лености: я думаю и работаю, Борис Николаевич. Но я одичал и ушел в себя за последнее время. И возвращаться-то назад не хочется: то, что кажется важным и живым, когда живешь в Москве, принимает довольно мизерный вид при взгляде издали. Самохвалство же всяких «направлений» и «течений» невыносимо, не потому невыносимо, что раздражало бы, а потому, что становится жалко людей, жалко до боли и до слез. Вот проходит вся жизнь, совершается бесповоротная и невозвратимая потеря возможности сделать то, что можно сделать только в жизни. Кажется, — будто в пустыне мы жаждем, а бесценные капли протекают сквозь пальцы, впитываются жадным песком, и, как ни сдавливаешь пальцев, вода все каплет. Об этом забываем мы и губим себя. Я не о смерти как о смерти говорю, потому что не верю в смерть и не боюсь смерти. Но сознание долга мучает, потому что смерть не позволит уже выполнить долга. Мы, христиане, чувствуем себя слишком свободно, чтобы не быть слишком ответственными за каждый вздох, за каждый взгляд, за каждое мгновение. Никто не насилует нас; никто не тянет нас. Мы — в полной, безусловной свободе самоопределения.

На нас Отец не хочет производить даже давления, не хочет нас даже уговаривать. Он хочет, чтобы мы сами, свободные, пришли к Нему. И вот это-то полное доверие, это полное уважение к нашей личности, к нашим желаниям заставляет быть до конца серьезным...

Желаю Вам бодрости и радости. Христос с Вами. Искренно любящий Вас.

П. Флоренский.

20

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

14—28 ноября 1910, Сергиевский Посад

Дорогой и искренно уважаемый Борис Николаевич! Пишу Вам, оторвавшись от Вашей новой книги о Символизме¹⁶⁵. Много раз собирался и даже начинал Вам писать, но почему-то не выходило из моих начинаний ничего путного. Мне теперь хочется по-

делиться с Вами светлым и бодрым настроением, вынесенным из Вашей книги. Имею в виду именно Ваши исследования по ритму («ритмологии») и смежным вопросам¹⁶⁶. Что эти исследования глубоко интересны; что они действительно дают *новое*; что в них имеешь дело с настоящей *научной* работой; что они обещают развиться в науку первой важности — все это для меня не главное. Но мне, всегда верившему в Ваше лучшее будущее, так приятно видеть осуществление своих надежд, — так приятно читать эти статьи, подписанные именно *Вашим* именем. А еще радостнее, что они помечены 1909-ым годом. Это значит, что Ваше «настоящее» (каковым я не мог никогда считать Ваших занятий философией) залегает не в прошлом, а в настоящем и, конечно, в ближайшем будущем. Какою свежестью и самобытною силою веет от этих «экспериментов в области лирики»¹⁶⁷! Какими высокими половыми тряпками представляются все эти словесные, с позволения сказать, диссертации наших «проф.» и «прив.-доц.». С великим нетерпением жду выхода остальных Ваших книг, в особенности же капитальной работы о ритме в русской поэзии¹⁶⁸.

Простите за похвалы по вопросу, в котором Вы понимаете так много, а я так отстал от Вас, и считайте их не за похвалы, а за простое выражение радости о хорошем. Передайте мой нижайший поклон Вашей маме, если только она помнит обо мне.

Преданный Вам

П. Флоренский.

21

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ФЛОРЕНСКОМУ

17 февраля н. ст. 1914,
Базель

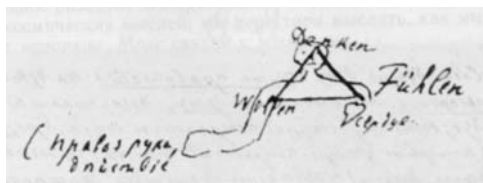
Глубокоуважаемый Павел Александрович!

Вы, вероятно, давно забыли меня: я-то Вас все эти годы помнил. Давно еще читал Ваши письма, «*Столп и утверждение истины*» с большим вниманием. Несколько раз чувствовал необъяснимую потребность вдруг просто приехать к Вам и высказать Вам *много-много*, — чего логически даже не сумел бы оформить: но глупая, суетливая, кружковская, московская жизнь не позволяла этой моей потребности осуществиться. Раз в Тунисе получил Ваши несколько строк с лестным для меня одобрением моих статей по ритму; и это одобрение меня тронуло: помнится, хотел Вам ответить, и — не ответил: стыдно было ответить на одобрение

Ваше той моей работы, которая могла бы быть точна и интересна, если бы не пустая, суетливая жизнь, из которой я вырывал несколько ночных часов и которая ряд предполагаемых книг превратила в ряд эскизов и неразработанных набросков.

Вот уж два года, как я не живу в Москве; живу за границей, растерял почти всех знакомых и многих друзей, мало знаю о России, не слежу за выходящими книгами. И вот, случайно у одной русской увидел книгу Вашу «Столп и утверждение истины», выпросил читать, и — вот начинаю жить с ней. Пока я еще не прочел ее, но... позвольте Вам высказать *горячее спасибо*: все мне в ней страшно говорит, волнует, затрагивает; с каждой страницей то *горячо* соглашаешься, то *горячо* споришь, то с *горячностью* вносишь свои коррективы. Особенно радостно мне, что Вам удалось сквозь всю книгу провести тезис Ваш «*Живой религиозный опыт, как единственный способ познания догматов*». Вы пишете: «так мне хотелось бы выразить общее стремление моей книги»¹⁶⁹ ... И позвольте Вам сказать: «Вам это блестяще удалось»... Вместе с иными немногими статьями Соловьева, немногими статьями К. Леонтьева¹⁷⁰, — Ваша книга составляет редкое исключение; более того: как книга, она единственная: я сопоставляю с ней «Добротолюбие»¹⁷¹, «Летопись Сераф(имо)-Дивеевского монастыря»¹⁷², но, например, не «духовные основы жизни»¹⁷³, не сочинения Хомякова, Булгакова, Бердяева и т. д. Мне теперь часто приходится обращаться к «Добротолюбию»; и не устаю любить его, восхищаться *ведением*, которое там встречает меня: и вместе с тем я *не могу* читать почти никого из авторов «Пути»¹⁷⁴, *органически* не могу (Вы простите мне это признание), органически не выношу творений Эрнста¹⁷⁵ и считаю себя абсолютно враждебным теоретическому и полемическому зазору *православных* «Пути»... Все, что появляется в печати от имени *Православия*, столь мне чуждо, что я уже давно не слежу за этой литературой. С тем большим изумлением и радостью я встретил Вашу книгу; мне хочется *подчеркнуть*, что мы с Вами стоим на разных точках зрения и я хотел бы защищать совсем другую «школу опыта», не школу восточную (так бы я назвал ее), а ту, которая лишь в наши дни выходит наружу (в дни *кризиса сознания* и перехода человечества к вовсе иной, еще небывалой культуре). Та «школа», которая мне близка, Вам, вероятно, *враждебна*, но... нам, *антропософам*¹⁷⁶, близок и дорог всецело, например, Дионисий Ареопагит¹⁷⁷; близко и дорого, например, многое, что встречается в «Добротолюбии».

Я характеризовал бы разницу между *школой опыта* в Православии и опытом соврем(енного) Тайноведения (Geheimwissenschaft, Geisteswissenschaft) тем, что обе школы, признавая сердце — духовным Солнцем и жизненным центром, разнятся в способе «погружения ума в сердце»; я вот все читаю в книге «Невидимая брань» (Изд(ание) Син(одальной) типогр(афии)¹⁷⁸) о погружении и даже о потоплении ума в сердце, а у Ладыженского¹⁷⁹ встречаю указание, что культура сердца есть отличающий признак монашеской школы от радж-йоги¹⁸⁰ (там-де культура ума). Может быть, это так у *индусов*, но не в той школе, которая предлагается совр(еменным) Geisteswissenschaft, ибо не тренировка ума противопоставляется здесь сердцу, а свободное погружение себя, сознающего ума в сердце, не *потопление* в сердце, а свободная жизнь в сердце: и *сердце думает*, и *ум чувствует*; вот правило той школы, которая стала близка моему существу; у ума развиваются сперва лебединые крылья, и не *ввергается* он в сердце, а *свободно слетает в сердце*. Монашеская школа, с нашей точки зрения, гипертрофирует *Fühlen* в треугольнике:

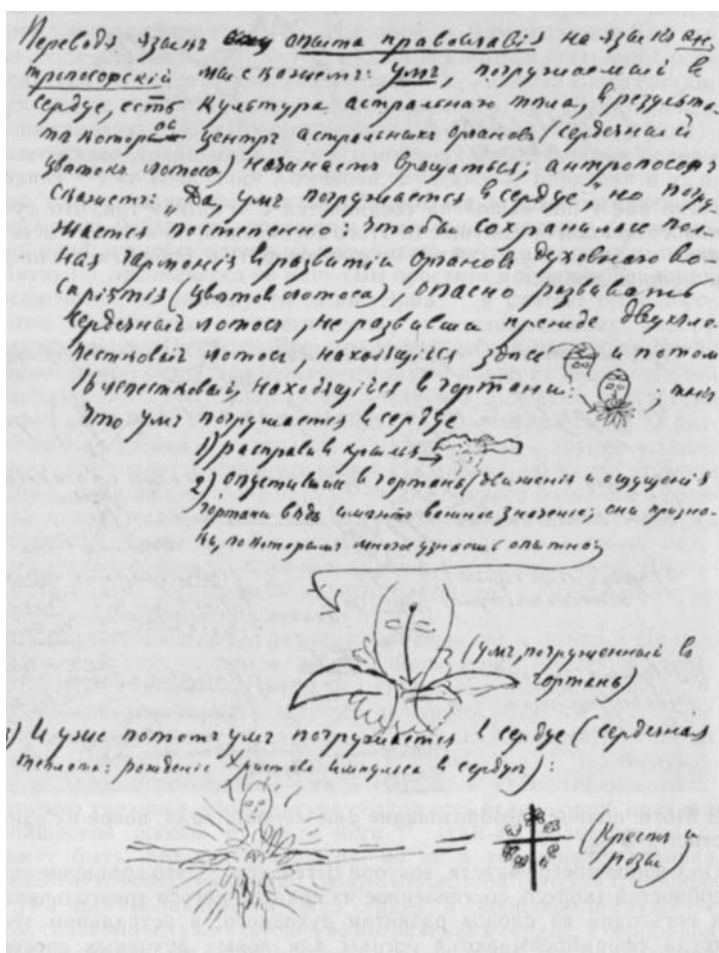

тогда как у нас «*Denken*» соединяется с «*Fühlen*» так, что лучи *нового знания*, брезжащие от этого соединения, *по-новому* высветляют и *сердце*, и *ум*, так что можно говорить о *любящем сознании* и *мудрой любви*.

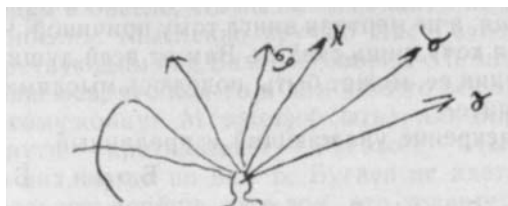

В итоге: полное преобразование ума, сердца, воли, новое их единство:

По учению моего учителя, доктора Штейнера ¹⁸¹, это вращение способностей (колесо, составленное из вращающегося треугольника) и есть один из плодов развития духовного; в астральном теле тогда сформировываются органы для новых духовных способностей: «чакрамы» (что значит колеса) или цветы лотоса; они вращаются, но центр вращения — сердечный цветок лотоса (12-лепестковый).

Сердце-Солнце; но само солнце сформировано зодиаком, внутри сердца познаешь блеск солнца; оно становится Христовым сердцем. Но *Христос* пришел не для земли только, не для солнечной системы, а для всего Космоса: Церковь не указала на космический смысл Христа; а в нашем составе телесном есть начала космичности, связанные не только с сердцем-солнцем, но и с звездными далями; и вот *ум* отвлеченно мыслит пространства космоса; правильное развитие его превращает отвлеченные мысли в реальность космических мыслей; мы перестаем мыслить, как мы: нами *мыслят иерархии*. Мозг связан с зодиаками

Надо развить ему крылья: провести *звездность* сквозь *солнце* в земное наше сердце. *Монашеский путь*, гипертрофируя сердце и *топя* в нем непретворенный ум, *прав* в принципе, но односторонен на практике. *Антропософский* путь, преобразуя ум, развивая в нем крылья, не *топит* его в сердце, а заставляет свободно *слетать* в сердце (Парсифаль убил лебедя¹⁸²: это — грех; лебедь — (ум) = то был священный), чтобы на крыльях своих вознести сердце в мозг: в уме зажечь солнце: «Свет Христос просвещает всех...» И «всё» — прибавил бы я... Просвещает и науку: может быть, Христова наука не только как *йога* молитв, но и как астрономия, химия, физика; вот об этой возможной науке (просветленной *земли* нашего знания) пытается говорить *Geheimwissenschaft*, соглашаясь со многими положениями *восточной школы опыта*, но отвергаемая и синодальным спящим сознанием, и мозгологией, и рационалистическими (безопытными) разглагольствованиями неоправославных, произведения которых я читать не могу, нетерпимость которых отчасти выгнала меня из Москвы (умственно выгнала); ибо не словами о «*благодати*», «*ведении*», «*опыте*» можешь жить, а ведением «*ведения*»; *ведения «ведения»* у них нет: я ушел от них навсегда; на мои искания и просьбы дать хлеба жизни, научить, как *жить в мире*, как провести день Борису Бугаеву, проживающему на Арбате и вынужденному ради хлеба насущного строчить фельетоны, бежать в Редакцию, сорить

словами и пеплом — на все эти слова я встречал ответы о благодати вообще, добре вообще, даже... *О Христе вообще* (!?): никто не услышал моего немого крика: умираю, не хочу жить мертвой жизнью... Умираем мы все, и не произносящие имя Христа, но алчущие света Христова, и произносящие всеу имя Христово между «водкой и селедкой»: и даже чаще — спьяну: пьяного Христианства, словесного Христианства, как и мертвого Христианства, я испугался, бежал, ряд лет завешивался от мертвых или пьяных слов словами «о Канте»...

И вот: встретил людей, свет, ответ на то, как мне жить, и подлинное имя Христово → у немца, д-ра Штейнера. Натосковавшись 10 лет в пустыне эстетического и философского бесплодия, ну, конечно, я остался у ног учителя.

Теперь меня считают отщепенцем. Я же верую в правду нашего пути, что мы — со Христовым именем...

Вы, вероятно, этого не думаете: простите, что несколько личных признаний сорвалось у меня в этом растянувшемся письме: но *Ваша живая*, а не мертвая книга тому причиной. Через разность наших путей я хочу лишь сказать Вам от всей души «Спасибо»...

По прочтении ее, может быть, поделюсь мыслями о ней с Вами. Вы позволите?

Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев.

Мой адрес: Schweiz, Basel. Poste restante. Herr Boris Bugaieff.

22

ФЛОРЕНСКИЙ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

(1914 год)¹⁸³

Дорогой и глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ваше письмо очень тронуло меня, тем более что пришло тогда, когда я его менее всего ожидал и лишь стороной справлялся о Вас о(т) С. М. Соловьева. Я рад, что Вы преодолели свои презумпции о моей враждебности к Вам или к Вашему пути — преодолели тем, что написали мне. А те личные, вскользь оброненные признания, которыми Вы делитесь со мною, дают мне право ответить Вам с возможною для меня степенью открытости и прямоты.

Для меня решающим в моих отношениях всегда было и все более становится основное восприятие *личности*. Конечно, если меня спрашивают о пороках и добродетелях, понятиях и суждениях, состояниях и положениях лица — я отвечаю, но ответ мой бу-

дет вял и внешен. В самой глубине сознания мне это *все равно*. Конечно, также я по немощи физической и душевной, а равно и по греховности могу раздражаться на кого-нибудь «за что-нибудь» или кипятиться «(по) поводу чего-нибудь», но в глубине я сам смеюсь над собою и сам не верю своему раздражению или своему кипячению. На самом же деле руководит мною в моих сколько-ниб(удь) важных отношениях исключительно восприятие *личности*, как таковой, по ту сторону ее облачений. И еще. Конечно, у меня есть те или иные взгляды на те или иные пути внутренней жизни. Но если бы Вы потребовали от меня решительного осуждения тех или иных путей, облачений, схем и т. д. — я категорически отказался бы. Единственное, что твердо, что безусловно я *выскажу* не методологически, а окончательно, это — что «неисповедима глубина богатства Премудрости Божией»¹⁸⁴ и что нет ничего такого, какой бы резкий отпор мой оно ни вызвало *методологически*, по долгу *своей* службы в мире, по послушанию, мне данному, что я мог бы окончательно и безусловно проклясть. И вот, если я *верю* в *личность*, как, например, ни на минуту не усомнившись, я верил в Вас, несмотря на много(е) около Вас, что я не мог не ставить в минус, — если я верю в нее, то ни о каком пути ее я не могу и не чувствую в себе права сказать: «путь ложный». Да, есть много путей, которые схематически, «вообще» я не мог бы рекомендовать и которые методологически, «вообще» я стал бы анафематствовать¹⁸⁵. Но это все *вообще*. Однако о Борисе Бугаеве, живущем в Базеле, *что бы он ни делал*, я не могу сказать: «Вот идет к гибели». Мысленно вручаю Вас Господу, которого и ощущаю бодрствующим над Вами, и говорю: «Не знаю, но я верю в личность и надеюсь, что *как-то* и для *чего-то* все это надо, т. е. приведет к благому концу». М(ожет) б(ыть), для Бориса Бугаева есть и иные пути — кратчайшие? — М(ожет) б(ыть). Но что же говорить о них, когда по ним Б. Бугаев не идет.

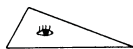
Но это все говорю вообще, *не* о том, что делаете Вы в Базеле. Ваше признание о Москве и «Пути», разумеется, *верно*, — не в том смысле, что в «Пути» только одни *слова*, «вообще», но в том, что как-то и почему-то «Путь» — не Ваш путь и не для Вас путь. Нужен и «Путь». Но если Борис Бугаев говорит, что он голоден и страждет на «Пути», неужели я все же скажу: «сиди, где сидишь». Нет, я скажу ему: «Я не имею того хлеба, который ты просишь; но пусть Господь поможет тебе найти то, чего просит душа твоя. Иди и ищи; ищи и ищи, ищи, не останавливайся. Не обманывай себя тем, что сыт словами, при которых ты голодаешь. Я верю в личность твою и

знаю, что неблагородного ты не сделаешь. Но тебе, б^ыть м^ожет, придется блуждать — не знаю. *Я не могу* накормить тебя и, следовательно, не смею задерживать около себя. Раз ты говоришь, что голоден, то я могу одно лишь сказать — ищи. Лучше блуждать, чем сохнуть от голода, и лучше грешить, чем умереть в мнимой праведности, и лучше слыть отщепенцем, чем быть им в душе».

Это вообще, опять. Но об антропософии именно то я мог бы сказать. — В сущности ничего, Вам. Все, что говорится о ней, и в частности Вами, звучит так формально, что можно всему сказать «да» и всему сказать «нет», в зависимости от содержания *опыта*, наполняющего эти контуры.

Для меня Ваше *противопоставление* опыта восточного и опыта антропософского преждевременно: — м^ожет б^ыть, я всецело принимаю опыт антропософский, м^ожет б^ыть, я его всецело отвергаю. Для меня это просто неизвестно. Однако уже в Ваших схемах я уловил подстановку терминов антропософских в путь Восточный (однако этот посл^едний) не в полном тождестве с путем монашеским, представляющим лишь одну из ветвей, довольно специальную и вовсе не для всякого православного).

Возьмите, например, понятие *сердца*. Для меня большой вопрос, можно ли отождествлять понятие *сердца* у Ап^{остола} Павла и в позднейшей православной мистике со способностью «Fühlen». Под сердцем разумеется в аскетике скорее то, что Вы обозначили символом ¹⁸⁶.

Разница скорее в том, что православие более статично, а антропософия — более динамична. И для православного мистика (я не беру некоторых односторонних направлений) задача не в том, чтобы создать

а чтобы сделать его

Я думаю, что это почти то же, что говорите и Вы. — Гораздо более существенная разница в *тоне* общих представлений о человеке и мире. Мне думается, что в антропософии мир и человек мыслятся более пластическими, чем человек, более текучими; отсюда — эволюционизм. В православии же они мыслятся более устойчивыми, отсюда — консерватизм. Можно сказать, что православие стремится *по преимуществу* очистить грязь с уже существующей статуи, грязь, из-за которой очертаний статуи не видно, а антропософия — слепить статую. Но и это я говорю лишь приблизительно...

В конце концов, формулы о «потоплении ума в сердце», или о «нисхождении ума в сердце», или о «низлетании ума в сердце» и т. д. могут быть и все православны, и все неправославны. Вы сами знаете, что и в православ(ии) требуется не вообще мистика, а *умная* мистика, требуется умное зрение.

Следовательно, надо очень точно определить, о *каком* потоплении *какого* ума в *каком* сердце идет речь, когда эту формулу мы принимаем или отвергаем. Мне думается, что в устах многих она будет звучать не только не антропософски, но ничуть не православно. Что же до «внезапного» потопления, которое Вы приписываете православию, то таковое признается состоянием опаснейшим и именуется прелестью, которая считается хуже всяких грехов, напр(имер), блуда. Очень м(ожет) б(ыть), что и постепенность в раскрытии чакрам есть *именно* то, что требуется от православного мистика, ибо специальные упражнения имеют задачей именно эту *постепенность* нисхождения: молитва головная, молитва *гортанная*, молитва сердечная.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Белый А.* Начало века. М., 1934. С. 263. Подробное и комментированное издание воспоминаний см.: *Белый Андрей.* Начало века. Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М., 1990.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 275. Белый имеет в виду рецензию П. А. Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (Новый путь. 1904. № 3).

⁶ См.: *Белый А.* Ракурс к дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Подробнее о нем см. в примеч. к разделу «Стихотворения» в наст. изд.

⁹ АФ.

¹⁰ *Белый А.* Воспоминания об Александре Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 11.

¹¹ *Белый А.* Начало века. С. 138—145; *Он же.* Ракурс к дневнику. Л. 11 об.

¹² *Бугаев Б.* Формы искусства // Мир искусства. 1902. № 12. С. 347.

¹³ Идею теургии Вл. Соловьев развивал в ряде своих работ. См. его работу «Три речи в память Достоевского» (речь первую), заключительную часть «Критики отвлеченных начал» и «Общий смысл искусства».

¹⁴ См. об этом в примечаниях к поэме «Святой Владимир» в наст. томе.

¹⁵ Флоренский П. Детям моим. Глава «Особенное». С. 152—155.

¹⁶ Белый А. Символизм как миропонимание // Мир искусства. 1904. № 5. С. 176.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Подробнее о влиянии аритмологических идей Н. В. Бугаева на Флоренского см.: Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против Хаоса. М., 1989. С. 18—23. См. также: Силард Лена. Андрей Белый и П. Флоренский // Studia Slavica Hungariensia. N 33/1—4. Budapest, 1987. P. 227—238.

¹⁹ Белый А. Начало века. С. 274.

²⁰ Подробнее см. примеч. 107 к переписке.

²¹ Подробнее см.: Иеродиакон (ныне — иеромонах) Андроник. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9—10.

²² АФ.

²³ Там же.

²⁴ Подробнее см.: Вопросы философии и психологии. 1906. № 8. С. 246—252; Розанов С. С. Князь С. Н. Трубецкой. М., 1913; Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953.

²⁵ Белый А. Начало века. С. 272.

²⁶ Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 21.

²⁷ АФ.

²⁸ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 85. Позднее Белый описал впечатление Блока от заседания так: «В маленькой комнате у Эрна, жившего около Храма Спасителя, густо набитой людьми, мне тогда мало знакомыми, состоялось это чтение. Мы были вместе с А(лександром) А(лександровичем). Я увидел, что он особенно был сумрачен и каменен в этот вечер, а я по обыкновению пустился во все тяжкие споры и прения. Ни разу в Москве я не видел А. таким измученным, как тогда. Когда мы с ним вышли на воздух, он признался, что все в этом кружке ему крайне не нравится. “Люди?” — спросил я его. “Нет, а то, что между ними”» (Белый А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 69).

²⁹ Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 21.

³⁰ Там же. Л. 23 об.

³¹ Истории этого общества был посвящен доклад Е. С. Полищука на конференции «П. А. Флоренский и московские славянофилы» (Абрамцево, декабрь 1989 г.).

³² Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 24.

³³ Там же. Л. 25. Статья была опубликована: *Флоренский П. А.* О символах бесконечности: Очерк идей Г. Кантора // *Новый путь.* 1904. № 9. С. 173—235.

³⁴ *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 25.

³⁵ Там же. Л. 25 об. Статья была опубликована: *Флоренский П. А.* О суеверии // *Новый путь.* 1903. № 8.

³⁶ Там же.

³⁷ *Ходасевич В. Ф.* Некрополь. Париж, 1976. С. 102.

³⁸ Подробнее об этом см. во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к переписке В. Я. Брюсова и А. Белого в кн.: *Литературное наследство.* Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 334—339. См. также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // *Ново-Басманная*, 19. М., 1990. С. 530—589.

³⁹ Цит. по: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Указ. соч. С. 337.

⁴⁰ Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С. 116. Современное издание см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903—1909. Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова. М., 2001.

⁴¹ *Белый А.* Начало века. С. 284.

⁴² *Иванова Е. В.* Флоренский и Христианское братство борьбы // *Вопросы философии.* 1993. № 9. С. 153—166.

⁴³ *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 27 об.

⁴⁴ *Белый А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 69.

⁴⁵ *Белый А.* Начало века. С. 452.

⁴⁶ *Белый А.* Ракурс к дневнику. Л. 27 об.

⁴⁷ *Флоренский Павел.* Вопль крови: Слово в неделю Крестопоклонную. М., 1906.

⁴⁸ Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступит. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.

⁴⁹ См. Взыскующие града. С. 66—74.

⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 25. К. 19. Ед. хр. 9.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: *Белый А.* Социал-демократия и религия // *Перевал.* 1907. № 5.

⁵³ См.: Собр. соч. Т. 1. С. 695—700 и примечания.

⁵⁴ АФ.

⁵⁵ См. написанную совместно с А. В. Ельчаниновым статью «Православие» // *История религии.* М., 1909. С. 78.

⁵⁶ *Флоренский П. А.* Общечеловеческие корни идеализма // *Богословский вестник.* 1909. № 2.

⁵⁷ *Флоренский П. А.* Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1910. С. 4.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский — редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. М., 1987. Вып. 28. С. 301.

⁵⁹ АФ.

⁶⁰ Письмо жене А. М. Флоренской с Соловков от 4 марта 1934 г. По свидетельству П. В. Флоренского, солагерник П. А. Флоренского чл.-кор. геолого-минералогических наук СО АН СССР, крупнейший специалист по тектонике Сибири К. К. Богомолов вспоминал о вечере памяти Андрея Белого, который был устроен в лагере, и о беседах с о. Павлом о творчестве поэта.

⁶¹ Не исключено, что изменение отчества имеет подтекст (см. умышленное искажение имени Флоренского в письмах к нему Н. Н. Лузина, опубликованных в кн.: Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С. 135).

⁶² Подробнее о журнале «Новый путь», выходившем в Петербурге в 1903—1904 годах, см. в переписке Флоренского и Мережковских в наст. томе. Редактором и издателем журнала был П. П. Перцов, ближайшими участниками и идеологами — З. Н. Гиппиус-Мережковская, Д. С. Мережковский и Д. В. Filosofov. См. также специально посвященные журналу статьи: Максимов Д. «Новый путь» // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 129—254; Лавров А. В. Архив П. П. Перцова // Ежегодник Рукоп. отд. Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 25—50; Корецкая И. И. «Новый путь», «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в., 1890—1904. М., 1982. Флоренский опубликовал в «Новом пути» две статьи: «О суеверии» (1903. № 8) и «О символах бесконечности» (1904. № 9). Но он не считал близким себе это издание; свое отношение к «Новому пути» он выразил в письме к Белому от 21 мая 1904 г. (см. п. 7).

⁶³ Filosofov Дмитрий Владимирович (1872—1940) — литературный критик, публицист, в эти годы вместе с Мережковскими принимал участие в редактировании журнала «Новый путь».

⁶⁴ О Свенцицком см. примеч. 1 к вступит. статье. Рассказы Свенцицкого в «Новом пути» не обнаружены.

⁶⁵ «Весы» — критико-библиографический журнал русского символизма, который начал выходить в Москве с начала 1904 г. под эгидой Брюсова. Руководитель стремился в противоположность «Новому пути» сосредоточить внимание своего издания на проблемах искусства как области, автономной от политики, религии, общественной проблематики. Флоренский опубликовал в «Весах» статью «Об одной предпосылке мировоззрения» (1904. № 9).

⁶⁶ Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю. В адресе на конверте имя Флоренского написано верно: Павел Александрович. То же самое и в п. 6.

⁶⁷ О религиозно-философской секции см. во вступит. заметке. Причина, по которой А. Белому не разрешали посещать собрания кружка, возможно, заключалась в том, что в 1903 г. А. Белый закончил курс университета и не был студентом.

⁶⁸ Мысль о необходимости издавать свой журнал настойчиво повторяется Флоренским и в последующих письмах (см. ниже п. 7). Однако в 1904—1905 гг. осуществить это намерение не удалось. Свенцицкий, Эрн и Флоренский позже издавали сборники «Вопросы религии» (вышло два выпуска в 1906 и 1908 гг.), но программа этого издания не отвечала тем устремлениям, о которых пишет Флоренский, а была связана с «Христианским братством борьбы». В 1906 г. эти же участники на деньги А. В. Ельчанинова пробовали наладить попеременно в Москве и Тифлисе издание газеты, которая из-за цензурных преследований все время меняла название («Наша мысль», «Ходите в свете», «Маяк», «Встань и ходи», «Маяк», «Вы еще спите?», «Духа не угашайте». Вышло около 10 номеров). Кроме того, они издавали «Религиозно-общественную библиотеку», выходившую двумя сериями — для интеллигенции и для народа.

⁶⁹ Лето А. Белый провел в своем имении Серебряный Колодезь Тульской губернии.

⁷⁰ Флоренский сдавал выпускные экзамены на физико-математическом факультете Московского университета и заканчивал кандидатское сочинение «Об особенностях плоских кривых как мест нарушений прерывности». Университет он окончил с дипломом I степени, получив предложение остаться для продолжения работы на кафедре математики.

⁷¹ Вокруг Флоренского, Эрна и Свенцицкого в эти годы существовал круг единомышленников среди соучеников по университету.

⁷² Ельчанинов Александр Викторович (1881—1934) — одноклассник Флоренского и Эрна по тифлисской гимназии; см. о нем в воспоминаниях Флоренского «Детям моим» (по именному указателю) и в примечаниях к разделу «Стихотворения». Ельчанинов принимал участие в редакционной работе журнала «Новый путь», и, возможно, через его посредничество были отправлены в редакцию работы Флоренского. С 1904 г. Ельчанинов стал секретарем Московского религиозно-философского общества. В 1921 г. эмигрировал, жил в Ницце, в 1926 г. принял священный сан. Его воспоминания о Флоренском см.: Вестник российского христианского студенческого движения. Париж, 1984. № 4 (142), перепечатаны в сборнике: Флоренский П. А.: Pro et contra. СПб., 1996. С. 33—42. См. также послания Флоренского к нему в разделе «Стихотворения».

⁷³ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1943) — сын М. С. Соловьева, брата Вл. Соловьева, близкий друг Андрея Белого, поэт-символист, переводчик, затем православный священник. См. далее его письма к Флоренскому.

⁷⁴ Об отношениях Мережковских и Флоренского см. далее в публикации их переписки.

⁷⁵ Вронский-Гёне Юзеф (1778—1853) — польский философ, мистик и математик, автор работ «Мессианизм как конечное объединение философии и религии, образующее абсолютную философию» и «Метафизика мессианизма». В «Ракурсе» Андрей Белый отметил чтение работ Вронского в марте 1904 г.: «Пробую читать мистика Вронского. И все это для того, чтобы бороться с вредными тенденциями медиумизма и магии, которые усиленно насаждают А. А. Ланг, Брюсов и композитор Ребиков, с которым знакомлюсь» (Ракурс. Л. 22). А. Белый заинтересовал работами Вронского Флоренского, на которого они оказали некоторое влияние.

⁷⁶ Четвертая симфония Белого «Кубок метелей» вышла в издательстве «Скорпион» в 1908 г. В письме идет речь о ранней редакции симфонии, с которой был знаком Флоренский.

⁷⁷ «Скорпион» и «Гриф» — два конкурирующих символистских издательства, в которых сотрудничал А. Белый. «Скорпион» (1889—1916) издавал журнал «Весы», его издательскую политику определял главным образом В. Брюсов; руководителем «Грифа» был С. А. Соколов (Кречетов), издававший преимущественно альманахи и сборники отдельных поэтов-символистов; четкого и определенного лица издательство не имело.

⁷⁸ *Wronski-Höne J. Réformé absolue du savoir humain* (Коренная реформа человеческого знания).

⁷⁹ Поляков Сергей Александрович (1874—1943) — купец, один из меценатов русского символизма, на деньги которого было основано издательство «Скорпион». По образованию был математик, пробовал свои силы как переводчик.

⁸⁰ Трудно сказать, что подразумевает здесь Флоренский. Возможно, речь идет о спорах в семье вокруг решения П. А. Флоренского принять монашество, о котором он писал своему духовному наставнику еп. Антонию (Флоренсову). Судя по ответному письму еп. Антония, родители противились этому решению, еп. Антоний также отговаривал торопиться с пострижением. «По-моему, — писал он 23 июля 1904 г. Флоренскому в Тифлис, — самое лучшее пока в Вашем положении, с согласия родителей, поступить в духовную академию и учиться, а там, по окончании курса, видно будет, что дальше делать» (цит. по: *Игумен Андроник*. Указ. соч. С. 66). Слова еп. Антония сыграли решающую роль в выборе жизненного пути Флоренского.

⁸¹ Слова о «мече»: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ея, и невестку со свекровию ея» (Мф 10. 34—35).

⁸² Об этом «катаргическом периоде» см. в предисловии к поэме «Святой Владимир». Позднее Флоренский пытался использовать

свой «катартический опыт» в преподавательской деятельности, о чем писал еп. Феодору: «Катартика — т. е. очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатно открываемую» (цит. по сб.: Московская Духовная Академия: 300 лет. М., 1986. С. 241).

⁸³ Мф 12. 34; Лк 6. 45.

⁸⁴ Рассуждения Флоренского о теургии и символическом делании во многом соприкасаются с идеями Белого, высказанными в его ранних статьях: «Формы искусства» (Мир искусства. 1902. № 12), «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9) и «Символизм как миропонимание» (Мир искусства. 1904. № 5). Идея создания искусства, основывающегося на религиозном понимании действительности, символического искусства, открывающего путь к познанию иной реальности, была общей для Флоренского и Белого в эти годы.

⁸⁵ Флоренский работал над статьей «Эмпирея и Эмпирия». Впервые опубли.: Богословские труды. М., 1986. Сб. 27. С. 294—393). См. также работу о символе в Записной тетради.

⁸⁶ Рыба — символ Христа, основывающийся на криптограмме: *ἰχθυς* (греч. — рыба) расшифровывалось как «Иисус Христос Сын Божий Спаситель».

⁸⁷ Масличная гора — гора Елеонская (Еванг.), где произошло Вознесение Господне (Деян 1. 9—13).

⁸⁸ Флоренский имеет в виду статьи Розанова начала 1900-х годов (см. в комментариях к Записной тетради). Розанов подвергал критике христианство за аскетизм и подавление биологического жизненного начала, инстинкта продолжения рода. В этот период он противопоставлял христианству иудаизм с его культом и обожествлением «плодовитости», брака, семьи.

⁸⁹ Вифлеем — город, где родился Христос. Рождение Христа составляет догмат о таинстве воплощения (см. об этом: Православно-догматическое богословие Макария, епископа Винницкого, ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1881. Т. 3. С. 52—101).

⁹⁰ Первая и последняя буквы греческого алфавита.

⁹¹ Великие и малые (*лат.*).

⁹² Максимум (*лат.*).

⁹³ Знакомство Флоренского с еп. Антонием произошло в марте 1904 г., когда он был еще студентом 4-го курса физико-математического факультета Московского университета, благодаря А. Белому, часто посещавшему еп. Антония в это время. Еп. Антоний был необычайной и колоритной личностью, он был не лишен способности к эксцентрическим поступкам, но пользовался большим духовным влиянием как наставник. По замечанию игумена Андроника, «для того, кто поступал к нему под руководство, он делался необходимым как духовная пища» (Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9.

С. 75). Флоренский обрел в еп. Антонии руководителя, в котором нуждался, и сохранил привязанность к нему до последних дней жизни епископа.

⁹⁴ Флоренский цитирует стихотворение А. Белого «На горах»:

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод...

и подразумевает конец этого стихотворения:

Я в бокалы вина нацедил;
И подкравшись боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком.

(Белый А. Золото в Лазури. М., 1904. С. 120—121)

⁹⁵ Петровский Алексей Сергеевич — см. его письма и примеч. к ним в наст. томе.

⁹⁶ Откр 7. 13—14.

⁹⁷ Возможно, эти размышления Флоренского продолжали темы их прежних бесед, так как они совпадают с тем, о чем писал Андрей Белый в это время. В докладе «Символизм как миропонимание» сказано: «Первые века христианства обагрены кровью. Вершины христианства белы, как снег. Историческая эволюция церкви есть процесс “убеления риз кровью агнца”. Для нашей церкви, еще не победившей, но уже предвкушающей победы, характерны все оттенки зарево-розовой мечтательности» (Мир искусства. 1904. № 5. С. 191). Хотя впервые этот доклад был опубликован в июне 1904 г., Флоренский мог знать его и раньше, так как А. Белый читал его в виде лекции. См., например, запрещение попечителя Московского учебного округа от 20 марта 1904 г. читать лекцию «Символизм как миропонимание» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14/4. Л. 22; тезисы лекции здесь же, л. 23).

⁹⁸ Мф 24. 36; Мк 13. 32. Цитата неточная.

⁹⁹ 1 Кор 7. 31.

¹⁰⁰ Откр 15. 2.

¹⁰¹ Откр 15. 3.

¹⁰² В мае 1904 г. Андрей Белый охладевает к еп. Антонию, о чем он писал Блоку: «Ты не то, что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы. Больше мне нет смысла бывать у него» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 1940. С. 90). Отношения с еп. Антонием восстанавливались позднее, но ненадолго. Впоследствии, когда Андрей Белый ушел из-под его влияния, еп. Ан-

тоний говорил о нем: «Этот юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, и в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если бы он ко мне сам обратился — это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, что он эти опыты (развития в себе оккультных сил. — *Е. И.*) давно уже стал делать, с тех пор, как умер отец. Растреплется совсем, а жаль, он человек талантливый» (цит. по ст.: *Игумен Андроник*. Указ. соч. С. 67—68).

¹⁰³ Пс 41. 8.

¹⁰⁴ Неточная цитата из стихотворении Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892).

¹⁰⁵ Да погибнут те, кто раньше нас высказал наше (*лат.*).

¹⁰⁶ 3 Цар 19. 12.

¹⁰⁷ Сочинение о символах — возможно, статья «О символах бесконечности» (Новый путь. 1904. № 9). Возможно также имеются в виду наброски, которые публикуются в наст. томе в Записной тетради.

¹⁰⁸ Ос 6. 6.

¹⁰⁹ См. цитату из Апокалипсиса в п. 10.

¹¹⁰ Мысль о теургии (в написании Флоренского — феургии) станет впоследствии одной из центральных в капитальном труде Флоренского 1920-х годов «Философия культа» (Богословские труды. М., 1977. Сб. 17).

¹¹¹ Петровский — см. о нем примечания и письма его к Флоренскому в наст. томе.

¹¹² Наследник престола цесаревич Алексей родился 30 июня 1904 г.

¹¹³ Русско-японская война началась в январе 1904 г. и к августу с моря перешла на сушу, так как русский флот был разгромлен. В августе русские войска отступили под Ляояном.

¹¹⁴ Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» (1895).

¹¹⁵ О смехе Вл. Соловьева Белый написал в своей статье «Владимир Соловьев»; см.: *Белый А.* Арабески. М., 1911. С. 392. В статье «Рыцарь-монах» (1910) Блок также упоминал соловьевский «хохот, который все вспоминают особенно охотно» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 449); о смехе Соловьева писал Евг. Трубецкой в статье «Личность Вл. Соловьева» (О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 54). Э. Голлербах вспоминал, что «Розанову не нравился даже у Влад(имира) Сергеевича тот смех, который многие находили детски чистым и заразительным. Ему мерещилось в нем что-то странное, демоническое» (*Голлербах Э.* История одной полемики: Вл. Соловьев и Розанов // Спологи (Берлин). 1922. № 13. С. 22).

¹¹⁶ О посещении Саровской обители в августе 1904 г. Белый писал: «В конце месяца с мамой едем в Саров; скорей тяжелые впечатления от Сарова» (Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 23 об.).

¹¹⁷ Флоренский с осени 1904 г. стал слушателем Императорской Московской Духовной Академии и переехал на жительство в Сергиев Посад.

¹¹⁸ О конфликте с Брюсовым и восприятии его поведения Андреем Белым см. во вступит. заметке. Вероятно, А. Белый подразумевал полученное им стихотворение «Бальдеру Локи».

¹¹⁹ Соловьев Сергей Михайлович — см. примеч. 13.

¹²⁰ Флоренский представлял интересы Белого в той умственной дуэли, которую вел с ним Брюсов (см. об этом во вступит. статье).

¹²¹ См. написанное в защиту Белого письмо Флоренского Брюсову в приложении к переписке (п. 23).

¹²² Стихотворение «Бальдеру Локи», об истории которого см. во вступительной заметке. Текст стихотворения сохранился в АФ (см. об этом в примечаниях к письму Брюсову в наст. томе).

¹²³ Датируется по почтовому штемпелю.

¹²⁴ Среда в 1905 г. приходилась на 20 апреля, пятница — на 22-е. Морозова Маргарита Кирилловна (1873—1958) — вдова фабриканта М. А. Морозова, покровительница и участница религиозно-философского движения в России: в ее квартире проходили регулярные заседания Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, на ее деньги было основано издательство «Путь», печатавшее литературу по вопросам религии и философии.

¹²⁵ То есть слушатели Императорской Московской Духовной Академии. На первом этапе существования Религиозно-философских собраний Мережковские искали союзников в церковных сферах, но к этому времени обозначилась их критическая позиция по отношению к исторической церкви, отчего ее защитники выступали обычно оппонентами Мережковских.

¹²⁶ В 1905 г. 17 апреля по ст. стилю была Пасха.

¹²⁷ Христофорова Клеопатра Петровна — хозяйка московского салона, интересовавшаяся религиозными вопросами. О ней см. в воспоминаниях А. Белого «Начало века».

¹²⁸ В это время Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева только создавалось, первые его заседания начались осенью 1905 г.

¹²⁹ О Троицком Сергее Семеновиче, друге и соученике Флоренского по МДА, см. в примечаниях к разделу «Стихотворения».

¹³⁰ *Белый А.* Апокалипсис в русской поэзии // *Весы.* 1905. № 4. С. 11—28.

¹³¹ В статье Белого выделяются две традиции — пушкинская и лермонтовская; наиболее ярким представителем пушкинской в современной лирике назван Валерий Брюсов, о котором сказано: «Безраздельная цельность брюсовской формы, рисующая землю, тело, лишена, однако, огня религиозных высот. Прекрасное тело его музыки еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движи-

мый паром и электричеством» (Весы. 1905. № 4. С. 20). Белый отмечал, что творчество Брюсова чуждо мистицизму. В лермонтовской традиции, выразителем которой были Вл. Соловьев и Блок, Белый видел ветви русской поэзии, которая ощутила присутствие в мире «Жены, облеченной в Солнце».

¹³² Валерий Брюсов, написавший ответ А. Белому «В защиту от одной похвалы» (Весы. 1905. № 5), также упрекал Белого за схематизм.

¹³³ В результате была создана одна из работ Флоренского — глава «София» в кн. «Столп и утверждение истины», где на основе православной иконографии и гимнографии он изложил свое понимание софийности. Наброски к ней, относящиеся к этому периоду, см. в Записной тетради.

¹³⁴ Ср. описание Киевской Софии в кн. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914. С. 382).

¹³⁵ См.: *Флоренский П. А. О типах возрастания* // Богословский вестник. 1906. № 7. С. 530—568.

¹³⁶ Набросок статьи см. в Записной тетради.

¹³⁷ Возможно, жена Блока Л. Д. Блок, которую Белый, Блок и Соловьев некоторое время почитали как земное воплощение вечной Женственности (см. переписку Блока и С. Соловьева в кн.: *Литературное наследство*, М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 308—344).

¹³⁸ Вероятно, корреспондентка Вл. Соловьева А. Н. Шмидт, считавшая себя земным воплощением Софии, рукописи которой были изданы при участии С. Н. Булгакова и Флоренского в кн.: *Из рукописей А. Н. Шмидт*. М., 1916.

¹³⁹ Флоренский подразумевал критические выступления В. Брюсова, где он настаивал на том, что на современную поэзию он смотрит как историк.

¹⁴⁰ Мф 24. 32.

¹⁴¹ Мф 13. 24—30.

¹⁴² Откр 19. 15.

¹⁴³ Четвертая симфония Белого была завершена позднее и опубл.: *Белый А. Кубок метелей: Четвертая симфония*. М., 1908.

¹⁴⁴ *Белый А. Возврат: Третья симфония*. М., 1905.

¹⁴⁵ Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — философ, переводчик, деятель религиозно-философского движения, один из основателей Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

¹⁴⁶ Естественное порождение (лат.).

¹⁴⁷ В это время в Тифлисе происходили политические волнения.

¹⁴⁸ Эти образы Андрей Белый впоследствии развил в своей прозе: см. «Сфинкс» (Весы. 1905. № 9—10. С. 23—49) и «Химеры» (Там же. 1905. № 6. С. 1—18).

¹⁴⁹ Фафнер — персонаж музыкальной тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

¹⁵⁰ Брунгильда — героиня «Кольца Нибелунгов», ее образ см. в 4-й симфонии А. Белого «Кубок метелей».

¹⁵¹ Андрюха Краснорубахин — иронически обыгрывается псевдоним Андрей Белый (возможно, по ассоциации с красной свиткой из «Сорочинской ярмарки» Н. В. Гоголя).

¹⁵² Как отмечалось в вступит. заметке, А. Белый наряду с Эрном и Свенцицким был учредителем «Христианского братства борьбы». Это его увлечение не разделяли Эллис и Соловьев, также входившие в ближайшее окружение Андрея Белого этих лет. Под их влиянием А. Белый отошел от Братства.

¹⁵³ Риккерт Генрих (1863—1936) — философ-неокантианец, оказавший большое влияние на эстетические взгляды Белого в 1905—1906 гг.

¹⁵⁴ В основу каламбура положено соединение в одно слово первой строки «Марсельезы» «Allons, enfants de la Patrie...» («Вперед, сыны Родины...» — *франц.*).

¹⁵⁵ Возможно, имеется в виду несохранившаяся поэма «Дитя-Солнце» (см.: Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 580).

¹⁵⁶ Вероятно, будущая книга «Символизм» (М., 1910).

¹⁵⁷ Несказанное, невыразимое (*греч.*).

¹⁵⁸ Втор 5. 15; ср. главу «Дружба» в книге Флоренского «Столп и утверждение истины».

¹⁵⁹ «Сфинкс» — статья А. Белого (Весы. 1905. № 90. С. 23—49). «Зияния» — название второй главы этой статьи, откуда Флоренский приводит не совсем точную цитату: «Горе желающим дня Господня! Для чего вам этот день Господень? Он — тьма, а не свет — тоже, как если бы кто убежал от льва — и показался ему навстречу медведь» (Амос 5. 18—20; Указ. соч. С. 25).

¹⁶⁰ Лестница восхождения в христианской мистике — различные степени созерцания Божества (см. об этом: *Ладыженский М. В.* Свет незримый: Из области высшей мистики. СПб., 1912. С. 17, 201—215). «Лестница райская» — заглавие руководства к иноческой жизни преподобного Иоанна Лествичника. В этом трактате иноческая жизнь предстает как непрерывное восхождение по лестнице духовного совершенства и освобождения от земных страстей.

¹⁶¹ Сумрак веры — об этом см.: *Ладыженский М. В.* Сверхсознание и пути к его достижению. СПб., 1912. С. 214.

¹⁶² Светозаров — герой 4-й симфонии А. Белого «Кубок метелей».

¹⁶³ Солярно-лунные мифы — в мифологиях архаического типа группа так называемых астральных мифов. Героями солярных мифов бывает Солнце, лунных или лунарных — Луна, при этом тот и другой персонаж находятся в сложных отношениях взаимодействия. Астарта — богиня любви и плодородия в некоторых семитских мифологиях, Луна в мифологических представлениях олицетворяет женское начало.

¹⁶⁴ Адонис в греч. мифологии — полубог, прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты, убитый на охоте вепрем. Таммуз — ассирийско-финикийское божество, тождественное греческому Адонису.

¹⁶⁵ Белый А. Символизм. М., 1910. Упоминается в работе П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914. С. 161).

¹⁶⁶ Работы А. Белого по ритму, вошедшие в книгу «Символизм», не случайно привлекли внимание Флоренского — они отчасти развивали аритмологические идеи Н. В. Бугаева, которые оказали влияние и на самого Флоренского.

¹⁶⁷ См. главу «Лирика и эксперимент» в кн. «Символизм».

¹⁶⁸ А. Белый продолжил исследования по ритму — см. отрывок из первой книги «Диалектика ритма» (1917) (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59); целиком рукопись книги «О ритмическом жесте» — ОР РГБ, а также работы «Ритм как диалектика» и «Медный всадник» (1929), «Принцип ритма в диалектическом методе» (1927). Подробнее о стихотворном наследии А. Белого см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стихотворном наследии Белого // Труды по знаковым системам. Вып. 12. Тарту, 1981.

¹⁶⁹ Андрей Белый цитирует обращение «К читателю», открывающее книгу Флоренского «Столп и утверждение истины» (С. 3).

¹⁷⁰ Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — русский мыслитель консервативной ориентации.

¹⁷¹ «Добролюбие» — собрание изречений отцов церкви с их краткими биографиями, составленное в XVIII в. Паисием Величковским.

¹⁷² Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии... Составил Архимандрит Серафим (Чичагов). 2-е изд. СПб., 1903. Летопись содержит рассказы о жизни и духовных подвигах преподобного Серафима Саровского и насельниках основанного им Дивеевского монастыря.

¹⁷³ «Духовные основы жизни» — богословское сочинение Вл. Соловьева (1886).

¹⁷⁴ «Путь» — московское книгоиздательство, основанное М. К. Морозовой в 1910 г. как орган Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Печатало по преимуществу религиозно-философскую литературу. В этом издательстве вышла книга Флоренского «Столп и утверждение Истины». Историю издательства см.: *Голлербах Евгений.* К незримому граду / Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

¹⁷⁵ Об Эрне см. вступит. статью и комментарии в разделе «Стихотворения».

¹⁷⁶ В эти и последующие годы Андрей Белый окончательно связывает свои духовные устремления с антропософским обществом, членом которого он оставался до конца жизни.

¹⁷⁷ Дионисий Ареопагит — афинский философ (I в. н. э.), который во времена Белого считался автором религиозно-философских сочинений «О божественных именах», «О небесной иерархии», «Таинственное богословие». Позднее было установлено, что они не могли быть написаны ранее конца V — начала VI в., и автора этих сочинений принято называть Псевдо-Дионисий Ареопагит.

¹⁷⁸ Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Светогорца. М.: Афонский русский Пантелеймонов монастырь, 1861.

¹⁷⁹ Ладыженский — правильно Лодыженский Митрофан Васильевич — писатель и философ-мистик. См. его работы в примеч. 101, 102.

¹⁸⁰ Раджа-йога — одно из течений йоги, религиозной и философской системы Индии.

¹⁸¹ Штейнер Рудольф (1861—1925) немецкий философ, основатель антропософии.

¹⁸² Парсифаль — герой одноименной музыкальной драмы Р. Вагнера; А. Белый имеет в виду эпизод из первого действия «Парсифаля».

¹⁸³ Текст этого письма отсутствует в письмах Флоренского к Белому, хранящихся в архиве последнего, в ОР РГБ. Вероятно, письмо не было отправлено или осталось среди бумаг А. Белого в Дорнахе. Датируется по содержанию.

¹⁸⁴ Возможно, перефразировка: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим 11. 33).

¹⁸⁵ Некоторые суждения Флоренского об опасности магических увлечений см. далее в письме к Брюсову.

¹⁸⁶ Ср. изречение Григория Паламы: «Понудь свой ум сойти из головы в сердце и держи его там» (цит. по кн.: *Лодыженский М. В.* Свет незримый. СПб., 1912. С. 15).

В. А. Никитин, В. П. Купченко

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО И МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Первое знакомство Флоренского и Максимилиана Александровича Волошина (1877—1932) могло состояться в 1908 году на «башне» Вячеслава Иванова, где Волошин бывал постоянно. В «Дневнике» М. А. Кузмина от 17 февраля этого года записано: «Был Флоренский из дух(овной) академии»¹. Но о самом знакомстве можно говорить лишь предположительно.

Более достоверно известно о встречах Флоренского и Волошина в начале 1917 года в Москве, когда Флоренский подарил Волошину три своих оттиска из «Богословского вестника»: «Не восхищение непщева» с посвящением Вяч. Иванову (Богословский вестник. 1915. № 7—8), «Приведение чисел» (Там же. 1916. № 6) и «Около Хомякова» (Там же. № 7—8)².

На оттиске «Не восхищение непщева. (К суждению о мистике)» рукой Флоренского надписано: «Глубокоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину с чувством признательности и за лики творчества и за лики земли — *Священник Павел Флорен-*

Максимилиан Волошин

ский. 1917.1.18. Сергиев Посад». Надпись отсылает нас к книге критических статей Волошина «Лики творчества», изданной журналом «Аполлон» в 1914 году, которая, возможно, была подарена Волошиным Флоренскому³. Под «лика́ми земли» подразумеваются, по-видимому, акварели Волошина, как раз в это время появившиеся на выставке общества «Мир искусства» в Москве. Волошин подарил Флоренскому несколько своих акварельных пейзажей со своими автографами, местонахождение которых в настоящий момент неизвестно.

На работе «Приведение чисел. (К математическому обоснованию числовой символики)» Флоренский сделал надпись: «Максимилиану Александровичу Волошину с глубокою признательностью за впечатления от его мета-геологии — *Священник Павел Флоренский*. 1917.1.18. Сергиев Посад». Известный переводчик и стиховед Г. А. Шенгели (1894—1956) впоследствии свидетельствовал, что «мета-геологией» П. А. Флоренский называл живопись М. Волошина⁴.

На книжке «Около Хомякова. (Критические заметки)» надпись: «Глубокоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину,

плененный его мышью — *Священник Павел Флоренский* ⁵. 1917.1.18. Сергиев Посад». Надпись отсылает нас к статье Волошина «Аполлон и мышь» из сборника «Лики творчества». Возможно, эти оттиски были отправлены Волошину по почте, во всяком случае в архиве Флоренского сохранилось благодарственное письмо:

Глубокоуважаемый отец Павел,

Ваши брошюры большая для меня радость. Я давно обо многих из них слышал, но не имел в руках. Еще большая радость — те слова, что Вы написали на них, т. к. Ваше мнение и доброе расположение мне глубоко ценны. Мне очень хотелось бы еще встретиться с Вами, если Вы будете в Москве. Я остаюсь здесь до 15 февр. Затем еду в СПб. на месяц и конец марта снова буду в Москве.

Максимилиан Волошин

Москва Б. Ржевский 7 кв. 3

Тел 5-68-98 около 11 ч. утра ⁶

Кроме надписанных автором, в библиотеке Волошина сохранилось еще несколько оттисков Флоренского без дарственных надписей: «О типах возрастания» (Богословский вестник. 1906. № 7), «Служба Софии, Премудрости Божией» (Богословский вестник. 1912. № 2), «Пределы гносеологии. Основная антиномия теории знания» (Богословский вестник. 1913. № 1), «Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги: “О духовной истине”. М., 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года» (Богословский вестник. 1914. № 9), а также его книга «Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда» (Кострома, 1910). Все оттиски имеют карандашные пометки, свидетельствующие о том, что Волошин с глубоким вниманием читал подаренные ему работы.

Из ответных дарений Волошина Флоренскому сохранилась только книга его стихов о войне «Anno Mundi Ardentis» (М., «Зерна», 1915) с надписью: «Отцу Павлу Флоренскому с глубоким уважением и робостью посылаю эту книгу. Максимилиан Волошин. 12. II 17» ⁷.

К сожалению, невозможно восстановить содержание бесед Флоренского и Волошина при их личных встречах, о которых сохранилось единственное свидетельство в письме М. Волошина от 9 января 1918 г. к Г. А. Шенгели. Одобряя намерение последнего составить «Словарь эпитетов», Максимилиан Александрович писал: «Но еще было бы интереснее составить толковый словарь символов. Мы об этом в прошлом году говорили со свящ(енником) Пав(лом) Флоренским. Моя статья “Аполлон и мышь” представляет, в сущности, такой опыт выяснения широты символа...» ⁸.

В начале 20-х годов Флоренский вынашивал замысел создания словаря символов, от которого сохранилась неоконченная статья «Symbolarium» (1923), где он так определил свои задачи: «...Он имеет назначением, по аналогии со словарями словесных обозначений мысли, издания коих были осуществлены Академиями различных стран, установление значений зрительных образов, употребляемых в качестве обозначений понятий, и задача его и должна ограничиться этой регистрационной ролью, ибо творчество идеографических образов, подобно творчеству слов, принадлежит стихии народной и лишь в исключительных случаях является достижением индивидуального вдохновения [...] Отсюда же вытекает и стремление к возможной полноте подбора цитат, определяющих значение каждого образа: в этом смысле одинаково важно в наших глазах значение образа в непосредственных воззрениях народа, закрепленное в песне, сказании и сказке, в орнаментальном или мифологическом воспроизведении, — в лубочном соннике и иконографической композиции, — так же как значительно восприятие этого же графического образа в древних системах письменности, в представлениях “мистически” настроенных авторов или в устах современного деятеля или на странице газетных рекламных объявлений»⁹.

Волошин продолжал интересоваться творчеством Флоренского, о чем свидетельствует еще одно его письмо, сохранившееся в архиве Флоренского:

Отцу Павлу Флоренскому от Максимилиана Волошина.
Почт(овый) адр(ес): Феодосия, Д(ом) Айвазовского.
18 октября 1923

Глубокоуважаемый и дорогой отец Павел,

Эти годы я часто и всегда с радостью соприкасался с Вашей мыслью. Последнюю вестью о Вас были «Мнимости в геометрии»¹⁰.

Мысли Ваши о Дантовом миростроительстве были мне особенно ценны, и мне захотелось поделиться с Вами тем, чем я жил эти годы. Посылаю Вам тексты двух моих книг: «Неопалимой Купины» и «Путиями Каина», которые, верно, не скоро увидят свет. Первая — о России, вторая — о Западе и о материальной культуре. Вторая еще фрагменты. Особенно хочется мне, чтобы Вы прочли главу «Космос».

Начали ли выходить выпуски «У водоразделов мысли»?¹¹

Посылаю Вам эти стихи и строки через д(окто)ра Гранберга¹², который был в Коктебеле и обещал все передать Вам из рук в руки¹³.

Это письмо заслуживает специального комментария. Волошин не случайно обращает внимание отца Павла на главу «Космос» — 11-ю главу стихотворного цикла «Путями Каина (Трагедия материальной культуры)», написанную им в июне 1923 года, т. е. за два месяца до вышеприведенного письма. Она создавалась под влиянием той интерпретации представления Данте о структуре вселенной, которая дана в книге Флоренского «Мнимости в геометрии», упомянутой письме Волошина. Приведем несколько строк из главы «Космос»:

Земля была недвижным темным шаром,
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и первосилы,
И все включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы — внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.

Напрашивается сопоставление с тем, как дантовская картина строения вселенной воссоздается в книге «Мнимости в геометрии»:

Итак, припомним путь Данта с Вергилием. Он начинается в Италии. Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного Ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом Владыки преисподней. При этом, обоими поэтами сохраняется во все время нисхождения вертикальность — головою к месту схода, т. е. к Италии, и ногами — к центру Земли. Но, когда поэты достигают приблизительно поясницы Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою — в обратную сторону. (Ад, песнь XXIII, опускаем следующую цитату строк 74—95 в переводе Д. И. Мина. — *В. Н. и В. К.*). Миновав эту *грань* (которой и до сих пор евклидовская “чернь не зрит”), т. е. окончив путь и миновав центр мира, поэты оказываются под гемисферой противоположной той, «где распят был Христос»: они поднимаются по жерлообразному ходу (опускаем стихи 133—139. — *В. Н. и В. К.*). После этой грани поэт восходит на гору Чистилища и возносится через небесные сферы. — Теперь вопрос: по какому направлению? Подземный ход, которым они поднялись, образовался падением Люцифера, низвергнутого с неба головою. Следовательно, место, — откуда он низвергнут, находится не вообще где-то на небе, в пространстве, окружающем Землю, а именно со стороны той гемисферы, куда попали поэты. Гора Чистилища и Сион, диаметрально противоположные между собою, возникли как последствия этого падения, и значит путь к небу направлен по линии падения Люцифера, но имеет обратный смысл. Таким образом, Дант все время движется по прямой и на небе стоит — обращенный ногами к мес-

ту своего спуска; взглянув же оттуда, из Эмпирея, на Славу Божию, в итоге оказывается он, без особого возвращения назад, во Флоренции. Путешествие его было действительностью, но если бы кто стал отрицать последнее, то во всяком случае оно должно быть признано поэтической действительностью, т. е. представимым и мыслимым, — значит, содержащим в себе данные для уяснения его геометрических предпосылок. Итак, двигаясь все время вперед по прямой и перевернувшись раз на пути, поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил с него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл бы по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит, поверхность, по которой движется Дант, такова, что прямая на ней, с одним перевертом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении; а прямолинейное движение без поворота — возвращает тело к прежней точке перевернутым. Очевидно, это поверхность: 1°, как содержащая замкнутые прямые, есть *римановская* плоскость и 2°, как переворачивающая при движении по ней перпендикуляр, есть поверхность *односторонняя*. Эти два обстоятельства достаточны для геометрического охарактеризования *Дантова пространства*, как *построенного по типу* эллиптической геометрии¹⁴.

Оказали влияние на поэму Волошина и взгляды отца Павла на сущность культуры, которые о. Анатолий (впоследствии игумен Иннокентий) Просвирнин охарактеризовал следующим образом: «Противопоставляя хаосу Божественный Логос, Флоренский считал, что искусство — это такая область деятельности человечества, где наиболее остро проявляется организующий и созидующий Логос (эктропия), который противопоставляется Хаосу — беспорядку, разрушению (энтропии). Эта идея была им поставлена и разработана задолго до того, как стала одним из основных положений теории информации»¹⁵.

Борьба хаоса и гармонии, разрушения и созидания, энтропии и эктропии — сквозной мотив всей поэмы М. Волошина, начиная от 1-й главы «Мятеж» и кончая последней, 15-й главой «Суд». Ключевой является 11-я глава, в которой, с одной стороны, в наибольшей мере проявляется влияние идей Флоренского, но одновременно содержится и полемика с ними:

...Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир.
Но Галилей сорвал его,
Зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.

.....
 Как глаз на расползающийся мир
 Свободно налагает перспективу
 Воздушных далей, облачных кулис,
 И к горизонту сводят параллели,
 Внося в картину логику и строй, —
 Так разум среди хаоса явлений
 Распределяет их по ступеням
 Причинной связи, времени, пространства
 И укрепляет логикой числа.

Мы, возводя соборы космогонии,
 Не внешний в них отображаем мир,
 А только грани нашего незнания.
 Системы мира — слепки древних душ,
 Зеркальный бред взаимоотношений
 Двух противопоставленных глубин.
 Нет выхода из лабиринта зная,
 И человек не станет никогда
 Иным, чем то, во что он страстно верит.

Последняя строфа, навеянная антропософской гносеологией, чужда пафосу христианского мировосприятия, признающего мир как объективную реальность, нуждающуюся в просветлении и преображении. Поэма М. Волошина, во многом противоречивая сама по себе, была в этом отношении внутренне неприемлема для отца Павла, но обращение поэта к символам древних мистерий, их поэтическая интерпретация представляли для него несомненный интерес.

Весной 1924 года, будучи в Москве со своей женой Марией Степановной, Волошин, возможно, еще раз встречался с Флоренским, поскольку в его записной книжке 1 апреля помечено: «5 ч. Фаворс<кий>. Флоренс<кий>».

С выдающимся художником и графиком Владимиром Андреевичем Фаворским (1886—1964) Флоренского связывала многолетняя дружба, в 1922 году Фаворский создал для отца Павла экслибрис, «чрезвычайно изящный... единственный, пожалуй, где Фаворский прибегал к противу геральдическому»¹⁶. На экслибрисе (гравюра на дереве) с надписью «Изъ книгъ священника Павла Флоренского» представлена фигура средневекового рыцаря в латах с поднятым забралом; правой рукой рыцарь держится за эфес меча, левой — опирается на щит с изображением родословного дерева; грудь рыцаря пронзена навылет стрелой. В том же 1922 году В. А. Фаворский исполнил к книге отца Павла «Мнимости в гео-

метрии» обложку, о которой отец Павел писал: «Как свойственно вообще этому художнику, так и здесь его гравюра не просто украшает книгу, но входит конститутивно в ее духовный состав»¹⁷.

Встреча Флоренского с Волошиным могла состояться в Москве на квартире В. А. Фаворского или на квартире матери Павла Александровича — Ольги Павловны Флоренской (урожденной Сапаровой) в Новоконюшенном переулке (ныне дом 16/12 по ул. Бурденко, в квартире находится музей Флоренского), но никакими подробностями и сведениями о ней мы не располагаем. Зимой 1926 года о Флоренском Волошину писала искусствовед Е. А. Некрасова, сообщая о делах журнала «Маковец»: «О. Павел живет очень замкнуто»¹⁸.

Будучи в Москве на следующий год, Волошин, возможно, опять встречался с Флоренским; во всяком случае, в его записной книжке отмечен его адрес (Б. Спасская, 11, кв. 1), но и об этой встрече никаких сведений не сохранилось.

За полтора месяца до смерти, отвечая на литературную анкету Е. Я. Архипова, Максимилиан Александрович Волошин подтвердил свою высокую оценку творчества П. А. Флоренского. Выбирая семь книг прозы, которые он бы «оставил навсегда с собой», он, после Библии, «Братьев Карамазовых» и рассказов Н. С. Лескова, назвал «Столп и утверждение Истины» Флоренского...¹⁹

КОММЕНТАРИИ

¹ РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 53.

² Эти и названные далее брошюры П. А. Флоренского хранятся в Доме-музее М. А. Волошина в Коктебеле.

³ Все книги символистов с автографами и без из личной библиотеки Флоренского были конфискованы при его аресте в 1933 году, и попытки отыскать их следы в архивах КГБ не увенчались успехом.

⁴ *Шенгели Г.* Киммерийские Афины // Парус. Харьков, 1918. № 1. С. 18.

⁵ Во всех автографах в качестве подписи использована напечатанная на титульном листе фамилия автора, которая поэтому выделена нами в тексте курсивом.

⁶ Открытое письмо. Рукой Флоренского приписано: Получ. 1917.II. 2 Серг. Почтовый штемпель: 1.2.1917 Москва и: 2.2.1917 Сергиев Посад.

⁷ Книга с автографом Волошина хранится в семье старшего сына о. Павла Флоренского — Кирилла, скончавшегося в 1982 году.

⁸ ИРЛИ. Ф. 562.

⁹ *Флоренский Павел, священник. Symbolarium // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 570*

¹⁰ Имеется в виду книга: *Флоренский П. А. Мнимости в геометрии: Расширение области двухмерных образов геометрии. М., Поморье, 1922.* Книга Флоренского вызвала грубые нападки в тогдашней печати. В. Тер-Оганесян, например, писал: «Что существуют богословы, которые не могут не писать о житии святых, это еще понятно. Но когда эти богословы официально именуются “крупными сложившимися учеными” — это совершенно непонятно» (Под знаменем марксизма. 1922. № 9/10. С. 230). Ему вторил известный поэт Сергей Городецкий, который писал с возмущением: «Наряду с развитием материалистического миропонимания и широким его распространением, мы имеем зачастую проявления самого необузданного мракобесия. Кто бы мог подумать, что как раз к юбилею Коперника в Москве 1923 года выйдет книга, объявляющая его теорию ложной и возвращающая читателя к птоломеевской “тверди небесной”? А между тем именно так ставится вопрос в книге ученойшего богослова и выдающегося математика П. Флоренского... Достаточно перекувыркнуться, и вы попадаете на тот свет, “в царство идей Платона”. На подобном мракобесии Главлит поставил свою визу за № 1987» (Красная нива. 1923. № 12. С. 28).

¹¹ План работы Флоренского «У водоразделов мысли» был опубликован в книге «Мнимости в геометрии». Подробнее об этой неоконченной книге см.: *Игумент Андроник (Трубачев). История создания цикла «У водоразделов мысли» // Флоренский Павел, священник. Сочинения в четырех томах. Т. 3 (1), М., 1999. С. 5–26.*

¹² Гранберг Петр Владимирович — московский врач.

¹³ ИРЛИ. Ф. 562. Вероятно, ранее подобным же образом М. А. Волошин передал Флоренскому с оказией свою поэму «Преподобный Серафим» о преподобном Серафиме Саровском.

¹⁴ *Флоренский Павел. Мнимости в геометрии. М., 1922. С. 44–46.*

¹⁵ *Просвириин Анатолий, священник. Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 9. М., 1972. С. 80.*

¹⁶ *Эттингер П. Д. Экслибрисы Фаворского // Книга о Владимире Фаворском: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 37–40.*

¹⁷ *Флоренский Павел. Пояснения к обложке // Мнимости в геометрии. С. 59.*

¹⁸ Письмо от Е. А. Некрасовой от 23 февраля 1926 года — ИРЛИ. Ф. 562.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 1958, оп. 1, ед. хр. 46. Книга «Столп и утверждение Истины» была в библиотеке Максимилиана Волошина, но потом была утрачена. Отвечая на сетования М. С. Волошиной по поводу пропажи, ее знакомая В. Д. Филькенштейн писала 31 октября 1932 года: «Да, Флоренский был, об этом мне говорил Макс. <...> Поищи, но не скорби».

ПЕРЕПИСКА С МЕРЕЖКОВСКИМИ

Знакомство Флоренского с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским сыграло важную роль в процессе его самоопределения, поскольку для русского символизма это были, как принято говорить, знаковые фигуры. Мережковские были первые, кто в среде символистов направил свои искания в область религии, и все, кто позднее вставал на этот путь в той или иной степени соприкасался с ними, вынужден был сверять свои собственные устремления с их религиозными идеями. Созданные Мережковскими в Петербурге Религиозно-философские собрания также стали целой эпохой в истории символизма и для многих имели самоопределяющее значение в области религиозных вопросов. На основе этих собраний возник журнал «Новый путь», который был фактически журналом Мережковских, и он также сыграл большую роль в истории символизма.

В силу этого история отношений Флоренского и Мережковских приобретает важное значение. Документальных источников для ее изучения сохранилось немного: два черновика писем Флоренского к Мережковским и одно письмо З. Н. Гиппиус к нему. Поскольку все сохранившиеся письма дошли до нас в составе архива Флоренского, остается неизвестным, были ли отправлены и в каком виде

З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский

письма, черновики которых публикуются ниже. Неизвестно местонахождение письма Флоренского 1903 года, где он излагал свое мнение о романе Мережковского «Петр и Алексей», которое упоминается в ответном письме Гиппиус, неизвестны также тексты других писем Флоренского Мережковским. Упоминания о встречах с Мережковскими мы находим в поэме Флоренского «Эсхатологическая мозаика» и в переписке. По существу источники для изучения истории его отношений с Мережковскими этим ограничиваются.

Первоначально Флоренский вызвал восторженное отношение к себе со стороны Мережковских. 12 июля 1903 года З. Н. Гиппиус писала издателю журнала «Новый путь» П. П. Перцову: «Флоренского Д(митрий) С(ергеевич) прочитал всего вслух, мы все его внимательно исправили и пустили. Заменить его буквально нечем, и поздно, а без замены нельзя... <...> Флоренский очень тонок и замечателен (пожалуй, нецензурен), а Д(митрий) С(ергеевич) говорит, что и многое точно он писал, до того великолепно. Но, конечно, исправления были необходимы» ¹.

В данном случае речь шла о статье Флоренского «О суеверии», опубликованной в августовском номере журнала «Новый путь» с

редакционными исправлениями². В следующем году у Мережковских в «Новом пути» была опубликована и статья-рецензия Флоренского «Спиритизм как антихристианство»³, и на этот раз Флоренский был недоволен редакционными искажениями текста⁴. К сожалению, автограф статьи не сохранился, и мы не знаем, какие именно исправления были тогда сделаны.

Ко времени сотрудничества Флоренского в журнале «Новый путь» относится единственное выявленное на сегодняшний день письмо З. Н. Гиппиус к Флоренскому. Речь в нем идет о публикации этой второй статьи Флоренского, авторское название которой было «Две поэмы»:

24 февраля 1904
С.-Петербург, Литейный 24⁵

Дмитрий Сергеевич получил Ваше письмо, очень благодарит Вас за несколько слов о романе⁶. Мы оба, т. е. я и Д. С., большие поклонники кое-чего, что в вас есть. Ваши статьи всегда с радостью печатаем. Скоро будем в Москве и хотели бы познакомиться с Вами лично. Вашу статью «Две поэмы» (кстати сказать — заглавие ничего не дающее, а статья — много) — задержала цензура, надеемся — отдаст для мартовской книжки, кот(орая) выйдет скоро⁷. А что касается «Юдаизма»⁸ — то как его добыть?

Отдельно он не вышел, и оттисков нет, а прошлый год Нового Пути ведь Вы имеете? Я уверена, что Вам его высылали. Если (невероятно!) нет — напишите скорее, я исследую дело. Тем более это было бы досадно, что полных экз. за прошлый год у нас, кажется, сейчас уже и нет.

Ждем Вашего отклика

З. Гиппиус-Мережковская.

К сожалению, местонахождение упомянутого письма Флоренского с отзывом о романе Мережковского неизвестно. Как следует из письма Флоренского к Андрею Белому от 21 мая 1904 года, Флоренский не во всем одобрял журнал «Новый путь» («...редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить» и т. д.). Кое-какие мнения на этот счет сойдутся и в публикуемом ниже его письме к Мережковским.

О встрече с Мережковскими Флоренский упоминает в письме к Андрею Белому от 15 июля 1905 года, но в нем уже ясно обозначен пункт, в котором их пути разошлись в дальнейшем: отношение к исторической церкви. Мотивы этих расхождений отражает и публикуемое ниже письмо, но прежде несколько слов о позиции Мережковских.

В воспоминаниях «Живые лица» З. Н. Гиппиус подробно изложила историю организованных в Петербурге по инициативе ее и Д. С. Мережковского Религиозно-философских собраний. Гиппиус настаивала на том, что смысл этих собраний состоял в поисках взаимопонимания между интеллигенцией, которая была подвержена повальному атеизму, и деятелями церкви, которые жили в полном отрыве от интересов и чаяний интеллигенции. «В сущности, — вспоминала она, — для петербургской интеллигенции и вопрос-то религиозный вставал впервые, был непривычен, а в связи с церковным — тем более. Мир духовенства был для нас новый, неведомый мир. Мы смеялись: ведь Невский около Николаевского вокзала разделен железным занавесом⁹. Что там, за ним, на пути к Лавре? Не знаем: *terra incognita*¹⁰. Но нельзя же рассуждать о церкви, не имея понятия о ее представителях. Надо постараться поднять железный занавес»¹¹. Итог этих попыток, по версии Гиппиус, выглядел так: «Никакого “слияния” интеллигенции с церковью не происходило, а только “светские” все чаще припирали их к стенке, — одолевали»¹².

Опубликованные на страницах «Нового пути» протоколы Религиозно-философских собраний говорят не столько о победе «светских» над представителями Церкви, сколько о том, что диалога как такового не получилось, к нему были не готовы обе стороны, каждая использовала собрания как трибуну для проповеди собственных идей. А поскольку светских участников было больше, то и создавалось впечатление, что они «припирали» духовенство к стенке, хотя на самом деле собрания напоминали диалог глухого со слепым: каждый из участников развивался в собственном понятийном ряду.

Но была в религиозной деятельности Мережковских и в их отношении к собраниям еще одна сторона, о которой Гиппиус умолчала в своих воспоминаниях. П. П. Перцов, бывший одним из участников собраний и затем вместе с Мережковскими основавший журнал «Новый путь», поддерживая издание материально, летом 1903 года объяснял В. Я. Брюсову причины своего ухода из редакции журнала, которая «...уповает, главнейшим образом, на некий “раскол в православии”, конечно, нами и от нас порожденный»¹³. За внешней стороной собраний была другая, связанная с попытками Мережковских создать собственную церковь, идея которой зародилась у них одновременно с идеей собраний. Публичные заседания они отчасти использовали для рекрутирования потенциальных участников тайных богослужений, которые

происходили у них на квартире. Что бы не писала З. Н. Гиппиус о стремлении к взаимопониманию с представителями духовенства, ни она, ни Мережковский не искали с помощью духовенства путь в историческую Церковь, но стремились по ее образу и подобию создать собственную.

Оценка именно этой религиозной деятельности Мережковских и содержалась в письме Флоренского к Белому от 15 июля 1905 года, где Флоренский касался принципиальной стороны своих расхождений с Мережковскими: «...Они сердятся на меня все из-за того же, из-за исторической Церкви». И далее: я «...не верю в возможность “устройства” Церкви...» (полный текст письма см. с. 468—471 наст. изд.).

Упоминание о возможности «устройства» Церкви в переписке с Андреем Белым возникло не случайно. В «Материалах к биографии» Андрей Белый делал такое признание: «В “Начале века” не указаны причины, особенно соединившие меня с Мережковскими. Они приняли меня на свои тайные моления, их моленная община имела свои молитвы, общие, было два чина; 1-ый: чин ежедневной вечерней молитвы; 2-й — чин служеб(ный): этот чин совершался приблизительно раз в две недели, по “четвергам”; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором было поставлено и вино; горели светильники {...} В числе участников “четвергов” в то время были Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташов, я, Наталья Николаевна Гиппиус, вот и все. Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяевых и Волжского; но те скоро отошли от них»¹⁴. «Ракурс к дневнику» Андрея Белого позволяет предположить, что его вхождение в тайную церковь Мережковских началось в январе 1905 года, во время его поездки в Петербург¹⁵, видимо, от него об этом знал и Флоренский, и это проливает свет на его процитированное выше письмо.

Подробную историю создания тайной Церкви З. Гиппиус описала в своем дневнике «О Бывшем (1899—1914)». Впервые мысль о том, что нужна новая церковь, посетила Мережковского в октябре 1899 года, но конкретные шаги в этом направлении стали предприниматься в 1901 году, одновременно с организацией публичных заседаний Религиозно-философских собраний. Осенью 1901 года З. Н. Гиппиус «стала работать над молитвами, беря их из церковного чина и вводя наше»¹⁶. Поначалу была только вечерняя служба, но постепенно сложилась та молитвенная практика, которую описывал Белый и которую подробно описывала Гиппиус в дневнике¹⁷. В разные годы в этих тайных богослужениях

участвовали В. В. Розанов, А. Н. Бенуа, А. В. Карташов, Н. А. Бердяев, и др. Темира Пахмусс опубликовала сочиненный З. Н. Гиппиус «Молитвенник»¹⁸.

Судя по публикуемым далее письмам Флоренского, он либо просто знал об этой церкви, либо даже был приглашен к участию в этих богослужениях, во всяком случае в его письмах к Мережковским, черновики которых сохранились в АФ, речь идет именно об этой тайной церкви. Черновик первого письма неокончен, второго — окончен, но было ли отправлено хотя бы одно из них — неизвестно. Датировать оба письма можно только приблизительно 1905 годом по соотнесению с цитированным выше письмом к Белому 1905 и по времени пребывания Флоренского в стенах Московской Духовной Академии, которая упоминается во втором письме.

Флоренский — Д. С. Мережковскому
Многоуважаемый Дм(митрий) Серг(еевич)!

Хочется написать Вам несколько соображений, касающихся отчасти и «Нов(ого) Пути»! От души сочувствую Вам (лично) в Ваших стараниях дать отвлеченному христианству тело — живой многосторонний организм, воплотить мистическое во всех сторонах и деятельности духа, раскрыть все потенции. [Из желающ(их)] Желание оставить искусство, науку, технику и т. д. не освещенными, в лакейской, постоянное забвение того, что «обитатели многи суть»¹⁹, что много *типов святости*, — такое желание лишает христианство его всеобъемлемости. Устраняющее и связывающее «и», — символ Христа, — вытесняется изображением черта, серой, пыльной пленкой [покрывающего] стремящегося все покрыть собою, как это выяснено Вами, — именно разделительным союзом «или». *Разделительный союз*! Даже в грамматике черт не может скрыть своего хвоста и обнаруживает себя [внутри] нелепым, т. е. несвязным, немыслимым, неорганизованным словосочетанием: *союз* (т. е. соединение) *разделительный*. Таков черт везде, — нелепое, мнимое, *μή ὄν*²⁰. Есть, — пока на него не направлено созидание; [нет, как то(лько)] нет, как [созидание] только организующее займется им. Мгла, — тающая в лучах Солнца. Христианство без универсальности есть [одна религия] мировоззрение *одно из многих*. [Да не будет, чтобы] Мы не можем и не хотим ставить его в одну плоскость с каким бы то ни было мировоззрением. Оно поглощает все, что есть в [сущест(вующих)] других мировоззрениях, потому что те только узкие недостаточные аспекты христианства, [но] а то, что там не есть (*μή ἔστι*) — то [исчезнет в потоках] исчезает и окончательно исчезнет, когда брызнут потоки лучей от светильника — седмиочитого Агнца.

«Новый Путь» несет на себе ответственность, какая, может быть, *никогда* и нигде еще не лежала на журнале. Ошибки опасны, но это еще самая малая беда. Ведь «Н(овый) П(уть)» — единственный журнал, который можно взять с любовью и читать тоже с любовью тот материал, который он предлагает, порой даже малоценный. Причина этого в том, что этот журнал живой, не преследующий обычных журнальных целей, [журнал] нечто действительно переживаемое и единое [не смотря] по общему настроению, несмотря на кажущуюся пестроту, а не груда перетаскиваемо(го) с книги в статью, из статьи в книгу и т. д. *ad infinitum* ²¹. При такой [живости] жизненности ошибок избежать совершенно невозможно, они, может быть, иногда и желательны. Но мне все время чудится опасность в *измене* всеобщности, в превращении группы «Нового Пути» в партию, одну из немногих. Если дело дойдет до того, что можно будет сказать в истории [литературы] общественных течений, что были народники, потом марксисты, потом новопутейцы, то наше дело безусловно проиграно. Ведь наш смысл (выходит «мы пахали», но это для удобства выражения) в том, что мы *не партия*, а просто люди, жившие одновременно. Ничего своего мы не уступим ни на пядь, потому что оно универсальнее всего другого, но не все свое, золотыми искорками сверкающее у партии, разумеется, возьмем себе и [этим] претворим Христом в собственное тело.

Но тут подымается существенный вопрос, на который мы обязаны ответить, и поскорее. Как мы относимся к исторической Церкви? Церковь не партия

(конец текста)

Флоренский — Мережковским

Дмитрий Сергеевич, Зинаида Николаевна.

Прежде всего прошу Вас: если мое письмо покажется Вам неуместным, передайте забвению его, как будто я ничего не писал: живя в уединенности, я растерял все критерии тактичности и бестактности.

Мне крайне горько, что не мог повидать Вас в Москве *лично*, а видел лишь деятелями. Вечером, когда читал лекцию Борис Николаевич, я заходил к Вам, но не застал дома. А между тем казалось важным и нужным видеть именно лично. Внутренно я слишком связан с Вами, особенно с Дмитрием Сергеевичем, чтобы можно было просто быть в стороне. Я знаю и то, что Дмитрию Сергеевичу многим обязан. И в то же время несомненно, что есть пропасть между Сергиевским Посадом и С(анкт) Петербургом — между обителем Преподобного и городом Императора.

Может быть, вследствие непереступаемости этой пропасти, многое кажется преувеличенным отсюда. Но я не хочу и не могу таить от Вас, что подозрения вызывали враждебность. Теперь, победив и то, и другое, я могу сказать, что предметом подозрений была Ваша ин-

тимнорелигиозная жизнь, таинства. Пишу это не в качестве вопрошений. Я понял, что раз Вы сами не считаете себя принадлежащими к Православной Церкви, то нет ни смысла, ни основания судить Вас по канонам Православной Церкви. Это во-первых. А, во-вторых, я вспомнил, что хотя я сам никогда не решал окончательно вопроса о не-иерархическом совершении таинств в положительную сторону, но лет 7 или даже 6 положительное решение вовсе не казалось мне при известных условиях чем-то безусловно невозможным. Все это нараивает примирительно.

Попадая в Москву, расстраиваешься и делаешься фанатичнее при виде многих культурных явлений. Попадая обратно в свою келью, — собираешься и ясно видишь, что можешь отвечать, думать и чувствовать только за себя самого. Ну, допустим, у Вас есть своя Церковь. Но разве я знаю что-нибудь, допустимо это или недопустимо для Вас? Разве я знаю, спасет это Вас или погубит? Для меня ясно только то, что я должен быть в Православии и должен бороться за него. Если Вы будете нападать на него, то б. м. я буду бороться с Вами. Но я не говорю и, надеюсь, не скажу, что Вы — не правы, как не скажу, что я — не прав.

М. б. у Вас есть своя миссия, которой мне не дано знать. (весь текст)

Как уже говорилось, сведениями об отправке этого письма мы не располагаем. Известно лишь, что некоторое время спустя Мережковские все-таки сохраняли надежды на союз с Флоренским. В письме к Андрею Белому от 26 июля 1906 года они приглашали Флоренского через него сотрудничать в сборник «Анархия и теократия»: «Хотелось бы, чтобы наш сборник был криком призывным, обращенным не только к русскому обществу, но и ко всему народу (...) Попросите Флоренского тоже написать — м. б. ему удалось бы воззвание к народу — как бы та проповедь, за которую его арестовали. Ведь это была проповедь уже не в старой, а в новой, нашей Церкви. Неужели он этого не осознал и теперь?»²²

Таким образом, здесь слышны отголоски спора с Флоренским, но в какой форме состоялся этот спор — неизвестно. Отношение Флоренского к Мережковским позднее стало еще более критическим. «Для меня, — и в жизни, и в литературе, — писал он В. А. Кожевникову 27 августа 1912 года, — самое отвратительное — имитация; потому-то я привязан к В. В. Розанову, что он, *talis qualis est*²³, весь “настоящий”, и потому мне противен Мережковский, что в нем почти ничего нет порожденного из себя»²⁴. В письме «Утешитель» из книги «Столп и утверждение Истины» он порицал их стремление «как бы насильно стяжать Духа Святого», пол-

ное постижение которого станет возможным лишь когда «времени больше не будет»²⁵.

Высказывания З. Гиппиус о Флоренском были еще более резкими, в воспоминаниях, В. В. Розанове «Задумчивый странник» из книги «Живые лица» она писала:

Об этом священнике кто-нибудь напишет в свое время. Мы знали его московским студентом-математиком (он писал в Новом пути). Потом встречались в Донском монастыре у его духовника, мятежного и удивительного еп. Антония. Но действительно узнали и поняли через сестру его, Ольгу. Она любила его, ездила к нему в Лавру, но никогда не была под его влиянием. Была близка нам, подолгу жила у нас. Эта замечательная женщина-девушка умерла перед войной, 22-х лет от роду. Я не буду писать ни о ней, ни о брате: слишком удлинит это мой рассказ. Да и жизнь его еще не кончена. Думаю, сильная личность его не пройдет без следа даже в наше смутное время²⁶.

Флоренского Гиппиус назвала «самым, кажется, умным и жестоким священником»²⁷, так и не пояснив, в чем эта жестокость выражалась. В переписке Мережковских и Filosofova с сестрой Флоренского — Ольгой Александровной (домашнее имя Валя), на которую ссылалась З. Н. Гиппиус в своих воспоминаниях, которая в настоящий момент готовится к печати, никаких значительных сведений о брате нет.

КОММЕНТАРИИ

¹ Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступит. заметка, подг. текста и примечания М. М. Павловой // Русская литература. 1992. № 1. С. 145—146.

² В АФ на экземпляре рукописи восстановлен первоначальный заголовок «О суеверии и чуде» и приписано: «статья сильно искажена редакцией...» (Цит. по комментариям: Собр. соч. Т. 1. С. 705).

³ Новый путь. 1904. № 3. Подробнее об этой статье см. во вступительной статье к письму Флоренского к Брюсову.

⁴ «Первоначальное заглавие статьи было: “Две поэмы”, а это, претенциозное, было, к моему возмущению, придумано редакцией. Кроме того, статья была сокращена, а именно, выкинуто все похвальное в отношении спиритической поэмы “Лествица”. Печаталась без моей корректуры» (Цит. по комментариям: Собр. соч. Т. 1. С. 714).

⁵ На бланке журнала «Новый путь».

⁶ Вероятно, романе «Петр и Алексей», который в этот момент печатался в журнале «Новый путь».

⁷ Речь идет о рецензии Флоренского, опубликованной в мартовском номере «Нового пути» за 1904 год: Спиритизм как антихристианство (По поводу двух поэм: «Лестница». Поэма в 7 главах А. Л. Миропольского, 1902; А. Белый. Северная симфония. (1-я героическая), 1903).

⁸ Речь идет о цикле статей В. В. Розанова «Юдаизм», которые печатались в журнале «Новый путь» в 1903 году (№ 7—12).

⁹ Подразумевается та часть Невского проспекта в Петербурге, которая от Николаевского (Московского) вокзала ведет к Александроневской Лавре.

¹⁰ Неведомая земля (лат.).

¹¹ Гиппиус З. Живые лица. Мюнхен, 1971. С. 22.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову. С. 126.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 53. оп. 2. ед. хр. 3. Сообщено М. М. Павловой.

¹⁵ Ракурс к дневнику, л. 27.

¹⁶ Гиппиус З. Н. О Бывшем (1899—1914) // Гиппиус З. Н. Дневники. Т. 1. М., 1999. С. 112.

¹⁷ Там же. С. 111—137.

¹⁸ The Prayer Book // *Temira Pachmuss*. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P. 713—769.

¹⁹ В доме Отца Моего обители многи суть (Ин 14. 2).

²⁰ Не сущее (греч.)

²¹ До бесконечности (лат.).

²² Имеется в виду проповедь «Вопль крови». Об обстоятельствах ее создания, об аресте Флоренского см. в статье Е. В. Ивановой «Флоренский и Христианское Братство Борьбы» (Вопросы философии. 1993. № 6. С. 159—166).

²³ Такой, какой есть (лат.).

²⁴ Письмо В. А. Кожевникову от 27 августа 1912 // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 109.

²⁵ Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 111.

²⁶ Гиппиус З. Живые лица. С. 74.

²⁷ Там же.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО В. Я. БРЮСОВУ

Об отношениях Брюсова и Флоренского не сохранилось почти никаких сведений. В известном на сегодняшний день обширном эпистолярном и творческом наследии Брюсова имя Флоренского вообще не упоминается. О том, что личные отношения между ними существовали, мы знаем из воспоминаний Андрея Белого «Начало века», где после рассказа о собственном знакомстве с Флоренским сказано: «Я в “Весах” поздней заставлял его с Брюсовым; он разговаривал, странно сутулясь, скосясь, поясняя... какой-нибудь штрих: деталь гравюры четырнадцатого столетия, что-нибудь вроде рисунка Кунрата со скромной надписью “Ora et labora”¹. И Брюсов почтительно слушал скорее аритмолога, перепротонченного в декадента, чем мистика или философа религиозного...»². Флоренский не случайно упомянут здесь как аритмолог — его статья «Об одной предпосылке мировоззрения», излагающая математические идеи прерывности, последователем которых он был, опубликована в руководимом Брюсовым журнале «Весы» (1904. № 9). В свою очередь, Брюсов интересовался

В. Я. Брюсов

аритмологическими идеями, о чем свидетельствует его рецензия на книгу И. Парфеньева «Идеи непрерывности и прерывности»³. Попутно отметим, что Флоренский намеревался опубликовать в журнале «Весы» свою статью «Гамлет», которую он направил в редакцию на имя С. А. Полякова 22 января 1903 года вместе с нижеследующим письмом: «Многоуважаемый Сергей Александрович! Высылаю Вам для печатания в “Весех”, если найдете подходящим, статью свою “Гамлет, принц датский”. Очень прошу Вас прислать мне корректуру и распорядиться об приготовлении отдельных оттисков. Если возможно — пусть будет сделано 50 экземпляров. Я с удовольствием уплачу типографии все, что ей будет следовать за работу»⁴. По неизвестным причинам статья «Гамлет» не была напечатана, хотя на ее рукописи в архиве Флоренского есть указания для наборщика. Здесь же сохранилась визитная карточка секретаря «Весов» М. Ф. Ликиардопуло, а также открытое письмо из редакции без подписи. Все это говорит о том,

что Брюсов не был единственным, с кем Флоренский общался в редакции журнала.

Важный момент в отношениях Брюсова и Флоренского связан с публикацией статьи Флоренского «Спиритизм как антихристианство» на страницах журнала «Новый путь» (1904. № 3), которая была развернутой рецензией на поэму «Лествица», автором которой был друг Брюсова и его соратник по занятиям спиритизмом А. Л. Миропольский (псевдоним А. А. Ланга, 1872—1917) и на «Северную симфонию (1-ю Драматическую)» Андрея Белого. По поводу публикации рецензии в «Новом пути» Флоренский писал позднее: «Первоначальное заглавие было: “Две поэмы”, а это, претенциозное, было, к моему возмущению, придумано редакцией. Кроме того, статья была сокращена, а именно, выкинуто все похвальное в отношении спиритической поэмы “Лествица”. Печаталась без моей корректуры»⁵. Первоначальный, более полный текст статьи обнаружить пока не удалось, но в том виде, в каком она дошла до нас на страницах журнала «Новый путь» (1904. № 3), в ней содержалась высокая оценка симфонии Андрея Белого и гораздо более критическая — поэмы «Лествица». С точки зрения Флоренского, поэма Миропольского «... не есть произведение *литературное* в обычном смысле слова; каждая буква в этой удивительной поэме кричит, что она не продукт свободного творчества, а документальное описание ряда видений, проносящихся тяжелым сном. Скажу даже больше: можно предположить, что это *не есть* сочинение Миропольского, а простая запись “под диктовку” духов»⁶.

Однако рассматриваемая под таким углом зрения поэма не вызывала у него нареканий — как запись спиритических видений, она вполне отвечала своему жанру. Полемический пафос статьи Флоренского относился не столько к поэме, сколько к вступительной статье Валерия Брюсова «Ко всем, кто ищет», где обосновывалась его концепция спиритизма. Отношение Флоренского к спиритизму, в котором он видел новую и крайне опасную псевдо-религию, и стало в данном случае предметом его расхождений с Брюсовым.

Увлечение Брюсова спиритизмом и оккультными науками общеизвестно, но обычно принято сводить это увлечение к его высказыванию, воспроизведенному в воспоминаниях Владислава Ходасевича: «Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству»⁷.

Именно так высказывался Брюсов о спиритизме позднее, в период же написания предисловия «Ко всем, кто ищет» он придерживался другой точки зрения на спиритизм. Брюсов всерьез занимался спиритизмом в молодости, и это было совсем не безобидное юношеское увлечение, как это пытались до сих пор представить его биографы, а серьезное занятие, многое определившее в его мировоззрении. В дневнике Брюсова есть несколько упоминаний о посещении спиритических сеансов. В сентябре 1901 года он записывает: «Усердно посещаю спиритические сеансы. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние»⁸. Пробовал себя Брюсов и в роли медиума, о чем говорит запись в октябре того же года: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»⁹. Миропольский-Ланг был постоянным его спутником по посещению спиритических сеансов.

В 1901—1902 годах Брюсов сотрудничал в издаваемом В. А. Прибытковым спиритическом журнале «Ребус», где печатались труды русских и зарубежных спиритов, книги по оккультизму, описания спиритических сеансов, сообщения о различного рода таинственных явлениях, вещих снах и т. п. В 1900 году он поместил здесь статью «Методы медиумизма», где возражал против попыток исследовать явления медиумизма теми же приемами, что и явления физики и химии, против механического перенесения в изучение оккультных наук методов естествознания: «...факты медиумизма выходят за пределы нашего пространства и времени, они тем самым не подлежат опыту. Сеанс ни в коем случае нельзя счесть опытом: он только устанавливает условия, при которых естественнее всего ожидать проявления медиумической силы. Мы лишены возможности направлять ее деятельность по своей воле, и тем самым сеанс отличается от опытов по физике и химии»¹⁰. Брюсов утверждал также, что следует «отказаться от притязания управлять медиумическими явлениями. В медиумизме мы должны стать учениками неизвестных нам интеллектуальных сил»¹¹. Статья вызвала целую дискуссию на страницах журнала «Ребус», и Брюсов вернулся к ее темам в статье «Еще раз о методах медиумизма»¹². Большая статья по истории этого движения «Спиритизм до Рочестерских стуков» была помещена за подписью В. в журнале «Ребус» в 1902 г.¹³, ее основные идеи вошли в предисловие к книге А. Л. Миропольского «Лестница».

Можно сказать, что предисловие Брюсова «Ко всем, кто ищет» стало своего рода итогом его публикаций в «Ребусе», поскольку здесь Брюсов наиболее полно изложил свое отношение к спиритизму, пытаясь свой интерес к спиритизму связать с исканиями символистов, которые в тот период выступали в литературе в роли «новых людей» и к которым принадлежал он сам: «Самое ценное в новом искусстве — вечная жажда, тревожное искание. Неужели их обменяют на самодовольную уверенность, что истина найдена, что дальше идти некуда, что новая истина уже не может оказаться ложью. Неужели и “новые люди” с высоты своей мудрости будут судить все, просто прикладывая готовую мерку: не подходит? значит и не нужно или неинтересно. Это будет не освобождением, а новым видом рабства. Довольно безразлично — железные цепи или деревянные колодки. Отрицать и отвергать — всегда слабость. Истина во всем и везде — ее нет только в неподвижности. Созидателям нового, искателям обетованных стран, нечего прятаться за окопы и укрепления. Что, если камень, отвергнутый строителями, и есть тот самый, который надо было положить во главу угла?»¹⁴.

На первый взгляд, в статье «Ко всем, кто ищет» содержались идеи, которые должны были быть родственны не только всему поколению символистов, но и Флоренскому, поскольку Брюсов писал здесь о кризисе идей позитивизма: «Современная наука, т. е. наука трех последних столетий, впитала в себя при своем возникновении идеи Бэкона и Декарта, рационализм и механическое миропонимание. Из этого создался фон современного знания, особое “научное мировоззрение”, атмосфера, вне которой наука не может дышать. Формулировав свои “законы природы”, наука порешила, что ими определяется всякое существование. Мир науки — это особый замкнутый мир, вовсе не адекватный бесконечной вселенной, хотя и вместивший туманные пятна. В этом своем мире люди науки орудуют очень искусно, делают открытия и подводят итоги, но они слепы ко всему, что совершается за пределами их области. Они поставили на своем знамени: факт! но сами на каждом шагу отворачиваются от фактов, только потому, что они противоречат их предвзятой теории. Не удивительно поэтому, что люди науки встретили спиритизм отрицанием. Но господство позитивной науки проходит. Ее недавнее торжество было последней вспышкой пламени, прежде чем угаснуть. Позитивная наука, “положительное знание” сведены с неправо занятого ими трона, и им указано их место — в прихожей и на улице: пусть они зажигают там электрические лампы и катают вагоны»¹⁵.

В этот период общим местом в декларациях символистов была идея расширения области знания за пределы эмпирического опыта: «Нашей душе потребно иное, иначе она умрет. Все ясней сознается, что если в мире есть только то, что видимо есть, — жить незачем, не сто́ит. Мы принимаем все религии, все мистические учения, только бы не быть в действительности. <...> Мы жадно исследуем все таинственное и странное, что нашли в своих душах, спускаемся во все глубины, чтобы хоть там “коснуться мирам иным”. <...> Увидав отчетливо, что познаваемое имеет грани, что за ними есть непознаваемое, мы уже не можем не сгорать от жажды прозреть в те недоступные миры»¹⁶.

Но далее Брюсов пытался объяснить, почему именно спиритизм отвечает потребностям «новых людей»: «И вот нам говорят, что есть связь между нами и иным бытием <...> Нам говорят, что есть возможность вступить в общение с духовными личностями, бытие которых — вне нашего времени и пространства, мышление которых не обусловлено категорией нашей причинности. Нас зовут прислушаться к их голосу на самую грань нашего мира, куда уже падают тени инобытия. Неужели все мы не поспешим туда, готовые тысячу раз ошибиться ради одной молнии такой надежды? Люди науки не хотят идти, ослепленные и отягченные вековыми предрассудками, что же медлят борцы против всех преубеждений?»¹⁷

Брюсов представляет спиритизм как новую область познания, дающую столь же достоверное знание, как и позитивизм, но требующую других подходов к своему изучению: «В 1848 году “Рочестерскими стуками” было положено начало современному спиритизму или науке о медиумизме. Впервые после “века просвещения” люди знающие и мыслящие обратили внимание на область таинственного. <...> Вместе с тем первыми исследователями медиумизма делались по большей части лица, специально которых было естествознание. В новые свои работы они вносили привычные методы и интерес к фактам определенного порядка. Между тем сущность медиумических явлений есть проявления некоего духа. Применение к их изучению методов физики не могло дать успешных результатов. Так же неуместным было предпочтительное изучение физических проявлений медиумизма (каковы: стуки, движения, видимые образы). Знакомя нас с частными и, так сказать, случайными сторонами медиумической силы, они менее всего могли нам сказать о ее существенных и основных свойствах. Но за последнее время в науке о ме-

диумизме произошел важный и благотворительный переворот. Внимание исследователей от физических явлений обратилось к их духовному содержанию. Истинным объектом науки о медиумизме стали те сообщения, которые получаются медиумическим путем, т. е. через непосредственное или через автоматическое письмо, через речь при трансфигурации, типтографией и целым рядом других способов. Не говоря уже о том, что сущность разумной духовной силы скорее можно надеяться познать из ее духовных проявлений, медиумические сообщения должны быть предпочтены и на чисто методологических основаниях. Все физические явления совершаются однажды во времени; а так как в спиритизме возможно лишь наблюдение, а не эксперимент (т. е. мы не можем вызвать любое явление по собственному хотению), то исследователям либо приходится тратить годы на личные наблюдения, либо полагаться на описания. Отсюда постоянные жалобы на то, что явление наблюдалось или описано неверно, что чувства наблюдателя были обмануты — темнотой, напряженным вниманием, внушением и т. д. Напротив, сообщения являются фактом длительным. Собранные в книге, они представляют исследователю объект, который он может исследовать в любое время и сколько угодно раз. Что же мы находим в сообщениях? Целый мир индивидуальностей, резко очерченных, обособленных, самостоятельных, отличающихся и внешними признаками (слобом, почерком, характером ударов при типтографии и т. д.) <...> В науке о медиумизме господствует в настоящее время следующая теория для объяснения сообщений. Сообщающиеся находятся в иной сфере бытия, нежели мы, быть может, в пространстве иных измерений. Чтобы вступить с нами в сношения, они устанавливают некоторого рода телеграф, роль которого играет медиум, так сказать, живая машина. Медиум — это человек, способный воспринимать влияния, токи из той области бытия, где находятся сообщающиеся, и в то же время проявлять их в нашей области. <...> Наблюдения и исследования последнего времени расширили наше представление о свойствах человеческого духа и о взаимоотношениях духа и вещества. Теперь поставлена вне всякого серьезного сомнения возможность для духа непосредственно влиять на вещество <...> Несомненно также, что человеческое тело испускает особые лучи, которые могут быть видимы особо сензитивными личностями и восприняты фотографической пластинкой в темноте. Гипнотизм, чтение мыслей, все роды телепатии изменили наши понятия о отношении духа к духу. Нам уяснилось, что сознатель-

ная жизнь духа составляет ничтожную часть всего нашего духовного бытия, что в некоторые мгновения душа наша может обнаружить запас сведений и воспоминаний, которых сознательно мы не обретаем в ней. Факты раздвоения личности, сомнамбулизма, лунатизма, изучение психологии обмороков и сновидений разрушили в основании прежнее представление о личности как идентичной с тем, что человек мыслит о себе. Эти явления наводят на мысль: не есть ли все медиумические явления новое проявление способностей нашего духа, т. е. духа живых людей. <...> Из наблюдений, уже сделанных, можно составить некоторое предположительное понятие о том состоянии, в котором находятся общающиеся. По-видимому, все, что в нашей духовной жизни образует наиболее осязаемое и важное, какова вся жизнь отвлеченной мысли, все чувства, порождаемые ощущениями внешних чувств, отходит на дальний план. Мир воспринимается иначе, а восприятие его нашим способом становится случайностью и исключением. Напротив, то, что нами пока считается случайным и исключительным, — то, что мы смутно знаем из предчувствий, вещих снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, — становится основой всего бытия. Те отношения между душами, которые здесь затемнены и бессильны, — внушение, чтение мыслей, сомнамбулические угадывания и лунатическая уверенность — становятся единственными и господствующими. Невозможно точно дать себе отчет, сколь иной открывается тогда вселенная, и собственное существование, и все наши мыслимые отношения к себе, к другим, к Богу. Познавание этих условий бытия может и должно ускорить шаг человечества по пути к совершенству»¹⁸.

Общее направление мысли Брюсова как будто бы направлено против материализма и позитивизма, оно реабилитирует идеализм и мистицизм как веру в существование иной реальности. Но в редакции журнала «Новый путь» статье Флоренского не случайно дали заглавие «Спиритизм как антихристианство», точно уловив в этой попытке представить спиритизм как один из новых способов опытного познания иной реальности достоверного существенную опасность для христианского мировоззрения. Именно поэтому полемика Флоренского направлена не против поэмы «Лестница», где описывается та реальность, которую созерцал ее автор в состоянии медиумического транса, а против пространно процитированной выше статьи Брюсова, где он пытался представить спиритизм как новый способ познания мистической реально-

сти. Флоренский уловил в рассуждениях Брюсова черты неопозитивизма, который стремился, подобно тому как в XIX веке позитивизм, стать новой религией.

«Напрасно Валерий Брюсов, — писал Флоренский, — так заботится о спиритизме: отрицаются не факты; пусть они есть; исследовать их — дело психологов. Факты, если не все, то многие, засвидетельствованы, и с научной точки зрения они очень интересны. Но это не то, не то, и не о фактах идет речь! Нам хотят поднести не факты, даже не теории, а религиозно-философскую систему, спиритическую религию. Мы прекрасно понимаем, к чему она обязывает нас, к каким выводам принуждает и к каким последствиям ведет. Многое можно принять из спиритических теорий, но лишь постольку, поскольку они не выходят из области психологии, физиологии и т. п. Но когда нас хотят незаметно перетащить в область метафизики и мистики, когда вместо научных воззрений нам хотят подsunуть усовершенствованный позитивизм, то мы будем упираться и руками, и ногами. Это слишком серьезно, более серьезно, чем думают занимающиеся верчением столов. Признать спиритическую религию есть только первый шаг; а далее покатишься с ереси на ересь и логически, и нравственно, — непременно прикатишься к культу Антихриста. <...> Спиритизм, которым занимаются не научно, в большинстве случаев есть суеверие. Что же касается до научного изучения, то нам, чуждым этой специальной ветви психологии или пневматологии, соваться в исследование так же нелепо, как нелепо было бы, если бы кто, не зная физики и не будучи подготовленным, стал исследовать, например, радиоактивные явления потому только, что они кажутся ему любопытными или важными. Так что в этом смысле зазывания Валерия Брюсова странны, чтобы не сказать более того, и приглашение к дилетантизму едва ли может быть желательным»¹⁹. Главное, против чего протестовал Флоренский, — отождествление противников спиритизма с позитивистами. Он подчеркивал, что если в спиритических явлениях есть физическая сторона, то она должна изучаться методами науки. И не в отвержении опытных наук отличие тех противников спиритизма, которых Брюсов называет презрительно «новые мистики», напротив, некоторые из них, и в том числе Флоренский, искали в опытных и точных науках, таких как математика, опору для своего нового мирозерцания. Отличие их от последователей спиритизма в другом: «...“новые мистики” имеют Христа, и никакой спиритизм (как религиозная система, а не факт) не соблазнит их

к отпадению и блужданию в туманах и мгле, если приходится порой пробиваться силой через твердыни естественных наук. (...) По разным тропинкам и с разных сторон подымались мы, но сошлись в одной вершине, в высшем принципе — Христе. Теперь нет дела до наших дорожек, быть может, обходных и неудобных. Все наше мировоззрение есть христология; из Христа мы можем выводить, на Нем строить, Им верить, Им объединять и в Нем жить»²⁰.

В этом заключалась принципиальная сторона противостояния Флоренского Брюсову, который представлен в поэме «Святой Владимир» в образе спирита-соблазнителя. Но было в этом противостоянии и человеческое содержание, которое отражает ниже следующее письмо Флоренского: он жалел Брюсова, который в ходе занятий спиритизмом отдал себя во власть потусторонних сил, что и пытался объяснить ему Флоренский. Это чувство жалости отчасти, возможно, возникло в процессе участия в сложной психологической дуэли Андрея Белого и Брюсова на почве соперничества из-за Нины Петровской, о чем говорилось в предисловии к переписке Флоренского и Андрея Белого (см. наст. изд., с. 443), тем более, что именно Флоренский вместе с Петровским выступали в роли его конфиденентов. В «Ракурсе к дневнику» Белый записал в ноябре 1904 года: «Центр месяца — моя решительная борьба с Брюсовым (сны, телепатия, обмен угрожающими стихами) (...) Надо всю жизнь — *черное крыло* гипноза Брюсова». И далее в декабре: «Флоренский и Петровский едут к еп(ископу) Антонию посоветоваться о том, как быть со мной»²¹.

Письмо Флоренского к Брюсову есть попытка предостережения в его адрес об опасности той оккультной практики, которой он занимался. Оно сохранилось в АФ в виде черновика и написано в конце 1904 года, когда поединок Брюсова и Белого достиг кульминации. В архиве Флоренского сохранилось переписанное им стихотворение Брюсова «Бальдеру — Локи», которое создавалось в ходе этого поединка (о нем см. также во вступительной статье к переписке Флоренского и Андрея Белого).

Сведений об отправке письма нет. В архиве Брюсова письма Флоренского не выявлены, упоминания о переписке между ними также отсутствуют. Нет и ответных писем Брюсова в архиве Флоренского. Но Флоренский продолжал интересоваться творчеством Брюсова, о чем свидетельствуют сохранившиеся в его архиве три стихотворения Брюсова, переписанные его рукой с указанием места их публикации — «Орфей и Эвридика» (Новый путь. 1904.

№ 8. С. 168—170), «Медая» («Журнал для всех». 1904. № 9) и «Приходи путем знакомым...» (из «Urbi et Orbi», отдел «Баллады» между III и IV).

В приложении к письму Брюсову печатаются два письма Флоренского, характеризующие его отношение к оккультным наукам и спиритизму. Первое из них — к издательнице журнала «Вестник теософии», второе — в уже упоминавшийся выше журнал «Ребус».

Флоренский — В. Я. Брюсову

5 декабря 1904, Сергиев Посад

Валерий Яковлевич!

(не пишу «многоуважаемый», т. к. теперь это — одна «скорлупа», *imago*²² и личина, не имеющая внутренней сути; не пишу «дорогой», и это не из боязни шокировать Вас, а просто потому, что в отношении к Вам такой эпитет я могу употребить с ограничением: очень дорогой в одном и очень не дорогой в другом). Валерий Яковлевич! Только что вернулся из Москвы, после нашего собрания у Бориса Николаевича²³, и меня потянуло написать Вам. Не «исправлять» наш вечер хочу я, а просто сказать иное, чем было говорено, потому что нельзя было сказать то, что хотелось. — Если распластываться на чисто эмпирической плоскости (а Вы, избегая столкновений в иных сферах, весьма часто спускаетесь до рассуждений, под которыми подписался бы [самый плюгавенький] любой из позитивистов), то многое из сказанного нами должно было показаться грубыми мальчишескими выходками; может тогда показаться, что Вы терпели эти выходки из одной снисходительности, и тогда мы, несомненно, окажемся виноватыми перед Вами. — Вот поэтому-то хочется привести в исполнение давнишнее намерение — написать Вам о своих отношениях к Вам; насколько я знаю, это не только мое отношение, но и наше общее. «Но какое мне дело до Ваших отношений?» скажете Вы. Спешу согласиться, что Вы, с Вашей точки зрения, может быть, и правы; но моя, признающая безусловную ценность всякой личности, даже моей, заставляет действовать так, как *будто* Вам есть дело до наших отношений. Итак, [я знаю] хорошо зная, что Вы пренебрежительно не заметите всего сказанного, я действую так, как будто Вы с терпением будете вникать в смысл письма и в его настроения. — Вы не признаете слова «любовь»; это мне сейчас безразлично; я вполне искренно говорю, что люблю Вашу

личность, чувствую ее (это — главное) и ставлю ее очень высоко. Но это — личность. Но есть ли у нее *своя* личина, свое проявление, этого я не знаю, — точнее, знаю, что этого нет. Я понимаю, что такое магия, и потому, быть может, вижу в таких уголках Вашей души, которые Вы не хотели бы обнаруживать; тут-то мне и делается Ваша личность дорогой, но, вместе с тем (не возмущайтесь и не сердитесь слишком!) жалостной и порою даже жалкой. Магия не проходит даром. Она засасывает в себя и, в тот момент, когда маг торжественно кричит: «они в моих руках», он сам бывает в руках *их*. Когда слышишь от Вас фразы наиболее мощные, то невольно улыбнешься контрасту, и притом вовсе не тому, чтобы мощности в них не было. Нисколько не отрицаю известной доли мощи, но не могу не улыбнуться жалостливо, когда вижу, что такая сильная личность, как Вы, является в руках темных сил простым аппаратом для передачи воздействий. Только изредка, сквозь чужие слова прорываются струйки исстрадавшейся и измучившейся личности, и это так искренно и просто выходит, что готов в разговоре сказать «дорогой Валерий Яковлевич». Ваш поэтический талант, Ваши познания, Ваше умение схватывать суть дела и, главное, Ваша «потенция» сильно любить (настаиваю на этом, хотя Вы и отрицаетесь «любви и всех дел ее»²⁴) — все это отнято у Вас, и нагробленным пользуется тот легион, который Вы принимаете за легион «своих» душ. Души-то души, да не свои, а чужие. Вас эксплуатируют, над Вами издеваются, Вас гипнотизируют, Вас непрестанно, днем и ночью мучают, щекотят и заставляют судорожно передергиваться (эти передергивания Вы принимаете за выражения удовольствия), — и Вы не замечаете или не хотите замечать всего этого, отдаетесь во власть истязателей. Неужели Вы не чувствуете, что многие стихи Ваши — Ваши *только* потому, что там Ваши рифмы, размер и т. д., но что самая сердцевина, «душа» стихотворения, то, что собственно и составляет продукт творчества, что это — не Ваше. Я лично уже гарантирован от того, чтобы поддаться чарам, *через* Вас (но *вовсе не* Вами) распространяемым, но, именно благодаря этому обстоятельству, могу особенно ясно сознать всю остроту их яда, и первым пострадавшим оказываетесь Вы.

Дорогой Валерий Яковлевич! На одну минуту проснитесь, скиньте власть гипноза и посмотрите, что *они* с Вами делают. Только на минуту очнитесь, и Вы, — я уверен в этом, — закричите нечеловеческим голосом из той тьмы внешней, которую Вы, как полагаете (а на самом деле не Вы, а *они* в Вас), так любите, осве-

тите сумрак и [склонитесь перед Бальдером ²⁵]. И тогда, когда слетит легион масок, надеваемый на Вас, когда Вы перестанете смотреть на все через «мутную среду» — тогда Вы увидите, что у Вас — не враги, а искренно любящие Вас братья.

П. Флоренский

Приложение

Письмо Флоренского Е⟨лене⟩ ⟨Федоровне⟩ П⟨исаревой⟩ ²⁶.

⟨декабрь 1910⟩ ²⁷.

Милостивая государыня Елена Петровна!

(простите, если неверно называю Вас) ²⁸

Прочитав Вашу заметку о своей брошюре «Общечеловеческие корни идеализма» в «Вопрос⟨ах⟩ Теософии», я позволю себе обратиться к Вам с некоторым недоумением и надеюсь, что Вы, — хотя я не имею чести быть знакомым с Вами, — не сочтете для себя этого письма моего обидным. Вы, именно, упрекаете меня в позитивистическом образе мыслей и в том, что я ничего не говорю об отношении Платона к мистериям. Но, милостивая Государыня, меня удивляет, как это Вы, «посвященная», упрекаете меня, «непосвященного», в том, соблюдение чего конечно было, есть и будет первым условием не только посвящения, но и всякого занятия оккультизмом: Вы попрекнули меня благим молчанием. Поверьте, что то, о чем не сказано мною и что могло быть сказано, неизмеримо превосходит сказанное, тем более, что в области некоторых вопросов я владею собственными работами, которых никто не видел и результатов которых мне не приходилось встречать в литературе. Но «несть пользы в многоглаголаньи», и я открыто Вам заявляю, что считаю все теософские и проч. журналы, общества, брошюры и т. д. явлением *глубоко отрицательным* и вредным — не по тому или другому содержанию их (что есть вопрос *особый*), а по самому факту многоглаголанья в таких областях, в которых надлежит молчание. Делать [*нрзб.*] из Каббалы, которую нашептывали по ночам с глазу на глаз, прямо на ухо, и которую слушали со страхом, делать тему для фельетона, читаемого за утренним чаем, или реферата на «музыкальном» собрании среди флиртующих дам — это так не эстетично, что если бы я был заинтересован в Ваших оккультических

Е. Ф. Писарева

организациях, то я обязательно поднял бы жесточайшее гонение против всей этой «свистопляски» лжеокультистов. И «окультистам» милостию Божией отвратительно видеть, как воюющая толпа врывается в мистериальные пещеры, и обонять запах чеснока, отравляющий благовония тончайших фимиамов. Если же Вы этого не понимаете, то тем хуже для Вас: очевидно и Вы — от толпы. Но что значат тогда Ваши суждения о том, что толпе недоступно.

П. Флоренский.

Вы, русские оккультисты, довели оккультизм до того, что он стал модным (!), что он соперничает с Пиккертоном ²⁹, шляпами шантеклер ³⁰ и патентованными средствами.

Письмо Флоренского редактору журнала «Ребус» ³¹

(после 24 апреля 1911 года)

Милостивый государь, г. редактор.

[Журнал «Ребус» за много лет своего существования не без основания] [последовательно и беспристрастно старался проводить работу] [старался выяснять]

Примкнув к научному спиритизму, журнал «Ребус» многими годами своего [сущ(ествования)] последовательного и беспристрастного изучения явлений трансцендентальной психики успел зарекомендовать себя как орган [честный] идейный и честный в духе заветов великих работников в этой области вроде Крукса, Целльнера, Аксакова, Мейерса и др. А неоднократным мужественным и безбоязненным разоблачением мошенничества от мистики он давно уже заставил считаться со своими суждениями. Мне грустно было бы видеть, если бы это «аксаковское» направление журнала сменилось другим, более «современным». [Однако кажется] Но помещенное в № письмо г. наводит на такую думу. Не потому, что оно направлено против меня; [это письмо как таковое я оставляю без ответа] не считаю слова свои непререкаемыми, охотно допускаю, что могу высказать суждение поспешное; но мне странно [видеть] видеть в «Ребусе» защиту того, на что сам он неоднократно нападал, и — жестче моего. Мне странно видеть в нем прибежище для людей, не желающих подвига религии, и мистиков, боящихся труда науки.

[Научное исследование] Каковы бы ни были отношения спиритизма к христианству, [можно заран(ее)] [едва ли можно] все равно неблагородно брать под свою защиту профанные религии и растление душ и тел. Полагаю, что нет даже надобности быть христианином, чтобы признать эту [аксиому] максиму порядочности.

Выражение, что [оргастическая] хлыстовская сторона спиритуализма — злоупотреблен(ие), ничего не говорит. Церковь отсекает от себя хлыстов и тем доказывает, что хлыстовство — злоупотреблен(ие); а спиритуализм от этих явлений не отгородился, и ему нечего обижаться, [что] когда говорят о них как об одних из сторон(ников) именно спиритуализма. Но, и по существу, дело не так просто, чтобы можно было отделаться словом «злоупотреблен(ие)». Охотно признаю, что крайние проявления оргазма — злоупотреблен(ие), но Вы, как [знающий] [признанный] зна-

ю(щий) оккультизм, [поймете, о чем я гово(рю)] понимаете, конечно, что *есть* существен(ная) связь между сферою оккультизма и сферою сексуальности в их *метафизических корнях*. «Ребусу», как органу *научного исследования*, нет надобности [бояться] [отказываться от этого утверждения] ни отрицать эту чрезвычайно интересную в науч(ном) отношении связь, ни обижаться, ни говорить о ней другое. Даже напротив, скрываньем вещей, которые [давно известны] не сегодня так завтра выйдут в широкую публику, [он] такой почтенный орган только рискует навлечь на себя подозрение в тенденциозности. Примите уверения в совершенном почтении.

[Доцент Моск(овской)]
священник Флоренский

КОММЕНТАРИИ

¹ Молись и работай (*лат.*).

² *Белый Андрей*. Начало века. С. 302.

³ А. [Брюсов В. Я.] Рец. на кн.: *Парфеньев И.* Идеи прерывности и непрерывности. Казань. 1905 // *Весы*. 1905. № 6. С. 70—71.

⁴ Письмо цитируется по публикации в комментариях: *Флоренский П. А.* Собр. соч. Т. 1. С. 722.

⁵ Цит. по комментариям игумена Андроника: Собр. соч. Т. 1. С. 714. Некоторые мотивы редакционных сокращений изложены в письме З. Н. Гиппиус к Флоренскому (см. наст. изд. С. 510).

⁶ *Флоренский П. А.* Собр. соч. Т. 1. С. 131.

⁷ *Ходасевич В. Ф.* Брюсов // *Ходасевич В. Ф.* Некрополь: Воспоминания. Париж, 1976. С. 28.

⁸ *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 90—91.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ *Брюсов Валерий.* Методы медиумизма // *Ребус*. 1900. № 30. 23 июля. С. 258.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 1900. № 41. 8 октября.

¹³ Печаталась в № 7, 11, 14, 18, 29 с февраля по июль.

¹⁴ *Брюсов В. Я.* Ко всем, кто ищет. Как предисловие // *Лествица*. Поэма в VII главах А. Л. Миропольского. М., 1903. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 8—10.

¹⁶ Там же. С. 11—12.

¹⁷ Там же. С. 13—14.

¹⁸ Там же. С. 15—22.

¹⁹ Цит. по: *Флоренский П. А.* Собр. соч. Т. 1. С. 133—134.

²⁰ Там же. С. 134.

²¹ *Белый Андрей.* Ракурс к дневнику // РГАЛИ. Ф. Ед. хр. 100. Л. 26, 26 об.

²² Подобие, видимость (лат.).

²³ Т. е. у А. Белого.

²⁴ Переосмысление крещальных отрицаний от сатаны. На вопрос священника: «отрицаетесь ли сатаны и всех дел его» крещающийся должен троекратно произнести «отрекохся».

²⁵ См. вступительную заметку к переписке Флоренского с Белым.

²⁶ Писарева Елена Федоровна (1853 — после 1940, Италия) — одна из основоположниц теософского движения в России, перевела огромное количество книг по теософии, Е. П. — её постоянный псевдоним.

²⁷ Датируется по соотнесению с датой публикации рецензии на работу Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма», о которой речь идет далее в письме — Вестник теософии. 1910. № 11. С. 72—86.

²⁸ Флоренский неверно раскрывает инициалы.

²⁹ Пиккертон или Пинкертон Нат — герой серии полубульварных романов, сыщик, обязанный своим рождением Джону Расселу Корнуэллу, выпустившему под псевдонимом Ник Картер серию книг о сыщике Нате Пинкертоне. В России произведения Ника Картера не столько переводились, сколько переписывались заново, что способствовало рождению целой серии романов, авторы которых неизвестны. Современное переиздание некоторых романов из этой серии см.: Нат Пинкертон, король сыщиков: Рассказы / Сост. и авт. предисл. А. И. Рейтблат. М., 1994.

³⁰ Шляпы шантеклер — модные в 1910-х годах шляпы с большими полями, украшенные страусовыми перьями, которые вошли в моду под влиянием пьесы Э. Ростана «Шантеклер».

³¹ Редактором журнала «Ребус» после 1903 года был П. А. Чистяков. На основании подписи письмо можно датировать после 24 апреля 1911 (дата рукоположения во священники) и до 19 мая 1914 (дата утверждения Флоренского в звании экстраординарного профессора). В имеющихся в Москве комплектах журнала «Ребус» за эти годы (к сожалению, не полных) письмо с упоминанием работ Флоренского не обнаружено.

ПИСЬМА С. М. СОЛОВЬЕВА *

Творческий путь и круг интересов поэта Сергея Соловьева (1885—1942) определился, можно сказать, еще у колыбели, фактом рождения в семье младшего брата Владимира Соловьева — Михаила Сергеевича, педагога, переводчика, а в последние годы жизни и редактора сочинений Владимира Соловьева. Кроме того, Сергей Соловьев был еще и внуком историка С. М. Соловьева. Матерью будущего поэта была художница Ольга Михайловна Соловьева, урожденная Карелина, и по ее линии он был внуком детской писательницы А. Г. Карелиной, приходясь троюродным братом А. А. Блоку.

Семейные связи и традиции имели большое значение для Сергея Соловьева: благодаря дружбе и постоянной переписке между матерью и ее двоюродной сестрой А. А. Кублицкой-Пиоттух, матерью А. А. Блока, он еще в детстве познакомился со стихами немногим старшего Блока, а летом 1896 года, в возрасте 11 лет и с ним самим. Блок публиковал детские стихи Соловьева рядом со

* Переписка подготовлена при участии О. Я. Зоткиной и Н. В. Котрелева.

С. М. Соловьев

своими собственными на страницах своего домашнего рукописного журнала «Вестник», это был его единственный «сторонний автор»¹.

В раннем возрасте произошло сближение с соседом по дому на Арбате Борей Бугаевым, будущим поэтом Андреем Белым, первые творческие опыты которого нашли поддержку у родителей Сергея Соловьева². Несмотря на разницу в возрасте, между Белым и Сергеем Соловьевым завязались тесные дружеские отношения и позднее Белый признавался: «Считаю значение Сережи в моей интимной, а также общественной жизни незаменимым, огромным»³. Философские интересы Сергея Соловьева сформировались очень рано, о чем Белый вспоминал в поэме «Первое свидание»:

Трех лет ему открылся Логос,
Шести — Григорий Богослов,
Семи — словарь французских слов...

Своеобразный семейный культ Владимира Соловьева по наследству перешел к Сергею, и вся его жизнь прошла под знаком углубленного постижения идей дяди и изучения его творчества. Самые ранние стихи Сергея Соловьева, дошедшие до нас в копиях, которые делал для себя юный Блок, уже отмечены этим влиянием⁴.

Все это определило участие Сергея Соловьева в своеобразном духовном триумvirате — Андрей Белый, Александр Блок, Сергей Соловьев. Оформление этого триумvirата произошло в январе 1904 года, во время первого визита Александра Блока и его жены в Москву, когда состоялась первая встреча Белого и Блока; именно тогда все трое пережили «единение в мистической идее Владимира Соловьева»⁵. Помимо общих эстетических идей и мистических настроений, все трое находились тогда под влиянием эсхатологии Соловьева: ощущение кризиса культуры, близящегося конца мировой истории, вера в грядущее преображение мира создавали фундамент этого союза.

Хотя Павел Флоренский не примыкал к триумvirату, крут идей, положенный в его основу, был близок ему в тот период, и двум поэтам из трех суждено было стать на долгие годы его близкими друзьями — Андрею Белому, переписка с которым публиковалась выше, и Сергею Соловьеву. Как уже говорилось в предисловии к переписке с Андреем Белым, сближение Флоренского с ним произошло в 1904 году, когда, вероятно, состоялось и его знакомство с Сергеем Соловьевым. О том, как воспринял его Флоренский, говорит публикуемый в приложении к переписке неоконченный отрывок «Скорпиак».

В биографии Соловьева-младшего была особая страница, объяснявшая всеобщее расположение к нему: в 1903 году, когда ему еще не было 18-ти лет, внезапно от воспаления легких умер его отец, и мать, не сумев пережить эту утрату, покончила с собой. Эти события подробно описаны в воспоминаниях Андрея Белого⁶. Сам Сергей Соловьев признавался, что 17-ти лет остался «одиноким юношей, у которого нет ни родного угла, но перед которым открыт весь свет»⁷. Пережитая семейная трагедия многое объясняла в его дальнейшей судьбе, она заставляла близких прощать ему любые проступки, с одной стороны, а с другой — довела прежде начавшееся увлечение философскими идеями Вл. Соловьева до фанатизма⁸. Фанатизм был свойственен и всем последующим идейным и религиозным увлечениям Сергея Соловьева, которые, впрочем, быстро сменялись. Поэтому отношения с неко-

торами близкими друзьями, например с Александром Блоком, часто осложнялись, знали периоды разрывов и т. п. Напротив, с Андреем Белым они были куда более ровными и тесными на протяжении долгих лет. Сергей Соловьев стал прототипом Дарьяльского в романе Андрея Белого «Серебряный голубь»⁹.

Благодаря дружеским и родственным связям, Сергей Соловьев вошел в кружок поэтов-символистов раньше, чем начали печататься его стихи. Первый сборник «Цветы и ладан» (1907) вышел в год поступления автора в Московский университет, где он занимался классической филологией; христианские мотивы причудливо соединялись в его стихах с языческими, что отметил в своей статье критик Б. Садовской: «ладан молитв и возвышенно-неземных созерцаний смешивается с ароматами живых цветов, с гимнами земной красоте»¹⁰. В отзыве Брюсова сборник был назван «книгой поэта, а не поэзии»¹¹. Книга вышла в разгар резких расхождений с Блоком, и самый резкий отзыв о книге принадлежал именно ему: «все те немногие стихотворения, где есть истинная поэзия, пахнут ладаном, запаха цветов во всей книге Сергея Соловьева нет ни малейшего»¹².

Основное настроение следующего сборника стихов и прозы «Cruirfragium» (букв. — перебивание голени у распятого) — отвращение к современной цивилизации, протест против механической городской культуры. «Капитализм — химера нашего века. Это адское чудовище пожирает все святое и прекрасное», — писал он в предисловии¹³. В стихах, составивших второй сборник «Апрель» (1910), героями становятся великие люди прошлого, у которых автор черпает пример сознательного отношения к миру. Но даже расположенный к нему Брюсов недостаток стихов по-прежнему видел в том, что их автор «все еще остается талантливым учеником, поэтом, “подающим надежды”, но не выступает как талантливый мастер. Он все еще не нашел ни своего стиха, ни своего круга наблюдений, ни, главное, своего отношения к миру»¹⁴.

В годы, когда создавались эти стихи Соловьева, Флоренский почти не общался с символистами, это были годы учебы в Московской духовной академии, с прежними друзьями отношения поддерживались главным образом на почве Религиозно-философского общества Владимира Соловьева.

В 1911–1912 годах Соловьев переживает тяжелый кризис, окончившийся душевным расстройством (покушение на самоубийство) и помещением в психиатрическую лечебницу. Осенью 1912 года он женится на Татьяне Тургеневой, сестре Аси Тургене-

вой, жены Андрея Белого. Они совершают путешествие по Италии (описано в поэме «Италия», 1914); эти перемены вернули Соловьева к жизни. В его исканиях на первый план снова выходит религия. «Сейчас можно быть только в церкви, совсем до конца», — писал он еще в 1912 году А. К. Виноградову¹⁵.

Отношения Сергея Соловьева с о. Павлом Флоренским, о которых мы знаем не так уж много, были если не очень близкими, но продолжительными и спокойными, несмотря на то, что далеко не все фазы духовных поисков Соловьева Флоренский мог одобрять. В ранний период знакомства Соловьев вызывал у Флоренского несомненные симпатии, что, как уже говорилось, отразилось в неоконченном отрывке «Скорпиак» и в поэме «Святой Владимир». Переписка, относящаяся к этому периоду их знакомства, не сохранилась; возможно, она вообще не велась.

Дошедшие до нас письма относятся к периоду, когда происходит возвращение Соловьева к литературной жизни и религии. К этому времени Флоренский окончил Московскую духовную академию и был оставлен для преподавания. В 1913 году он становится редактором малотиражного и узкоспециального журнала «Богословский вестник» и задумывается о расширении не только его читательской аудитории, но и круга авторов за счет привлечения светских людей. Среди тех, кого он привлекает к сотрудничеству, были и некоторые символисты — Вячеслав Иванов и Сергей Соловьев¹⁶.

Соловьев откликнулся на приглашение к сотрудничеству и во круг этого, в основном, завязывается публикуемая ниже переписка. Флоренский опубликовал в «Богословском вестнике» ряд его статей: некролог крупнейшего ученого-античника, профессора Московского университета «Памяти Федора Евгеньевича Корша»¹⁷, статью «Гёте и христианство»¹⁸; в 1916 году отдельным изданием вышли «Богословские и критические очерки» С. М. Соловьева.

По окончании академии Соловьев был оставлен «профессорским стипендиатом и доцентом»¹⁹. По воспоминаниям одного из его слушателей, преподавателем он был довольно посредственным: «...его вступительная лекция по патрологии была скучна и неинтересна. О западных отцах церкви он говорил, как любой начинающий посредственный доцент»²⁰. Октябрьская революция и последующее закрытие академии разрушило эту начинавшую налаживаться преподавательскую деятельность Сергея Соловьева. Но, видимо, раньше этого его одолевали сомнения, он переживал

увлечение католицизмом, что проявилось в его статье «Национальные боги и Бог истинный»²¹. Спасаясь от начавшегося голода, он уезжает в Саратов, где на него обрушиваются новые потери — смерть дочери и уход жены. В 1920 году он возвращается в Москву и преподаёт в основанном Брюсовым Высшем литературно-художественном институте, переводит Эсхила, Сенеку, Вергилия, Мицкевича, Гете, Шекспира. «Орестея» Эсхила шла в его переводах на сцене 2-го МХТ. В августе 1923 года Сергей Соловьев закончил работу над капитальным трудом «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва», впервые изданным в 1977 году в Брюсселе. С 1923 года работал над воспоминаниями, которые довел до 1913 года²².

О духовных исканиях Соловьёва этих лет известно немного. В 1926 году он перешёл в униатство и стал экзархом греко-католиков восточного обряда²³. 16 февраля 1931 года он был арестован, допросы привели к психическому расстройству. По ходатайству М. Горького был переведен в психиатрическую лечебницу, в начале 1941 году эвакуирован с больницей в Казань, где вскоре скончался. Стихи последних лет, сохранившиеся в архиве дочери Натальи, а также сведения о последнем периоде жизни собраны в сборнике: *С. М. Соловьёв. Стихотворения (1917—1928)* / Издание подготовлено музеем А. А. Блока в Шахматове. М., 1999.

Письма С. М. Соловьёва публикуются по автографам в АФ. Местонахождение ответных писем Флоренского неизвестно, вероятно, они погибли вместе с архивом Соловьёва при аресте. Приносим благодарность А. П. Козыреву и В. Л. Шленову за помощь в работе.

1.

8 июля (1913 г.) Москва²⁴

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

Посылаю Вам для Богословского Вестника мою лекцию²⁵, читанную в (Риме?) и в Москве, в обществе Вл. Соловьёва²⁶. Если найдете ее неподходящей для журнала, напишите прямо.

Том VIII-й Вл. Соловьёва (Оправдание добра) вышел, вручу его Вам вместе со следующими томами осенью.

В сентябре мечтаю приехать в Лавру на несколько дней. Хочется повидать преосвященного Федора²⁷. Я много слышал о нем от римского архимандрита Дионисия, ныне епископа в Кременце.

Не напечатаете ли еще мою заметку о статье Виноградова «Платон и Филарет»²⁸. Напишите мне по адресу: Москва, Сивцев Вражек, д. Шаблыниной, кв. № 7.

В марте я думаю держать магистерский экзамен у Соболевского. Тема для диссертации — время апостола Иоанна.

Приветствую Вас в Иисусе Христе, Господе нашем.

Сергей Соловьев.

2.

13 июля. (1913 г.)²⁹ Москва.

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

вчера я отправил Вам рукопись, а сегодня получил Ваше письмо. Возражение против помещения моего реферата в Б(ого-словском) В(естнике) может проистекать не из *ненаучности*, а из *неортодоксальности* моих идей. Вы знаете, что апология *эллинизма* обыкновенно смешивается с апологией *язычества* и потому понятно недоверие лиц церковных к эллинизму и к последователям Зелинского³⁰. Впрочем, я старался исключить из статьи все, могущее подать повод к обвинению меня в *неправославии*.

Статья, о которой я Вам писал, имеет своей темой не Платона философа, а Платона — митрополита московского, в его противополжении — Филарету³¹. Я думаю *не писать* этой рецензии. Автор статьи представляется мне очень симпатичным, а написать о нем я могу только *отрицательный* отзыв, ибо он очень напутал, и из его слов выходит, что путь ветхозаветный равноценен пути новозаветному.

Я очень сочувствую Вашим идеям о значении эллинизма³², но подозреваю Вас, как и Эрна, в чрезмерном платонизме. Я сам думаю, что платонизм очень далек от христианства, что утверждал и Вл. Соловьев³³. Начало платонизирования христианства положено Трубецким³⁴, а отсюда вытекала философия Эрна.

Едва ли можно противопоставлять *λόγος* — *ratio*³⁵, ибо это два однозначных термина, но можно и *должно* противопоставлять *λόγος* Платона *λόγος*’у Иоанна Богослова, как это и делало всегда церковное богословие³⁶.

Не замедлите ответом.

Ваш всегда

Сер. Соловьев.

Р. С. Соболевского едва ли увижу ранее Вас. Если увижу, непременно передам ему Вашу просьбу³⁷.

Сам я охотно буду сотрудничать в Бог(ословском) Вестнике) статьями, но не рецензиями, которые писать решительно не умею.

3.

17 августа 1913³⁸ Хованское.

Многоуважаемый и дорогой

Павел Александрович!

не получаю от Вас ответа, а очень хотелось бы знать о судьбе моей статьи³⁹. Петровский говорил мне, что вы очень не любите писать письма⁴⁰. Вполне этому сочувствую и не прошу более, чем несколько слов. Еще очень прошу Вас прислать мне расписание лекций в Академии на этот год, или хотя бы сообщить дни и часы лекций Соболевского.

Кто заменяет теперь Голубцова⁴¹? В Академии надеюсь быть в сентябре. Хочется повидать Вас, познакомиться с ректором⁴², с Муретовым⁴³, и побродить по Гефсиманскому скиту и Вифании⁴⁴. Адрес мой теперь: Николаевская ж. д., Крюково, с. Хованское.

Ваш

Сер. Соловьев.

4.

⟨ Москва ⟩ 27 августа ⟨ 1913 г. ⟩⁴⁵

Дорогой и многоуважаемый

Павел Александрович!

благодарю Вас, что откликнулись на мое письмо.

Я думал, что напечатание в «Бог(ословском) Вест(нике)» зависит всецело от Вас. Сильно опасаясь, что ректор не пропустит⁴⁶. Во всяком случае, имейте в виду, что я согласен на пропуски, какие ректору и Вам будут угодны.

До скорого свидания.

Ваш

Сергей Соловьев

Вскоре могу Вам доставить статью «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева», где стараюсь опровергнуть оккультическое и католическое понимание Соловьева⁴⁷.

5.

11 октября (1913 г.) Москва ⁴⁸

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

пожалуйста, известите меня о судьбе моей статьи.

Я передавал Соболевскому Ваше поручение ⁴⁹. Он сказал, что во время Рождественских каникул напишет для Богословского Вестника статейку о Рождественском тропаре, кажется, главным образом с метрической точки зрения ⁵⁰. Мой приезд в Лавру откладывается, ибо я временно даю уроки в гимназии. Ваш

Сер. Соловьев.

6.

27 октября (1913) ⁵¹ Москва

Дорогой и многоуважаемый
Павел Александрович!

прошу Вас выслать мне гонорар и оттиски моей статьи по адресу: Москва, Штатный пер., Д. 4 ⁵².

Если я, как сотрудник, имею право получать Богословский Вестник, пожалуйста, присылайте его мне.

Статью о Влад. Сергеевиче вышлю Вам скоро ⁵³.

В Академии буду едва ли раньше декабря. Удручен бременем внешних дел.

Ваш всегда
Сергей Соловьев

7.

12 декабря 1913. ⁵⁴ Москва.

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

посылаю Вам мою статью «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева». Очень извиняюсь за мой скверный почерк. Прошу вас прислать мне корректуру, хорошо бы в гранках. Все отметки карандашом на рукописи не имеют значения, они сделаны только для устного чтения. 5-го декабря я читал этот реферат в Петербургском религиозно-философском обществе ⁵⁵. Корректуру прошу Вас прислать по следующему адресу: от 21 декабря до 15 января — Волынская губ.,

Луцк, В. К. Кампиони ⁵⁶ для С. М. С. Остальное время: Москва, Штатный пер. Д. 4. кв. 7. Надеюсь быть у вас в начале Великого Поста.

Ваш
Сер. Соловьев.

8.

16 декабря 1913 ⁵⁷. Москва

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

очень прошу Вас напечатать в *январском* номере Б(огословского) В(естника) мою заметку о Ю. А. Сидорове. Если же почему-либо не найдете возможным ее напечатать, поскорее пришлите мне ее назад, чтобы я успел напечатать ее в январском номере другого духовного журнала ⁵⁸.

Напоминаю адрес мой: от 20 декабря до 15 января: Волынская губерния, Луцк, В. К. Кампиони для С. М. С.

Ваш
Сер. Соловьев

9.

14 января (1914) ⁵⁹ Москва

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

очень прошу Вас известить меня, принята ли редакцией Б. В. моя статья «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева».

Если я не имею права получать Б.В., как его сотрудник, то, пожалуйста, напишите мне подписную цену журнала.

Ваш
Сер. Соловьев

Москва, Штатный, д. 4

10.

19 [февр] января 1914 г. ⁶⁰ (Москва)

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

посылаю вам 2 письма *архимандрита Антония*, впоследствии митрополита Петербургского, к Вл(адимиру) Серг(еевичу) ⁶¹. Мне кажется, что напечатать их было бы весьма желательно для восстановления *православного, истинного* облика дяди.

Жду январского номера Б(огословского) В(естника)
Деньги получил, спасибо. Неужели это за некролог так мно-
го ⁶²?

Ваш
Сер. Соловьев.

11.

Штатный пер. Д. 4
3 февраля. (1914, Москва) ⁶³

Дорогой и многоуважаемый
Павел Александрович!

мне как раз вчера пришло в голову, что письма принадлежат
Антонию Волынскому ⁶⁴. Приписал я их митр(ополиту) Антонию
потому, что известны письма Вл(адимира) С(ергеевича) к нему и
что отношения их были хорошие ⁶⁵, тогда как отношения с Хра-
повицким были плохие, и я не думал, что между ними была воз-
можна переписка ⁶⁶. Пусть письма пока полежат у Вас ⁶⁷. Нельзя
ли сверить почерк с автографами обоих Антониев одновременно?

Ваш Сергей Соловьев

12.

Москва. 7 февраля. (1914) ⁶⁸

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

Будьте добры известить меня, напечатан ли [и будет] мой некр-
олог о Ю. А. Сидорове ⁶⁹ и когда будет напечатана моя статья о
В. С. Соловьеве ⁷⁰.

Я сейчас остановлен в моей литературной работе, ибо в конце
поста собираюсь держать магистерский экзамен.

На Ваш вопрос не могу ответить удовлетворительно. Бориса
Николаевича я не видал с июня. Кажется, он продолжает быть
штейнерианцем и воздерживается от мяса ⁷¹. Знаю, что его друг
Л. Кобылинский изменил штейнерианцам и переходит в католи-
чество ⁷².

А. С. Петровского иногда выдаю. Он очень усердный теософ ⁷³.

Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы мне прислали Вашу
диссертацию ⁷⁴.

Ваш
Сергей Соловьев

Богословский Вестник я так и не получил.

13.

10 марта. <1914 г. Москва >⁷⁵

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

Пожалуйста, известите меня, когда появится в Б(огословском) В(естнике) моя статья⁷⁶. Возобновляю и просьбу о присылке Вашей диссертации, если есть у Вас свободный экземпляр⁷⁷.

С большим наслаждением прочел я в последнем № Б(огословского) В(естника) письмо Леонтьева⁷⁸. Не со всем можно согласиться, но в общем поразительно умно, сильно и нужно в наше время. Заинтересовал меня очень разбор сочинения Кряжицкого о Песне Богородице⁷⁹. До сих пор я совсем не был знаком с этим вопросом.

Ваш

Сер. Соловьев

А. С. Петровский шлет Вам самый низжай(ший) привет.

14.

13 мая. <1914 г.> Дедово⁸⁰.

Многоуважаемый и дорогой
Павел Александрович!

прошу Вас присылать мне Б(огословский) В(естник) по новому адресу: Николаевская жд. Ст. Крюково, с. Дедово⁸¹. По этому же адресу будьте добры прислать мне корректуру моей статьи⁸².

Готовлю для Вас сейчас две небольших статьи: «Религиозное значение еврейства» и «Письмо из Нового Иерусалима»⁸³.

Сердечно приветствую Вашу жену и сына.

Ваш

Сергей Соловьев

15.

25 июня 1914⁸⁴.

Дедово, Ник(олаевской) ж. д., Крюково

Дорогой Павел Александрович!

умоляю Вас известить меня о судьбе моей статьи. Я очень надеялся найти ее в майском номере, но надеялся напрасно⁸⁵. Недавно вернулся из Оптиной и готовлю о ней небольшой очерк⁸⁶.

Если почему-либо Вам нежелательно напечатать мою статью, то мне много удобнее узнать это немедленно.

Ваш Серг. Соловьев

16.

⟨10 декабря 1914. Москва⟩⁸⁷

Дорогой Павел Александрович!

Очень прошу Вас прислать мне рукопись моей статьи «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева». Когда буду в Посаде, привезу Вам для Бог.⟨ословского⟩ В.⟨естника⟩ несколько новых статей⁸⁸. Мой сердечный привет Вашей супруге и Васе.

Мой адрес до Рождества: Москва. Арбат. Старо-Конюшенный пер., д. 20. кв. 3.

Ваш Серг. Соловьев

17.

14 декабря 1914⁸⁹. Москва

Дорогой Павел Александрович!

сейчас приехал из Нового Иерусалима и нашел Ваше письмо. Конечно, не присылайте мне статью, если она уже в наборе. Я думал, что она еще долго пролежит, и, так как на днях еду в Петербург, хотел ее захватить с собой и куда-нибудь пристроить. Пришлите мне, пожалуйста, корректуру, я много вымараю.

Читал наконец Вашу книгу и о многом хотел бы поговорить с Вами при свидании⁹⁰. Особенно возразил бы относительно *φιλία*⁹¹. Мне кажется Ваше понимание очень уж антично и эллинистично. Я скорее согласен с Зелинским, который смотрит на *φιλία* как на принцип античного, а на *любовь* как ⟨на⟩ принцип христианского мира⁹². Мне кажется, что к любви христианской подходит всего более латинский богосл⟨овский⟩ термин *charitas*⁹³, хотя он и суховат. Заметил я по Вашей книге, что К. Леонтьев Вам не так близок, как мне⁹⁴. Для меня Леонтьев все более и более вопрос насущный.

В Новом Иерусалиме много у меня было хорошего, но и мучили монахи, похожие на силенов. К тому же я в монастыре всегда чувствую прилив гордости, чувственности и ереси. Мир из обители рисуется в таких дивных красках, каких в нем нет, а в каких рисует его диавол или художник, вдохновленный диаволом. А художники все почти и всегда вдохновляются диаволом. Этот пункт

я готов отстаивать из всех сил. Если бы не искусство, спастись было бы много легче, ибо прелесть мира чиста и наивна перед прелестью мира, отображенного в искусстве. Конечно, есть и искусство спасающее: Данте, Джотто, Пролог, Минеи, Триоди. Но *среднего*, не Божьего и не сатанинского искусства нет.

Да, вот в такой-то сатанинской прелести рисуется мир из обители. А когда возвращаешься в мир, то эта обитель вновь манит как рай, а мир кажется чужим.

Простите, что наверху страницы зачеркнуто. Я это не заметил, когда начал писать ⁹⁵.

Что до Соболевского, то, кажется, я все более и более себя компрометирую в его глазах, обнаруживая интересы кроме грамматических ⁹⁶.

Достал наконец всю Минею служебную за год на греческом языке и занимаюсь сверкой текстов греческого и славянского. Вижу, что дело Никона ⁹⁷ требует непременно продолжения. Как жаль, когда слово *ῥόδον* переводится словом *шипок* ⁹⁸, или *ῥως* словом *рачение* ⁹⁹! Но иногда по-славянски звучит много сильнее и трогательнее, но ведь в ущерб изящности. Особенно поражает меня в последнее время давно любимый мной праздник «Введение во храм» и его служба. Эта служба, пожалуй, еще глубже и трогательнее, и мистичнее, чем служба Благовещения. «Ангелы, вхождение Пречистой видяще, удивившася, како Дева восходит во Святая Святых». А слова праведной Анны к Богоотроковице: «познай тайное и будь обителище Иисусово, *веселое и красное*» (по греч. *ὠραῖος*) ¹⁰⁰.

А как архангел Гавриил приносит пищу отроковице Марии, воспитывающейся во храме ¹⁰¹!

Часто я думаю, какой был ум, какое воображение, какое сердце у созерцателей сих тайн и у слагателей сих песней. И как, чтобы так созерцать, надо прежде всего возненавидеть мир, возненавидеть плоть, «преходит бо».

Я закончил большую биографию Владимира Сергеевича, которая будет приложена к новому изданию его стихов. Само издание будет весьма пополнено ¹⁰².

На праздниках думаю побывать у вас и в Параклете, куда меня что-то потянуло ¹⁰³. В Москве я очень счастлив тем, что мне иногда разрешают читать Канон и часы в Богоявленском монастыре.

Простите за это слишком лирическое письмо, в нем вылилась жизнь последних дней.

Мой привет Вашей супруге и Васе.
Ваш
Сергей Соловьев.

18.

25 марта (19) 15 г. ¹⁰⁴ Дедово.

Дорогой Павел Александрович!

очень прошу Вас выслать мне оттиски моей статьи «Идея церкви в поэзии Вл. С(оловьева)» ¹⁰⁵, а также номера Богословского Вестника. За 1915-й год я еще не получал ни одного номера. Посылаю Вам две моих небольших лекции, одну читанную в Москве, другую — в Петербурге. Может быть, Вы найдете возможным напечатать их в Б(огословском) В(естнике) ¹⁰⁶.

Передайте, пожалуйста, преосвященному Федору ¹⁰⁷, что я очень благодарен ему за изменения и пропуски в моей статье. Я совершенно не умею поправлять и изменять раз написанное, и тем более рад, когда это делают другие, с тактом и пониманием дела.

Надеюсь скоро прислать вам и письма Вл(адимира) Серг(еевича) ¹⁰⁸. Жаль только, что их придется сильно обкорнать. Ехидство по адресу Льва Лопатина ¹⁰⁹ необходимо выкинуть, а также резкий отзыв о Валааме ¹¹⁰.

Я сейчас читаю Златоуста по-гречески и Григория Нисского по-русски, а также подготавливаю материалы для первой главы моей апологии, против Гете ¹¹¹. Выходит жестоко, но, кажется, довольно неопровержимо. Чем больше я погружаюсь в Гете, тем более убеждаюсь, что он очень не любил христианство и был антихристовым прашуром и Ницше ¹¹², и трилогии Мережковского ¹¹³, и Вяч. Иванова ¹¹⁴.

Вяч. Иванов мне говорил с негодованием: «это только попы говорят, что Гете был пантеист» ¹¹⁵. Я еще не «поп», но думаю, что Гете был именно пантеист, и более всех поэтов, живших после Христа, — «от мира сего».

Сегодня у нас наконец теплый весенний день, и дороги стали проваливаться. Меня уже очень тягивает на Волынь и в Галицию ¹¹⁶, но раньше надо закончить некоторые работы.

Целую Васю и шлю мой сердечный привет Вашей супруге и теще. Надеюсь обнять вас уже в рясе ¹¹⁷.

Ваш всегда

Серг. Соловьев

Адрес мой неизменно: Николаевская ж. д. Крюково с. Дедово.

19.

Дедово. 25 июня 1915 ¹¹⁸.

Дорогой Павел Александрович!

посылаю вам две статьи для Б(огословского) В(естника). Думаю, что *эти* абсолютно благонадежны со всех точек зрения ¹¹⁹. Статью о Гусе хорошо бы поместить в *июльском* номере, чтобы совпало с юбилеем Гуса ¹²⁰. Больно видеть, как наша лжеправославная Россия пляшет в одном хороводе с Гуситами. Следующий шаг прямо к Лютеру. Да и это и есть заветная мысль наших Академий! Сего последнего архимандриту Илариону не сообщайте ¹²¹. Моя Галиция рухнула, и я через Тютчевых стараюсь найти место в московской епархии. На собственной шкуре убеждаюсь, как хорошо, что у нас нет патриарха, и можно проникать в церковь помимо секретаря Консистории и не прибегая к симонии ¹²².

Передайте от меня и моей жены сердечнейший привет всем вашим. Надеюсь быть у Вас в половине июля. Завтра мы с женой уезжаем в Оптину пустынь, не без страха покидая детей на произвол няни и соседних поповен.

Ваш всегда

Сергей Соловьев

20.

27 сентября 1915 ¹²³. Дедово.

Дорогой Павел Александрович!

я решил сегодня ехать в Петроград и хлопотать через Самарина ¹²⁴ и Лукьянова ¹²⁵ о разрешении поступить в Академию. Вас очень прошу походатайствовать за меня перед преосв(ященным) Федором ¹²⁶. Оказывается, что от воинской повинности я еще свободен *до середины* октября. Быть священником и студентом Академии — верх моих желаний. Без научной работы я быть не могу, а без священства еще менее. Я бы напряг все усилия, чтобы быть оставленным при Академии. Как кандидатское сочинение я бы написал начало моей работы о ап. Иоанне, комментарий первых глав, до «Беседы с Самарянкой».

Вашу работу о *ἀρχαῖος* ¹²⁷ читал с превеликим наслаждением. Вот как филология может быть *ancilla theologiae* ¹²⁸!

В Москве беседовал с Грушко ¹²⁹, и убедился, что в Университете *никакие идеи* недопустимы. От филологии требуют, чтобы она была безыдейна и ... бессмысленна.

Номера Бог(ословского) В(естника) читаю также с удовольствием. Исследование Россейкина о Фотии сейчас для меня особенно интересно. Но он несколько передергивает... ¹³⁰

Передайте от меня и от моей жены сердечный привет Вашей супруге.

Ваш всегда
Сер. Соловьев.

20.

21 Декабря (19)15 ¹³¹. Дедово.

Дорогой Отец Павел!

Поздравляю Вас с воспоминанием о начале нашего спасения ¹³², о явлении Спасителя во плоти. Хотя я и не разделяю мнения о. Илариона, что этот факт значительнее Голгофы, которую он «ставит на свое место», но все же думаю, что после великого пятка, Пасхи и Благовещения этот день — первый в году. Хочется думать, что в этот день мы не только «вспоминаем» то, что произошло «в уснувшей памяти веков» ¹³³, но нечто вновь совершается и в горнем, звездном, и в этом дольном мире. Но языческое значение этого времени года, от Сатурналий до наших колядок — дает себя чувствовать, а также люди своими скверными праздниками, театрами и маскарадами очень оскверняют эти великие дни. Мне пришлось раз встретить этот день в Риме, и мне кажется, что Рождество праздник римский по существу ¹³⁴.

Да сохранит Господь и Пресвятая Дева Вас и Ваше семейство. У нас, по случаю праздников, большой родственный съезд. Служить удастся только по праздникам.

Моя жена шлет Вам и Вашим сердечный привет и пожелания.

Ваш всем сердцем
диакон Сергей Соловьев.

22.

Николаевская ж. д. Крюково.
с. Дедово.

12 Июня 1916 ¹³⁵.

†

Дорогой отец Павел,

у меня к Вам несколько просьб. Во-первых, если узнаете, что в Посаде есть квартира комнат в 5 (напр(имер), в Лаврском доме), пожалуйста, известите меня. Во-вторых, сделайте распоря-

жение, чтобы мне выслали номера Бог⟨ословского⟩ В⟨естника⟩, начиная с марта, а также гонорар за стихотворение и некролог Корша ¹³⁶.

Как Вы живете? Я закончил главу о Ницше, вышло порядочно. Теперь занимаюсь Розановым и надеюсь этим летом закончить о Мережковском. Таким образом будет готова первая половина моей книги. Работа очень меня утешает и открывает мне новые горизонты. Почитываю и по-гречески. Книга моих статей вышла, и при свидании вручу Вам ¹³⁷.

Очень много выдаю штетинерянецов, и нахожу в их учении мало утешительного. В Оптину собираюсь или в конце июня, или [в середине] во второй половине августа.

В Троицын день служил в Москве в хирургическом госпитале ¹³⁸. Тогда же впервые исповедывал и причащал умирающего солдата 20 лет.

Пока до свидания. Моя жена шлет Вам и Вашей семье сердечный привет.

Ваш всегда

Священник Сергей Соловьев.

23.

⟨Москва. 23 июня 1916 г.⟩ ¹³⁹

Дорогой отец Павел,

я приеду в Посад в субботу 25 го. Ранее при всем желании не могу. Очень прошу Вас задержать до тех пор квартиру Каптерева ¹⁴⁰, ибо я ее *наверное возьму*.

Ваш

Свящ⟨енник⟩ Сергей Соловьев

24.

27 июня 1916 ¹⁴¹. ⟨Крюково⟩

Дорогой отец Павел,

забыл спросить у Вас об одном деле. Не можете ли Вы сообщить мне, где и когда напечатана статья Владимира Сергеевича против Шостына ¹⁴²?

Кроме того: нельзя ли еще немного поддержать Вашу книгу: 1^й том Каптерева ¹⁴³? Скоро я буду погружен в первоисточники, в *πληρὴ γλώσσης* о Никоне (т. е. на Вифанской улице, в д. Каптерев⟨а⟩) и тогда Вам верну ¹⁴⁴.

Ваш священник Сергей Соловьев

25.

〈 25 июля 1916 г. Москва.〉¹⁴⁵

Дорогой Павел Александрович!

успокойте Каптерева, я уже знаю о начале занятий 16 Авг(уста) и думаю переехать в Посад в конце Августа или начале Сентября. Сейчас получил от Лукьянова оттиски его биографии В. С. С.¹⁴⁶, и имею кое-что возразить и ему, и Вам, где он цитирует Ваше письмо¹⁴⁷.

Сердечно Ваш
священник Сергей Соловьев

26.

〈 8 августа 1916, Дедово.〉¹⁴⁸
[Прошу выслать]

Дорогой Павел Александрович.

Очень прошу Вас немедленно сообщить мне, когда начало занятий и *молебен*. Если по Вашим расчетам письмо не успеет прийти так, чтобы мне успеть к молебну, то пришлите телеграмму. Уж очень не хочется пропустить молебен. Простите, что пристаю.

Ваш свящ(енник) Сергей Соловьев.

КОММЕНТАРИИ

¹ Подробнее см.: Детский журнал Блока «Вестник». Сообщение М. И. Дикман // Александр Блок. Новые материалы и исследования / Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 203—221.

² Подробнее об этом см.: *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 339—367 (Глава «Семейство Соловьевых»).

³ *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий... С. 358.

⁴ См. публикацию Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова: Переписка Блока с С. М. Соловьевым // Александр Блок. Новые материалы и исследования: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 109—310.

⁵ Письма Александра Блока к родным. Л., 1925. С. 22.

⁶ *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 221—223

⁷ *Соловьев С. М.* Детство: Главы из воспоминаний // Новый мир. 1993. № 8. С. 190.

⁸ Об отношении к наследию Вл. Соловьева подробнее см.: *Гайденоко П.* Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 72—127.

⁹ Лавров А. В. Дарьяльский и Сергей Соловьев // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 93—110.

¹⁰ Русская мысль. 1907. № 6. С. 107.

¹¹ Весы. 1907. № 5. С. 67.

¹² Блок А. А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 5. С. 155—156.

¹³ Соловьев Сергей. *Scurifragium*. М., 1908. С. XI.

¹⁴ Русская мысль. 1910. № 6. Цит. по: Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924. М., 1990. С. 313.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 13303. Оп. 1. Ед. хр. 1067.

¹⁶ Подробнее см.: Игумен Андроник (Трубацев). Священник Павел Флоренский — профессор МДА и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 290—314.

¹⁷ Богословский вестник. 1916. № 3—4. С. 597.

¹⁸ Там же. 1917. № 2—3, 4—5.

¹⁹ См.: Волков Сергей. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 85.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Христианский мир. 1917. № 3—4.

²² Опубликовано частично: Соловьев С. М. Детство: Главы из воспоминаний / Вступит. ст. и публ. Н. С. Соловьевой // Новый мир. 1993. № 8. С. 178—206.

²³ В опубликованной недавно на русском языке книге Антуана Венгера содержатся некоторые сведения о планах Ватикана назначить Сергея Соловьева генеральным викарием католиков восточного обряда. Здесь же описывается совместная молитва Сергея Соловьева и католического епископа Нёве на могиле Владимира Соловьева 18 сентября 1926 года (*Венгер Антуан*. Рим и Москва: 1900—1950. М., 2000. С. 199).

²⁴ Почт. штампель 10 июля 1913. Приписка Флоренского: Получ. 1913. VII. 11 Сер. Пос.

²⁵ Статья «Эллинизм и церковь», опубликованная впоследствии в «Богословском вестнике» (1913. № 9. С. 49—76). Позже статья перепечатана в кн.: Соловьев Сергей. Богословские и критические очерки: Собрание статей и публичных лекций. М., 1916. С. 1—30.

²⁶ Об обществе Вл. Соловьева см. в примечаниях к переписке с Белым, наст. изд., с. 000.

²⁷ С 19 августа 1909 ректором МДА стал епископ Волоколамский, викарий Московской епархии Феодор (Поздеевский, 1876—1937), выпускник Казанской духовной академии, магистр богословия.

²⁸ Виноградов Василий Петрович (1910—1919) — профессор пастырского богословия; имеется в виду его статья: Платон и Филарет, митрополиты Московские (сравнительная характеристика их нравственного облика) // Богословский вестник. 1913. № 2. Заметка Соловьева опубликована не была, см. о ней далее в письме 2 и примечаниях к нему.

²⁹ Почт. штампель 14 июля 1913. Приписка Флоренского: получ. 1913. VII. 15 Сер. Пос.

³⁰ Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета, был редактором собрания сочинений Ф. Ницше, и в своих работах по античной культуре по-своему на них откликался. Подробнее о нем см.: Пять писем Ф. Ф. Зелинского к Вяч. Иванову / Вступ. ст., подг. текста, коммент. и публ. Елены Тахо-Годи. С. 227—243; см. там же перепечатку некоторых рецензий Зелинского.

³¹ Митрополит Московский Платон (Левшин, 1737—1812) и митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1783—1867) были выдающимися церковными деятелями и проповедниками, авторами катехизисов. Однако в семейной традиции Соловьевых было предвзятое отношение к митрополиту Филарету, в силу того, что в «Записках» историка С. М. Соловьева содержалась резкая критика в его адрес. При первой публикации этих записок старшим сыном — Всеволодом, соответствующие места в «Записках» были опущены, что послужило причиной ссоры с младшими братьями — Михаилом (отцом Сергея) и Владимиром Соловьевыми (см. подробнее: *Соловьев С. М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 324). В этой же биографии С. М. Соловьев сочувственно процитирует слова С. Кедрова о митрополите Платоне, носителя «идеалов “честного служения науке и христианской гуманности”» (С. 52).

³² С 1908—1909 учебного года Флоренский читал в академии курс лекций по античной философии. Об этом см.: *Игумен Андроник (Трубачев)*. Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии // Богословские труды: Московская духовная академия. 300 лет (1685—1985). М., 1986. С. 226—232. О взглядах Флоренского на античность Соловьев мог судить по его статье: Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. 1909. № 2. Но здесь речь идет, вероятно, о публикации в «Богословском вестнике» статей А. А. Спасского «Эллинизм и христианство» (1913. № 5 и 6—7) и статьи Флоренского «Напластования эгейской культуры» (Богословский вестник. 1913. № 5). Упомянутый ранее Вл. Эрн публиковал в «Богословском вестнике» статьи по итальянской философии и богословию.

³³ С. М. Соловьев писал по этому поводу в биографии философа: «Соловьев до конца уразумел ту грань, которая разделяла Платона и христианство, отвлеченный идеализм и религию боговоплощения...» (*Владимир Соловьев*. Жизнь и творческая эволюция... С. 85).

³⁴ См. главу «История идеи Логоса в древней философии», где есть раздел о Платоне, основного труда С. Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории» (опубликовано посмертно в 1906 году в томе IV собрания соч. С. Н. Трубецкого). Учение о Логосе Трубецкого оказало несомненное влияние на В. Ф. Эрна, еще в университетские годы вместе с Флоренским посещавшего его лекции (см. об этом во вступительной статье к переписке Флоренского и Белого. См. также примеч. 34).

³⁵ Противопоставление λόγος и ratio — ведущий мотив философии В. Ф. Эрна. По Эрну, ratio — основание всего западноевропейского рационализма — «есть попытка неверного и не всецелого самоопределения мысли», — разум, рассудок, мысль, рассматриваемые в отрыве не только от объективного мира, но прежде всего в отрыве от Бога, от Божественного Логоса. Напротив, λόγος — основание восточнохристианского умозрения (св. Дионисий Ареопагит, св. Максим Исповедник, св. Григорий Нисский) — «не субъективно-человеческий принцип, а объективно-божественный, λόγος — это предвечное определение Самого Абсолюта <...> Предвечно существующее Слово <...> явилось тем творческим принципом, в котором и которым сотворено всё существующее». Отсюда «мир в самых тайных недрах своих “логичен”, т. е. сообразен и соразмерен логосу, и каждая деталь и событие этого мира есть скрытая мысль, тайное движение всепроникающего Божественного Слова. Логос как начало человеческого познания не есть логос другой, отличный от логоса существенно-божественного. Это тот же самый логос, только в разных степенях осознания». И далее: «Для приверженцев философии Слова самое понятие истины онтологично. В противоположность неоплатоническому рационализму, говорящему о каком-то призрачном соответствии чего-то с чем-то <...>, восточное умозрение признает истину — бытием в логосе, т. е. бытием в истине, каковое бытие возможно лишь через становление Логосом, через благодать существенного усвоения Слова» (В. Ф. Эрн. Нечто о Логосе, русской философии и научности // В. Ф. Эрн. Сочинения / Сост., подг. текста Н. В. Котрелева и Е. В. Антоновой; Вступ. ст. Ю. Шеррер; примеч. В. И. Кейдана и Е. В. Антоновой. М., 1991. С. 79).

³⁶ В русской религиозно-философской традиции начала XX века противопоставление λόγος'а и ratio имело определяющее значение, как знак связи с платоновской традицией, наследниками и продолжателями которой считали себя многие русские философы. Как писал кн. С. Н. Трубецкой, «в философии λόγος первоначально означал “рассуждение” как в объективном, так и в субъективном смысле, т. е. как слово о каком-то предмете, так и способность рассуждения вообще <...> Раз человек познает сущее лишь посредством понятий, оно сообразно этим понятиям, оно определяется ими как нечто умопостигаемое; сущее есть идея... Таково учение Платона... Мир есть чувственное явление, видимость идеи, ее отражение. <...> Содержанием Логоса философов является совокупность всего мыслимого, всего познаваемого — идеальная сущность и основание мира. Логос Евангелия есть совершенное откровение Существа Божия, предвечный Образ Божий. В Евангелии говорится, что Слово было от начала у Бога и к Богу, “и Слово было Бог”. Напротив того, Логос в смысле философском есть от начала космическая потенция, предметом и содержанием которой является мир; он относится к миру (как идея мира

или энергия мира). Философское учение о Логосе есть результат последовательного развития греческой мысли... Религиозное учение о Логосе есть результат *религиозного опыта* — веры в Откровение, в Бога, ... веры в личность Христа как в само слово Божие, т. е. полное воплощение и раскрытие Бога в человеке» (*Трубецкой С. Н.* Логос // *Христианство: Энциклопедический словарь*. Т. 2. М., 1995. С. 45–46; см. также его монографию: *Трубецкой С. Н.* Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование // *Трубецкой С. Н.* Собр. соч. Т. IV. М., 1906. О понятии Логоса в богословской традиции см.: *Муретов М.* Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885).

³⁷ Соболевский Сергей Иванович (1864–1963) — известный филолог-классик. В 1909–1919 гг. профессор МДА по кафедре греческого языка и словесности. Как вспоминал Сергей Волков, Соболевский вел в академии греческий язык и был «великолепный знаток своего предмета, излагавший его, однако, предельно скучно» (*Волков Сергей*. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 111). Можно предположить, что Флоренский через Соловьева просил Соболевского о рецензиях для «Богословского вестника» — см. ниже, п. от 11 октября 1913 г., а также следующую фразу комментируемого письма о возможных модусах участия в журнале, где статьи противопоставлены именно рецензиям.

³⁸ Пометы Флоренского на конверте: получ. 1913.VIII.28. Причина позднего получения письма неизвестна. На конверте почт. шт.: Москва. 19.8.13. Сергиевский Посад 21.8.13.

³⁹ См. выше, примеч. к п. 1 от 8 июля 1913 г.

⁴⁰ Петровский Алексей Сергеевич, его письма к Флоренскому см. далее в настоящем изд.

⁴¹ Голубцов Александр Петрович (1860–1911) — профессор МДА. О семье Голубцовых см.: *С. Голубцов*. Из жизни Ивана Александровича Голубцова // *Московский журнал*. 1992. № 11–12. В 1912 г., после смерти А. П. Голубцова, его курс по литургике был поручен исполняющему должность доцента И. В. Гумилевскому (1881–1965; с осени 1913 г. доцент, затем экстраординарный профессор МДА); курс церковной археологии был поручен исполняющему должность доцента Н. Д. Протасову (1886–1940; с осени 1913 г. доцент, с мая 1917 г. экстраординарный профессор МДА, реально приступил к преподаванию только в 1916 г.).

⁴² См. выше прим. к п. от 8 июля 1913.

⁴³ Муретов Митрофан Дмитриевич (1850–1917) — доктор богословия, профессор МДА.

⁴⁴ Гефсиманский скит и Вифания — монастыри, приписанные к Троицко-Сергиевской Лавре. Маршрут планируемой прогулки мог иметь некоторый подтекст, связанный с тем, о чем писалось в п. 1 и 2 о противопоставлении митрополитов Платона и Филарета: Гефси-

манский скит был основан в 1844 году митрополитом Филаретом, а Вифания в 1783 году митрополитом Платоном.

⁴⁵ Открытое письмо. Помета Флоренского на адресной стороне: получ. 1913.VIII.30. Сер. Пос.

Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия. Павлу Александровичу Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. 29.8.13. Сергиевский Посад 30.8.13.

⁴⁶ См. примеч. 59.

⁴⁷ Соловьев Сергей. Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева // Богословский вестник. 1915. Янв. С. 59—86; Февр. С. 261—293. Позже статья перепечатана в кн.: *Соловьев Сергей*. Богословские и критические очерки: Собрание статей и публичных лекций. М., 1916. С. 143—206.

⁴⁸ Помета Флоренского на адресной стороне: 1913.X.14. Сер. Пос. Адрес: Ярославская жел. дор. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Благословению Павлу Александровичу Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. 29.8.13. Сергиевский Посад 30.8.13.

⁴⁹ Вероятно, речь идет о приглашении к сотрудничеству в «Богословском вестнике».

⁵⁰ В «Богословском Вестнике» такая статья опубликована не была.

⁵¹ Открытое письмо. Адрес: Ярославская жел. Дорога. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Благословению Павлу Александровичу Флоренскому.

⁵² Речь идет о гонораре за статью «Эллинизм и церковь».

⁵³ См. далее п. 6 и примечания к нему.

⁵⁴ Помета Флоренского на конверте: получ. 1913.XII.15. Адрес: Ярославская жел. дорога. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. 14.12.13. Сергиевский Посад 14.12.13.

⁵⁵ Доклад С. Соловьева «Идея церкви в поэзии Вл. Соловьева» первоначально был прочитан 20 октября 1913 года в Московском РФО. Повестка на заседание Петербургского РФО вклеена 5 декабря в дневник С. П. Каблукова (Отдел рукописей РНБ, ф. 322, ед. хр. 27, л. 43—44). Здесь же запись прений, где среди прочего отмечено: «На Соловьева жестко и отчасти несправедливо напали Мережковский, Философов, Вл. Гиппиус и А. В. Карташов. Даже Б. Г. Столпнер оказался более сдержанным» (Там же. Л. 46).

⁵⁶ Кампиони Владимир Константинович, отчим жены Соловьева, служивший лесничим на Волыни.

⁵⁷ Помета Флоренского на конверте: получ. 1913.XII.20. Адрес: Ярославская жел. дор. ст. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Конверт без почт. шт.

⁵⁸ Юрий Ананьевич Сидоров — поэт (1888—1909), некрологическая заметка Соловьева, о которой идет речь, была опубликована Флоренским в «Богословском вестнике» (1914. № 1. С. 223—226) как отклик на пятилетнюю годовщину его смерти. После смерти поэта

вышел сборник его стихов, включавший статьи о нем Андрея Белого, Бориса Садовского и Сергея Соловьева (*Сидоров Юрий*. Стихотворения. М.: Альциона, 1910).

⁵⁹ Открытое письмо. Адрес: *Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому*. Почт. шт.: Москва. 15.1.14. Сергиевский Посад 16.1.14.

⁶⁰ Заказное письмо (поскольку в нем находились, вероятно, автографы писем Вл. С. Соловьева). Помета Флоренского на конверте: Получ. 1914. II.1. Сер. Пос.

Адрес: *Заказное. Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому*. Почт. шт.: Москва. 31.1.14. Сергиевский Посад 1.2.14.

⁶¹ Соловьев посылает Флоренскому два письма некоего архимандрита Антония к Вл. С. Соловьеву; по первоначальному предположению Соловьева, они были писаны Антонием (в миру Александром Васильевичем Вадковским, 1846—1912), в середине 1880-х гг. преподававшим в С.-Петербургской ДА (с 1887 г. — ее ректор, с 1898 г. — митрополит С.-Петербургский и Ладожский). Как видно из п. от 3 февраля 1914 г., Флоренскому показалось, что эти письма принадлежали другому Антонию — в миру Алексею Павловичу Храповицкому (1864—1936; с 1902 г. — на Волынской кафедре), к изменению атрибуции тем временем склонился и сам владделец писем.

⁶² В номере был опубликован упомянутый выше некролог Ю. А. Сидорова.

⁶³ Открытое письмо. Помета Флоренского: Получ. 1914. II.5. Адрес: *Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому*.

Почт. шт.: Москва. 4.2.14. и тем же днем Сергиевский Посад

⁶⁴ См. примеч. 61 к п. от 19 января 1914 г.

⁶⁵ См.: Три письма покойного философа Владимира Сергеевича Соловьева к архимандриту Антонию Вадковскому, ныне Высокопреосвященнейшему митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому / С предисл. и примеч. А. П. Лопухина. Пг., 1901 (Тип. А. П. Лопухина). 14 с. Извлечено из ж. «Церковный Вестник», № 3 за 1901 (в ориг. указано ошибочно: 1900) (в отд. отт. предисловие публикатора более пространно, нежели в журнальном варианте); позже письма перепечатаны: *Соловьев В. С. Письма* / Под ред. Э. Л. Радлова. В 3 т. Спб., 1911 (Тип. т-ва «Общественная польза»). Т. III. С. 187—191; см. также письмо Антония (Вадковского) к Вл. С. Соловьеву, от 30 ноября 1886 г., содержание которого позволяет предположить, что его публикация могла бы восприниматься в свое время как аргумент «для восстановления православного, истинного облика» Вл. С. Соловьева (в частности, архимандрит, по тогдашнему своему сану, относит Вл. С. Соловьева к числу немногих «полных жизни, могучих и сильных членов» Православной Русской Церкви — см.: Письмо архимандрита Антония (Вадковского)

к Вл. Соловьеву (Логос: Диалог Восток-Запад. Брюссель; Мюнхен; Москва, 1995. (Вып.) 50. С. 349. / Публ. и коммент. Марка Смирнова). Письмо это также было некогда в распоряжении С. М. Соловьева, по наследству получившего от отца (родного брата Вл. С. Соловьева) и текот многочисленные фрагменты архива философа и поэта.

⁶⁶ Утверждение племянника и биографа Вл. Соловьева не вполне верно. Вл. Соловьев и Антоний (Храповицкий) были знакомы с 1885 г. и долгое время их отношения были вполне дружественными. Вл. Соловьев был глубоко задет известным выступлением Антония (Храповицкого), лекцией, прочитанной 18 и 26 февраля 1890 г. в Петербурге, при том, что эта критика базировалась на личном и неформальном знакомстве с философом: «В некоторых здешних интеллигентных кружках, — писал анонимный хроникер за полтора месяца до столкновения двух богословов, — среди столичного духовенства в последнее время живейший интерес возбуждают ученые беседы по богословским и философским вопросам между почтенным философом Вс. (так. — Н. К.) С. Соловьевым и известным иеромонахом приват-доцентом спб. духовной академии о. Антонием (Храповицким). Беседы имеют интимный характер, но существенный результат их, вероятно, скоро сделается доступным публике: иеромонах Антоний намерен, как мы слышали, выступить с публичными чтениями, предметом которых будет выяснение некоторых особенностей православной и римско-католической церкви. В предположенных чтениях почтенный богослов коснется и воззрений на эти особенности своего ученого собеседника, с которым (так. — Н. К.) он имеет возможность ознакомиться в интимных беседах. Предшествовавшие попытки наших богословов и проповедников критически отнестись к воззрениям г. Соловьева не вполне удавались именно вследствие недостаточного знакомства их с соответствующими взглядами философа-богослова» (Новости и Биржевая газета. СПб., 1890. 3 янв. (№ 3). С. 3. — Без подписи; упоминаемая лекция издана: *Антоний (Храповицкий)*. Превосходство православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьевым / Соборного иеромонаха Антония. СПб.: Изд. С.-Петербургского Епархиального Братства во имя Пресвятыя Богородицы, 1890 (Синод. тип.). 39 с.). Письма, переданные Соловьевым Флоренскому, показывают, что вопреки стычке 1890 г. два церковных полемиста сохранили возможность примирения и настоящее расхождение началось в 1892 г. В последствии Антоний неоднократно и без снисхождения критиковал Вл. Соловьева и характеризовал подчас даже уничижительно.

⁶⁷ Письма обнаружены в АФ, они оказались принадлежащими Антонию Храповицкому; в настоящий момент готовятся в публикации Н. В. Котрелевым и П. В. Флоренским.

⁶⁸ Помета Флоренского на конверте: Получ. 1914. II. 9. Сер. Пос. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его

Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 9.2.14. Москва. 10.2.14. Сергиевский Посад 10.2.14.

⁶⁹ См. прим. 60 к п. 10.

⁷⁰ См. примеч. 45 к п. 4.

⁷¹ О штейнерианстве Белого см. в его переписке с Флоренским и комментариях к ней в наст. томе.

⁷² Кобылинский Лев Львович (печатался под псевдонимом Эллис, 1879—1947) — поэт-символист и переводчик. Слухи о переходе Кобылинского в католичество не подтвердились.

⁷³ Об А. С. Петровском и его занятиях теософией см. в его письмах к Флоренскому и комментариях к ним, помещенных в настоящем издании.

⁷⁴ Защита на степень магистра диссертации Флоренского «О духовной истине» (М., 1912) состоялась 19 мая 1914 года в МДА.

⁷⁵ Открытое письмо. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 11.3.14. Сергиевский Посад 11.3.14.

⁷⁶ Статья «Идея Церкви в поэзии Вл. Соловьева» появилась только в январском и февральском номерах 1915 года.

⁷⁷ См. примеч. 73 к п. 12.

⁷⁸ Вероятно, имеется в виду публикация: «Письмо К. Леонтьева “О вере, молитве и немощах духовенства и о самом себе”». Сообщил протоиерей И. И. Фудель» // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. С. 229—238.

⁷⁹ Имеется в виду отзыв иеродиакона Иллариона (Троицкого) о сочинении Александра Кряжицкого «О подлинности первых двух глав евангелия Луки», где речь идет в том числе о Песни Пресвятой Богородицы (Лк 1. 45—46): Богословский вестник. 1914. № 2.

⁸⁰ Помета Флоренского на конверте: Получ. 1914.V.16. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 15.5.14. Москва. 16.5.14. Сергиевский Посад 16.5.14.

⁸¹ Дедово — имение «в восьми верстах от станции Крюково (...) два заросших лесами имения, Хованское с Петровским, прилегают к нему...» (*Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 15). Имение принадлежало бабушке С. М. Соловьева по матери — А. Г. Карелиной. Подробнее см.: *Бекетова М. А.* Шахматово. Семейная хроника // *Александр Блок*. Новые материалы и исследования (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3). С. 716—718.

⁸² Речь идет о статье «Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева».

⁸³ В «Богословском Вестнике» статьи напечатаны не были, опубликованы в кн.: *Соловьев Сергей*. Богословские и критические очерки. С. 47—70, 71—80.

⁸⁴ Видовая открытка: Оптина пустынь. Введенский собор. Помета Флоренского на конверте: Полу(чено) 1914.VII.7. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия Его Преподобию П. А. Фло-

ренскому. Адрес зачеркнут и рукой неустановленного лица написано: П(очтовое) о(тделение) *Напольное*. Рязан(ской) г(убернии) Сапож(ков-ского) у(езда) с. *Троицкое*, Священ(нику) Алекс(андру) Мих(айловичу) Гиацин(тову) (т. е. брату жены Флоренского, у которого он гостил летом).

Почт. шт.: Крюково. 27.2.14. Москва. 10.2.14. Сергиевский Посад 27.6.14. Сергиевский Посад 28.6.14. Напольное Ряз. 29.6.14.

⁸⁵ Речь идет о статье «Идея церкви в поэзии В. Л. Соловьева».

⁸⁶ Очерк об Оптиной пустыни С. Соловьева в «Богословском вестнике» опубликован не был.

⁸⁷ Открытое письмо. Адрес: Ярославская ж. д. || Сергиев Посад. || Духовная Академия. || Его Преподобию || Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 10.12.14. Москва. 11.12.14. Сергиевский Посад 11.12.14.

⁸⁸ О замыслах статей см. письмо от 13 мая и 24 июня 1914 года.

⁸⁹ Адрес на конверте: Ярославская ж. д. || Сергиев Посад. || Духовная Академия. || Его Преподобию || Павлу Александровичу || Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. 16.12.14. Сергиевский Посад 17.12.14.

⁹⁰ Имеется в виду главное дореволюционное произведение Флоренского — книга «Столп и утверждение Истины» (М.: Путь, 1914).

⁹¹ *Φιλία* (греч.) — дружба. Речь идет о главе «Дружба» в упомянутой выше книге Флоренского.

⁹² Об этом — статья С. Соловьева «Эллинизм и христианство» (см. прим. к п. 1)

⁹³ Милость, милосердие (лат.).

⁹⁴ В книге «Столп и утверждение Истины» русский философ Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) упоминается неоднократно. «Религиозному эстетизму» К. Леонтьева специально посвящено приложение «Эстетизм и религия» (С. 585—586).

⁹⁵ Соловьев, начав писать письмо, не заметил, что на четвертой странице взятого им двойного листа почтовой бумаги он уже писал прежде, во время пребывания в Новом Иерусалиме (это, по всей видимости, начало или конец какого-то другого письма), наверху страницы зачеркнуто: Мой адрес для телеграмм: Новый Иерусалим. Монастырская гостиница. Соловьеву.

⁹⁶ Ср. свидетельство в высшей степени компетентного мемуариста: «Соболевский знал греческий язык лучше всех в России, а может быть и не только в России. ... Античных авторов он читал, чтобы знать древние языки, а древние языки знал, чтобы читать античных авторов. ... Из античных авторов он выписывал фразы на грамматические правила, из фраз составлял свои учебники греческого и латинского языка ... “А Сергей Михайлович Соловьев мне так и не смог сдать экзамен по греческому языку”» — *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 255—256.

⁹⁷ Имеется в виду патриарх Никон (1605—1681), по инициативе которого производились исправления книг в XVII веке, что стало началом церковного раскола.

⁹⁸ Ῥόδον (греч.) — роза, шипок (церковнослав.) — терн или цвет розы.

⁹⁹ Ἐρως (греч.) — стремительность, напор, натиск, рачение (церковнослав.) — предмет любви, стремление, радение, старание.

¹⁰⁰ Неточные цитаты из ирмоса 9 первого канона и из стихиры второй из праздничной службы Введения во Храм.

¹⁰¹ Тропарь третий песни четвертой второго канона из праздничной службы Введения во Храм.

¹⁰² См.: *Соловьев Владимир*. Стихотворения. 6-е изд., значит. доп., с вариантами, библиографич. примеч., биографией, факсимиле и 2-м портр. (М.): Изд. Сергея Соловьева, 1915 (Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о). X, 359 с. — Для седьмого издания «стихотворений» Вл. Соловьева (М., 1921) С. М. Соловьев расширил упоминаемый биографический очерк, а в августе 1923 г. он завершил книгу «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева», для своего времени новаторскую и до сих пор весьма ценную, но увидевшую свет только в 1977 г. в Брюсселе.

¹⁰³ Параклет — мужской скит около Троицко-Сергиевской Лавры, основан в 1859 году для безмолвного уединения старцев Гефсиманского скита.

¹⁰⁴ Помета Флоренского на конверте: Получ. 1915.III.29. Сер. Пос. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Духовная Академия Его Преподобию отцу Павлу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. Петроград. 27.3.15 (письмо было опущено в почтовый вагон). Сергиевский Посад 29.3.15.

¹⁰⁵ См. прим. 77 к п. 14.

¹⁰⁶ Соответствующих публикаций в «Богословском Вестнике» нет.

¹⁰⁷ Преосвященный Феодор, ректор Московской Духовной Академии, в этом качестве был цензором «Богословского Вестника». — По всей видимости, речь идет о редакторском вмешательстве владыки в текст статьи Соловьева «Идея Церкви в поэзии Вл. Соловьева».

¹⁰⁸ Речь идет о письмах Владимира Соловьева к брату Михаилу (отцу Сергея Соловьева), несколько позже напечатанных в «Богословском вестнике» (Письма Владимира Соловьева к брату Михаилу / Сообщил С. М. Соловьев // Богословский вестник. 1915. № 9. С. 41—67; 1916. № 2. С. 3—35). Письма были опубликованы с самыми серьезными цензурными изменениями, объясняющимися, несомненно, не столько правилами журнала, где они были напечатаны, сколько принципиальным подходом С. М. Соловьева к публикации неизданных материалов Вл. Соловьева. В позднейшей перепечатке этих писем (ссылающейся на «Богословский вестник», а не на автографы: *Соловьев Вл. Письма* / Под. ред. Э. Л. Радлова. Пб.: Время, 1923. С. 84—136) купюры не были восстановлены, напротив, уровень подачи текста понизился.

¹⁰⁹ Однозначно соотнести с оригиналом купюры в напечатанном тексте соловьевских писем, связанные с упоминанием там Л. М. Ло-

патина (который ко времени первой публикации был жив и находился в дружеских отношениях с публикатором), не удастся, как в силу многочисленности этих упоминаний, так и по тому, что до нас дошли далеко не все подлинники и в полном объеме контроль текста невозможен.

¹¹⁰ Заключительная фраза п. 38 (датируемого С. М. Соловьевым предположительно весной 1891 г., по нашим сведениям относящегося к интервалу между 21 июня и 20 июля 1891 г.) в публикациях 1915 и 1923 г. читается: «А кстати: я был на Валааме, видел квинт-эссенцию настоящего строгого монашества...», тогда как в подлиннике: «А кстати: я был на Валааме, видел квинт-эссенцию настоящего строгого монашества — и плюнул» (РГАЛИ. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 54).

¹¹¹ Итогом стала статья: «Гете и христианство» // Богословский вестник. 1917. № 2—3 и 4—5.

¹¹² Имеются в виду нападки Фридриха Ницше на христианство в его книге «Антихрист» (в переводе А. В. Михайлова — «Антихристиянин»).

¹¹³ Имеется в виду трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист», отдельные части которой — романы «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи» и «Петр и Алексей» (1894—1905) — по замыслу автора связывала идея борьбы Христа и Антихриста в разных исторических условиях и обличьях.

¹¹⁴ Имеются в виду работы Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (1904) и ее продолжение «Религия Диониса» (1905).

¹¹⁵ Творчеству Гёте посвящена работа Вяч. Иванова «Гёте на рубеже двух столетий», опубликованная в «Истории западной литературы» (Т. 1. М.: Мир, 1912).

¹¹⁶ На Волыни служил В. К. Кампиони, у которого неоднократно проводил время отдыха С. М. Соловьев (см. примеч. к п. 7). Однако по одной фразе п. от 25 июня 1915 г. («Моя Галиция рухнула и я через Тютчевых стараюсь найти место в московской епархии») можно предположить, что С. М. рассчитывал на рукоположение и получение священнического места в Галиции.

¹¹⁷ Речь идет о предстоящем рукоположении, посвящение во диакона состоялось 21 ноября в Сергиевом Посаде, здесь же 2 февраля 1916 года он был рукоположен в сан священника: во втором номере «Богословского вестника» за 1916 год его стихотворение «Безумных лет былые звуки» подписано «диаконом», а в сдвоенном номере три—четыре за тот же год некролог Ф. Е. Корша — «священник».

¹¹⁸ Конверт утрачен.

¹¹⁹ Никаких статей, кроме статьи «Гёте и христианство» в «Богословском вестнике» не обнаружено.

¹²⁰ Гус Ян (1369—1415) — чешский религиозный реформатор, идеи которого подготовили движение протестантизма, его последователей называли гуситами. На 1915 год приходился юбилей Гуса.

¹²¹ Архимандрит Иларион (Троицкий, 1886—1929), позднее архиепископ — один из известных богословов и церковных деятелей, новомученик. С 1913 года был инспектором МДА. См. о нем: Архимандрит Иларион: Христианства нет без церкви. М., 1992; Протопресвитер М. Польский: Новые мученики российские. Т. 1. М., 1993. См. также воспоминания о нем: Волков Сергей. Возле монастырских стен. М., 2000 (по указателю).

¹²² Симония (от имени Симона Волхва) — продажа и покупка священного сана.

¹²³ Помета Флоренского на конверте: Получ. 1915.IX.28. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Дворянская Улица. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. Петроград. 28.9.15 (письмо было опущено в почтовый вагон). Сергиевский Посад 28.9.15.

¹²⁴ Самарин Феодор Дмитриевич (1858—1916) — участник Кружка ищущих христианского просвещения М. А. Новоселова, друг о. Павла Флоренского, церковный и общественный деятель. См. о нем: Феодору Дмитриевичу Самарину († 23 окт. 1916) от друзей (Заметки Вл. А. Кожевникова, кн. Гр. Н. Трубецкого, П. Б. Мансурова, священ. П. А. Флоренского, М. А. Новоселова, Ф. К. Андреева и С. Н. Булгакова). Сергиев Посад. 1916. В третьем издании этой книги опубликовано 6 писем Флоренского к Новоселову. Двусторонняя переписка Ф. Д. Самарина и Флоренского опубли. Г. Г. Суперфином: Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1978. № 125.

¹²⁵ Лукьянов Сергей Михайлович (1858—1935) — биограф Вл. Соловьева, в то время — влиятельный государственный чиновник.

¹²⁶ Епископа Федора связывали с Флоренским дружеские отношения.

¹²⁷ Ἀρπαγμός (греч.) — буквально: грабеж, похищение. Речь идет о работе о. Павла Флоренского «Не восхищение непщева. К суждению о мистике», опубликованной к тому времени: Богословский вестник. 1915. № 7.

¹²⁸ Ancilla theologiae (лат.) — служанка богословия.

¹²⁹ Грушко (Грушка) Аполлон Аполлонович (1870—1929) — приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета.

¹³⁰ Имеется в виду статья: Россейкин Ф. М. Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского // Богословский вестник. 1915. № 1. Россейкин Федор Михайлович в рассматриваемый период был доцентом кафедры Истории Греко-Восточной церкви МДА.

¹³¹ Помета Флоренского на конверте: Получ. 1915.XII.30. Серг. Пос. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Дворянская улица Д. Якуба. Его Преподобию о. Павлу Флоренскому. Почт. шт.: Крюково Моск(овской) Г(убернии). 28.12.15. Сергиевский Посад 29.12.15. — Обратим внимание на то, что письмо было отправлено с большой задержкой относительно даты написания.

¹³² Соловьев, говоря о Рождестве, предпразднество которого начинается 20 декабря (т. е. накануне дня, которым помечено письмо), вспоминает Благовещение и цитирует благовещенский тропарь: «Днесь спасения нашего главизна...».

¹³³ Соловьев цитирует рождественское стихотворение Вл. Соловьева «Иммануэль» («Во тьму веков уж ночь та отступила...»); ср., в частности, с тем, что говорит автор комментируемого письма:

...Да! С нами Бог, — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, — средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

¹³⁴ Соловьев встречал Рождество в Риме в 1912—1913 году. Можно понимать комментируемую фразу расширительно, учитывая что в западноевропейской культуре, римско-католической по своим корням, Рождество — главный годовой праздник.

¹³⁵ Пометы Флоренского на конверте: Получ. 1916.VI.17. Отвечено 1916.VI.18. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Дворянская улица. Д. Якуба. Его Преподобию отцу Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Петроград. 15.6.16 (письмо было написано в Крюкове, а отправлено, судя по штемпелю, из Петрограда). Сергиевский Посад 17.6.16.

¹³⁶ Речь идет о стихотворении «Безумных лет былиые звуки» // Богословский вестник. 1916. № 2. С. 212—213, и о некрологе Корша — Памяти Федора Евгеньевича Корша // Богословский вестник. 1916. № 3—4. С. 597.

¹³⁷ Речь идет о книге: *Соловьев С. М.* Богословие и критические статьи. М., 1916.

¹³⁸ Праздник Св. Троицы в 1916 г. приходился на 29 мая. Вероятно, Соловьев служил в церкви Петра и Павла при Московском Военном Госпитале (но нельзя исключить и возможности его служения и в каком-то другом храме, например, в церкви Петра, Алексия, Ионы и Филиппа при летних бараках Военного Госпиталя, также расположенной в Лефортове).

¹³⁹ Открытка. На адресной стороне помета Флоренского: Получ. 1916.VI.24.

Адрес: Ярославская ж. д. || Сергиев Посад. || Дворянская улица || Д. Якуба. || Его Преподобию Павлу Александровичу || Флоренскому.

Почт. шт.: Крюково Моск(овской) Г(убернии). 27.6.16. Крюково Моск(овской) Г(убернии). 28.6.16. Сергиевский Посад 28.6.16.

¹⁴⁰ Вероятно, речь идет о квартире в доме историка Церкви Каптерева Николая Федоровича (1847—1918) в Сергиевом Посаде, которую намеревался снять Соловьев.

¹⁴¹ Открытка. На адресной стороне помета Флоренского: Получ. 1916.VI.28. Сер. Пос.

Адрес: Ярославская ж. д. || *Сергиев Посад*. || Дворянская улица || Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому.

Почт. шт.: Москва. 23.6.16. Сергиевский Посад 24.6.16.

¹⁴² Шостгын Александр Павлович (1862—1916) — богослов, с 1886 г. преподавал в МДА (с 1895 г. — профессор педагогики). Вопрос связан с публикацией в № 3—4 «Богословского вестника» за 1916 год ряда некрологов только что скончавшегося Шостыина, в которых упоминалась его полемика с Вл. Соловьевым. В 1886 году под инициалами А. Ш. опубликовал статью «К вопросу о догматическом развитии в церкви» (Вера и разум. 1886. № 20), в которой полемизировал с Соловьевым. Соловьев опубликовал «Ответ анонимному критику по вопросу о догматическом развитии в церкви» (Православное обозрение. 1886. № 5). Однако вопрос С. М. Соловьева вызывает недоумение. В 1911—1914 гг. вышло собрание сочинений Вл. Соловьева под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова, где в т. IV была опубликована та самая статья Вл. Соловьева, о которой спрашивает С. М. Соловьев, фамилией которого подписаны примечания к ней.

¹⁴³ Вероятно, речь идет о книге: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. 1909—1913.

¹⁴⁴ Πηγή γνώσεως (греч.) — источник познания. Далее следует адрес дома Каптерева, поселиться в котором намеревался Соловьев. Вероятно, речь идет о первом томе работы профессора Московской Духовной Академии Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и его время», в связи с чем и приводится адрес Каптерева.

¹⁴⁵ Открытое письмо. На адресной стороне помета Флоренского: Получ. 1916.VII.27. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Дворянская улица. Собств(енный) дом. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 25.7.16. Сергиевский Посад 26.7.16.

¹⁴⁶ Первые части работы С. М. Лукьянова «О Вл. Соловьеве в его молодые годы» публиковались в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1915. № 3, 5, 6, 10 и 1916. № 1, 3, 5, 6 и 9).

¹⁴⁷ В первой части биографии С. М. Лукьянова опубликовано два письма П. А. Флоренского, касающиеся пребывания Вл. Соловьева в Московской Духовной Академии (см. в современном издании: Лукьянов С. М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. М., 1990. С. 329—330 и 343—344).

¹⁴⁸ Открытое письмо. На адресной стороне помета Флоренского: Получ. 1916.VIII.11. Адрес: Ярославская ж. д. Сергиев Посад. Дворянская улица. Его Преподобию Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Крюково 8.8.16. Сергиевский Посад 9.8.16.

Приложение

Скорпиак, или противоядие от угрызания скорпионов ¹

Действие I

Тертуллиан. (к юноше, скромно стоящему перед ним).

Сын мой! Вот ты теперь в возрасте, и я предупреждаю тебя. «Земля производит скорпионов, страшных животных в малом объеме» ².

Юноша. (задумчиво). [Сегодня] [Когда солнце] [Когда было равнодействие, то] А я видел одного...

Терт<уллиан>. «Сколько их родов, столько и ядов; сколько пород, столько и опасностей, сколько цветов, столько и пагуб» ³. [Через две ты<сячи>] Вот вижу их, и будут зваться индивидуалистами через две тысячи лет.

Юноша. Всех хочу видеть, если они столько многовидны.

Терт<уллиан>. «Но общее их свойство язвить хвостом». Они пускают стрелу, конец которой утончен, а внутри ее — яд. Теперь особенно берегись, сын мой. «Лето есть самое опасное для сего время. Дуновение южного и африканского ветра споспешествует лютоści животного». Вот солнце вступает в знак «Весов». Остерегайся, чтобы не погибнуть.

(Юноша, надувшись, уходит).

Друг. Какова цель всех твоих уговариваний, отче?

Терт<уллиан>. [(один, задумавшись)]. Напишу статью. «Какая цель настоящей статьи?»] Цель та, чтобы обратить других к твердой вере тогда, когда вооружают<ся> против нее собственные наши скорпионы ⁴.

Друг. Стоит ли? Кто слушает это немногочисленное племя?

Терт<уллиан>. Племя, правда, немногочисленное, но жестокое, разделенное на многие на многие роды, одаренное одинаким жалом, подвластное одному и тому же врагу, действующее всегда в жаркое время года, т. е. во времена близящихся гонений на христиан ⁵.

Друг. Близящихся?

С. М. Соловьев
(рисунок матери,
О. М. Соловьевой)

Терт<уллиан>. В те дни, когда вера изнеможет и Церковь, подобно иссохшему дереву, окружена пожирающим пламенем, в эти дни [Вассилияне вы<ходят>] Валериане исходят из своих метрополий, Василияне наиболее скрывают [темные] извилистые пути свои, все порицатели мученичества источают свой [мертвящий] яд, от которого холодеют члены, и мятутся, имея одно только желание — обрести жертву, пронзить и умертвить ее ⁶.

Друг. Но мы не поддадимся...

Терт<уллиан>. Своими силами мы ничего не сделаем.

Внутренним и внешним врагам Церкви Христовой слишком хорошо известно, что религия имеет в рядах своих множество служителей простых и мало просвещенных, других, худо утвержденных в вере; а большая часть «христиан» лицемерит и расположена всегда обратиться в сторону, откуда дует ветер... ⁷

Друг. Горе! «Какое удобнее можно избрать время к уловлению в свои сети сих ничтожных или малодушных людей, как не то, когда страх владеет душою каждого, когда в головах и сердцах путаница, [когда на<род>] или в особенности, когда общественное мнение и варварские казни венчают веру мучеников?» ⁸

Терт<уллиан>. Горе тому, кто соблазнит единого от малых сих (уходят).

Действие II

(За стеной слышен матовый, вкрадчиво-глухой голос, в чем-то убеждающий; потом входят, разговаривая, Маг и юноша).

Маг ([обни] прижимая юношу к персям).

(за стеной слышен матовый, вкрадчиво-глухой голос Мага, в чем-то убеждающий; потом входят, разговаривая, Маг, глава секты Валериан и юноша. Маг [пох<ож>] [имеет вне<шность>] с

черными глазами и [стальны<м>] железным телом. [Кр<асные>] Кирпично-красные губы [загадочно-чувственно улыбаются] его стиснуты загадочно-чувственно в едва приметной улыбке, а тяжелый взгляд будто гипнотизирует юношу. [Маг во/в прекл]

[Маг] Юноша. (будто зачарованный).

Иду вперед я быстрым шагом.

И вот — утес, и вы стоите

В венце из звезд упорным магом,

С улыбкой вещью глядите.

Маг (кладет ему [голову] руку на голову, а другой делает пассы. Юноша, в полузабытьи и восторженно).

Юноша. [У ног веков нестройный <рокоет,>]

В венце огня над царством скуки

Над временем вознесены —

Застывший маг, сложивший руки,

Пророк безвременной весны.

Маг (делая пассы). [Сын мой] Слушай, сын мой. [Ты ду<маешь>] [Твой] Тертуллиан думает, что я хочу ограбить твою веру, но я умножу ее.

Маг. Я умножу ее, восполню ее, прибавлю к ней. Ты веришь в Логос, — но я увеличиваю веру твою. Тайну скажу тебе: правильно ты веришь в Логос; но знай, сын мой возлюбленный, что [вернее будет если] несколько есть Логосов. [Гов] Несколько есть истин. Несколько есть нравственностей. Несколько красот. Слушай тайну, великую тайну, сын мой, которую ныне родил я.

<конец 1904 — начало 1905>

Набросок на отдельных листах черными чернилами (архив П. А. Флоренского). В конце первой страницы приписано синим карандашом: [это о С. М. Соловьеве и «Скорпионе». Академия, 1-й курс]. Публикуется впервые с восстановлением вычеркнутых вариантов в квадратных скобках.

Датируется на основании приписки временем прибывания Флоренского на первом курсе Московской Духовной Академии.

Флоренский цитирует статью XXIII сочинений Тертуллиана «Скорпиак, или противоядие от угрызения Скорпионов» (писано в 209 году по Р. Х.) по изданию: Творения Тертуллиана. Перев. Корнеева. СПб., 1850. Сочинение было написано против гностических ересей, поэтому Флоренский без труда приспособливает его для своих целей. Расхождения в цитатах отмечены в подстрочных примечаниях.

В заглавии пародийно обыгрывается название первого символистского издательства «Скорпион» (имя дано по зодиакальному созвездию). Издательство было организована весной 1900 года на деньги С. А. Полякова, который вместе с Брюсовым руководил его деятельностью.

Содержание данного произведения тесным образом связано с публикуемым в настоящем томе письмом Флоренского к Брюсову о его оккультных увлечениях, и отчасти — с перепиской Флоренского с Белым. Если бы не приписка Флоренского на рукописи, можно было бы предположить, что это создавалось в предостережение Андрею Белому в период, когда Флоренский помогал ему бороться с оккультным влиянием Брюсова (см. письмо Белого Флоренскому от 23 ноября 1904 и ответное письмо Флоренского от 1 декабря и комментарии к ним).

Вот солнце вступает в знак «Весов» — символистский журнал «Весы» начал выходить в издательстве «Скорпион» с января 1904 года. Брюсов был его фактическим руководителем.

Вассилияне вы<ходят> — пародийно используется имя философа Василия Васильевича Розанова (1856—1919), печатавшегося в символистских изданиях — журнале «Новый путь» и альманахе «Северные цветы» и в начале 1900-х годов писавшего статьи против Церкви, но розановская тема не получает развития.

Валериане исходят из своих метрополий — редакция журнала «Весы» помещалась в здании гостиницы «Метрополь».

Иду вперед я быстрым шагом. — с отдельными неточностями цитируется стихотворение Андрея Белого «В. Я. Брюсову» (1903).

КОММЕНТАРИИ

¹ См.: Творения Тертуллиана. Перев. Корнеева, часть 4-ая, pp. 199—241 (прим. П. А. Флоренского).

² Цит. соч. С. 199.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 200

⁵ Там же. Цитата содержит несущественные расхождения (добавлено слово «близящихся»), курсив Флоренского.

⁶ У Тертуллиана: «В те дни, когда вера изнеможет и Церковь, подобно горящей купине, окружена пожирающим пламенем, в эти дни гностики исходят из своих берлог, валентиниане наиболее скрывают извилистые свои пути, все порицатели мученичества источают свой яд и мнутя, имея одно только желание — обрести жертву, пронзить и умертвить ее» (Цит. соч. С. 200).

⁷ У Тертуллиана: «Им слишком хорошо известно, что религия имеет в рядах своих множество служителей простых и мало просвещенных, других, худо утвержденных в вере, а большая часть христиан легкомысленных и расположенных всегда обратиться в сторону, какую угодно...». (Цит. соч. С. 200—201).

⁸ У Тертуллиана: «Какое удобнее можно избрать время к уловлению в свои сети сих ничтожных или малодушных людей, как не то, когда страх владеет душою каждого, или в особенности когда варварские казни венчают веру мучеников?» (Цит. соч. С. 201).

ПИСЬМА А. С. ПЕТРОВСКОГО *

Несмотря на то, что Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) почти не оставил следа в литературе, занимаясь главным образом переводческой деятельностью, в истории русского символизма его имя должно быть упомянуто. Сын издателя консервативной газеты «Московские ведомости» Сергея Александровича Петровского (1846—1917), наследника М. Н. Каткова на этом посту, он, казалось, был обречен идти по стопам отца. Но уже судьба отца не во всем укладывалась в традиционное представление о консерваторе. Как руководитель консервативной газеты, он был знаковой и заведомо одиозной фигурой в глазах либералов, однако в силу двойственности его собственных политических устремлений он без энтузиазма воспринимался в консервативных кругах (подробнее см. в статье о нем в словаре «Русские писатели»). Репутация отца не могла не наложить отпечаток на судьбу Петровского-сына, который с детства как бы был приписан по ведомству «Московских ведомостей», был близко знаком со многими сотрудниками, поскольку редакция помещалась в том же здании, где и

* Подготовка текста и комментарии Е. В. Ивановой при участии Л. А. Новикова, вступительная статья Е. В. Ивановой и Л. А. Новикова.

А. С. Петровский

квартира отца. В этой газете и сам с 1902 года эпизодически публиковал заметки, главным образом, о музыке, никак не связанные с ее политическим направлением. Встреча с Андреем Белым оказалась в его судьбе тем ключевым событием, благодаря которому он сумел выбиться из проторенной отцом колеи.

Алексей Петровский окончил в 1899 году частную гимназию Креймана и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1903 году¹. Полученное в университете образование пригодилось Петровскому, насколько позволяют судить скудные биографические источники, только спустя почти тридцать лет, когда уже в сталинскую эпоху он оказался в заключении в лагере № 1 Медвежьей горы и работал на геологической базе². После окончания университета Петровский оставил занятия химией, что во многом было предопределено его знакомством с будущим поэтом Андреем Белым, а тогда таким же студентом-естественником Б. Н. Бугаевым, который стал одним из его ближайших друзей до конца жизни. В воспоминаниях Андрея Белого «На рубеже двух столетий» содержится портрет Петровского в студенческие годы («...маленький, бледный болезненного вида студент, с зоркими, умными, карими глазами...»³), здесь же выдвинута версия его идейного формирования: «...с детства окуриваемый религией, стал скептиком, изучающим материализм, и химиком в тот же период...»⁴. Когда весной 1903 года Андрей Белый создал кружок аргонавтов, Петровский стал одним из его участников⁵, тогда же

произошло его сближение с младшими символистами и с Флоренским. Белый ввел Петровского в семью Сергея Соловьева, где тот сразу был принят как «свой»⁶. Обладая острой способностью критических суждений и оценок и изрядным запасом «нигилистической иронии», Петровский занимал совершенно особое место в среде символистов. В начале 1900-х годов его имя постоянно встречается среди посетителей собраний в доме Андрея Белого и у Валерия Брюсова, на редакционных собраниях журнала «Весы». При этом Эллис писал Э. К. Метнеру 15 февраля 1912 года, что Петровский «лишен всякой почвы, всякого творчества, активности и пламени»⁷. Отсутствие творческой продуктивности не мешало Петровскому играть роль своеобразного «фермента» общения и «провоцировать» чужую творческую деятельность. «Алексей Сергеевич отстоял в то время за тридцать земель от всяческой литературы и “Скорпиона”; тем не менее Брюсов воспринимал А. С. как “нашего”, как “декадента”; и это ощущение сходства в “нет”, произносимого всему старому, и ощущение перехода через “рубеж” двух столетий»⁸. «Домашний мефистофель», который отмечал Андрей Белый в Петровском, был, видимо, одной из причин, по которой он стал прототипом гротескных персонажей «2-й симфонии», «Рассказа № 2», позже в романе «Серебряный голубь». Петровскому посвящено стихотворение А. Белого «Странник» (1904, вошло в сб. «Пепел», 1909) и др.

После окончания университета в 1903 году Петровский поступил в Московскую духовную академию. В письмах к Э. К. Метнеру — одному из наиболее близких друзей, подчеркивал, что решение поступить в академию продиктовано его собственным выбором — видимо, оно было связано с разочарованием в естественных науках. Повлиять на это решение отчасти могла его сестра Елена, ставшая монахиней Серафимо-Дивеевского монастыря. Но тяготение к православию уживалось в те годы с нищезанятием, которое также проявлялось в письмах этих лет к Метнеру. Даже Бог, признавался Петровский, «не может спасти меня против моей свободной воли. Хочу — бунтую, хочу — нет. И если я подлинно бунтую, зная, против чего бунтую, то бунт мой будет принят, как принят бунт Денницы»⁹. Здесь же он подчеркивал, что мораль Ницше ближе ему, чем христианская мораль.

С самого начала учебы в академии Петровский очень враждебно и высокомерно оценивал академическую среду: характеристики студентов и преподавателей в письмах к Метнеру носят почти сплошь негативный характер, они кощунственно-иронич-

ны. В 1903 году в Серафимо-Дивеевском монастыре знакомится с епископом Антонием (Флоренсовым), с которым затем знакомит Андрея Белого, а тот, в свою очередь, Павла Флоренского; в итоге Антоний становится на некоторый период своего рода «духовником» младшего символизма¹⁰. Как следует из публикуемых далее писем к Флоренскому, уважительную память об Антонии пронес через всю жизнь, несмотря на отход от православия.

В 1904 году знакомится с А. А. Блоком, В. П. Свенцицким, В. Ф. Эрном и П. А. Флоренским, письма к которому публикуются ниже. Вместе с Флоренским переводит книгу Р. Зомы «Церковный строй в первые века христианства» (М., 1906), что составляет одну из тем публикуемых ниже писем.

В 1906 году Петровский тяжело заболел. В письме к Метнеру свой диагноз он описал как «атрофию задерживающих центров (нечто весьма близкое к истерике...)»¹¹. Это заставило его прервать учебу в МДА и уехать в Финляндию. Как следует из публикуемых ниже писем к Флоренскому, он намеревался вернуться в академию и даже хлопотал о продлении отпуска, но одновременно с этим в 1907 году поступил работать в Румянцевский музей, с которым оказалась связанной вся его последующая жизнь. Тогда же стал членом литературного кружка при издательстве «Мусажет» (1909—1914), занимался переводческой и редакторской деятельностью.

Еще в годы учебы в Московском университете испытывал интерес к теософии и оккультизму, на почве «космического любопытства» сблизился с П. Н. Батюшковым и М. А. Эртелем, занимавшимися оккультной практикой, позднее — с А. Р. Минцловой, которая в письме к А. Белому писала о Петровском: «узор души его — мучительно сложен»¹². В 1910 году, то есть на два года раньше Андрея Белого, посещает Р. Штейнера и становится его последователем. В дальнейшем участвует в строительстве Гетеанума (антропософского центра в Дорнахе, Швейцария). В 1912 году основывает первый антропософский журнал в России «Духовное знание» (1912—1918), в 1913 году становится одним из учредителей Русского антропософского общества.

В антропософский период переводит книгу средневекового философа-мистика Якова Бёме «Аугога, или Утренняя заря в восхождении» (М., 1914) — этот перевод высоко оценил Н. А. Бердяев¹³. Другие переводы остались неопубликованными.

После революции продолжает работать в Румянцевском музее, участвуя в спасении памятников искусства и старины, в комплек-

товании фондов библиотеки (переименована сначала в Государственную библиотеку им. Ленина, ныне — в Российскую государственную библиотеку).

В 1931 году арестован, около двух лет отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Андрей Белый был один из тех, кто помог устроиться после выхода на свободу. 1 апреля 1933 года он писал Г. Г. Шпету о Петровском: «...он отбывает в Конце (концентрационном лагере — *Е. И.*); и срок ему сокращают как ударнику (геологическая разведка при прорывании Канала, соединяющего Белое море с Балтийским). Через 1—1 1/2 месяца он будет свободен. Невский (его начальник), конечно, вернул бы его в Ленинский музей, считая его незаменимым работником (ведь он там служил более 25 лет), но навстречу — паспортизация и, стало быть, в Москве ему не быть (вероятно — “минус 12”¹⁴). В виду того, что он дружен очень с сестрой моей жены, живущей очень одиноко в Лебедяни, если бы нашел себе перевод; переводчик он незаменимый, — тонкий стилист (со вкусом); некогда у нас в “Мусагете” он редактировал все переводы»¹⁵. После возвращения из заключения Петровский перевел книгу П. Кристллера «История европейской гравюры XV—XVII вв.» (М., 1939). Был одним из крупнейших специалистов и собирателей зарубежной гравюры, в его коллекции были работы Рембрандта, А. Ван-Дейка, А. Дюрера¹⁶.

Принимал участие в подготовке Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого. После смерти Андрея Белого вместе с К. Н. Бугаевой участвовал в описании его архива¹⁷. В некрологе, опубликованном в газете «Библиотечная жизнь» (1958, 3 окт.) о Петровском сказано: «На многих участках библиотеки Алексей Сергеевич вел активную, плодотворную работу. Много лет стоял он во главе каталога и руководил составлением первой в Советском Союзе инструкции по каталогизации, редактировал Труды библиотеки, организовал и лично участвовал во многих экспедициях для сбора национализированных книжных фондов, и он же всегда был готов помогать читателям, нуждавшимся в справках по любым вопросам».

В начале 1900-х годов Петровский не только разделял искания младших символистов периода их самоопределения, но часто он оказывался в положении лидера. Например, он первый «открыл» епископа Антония (Флоренсова), ставшего затем на короткий период духовником Андрея Белого и на долгие годы — Павла Флоренского, которого посещали Александр Блок и Мережковские. Петровский проложил дорогу Андрею Белому в Саров, где к это-

му времени монахиней была сестра Петровского; он, наконец, первый в этом кругу поступил в Московскую духовную академию, проложив путь, по которому пошли затем Павел Флоренский и Сергей Соловьев. Как следует из публикуемых ниже писем, именно через Петровского получал Флоренский первую информацию об Академии и ее порядках — в записных тетрадях упоминаются разговоры с Петровским об академии во время визита к нему в Сергиев Посад. В отношениях с Андреем Белым Петровскому также принадлежало лидерство в некоторых вопросах: например, он первый заинтересовался теософией и примкнул к теософскому движению. Именно увлечение теософией положило конец общению с символистами, направив духовные искания Петровского в другое русло. Позднее став антропософом, он вновь сблизится с Андреем Белым, который и останется одним из немногих символистов, дружба с которым будет продолжаться до конца его жизни. В 1931 году Белый писал Петровскому: «...ведь мы с Тобой даже и не друзья, а братья; вся жизнь прошла вместе. Недавно долго не засыпал: мысленно вставала жизнь; мысленно озираю ее этапы; и во всех этапах ее стоял Ты <...> уже с 1899 года»¹⁸.

Письма Петровского к Флоренскому свидетельствуют о том, что, несмотря на разницу в мировоззрении, их связывало многолетнее общение. Став сначала теософом, а потом антропософом, Петровский, как показывают его письма к Флоренскому, тщательно избегал любых мировоззренческих столкновений, и это позволяло им сохранять уважительное чувство друг к другу на протяжении многих лет.

1.

20 января 1904, М(осковская) Д(уховная) А(кадемия)¹⁹

Многоуважаемый Павел Васильевич²⁰,

Мне очень жаль, что не удалось попасть на собрание к Вам. Утром 15-го числа я заходил к Вам, но не застал Вас дома, а вечером уже был в Академии. Поэтому решаюсь письменно повторить приглашение посетить как-нибудь нашу Академию. На маслянице (от 29 янв.) и на 1-ой неделе Вел(икого) поста меня не будет, но до и после я буду очень рад, тем более, что надеюсь оказаться полезным. Что же касается поездки в пустынь, о которой у нас была с Вами речь у Б. Н. Бугаева, то я тоже счастлив возможностью оказать содействие. Если Вы сообщите, когда Вы поедете (день и поезд), то я напишу туда, чтобы выслали на станцию лошадь (это так

принято и никого не стеснит), а также напишу для Вас записку для передачи игумену или казначею, и расскажу, с кем там познакомиться и все прочее. Замечу, что до 1-й недели поста там крайне безлюдно и пустынно, на 1 же неделе можно ждать приезда говеющих, хотя не много. На 2-й и далее, думается никого не будет. Зато 1-ая неделя более значительна. Выбор Ваш. В скором времени, вероятно, состоится пострижение одного товарища. Может быть, Вашему другу было бы интересно видеть этот обряд: тогда я извещу.

Весь Ваш

А. Петровский.

Когда увидите, кланяйтесь, пожалуйста, Б(орису) Н(иколаевичу) Адрес пустыни: Ярославск. ж.д. ст. Арсаки (30 верст от Москвы) Зосимова пустынь ²¹.

2.

6 марта 1904, М(осковская) Д(уховная) А(кадемия) ²²

Простите, дорогой Павел Александрович,

что я так замедлил ответом на Ваше предложение приехать к нам всем кружком (т. е. избранными его членами). Я спрашивал о. Ректора ²³. Он говорит, что будет очень рад, но что желательно было бы избежать официального представительства, т. е. чтобы Вы приехали не как члены Кружка ²⁴, а как частные лица, как знакомые или желающие познакомиться с богословской школой и т. д. Все это, конечно, по разным «не зависящим от нас» причинам, глупым, но с которыми приходится считаться. Что же касается реферата, то на первый раз, может быть, с большей пользой можно было бы употребить время на обоюдное знакомство...

Буду ждать Вашего извещения на вопрос «когда?» Неудобны или менее удобны только дни накануне праздников, по причине всенощной.

Все это очень скучно. Был у нас Помялов ²⁵.

До свиданья

Ваш А. Петровский

3.

27 мая 1904, Москва ²⁶

Дорогой Павел Александрович.

Земля вступила в созвездие «Пустоты» (подруги «Скорпиона» и «Весов» ²⁷), и мне приходится стать не на шутку позитивистом,

чтобы не повиснуть окончательно в воздухе. Глупейшее состояние: все нити перепутались и оборвались. Впрочем, это результат не только зодиака, но и акад(емических) экзаменов (которые отпраздновали теперь также к тому зодиаку). Настает моя очередь просить прощения в праздной болтовне. Не можете ли сообщить мне настоящий адрес Помялова. Может быть, присоедините какие-нибудь сведения о себе и своих экзаменах или еще о чем-нибудь.

Ваш А. Петровский

Адрес: Москва, Мясницкая, д. Немчинова. Правление вагонного завода. Сергею Александровичу Петровскому для передачи Ал. С. Пе-му²⁸. Это с 3—4 июня. А пока: Каретный ряд. б. Спасский пер., д(ом) Дурдиной, А. С. Думаю 1 или 5-го июня уехать к Б. Н. Бугаеву.

4.

18 апреля 1905²⁹, Москва

Христос Воскресе!

Дорогой П. А. Приезжайте к пятнице. Мережковский будет читать лекцию. Сбор в пользу Э. и С.³⁰, цена 2 р. (но и за 1 р. можно). Привезите, если можно, кого-нибудь (Ив(ана) Вас(ильевича) Поп(ова)³¹?) из студентов. Спросите Махаева³², кто и что его одноклассник священник Иверск(ой) общины в Москве Махаев. Приехал В. Иванов³³.

Люб(ящий) вас
А. Петровский

5.

8 ноября 1905, Москва³⁴

Дорогой Павел Александрович.

Известите, пожалуйста, достали ли Вы Sohn'a³⁵ и когда рассчитываете окончить. Не найдете ли возможным разорвать книгу (чтобы после переплести: с позволения Спасского³⁶ или без: как знаете), и, если не думаете скоро справиться, уступить последние 20 страниц (о пресвит(ерианах)) Рачинскому³⁷, которому хочется принять участие honoris causa³⁸. Впрочем, ему можно [дать] урвать кусок и не из Вашей доли (у Ельчанинова³⁹). Напишите. Думаю на день заехать в Акад(емию), но не знаю, когда. Вообще напишите. Целую Вас.

Любящий Вас А. Петровский

6.

10 мая 1906, Москва ⁴⁰

Дорогой Павел Александрович.

Посылаю вам часть Зома. Относительно первой я получил письмо от Галанина ⁴¹ (лично не мог застать), что корректуры мне будут посланы в начале мая, но до сих пор еще не получал. Если удосужитесь и если захочется, напишите. Мой адрес будет: Моск. Виндавская ж.д. ст. Оленино, имение Бобровка, Анне Алексеевне Рачинской ⁴² для передачи мне. Ваши корректуры будут Вам посланы.

Будьте здоровы. Любящий Вас А. Петровский.

Как Ваше сочинение о новом имени? ⁴³

7.

Письмо Варвары Олениной

15 октября 1906, Москва ⁴⁴

Извиняюсь, не знаю Вашего имени и отчества. А. С. Петровский уехал, не знаю куда и когда вернется. Первую часть Зома я передала его брату Борису Серг. Петровскому (адрес Каретная-Садовая, Б. Спасский пер., д. 28, кв. 5) ⁴⁵, там можете ее получить. Второй части не нашла, а корректуру отправила к Эрну ⁴⁶ (Пречистенка, Троицкий пер., д. Силина, кв. Эрн). Все это сообщая Вам, потому что Петровский жил у меня. Адрес мой: Страстной бульвар, дом кн. Горчакова, кв. 38.

Варвара Оленина ⁴⁷

8.

20 октября 1906, Гельсингфорс

Дорогой Павел Александрович.

Обстоятельства, о которых не стоит рассказывать, но во всяком случае не личного, а более общего свойства, привели меня в Финляндию, где мне придется пробыть по меньшей мере (думается) до Рождества, а мож(ет) быть и до весны. Занимаюсь гносеологией и евр(ейским) языком. Думаю весною держать экзамены — но это все зависит гораздо больше от Провидения, чем от меня (я временно забываю демократическую конституцию провидения). Нуждаюсь (хотя не слишком) в новом отпуске, — не сможете ли Вы мне его выслать сюда, — а также в переводах. Зома предоста-

вил также Провидению, на что, впрочем, я полагаю, Зом, как человек верующий, не может быть в претензии: не может же он в самом деле доверять моей руке более, чем руке Провидения. Это было бы нелепо. Напишите, если соберетесь. Чувствую себя довольно скверно: подобно изумленным народам, не знаю, «что начать: ложиться спать или вставать»⁴⁸. Но это старая история. Четверостишие Гете (где-то в Вост.-Зап. Диване):

Und solange du es nicht hast,
Dieses: stierb und werde,
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde⁴⁹.

Тема греческих мистерий. Если бы научили меня умереть, право, кажется, сумел бы воскреснуть... но «муки бессмертья, не надо, не надо!»⁵⁰

Простите. Поклон г. Э.⁵¹ и всем меня любящим (Вячеславу⁵², Стефану⁵³ и др.)

Любящий Вас
А. Петровский

Адрес: Helsingfors, Pansion Mercurius, N. Esplanadgatan 33.

9.

18 ноября 1906, Helsingfors⁵⁴

Дорогой Павел Александрович.

Я Вам написал отсюда довольно желчное письмо и несколько не в претензии, что вы на него ничего не отвечаете. Но на настоящее письмо ответьте хоть двумя словами. Дело в следующем. Срок моего отпуска истекает, и мне очень необходимо его продление. Не найдете ли Вы возможным переговорить об этом с кем следует и в случае успеха прислать отпуск по почте, в случае же неуспеха хотя бы просто известить о таковом. Интересует меня также судьба Зомы. Поклоны.

Ваш А. Петровский
Pansion Mercurius N. Esplanadgatan 33.

10.

9 января 1907, Москва⁵⁵

Дорогой Павел Александрович. Письмо Ваше в Финляндии получил. Вернулся я в декабре и раза два собирался съездить в

Академию, один раз даже совсем решил ехать, но не хватило духу. Когда будете в Москве, известите меня. Очень хотелось бы Вас видеть. Заходил раза 3 к Эрну, но никого не заставал, так что ничего не знаю о судьбе Зома. Есть у меня и просьба к Вам, опять та же: выслать мне отпуск (бумажку из канцелярии: только о бумажке и была речь), притом, чем скорее, тем лучше. Мне он очень нужен. Кандидатским пока не имел возможности заниматься: в этом году не подам его, но экзамены сдать желал бы. Бор(ис) Ник(олаевич) в Париже. Кланяйтесь С. С.⁵⁶ и Вяч. и другим (о. Ст.)⁵⁷.

Любящий Вас

А. Петровский

Страстной бульвар, д. Горчакова, 38.

11.

3 февраля 1907, Москва

Дорогой Павел Александрович. Спасибо за письмо. Получив его, я немедленно написал секретарю с просьбою об отпуске, объясняя ему, что меня теснит полиция с пропискою и что я не могу сам явиться за ним за инфлюэнцией (стиль!!). Ответа не имею. На днях напишу о том же изысканное послание к ректору с предложением выслать мне если не отпуск, то мои бумаги. Мне хочется их переупрямить, потому что глупо не давать бумажки человеку, нуждающемуся в оной. Кого встретите, обругайте, пожалуйста, от моего имени. Я должен сказать, что взял от Академии все, что мог взять и переварить. Многое из взятого оказалось несваримым и его пришлось удалять с усилием. Но за иное я все же ей благодарен. Дальше же мне по теперешним временам в Академии делать решительно нечего. Это сознание совершенно зрелое, да и вы согласитесь. Кроме двух-трех лиц, у меня почти ничего, что бы меня связывало с ней. Самое большее — это согласие сдать экзамены, являться же «для вида» мне и стыдно и не хочется (одновременно!). В таком смысле я и напишу ректору.

Напишите, пожалуйста, несколько слов о судьбе Зома. Привет С. С. и Вяч. (и о. Ст(ефану))

Любящий Вас А. Петровский

Очень хочется Вас видеть. Если будете в Москве, зайдите. Если что-нибудь напечатаете, пришлите оттиск.

Тверская, Большой Гнезниковский, д. Лутковских, кв. 57.

12.

31 марта 1907, Москва ⁵⁸

Дорогой Павел Александрович.

Я был раза два в типографии. Между прочим, там очень стремятся покончить с книгой до Пасхи, жалуются на Ваш почерк и просят по возможности не теснить их с корректурами. Я предложил им *не набирать* греческий текст, оставляя пробелы для того, что Вы пожелаете вставить, а также присылать *вторую* корректуру ради скорости ко мне. — На страстной думаю заехать на один день в Академию. Поклоны С. С. и всем.

Любящий Вас

А. Петровский

13.

⟨28 апреля 1907, Москва⟩ ⁵⁹

Дорогой Павел Александрович.

Я просил в типографии, чтобы Вам прислали рукопись перевода для исправления и переписки согласно Вашему желанию. Когда будет кончена хотя бы часть, отошлите им назад для набора с тем, чтобы корректуры посылали Галанину ⁶⁰ или мне.

Люб(ящий) вас

А. П.

14.

21 июня 1907 ⟨ ст. Шафраново Самаро-Златоустинской ж. д. ⟩ ⁶¹

Дорогой Павел Александрович.

Где Вы и где С. С. Если улучите минутку, напишите ради Бога: буду страшно рад. Я же сижу на кумысе, перевожу биографию Франц(иска) Ассизск(ого), написанную братом Львом ⁶², набираюсь здоровья. Остаетесь ли вы в Академии? Где и что. Вяч., Глаг., о. Ст. ⁶³ и др. Как зомовские дела. Адрес: Самаро-Златоуст. ж. д., ст. Шафраново, г-ну Монастыреву, для меня

Любящий Вас А. Петровский.

15.

14 августа 1907, Москва ⁶⁴

Дорогой Павел Александрович.

Письмо Ваше получил. Спасибо. Когда Вы приедете в Академию (где Вас ведь еще нет?), Вас неприятно удивит пакет с кор-

ректурами Зома, однако только в первое мгновение, потому что во второе Вы рассудите, что они, вероятно, уже просмотрены мною, — в чем, надеюсь, будете правы, — и распорядитесь только обратной отсылкой рукописи в типографию.

Ждущий Вас А. Петровский

16.

16 августа 1907, Москва ⁶⁵

Дело было вот как. Числа 10-го я зашел в типографию осведомиться. Мне там сказали, что получили от Вас рукопись и уже послали Вам в Академию лист корректуры. Полагая, что Вас еще нет в тех местах, я попросил оттиснуть еще раз тот же лист и прислать для скорости мне. Что и обещали. Но прежде, чем успели выполнить, получили от Вас обратно исправленный лист. Я все же просил дальнейшие листы приносить мне. Надеюсь, вас не слишком огорчит мое самоуправство. Надеюсь также, что дальнейшее печатание пойдет как по маслу и мы получим возможность поминать Зома уже не лихом, а «благом». Где С. С.? Что поделяваете?

Любящий вас А. П.

17.

⟨29 сентября 1907, Москва⟩ ⁶⁶

Дорогой Павел Александрович. Загляните, пожалуйста, в Зома и узнайте, после каких слов текста стоит ссылка на примеч. 39 (*ordines minores*). В рукописи Вашей ссылка в тексте пропущена, а само примечание есть. Я же не могу сообразить сам, к каким словам оно относится. Но ради Бога скорее. Ваш А. П.

Остоженка, Лопухинский пер., д. Домостроит. о-ва, кв. 5.

18.

⟨7 октября 1907, Москва⟩ ⁶⁷

Дорогой Павел Александрович. Поздравляю. Принесли мне сегодня последний лист. Остался только список книг (нашедшийся), оглавление и печатки, кое-какие материалы к которым Вы, надеюсь, не замедлите выслать (а также, если можно, первые листы). Через неделю, вероятно, уже будет приступлено к брошюровке, а затем и к поглощению мзды ⁶⁸.

Ваш А. П.

19.

5 августа 1908, Москва ⁶⁹

Дорогой Павел Александрович. Редактор Критического Обозрения, Гершензон ⁷⁰, просил меня передать вам следующее: не согласитесь ли вы написать для него статью (10—13 тыс. букв) под заглавием «Интеллигенция и Церковь» (или приблизительно таким). За заглавием должно следовать перечисление нескольких статей или книг на эту тему, вышедших в 1908 г. Засим можно писать *что угодно* и *о чем угодно*. Разве только еле-еле привязав к заглавию или цитированным сочинениям. Полемически, дидактически, *как угодно*. Полная свобода. Можно обзор ⁷¹. Булгаков обещал тоже нечто подобное на иную тему.

Адрес Гершензона: Арбат, Никольский пер. Д. 19.

А мой: Поварская, д. Козловской, кв. 5. А также Музей.

Ответьте хоть открыткой. Гонорар предполагаю приличный. Хочу также Вас видеть и знать, что Вы делаете и как живете, жили и будете жить.

Любящий вас А. Петровский

У меня академ(ическая) книга: Harless. Aegyptische Mysterien.

20.

25 октября 1908, Москва ⁷²

Дорогой Павел Александрович.

Ради многого святого, ответьте мне немедленно, будете ли Вы в Москве 31 окт. (пятница) на лекции Булгакова! Или же вообще когда будете? Но ответьте. У меня помимо желания Вас видеть, есть еще до Вас очень серьезное дело. В Москве возникает учреждение (синтетического характера), о котором когда-то смели мечтать. Устраивается оно М. А. Олениной д'Альгейм и ее мужем — мистиком, каббалистом, поэтом ... П. И. д'Альгеймом ⁷³, при ближайшем участии Б(ориса) Ник(олаевича). В план входит прочтение (или произнесение) Вами лекции (conférence) на тему о «гармонии сфер» (Пифагор, Платон, Гете и... Вы!). Помимо Вашего согласия, надо бы было мне лично переговорить и условиться. Если Вы будете 31-го, то можно бы после Булгакова. Но непременно ответьте.

Любящий Вас

А. Петровский

Поварская, д. Козловской, кв. 5 (или Рум(янцевский) Музей)

21.

16 июля 1916, Москва ⁷⁴

Дорогой Павел Александрович,
 извините, что не тотчас ответил по Межову (Кат<алог> русск<ой> книги) № 10.482: «Женщина XIX ст. Роман. Соч. Закамского. 2 ч. М. 1839. ц. 2 р.» В музее этой книги нет, так что я не мог проверить, действительно ли это та, о которой ты спрашиваешь ⁷⁵. Киселева зовут Ник. Петр. ⁷⁶ — теософская дисциплина на него не простирается никак — он человек профанный, о котором сказано: *procul este* ⁷⁷. Благодарю за «слишком хорошее» понимание, но боюсь, что не заслужил.

Твой А. Петровский

В словаре псевдонимов Карцова ⁷⁸ — Закамского нет.

22.

21 января 1918 Москва, Знаменка, Румянцевский музей ⁷⁹

Дорогой Павел Александрович,
 прости, что обращаюсь к тебе с просьбой, с которой прилично было бы обратиться по другому адресу — именно Богословского Вестника ⁸⁰; но, давно не видя его, боюсь, не прекратился ли он. Мне нужно выписать следующие книги:

Глаголев Греческая религия

“ “ Большой целитель

“ ” Мистерии на берегах Конго

“ “ Религия Китая

“ “ Древо познания и древо жизни

Спасский Эллинизм и христианство

“ “ История догм<атических споров>

Симеона Нового <Богослова> Гимны (2 экз.)

Максима Исповедника Творения (сколько вышло

томов — и будет ли продолжаться?)

Флоренского Смысл идеализма

Попов Августин ⁸¹. — И вот, не будешь ли ты так добр посодействовать мне в этом — скорее добром, а на худой конец не злостном — предприятию, и каким-нибудь образом выслать их мне — наложенным платежом или с оказией (коей я на месте уплатил бы стоимость). Ввиду того, что выписывается все это собственно не лично мной, а издательством и кн<ижным> складом «Духовное знание» ⁸² для его библиотеки, то вполне благонамеренной была

бы издательская скидка, но на ней не смею настаивать. Если найдешь нужным присоединить к этому списку что-либо новое или старое (кроме Глаголева, который у меня есть), мне почему-либо неизвестное, но подходящее, то не взыщу и заплачу. Пока же остаюсь твоим искренним доброжелателем и другом

А. Петровский

Еще желал бы: Муретова оттиски об «Иуде» и о «Родословиях Христа», и его «Новозаветная песнь любви».

23.

1 марта 1918 Москва ⁸³

Дорогой Павел Александрович,

Посылаю тебе одновременно просимый № «Тр(удов) и дней», но не наложенным платежом, а просто бандеролью, ибо платеж сопряжен с большими накладными расходами. О кончине пресв(ященного) Антония ⁸⁴ узнал дня через три после похорон — к великому сожалению. Последние месяцы не раз вспоминал о нем. Не шел, потому что трудно было бы говорить о своем, а не говорить — тоже трудно, да тогда и не стоило идти.

Всегда останется о нем благоговейная память — задумана у меня одна работа, о которой хотелось бы поговорить с тобой. М(ожет) б(ыть), на весенних днях удастся как-нибудь выбраться в знакомые места. Спасибо за присланные книги. Буду очень ждать остального.

Любящий тебя

А. Петровский ⁸⁵

Будь добр, черкни, существует ли русский перевод Феодорита против гностиков (или франц(узский), немецкий) и Еванг(елие) Приготовлений Евсевия?

24 ⁸⁶.

Дорогой Павел Александрович, прости, если обеспокою тебя следующей просьбой. Мне чрезвычайно нужны для работы сочинения Климента Александрийского, особенно Строматы ⁸⁷, но в Москве их нельзя достать в Университете. И вот мне пришла мысль, не валяются ли у Корсунского где-нибудь забытые экземпляры? Это очень возможно. Я готов был бы заплатить хорошую цену. Не мог ли бы ты посодействовать мне в этом добром деле.

Буду тебе очень благодарен даже за одну добрую волю. Корсунские меня м. б. немного помнят.

Любящий тебя А. Петровский.

25.

〈около 20 января неустановленного
(предположительно — 1905) года〉⁸⁸

С Новым Годом.

А. Петровский.

КОММЕНТАРИИ

¹ Специальность химика. Подробно о Петровском в эпоху его студенчества написал Андрей Белый в воспоминаниях «На рубеже двух столетий».

² См. воспоминания сосидельца А. С. Петровского: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 375—377.

³ *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 438.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ О кружке аргонавтов см.: *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978.

⁶ Андрей Белый в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» приводит характерную оценку А. С. Петровского со стороны матери Сергея Соловьева — Ольги Михайловны: «Нет, вы шатаетесь: тверд только Петровский!» (*Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. С. 444).

⁷ ОР РГБ, ф. 167, к. 7, ед. хр. 51, л. 3 об.

⁸ *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. С. 444.

⁹ Письмо от 2 марта 1903 (там же, к. 16, ед. хр. 26, л. 18).

¹⁰ Подробнее об епископе Антонии см. в примечаниях к переписке с Андреем Белым.

¹¹ Там же, ед. хр. 28, л. 18.

¹² Письмо от 17 ноября 1909. ОР РГБ. Ф. 25, к. 19, ед. хр. 17, л. 37.

¹³ Путь. 1926. № 5. С. 631.

¹⁴ После выхода из лагеря политзаключенные получали так называемое «поражение в правах», им запрещалось проживание в 12 городах, включая столицу.

¹⁵ Начала. 1992. № 1. С. 64.

¹⁶ Описание коллекции см.: Гравюры из коллекции А. С. Петровского (М., 1990).

¹⁷ См. написанный при его участие обзор наследия — Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937.

¹⁸ Новый журнал. Нью-Йорк. 1976. Кн. 122. С. 157.

¹⁹ Адрес: Москва. Его Высокоородию Павлу Васильевичу Флоренскому. Остоженка, д. Егорова. Кв. № 40. Почт. шт. Москва 21 и 22.1.04.

²⁰ Ср. подобную ошибку в обращении в первом письме Андрея Белого к Флоренскому.

²¹ Это первое упоминание о намерении Флоренского посетить монастырь Зосимовой пустынь, с которой в дальнейшем он был тесно связан благодаря наиболее известному ее насельнику старцу Алексию (Соловьеву), постриженному там в монахи в 1898 году и вскоре начавшему принимать паломников. Н. Бердяев в «Самопознании» пишет о совместном посещении Зосимовой пустыни с Флоренским и его близкими друзьями (*Бердяев Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии)*. М.: Книга. С. 188. О старце Алексии см.: *Четверухина Е. Л.*) Старец Алексей Зосимовой пустыни. Париж, 1989.

²² Адрес на конверте: Москва, Его высокоородию Павлу Александровичу Флоренскому. Остоженка. Д. Егорова. Кв. № 40.

²³ Ректором МДА в тот момент был епископ Евдоким (Мещерский Василий Иванович, 1869—1935), будущий деятель обновленчества.

²⁴ Имеется в виду кружок друзей Флоренского по Московскому университету, о котором он упоминал в письмах к А. Белому.

²⁵ Сведений о нем найти не удалось.

²⁶ Адрес на конверте: Петровский парк, Старо-Разумовское шоссе, дача д-ра Коппе № 3. В. И. Звереву для передачи П. А. Флоренскому. На обратной стороне конверта рукой П. А. Флоренского записаны слова: Дуботолка = обыкновенно обращаются с этим словом хозяйки к кухаркам. «Бестыжий твой нос», «петрушка претворенная» (человек с юмористической жилкой, комедиант), «холодные уши» (отсутствие в голове некоторых элементов), «жизнь — это роса, только солнышко взойдет, она сойдет». Ваня забрыкался от восторга. Тогда баба говорит: «батюшка, окстись». Об умершем: «загнулся» = умер. «Напорскаться» и «устебыхать». Наестся и отправ(итьс) гулять.

²⁷ «Скорпион» и «Весы» — названия созвездий, по которым получили свои названия символистское издательство «Скорпион», основанное в 1899 году, и журнал «Весы», выходивший в этом издательстве с января 1904 года.

²⁸ Адрес отца, С. А. Петровского, и упомянутого далее брата по отцу — Бориса.

²⁹ Адрес на конверте: Сергиев Посад (Моск. Г(убернии)). Духовная Академия, студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Почтовые штемпели отсутствуют.

³⁰ Вероятно, в пользу В. Ф. Эрна и В. П. Свентицкого, организовавших уже неоднократно упоминавшееся Христианское братство борьбы (см. примечания к переписке Флоренского и Белого в на-

стоящем томе. Мережковские в период революции 1905 года поддерживали Христианское братство борьбы, хотя в него не входили).

³¹ Попов Иван Васильевич (1867—1938) — профессор патрологии МДА.

³² Вероятно, Махаев Николай Константинович, соученик Флоренского по Московской духовной академии. См.: Список студентов, окончивших полный курс императорской Московской Духовной академии за первое столетие ее существования. Сергиев Посад, 1914. С. 141.

³³ Возможно, поэт Вяч. Иванов.

³⁴ Открытое письмо. Адрес: Моск.-Яросл. ж.д. Ст. Сергиево. Вифанка, собст. Дом. Его Высокородию Павлу Николаевичу Каптереву с просьбой передать П. А. Флоренскому. Адрес сына историка Церкви Каптерева Николая Федоровича (1847—1918) в Сергиевом Посаде.

³⁵ Флоренский совместно с А. С. Петровским работал над переводом книги: *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. Гл. 1. Пер. с нем. М., 1906 (о совместной работе речь идет и далее в письмах).

³⁶ Книга Зомы, вероятно, была одолжена у историка Церкви, профессора МДА Анатолия Алексеевича Спасского.

³⁷ Рачинский Григорий Александрович (1859—1939) — литератор и философ, в дальнейшем — председатель московского Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева.

³⁸ Здесь букв.: ради почета.

³⁹ Имеется в виду Николай Викторович Ельчанинов, родственник А. В. Ельчанинова, некоторые сведения о котором содержатся в личном деле в фонде Московского университета. В 1903 году Н. В. Ельчанинов поступил на естественное отделение физико-математического факультета. В дальнейшем преподавал естественную историю и географию в 4-й женской гимназии Тифлиса. (Архив Москвы, ф. 418, оп. 317, д. 329 (1903), л. 114, 198, 389, 399). Был женат на Марусе Ланге (см. о ней в примечании к стихотворению «Я мотив приведу...»).

⁴⁰ Адрес на конверте: Сергиев Посад Московс. Губ., Духовная академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. штампель: 12.5.1906 Москва, 13. 5. 1906. Сергиев Посад.

⁴¹ Вероятно, сын учителя, упоминаемого в воспоминаниях Андрея Белого «Начало века»: «Вот Дмитрий Дмитриевич Галанин, брадатый, очкастый, умнейший учитель, гуляет в аллеях...» (А. Белый. Начало века. М., 1989. С. 255). Галанин-студент также упоминается в этих воспоминаниях как посетитель секции «История религии» в студенческом обществе, заседания которого проходили в университете, и которое наряду с Флоренским посещал «бородатый Галанин» (Там же. С. 300). Возможно, это сын учителя математики 1-й московской гимназии Д. Д. Галанина (1857—?), Дмитрий Дмитриевич Галанин (1886—?), поступивший в 1904 году на математическое отделение физико-математического факультета (личное дело — ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 318. Д. 232).

⁴² Сестра Г. А. Рачинского (?—1918).

⁴³ Возможно, первоначальный замысел работы «Священные переименования».

⁴⁴ Секретка. Адрес на конверте: Сергиев Посад. Духовная академия. Господину студенту 4-го курса П. А. Флоренскому.

⁴⁵ Петровский Борис Сергеевич (р. 1889) — брат Алексея Петровского по отцу. Личное дело см. в фонде Московского университета: ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1398 (в 1907 году поступил на юридический факультет, курс не окончил). В дальнейшем сотрудничал вместе с А. Петровским в Румянцевском музее (личное дело — Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 122. Д. 606), в начале 20-х годов уехал по болезни (туберкулез) в Крым, где следы его теряются.

⁴⁶ См. примечания к переписке Белого и Флоренского в наст. томе.

⁴⁷ Варвара Алексеевна Оленина — художница, сестра М. А. Олениной-д'Альгейм. Ее письма к Андрею Белому есть в его фонде в РГАЛИ.

⁴⁸ Цитата из эпиграммы одного из лицейских друзей А. С. Пушкина (обычно приписывается А. Д. Илличевскому (1798—1837), ответившему на строку неизвестной поэтессы: «Блеснул на западе румяный царь природы...» эпиграммой: «И изумленные народы // Не знают, что начать: // Ложиться спать или встать»).

⁴⁹ Цитата из стихотворения И.-В. Гёте «Sagt es niemand» (1814) из «Западно-восточного дивана». В переводе Н. Вильмонта «Блаженное томление» // Гёте И.-В. Избранные произведения: В 2-х тт. М., 1985. Т. 1. С. 192.

⁵⁰ Из стихотворения З. Гиппиус «Осень» (1895)

⁵¹ Возможно, имеется в виду упоминавшийся в письмах ранее В. Ф. Эрн.

⁵² Отца Вячеслава среди соучеников Флоренского не найдено. Возможно, это был священник МДА.

⁵³ Иеромонах Стефан (Валериан Стефанович Бех) — соученик А. С. Петровского по МДА, выпускник 62 выпуска. Первый раз поступил в академию в 1897 году, затем в 1898 году прервал учебу и окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, в 1903 году вновь принят в число студентов МДА, которую окончил как кандидат в 1907 году (см. Списки студентов, окончивших полный курс Императорской МДА за первое столетие ее существования (1814—1914 гг.). Сергиев Посад, 1914. С. 140). Характеристику, которую дал о Стефану Петровский смотри в записных тетрадях Флоренского в настоящем томе, фрагмент 75. В АФ сохранилось несколько записок от иеродиакона Стефана, относящихся к марту 1906 года. Любопытна приписка к одной из них по поводу проповеди Флоренского «Вопль крови»: «Простите, не знаю, хорошо ли вы сделали, сказав в церкви о Шмидте». И(еродиакон) С(тефан) (АФ). В дальнейшем рукоположен во епископа, активный деятель катакомбной церкви, арестован в 1929 году, умер в 1933 г.

⁵⁴ Адрес на конверте: Московск. Губ., Сергиев Посад. Духовная Академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. штемпель Гельсингфорса неразборчив. Сергиевского Посада — 22.11.06.

⁵⁵ Адрес на конверте: Ярославск. ж.д. Ст. Сергиево. Духовная Академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт. Москва 11.1.07, Сергиевский Посад — 12. 1.07.

⁵⁶ Друг Флоренского, Сергей Семенович Троицкий (см. в примечаниях к разделу «Стихотворения»). Он был студентом того же курса, что и А. С. Петровский, который курса не кончил. Троицкий, как и упоминавшийся выше о. Стефан (Бех), был студентом 62 выпуска МДА (1903—1907) — см. Список студентов, окончивших... С. 140.

⁵⁷ См. примеч. к п. 8 от 20 октября 1906 г.

⁵⁸ Почт. шт. Москва 1.4.07. Сергиев Посад 3.4.07.

⁵⁹ Почт. шт. Москвы и Сергиевского Посада 20.4.1907.

⁶⁰ См. прим. 41.

⁶¹ Открытое письмо. Открытка несколько раз пересылалась, поскольку Флоренский был на каникулах. Первоначальный адрес: Московск. губ. Сергиев Посад. Павлу Александровичу Флоренскому. Следующий адрес Село Толпыгино, где Флоренский гостил у С. С. Троицкого: Ст. Яковлевское Костр(омской) Губ(ернии) Нериховый уезд. Село Толпыгино. Павлу Александровичу Флоренскому. Последний адрес, по которому письмо было получено — родителей Флоренского: Тифлис. Николаевская у(лица), д. № 61. Павлу Алекс(андровичу) Флоренскому.

⁶² Непонятно, о какой биографии Франциска Ассизского идет речь. В «Dizionario francescano» указаны несколько его биографий («Vita prima di san Francesco d'Assisi», «Vita seconda di san Francesco d'Assisi, entrambe scritte da Tommaso da Celano» и др.). Возможно, Петровский имеет в виду один из многочисленных сводов легенд о св. Франциске Ассизском. Во всяком случае, биографии св. Франциска, написанной братом Львом (Леоне), не существует, известно только письмо Франциска Ассизского к брату Льву.

⁶³ Об отцах Вячеславе и Стефане см. выше примеч. к п. 8 от 20 октября 1906; Глаголев Сергей Сергеевич (1865—1937) — профессор кафедры основного богословия МДА.

⁶⁴ Открытое письмо. Почт. шт. Москва 14.8.07 Сергиевский Посад 16.8.1907.

⁶⁵ Открытое письмо. Почт. шт. Москва 17.8.07 Сергиевский Посад 18.8.1907.

⁶⁶ Открытое письмо. Адрес: Моск. губ. Сергиев Посад. Духовная Академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт. Москва 29.9.07 Сергиевский Посад 30.9.07.

⁶⁷ Открытое письмо. Адрес: Сергиев Посад. Моск. Духовн. Академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт. Москвы и Сергиевского Посада 7.10.1907.

⁶⁸ Речь идет, несомненно, все о той же книге Зомы, в выходных данных которой стоит 1906 год.

⁶⁹ Адрес: Сергиев Посад Моск. губ. Духовная Академия. Павлу Александровичу Флоренскому. Почт. шт.: Москва. 6.8.08. Сергиевский Посад 7.9.08. На конверте рукой Флоренского отмечена дата получения 1908. IX. 7 и рукой неустановленного лица записан адрес: Гр. Алекс. Рачинский Кудринск.-Садовая, д. Найденева.

⁷⁰ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — критик и историк литературы; постоянное сотрудничество Гершензона в журнале «Критическое обозрение» началось в конце 1908 года.

⁷¹ Статья П. А. Флоренского написана не была.

⁷² Конверт не сохранился.

⁷³ Имеются в виду барон Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм (1862—1922), музыкальный деятель и литератор, и его жена — певица Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869—1970), основатели Дома песни в Москве, деятельность которого началась в 1908 году. В 1910—1911 году выходила газета «Дом песни». Подробнее о Доме песни см. в воспоминаниях Андрея Белого «Начало века» главу, посвященную д'Альгейму.

⁷⁴ Адрес: Священнику Павлу Александровичу Флоренскому. Сергиев Посад (Моск. губ.) Дворянская ул. Рукой Флоренского на открытке приписано: получ. 1916.VII.17 Сер. Пос. Почт. шт. Москва 16.7.16 Сергиевский Посад 17.7.18.

⁷⁵ Эта же книга упоминается в не дошедшем до нас письме Флоренского литературоведу А. И. Белецкому, который в недатированном письме, также, по предположению публикаторов, относящемся к лету 1916 года, писал Флоренскому: «...роман, о котором идет речь в письме, Вами мне сообщенном, есть роман Закамского (“Женщина XIX столетия”, 2 ч. М. В тип. Степанова. 1839. 12). Не знаю, что этот Закамский, но если Вам понадобятся более подробные сведения, охотно сообщу их из Харькова». (Цит. по тексту, опубликованному в статье: С. Б. Шоломова. Два письма П. А. Флоренскому (Неизвестный эпизод из биографии А. И. Белецкого) // П. А. Флоренский: Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 253). Публикация текста П. В. Флоренского. В комментариях к письму С. Б. Шоломова сообщает следующие данные: Закамский — «псевдоним Николая Дмитриевича Неелова (1800—1850), окончившего курс в юнкерской школе, а затем академии при Генеральном штабе, преподавал военную историю и стратегию. Одновременно с этим занимался и литературным трудом, писал рассказы и драмы, роман “Женщина XIX века”, а также был автором воспоминаний о польской войне 1838 года и “записок по военной истории”» (Там же).

⁷⁶ Киселев Николай Петрович (1884—1965) — в 1913—1916 гг. секретарь организованного Э. К. Метнером издательства «Мусaget» (1910—1917).

⁷⁷ Букв.: прочь (лат.), часть латинского крылатого выражения: *procul este, profani* (прочь, чернь), восходящего к Горацию.

⁷⁸ Имеется в виде словарь: В. С. Карцов и М. Н. Мазаев. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891.

⁷⁹ Конверт не сохранился.

⁸⁰ В этот момент Флоренский более не редактировал «Богословский Вестник», о чем Петровский знал (подробнее см.: *Игумен Андроник*. Священник Павел Флоренский — профессор МДА и редактор «Богословского Вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987).

⁸¹ Попов А. В. Личность и учение блаженного Августина (Т. 1. Ч. 1—2. Сергиев Посад, 1917).

⁸² Философский журнал, который издавал А. С. Петровский (см. о нем во вступительной заметке).

⁸³ Адрес: Священнику Павлу Александровичу Флоренскому. Сергиев Посад. Моск. губ. Дворянская ул. Открытое письмо. Рукой Флоренского приписано: получ. 1918. III. 21. Сер. Пос. Почт. шт. Москва 1.4.18 Сергиевский Посад 2.4.1918. Расхождение в датах, возможно, следствие описки.

⁸⁴ Имеется в виду епископ Антоний Флоренсов, духовник отца Павла. Подробнее о нем см. в переписке Флоренского с Андреем Белым.

⁸⁵ К письму приложено требование на книгу Э. Т. Гофмана.

⁸⁶ Записка без даты, сохранившаяся в архиве Андрея Белого: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 33. Ед. хр. 12. На обороте записки рукой А. С. Петровского: Павлу Александровичу Флоренскому.

⁸⁷ Климент Александрийский — учитель и писатель александрийской церкви конца II — начала III в. н. э., основатель александрийской богословской школы. «Строматы» — третья часть так называемой Великой трилогии Климента Александрийского — «Протрептик» (Увещательное слово к эллинам), «Педагог» (Воспитатель) и «Строматы» (букв.: Узорчатые ковры), ставшей первой попыткой систематизировать христианское вероучение и определить его отношение к античной культуре. Причудливое название «Строматы» соответствовало существовавшей тогда традиции давать затейливые названия произведениям. Задача «Стромат» состояла в том, чтобы познакомить читателей с учением гностиков, но в такой форме, чтобы оно не соблазняло читателей. Русский перевод «Стромат» Н. Н. Корсунского был издан в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 1892 году. Поскольку Н. Н. Корсунский преподавал в МДА и жил в Сергиевом Посаде, Петровский рассчитывал, что у него сохранились непроданные экземпляры его труда.

⁸⁸ Открытка с новогодним рисунком без даты. Адрес: Monsieur Florensky étudiant de Theologie Сергиев Посад Моск. Губ. Дух. Академия. Почт. шт.: Москва 20.1. (1905?)

Раздел III

DUBIA

Петроградский священник

О БЛОКЕ*

...Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня¹

Доклад возник случайно и не был записан. Несколько моих знакомых после вечера памяти Блока, устроенного в январе с. г. союзом писателей в Большом Драматическом Театре по случаю 5-ле-

* Эта рукопись — доклад, принадлежавший умершему Петроградскому священнику, доставлена в редакцию «Пути» из России. *Редакция*. (Примеч. редакции журнала «Путь», по тексту которого публикуется статья в настоящем томе). В тексте, опубликованном в журнале «Вестник Российского Христианского Движения» (№ 114), примечание имеет следующий вид: «Рукопись этой записи очень не исправна и местами протерта. Вверху первой страницы пометка: Харбин, 1937. Приносим ее владельцу Н. Толстоухову, передавшему ее для напечатания в Вестнике самую сердечную благодарность от имени наших читателей». Подробное описание рукописи, на основании которой осуществлялась эта публикация, см. в статье А. Шишкина «Флоренский о Блоке» (Русская мысль. Париж, 1988. Литературное приложение № 10. — Е. И.).

тия смерти поэта ², не удовлетворившись поверхностностью докладов о нем и невыразительностью актерской декламации его стихов, кстати, неудачно подобранных, просили меня дать «введение в творчество поэта», хотя бы в виде примечаний к чтению его стихов.

В такой именно форме и было симпровизировано мое сообщение. Оформить импровизацию, пожалуй, удобнее всего в тезисах, выражающих предпосылки моего подхода к Блоку.

Тезирование, впрочем, предполагает неизбежно ущербность мотивировки и аподиктичность стиля.

1. Блок — подлинно великий русский поэт лермонтовского масштаба и стиля, — представляет отстоявшуюся (и ныне отставленную) ценность русской культуры.

2. Надлежащую, т. е. единственно содержательную формулу этой ценности можно найти, лишь вставив изучаемый феномен (творчество поэта) внутрь какой-либо строго монистической системы, правомочной оценивать самое культуру.

Современность российская императивностью марксизма принудительно наталкивает (в этом ее добро) на необходимость выбора монистической системы мировоззрения, внутри которой надлежит «расставить на свои места» накопленные ценности культуры.

Все в мире четко, потому что четно.

Сейчас *непосредственно ощутимо*, что мир расколот религиозным принципом: антитезис марксизму — только христианство (т. е. православие), религии человекобожия — религия богочеловечества. Наше время обнажило природу спора: *tertium non datur* ³. Или — или. Но для последовательного немарксизма *non datur* и *secundum* ⁴.

3. Монистической системой, правомочной оценивать самое культуру и отдельные феномены, берется философия православия.

4. Генетическая зависимость культуры от культа заставляет искать истоков тем культуры в тематике культа, т. е. в богослужении.

В нем все начала и концы, исчерпывающие совокупность общечеловеческих тем в их чистоте и отчетливости.

Культура же, от культа оторвавшись, обреченно их варьирует, обреченно искажая. Так служанка, оставшись одна, повторяет как свое — фразы и жесты госпожи. Творчество культуры, от культа оторвавшись, по существу — *пародийно*.

Пародийность предполагает изменение знака при тождестве тем.

5. Познание — определение чего-либо *per genus proximum et differentiam specificam* ⁵.

Тематика культа *differentia specifica* — привилегия литературы — что *proximum genus* для нее направление искажения той или иной пародирующей темы.

Отсюда — методологическая презумпция в отношении литературы: единственно подлинное изучение ее единого материала — выражение ее «в терминах» тематики культа.

Отсюда же критерий «ценности», «значительности» литературного явления: значительно то, что значимо в терминах тематики культа: степень «ценности» соответствует легкости соотношения феномена литературного с ноуменом культурным, легкости усмотрения в тематике литературной глубинности религиозной.

Эта ценность, разумеется, относительная, вытекающая из отношений двух областей и поэтому не являющаяся еще ценностью внутри каждой из них. Необходимо учитывать перемену знака, т. е. несовпадение пародии с пародируемым.

Но всякая ценность относительна по природе. Очевидно, что критерия ценности литературных явлений внутри самой литературы, как замкнутой системы, быть не может. Понятие ценности предполагает... выход в другую систему, — систему *generis proximi* ⁶.

6. Значительность поэзии Блока в указанном смысле бесспорна, ибо бесспорно подлинна его мистика.

Мистические предпосылки символизма могут быть поняты и оценены только в предпосылках подлинной религии, т. е. православия.

Любой внеправославный подход к поэзии Блока должен считаться недостаточным для ее понимания, а позитивистические подходы к символизму — без веры в причинность символа той реальности, которую он символизирует, — должно считать оскорбительными, как смердяковское «про неправду все написано»⁷. Блок — или великий поэт, потому что говорит о подлинной реальности, или — если этой реальности нет — симулянт, «только литератор модный» без будущего, как всякая мода.

Но и «слов кощунственных творец» ⁸ есть уже поэт значительный, — ибо кощунственные слова — неправда, сказанная о Правде; «кощунство всерьез» обязывает быть причастным глубине, предполагает укорененность в глубинах сатанинских.

7. Мистика Блока подлинна, но — по терминологии православия — это иногда «прелесть» ⁹, иногда же явные бесовидения.

Видения его подлинны, но это видения от скудости, а не от полноты.

В отчетливости демонизма у Блока «выходит прогресс даже против Лермонтова».

8. Одна из основных тем Блока — о видении Прекрасной Дамы — восходящая по тематике литературной к пушкинскому романсу «Жил на свете рыцарь бедный» и к «Трем свиданиям» Соловьева¹⁰ (впрочем, источникам, сливающимся в своем истоке), а по тематике культовой католическому средневековому культу Богоматери, — представляет искажение (пародию) подлинного восприятия «Честнейшей херувим»¹¹, в видениях являющейся святым. (Примечательно: это тема русской агиологии: преп. Сергей¹², Серафим — «избранник, возлюблен Божия Матере»¹³).

Культовый — и именно этот — исток блоковской темы совершенно несомненен: одновременны у Блока надписание на тетради стихов о Прекрасной Даме эпиграфом:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму
(Пушкин)

— и проект писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах Божьей Матери («Письма Б.». Воспоминания С. Соловьева, 12)¹⁴.

Терминология его стихов данного цикла определенно пародирует церковную.

Он за Матерью Христа
Непристойно волочился¹⁵.

Это основной у него отдел его творчества, представляющий отчетливейшую в русск(ой) художественной литературе пародию 9-й песни Утреннего канона, прославляющей «Честнейшую херувим»¹⁶, подобно тому как лермонтовский космизм¹⁷ пародирует мотив полиелейных псалмов¹⁸, символизирующих в суточном богослужебном круге, — вообще воспроизводящем собою шестоднев¹⁹ — творческий акт 4-го дня, — творение светил под ликование ангелов²⁰.

Примечательно у Блока соседство книг «Ante Lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме»²¹ — 9-я песнь в утрени — «Богородицу и Матерь света в песнях возвеличим» — предшествует великому славословию, встречающему рассвет²².

9. Выше упомянуто о взаимной сводимости тем пушкинского «Жил на свете рыцарь бедный» и «Трех видений»²³ В. Соловьева. Первое — определение²⁴ от культа Богоматери, второе восходит к философствованию о Софии.

Остро интересна разработка проблемы об отношении философом о Софии к догматико-богословскому учению о Личности Богоматери²⁵. Проблема ждет исследования: не предпрешая выводов, кажется возможным, однако, глубинное единство тем принять за предпосылку. Обломки софийных философом, попадающие в низовьях потоков «культуры» — к романтикам в формуле «вечная женственность», ассоциацией сходства возводят мысль горе, туда, где молятся Бого-Родице-Присно-Деве. Решающий же аргумент правомочности сближения тем о Софии и Марии дает церковь, установившая чтение «законоположных для каждого софииста отрывков о Премудрости» (Притч. 9, I—II) в качестве паремии именно в богородичные праздники (а в Благовещение Притчи 8, 22—30)²⁶.

Ветхозаветный символ — по свойству каждого символа должен мыслиться и быть причастным символизируемой реальности, как причастен субстанции модус.

Дохристианское учение о Софии не есть ли вскрытие одного из модусов субстанции, — Новозаветное богословие, в котором раскрываются модусы другие; София не есть ли вершина ветхозаветных предчувствий о «Честнейшей Херувим»?

10. Характерная особенность блоковской темы о Прекрасной Даме — изменчивость ее лика, встречи с нею не в Храме только, но в «кабаках, в переулках, в избах»²⁷, перевоплощаемость Ее, Святой, в блудницу. «Владычицы вселенной, красоты неизреченной»²⁸, «Девы, Зари, Купины»²⁹ — в ресторанную девку³⁰ — изобличает у Блока хлыстовский строй мыслей, допускающий возможность и даже требующий воплощения Богородицы в любую женщину³¹.

Стихи утонченнейшего русского поэта и домыслы грубейшей русской секты соприкоснулись в самом глубинном. И «культура», и «некультурность» — от культа оторвавшись — одинаково его исказили, заменив культовую хвалу Владычице непристойной на Нее хулой.

Хула на Богоматерь — существенный признак блоковского демонизма. Литературно это — от «Гавририады».

11. Дальнейшее изложение сводится к документированию тезисов блоковскими стихами и к примечаниям на некоторые из них. (Использованы 3 первых тома издательства «Алконост», Бердин, 1923; из 4-го тома взято — «Двенадцать», Примечания к этим поэмам в тезисе 12-м.)

12. Поэма «Двенадцать» — предел и завершение блоковского демонизма (и метафизического, над ним: ему показана предель-

ная подмена, — и хронологическое, им самим в своем, хотя и обреченном, творчестве: больше ничего не писал).

Стихия темы, в этой поэме раскрывающаяся, названа начальными словами: «черный вечер». В плане тематики литературной поэма восходит к Пушкину: бесовидение в метель (Бесы).

Пародийный характер поэмы непосредственно очевиден: тут борьба с церковью, символизируемой числом — 12. Двенадцать красновардейцев, предводителем которых становится «Иисус Христос», пародируют апостолов даже именами: Ванька — «ученик, его же любяше», Андрюха — первозванного и Петруха — первоверховного³². Подставлены под знак отрицания священник («А вон и долгополый...») и иконостас («От чего тебя упас золотой иконостас»), т. е. тот и то, без кого и чего не может быть совершена литургия. Значительность этого последнего кощунства уяснится раскрытием значения иконостаса в одной работе о. П. Флоренского (Изложение по записи, хотя и почти стенографической, потому без кавычек).

Храм есть путь к Богу. Богослужение ведется по 4-й координате глубины — горе. Храм — лестница Иакова: притвор — храм — алтарь — престол — антиминс — чаша — Св. Тайны — Христос — Отец. Алтарь — пространство неотмирное. Небо от земли — алтарь от храма должен быть отделен видимыми свидетелями Невидимому — ликам святых. Они — как *видения* — возникают на границе видимого невидимого: они на грани двух миров — «ангелы во плоти». Иконостас — грань видимого и невидимого: агиофания и ангелофания дает в красках то, что мы должны были бы узреть перед Божиим престолом — живой облик свидетелей. Иконостас — костыль духовный для полуслепых, хромых, увечных. Уничтожить иконы — замуровать окна. Алтарь без иконостаса был бы отделен от храма глухой стеной и «eo ipso»³³ перестал бы быть алтарем.

Икона — линия, обводящая видение. Икона — окно в тот мир. Окно есть окно — только если за ним свет. Тогда оно — сам свет, а вне отношения к свету, как недействующее, оно мертво и *не есть* окно. Если символ являет реальность, то он от нее не отделим, иначе он не символ, а лишь чувственный материал.

Икона — энергия благодати Божией, а если этого прикосновения нет — она просто доска. Икону надо или недооценивать, или переоценивать, но не застывать на ее понимании как «символа-напоминания» только *.

* Ср. в тексте «Иконостас» (используются записи С. И. Огневой): «Храм есть путь горнего восхождения. Так — во времени: богослуже-

Блок, символист, не мог этого не понимать. Его недооценка нарочно кощунственна.

В поэме имеется четкое отрицание крещальных отрицаний. Троекратное и не всегда в поэме внутренне мотивированно повторяющееся «Свобода, свобода. Эх, эх, без креста» мотивируется параллельностью в чине оглашения «Отрекся ли еси сатаны» — Отрекохся, и «Считаешься ли еси Христу» — Сочетаваюсь. В этом отношении поэма — повторение второго крещения, отрицание крещальных отрицаний, отказ от крещальных стяжаний: кре-

ние, это внутреннее движение, внутреннее расчленение храма, ведет по четвертой координате глубины — горе. Но так же — и в пространстве: организация храма, направляющая от поверхностных оболочек к средоточному ядру, имеет то же значение. Точнее говоря, это не то же, в смысле такой же, а буквально, нумерически то же, хотя и рассматривается в отношении других координат. Пространственное ядро храма намечается оболочками: двор, притвор, самый храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец. Храм, как разъяснено было ранее, есть лестница Иаковлева, и от видимого она возводит к невидимому; но весь алтарь, как целое, есть уже место невидимого, область оторванная от мира, пространство неотмирное (...) Небо от земли, горнее от дольного, алтарь от храма может быть отделен только видимыми свидетелями *мира невидимого*, живыми символами соединения того и другого, иначе сказать, на границе видимого и невидимого, как символические образы видений при переходе от одного сознания к другому. Они — живая душа человечества, которою оно возшло в мир горний; отложив призрачные мечтания при переходе и восприняв иной мир, при возвращении долу, себя самих преобразили ангельские обряды мира евангельского. И не случайно этих свидетелей, своими ангельскими ликами делающих нам близкими и доступными невидимое, народная молва издавна называет ангелами во плоти (...) Иконостас есть граница между миром видимым и миром невидимым, и осуществляется эта алтарная преграда, делается доступной сознанию сплотившимся рядом святых, обступивших престол Божий, сферу небесной славы, и возвращающих тайну. Иконостас есть *видение*. Иконостас есть явление святых и ангелов — ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего Богоматери и Самого Христа во плоти, — свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти. *Иконостас есть сами святые*. И если бы все молящиеся в храме были достаточно одухотворены, если бы зрение всех молящихся всегда было видящим, то никакого иконостаса, кроме предстоящих самому Богу свидетелей Его, своими ликами и своими словами возвещающих Его страшное и славное присутствие, в храме и не было бы.

ста «Эх, эх, без креста» и имени... «и идут без имени святого все 12 вдаль»³⁴.

В поэме отчетливо и не обинуясь говорят черти:

Эх, эх, поблуди!
Сердце екнуло в груди!
Эх, эх, согреси!
Легче будет для души!
Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!
Эх, эх, позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Это только перевод на смердяковский язык Иван-Карамазовского «все позволено», более изысканно выраженного раньше:

Сверкнут ли дерзостные очи,
Ты их сверканья не отринь.
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь»³⁵.

По немощи духовного зрения молящихся, Церкви, в заботе о них, приходится пристраивать пособие духовной вялости: эти небесные видения, яркие, четкие и светлые, *отмечать*, закреплять вещественно, свет их связывать краскою. Но этот костыль духовности, вещественный иконостас не прячет что-то от верующих — любопытные и острые тайны, как по невежеству и самолюбию вообразили некоторые, а, напротив, указывает им, полуслепым, на тайны алтаря, открываем им, хромым и увечным, вход в иной мир, запертый от них собственной их кротостью, кричит им в глухие уши о Царствии Небесном, после того как оказались недоступными речи в обыкновенный голос <...> Храм без вещественного иконостаса отделен от алтаря глухой стеной; иконостас же пробивает в ней окна, и тогда через их стекла мы видим, по крайней мере, можем видеть, происходящее за ними — живых свидетелей Божиих. Уничтожить иконостас — это значит замуровать окна <...> Икона — и то же, что небесное видение, и не то же: это линия, обводящая видение. Видение не есть икона; оно реально само по себе; но икона, совпадающая по очертаниям с духовным образом, есть в нашем сознании этот образ, и вне, без, помимо образа, сама по себе, отвлеченно от него не есть ни образ, ни икона, а доска. Так, окно есть окно, поскольку за ним простирается область света, и тогда самое окно, дающее нам свет, есть свет, не «похоже» на свет <...>, а есть *самый* свет <...> Мысль простая, но почти всегда останавливается где-то на середине, между тем как правильное

Характер прелестного видения, пародийность лика являющегося в конце поэмы «Исуса» (отметим разрушение спасительного имени)³⁶ предельно убедительно доказывает состояние страха, тоски и беспричинной тревоги «удостоившихся» такого видения. Этот Иисус Христос появляется как разрешение чудовищного страха, нарастание которого выражено девятикратным окриком на призрак и выстрелами, встреченными долгим смехом вьюги. Страх тоски и тревоги — существенный признак бесовидения, указываемый агиографической литературой. На вопрос, по каким признакам можно распознать присутствие ангелов добрых и демонов, принявших вид ангелов, преп. Антоний Великий отвечал: «Явление Св. ангелов бывает невозмутительно. Являются они безмолвно и кротко, почему в душе немедленно является радость, веселие и дерзновение... Нашествие и видение злых духов бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно нашествию разбойников. От сего в душе происходит: болезнь, смятение, страх смертный...

Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо его в душу явилась неизгладимо неизглагольная радость, то не теряйте упования и моли-

не дойти до середины или перейти её; обычное понимание символа как чего-то самодовлеющего, хотя и частично, условно истинного, коренным образом ложно, потому что символ или больше этого, или меньше. Если символ как целесообразный достигает своей цели, то он реально не отделим от цели — от высшей реальности, им являемой; если же он реальности не являет, то значит — цели не достигает, и, следовательно, в нем вообще нельзя усматривать целесообразной организации, формы, и, значит, как таковой, он не есть символ, не есть орудие духа, а лишь чувственный материал <...>. И икона всегда: или больше себя самое, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть названа иначе, как расписанной доской <...> Икону должно или недооценивать, сравнительно с ходячим позитивистским полупризнанием, или переоценивать, но ни в коем случае не застревать на психологической, ассоциативной ее значимости, т. е. на ней, как на изображении <...> Икона, будучи явлением, энергией, светом некоторой духовной сущности, а точнее сказать, благодатью Божией, есть больше, чем хочет считать её мысль, выдающая себе аттестат «трезвости», или же, если этого прикосновения к духовной сущности не произошло, оно не есть вообще что-либо познавательного значения» (Флоренский П. А. Иконостас // Богословские труды. М., 1972. Сб. 9. С. 96—101).

тесь, а если чье явление сопровождается смятением, внешним шумом, мирской пышностью, то знайте, что это нашествие злых ангелов» *.

Блок говорил (Чуковскому), что, написав «12», несколько дней подряд слышал непрекращающийся не то шум, не то гул, но потом это смолкло **.

Чуковский свидетельствует, что Блок «всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказалась чья-то посторонняя воля, которой не мог не подчиниться, словно это были не просто стихи, но откровение свыше. Часто он находил в них пророчества ***.

А в конце «12», когда Гумилев заметил, что место, где появляется Христос, кажется ему искусственно приклеенным, Блок сказал: — «Мне тоже не нравится конец “12”. Я хотел бы, чтобы он был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос. Но чем больше я вглядывался, тем яснее видел Христа. И тогда записал у себя: к сожалению, Христос» ****.

* «Видение святых бывает невозмутительно (...) Являются они безмолвно и кротко, почему в душе немедленно рождаются радость, веселие и дерзновение (...) Нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно (...) нашествию (...) разбойников. От сего в душе происходит: боязнь, смятение, (...) страх смертный. Поэтому, если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо его происходит в вас неизглаголанная (...) радость, то не теряйте упования и молитесь (...); а если чье явление сопровождают смятение, внешний шум, мирская пышность, то знайте, что это — нашествие злых ангелов» (Житие преп. о. н. Антония, описанное св. Афанасием в послании к инокам — Свято-Троицкая Лавра. 1903. С. 32—33. Гл. 35—36. Сверка цитат, осуществленная Алексеем Дунаевым, здесь и далее помечена его инициалами А. Д.).

** «Он рассказывал, что, написав “12”, несколько дней подряд слышал непрекращающийся не то шум, не то гул, но после замолкло и это» (Чуковский К. Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 156). Здесь не цитируются воспоминания Белого, где есть аналогичная ссылка на признание Блока: «В заметке Александра Александровича, найденной после кончины его, встречается одно характерное место: “(...) Например, во время и после окончания ‘12’ я несколько раз ощущал физическим слухом большой шум вокруг, шум слитный, вероятно, шум от крушения старого мира”» (Там же. С. 10).

*** Ср.: Ашукин Н. С. А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах. М. 1924. С. 41. (с отд. неточностями).

**** Ср.: Там же. С. 41 (с отд. неточностями).

Противоестественное сочетание последних слов уясняет природу видения. Параллель ему в агиографической литературе читаем в житии преп. Исаакия Печерского (14 февраля).

У нас на Руси ³⁷, — «однажды, при наступлении вечера, преподобный, утомясь после молитвы, погасил свечу, сел на месте своем. Внезапно пещеру озарил великий свет, яркий, как солнечный, и к преподобному подошли два беса в образе прекрасных юношей, лица их светились, как солнце; они сказали святому: — “Исаакий, мы ангелы, а вот грядет к тебе Христос с небесными силами”.

Поднявшись, Исаакий увидел множество бесов, лица их светились, как солнце; один же среди них сиял более всех, и от лица его исходили лучи; тогда бесы сказали Исаакию: Исаакий, вот Христос, пади перед Ним и поклонись Ему. Не поняв бесовской хитрости и позабыв ознаменовать себя крестным знамением, преподобный поклонился тому бесу, как Христу. Тотчас же бесы подняли великий крик, возглашая “Исаакий, ты теперь наш”. И заставили его писать до изнеможения» *.

К музе (1912)

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Демонизм этой саморекомендации предельно-отчетлив. Но понимал ли Блок сам всю значительность своих признаний?

* Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского. М., 1905. Кн. 6. С. 284.

Вот православный материал для ее уяснения (к строфе 3-й).

Из жития преп. о. н. Максима Кавсокаливита.

Об умной молитве. Добротол. V, 475—476.

Слова преп. Максима, обращенные к св. Григ. Синаиту.

«Когда злой друг прелести приближается к человеку, то возмущает ум его, делает диким, сердце ожесточает и омрачает, надевает боязнь, и страх, и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно перед очами показывает, свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает иступленным и бесноватым и уста заставляет говорить снова непокорливые и хульные» *.

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывали признаки непрелестного и прелестного просвещения, как делал и преблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «Свет силы вражеской огневиден и подобен чувственному огню» (св. Каллист и Игнатий. Наставление безмолвствующим; гл. 63; Доброт. V, 382) **.

«К новоначальным нравоучительным и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух наподобие света, а иногда производя какие-либо образования, чтобы такими искушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова» ***.

«Неяркий, пурпурно-серый» — это окраска для многих блоковских стихов.

* Из жития преп. о. н. Максима Кавсокаливита. Об умной благодатной молитве. — Добротолюбие, в русском переводе, дополненное. М., 1889, Т. V. С. 475—476. — А. Д.). С отдельными неточностями.

** В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного просвещения, как сделал и преблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «Свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню...» (Каллист Патриарх и сподвижник его Игнатий, Ксанфопулы. Добротолюбие. Т. V. 2-е изд., гл. 63. О просвещении истинном и ложном, т. е. о свете Божеском и лукавом — вражеском. С. 382). — А. Д.

*** «К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух, наподобие света, а иногда производя огневые какие-либо образования, чтоб такими искушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова» (Блаженный Каллист Патриарх. Главы о молитве. Гл. 13. Ibid. С. 427). — А. Д.

Двойник (1909)

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.
И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится,
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу, — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снится ли он мне во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально,
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Это стихотворение и другое — «Мой бедный, мой далекий друг» — (1912) литературные предки есенинского «Чужого человека» *.

Песнь ада (1909)

.....
В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

* Описка, правильно: «Черного человека».

Вглубь зеркала сквозь утренний туман
Навстречу мне сквозь паутину мрака
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волнением непонятым
В черты его отцветшего лица.

И вопрошаю голосом чуть вятым:
— «Скажи, за что томиться должен ты
и по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятение тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муче беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле, —
томим волной безумного напева,
С печалью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мною — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в её зеницах взоры,
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал неожиданно-скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно стали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

.....

К тезису 8 и 10. Одно из самых жутких по предельному обнажению «тайного», подсознательного — стихотворений Блока. Поистине страшно читать такую исповедь одержимой души.

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиной
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глазах зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращения нет.

(К тезису 7-му)

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Стихотворение выражает страдание, сопровождающее мысль о вечном круговращении. Идея к Блоку попадает от Екклезиаста («Нет ничего нового под солнцем», 1.9) через Ницше и Достоевского: «Да, теперешняя земля, может быть, сама-то биллион раз повторялась, ведь это развитие может уж бесконечно раз повторяться все в одном и том же виде до черточки... Скучища неприличнейшая!» (Братья Карамазовы. Черт.)³⁸.

Но ощущение этой неизбежной в человечестве эмоции у Блока совершенно непосредственно.

Как растет тревога (1913)

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесь мучит, жизнь хлопочет.

На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит,
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, что-то бродит,
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не все ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Все равно не хватит силы
Дотащиться до конца.
С трезвой, лживой улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца...
(к тезису 7-му)

Ощущение «кого-то», бродящего в мире, повторено в «Возмездии» с большей (если здесь еще не ясно...) конкретизацией:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Литературно это и следующее («Жизнь моего приятеля») восходит к пушкинскому «Когда для смертного угаснет шумный день». Но для уяснения подлинной природы тревоги, страха, тоски и беспокойства, о которых говорит Блок, вот несколько параллелей. Нет нужды удаляться в «Добролюбие» — пусть говорит блоковский современник:

Многочисленны и разнообразны пути, которыми диавол входит в душу и удаляет её от Бога, налегает на неё всем существом своим — мрачным, ненавистным, убивающим... Когда диавол в нашем сердце, тогда необыкновенная, убивающая тяжесть и огонь в груди и сердце; душа человеческая стесняется, все ее раздражает, ко всякому доброму делу чувствует отвращение... Большая часть людей носит добровольно в сердце своем тяжесть сатанинскую, так как привыкли к ней, что часто и не чувствуют ее и даже увеличивают ее незаметно. Иногда, впрочем, злобный враг удесятерят в них свою тяжесть, и тогда

они страшно унывают, малодушествуют, ропщут, хулят имя Божие. Обыкновенное средство прогонять тоску у людей века сего — вечера, танцы, театры. Но эти средства после еще более увеличивают скуку и томление сердца. Если же по счастью обратятся они к Богу, тогда спадает вся их тяжесть. И они видят ясно, что прежде на их сердце лежала величайшая тяжесть, хотя они часто и не чувствовали ее... Если ты иногда замечаешь в уме и сердце крайний мрак, скорбь, тоску, тесноту и неверие, тогда знай, что в тебе сила, враждебная Христу — дьявольская. Эта сила темная и убивающая, прокравшись в наше сердце через какой-либо грех сердца, часто не дает призывать Христа и Святых, скрывая их за мглой неверия... * (*О. Иоанн Кронштадтский*. *Моя жизнь во Христе*. Т. 1. С. 90, 136, 138).

Говорят черти (1915)

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

* Цитата содержит мелкие неточности: «Многочисленны и разнообразны пути, которыми диавол входит в нашу душу и удаляет ее от Бога, налетает на нее всем существом своим — мрачным, ненавистным, убивающим» (С. 33). «Когда диавол в нашем сердце, тогда необыкновенная, убивающая тяжесть и огонь в груди и сердце; Душа чрезвычайно стесняется и помрачается; все ее раздражает; ко всякому доброму делу чувствует отвращение» (С. 34). «Большая часть людей носит добровольно в сердце своем тяжесть сатанинскую, но так привыкли к ней, что часто и не чувствуют ее и даже увеличивают ее незаметно. Иногда, впрочем, злобный враг удесяттеряет в них свою тяжесть, и тогда они страшно унывают, малодушествуют, ропщут, хулят имя Божие. Обыкновенное средство прогнать тоску у людей века сего — вечера, карты, танцы, театры. Но эти средства позже еще более увеличивают скуку и томление сердца. Если же по счастью обратятся они к Богу, тогда спадает с сердца их тяжесть, и они видят ясно, что прежде на их сердце лежала величайшая тяжесть, хотя они часто и не чувствовали ее» (С. 83—84). «Если ты иногда замечаешь в уме и сердце крайний мрак, скорбь, тоску, тесноту и неверие (...) тогда знай, что в тебе сила, враждебная Христу — дьявольская. Эта сила темная и убивающая, прокравшись в наше сердце через какой-либо грех сердца, часто не дает призывать Христа и Святых, скрывая их за мглой неверия...» (С. 86). Цитаты даны по книге: *О. Иоанн Кронштадтский*. *Моя жизнь во Христе*. М., 1891, Т. 1. (страницы указаны в скобках). В ВСРХД указание на страницы 33—34, 85, что ближе к истине, но также не совсем точно.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино.
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнули ли дерзостные очи —
Ты их сверканья не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь все равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты в иступленном покаяньи
Проклясть замыслишь бедных нас.

И станешь падать, но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

Блоковские черты с изумительной откровенностью, выражаясь современно, «обнажают прием»³⁹ своих искушений — пародийность (шептать заветное «аминь» как ангелы — пародия на Псалом 90, 11). Но учат — глупости — «Грехам, грехам, вину и страстной ночи», т. е. злу — нельзя шептать «аминь», так как грех непричастен истинному бытию и не может быть утвержден аминем. Грех — опасность потери бытия, небытия по причине греха... ибо зло не существует (Дионисий Ареопаг. «О церк. иерархии»). Аминь над вином только единственный раз «а еже в чаше сей». И то тогда, когда оно онтологически уже не вино⁴⁰.

Демон (1916)

Иди, иди за мной — покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновенным для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же ветер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше,
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья, —
Я улыбнусь тебе: «лети».

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту.

Вариант мотивов лермонтовского Демона, близкий к подлиннику словарными и ритмо-синтаксическими деталями (сравни 5 строфу с лермонтовским «Ты знаешь ли, какая малость»),

И ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь.
Волненье крови молодое,
Но дни бегут и стынет кровь ⁴¹.

Но ученик превзошел учителя. Стих — абсолютно совершенен по форме и чистоте языка.

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь, из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть невозможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

1909

Это и следующее — жуткое свидетельство опустошенности души, прижизненной смерти, касания небытия, распада личности.

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы:
День догорел в душе давно.

1909

И для человека выпало основное прошение просительной ектеньи: «Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим...» ⁴².

Ектенья — схема всей человеческой жизни. Она объемлет все, что разворачивается на фоне жизненного дня... А здесь — потух фон, «день догорел в душе давно».

Благовещение

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
В огородах вспыхивают розы.
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий Ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали,
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
И над ними — символ своеволя,
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый,
Он проводит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Hic amoris locus sacer est».

Эта «хула на Духа святого» ⁴³ — очевидные побег пушкинско-го «ствола», повторение «Гавририады» ⁴⁴, которая сама — вульгаризированный осколок несторианской ереси ⁴⁵.

Кошунство над «спасения нашего главизной» * — предел всякого демонизма и свидетельство подлинности последнего.

Тут в отрицании «еже от века таинства явления» ** заключено отрицание всех таинств, особенного таинства Тела и Крови Христовой, отрицание литургии ⁴⁶. Говоря образно, Блок ломится к престолу («ложесна бо Твоя престол сотвори») ⁴⁷ через Царские врата, сокрушая центр иконостаса (Благовещение) ⁴⁸. Примечательно, что в стихотворении, имеющем в виду католическую картину ⁴⁹, упомянуты все символы православных Царских врат: Благовещение, следовательно, и ангел и гриф (т. е. голова орла у крылатого туловища льва, когтящего *тельца*). Мотив борьбы с Иконостасом у Блока и в «12»:

— От чего тебя упас
Золотой Иконостас —

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.
О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласит с несбыточною верой,
Ведь мгла — всё — мгла.
И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней,
Мой мертвый сон.

1912

Замечательно раздражение против церковного звона, т. е. физического вторжения Церкви в сферу «князя воздушного».

И примечателен спектр стихотворения: «красно-серый». (Сравнить выше — свет бесовидения).

Разлетаясь по всему небосклону,
Огнекрасная туча идет.

* Из тропаря на праздник Благовещения.

** Там же.

Я пишу в моей келье Мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнекрасные отсветы ярче,
на суровом моем полотне...
Неотступная дума все жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

1914

Это и два следующих — как оправдание предчувствия:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо...
... но страшно мне: изменишь облик Ты.

Полное совпадение «Ее лица» (во 2-м стих.) и лица «Демона утра» показывает, что подмена совершилась.

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

1914

Примечательно, что в молитве Златоуста на всякий час суток, если начать ее с первого часа по церковному счету, т. е. с 7 часа утра⁵⁰ — прошение «Господи, покрый мя от человек некоторых и бесов и страстей, и от всякие иныя неподобныя вещи» приходится на 5 часов утра.

А у Клюева (как у Гоголя в «Старосветских помещиках») встречаем видение беса полуденного:

На отмели греет оплечья —
Полуденный бес, как тюлень,
По тяге в сивушную лень
Узнаем врага человечья.

Он в тундре оленем бежит,
Суглинком краснеет в овраге,
И след от кромешных копыт —
Болотные, тряские маги.

* * *

Люблю высокие соборы
Душой смираясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В моей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенных свечей,
Бужу я память о двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать,
Люблю высокие соборы
Душой смираясь, посещать.

1902

Мотив пародийности, лежащий в основе творчества, обнажен здесь самим поэтом.

«Что еще требуем свидетелей. Се ныне слышахом хулу его»⁵¹.

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарюта
Улыбку видели гонцы.

1902

«Но из-под маски лицемерной смеются лживые уста» — сказано было выше про себя. Значит, улыбающийся Иуда — автопортрет.

«Ты в поля отошла без возврата». Страстная суббота — слышится в этом великосубботнем стихотворении, какой-то выверт мотива — «Не рыдай Меня Мати, зряще во гробе»... ⁵².

Девушка пела в церковном хоре.

Смысл стихотворения мне представляется как тонкое кощунство: ребенок, причастный Тайнам, т. е. Тайнозритель, знает один, что молитва бесполезна и что, следовательно, все, кому кажется, что радость будет — жалкие самообольщенцы.

Тут параллель тютчевскому:

И нет в творении Творца,
И смысла нет в мольбе ⁵³.

«Второе крещение» («Открыли дверь мою метели»). Стихотворение говорит про себя. Это нечто повторяющее опыт Юлиана Отступника с раскрещиванием, попытка «отмыть воды крещения» ⁵⁴.

Здесь — отрицание купели и обетов при ней. Примечательно — крещением третьим будет смерть.

Прочь

.....
Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лед ночей!

Трижды красные герольды
на кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!
Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
не поднять меня крылами,
не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

1907

Нет исхода

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...
Тихо смотрит в меня
Темноокая.

И колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях,

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы

И призывно глядят на меня:
«Восстань из мертвых!»

1907

Это единственное стихотворение у Блока, где он сам сознает безвыходность своей одержимости.

По улицам метель метет,
Сбивается, шатается,
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.
Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду межу —
И буду в стройном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
Пойми: уменьем умирать
душа облагорожена...

.....

Ведет его (как четко выражен характер данности, ср. терминологию Н. О. Лосского «мое» и «данное мне») часто являющийся в метелях демон самоубийства. (Данное стихотворение можно сопоставить с «Демоном самоубийства» Брюсова.)

Диавол — не только дух небытия, но и дух самоуничтожения. Не имея средств уничтожить себя до конца, дух тьмы требует от Бога себе уничтожения... «И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти» (Зосима в «Братях Карамазовых») *.

Не получая уничтожения своей «ноуменальной личности», диавол свою тягу к небытию осуществляет тем, что обращает самоубийство на свою социальную веру, уничтожая в людях веру в свое существование, и толкает на самоубийство одержимых. Уныние — один из смертных грехов. Оно прямой путь к небытию. Существо, впавшее в уныние, обыкновенно стремится покончить с собой путем повешения (от Иуды до Есенина) и готово было бы ежедневно совершать над собой тот отвратительный акт, если бы могло надеяться придти таким путем к полноте небытия. Отсюда — вожделенность смерти для Блока. Но не самоубийства тут — бесполезного, — он понимает, но самого страшного — смерти второй — абсолютного метафизического уничтожения. Вот о чем слова: «Крещением третьим будет смерть».

Христиане — «в смерть Его (Иисуса Христа) крестихомся» ⁵⁵.

Блок хочет «креститься в свою смерть».

Глубинная пародийность очевидна.

* Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч. Т. XIV. С. 293.

(Кое-что в этом примечании из статьи Лосского «О природе сатанинской» (по Достоевскому). «Сборник» под ред. Долинина) **.

КОММЕНТАРИИ

¹ Из стихотворения А. Блока «Как свершилось, как случилось?..» (1912).

² Пятилетняя годовщина со дня смерти Блока исполнилась 7 августа 1926 года, о точной дате проведения вечера см. далее в статье Е. В. Ивановой.

³ Третьего не дано (*лат.*).

⁴ На дано и второго (*лат.*).

⁵ Через родовое сходство и видовое отличие (*лат.*).

⁶ Родовое сходство (*лат.*).

⁷ Слово одного из героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» Смердякова — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 115. Эти же слова процитированы в «Воспоминаниях» Павла Фло-

** Эти и последующие рассуждения представляют собой вольный пересказ рассуждения Н. О. Лосского: «Великий инквизитор называет диавола не только духом небытия, но и духом самоуничтожения (...) Страдание, утратившее смысл, есть уныние (*acedia*), один из семи смертных грехов. Оно прямой путь к небытию. Существо, впавшее в уныние, обыкновенно стремится покончить с собой путем повешения и готово было бы ежедневно совершать над собою этот отвратительный акт, если бы могло надеяться придти таким путем к полному небытию, но и в момент самой гибели своей, оно, пока пребывает в унынии, не раскаялось бы и не перестало ненавидеть того, кому хотело причинить зло. Так, Смердяков повесился, не оставив записки о том, что убийство совершено им, хотя и был уверен, что Иван Федорович не сообщит в суде рассказанную им историю преступления. Итак, духи тьмы становятся духами “самоуничтожения и небытия”, не имея средств уничтожить себя до конца, они “требуют” от Бога “себе уничтожения”. Старец Зосима говорит о них: “Ненасытимы во веки веков, и прощение отвергают, Бога, зовущего их, проклинают. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожил себя Бог и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти”». (*Лосский Н. О.* О природе сатанинской (По Достоевскому) // *Ф. М. Достоевский.* Статьи и материалы. Сб. 1. Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 83).

ренского, в главе, публикующейся под условным заглавием «Обвал», над которой Флоренский работал в январе 1924 года (Детям моим. С. 218).

⁸ Из стихотворения А. Блока «За гробом» (1908):

Был он только литератор модный,
Слов кощунственных творец...

⁹ «Прелесть» в терминологии православия означает подверженность соблазну, бесовскому обольщению. Ср. из воспоминаний Г. Чулкова о Блоке: «И все так думают, что в “Стихах о Прекрасной Даме” поэт выразил свое заветное и светлое. И я так думал, не переоценивая того внутреннего опыта, который понудил Блока славить таинственную возлюбленную. Теперь — признаюсь — у меня возникают большие сомнения об источнике этих очарований. Эти сомнения — кажется — бывали во мне и раньше, но лишь в последние годы я убедился, что есть такая “тайная прелесть”, которая ужаснее иногда “явного безобразия”» (В кн.: Письма А. Блока. Л., 1925. С. 95).

¹⁰ «Три свидания» — поэма Вл. Соловьева (1898).

¹¹ Подразумевается тропарь Богородице святителя Космы епископа Манумского (VIII в.), где Божья Матерь величается: «Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшая, сущую Богородицу, Тя величаем».

¹² О явлении Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому см.: Житие и подвиги преп. и богоносного о. н. Сергия Радонежского и всея России чудотворца, составленное архимандритом Никоном. Сергиев Посад, 1892. С. 199—201.

¹³ Преп. Серафиму Саровскому Божья Матерь являлась 12 раз. Подробнее см. об этом: *Чичагов Л. М.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 1896; 2-е изд., 1903.

¹⁴ Эпиграф из Пушкина Блок вписал во вторую черновую тетрадь, где записывались стихи 1900—1902 гг. Но в издании «Стихов о Прекрасной Даме» в собрании сочинений А. Блока, подготовленном в издательстве «Алконост», на которое ссылается автор доклада, этот эпиграф не воспроизводился. Весь этот отрывок представляет собой пересказ воспоминаний С. Соловьева: «Начинался период “Прекрасной Дамы”. На первой странице толстой тетради его стихов его крупным, каменным почерком было написано в виде эпиграфа:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму.

Собирался писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах Божьей Матери» (*Соловьев С.* Воспоминания об Александре Блоке // Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 12.). О намерении писать сочинение «Сказания об иконах Богородицы» Блок писал отцу 30 декабря 1903 года (см.: Письма А. Блока к родным. Л. 1927. Т. 1. С. 99).

¹⁵ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» В данном случае автор доклада приводит слова духа лукавого, который пытается исхитить у Бога душу рыцаря:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа...

Смысл этой цитаты в докладе не совсем ясен.

¹⁶ Чтение канона — часть утрени, которая, в свою очередь, составляет вторую часть всенощного богослужения. Канон состоит из 9-ти песней, соответствующих по содержанию празднику, в честь которого совершается богослужение. «Перед девятой песнью канона диакон с кадилом возглашает перед иконой Богородицы: “Богородицу и Матерь Света песнями возвеличим”, призывая к особому вниманию и торжественности. Пресвятая Богородица именуется Матерью Света, потому что от нее воплотился Свет человеков — Господь Иисус Христос. Далее поется песнь Богородицы — собственное славословие Богоматери, произнесенное при свидании с праведной Елизаветой, матерью Иоанна Предтечи: “Величит душа моя Господа” (<...> Припевом ко всем шести стихам этой песни Богоматери служит песнь “Честнейшую Херувим...”» (Всенощное бдение: Литургия. М.: Издательство Московской Патриархии, 1982. С. 71). Благодаря вторжению цитаты из Пушкина («Он за матерью Христа...»), — это одно из непонятных мест доклада; здесь, вероятно, пропущена какая-то переходная фраза, типа: «Стихи Блока ближе к тому, что в стихотворении “Жил на свете рыцарь бедный...” Пушкина говорит дух лукавый и т. п. ...». Мысль докладчика заключается в том, что «Стихи о Прекрасной Даме» являются пародийными по отношению к «Честнейшей Херувим...» (см. примеч. 11). Сугубая кощунственность этой пародии заключается еще и в том, что «Честнейшей Херувим...» придается исключительное значение. Здесь «с особой выразительностью Пресвятая Дева исповедуется настоящей, действительной Богородицей и с великим дерзновением веры прославляется выше Высочайших ангельских чинов» (*Скабелланович М.* Толковый типикон. Киев, 1913. С. 275).

¹⁷ Вероятно, подразумеваются темы поэмы Лермонтова «Демон».

¹⁸ Полиелейный псалом (полиелей — букв. «обилие масла»), где елей олицетворяет Божию благодать, благословение. Полиелей является самой торжественной частью утрени, во время которой в храме возжигаются все светильники. Полиелей начинается пением хвалебных псалмов 134 («Хвалите имя Господне...») и 135 («Славьте Господа, ибо Он благ...»). Подробнее см.: Всенощное бдение. С. 69. Что подразумевается под лермонтовским космизмом — ясно не совсем, возможно, здесь неточность записи. Пародийным же по отно-

шению к полиелейным псалмам 134 и 135 можно назвать лермонтовское стихотворение «Благодарность» (1840).

¹⁹ Суточный богослужебный круг образуют повечерие, вечерня, утренная, полунощница и четыре службы часов, за которыми следует литургия; все вместе они символически воспроизводят шесть дней творения, в которые, согласно Библии, Бог создал землю, небо, светила небесные, воду и сушу, растительный и животный мир, а также человека.

²⁰ В четвертый день творения, по Библии, Бог создал «Светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней, и годов <...> И создал Бог два светила великие: светило большее для управления днем и светило меньшее, для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью и отделять свет от тьмы» (Быт 1. 14–18).

²¹ Заглавие «*Ante Lucem*» (перед светом — *лат.*). Блок дал циклу своих стихов, предшествовавшему циклу «Стихов о Прекрасной Даме», тем самым подчеркивая, что стихи первого создавались перед встречей с той, благодаря которой в его жизнь вошел свет.

²² См. примечание 16.

²³ Имеется в виду поэма Вл. Соловьева «Три свидания».

²⁴ Вероятно, ошибка. По смыслу должно быть «отделение» вместо «определение».

²⁵ В книге «Столп и утверждение Истины» Флоренский бегло коснулся вопроса о соотношении философом Софии и Божьей Матери. Размышляя о том, что почитали в Богоматери прежде всего такие инок, как преподобный Сергей, Серафим Саровский и другие, Флоренский писал: «Они чтут в Божией Матери Носительницу Софии, Явление Софии и чувствуют, что их духовное устройство — именно от Софии» (Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 358).

²⁶ Паремия (*греч.*) — притча, мудрое и образное иносказание. В православном богослужении — чтение отрывков из Ветхого Завета, в которых содержится прообраз или пророчество о событии, которому посвящен праздник. Среди Богородичных праздников о Софии в Рождество Богородицы читается «Премудрость созда Себе дом...» (Минея, сентябрь, 8 день — М., 1978. С. 216).

²⁷ Неточная цитата. Лирический герой блоковского стихотворения «В кабаках, в переулках, в извивах...» (1904) ждет светлого ангела, чтобы приобщить небесам одну из прохожих женщин.

²⁸ Из стихотворения Блока «Сны раздумий небывалых...» (1902):

Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайно, бедный, тленный,
Может быть, любим...

²⁹ Из стихотворения Блока «Странных и новых ищу на страницах...» (1902):

Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина...

³⁰ Имеется в виду сюжет стихотворения Блока «Незнакомка» (1906), в последних строках которого поэт обращается к той, кто в первой части описана как некое светлое видение:

Ты, право пьяное чудовище,
Я знаю — истина — в вине...

³¹ В воспоминаниях А. Д. Скалдина есть упоминание о том, что Блок проявлял интерес к секте хлыстов: «О хлыстах Александр Александрович говорил много. Он (с другими) ездил к хлыстам за Московскую заставу {...} Александра Александровича влекла тамошняя “богородица”. Она была замечательная женщина, готовая перевоплотиться в поэтический образ, — так был силен ее лиризм» (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 181).

³² Двенадцать апостолов в Новом Завете — 12 избранных Иисусом Христом учеников, которых Он послал благовествовать, то есть проповедовать Евангелие, а так же наделил властью изгонять бесов и даром исцелять больных. Среди этих апостолов Петр (до встречи с Иисусом — Симон) был призван в числе первых на служение Христу и во всех евангельских перечнях учеников Христа возглавляет группу наиболее близких ему апостолов, куда входят еще Андрей, Иаков и Иоанн, поэтому Петра называют Первоверховным. Автор доклада разделял распространенную точку зрения, что 12 красноармейцев в поэме Блока пародийно повторяют число апостолов Христа, тем более очевидную, что в финале Христос появляется во главе отряда красноармейцев. Но автор доклада видит пародийный смысл и в именах красноармейцев: Ванька сопоставляется с евангелистом Иоанном, который о себе говорит как об ученике «его же любяше Иисус» (Ин 13. 23). Апостол Андрей первым последовал за Христом и потому получил имя «Первозванный».

³³ Тем самым (*лат.*).

³⁴ В чинопоследование крещения входит отречение от сатаны. Крещаемый поворачивается на Запад и на троекратно повторяемый вопрос священника «Отрицаеши ли ся сатаны и всех дел его...» троекратно отвечает: «Отрицаюся». Это и есть крещальные отрицания. Затем следует поворот на Восток и совершается чин сочетавания, когда на троекратно задаваемый вопрос «Сочетаваеши ли ся Христу?» следует троекратный же ответ «Сочетаваюся». Автор доклада утверждает, что блоковские слова «эх, эх, без креста» означают символический отказ от крещения, то есть второе крещение, которое для него есть раскрещивание (см. примеч. 54).

³⁵ Цитируется стихотворение Блока «Грехи, пока тебя волнуют...» (1915) из цикла «Жизнь моего друга».

³⁶ Исус — такое написание имени Божьего сохранено в старообрядчестве, не признавающем написания Иисус, введенного реформами Никона. Старообрядцы считали, что изменение имени лишило никоновскую церковь благодати Божией. По мысли докладчика, Блок, возвращаясь к старому написанию имени, тем самым подчеркивает безблагодатность православия.

³⁷ Явный дефект текста. По смыслу должно быть: «В житии преп. Исаакия Печерского, празднуемого у нас на Руси 14 февраля...» и т. д.

³⁸ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. XV. Л., 1976. С. 79.

³⁹ Обнажение приема — термин поэтики ОПОЯЗа. По предположениям В. Эрлиха, был заимствован из работы У. Джеймса «Психология».

⁴⁰ Имеется в виду часть Литургии, во время которой пресуществляется хлеб и вино в Тело и Кровь Христову для совершения последующего таинства Евхаристии (причащения). Священник при этом возглашает: «А еже в чаше сей, честную кровь Христа твоего» и заканчивает «Аминь».

⁴¹ Опять в тексте неточность. По смыслу должно быть: сравни 5 строфу «Ты знаешь ли, какая малость...» с лермонтовским «Демоном» — «Иль ты не знаешь, что такое / Людей минутная любовь? / Волнение крови молодое, — / Но дни бегут и стынет кровь...» (*Лермонтов М. Ю.* Сочинения. М., 1980. Т. 2. С. 396).

⁴² Ектенья — правильно: ектения (*греч.*) — усердное, протяжное моление, входящее в православное богослужение. Во время ектении Церковь соединяет всех своих чад в молении о Божественной помощи грешному человеку на всех путях его земной жизни. По содержанию ектения разделяется на сугубую, т. е. усиленную, когда просят о помощи лицам, просительную, во время которой призывают Божью помощь в нуждах, не называя чьих, и великую или мирную, объединяющую все предыдущие ектении, и малую, где молящийся говорит о себе и своих нуждах.

⁴³ Хула (брань) на Духа Святого составляет непрощаемое прегрешение для верующего, о чем неоднократно упоминается в Евангелиях: «Посему говорю Вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку» (Мф 12. 31—32; Мк 3. 29).

⁴⁴ Первым, кто сравнил это стихотворение с пушкинской «Гаврилядой», был Сергей Соловьев — см. цитату из его воспоминаний в публикуемой далее статье «Об атрибуции доклада “О Гласе”».

⁴⁵ Несторианская ересь — от имени константинопольского архиепископа Нестория (428—431), которому принадлежало одно из решений вопроса о соотношении божественной и человеческой природы Христа, осужденное как ересь на Ефесском соборе в 431 г.

⁴⁶ Цель Литургии (или обедни) составляет таинство святого Причащения Тела и Крови Христовой.

⁴⁷ Слова молитвы «О Тебе радуется, Благодатная...» из Литургии Василия Великого.

⁴⁸ Икона Благовещения, на которой изображен Архангел Гавриил, возвещающий Благою весть, что Деве Марии суждено стать Матерью Спасителя, помещается в центре Иконостаса.

⁴⁹ Стихотворение «Благовещение» Блок снабдил примечанием, что его сюжет подразумевает фрески Джиаанниколы Мании в Перуджи — см. в кн.: *Блок А. Собр. Соч. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 538.*

⁵⁰ Молитва 7-я на сон грядущим св. Иоанна Златоуста «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ...» должна читаться по одному стиху на каждый час суток.

⁵¹ Мф 26. 65; Мк 14. 63—64.

⁵² Стихотворение Блока «Ты в поля отошла без возврата...» сопоставляется с молитвой Космы Маиумского «Не рыдай мене, Мати, зрящи во гробе».

⁵³ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «И чувства нет в твоих очах...» (1836).

⁵⁴ Второе крещение автор доклада понимает как раскрещение, ссылаясь на роман Д. Мережковского «Юлиан Отступник». Римский император Юлиан (361—363), прозванный Отступником, пытался изгнать христианство и возродить дух эллинизма, который для него олицетворяло язычество, и потому отказался от крещения (см. примеч. 34). Отметим, что Блок идею второго крещения мог заимствовать у сектантов, которые в большинстве не признают православного крещения и требуют от обращенных второго крещения. Некоторые сектанты считают второе крещение обязательным в зрелом возрасте, поскольку первое крещение после рождения совершается без ведома самого человека — надо, чтобы он в зрелом возрасте сознательно выбрал вероисповедание. Второе крещение признают баптисты, евангелисты, хлысты и некоторые другие секты.

⁵⁵ Римл 6. 3.

Е. В. Иванова

ОБ АТРИБУЦИИ ДОКЛАДА «О БЛОКЕ»

Впервые статья «О Блоке» появилась за подписью «Петроградский священник» на страницах журнала «Путь», издававшегося в Париже под редакцией Н. Бердяева. «Эта рукопись — доклад, — было сказано в редакционном примечании, — принадлежащий умершему петроградскому священнику, доставлена в редакцию “Пути” из России». Вслед за докладом «О Блоке» на страницах «Пути» была помещена полемическая статья Н. Бердяева «В защиту Блока».

Вопрос об авторстве доклада «О Блоке» на этом этапе не поднимался, не затрагивал его и ответ Бердяева; указание, что рукопись прислана из России, как бы исключало возможность раскрытия авторства по причинам, в 1931 году понятным. К сожалению, обсуждение этого вопроса стало возможным лишь спустя сорок с лишним лет, когда никого из тех, кто редактировал журнал «Путь», не было в живых. Редакционное же примечание можно истолковывать по-разному: фамилия священника могла быть неизвестна редакции, или не названа намеренно, с одной стороны, а с другой — ссылку на скончавшегося священника можно рассматривать как попытку навести на ложный след, поскольку автор жил в большевистской России.

Второй раз доклад «О Блоке» появился на страницах «Вестника Российского Студенческого Христианского Движения» в 1974 году (№ 114), но уже за подписью «Свящ. П. Флоренский». В этой публикации появился подзаголовок «неопубликованная авторская запись доклада». Новое редакционное примечание гласило: «Рукопись этой записи очень неисправна и местами протерта. Вверху первой страницы пометка: “Харбин, 1937”. Приносим ее владельцу Н. Толстоухову, передавшему ее для напечатания в Вестнике, самую сердечную благодарность от имени наших читателей». Позднее в статье Андрея Шишкина «Флоренский о Блоке» текст машинописи, с которого делалась эта публикация, был подробно описан, факсимильно воспроизведены первая и последняя страницы¹. Как показало проделанное А. Шишкиным исследование этого исходного текста второй публикации, никаких оснований для атрибуции статьи он, увы, не дает: имя Флоренского было написано на тексте рукой неустановленного лица и без всякой аргументации, а подзаголовок и некоторые исправления были внесены в текст редакцией «Вестника» по собственному разумению.

После публикации доклада в «Вестнике РСХД», уже в следующем номере там же появилось письмо В. Евдокимова (1975, № 116), который не без ехидства замечал: «За последнее время замечен интерес к Блоку, и редакция Вестника с удовлетворением отмечает о ценном приобретении от г. Толстоухова этой статьи, прошедшей через половину земного шара, перед тем, как она попала в редакцию “Вестника” и была напечатана как новинка для удовлетворения “блоковедов”. Могу, однако, сообщить, что указанная статья попала в 1937 году в Харбин в виде рукописи гораздо позже, чем она была напечатана, дословно, без малейших изменений в журнале “Путь” № 26 в феврале 1931 года (С. 86—109), в то время издаваемом в том же самом доме, где печатался Вестник РСХД и было само Движение: 10, бульвар Монпарнас, Париж 15, т. е. за 6 лет до Харбинской рукописи и за 44 до появления ее в № 114 Вестника. Статья в «Пути» не называет имени автора, но указывает, что она написана «петроградским умершим священником», — в связи с неясными сведениями о дате смерти о. Флоренского навряд ли указание в 1931 году в журнале «Путь» на анонимного, как уже умершего автора, может являться бесспорным: возможно, в то время требовалась большая осторож-

¹ Шишкин Андрей. Флоренский о Блоке // Русская мысль. 1990. Литературное приложение № 10.

ность в печатании статей из Советской России и прикровенность указаний на автора?» Отметим попутно, что у В. Евдокимова, тесно связанного в прошлом с Российским Студенческим Христианским движением, публиковавшегося в «Вестнике РСХД», авторство Флоренского сомнений не вызвало.

Сличение текстов доклада в журналах «Путь» и «Вестник» позволяло установить их если не тождество, то близость. Тем больший интерес представляли некоторые незначительные расхождения. Наиболее существенным из них является подзаголовок — «неопубликованная авторская запись доклада» — появившийся в «Вестнике». А. Шишкин в вышеназванной статье показал, что подзаголовок был сделан редакцией «Вестника». Отметим, что этот подзаголовок не совсем согласуется с первой фразой: «Доклад возник случайно и не был записан»: перед нами вовсе не обязательно авторская запись.

Другим существенным отличием являются даты, упоминаемые в первом абзаце доклада. Если в тексте «Пути» упомянут вечер памяти Блока, состоявшийся по поводу пятилетней годовщины со дня смерти поэта, то в тексте «Вестника» пятилетняя годовщина превратилась в десятилетнюю. Но, как следует из публикации А. Шишкина, исправление сделано редакцией «Вестника». Далее в тексте «Пути» есть указание на «январь сего года», какого — не уточняется, а в тексте «Вестника» это указание раскрыто как январь 1931 года. В настоящем томе доклад публикуется по тексту журнала «Путь».

Но в том и другом случае речь идет о вечере в Большом Драматическом театре, посвященном памяти Блока, который состоялся всего один раз — 15 ноября 1926 года, в пятилетнюю годовщину со дня смерти поэта; его описание мы находим в информационной заметке в газете «Жизнь искусства», которую приводим полностью:

«Чествование памяти Александра Блока, устроенное Большим Драматическим театром совместно с Союзом писателей, имело двойное значение. Первое — посильное выявление и приближение к читающей и слушающей публике стихотворного наследия поэта, а также его театральных работ и замыслов. Второе — громадная культурная ценность этого вечера для той чуткой, умеющей по-настоящему волноваться аудитории (преимущественно учащейся молодежи), о которой мечтал Блок незадолго до революции. Откликом и вниманием данной аудитории оправдывается начинание БДТ.

Не совсем продумана была докладная часть. Блок-театрал выявлен был в ней гораздо полнее и четче Блока-поэта. Замятин, представляя собою Союз писателей (правда, спешно заменяя заболевшего Сологуба), не вышел из рамок вступительного слова, краткого и очень общего². Критик Медведев увлекся чрезмерной метафизикой, говоря главным образом о “музах” и “колдовских мирах” и устанавливая точное родство Поэта (с большой буквы) и гармонии. Новую для широкой публики область блоковского пути к театру, его поиски массового, народного зрителя, работу для этого зрителя, рожденного Революцией, и, наконец, понимание Блоком театрального действия как орудия высокого культурного влияния осветил лишь доклад Пиотровского. Об этом же сказало и обращение Блока к актерам Большого Драматического, зачитанное Монаховым; это театральное завещание поэта, которое следовало бы помнить всем, кто от высокой трагедии и комедии скатился не только в “долины психологизма”, но и в болото натуралистического быта.

Удачный набор стихов лучше осветил творчество Блока, чем доклад “О значении поэта”. За некоторыми исключениями (Софронов), радует и воспроизведение текстов и музыки. Бриан, Андреева-Дельмас, Куклин, с одной стороны, Л. Д. Басаргина-Блок, Шварц, Чернявский — с другой, слили в одну крепкую программу слышанные нами ранее в отдельности вещи. В этой части вечера пятилетняя годовщина смерти Блока была отмечена достойно, и за нее следует принести благодарность как исполнителям, так и организаторам»³.

² Текст речи Замятина опубликован: Евгений Замятин о Блоке (Речь на вечере памяти Блока в Большом Драматическом театре 15 ноября 1926 г.) Сообщение Е. Ю. Литвин // Александр Блок: Новые материалы и исследования: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 584—588.

³ *Толмачев* Д. Вечер Блока в БДТ // Жизнь искусства. 1926. № 47. С. 16. В заметке, помимо вышеназванного выступления писателя Е. И. Замятина, перечислены выступления литературоведа Павла Николаевича Медведева (1891—1942), театроведа Адриана Ивановича Пиотровского (1898—1938), основателя и ведущего актера БДТ Николая Федоровича Монахова (1875—1938), ведущего актера БДТ Василия Яковлевича Софронова (1884—1960), певицы Марии Исаковны Бриан (1886—1965), оперного солиста Николая Никаноровича Кукулина (1886—1950), будущего писателя, начинавшего свою карьеру в театре Антона Исааковича Шварца (1896—1954) и поэта Николая

Лицо, от имени которого начинается доклад, на вечере не присутствовало, и о вечере говорит со слов тех друзей, по просьбе которых и возник доклад. Здесь интересно сопоставить мнение этих друзей о вечере: они «не удовлетворились поверхностностью докладов ... и невыразительностью актерской декламации... стихов ... неудачно подобранных...» с мнением автора вышеприведенной заметки; наступала эпоха типично советских чествований Блока. Известно, что коронным номером декламации в репертуаре Л. Д. Блок была поэма «Двенадцать» — видимо, она и составляла центр «крепкой программы».

Указание на январь 1931 года в тексте «Вестника РСХД» появилось, вероятно, на основании даты публикации в журнале «Путь», и по соотнесению с этой датой тот, кто копировал текст, внес в него последующую конъектуру, исправив пятилетнюю годовщину на десятилетнюю. В остальном публикация в «Вестнике РСХД» повторяет «путейский» текст.

Мелкие расхождения между текстами двух публикаций оказываются столь незначительными, что могут быть отнесены за счет простых описок. Например, в тексте «Пути» поэма Вл. Соловьева «Три свидания» названа один раз правильно, а второй ошибочно — «Три видения». В тексте «Вестника» ошибочное название унифицируется. В тексте «Пути» содержится ссылка на включенное в состав «Добротолюбия» «Житие преп. Максима Консокальвита», в тексте «Вестника» это имя преобразуется в Консохольвата. Между тем в «Добротолюбии» речь шла о «Житии преподобного отца нашего Максима Капсокаливита».

Можно указать еще на два пропуска в тексте «Вестника», равные примерно одной машинописной строке. Что касается цитат, то в том и другом случае ошибки и неточности оказываются в большинстве случаев общими, они свидетельствуют о том, что дополнительная сверка не производилась. В цитате из о. Иоанна Кронштадтского не обозначены сокращения, неправильно (хотя и по-разному) указаны страницы, откуда взяты цитаты. В обоих текстах неправильно оформлена отсылка к воспоминаниям Сергея Соловьева. В тексте она дается так: «Письма А. Блока. Воспоминания С. Соловьева. С. 12», как бы отсылая к двум разным ис-

Андреевича Чернявского (1892—1942). Кроме этого, выступали на вечере также вдова поэта Любовь Дмитриевна Блок (1881—1939) и певица Любовь Александровна Андреева-Дельмас (1884—1969), к которой обращены некоторые стихи третьего тома блоковской лирики.

точникам. Между тем правильно было бы дать отсылку в следующем виде: Воспоминания С. Соловьева. — В кн.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 12. Эти общие ошибки и неточности только укрепляют в мысли, что текст «Вестника» есть копия текста «Пути». Кардинальным отличием двух публикаций, повторяю, оказывается вопрос об авторстве Флоренского. Он и составляет, таким образом, центр интересующей нас проблемы.

Надо отметить, что против приписывания доклада П. А. Флоренскому настойчиво возражал его внук П. В. Флоренский, выступление которого пересказывал А. Шишкин в своей статье. Главный его аргумент заключался в том, что в архиве Флоренского отсутствуют какие-либо черновики и подготовительные материалы к этому докладу, в то время как архив сохранился достаточно полно. Это серьезный аргумент, но те немногие сведения по истории возникновения доклада, которые содержатся в его тексте, позволяют ответить на вопрос, почему в архиве Флоренского отсутствуют подготовительные материалы к нему: он возник в Ленинграде и не был записан, на что указано в его тексте. Текст записи, как уже говорилось, мог принадлежать не автору, а кому-то из друзей, как и последующая обработка записей, как и пересылка в журнал «Путь».

Чисто хронологически создание доклада вписывается в биографию Флоренского: из летописи его жизни известно, что 9—11 ноября 1926 года он участвовал в московском совещании Государственного экспериментального электротехнического института (ГЭЭИ), где он в это время работал, то есть в день проведения вечера скорее всего находился в Москве, а 12 декабря — выступал с докладом в Ленинграде в Русском техническом обществе на торжественном заседании в честь П. Н. Яблочкова⁴. Создание доклада, таким образом, могло состояться в декабре 1926 года, а к январю 1927 года относится его запись и последующая обработка.

Точку зрения П. В. Флоренского разделяет В. А. Фатеев, который посвятил этой теме статью под заглавием «П. Флоренский или Ф. Андреев?»⁵. К сожалению, заглавие статьи обещает больше, чем дает, поскольку вынесенный в заглавие вопрос по суще-

⁴ Биография в датах // Возвращение забытых имен: Павел Флоренский: Каталог выставки. М., 1989. С. 23.

⁵ Фатеев В. А. П. Флоренский или Ф. Андреев? // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 1999. С. 269—287.

ству варьируется на всем ее протяжении, не приводя читателя ни к какому выводу.

Теперь упомяну имена тех, кто считает автором доклада Флоренского. Помимо цитировавшегося выше В. Евдокимова и А. Шишкина, оно не вызвало сомнения у М. Агурского, который написал рецензию на 114 номер «Вестника РХД»⁶. Не вызвало оно сомнений и у Д. Е. Максимова, который ссылался на него как на текст Флоренского⁷. Разделяет это мнение П. В. Палиевский, о чем он упомянул в статье «Розанов и Флоренский»⁸. Причем все названные авторы говорили об этом авторстве как об аксиоме.

Попыткой аргументированной атрибуции статьи «О Блоке» стала наша статья «Флоренский подлинный или мнимый»⁹, сопровождавшая публикацию текста статьи «О Блоке» и статьи Н. А. Бердяева «В защиту Блока». В ответ на нее была написана статья В. А. Фатеева, но, как свидетельствует ее содержание, статью он прочитал крайне невнимательно. Он, например, совершенно не обратил внимание на то, что в статье «Флоренский подлинный или мнимый» уже был поставлен вопрос о двойном авторстве доклада, совершенно проигнорировал все сопоставления содержательной части доклада с работами Флоренского и, наконец, не привел ни одного примера, где бы тезисы доклада совпадали с опубликованными работами или известными высказываниями о. Федора Андреева¹⁰. Именно потому, что статья В. А. Фатеева не отвечает ни на один из аргументов предлагаемой нами атрибуции, придется многие из них повторить еще раз.

⁶ Русская мысль. 1975. 26 июня. № 3057.

⁷ Максимов Д. Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 223.

⁸ Палиевский П. В. Флоренский и Розанов // Литературная учеба. 1989. № 1.

⁹ Литературная учеба. 1990. № 6. С. 93—114.

¹⁰ Мысль о том, что соавтором доклада «О Блоке» был о. Федор Андреев, пришла мне в голову еще в период подготовки статьи «Флоренский подлинный или мнимый?», но пришлось потратить несколько лет, чтобы собрать о нем какие-то сведения. Определил же меня В. А. Фатеев по существу лишь в обнаружении этой идеи, поскольку все материалы об о. Федоре Андрееве, которыми он пользовался в статье, были собраны мною же, переданы его наследникам, которые и познакомили с ними В. А. Фатеева. Указываю на этот факт лишь для того, чтобы отметить: именно изучение всего написанного о. Федором Андреевым в гораздо большей степени, чем любые аргументы, убедило меня в том, что он не может быть автором всего, что сказано в тезисах — стиль, манера мышления, все здесь иное.

Атрибуцию статьи «О Блоке» начнем с констатации, что по оформлению это совсем не типичная для Флоренского работа. Доклад написан с несвойственной ему небрежностью, и для печати явно не готовился. Крайне неоднороден он по способу изложения: в одних случаях перед нами тезисы вовсе не раскрытые (например, фраза в тезисе 2: «все в мире четко, потому что четно». Кстати, смысл этой формулы можно понять, только связав ее с размышлениями о четности и нечетности в работе Флоренского «Столп и утверждение Истины»¹¹). В других случаях, напротив, без необходимости подробно излагается работа Флоренского «Иконостас». Иногда вместо цитат в примечании к стихам даются отсылки к источникам, но не приводятся соответствующие цитаты, в других случаях цитаты не имеют ссылок, либо они не заключены в кавычки. Точно так же неоднородно поданы стихотворные иллюстрации: доклад перегружен цитатами, стихи Блока то выписываются целиком, то автор отсылает нас к их названиям.

Но при небрежности оформления доклад обладает стройностью изложения, как раз свойственной работам Флоренского. Это заставляет предположить, что перед нами тезисы к докладу, а не собственно текст доклада.

Есть все основания считать, что первоначальный текст подвергался обработке другого лица, которое кое-что вписывало в текст, либо по памяти, либо используя собственные записи, то есть — что у доклада был второй автор. Двойное авторство неоднократно обнаруживается в тексте. Начинается он от первого лица: «несколько моих знакомых (...) просили меня дать “введение в творчество поэта” хотя бы в виде примечаний к чтению его стихов». Это явно слова автора доклада. Но если считать им Флоренского, то вряд ли ему могла принадлежать следующая фраза в тезисе 12: «Значительность этого последнего кощунства уясняется раскрытием значения иконостаса в одной работе о. П. Флоренского». Другая фраза в заключительной части доклада: «Кое-что в этом примечании из статьи Н. О. Лосского “О природе сатанинской” (по Достоевскому)». Здесь явно обнаруживает себя присутствие человека, обрабатывающего чужие записи и пополняющего их в меру своего разума.

По-видимому, такого рода вставки есть и в других местах доклада, но без обращения к черновикам выделить их не представ-

¹¹ Флоренский Павел. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 419 и сл.

ляется возможным. Выскажу лишь предположение, что такие вписывания есть и в комментариях к стихам, где блоковский демонизм утрируется, а кощунственность его стихов представлена как сознательная и намеренная. Это противоречит тому, как объяснялась она в концептуальной части. Бесспорно же не принадлежащими докладчику можно назвать две вставки: изложение работы «Иконостас» и заключительный пассаж, почерпнутый из работы Н. О. Лосского.

Изложение работы Флоренского «Иконостас» в тексте доклада оказывается полезным в другом отношении: оно открывает некоторые возможности для предположений о том, кто мог быть работчиком тезисов Флоренского. Работа «Иконостас» при жизни не публиковалась, она составляла один из разделов работы «Философия культа» и сохранилась в его архиве в двух вариантах. Первый из них входит в состав лекционного курса для слушателей Московской духовной академии и имеет дату «17 июня 1921 — 8 июля 1922». Другой вариант — статья, запись которой принадлежит С. И. Огневой, впервые опубликованная в «Богословских трудах»¹². При жизни же Флоренского эта работа существовала только в нескольких машинописных копиях, и цитировать ее мог лишь человек, имевший доступ к неопубликованным работам Флоренского и, следовательно, входивший в число его близких друзей в Петрограде. Среди черновиков этой работы есть запись, что рукопись находится у о. Федора Андреева, который был учеником и наиболее близким другом Флоренского, проживавшим в Ленинграде, у которого он останавливался во время визитов туда.

О. Федору могла принадлежать и ссылка на статью Н. О. Лосского «О природе сатанинской»¹³, которая сделана как бы для себя. Можно предположить, что отсылка к есенинскому «Черному человеку» в примечании к стихотворению «Двойник» также не принадлежит автору доклада, Есенин вспоминается второй раз в заключительном абзаце, вместе с цитатой из Н. О. Лосского, и также мог быть привлечен в текст другим лицом.

Гораздо сложнее вопрос о примечаниях к стихам, поскольку они крайне неоднородны. После стихотворения «К Музе», на-

¹² Флоренский П. А. Иконостас. [Раздел работы «Философия культа», 17 июня 1921 — 8 июня 1922] // Богословские труды. Сб. 9. М., 1972. С. 83—148.

¹³ Лосский Н. О природе сатанинской (По Достоевскому) // Достоевский Ф. М.: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пг., 1922. С. 65—92.

пример, приводятся в качестве параллели патристические свидетельства о природе демонических видений (при этом указания на соответствующие страницы во всех случаях неточные). В примечании же к стихотворению «Двойник» указывается лишь на то, что оно оказало влияние на «Черного человека» Есенина.

Порядок примечаний нарушен: сначала следуют стихотворные иллюстрации к тезисам 8 и 10, затем к тезису 7. Часть стихотворных иллюстраций вообще не увязана с концептуальной частью. Поскольку в начале доклада упомянуто, что докладчика просили дать введение в творчество Блока в виде примечаний к его стихам, можно предположить, что часть доклада и состояла из таких примечаний, записанных на отдельных листках, которые затем могли пополняться.

В докладе «О Блоке» есть целый ряд темных мест — на некоторые из них указано в примечаниях к тексту. Та часть стихотворения Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...», которая цитируется в докладе, отсутствует среди эпиграфов Блока в «Стихах о Прекрасной Даме», и смысл цитации остается неясным. Считает ли автор доклада всю книгу Блока пародией на 9-ю песнь Утреннего канона, или только какое-то конкретное стихотворение? Возможно также, что цитата из Пушкина оказалась не на своем месте, и это еще раз наводит на мысль, что кто-то работал с чужими записями, внутреннюю логику которых не совсем понимал. Ответ на все эти недоумения помог бы найти черновик либо переписка вокруг публикации в журнале «Путь», которые, несмотря на все усилия, обнаружить не удастся. Главный вопрос по-прежнему заключается в том, кого следует называть автором доклада.

Как представляется, ответ на этот ключевой вопрос зависит от ответа на другой вопрос: что мы считаем главным в докладе «О Блоке»? Тот подход к искусству, который заявлен в тезисах? Ведь именно он поражает необычностью требований, которые предъявляются в данном случае к искусству. Либо главным для нас является то, как, исходя из этих требований, интерпретируются конкретные стихи Блока?

Для меня нет сомнения в том, что в данном случае важен сам заявленный здесь подход к искусству, последующий анализ носит прикладной характер. Исходя из этого и производится атрибуция доклада, поскольку в своей концептуальной части, заявленной в тезисах, он несомненно принадлежит Флоренскому и никому другому. Именно это мы и попытаемся обосновать.

Размышляя о возможных доказательствах подлинности «Слова о полку Игореве», Пушкин писал: «Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно поддаться. Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта?»¹⁴ Подобные аргументы не могут, разумеется, считаться основанием для атрибуции, но все-таки доклад заставляет задуматься над тем, кто из мыслителей XX века выдвигал подобную монистическую точку зрения на культуру, рассматривая ее с позиции христианского культа?

Основным аргументом с этой точки зрения становится факт, что только Флоренскому и никому другому могут принадлежать все исходные посылки мировоззренческого характера, составляющие теоретический фундамент доклада. Единственным русским мыслителем, работы которого, посвященные искусству, развивались в том же русле, был С. Н. Булгаков, взгляды которого изложены в его книге «Свет невечерний» (1916), они отчасти предваряют концепцию отношений культуры и культа Флоренского. Попробуем охарактеризовать лишь общие его посылки.

Исходная мысль Булгакова заключается в том, что культура, возникшая в результате обособления от культа, в процессе эволюции теряла связь с культовыми ценностями. Констатируя это, Булгаков критиковал концепцию теургического искусства Вл. Соловьева и символистов, пытающихся по существу человеческими средствами совершать то, что прежде было доступно лишь Богу. Но касаясь искусства будущего, Булгаков писал: «...искусству суждено еще загореться религиозным пламенем. На этой почве возможно и новое сближение искусства с культом, ренессанс религиозного искусства, — не стилизация, хотя и виртуозная, но лишенная творческого вдохновения и творчески бессильная, а совершенно свободное и потому до конца искреннее, молитвенно вдохновляемое творчество, каким было великое религиозное искусство былых эпох»¹⁵.

Мы не имеем возможности подробно излагать детали этой концепции, укажем лишь на единственное приложение этих идей к искусству — булгаковскую статью «Труп красоты. По поводу картин Пикассо» (1914), в которой предпринималась попытка

¹⁴ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 373.

¹⁵ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 334.

вскрыть именно религиозный смысл тех формальных экспериментов, которые он нашел в творчестве этого высоко ценимого им художника. И здесь важно для нас отметить, что позиция Булгакова формировалась в тесном взаимодействии с Флоренским, которому незадолго до создания этой статьи, 24 февраля 1914 года, Булгаков писал: «Когда будете в Москве, то мы непременно сходим с Вами в картинную галерею С. И. Щукина, где я был не очень давно и получил очень много эстетических и мистических впечатлений. Совершенно исключительное по силе и значительности впечатление произвела на меня комната *Пикассо* для Вас, как специалиста по демонологии, несомненно демоническое искусство этого большого художника должно быть особенно интересно»¹⁶.

Обнажению мистической и религиозной сущности художественных исканий Пикассо и посвящена статья Булгакова «Труп красоты». Творчество художника, по мысли Булгакова, запечатлевает умирание и разложение красоты, которой причастно искусство. Смысл творчества Пикассо он расшифровывает как некоторое логическое завершение отпадения культуры от культа: «В творчестве Пикассо выражается религиозная мука и отчаяние, все оно есть вопль ужаса пред миром, как он есть без Бога и вне Бога: пафос тоски и энтузиазм тоски, выражающийся в пафосе цинизма и кощунства, это — распад души, адская мука.⟨...⟩ Но вместе с тем он сохраняет черту высокого духа — свою нечеловеческую тоску, он не усаждается гнусностью, как мелкий бесенок из неудавшихся или же как Мефистофель, циник и блудник, — он глубоко, трагически тоскует. Его душой владеют силы тьмы, но он задыхается в этой тьме. Творчество Пикассо есть мистический атеизм художника: но, как поведал нам Достоевский, этот последний атеизм не только почтеннее светского или эстетического индифферентизма даже и крупных художников (такие имеются и в галерее С. И. Щукина), но есть предпоследняя ступень к совершенной вере, ибо сотрясаемый бесом в наибольшей степени ощущает нужду в исцелении у ног Иисусовых»¹⁷.

Именно эту работу Булгакова, обычно вызывающую слепое раздражение у искусствоведов, следует назвать по существу пер-

¹⁶ Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 84.

¹⁷ Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Журнал «Вопросы философии». Серия «Из истории отечественной философской мысли». Т. 2. М., 1993. С. 543.

вой попыткой оценить конкретное явление современного искусства с точки зрения его религиозного смысла. Здесь не следует видеть *оценку* творчества Пикассо. Булгаков признает за его искусством главное — подлинность. Его статья не ставит под сомнение искания новых живописцев, игнорируя систему их ценностей. Подобные попытки пресекались художниками ссылками на эстетический консерватизм, которого напрочь лишена статья Булгакова. Даже о вызывавшем в то время наибольшие споры кубистическом периоде Пикассо Булгаков отзывается с явным сочувствием: «Произведения этого второго (кубистического. — Е. И.) периода, с точки зрения технических, художественных и особенно красочных достижений, вероятно, имеют большое значение. Но не менее поразительна их мистическая мощь и содержание, которое настолько значительно, что быстро забывается парадоксальная, преднамеренная уродливость кубического письма, просто перестаешь его замечать, — явный знак соответствия данной формы своему содержанию и, в этом смысле, высокой художественности произведения»¹⁸.

Пикассо, с его точки зрения, действительно художник, в творчестве которого есть и мистическая глубина и собственное представление о прекрасном («это есть если не религиозная, то уж, во всяком случае, мистериальная живопись, нечто иконографическое, хотя и в совершенно особенном смысле»¹⁹).

Центральным моментом оценки становится, несомненно, оценка темы Пикассо, которую Булгаков считает наиболее важной для его картин: «Господствующая их тема есть, бесспорно, женщина, сама Женственность, художественно схватываемая и постигаемая под разными ликами. Как же видит, как ощущает художник эту Женственность? В этом ключ к уразумению его творчества, ибо Женственность, Душа мира, есть материнское лоно искусства, а вместе и его любовь. Она предстает в творчестве Пикассо в несказанном поругании, как уродливое, отяжелевшее, расползающееся и разваливающееся тело, вернее сказать, труп красоты, как богоборческий цинизм (“Женщина с пейзажем”), дьявольская злоба (“После бала”), разлагающийся астральный труп (“Дама”), с змеиною насмешкой колдуньи (“Дама с веером”). И все эти лики живут, представляя собой нечто вроде чудотворных икон демонического характера, из них струится мистическая сила; если

¹⁸ Там же. С. 530.

¹⁹ Там же. С. 528—529.

долго смотреть на них, испытываешь род мистического головокружения. Они изображены с такой художественной убедительностью и мистической подлинностью, что невозможно ни на минуту сомневаться в искренности самого певца “Прекрасной дамы”, в демоническом стиле и мистическом реализме его искусства»²⁰.

Именно потому, что искусство Пикассо вторгается в область сакрального, Булгаков и оценивает целостный смысл этих посягновений Пикассо в терминах культа, пытаясь оценить *качество* его мистики, духовную сущность красоты, которую он созерцает и отражает в своем творчестве: «Несмотря на быстрое и радикальное изменение приемов творчества Пикассо, по духовному содержанию оно совершенно однотонно и с начала и до конца проникнуто одним чувством — нарастающей тоски и ужаса бытия»²¹.

По существу эта статья Булгакова стала одним из первых примеров приложения критериев религиозно-философской эстетики, теоретические посылки которой он сформулирует позднее в книге «Свет не вечерний», к конкретному произведению искусства. Статья «О Блоке» станет следующей в этом ряду, и неудивительно, что она будет вызывать у блоковедов чувства подобные тем, которые вызывает статья «Труп красоты» у искусствоведов. И подобно тому, как суждения Булгакова о Пикассо невозможно понять вне его общей концепции искусства, оценка Блока в соответствующей статье может быть понята только в рамках общей концепции культуры Флоренского, которая формировалась на протяжении всего его творческого пути, но наиболее четко сформулирована в его работах 20-х годов. Мы попытаемся очертить самые общие ее контуры, для краткости воспользовавшись характеристиками из «Автореферата», написанного им для словаря «Гранат», где Флоренский описывает собственную концепцию в третьем лице: «Руководящая тема культурно-исторических воззрений Флоренского — отрицание культуры как единого во времени и пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры средневековой и культуры возрожденской»²². Противопоставление двух типов

²⁰ Там же. С. 530.

²¹ Там же. С. 529.

²² Флоренский П. А. Автореферат // Флоренский Павел, священник. Собр. соч. Т. 1. С. 38—39.

культур — средневековой и возрожденческой — составляло краеугольный камень его концепции культуры. «Собственное мировоззрение Флоренский считает, — продолжал он здесь же, — соответствующим по складу стилю XIV—XV вв. русского средневековья, но предвидит и желает другие построения, соответствующие более глубокому возврату к средневековью», определяющими чертами которого для него являлись «органичность, объективность, конкретность, самособранность». Напротив, определяющие черты возрожденческой (ренессансной) культуры состояли в «раздробленности, субъективности, отвлеченности и поверхностности»²³. В докладе «О Блоке» творчество поэта выступает некоторым пределом, завершением ренессансной линии в развитии культуры, обнажающим кризис ее системы ценностей.

«Всякая культура, — утверждал Флоренский, — представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т. е. служит некоторому предмету веры»²⁴. Ценность, раскрытию которой посвящена культура Ренессанса и которая была помещена в ее центр, была человеческая личность и ее интересы. По мысли Флоренского, она закончила свое существование к началу XX века, и на смену ей должна придти культура средневекового типа, для которой за основную ценность принимается истина, составляющая предмет веры.

Что же означала эта идея возврата к средневековью? Разумеется, не костры инквизиции предлагал возродить Флоренский, хотя независимо от его желания в момент написания доклада уже вышли на историческую арену люди, которые именно этим и были заняты. Для Флоренского это «новое средневековье» (термин Бердяева) означало прежде всего ритмически повторяющийся возврат к культуре определенного склада.

Забегая вперед, отметим, что марксизм, с точки зрения Флоренского, должен быть отнесен к культуре средневекового типа, поскольку он имеет некоторую истину, которая составляла для его сторонников предмет веры, и создает на ее фундаменте «целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию» этой ценности. Марксизм, взятый как тип культуры, не человеко-, а истиноцентричен. С точки зрения Флоренского, средневековым по типу может быть мировоззрение не обязатель-

²³ Там же. С. 39.

²⁴ Там же.

но религиозное — оно с таким же успехом может быть и псевдорелигиозным. В качестве предмета культа в данном случае выступает учение Маркса, основным доводом в пользу истинности которого были известные слова Ленина («...всесильно, потому что верно...» с возможностью обратного чтения в исторической перспективе: верно, потому что всесильно).

Еще одна важная исходная посылка концепции культуры Флоренского: «культура, как свидетельствуется и этимологией, есть производное от культа, т. е. упорядочение всего мира по категориям культа»²⁵. Как видим, его идеи развивались в том же русле, что и идеи Булгакова.

Эти исходные посылки важны для нас потому, что только принимая их в рассмотрение, можно правильно понять точку зрения, высказанную в докладе «О Блоке», точно так же, как статью «Труп красоты» можно правильно понять только с точки зрения общей концепции искусства С. Булгакова. Главное, в чем эти точки зрения пересекаются — Блок, как и Пикассо, рассматриваются как предельное выражение некоторых свойств культуры ренессансного типа, созданной творцами с огромной способностью непосредственного, не логического постижения мира в его метафизических глубинах. Подобно тому, как Пикассо в статье «Труп красоты» признается гениальным художником, Блок в самом начале статьи объявляется «подлинно великим русским поэтом лермонтовского масштаба и стиля», а о его творчестве говорится, что оно «представляет отстоявшуюся... ценность русской культуры».

Следующий тезис объясняет позицию, с которой рассматривается творчество Блока: это монистическое мировоззрение, построенное вокруг Истины, составляющей его центр. По мнению автора доклада, в тот момент существовало две противоборствующих системы: «мир расколот религиозным принципом: анти-тезис марксизму — только христианство (т. е. православие), религия человекобожия — религия богочеловечества».

Марксизм здесь рассматривается как антипод и главный противник религиозной системы убеждений, вопреки той интерпретации высказывания Флоренского, которую предлагал П. В. Палиевский в статье «Флоренский и Розанов», пытавшийся поставить между ними знак равенства от имени Флоренского²⁶. На самом деле единственное, в чем Флоренский видел пользу марксизма,

²⁵ Там же.

²⁶ Литературная учеба. 1989. № 1.

заключалось в том, что он ставил личность в ситуацию выбора, заставлял «додумывать» мировоззренческие вопросы до конца, требовал ответственного самоопределения между этими полюсами. В известных на сегодняшний день работах Флоренского мы не находим развернутых высказываний о марксизме; укажем на одну цитату из работы Флоренского «Записка о христианстве и культуре» (1923), где развивается мысль об альтернативности марксизма и христианства, о том, что марксизм является неким полюсом, куда должно оттесниться сознание, не желающее осмысленно воспринять основы христианства. «Современному человечеству, — писал Флоренский в этой работе, — нужна христианская культура, не бутафория, а серьезная, действительно по Христу и действительно культура. Во всяком случае, каждому требуется искренно определить себя, хочет ли он и считает ли возможным таковую. Если нет, то тогда незачем говорить о христианстве и сбивать себя и других туманными надеждами на несбыточное. Тогда прав большевизм, требующий усилий устроиться как-нибудь иначе. Тогда наивны бессильные протесты против большевистского отрицания идеалов христианской нравственности, потому что без христианской веры они суть только праздные мечтания, и как таковые, мешают жизни: “Аще Христос не воскрес, тщетна наша вера, ямы и пиемы, днесь бо умрем”»²⁷.

«Строго монистическая система» признается автором доклада единственно правомочной оценивать тот или иной феномен культуры, поскольку в основе ее оценок лежит продуманная иерархия ценностей. В работах Флоренского 20-х годов мы находим целый ряд доводов в пользу монизма. Так, один из исходных тезисов «Записки о христианстве и культуре» (закончена 4 июня 1923 года) таков: «...познание определяется тем, что утверждается нами как Истина»²⁸. В этой же работе проводится основополагающая мысль, что область культуры никак не может быть провозглашена автономной от Истины: «Все области жизни: искусство, философия, политика, экономика и т. д. — не могут быть признаваемы самодовлеющими сущностями и суть только образы, которые складываются по миру сему»²⁹. Здесь также повторяется мысль о необходимости приведения всей системы оценок в соответствии с исходной Истиной.

²⁷ Собр. соч. Т. 2. С. 551.

²⁸ Там же. С. 549.

²⁹ Там же. С. 550.

Ядро мировоззрения Флоренского составляла та Истина, утверждению которой посвящено его главное дореволюционное сочинение «Столп и утверждение Истины» (1914); тезис 3 доклада «О Блоке» говорит о том же. В «Записке о христианстве и культуре» он сформулировал свое понимание жесткого выбора, стоящего перед современной культурой: «Если в области культуры мы не со Христом, то мы неминуемо — против Христа, ибо нет и не может быть нейтралитета в отношении Бога»³⁰. Только понимая суть этой исходной позиции, можно понять, откуда берутся критерии, по которым оценивается творчество Блока в интересующем нас докладе. Но любопытно, что впервые публикуемая в томе Записная тетрадь дает нам цитату, буквально повторяющую этот тезис в записи от 15 августа 1905 «Волевое отрицание и наука»: «Мировоззрение должно вырасти так, чтобы каждый религиозный акт был либо отданием себя Христу, либо “хула на Духа Святого” (...) Все балансы будут подведены, и сведется вопрос к такому: “с Христом или Антихристом” и *tertium non datur*» (см. наст. том, с. 405).

Развиваемая в тезисе 4 мысль о культовом происхождении культуры также принадлежит Флоренскому, и она совпадает с цитированной выше формулировкой из Автореферата («всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т. е. служит некоторому предмету веры»... «Культура, как свидетельствуется и этимологией, есть производное от культа, т. е. упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура»³¹). Проблеме культового происхождения культуры посвящено важнейшее сочинение Флоренского 20-х годов «Философия культа» (1922), где, в частности, развивались мысли сходные с теми, которые заявлены в тезисе 4 доклада «О Блоке». «Культура, — писал Флоренский в работе “Философия культа”, — как показывает этимология слова *cultura* от *cultus*, ядром своим и корнем имеет культ. *Cultura* как причастие будущего времени, подобно *natura* указывает на нечто развивающееся. *Natura* — то, что рождается присно, *cultura* — что от культа присно отделяется, — как бы прорастания культа, победы его, боковые стебли его. Святыни — это первичное творчество

³⁰ Там же.

³¹ Собр. соч. Т. 1. С. 39.

человека; культурные ценности — это производное культа, как бы отсояющаяся шелуха культа, подобно сухой коже лукавичного растения»³². Высказанная в этом же тезисе мысль, что культура, отпав от Истины, утверждаемой культом, по генетическому коду запрограммированная на восстановление Истины, обречена быть пародией изначального смысла, сходна с высказанной Флоренским в «Столпе и утверждении Истины» мыслью о том, что Дьявол — ангел, отпавший от Бога и Истины и потому обреченный быть пародией на Бога, «обезьяной Бога»³³.

Содержащееся в тезисе 5 определение процесса познания как взаимодействия родовых свойств и видовых различий перекликается с работой Флоренского «Смысл идеализма», где целый раздел посвящен проблеме соотношения. «...Художественным произведением, — писал здесь Флоренский, — дается если не доказательство, то основание думать, что единица может быть единичностью не только частного (*individuelle Einzelheit*), но и единичностью общего (*spezifische Einzelheit*), по терминологии реалиста наших дней Гуссерля»³⁴.

В работе «Философия культа» Флоренский высказал мысль, что мифология, из которой позднее развилась литература, есть продукт отсложения культовых и обрядовых действий, то есть всего того, что в тезисе 5 доклада обозначено как *differentia specifica* культа: «Система понятий первоначальных есть система, сопровождающая культ, — это суть развивающиеся из самого культа мифы, так называемые эфилогические мифы, или же вспомогательные формулы и термины Богослужения. Эти мифы, формулы, термины получают далее самостоятельный рост, автономно усложняются, отделяются и отдаляются от культа, делаются светски-литературными и научно-философскими сюжетами, формулами и терминами и, в конечном выветривании собственно-религиозного обрядового действия, порождают светскую философию, светскую науку, светскую литературу. Так, например, мистериальное умирание и неземные видения посвящаемого, а также некромания посвяtitельных центров древности дают начало ми-

³² Флоренский П. А. Философия культа // Богословские труды. Сб. 1. М., 1977. С. 117.

³³ Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины... С. 168.

³⁴ Флоренский П. А. Смысл идеализма // В память столетия Императорской Московской Духовной Академии. Ч. 2. Сергиев Посад, 1915. С. 76—77. Здесь же содержатся рассуждения о родовых и видовых различиях и их взаимодействии в процессе познания (С. 102—110).

фическим сказаниям о схождениях во ад. Можно проследить, как сюжет о схождении во ад омирщается: Саул, Шитар, Одиссей, Эней, Христос в апокрифах, “Пир” у Платона, святой Косма Шумен, Святой Патрикий, просветитель Ирландии, Данте, Людвиг Энний, святой Перельос, Бранден или Брендан сказаний средневековья и он же — в драме Кальдерона “Чистилище святого Патрика”, Фауст, с его путешествием к Матерям и так далее — вот ступени отдаления этого мифа от культа, включительно байроновского Манфреда (говоря мифа — это не исключает той или другой историчности иных из этих сказаний)»³⁵. Сакральная теория происхождения культуры развивалась и в ряде других работ Флоренского.

Что касается тезиса 5 о неполноценности имманентной системы ценностей, об обязательности для оценки культуры выхода за ее пределы к ценностям общезначимым, то есть к Истине, близкую этому тезису мысль находим в «Философии культа», где сказано: «Как в плоскости культуры отличить церковь от кабака или американскую машинку для выламывания замков от проповеди “не укради” — тоже достояния культуры (<...>). Для расценки ценностей нужно выйти за пределы культуры и найти критерии, трансцендентные ей. Оставаясь же в ней, мы вынуждены принимать ее всю целиком, всю, как она есть...»³⁶ Логическим выводом из этой мысли и будет то, что заявлено в пятом тезисе статьи «О Блоке»: выразить в терминах культа означает одновременно и оценить явление, так как при этом происходит сличение с первоначальным эталоном, в основе которого лежит Истина.

Остановимся на мысли о подлинности выраженного в творчестве Блока мистического опыта. Этот ход рассуждений заставляет вспомнить ранние работы Флоренского, такие как «Спиритизм как антихристианство», где сравнивались два произведения — Северная симфония (1-я, героическая) Андрея Белого, написанная в ранний, теургический период его творчества, и «поэма в VII главах» «Лествица» А. Л. Мировпольского, друга Брюсова, увлекавшегося спиритизмом. При оценке и сравнении этих произведений исходная мысль Флоренского заключалась в том, что оба они связаны с некой объективно существующей мистической реальностью, что заставляло рассматривать оба произведения как показания очевидцев. «“Лествица”, — писал Флоренский о поэме

³⁵ Флоренский П. А. Философия культа... С. 117.

³⁶ Там же.

Миропольского, — не есть произведение *литературное* в обычном смысле этого слова; каждая буква в этой удивительной поэме кричит, что она не продукт свободного творчества, а документальное описание ряда видений, проносащихся тяжелым сном. Скажу даже больше: можно предположить, что это *не есть* сочинение Миропольского, а простая запись “под диктовку” духов»³⁷. И анализируя религиозный смысл этих спиритических видений, Флоренский делает вывод: «эта “лествица”... представляет грандиозную концепцию позитивизма, несомненно *анти-христианскую*: в представлении Миропольского она приобретает высокий художественный интерес, как конкретное изображение метафизических и религиозных идей»³⁸. И более решительно в общем выводе: «“Лествицу” Миропольского можно назвать поэмою анти-христианского позитивизма»³⁹. Соответственно анализируя мистический опыт, выраженный в симфонии Белого, Флоренский писал: «... поэму А. Белого законно назвать “*поэмою мистического христианства*”. Опять-таки это название я даю вовсе не в зависимости от содержания поэмы: я знаю, что некоторые даже восстанут против нее, считая ее нехристианской, и это ничего не будет доказывать. Основное настроение А. Белого является существенно христианским, но только это настроение символизируется в конкретные образы сказок и мифологии»⁴⁰.

Близкий подход к оценке литературного произведения содержался еще в одной ранней работе Флоренского «Антоний романа и Антоний предания» (1905, опубликована в 1907)⁴¹, где роман Флобера «Искушение святого Антония» сравнивается с житием святого Антония и выявляется неправда это грандиозной попытки психологизации образа святого Антония в духе Ренана. По существу той же методологией «сличения» пользуется Флоренский и в докладе «О Блоке», но здесь предметом сравнения становится отражение тем православия в творчестве Блока и их прямого религиозного смысла.

Отношение к мистическому опыту как к проявлению способности человека познавать мир иной, мир тонко материальной реальности, являлось ключевым для многих работ Флоренского.

³⁷ Собр. соч. Т. 1. С. 131.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Там же. С. 143.

⁴⁰ Там же. С. 145.

⁴¹ Богословский вестник. 1907. Т. 1. № 1.

В предисловии к работе А. В. Ельчанинова «Мистицизм М. М. Сперанского» Флоренский писал: «..Для всякого, сколько-нибудь из опыта знакомого с мистическими переживаниями хотя бы средних степеней, делается интуитивно-очевидной *необходимость* такого сходства, и тогда обнаруживается, что основные контуры мистических концепций — не “построения” или “умствования”, а простые *описания* переживаемого, простые высказывания данных мистического или “умного” опыта,— *умозрения*, как непосредственное зрение “*умом*”»⁴². Оценка мистического опыта Блока, отражение которого Флоренский видит во многих его стихах, в свете православных дефиниций составляет содержание доклада «О Блоке».

Мысль о причастности символа символизируемой реальности почти дословно совпадает с тем, что писал Флоренский в работе «Иконостас»: «...обычное понимание символа как чего-то самодовлеющего, хотя и частично, истинного, коренным образом ложно, потому что символ или больше этого, или меньше. Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели — от высшей реальности, им являемой; если же он реальности не являет, то, значит — цели не достигает, и, следовательно, в нем вообще нельзя усматривать целесообразной организации, формы, и, значит, как лишенный таковой, он не есть символ, не есть орудие духа, а лишь чувственный материал»⁴³.

Таким образом, все ключевые суждения методологического характера, на которых построен доклад «О Блоке», так или иначе уходят в статьи и работы Флоренского. Даже если предположить, что кто-то среди ревностных его последователей и учеников, досконально знакомый с его идеями, мог восстановить его концепцию искусства с подобной точностью, *он не мог излагать ее от своего имени* — настолько эта концепция искусства неотделима от мировоззрения о. Павла. Здесь косвенная речь была бы неизбежна, и эта часть доклада никому, кроме о. Павла, принадлежать не могла.

Теперь перейдем к оценке поэзии Блока, которая составляет камень преткновения. Именно кажущаяся жесткость этой оценки по отношению к всеобщему любимцу Блоку и составляет главную причину всех споров. Первым, кто восстал против нее, был Н. Бердяев, в статье «В защиту Блока», опубликованной вслед за

⁴² Флоренский П. А. Предисловие [к статье А. В. Ельчанинова «Мистицизм М. М. Сперанского»] // Собр. соч. Т. 1. С. 688.

⁴³ Флоренский П. А. Собр. соч. Т. 2. С. 444.

докладом Петроградского священника в том же номере журнала «Путь». Хотя этот ответ не дает оснований судить о том, подозревал ли Бердяев, с кем именно он ведет спор, тем интереснее сам этот спор. В 1923 году Бердяев опубликовал работу «Новое средневековье», где он критиковал постренессансную культуру и главным ее пороком объявлял «утерю единого центра», «автономию всех сфер культурной и общественной жизни», «секуляризацию общества»⁴⁴. Обращаясь к искусству будущего, Бердяев предрекал: «Познание, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религиозными, но свободно и изнутри, а не принудительно и извне. <...> Бог должен вновь стать центром всей нашей жизни, нашей мысли, нашего чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованием»⁴⁵. По нашему глубокому убеждению, в книге «Новое средневековье» Бердяев удивительным образом «подхватил» кое-что из идей Булгакова и Флоренского и, не расчувствовав иноприродности этих идей собственным, горячо и страстно (и бессистемно) изложил их от собственного имени. Поэтому он, по собственному признанию, от этой книги быстро отошел⁴⁶.

Бердяев рассматривает высказывания Петроградского священника о Блоке вне исходных тезисов, с которых начинается доклад. По этой причине его ответ не является ответом по существу: спорить в данном случае можно только с целостной системой убеждений, стоящей за высказанными здесь суждениями. Поверхностность заступничества Бердяева заставила его прибегать к почти адвокатским приемам: начинать с утверждения, что «в статье есть большая религиозная правда», а заканчивать выводом: «вместе с тем в суде над Блоком есть большая несправедливость и беспощадность»⁴⁷.

Поэтому столь важно для темы нашей статьи вернуться к концепции «нового средневековья» Флоренского, которая начала складываться в середине 900-х годов, а окончательно оформилась

⁴⁴ *Бердяев Николай*. Новое средневековье. Берлин. 1923. С. 13.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ «В 23 г., в Берлине, я написал доклад “Новое средневековье”, которому суждено было иметь большой успех <...> Я не любил, когда многие иностранцы рассматривали меня, главным образом, как автора “Нового средневековья”. Я написал книги более значительные и для меня, и по существу, но менее доступные для широкого чтения» (Самопознание. Париж, 1949. С. 274).

⁴⁷ Цитируется по публикации в журнале «Литературная учеба».

в 20-е гг. По мысли Флоренского, развитие европейской культуры совершается скачкообразно, как чередование двух антиномичных типов культур — Возрождения и Средневековья. О себе Флоренский писал в «Воспоминаниях»: «Я был взращен и рос как вполне человек нового времени — так Флоренский называл Возрождение — и потому ощутил себя пределом и концом нового времени и потому первым — наступающего средневековья»⁴⁸.

Для возрожденческой культуры основополагающее значение имела личность, эта культура служила прежде всего максимальному выявлению точки зрения на мир индивидуума. Эта культура субъективна в своей основе и опирается на подвижную систему ценностей, так как каждая личность является носителем собственной ценностной иерархии. Напротив, культура средневекового типа основывается на неподвижной иерархии ценностей, ядро которых составляет ценность абсолютная — Бог. По отношению к этому ядру личность и ее точка зрения на мир, так же как и ее интересы, занимают подчиненное положение.

Начало XX века Флоренский считал временем кризиса культуры возрожденческого типа, вступившей в последний, декадентский фазис своего развития, когда субъективная точка зрения на мир в искусстве декаданса почти полностью объективный мир затмевала, растворяя в своем восприятии. Исчерпанность возрожденческой культуры заставляла Флоренского надеяться, что новое искусство, ростки которого он видел в младосимволизме, а точнее, в раннем творчестве Андрея Белого, будет принадлежать к средневековому типу культуры. Суждения на этот счет мы находим в их переписке и в стихах Флоренского, написанных под влиянием Белого, публикуемых в настоящем томе.

Начиная с эпохи Возрождения, история культуры была для Флоренского постепенным отпадением от культа и выветривания в процессе эволюции культовых ценностей. Культура же средневекового типа, напротив, выявляла эти ценности. Флоренский надеялся, что грядущая культура будет способствовать возрождению культовых ценностей православия (об этом его работа «Записка о христианстве и культуре»), сообщая христианству действенность и духовную активность. Культура нового времени, писал он в работе «Философия культа», должна «покаяться и признать себя немощной без культа, идущего ей на смену»⁴⁹, культура

⁴⁸ Детям моим. С. 218.

⁴⁹ Флоренский П. А. Философия культа. С. 119.

должна вернуться на путь Богоделания, Феургии, являвшейся во все времена «древнейшей точкой опоры всех деятельностей жизни; она была материнским лоном всех наук и искусств»⁵⁰.

Флоренский считал, что возрожденческая культура утратила бытие к началу XX века, и ее конец был закономерным следствием плюралистичности утверждавшихся ценностей, в отсутствии монизма и цельности, ибо она «обратилась от Реальности и Смысла — к реальностям и смыслам <...> Все стало подобным истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче — все стало светским. Так произошла западно-европейская гуманитарная цивилизация — гниение, распад и почти уже смерть человеческой культуры»⁵¹. Именно плюралистичность основополагающих ценностей обрекла этот тип культуры на разложение и смерть.

Спасительным для культуры, с точки зрения Флоренского, и было возвращение на путь, которым шло искусство средневекового типа, опиравшееся на монистические и трансцендентные культуре ценности культа, применительно к русской культуре — на православие. Совокупность этих взглядов и определяла особенности подхода Флоренского к Блоку, в котором он видел прежде всего полное и законченное выражение культуры возрожденческого типа.

Важно обратить внимание на утверждение в тезисах: «любой вне-православный подход должен считаться недостаточным», где особенное значение имеет слово «недостаточный», указывающее на глубинный смысл, который пытается обнажить в творчестве Блока Флоренский.

Общеизвестным является утверждение Пушкина, что поэта следует судить по законам, им самим над собой признаваемым. С этих позиций подход к поэзии Блока Флоренского мог бы показаться неправомерным: Блок в своем творчестве не ставил перед собой задачу сколько-нибудь полно и точно выразить культовые ценности или противопоставить себя тем или иным канонам и догматам. Более того, вряд ли он вообще подозревал, что сюжеты его стихов столь кощунственны. Продемонстрировать это помогают воспоминания о беседах с Блоком. Например, по поводу стихотворения «Благовещение», которое в докладе «О Блоке» названо прямым побегом от «Гаврилиады» Пушкина, Н. Павлович передавала такую беседу с поэтом: «Разговор перешел на “Итальянские стихи” Александра Александровича, и я сказала, что

⁵⁰ Там же. С. 105.

⁵¹ Там же.

больше всего люблю “Успение” и “Благовещение”. “А что, ‘Благовещение’, по-вашему, высокое стихотворение или нет?” “Высокое”, — ответила я. “А на самом деле нет. Оно раньше, в первом варианте, было хорошим, бытовым таким...” — с жалостью в голосе сказал он»⁵². Подобное бытовое снижение евангельского сюжета Блоку не казалось кощунственным.

Между тем это блоковское стихотворение в один ряд с «Гаврилиадой» Пушкина ставил не только Флоренский. «...В некоторых из итальянских стихов, — вспоминал Сергей Соловьев, — меня неприятно поразили мотивы “Гаврилиады”. Когда я сказал об этом Блоку, он мрачно ответил: “Так и надо. Если бы я не написал ‘Незнакомку’ и ‘Балаганчик’, не было бы написано и ‘Куликово поле’”»⁵³. «Снижение» неких «высоких» тем осознавалось Блоком как обязательная для него антитеза для подъема и пафоса «Куликова поля». Точно так же и религиозная, культовая тематика не осознавалась им как автономная область сакрального, требующего особого пиетета.

Но следует отметить, что в теоретической части доклада «О Блоке» он указывает на то, что не рассматривает поэта как сознательного проповедника кощунственных ценностей, как «литератора модного», творца кощунственных слов. Пророческий характер блоковского творчества, основанный на мистическом восприятии мира, делал Блока в глазах Флоренского идеальным выразителем свойств всей той культуры, плотью от плоти которой он является.

Но исследуя природу мистического опыта Блока, отвечая на вопрос, с какой именно мистической реальностью связано его творчество, Флоренский приходил к выводу, что эта мистика укоренена в глубинах сатанинских. Блок для него — не умышленный творец кощунственных слов, он укреплен в этих глубинах всем складом питающей его культуры. Мистическая одаренность Блока облегчает выявление сущности его духовного опыта и той реальности, к которой этот опыт причастен.

По существу в докладе исследуется не столько творчество Блока, сколько мистическая реальность, которая стоит за ним — ее-то и пытается «разъяснить» докладчик в терминах культа.

Блок для автора доклада — лишь звено в общей цепи культуры; рядом с ним неоднократно называются и Пушкин, и Лермон-

⁵² Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2, М., 1980. С. 398.

⁵³ Там же. Т. 1. С. 126.

тов, и Вл. Соловьев. Например, когда в докладе речь идет об истоках темы Прекрасной Дамы в лирике Блока, предшественниками оказываются и стихотворение Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный», и «Три свидания» Вл. Соловьева, восходящие к общему культовому источнику. В другом месте в качестве параллели упоминаются стихи Лермонтова. Изменчивость воплощений блоковской Прекрасной Дамы сравнивается с верой в возможность воплощения Богородицы в любую из женщин хлыстов.

Все это делает из Блока лишь идеального выразителя родовых свойств всей стоящей за его плечами культуры, для которой Богородица и Христос стали такими же героями, как любой другой реально живший или созданный воображением писателя персонаж, страдания Христа поэт может отождествлять с собственными. Сохраняя «по генетическому коду» привязанность к культовым сюжетам, культура сакральные ценности кощунственно искажает, профанирует. В докладе речь идет только о тех стихах Блока, где есть вторжение в культовую тематику; тему доклада следует обозначить так: христианские ценности и их судьба в современной культуре на примере творчества Блока.

Хотелось бы обратить внимание, что вопрос о христианстве лично Блока в докладе вообще не ставится. У личности, как писал Флоренский в одном из писем к А. Белому, другие пути оправдания. Поэтому стихи Блока для автора доклада не «плохое христианство» или «неправильное понимание тех или иных догматов». Самое, может быть, важное для него в том и состоит, что культура, воспитавшая Блока, полностью потеряла чувство сакрального, представление о том, что существуют некие ценности, о которых нельзя отзываться без должного благоговения и пиетета.

Поэтому важным здесь оказывается не Блок, взятый сам по себе, а Блок как представитель современной культуры. И «жесткой» является оценка не Блока, а всей культуры, породившей его, поскольку обнаруживается ее антагонизм с ценностями культа.

В работах Флоренского 20-х годов содержался не только суд над современной культурой — в ней намечена программа спасения для культуры, которую он видел в ее воцерковлении, в возвращении к культовым истокам, и призывал к духовной активизации христианство, о чем писал в «Записке о христианстве и культуре»: «...Христианам необходимо прежде всего водрузить стяг христианства как призыв к самопознанию христианского мира и к построению христианской культуры, да соберется около

этого знамени стадо Христово»⁵⁴ — и в этой же статье: «Современному человечеству нужна христианская культура, не бутафория, а серьезная, действительно по Христу и действительно культура»⁵⁵.

Исходя из этих убеждений, Флоренский так сформулировал задачу новой культуры: «Мы должны понять формы религиозной жизни именно как проявление жизни, дешифровать эти иероглифы соборного разума Вселенской Церкви и усвоить их как выражение разума Христова. Тогда нам станет ясно, что они начертаны в назидание нам Единым Законодателем, что они не могут быть отменяемы произвольно и одновременно не следует уничтожения всех других писмен»⁵⁶.

Только исходя из того, в чем видел задачу всей современной культуры Флоренский, можно понять, почему свое суждение о Блоке он не снабжает никакими оговорками о праве поэта на субъективность и т. п. И очевидным заблуждением было бы видеть в такой точке зрения на Блока суд над ним как над христианином, как над человеком, рожденным в недрах христианской культуры и так или иначе ответственным перед ней, соотносящим свои поступки и действия с ее ценностями.

В «Записке о христианстве и культуре» Флоренский подчеркивал разницу, существующую между судом над произведением культуры, которое, выйдя из лона создателя, обрело самостоятельное бытие, и судом над его создателем. «...Ни отдельному верующему, ни отдельному исповеданию,— писал Флоренский,— вовсе нет надобности называть чужое заблуждение истиной и кривить своей совестью. Пока есть чистосердечная установка на Христа, можно надеяться, что это заблуждение временно и рассеется в свое время. Часто такое заблуждение имеет почвой некоторую недовыясненность существенных истин в сознании тех, кто не разделяет этого заблуждения, и в этом смысле ведет к разъяснению истины. Вместо оборонительной апологетики все исповедания нуждаются в положительном раскрытии и разъяснении смысла своих упований...»⁵⁷. То есть виновной оказывается не только культура, но и современное состояние христианства, занятое «оборонительной апологетикой», «недовыясненность его

⁵⁴ Флоренский П. А. Записка о христианстве и культуре // Собр. соч. Т. 2. С. 557.

⁵⁵ Там же. С. 551.

⁵⁶ Там же. С. 556.

⁵⁷ Там же.

упований», утративших связь с другими, не конфессиональными сторонами жизни современного человека.

Теперь вернемся к вопросу, давшему заглавие всей статье — вопросу об авторстве.

Возвращаясь к нему, остается повторить что, что в свое время уже высказывалось в статье «Флоренский подлинный или мнимый?»: все исходные теоретические посылки доклада совпадают с тем, что писал именно Флоренский и никто другой в 20-е годы. Никто, кроме него, не мог высказывать эти мысли от своего имени, и потому автором исходных тезисов доклада, составляющих главную содержательную часть, был он. Но при всей бесспорности принадлежности доклада именно Флоренскому, не вызывает сомнения и другое — текст, которым мы располагаем сегодня, является или неавторской записью, или черновыми набросками, подвергшимися обработке со стороны другого лица. Поэтому на данном этапе нашего знакомства с историей этого текста он может претендовать только на помещение в раздел «Дубиа». Вставки соавтора невозможно отделить без опоры на черновик, как невозможно удалить из доклада тексты блоковских стихов, включенные в него без всяких комментариев.

Еще один вопрос, остающийся открытым — как мог попасть текст доклада «О Блоке» за границу и увидеть свет на страницах издающегося за рубежом журнала «Путь». Возможность передачи текста самим Флоренским маловероятна — он был противником публикации за рубежом всего того, что по каким-либо причинам не могло увидеть свет в России, о чем писал в известном письме к М. Л. Цитрону от 18 марта 1929 года⁵⁸. На данном этапе изучения вопроса можно предположить, что доклад был передан за рубеж лицом, получившим его в свое распоряжение из архива о. Федора Андреева после его смерти и ареста его жены и не подозревавшим об авторстве доклада. Именно поэтому появилось указание на умершего петроградского священника. Но пока по этому поводу можно строить только догадки, местонахождение архива журнала «Путь» неизвестно, но он может рано или поздно обнаружиться. Пока вопрос об авторстве Флоренского может быть решен в виде предложенной П. В. Палиевским формулы — «по составу мысли», но будем надеяться, что рано или поздно откроется возможность подтвердить его с помощью фактов.

⁵⁸ Полный текст письма опубликован Палиевским в цитированной выше статье «Флоренский и Розанов».

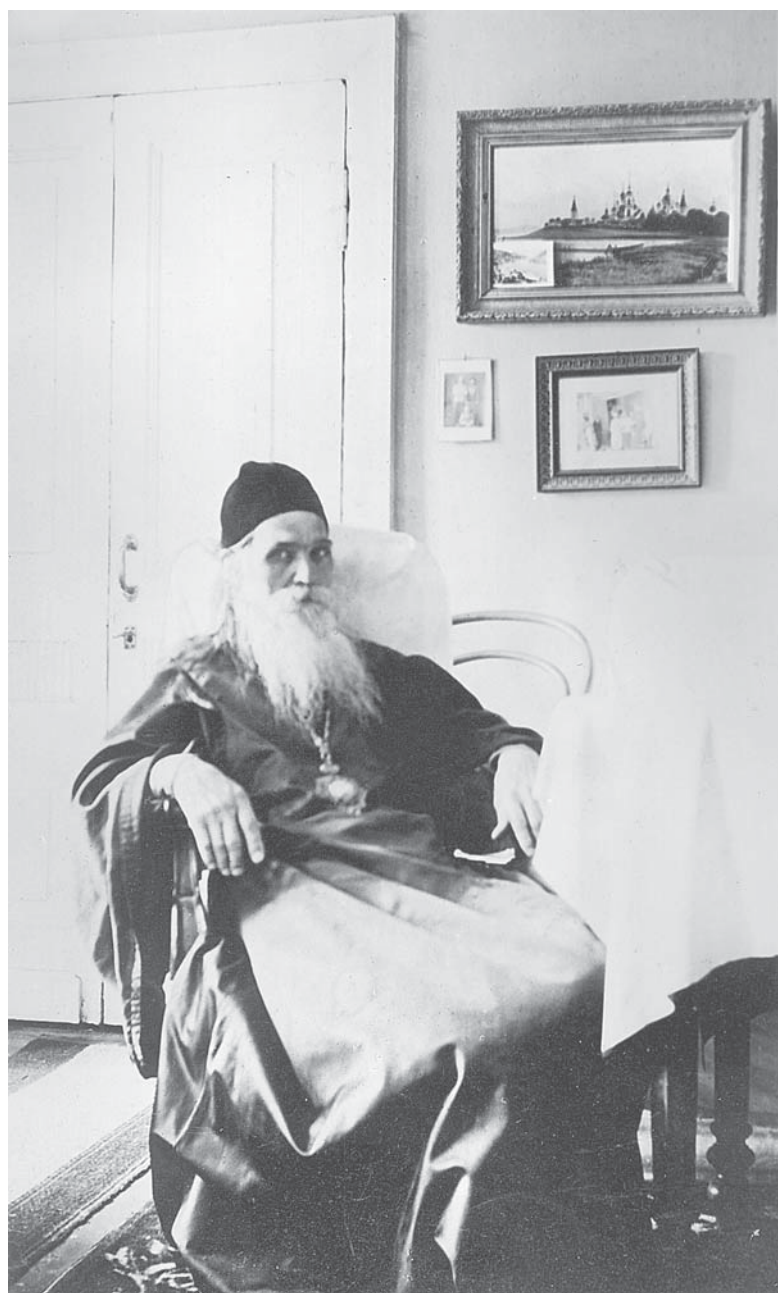

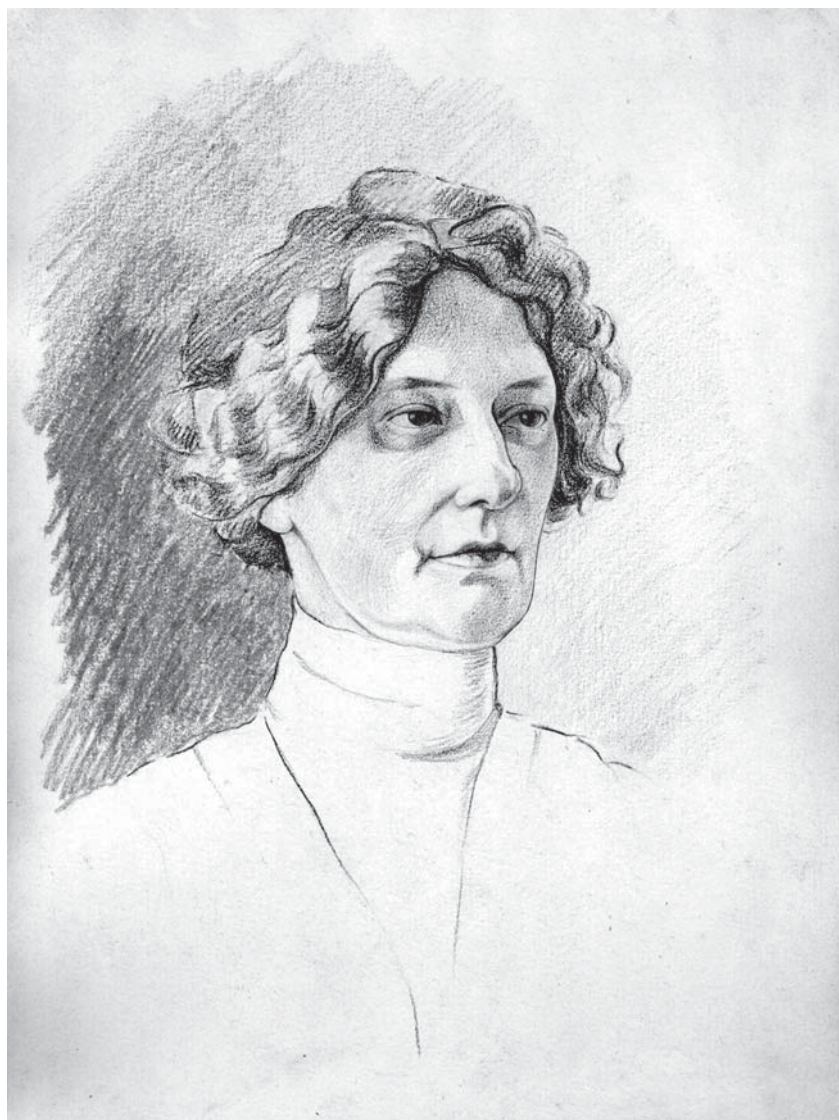

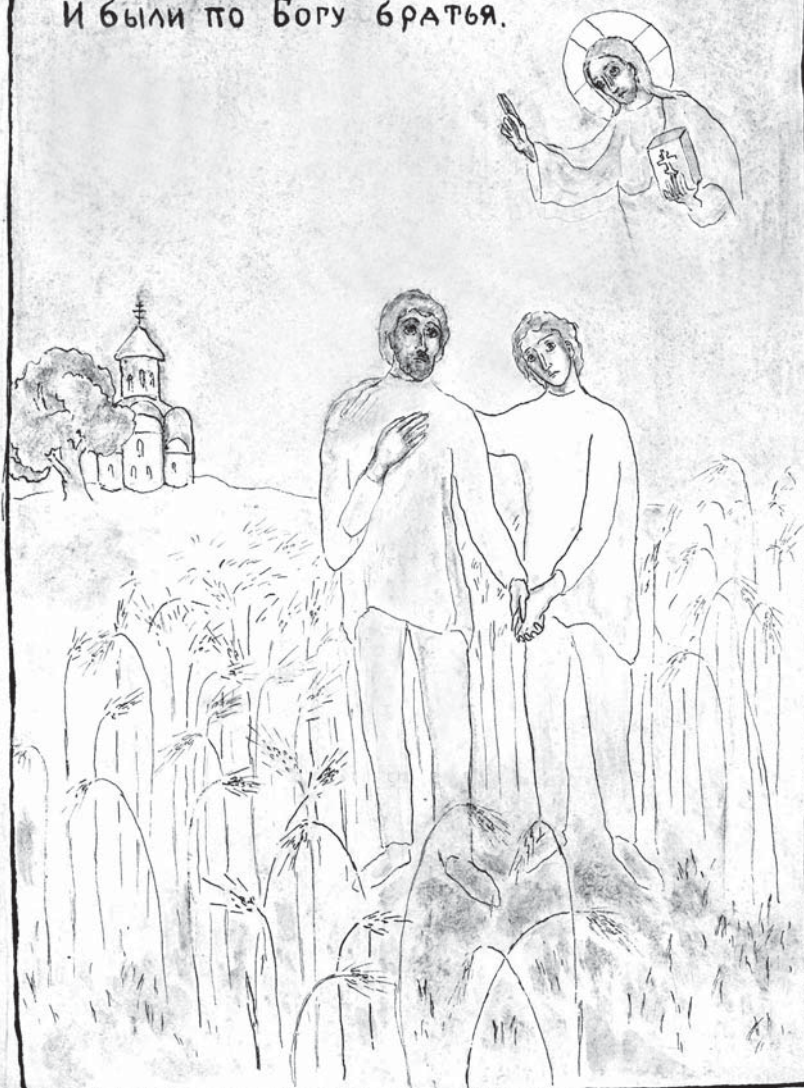

Скелетъ Дзюхатаза Саттура, найденъ на
при раскопкахъ на Сергеевскій мостъ.
Лтв.

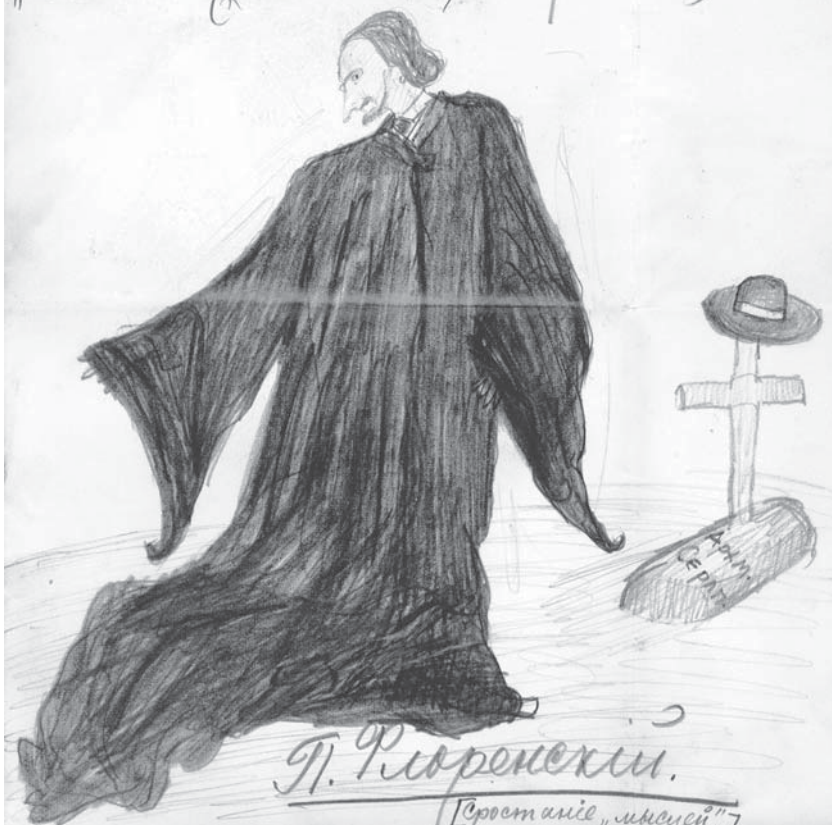
19³⁰/_V 13

В церкви спаса они братовались
И были по Богу братья.

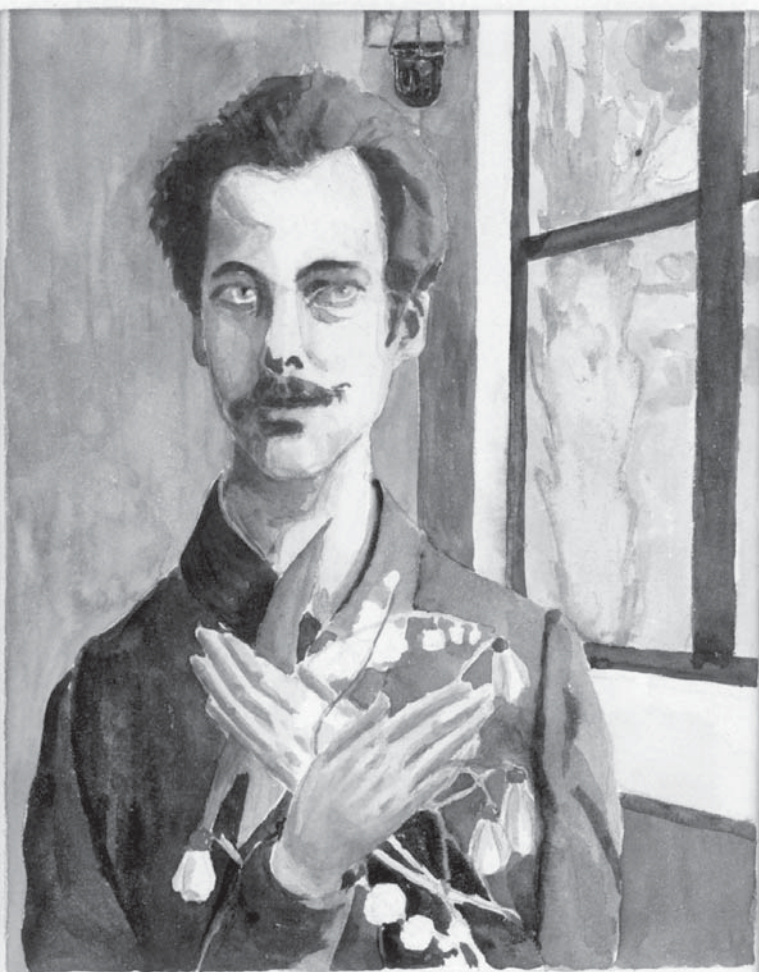

"Я чувствую и не знаю: где тут кан-
целяция серотиновская и находится
"миле"? (Столица, стр. 226.)

17, х.

„БѢЛЫЕ КЪ СЕРДЦУ ЦВѢТЫ Я
ВНОВЬ ПРИЖИМАЮ НЕВОЛЬНО.“

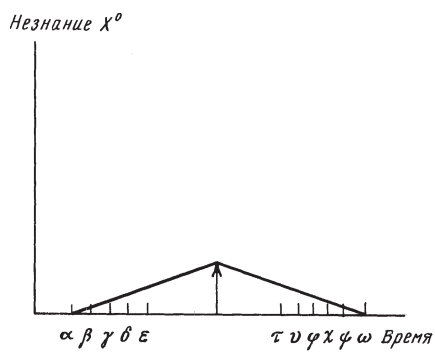
(А. БѢЛЫЙ — „ЗНАЮ“).

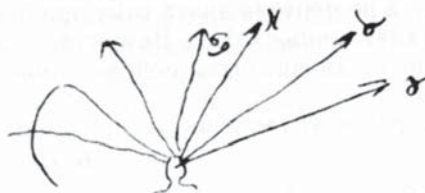
Dmitry

Philosoph

16-19. VII. 1913.
Васильевка.

Кроме того: тригонометрия:

Ному розвитку надійшли брахматика

Врацати в новий

ети опрацювати.

2) пропускання сумми:

3) завершення переробки сумми/розробки сумми:

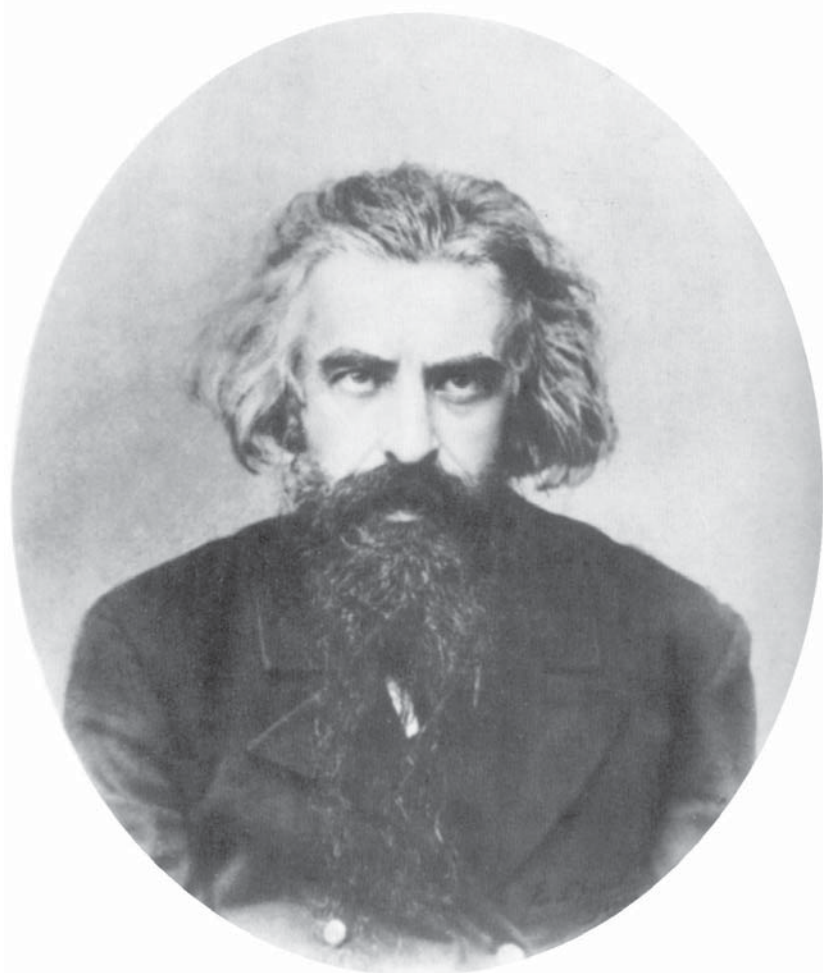

"Будем верить и अब्बे Маттео и считаем его: почему живущие в столице более достойны, чем бедные пастыри, быть брани славы более, нежели самим сего? अब्ба субраманьям: а я и много, кто не любит меня, но могу еще любить тех, кто сего сего." Достигая интересного и удивительного опыта, я в настоящее время, по, с. 4. 1971 68 अब्बे Маттео. p. 255.

Memorandum II.

Занятия - намерены

[72 - 116]

N. Propensio

„Курсъ
Гривадма

[Москва, Сергиев Посад, Тугримов, Молдавский,
Оптимизация]

Москва

1904

Минералното съдържание, дъждът, положително на слънцето, въпреки това
често повтаря се сурово.

Изюм не только Афан, он известен прежде всего Кабл. Мандишман, п. 11.

Ян. 126. $\overline{\text{OT}}^{\text{S}}$ "мыслишь, дурачина", см. вониз $\overline{\text{OT}}^{\text{S}}$ $\overline{\text{OT}}^{\text{S}}$; и по персид.

$\Delta U = \text{Одент, "гипс", как гипнотическая, ман. и гипнотическом отношении: N}$

впервые введённые (посещённые) течения, и $\frac{0758}{11} = \text{"вздохнуть душою"}$

Дифференциал и слово V^{178} , тему напите есть палатальный источник и под-
се и слово V^{178} 178 178 178, и с. "подушайми, подушайтесь." Русское слово

... Емме $\hat{y} = \text{Меню} \rightarrow \text{мута (с посылкой)} \hat{y} = \text{мгиз (полоски)} \text{зна-}$

«милостиво владетель» (Менделеев также составил ур. Менделеев)

и $\delta \chi^2 = \delta \mu^2$, и т. = $\delta \mu^2 (\delta \mu^2)^2$), — но $\frac{1}{\sqrt{2}}$ соотносится с $\delta \mu^2$

поэтому: "милый" и "карабка" имеют ^Тсхожее значение и VTS.

как душа и гуд, т.е. и востраженному, что прекрасно выразилось

в русском "Жа" - корень "Men"sch: также находится в русских словах

"матрицы", "матрицы" соответствующих измерений. Матрица, матрица.

Но каковы ни твои, а упрямейшая ^{упрямизна} ~~настойчивость~~ видно, что все

міграція поступово концентрувалося в великих, і менших

крупнейшего "левизма", проливающегося через все политические, до чего

Вина, а безубыток 90% алова, ируемавиемоя жена Халво, м.с. 11/10/98

Учен "им. Савенко", как "академ. Савенко" "Холод", можно думать, нечего

иное, как "словен" или "словацки" = Славенит.

קרָשָׁה קרָשָׁה דיי פֿעם תִּירַט ו-מִלִּזְוֹא
 צִצְוֹה תוֹנֵא, ו-יִסְרָאֵל צִי-תִבְנִי-א
 ו-מִצְאֵה אֲתֵינָא תְּבִי: יִסְתִּיבֹו
 צִיבִיבִי תְּבִי פֿתִּחַת שְׁתוֹת פֿירד
 תְּבִינָא אֲדָבִים סִמְדִי אֲצִנָא גִלְדִּסֵּט
 מִנִּי: יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל
 ו-יִסְרָאֵל אֲסִתְּבִינָא וְתִיבִי פֿתִּחַת
 קוֹנֵדָא מִי וְפֿעִינָא וְמִסְרָה ס-תִּירֵב
 תִּירֵב ו-פֿעִינָא חֲרִיסִתִּירֵב: יִסְרָאֵל
 וְדִחַב-יִסְרָאֵל פֿעִינָא וְיִסְרָאֵל יִסְרָאֵל

תְּבִינָא דְּמִי-יִסְרָאֵל קִשְׁדִּי מִי: יִסְרָאֵל
 קִשְׁדִּי תִשְׁדִּי דְּמִי-א-תִּירֵב: אֲסִתְּבִינָא ו-יִסְרָאֵל
 גִּימִי דִּישְׁדִּי סִיגִינָא וְיִסְרָאֵל יִסְרָאֵל
 פֿירד-חֲרִיסִתִּירֵב תְּבִינָא לִי: צִיבִיבִי שְׁתִּי-י
 בִּישְׁתִּי דִּישְׁדִּי תְּבִינָא שְׁתִּי-י בִּישְׁתִּי
 תִּירֵב יִסְרָאֵל פֿירד תְּבִינָא יִסְרָאֵל
 יִסְרָאֵל תִּירֵב יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל
 שְׁמִירֵב פֿירד-תְּבִינָא יִסְרָאֵל
 פֿעִינָא וְיִסְרָאֵל יִסְרָאֵל תִּירֵב יִסְרָאֵל
 וְיִסְרָאֵל תִּירֵב יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל יִסְרָאֵל
 וְיִסְרָאֵל תִּירֵב: וְיִסְרָאֵל יִסְרָאֵל

19805

יב יִצְחָק בִּזְיוֹת יִצְחָק וְיִצְחָק יִצְחָק
 יִצְחָק יִצְחָק חֹתֵם יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 חֹתֵם יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 בִּזְיוֹת יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 בִּזְיוֹת יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 חֹתֵם יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק יִצְחָק
 יִצְחָק

"Душа Тонасана приоткрылась и дышит со (Dabida), и
 невольно со Тонасан, как слово дышу... Тонасан говорит
 о Dabidam-слова, что невольно со, как слово дышу. Кетан
 Тонасан берет слово оденду слово, и купил баша на нем,
 и оденду а Dabidy, так же и купил оденду слов, и
 мерз слов и куп слов и нос слов." (I кн. Парали, XVIII, 3, 4)

"Так же и дыша слова, я оденду сз слов (Dabida) и Тонасан (Dabid, XX, 4) и

"и невольно дыша на нем", но не оденду дыша на нем;

и слово дыша на нем и слово дыша на нем; и

и слово дыша на нем, но дыша на нем." (кн. XX, 8)

"и дыша Тонасан дыша Dabidy слово дыша на нем;

и слово дыша, как слово дышу. (IX, 2)

"Dabid на нем дыша на нем, и дыша на нем; и
 дыша на нем дыша на нем, и дыша на нем, но Dabid дыша
 дыша." (XX, 11)

Манахимо 1905, VII, 19
 (Mansana da
 o Dabidam
 da Mansana
 Dabidam Tonaan)

Formis, I 14. (no nebelody Vronskaw upam.)

"и exagaw taw: da dypmaw chromia na uwerdu karekora,
da ampanis dwe om nom, u da dypmaw om dwe manenit,
u brenaw, u dwe, u dwe, u dwe;..."

וְיִתְּמָר אֶשְׁהִים יְהִי מְאֹרֶת בִּרְךְ יֵצ הַשָּׁמַיִם

לְהַבְדִּיל בֵּין הַיָּם לַבַּיִת הַיָּם וְהִי הַ
לְעֵלְיוֹת (א) הַשָּׁמַיִם הַיָּם וְהַיָּם וְהַיָּם

Образцы букв кириллицы латин (1699г.)

О Г Ж З Р Д Ё Е К Ц О
 ѡ ѣ С З Ф Д Ѕ В Н Р Г А Т
 5
 Т Б М Б Ч Я Х Я
 Ш Ѱ

Примеч.: Под новым званием *Византизм* современное искусство,
представленное *Гос. Муз. Бюро* званием *Византизм*,
составленное из *мифологическ. Героев: Геракл... в Ах. архе*
из мифолог.
(Буддистская *Оптика* *искусств*, *Онд. 5, 1888* *главн. текст*).

